

ФЕНОМЕН ВОСТОЧНОГО ДЕСПОТИЗМА

структура
управления
и власти

Российская академия наук
Институт востоковедения

ФЕНОМЕН ВОСТОЧНОГО ДЕСПОТИЗМА

структура
управления
и власти

Москва
«НАУКА»
Издательская фирма «Восточная литература»
1993

ББК 63.3(0)
Ф42

Ответственный редактор
Н. А. ИВАНОВ

Ф42 **Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти.**— М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.— 392 с.
ISBN 5-02-017682-6

Что такое восточный деспотизм? Почему жители восточных империй воспринимались на Западе как бесправные подданные, как рабы? В чем суть этого явления, которое как социальный феномен выступает антиподом гражданского общества, как политический — свободного, или правового, государства. Отвечая на эти вопросы, одни из авторов монографии анализируют проблему в теоретическом плане, вплоть до сопоставления с марксистским социализмом, другие предлагают конкретно-исторические разработки, позволяющие уяснить суть проблемы.

Ф 0503010000-040 4-93
013(02)-93

ББК 63.3(0)

ISBN 5-02-017682-6

© Издательская фирма
«Восточная литература»
ВО «Наука», 1993

ВВЕДЕНИЕ

Проблема восточного деспотизма как особого социально-политического феномена отнюдь не нова. Она давно привлекает внимание историков. Ее изучение имеет немалую традицию, особенно в европейской литературе. И в самом деле, круг проблем, связанных с анализом государства — этого едва ли не самого важного из политических институтов в истории человечества, не мог не включать проблему восточного деспотизма. Она неизбежно возникала, как только ставился вопрос: какие бывают государства? Как они создаются? Что такое государство, каковы его сущность, структура и функции, наконец, какие его формы наиболее предпочтительны? Эти и связанные с ними вопросы интересовали людей и в древности, и в годы средневековья, и в новое и новейшее время. И, как это ни странно, единодушного ответа на них никогда не было и нет, хотя отличия восточной государственности от западной отмечались во все времена.

В чем же принципиальные отличия восточного деспотизма, который со времен Геродота и Аристотеля противопоставлялся свободному государству? Почему жители восточных империй воспринимались на Западе как бесправные подданные, как рабы? Для читателей, воспитанных в духе истматовских догматов, может показаться парадоксом, что греки (а из наших учебников всякому известно, что древняя Греция — классический образец рабовладельческой формации, тогда как про персидскую империю Ахеменидов этого уже не говорят или говорят с оговорками) воспринимали себя как носителей свободы, а персов как носителей рабства. И ведь были правы! Рабами по духу, по социопсихологическим установкам были именно персы, привычно расстилавшиеся ниц не только перед своим повелителем, но и перед его властью имущими приближенными, от которых зависела жизнь и смерть каждого из нижестоящих, тогда как греки были в этом отношении совсем другими. Свободными гражданами с достоинством и готовностью умереть прежде всего за свою свободу. Самостоятельными лицами, хозяевами, которые, по словам Ксенофонта, пришли бы в отчаяние, если бы на них кто-то посмотрел как на людей, зависящих от чиновника.

Феномен античной свободы (при всем том, что античная

Греция была хорошо знакома и с рабством, хотя справедливости ради надо заметить, что не за счет рабского труда она процветала и вообще существовала, как это иногда вытекает из примитивных догм истмата) и тесно связанных с ней институтов — демократическое самоуправление, безусловный приоритет прав и привилегий гражданина, защищенного созданными для его процветания частноправовыми нормами и выступающего в качестве независимого хозяина на свободном рынке конкурирующих друг с другом производителей, связанные со всем этим высокое чувство гражданского самосознания и достоинства, политическая активность и свободное самовыражение — все это восходит своими корнями как к специфике исторического бытия, так и к особенностям социального процесса в странах Запада.

Сам термин «деспотизм» происходит от древнегреческого «деспотес» — хозяин, глава дома, тот, кто руководил общим семейным хозяйством, распределял обязанности и указывал рабам, кому, что и когда следует делать. Отсюда хозяйскую власть над рабами Аристотель определял как «власть деспотическую»¹, а основанные на ней отношения — как деспотизм. Как образ правления он совпадал, по Аристотелю, с тиранией, т. е. с неограниченной властью одного лица, навязанной подданным вопреки их воле. Деспотизм, по его мнению, не является чисто восточным явлением. Он мог возникать и в странах эллинского мира, если происходило охлократическое перерождение общества, когда регулярные формы свободного государства (монархия, аристократия, демократия) оказывались не в состоянии решать кризисные ситуации. Однако свободные люди никогда не соглашались добровольно подчиняться деспотической власти, как это происходило на Востоке. Народности же Азии, по словам Аристотеля, несмотря на развитый интеллект, ум и художественный вкус, не ценили свободу, не имели мужества противостоять деспоту и поэтому жили в подчиненном и рабском состоянии².

На протяжении всей древности античные авторы, от Аристотеля до Цицерона, вполне четко и осознанно противопоставляли свои свободные институты деспотической власти восточных правителей. Аналогичное положение сохранялось в период средневековья. Латинская церковь, сеньоры и города упорно отстаивали свои «старинные вольности» и «привилегии». Несмотря на материальное превосходство Востока, поражавшего воображение державным могуществом, они упорно противопоставляли себя раболепствующим церквам и подданным византийских и сарацинских царей. Само понятие «деспотизм», по крайней мере с XIV в., прочно отождествлялось с государствами Востока.

В эпоху Возрождения западные ученые и путешественники, по словам К. Виттфогеля, «сделали интеллектуальное открытие, сравнимое с великими географическими открытиями того же времени»³. Выявив на Востоке совокупность институцион-

ных элементов, которых не было в Европе ни в античности, ни в средние века, они разработали концепцию восточнодеспотического государства. В социальном и политическом плане оно являлось альтернативой свободному государству Запада. «Все княжества,— писал Н. Макиавелли (1469—1527),— управляются двояко: или одним князем, и тогда все остальные только рабы, которые помогают ему управлять государством как слуги, единственно по его милости и поручению, или князем и баронами, получающими это достоинство не по милости господина, а по древности рода»⁴. Примером первого образа правления он считал царство турецкого султана, которое было, по его мнению, подобно державе Дария, примером второго — государство короля Франции. Подданные турецкого султана — рабы, короля Франции — свободные.

Концепция Н. Макиавелли была воспринята и получила дальнейшее развитие в трудах Ф. Гвиччардини (1483—1540), Ж. Бодена (1530—1596) и других политических мыслителей XVI—XVII вв. Характерными признаками восточного деспотизма они считали политический произвол, поголовное рабство и отсутствие частной собственности. Свобода, по их мнению, могла существовать лишь при наличии частной собственности, прежде всего на землю, и невмешательстве государства в хозяйственную деятельность людей. Отнимите землю у частных лиц, писал, например, Ф. Бернье (1620—1688), и сразу же получите «тиранию, рабство, несправедливость, мошенничество, варварство»⁵.

Наиболее полное развитие эти взгляды получили у Ш. Монтескье (1689—1755) и других мыслителей эпохи Просвещения. В своем капитальном труде «О духе законов» (1748) он рассматривал восточный деспотизм как глобальную альтернативу свободному обществу, в частности тому, которое существовало у европейских народов в древности, в средние века и новое время. Как и Н. Макиавелли, он считал деспотическое государство царством рабов, страха и произвола, где нет места твердым законам и где все основано на слепом повиновении одному лицу. Принципы свободного государства, по словам Ш. Монтескье, лучше всего воплощались в монархии, ограниченной представительством сословий, на худой конец — в республике. В обоих случаях должно существовать разделение властей, действующих на основании твердо установленных и неизменных законов, «охранявших самые драгоценные права свободного народа»⁶. Эти права были у него как в античности, так и в средние века. В наиболее зрелом виде они, по мнению Ш. Монтескье, существовали у древних германцев и получили дальнейшее развитие в так называемом готическом правительстве. К началу XVIII в. эта форма правления, как утверждает Ш. Монтескье, уцелела только в Англии, которая с присущим ей консерватизмом сохранила у себя старинные порядки средневековой Европы.

Идеи Н. Макиавелли — Ш. Монтескье об альтернативности двух типов общества и государства легли в основу всего последующего развития европейской либеральной мысли. В России они нашли наиболее полное выражение в трудах Б. Н. Чичерина (1828—1904) — выдающегося политического мыслителя, отстаивавшего принципы гражданской и политической свободы, противостоявшие у него обществу всеобщего огосударствления.

В XVIII в. по мере утверждения мировой гегемонии Европы широкое распространение получили представления об отсталости Востока. Существовавшие там порядки очень многими стали восприниматься не как альтернативная модель социально-политического устройства, а как какое-то отставшее общество, застывшее на предшествующей стадии развития. В наиболее четкой форме эти представления отразились в историко-философской концепции Г. Гегеля (1770—1831), который по сравнению с эпохой Просвещения сделал большой шаг назад. По существу, он вернулся к политико-философским взглядам Аристотеля, рассматривавшего деспотизм как форму правления, присущую прежде всего неразвитым «варварским» народам. Восток у Г. Гегеля, едва сделав первый шаг, выключился из мировой истории. Он навсегда остался в младенческом возрасте. В своей «Философии истории» (1822) Г. Гегель рассматривает восточный деспотизм не как альтернативу, а как первоначальную ступень человеческой цивилизации, как «первую форму, которую мы видим во всемирной истории»⁷. Эта форма вырастает у него непосредственно из семьи и несет отпечаток «детского возраста». В отличие от предшественников Г. Гегель явно склонялся к тому, чтобы видеть в подданных восточного деспота не рабов, а всего лишь «несовершеннолетних сынов» государства, проявлявшего о них «отеческую заботливость»⁸.

Взгляды Г. Гегеля оказали серьезное влияние на политическую мысль XIX в., в том числе на разработку историко-философской концепции классиков марксизма-ленинизма. К. Маркс и Ф. Энгельс, по существу, целиком восприняли историческую схему Г. Гегеля, лишь заменив развитие «мирового духа» на столь же телеологическое развитие производительных сил, прежде всего орудий и средств производства. Любопытно, правда, что вопреки своей материальной природе эти орудия и средства неожиданно приобрели у них все качества гегелевского «абсолютного разума», в том числе способность к саморазвитию. Как и Г. Гегель, основоположники марксизма воспринимали восточное общество не более как архаичную структуру, как некую первоначальную формацию, предшествовавшую античному способу производства. Как и у Г. Гегеля, она выпала у них из всемирно-исторического процесса, навсегда оставшись в первоначальной данности. В форме внеисторического «азиатского способа производства» она оказалась на обочине марксистского понимания истории, точнее, за его пределами. В сво-

ем «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (1884) Ф. Энгельс не нашел ему места и, перечисляя последовательные стадии в истории человечества — от первобытного стада до буржуазно-капиталистического общества, — просто пропустил «азиатский способ производства».

Сам термин «восточный деспотизм» в произведениях классиков марксизма-ленинизма предстает либо как синоним «азиатского способа производства», либо как простой эпитет. По существу, он оказался за пределами их политико-философских изысканий, во всяком случае не входил в круг их непосредственных интересов. Из тех замечаний, которые вскользь были сделаны К. Марксом, историки-марксисты неоднократно пытались реконструировать его представления о деспотизме. Однако общепризнанной концепции не получилось. Даже знаменитая фраза об отсутствии частной собственности на землю как «ключе к восточному небу» не внесла достаточной ясности. Тем не менее можно считать, что под азиатскими, или восточнодеспотическими, структурами классики марксизма-ленинизма понимали всевластие всеильного государственного аппарата, «поголовное рабство» бесправных подданных и централизованное извлечение избыточного продукта при помощи ренты-налога, как в прошлом веке воспринимался феномен централизованной редиистрибуции, ныне хорошо изученный экономической антропологией.

Что касается «восточного деспотизма» как формы государственной власти, то он просто не существовал для классиков марксизма-ленинизма. Они начисто отказались от либерально-гуманистических традиций в стиле Макиавелли—Монтескье и пошли в фарватере антиренессансных писателей XVI — начала XVII в., в частности Т. Мора и других социальных утопистов, которые не делали никаких различий между «свободным» и «деспотическим» государством и даже симпатизировали, как, например, Ф. Альбергати, Л. Агостини или Т. Кампанелла, «царству турецкого султана». Критикуя Ш. Монтескье за то, что он проводил различие между монархией, деспотией и тиранией, К. Маркс писал буквально следующее: «Но все это — обозначения одного и того же понятия, в лучшем случае они указывают на различия в нравах при одном и том же принципе»⁹. Да и как могло быть иначе. Ведь говоря о государстве как институте классового господства, возникающем в обществе, разделенном на враждующие классы по признаку владения или невладения частной собственностью, и рассматривая его как инструмент насилия в руках господствующего класса, К. Маркс имел в виду прежде всего реалии античной и постантичной Европы, к тому же сформулированные в достаточно утрированном виде. Государство европейского типа, даже под властью абсолютного монарха или тирана, никогда не было и не могло быть деспотией по той простой причине, что оно было политической «надстройкой», если придерживаться этого термина, над

«базисными» отношениями, структура которых зиждилась на частнособственнических связях свободных индивидов — субъектов частной собственности и агентов неконтролируемого властями рынка. И хотя эта формула грешит крайней степенью редукционизма и никак не отражает исторических реалий (в своей совокупности они были весьма далеки от того, чтобы европейское государство можно было назвать уничтожительным термином «надстройкой», подразумевающим нечто вторичное и зависимое, вроде функции в математике), понять ее, признать ее правомочность все же можно. Но лишь применительно к Европе. Иное дело неевропейский мир и привычное концентрированное его воплощение — Восток.

Вследствие этого феномен восточного деспотизма оказался белым пятном в истории марксистской мысли и породил немало недоумений. Еще соратники К. Маркса по Интернационалу, отмечая сходство экономического базиса при восточном деспотизме и грядущем социализме, просили его уточнить свою позицию по этому вопросу. Однако К. Маркс уклонился от дискуссии. В таком же положении оказался В. И. Ленин. Выступая на IV съезде РСДРП (1906 г.) за отмену частной собственности на землю, он выдержал бурные атаки сторонников демократического социализма. В частности, Г. В. Плеханов заявил, что национализация земли неизбежно приведет к установлению «экономического порядка, лежавшего в основе всех великих восточных деспотий»¹⁰. В связи с этим он предостерег против повторения в России опытов Ван Ган-че (Ван Ань-ши), который в 1069 г. при сунском императоре Шэнь-цзуне (1068—1085) произвел обобществление земли и ввел централизованную систему распределения сельскохозяйственных продуктов, производившихся по указаниям чиновников. Г. В. Плеханов охарактеризовал программу большевиков как «китайщину», как крайне «опасную», «антиреволюционную» и «реакционную» меру, которая «повернула бы назад колесо русской истории»¹¹. Решительно отклонив эти «вымышленные ужасы насчет национализации»¹², В. И. Ленин тем не менее обошел молчанием прямые аналогии с практикой восточного деспотизма. А И. В. Сталин в 1931 г. вообще снял с обсуждения эту проблему. Как и Ф. Энгельс, он просто вычеркнул восточное деспотическое общество из списка формаций, и в «Кратком курсе истории ВКП(б)» нет даже и намека на самую возможность постановки подобного вопроса, хотя бы в форме вопроса об азиатском способе производства. Несогласные были репрессированы. Атмосферу тех лет неплохо передает цитата из предисловия А. Пронина к русскому переводу книги упоминавшегося уже Ф. Бернье. «Необходимо указать,— писал А. Пронин,— что подлые последние контрреволюционного троцкизма, зинovieвщины отсутствующие в значительной части Индии частной собственности на землю в период, предшествовавший британскому завоеванию, пытались использовать для „обоснования“ гнилой и в корне ложной „тео-

рии“ азиатского способа производства, направленной к подрыву ленинско-сталинского учения о колониальной экономике»¹³.

Так что же такое восточный деспотизм? Был он или нет? Мы не случайно ставим этот вопрос. Дело в том, что в отечественной историографии до сих пор имеет хождение тезис, согласно которому восточного деспотизма как такового вообще не было, что это своего рода миф, выдумка досужих теоретиков. Но так ли это? Справедлив ли такой тезис? Настолько ли неразумны были те, кто на протяжении веков видел принципиальную разницу между структурами европейских и неевропейских (восточных в первую очередь) обществ и отразил эту разницу в весьма емком термине «деспотизм»? Разберемся в этих вопросах.

Начнем с того, что сущность восточного деспотизма как исторического феномена не сводится и не может быть сведена — как это подчас пытаются сделать — к произволу высшего носителя власти, какого-либо восточного деспота или тирана типа турецкого султана, персидского шаха или иного великого императора, царя царей. Конечно, при свойственной Востоку иерархической администрации, тесно переплетенной с привычным для него поголовным рабством, в свою очередь обусловленным абсолютной и практически бесконтрольной властью любого начальника над всеми подчиненными, роль произвола огромна. Много, очень много зависит в этой командно-административной структуре от личности и характера носителя власти. И потому неудивительно, что в представлении некоторых специалистов, когда они встречаются с ограничивающими эту власть институтами обычного права, возникает мысль, что коль скоро так, то произвола уже нет, а коль скоро нет произвола, то нет и места восточному деспотизму как феномену. На деле же все обстоит намного серьезнее.

Высшая сущность деспотизма не в личности, творящей произвол, и не в произволе личности как таковом. Она в самой системе, порождающей не только возможности, но и естественное для нее существование творящего произвол носителя власти. Бесконтрольность администрации, управляющей всем обществом, включая и подконтрольную власти экономику, — вот в чем сила, основа основ деспотизма как социально-политического феномена. Конечно, для реализации такой абсолютной власти лучше всего подходит большая империя с разветвленной и тем естественно усиливающей свою структуру бюрократической иерархией, какой отличались, например, древний Египет или Китай. Однако стоит заметить, что сильная государственность лишь укрепляет структуру, но не является обязательным условием ее существования.

Из сказанного явствует, что речь должна идти не о тиране-деспоте с ярко выраженной склонностью к насилию в стиле Цинь Ших-уанди или Тамерлана, не о произволе носителя верховной власти как личности, но именно о системе. О деспотизме

как явлении, как структуре организации власти, общества и государства.

Так что же такое восточный деспотизм, если попытаться наполнить этот термин современным научным содержанием? Обычно его определяют как ничем не ограниченную бесконтрольную власть, не стесненную никакими формальными правилами или законами и опирающуюся непосредственно на силу. Необходимым условием существования такой власти является господство государственной и общественной собственности, прежде всего на землю, и зависимое положение индивида, при котором отношение человека к человеку определяется не им самим, а стоящей над ним властью. Антиподом деспотизма как социального феномена является гражданское общество, как политического — свободное, или правовое, государство. В свободном государстве и в деспотии могут быть сходные формы государственного устройства — либо республика (например, Венеция и дейский Алжир), либо правление одного лица (Англия и Китай). В последнем случае диаметральной противоположностью деспотии классическая политология всегда считала монархию как единственную форму власти, основанную на соблюдении не только законов, но и (в отличие от республики) всех без исключения прав и прерогатив, принадлежащих как отдельным лицам, так и различным корпорациям и сословиям.

Одним из характерных признаков восточного деспотизма является абсолютное преобладание государства над обществом. Государство предстает здесь как самодовлеющая сила, стоящая над человеком. Формируя общественные идеалы, вкусы и отношения, оно выступает как тотальное, или «универсальное», государство (А. Тойнби), призванное регулировать все многообразие человеческих отношений — будь то в семье, обществе или самом государстве. Здесь не было четкого размежевания между религиозно-идеологическими постулатами и требованиями жизни, между духовной и светской властью. Не было и не могло быть независимого суда, ибо, как отмечал еще А. Тойнби, религия, право и управление находились здесь в одних руках¹⁴.

Не менее характерным признаком восточного деспотизма является отсутствие гражданского общества. Повсюду, где оно возникает, оно составляет сферу личной деятельности человека, представляя собой, по определению Б. Н. Чичерина, «совокупность частных отношений между лицами, управляемых гражданским или частным правом»¹⁵. Гражданское общество основывается на индивидуализме и не может существовать без признания личных прав и свобод человека, прежде всего свободы личности, понимаемой как право самостоятельно располагать собой, своей деятельностью и ее результатами. Свобода неотделима от права частной собственности, от неприкосновенности личности и имущества и предполагает договорный характер принятых обязательств.

Несовместимость свободы и деспотизма предопределила особый облик деспотического общества. Оно имело сервильный характер и занимало по отношению к государству подчиненное положение. Как таковое оно было не в состоянии ни противостоять государственной власти, ни уравнивать ее. Более того, если свободное государство в значительной мере являлось продуктом общества, то деспотическое зачастую само выступало как его творец. В свободном государстве власть воспринималась как дело рук граждан, которые создавали и упорядочивали ее в своих интересах, в деспотии, наоборот, власть сама в собственных интересах упорядочивала и регулировала жизнь подданных.

Основанием, *raison d'être*, деспотического режима, как правило, была реализация целей, поставленных при его создании. Еще Ш. Монтескье подчеркивал, что в деспотических государствах регулирующую роль вместо основных законов играет религия¹⁶, совокупность идеологических и морально-нравственных принципов, призванных упорядочить жизнь общества. Не случайно, что почти все восточные деспотии были по суги теократическими, идеологизированными государствами. Власть имущие выступали в них одновременно как правители, жрецы и наставники. Говоря о Китае, великий русский философ В. С. Соловьев отмечал, что все чиновники там по самой должности являлись народными учителями и проповедниками. «Всякий начальник,— писал Соловьев,— высший и низший есть *eo ipso* и религиозный глава народа в пределах своей юрисдикции»¹⁷.

Вследствие этого в деспотиях Востока этика и мораль практически не отделялись от государственного закона. Здесь не существовало различия между областью веры и областью дела. Религиозный идеал в одинаковой мере диктовал нормы личной, общественной и государственной жизни, отражая сознание некоего высшего надчеловеческого порядка, которому должны были следовать все люди без исключения. Деспотизм без каких-либо различий подчинял сознание и волю людей одной-единственной идее — идее религиозно-государственной «правды», той, которая открывала путь к всеобщему счастью.

Этот религиозно-нравственный идеал лежал в основе всех восточных деспотий. «Прежде чем собирать народы,— поучал Чингис-хан,— надо душой овладеть у них»¹⁸. Надо дать им образ такого общества и такой власти, говорил он, при которой и простому человеку «живется хорошо и сытно»¹⁹. Только ради такой идеи десятки и сотни тысяч людей бывают готовы поступиться естественными побуждениями своей души, жертвовать ими и идти за вождем — отцом и учителем народа, его духовным руководителем. В этом заключается еще одно отличие восточного деспота от монарха. Власть азиатского тирана почти всегда освящалась не только свыше, но и снизу. Деспот воплощал самые сокровенные чаяния подданных, их жадную

мечту о сытой и беззаботной жизни. Эта вечная и неистребимая утопия не только двигала историю, но и поддерживала власть великих завоевателей и тиранов.

Деспотизм стремился изменить природу человека, «рационализировать» общественные отношения и воспитать «новых людей» — носителей религиозно-нравственных ценностей и идеалов, во имя которых создавалось каждое данное деспотическое государство. Каждое из них рисовало картину всеобщего счастья. Но как, спрашивал Б. Н. Чичерин, определить условия, обеспечивающие его? Ведь счастье, говорил он, — это не только потребности физического существования. Это ценности, придающие жизни ее настоящий смысл. Это честь, любовь, деловая активность, религия, искусство, знание. Ясно, говорил он, что судьей собственного счастья может быть только отдельный человек²⁰. Власть же, какой бы она ни была, не могла и не может сделать всех людей счастливыми. Если она все же пыталась, исходя из своих религиозно-нравственных критериев, установить, что такое счастье, а тем более навязывать его, то она тут же вставала на путь произвола.

Еще Конфуций любил говорить, что народ не в состоянии понять правильный путь, но его следует заставить идти правильным путем. Из этого проистекает важный признак восточного деспотизма — политика принуждения, а то и террора. Ш. Монтескье подчеркивал, что народы Азии управляются палкой, которая всегда должна была быть прочной и постоянно находиться в руках правителя. С ее помощью поддерживалась атмосфера страха, или террора, выражаясь более современным языком, т. е. организованного и систематического насилия. Его основной задачей было не наказание преступника, а нагнетание страха перед властью. Мандарины и паши, даже простые обыватели и чиновники должны были постоянно ощущать занесенный над ними меч восточного деспотизма. «Страх, — писал Ш. Монтескье, — единственное движущее начало этого образа правления»²¹. И если правитель хотя бы на миг опускал карающий меч, все шло прахом. Режим начинал немедленно распадаться.

Неотъемлемым элементом организованного террора является разветвленная система доносов и шпионажа. Ее довольно ярко охарактеризовал на примере Османской империи XVI в. крупный советский тюрколог В. А. Гордлевский (1876—1956). «То и дело, — писал он, — из городов и деревень приходили в Стамбул доносчики и показывали на соседей, односельчан, хозяев и т. д.»²². Крестьянин оговорил соседа, слуга донес на своего шейха и получил часть имущества, жена оклеветала мужа. Хозяева кофеен, как правило, состояли на жалованье у тайных дел мастеров. Теоретически султанские указы запрещали аресты без достаточных оснований, ибо это, как прокламировалось, было «противно священному шариату». Но едва дело приобретало политический характер, как все церемонии отбра-

сывались. Под пыткой или угрозами вымучивались признания, пускались в ход шантаж, угрозы и т. д.

Во всех деспотиях Востока страх перед верховной властью, как это ни странно на первый взгляд, сочетался с безграничной верой в ее носителей. Эта парадоксальная, казалось бы, ситуация вполне логично объясняется феноменом «любящего страха», изученным в основных чертах известным русским мыслителем и публицистом К. Н. Леонтьевым (1831—1891). Подданные, отмечал он, трепещут и веруют одновременно. Они возлагают на носителя верховной власти, будь он самым кровавым и безжалостным тираном, надежду на восстановление поправленной справедливости. Тиран в их глазах предстает как грозный защитник народа, карающий зло и произвол, царящие на всех ступенях продажной администрации. Вследствие этого любовь и страх переплетались в некое неразрывное единство. Оно было органично и весьма характерно для любого деспотического общества. Оно-то и создавало ту внутренне непротиворечивую систему восточного деспотизма, которая была абсолютно несовместима со свободой личности и ее правами.

Эта несовместимость вытекала прежде всего из общественного характера собственности, в первую очередь на землю и другие природные ресурсы. Человек, согласно религиозно-нравственным учениям, лежавшим в основе всех восточных деспотий, не мог присваивать себе часть земли, ибо, как утверждалось, земля, вода, воздух и другие ресурсы были дарованы всему человечеству. При этом они совершенно не принимали во внимание ни труд, ни отвагу, ни интеллект, вложенные в открытие и освоение ресурсов, ни даже элементарную необходимость их сохранения и улучшения. Исходя лишь из распределительно-потребительских императивов, они отрицали самую возможность индивидуального присвоения земли и других ресурсов. Вследствие этого ни одно деспотическое государство никогда не признавало за частными лицами право собственности на землю. При всех обстоятельствах оно сохраняло его за собой, хотя бы в форме верховной собственности, практически не отделявшейся от государственного суверенитета. Правитель был «хозяином» всего, что находилось в его власти,— «деспотом» в прямом смысле этого слова. За частными лицами признавались лишь владельческие права, в некоторых случаях — права на мелкую собственность, в основном на жилье и хозяйство, а также на движимое имущество. Но и в этих случаях имущественные права частных лиц не имели четких правовых гарантий и в любой момент могли быть изменены или узурпированы верховной властью.

Наконец, в условиях восточного деспотизма ни одно частное лицо не имело хозяйственной свободы. При деспотизме самой характерной чертой экономической структуры был административно-бюрократический контроль над всем народным хозяйством с централизованной редиистрибуцией в качестве ге-

нерального инструмента этого контроля. Частнохозяйственное начало в этой структуре было подчинено все тому же строгому каждодневному государственному контролю, и потому — вне зависимости от объема и степени развития владельческих прав — оно являлось лишь вторичным, производным и несамостоятельным элементом господствующей структуры. Отсюда явствует, что частный хозяин на Востоке, даже очень богатый и весьма предприимчивый, не чета своему европейскому аналогу, имевшему дело со свободным рынком. Дело не только в инициативе частных лиц как таковых; дело и в самом рынке, на котором они действовали. В отличие от европейского свободного рынка, на котором со времен античности частные лица, защищенные правами и свободами, вступали в открытую конкурентную борьбу, восточный рынок — при всем том, что он был чем-то вроде необходимой для общества кровеносной системы, — всегда был не только ограниченным в возможностях, контролируемым властями, но и как бы оскопленным, лишенным внутренних потенций, способных породить новое, свободно рыночное качество. Неудивительно поэтому, что развитие торговли и товарно-денежных отношений не порождало здесь ничего, кроме коррупции и разложения.

В социальном плане структурной основой восточного деспотизма была уравнительность, полное отсутствие или крайне незначительная роль сословных различий, горизонтальных связей вообще. Представления о классическом Востоке как о некоем сословно-классовом обществе неосновательны. Здесь не было классов, во всяком случае в марксистском смысле этого слова. Да и сам К. Маркс, знакомясь с реалиями восточных структур, начиная с классической «азиатской» общины, был вынужден констатировать, что социально-политическая организация на Востоке не имеет ничего общего с той классово-антагонистической системой отношений, которую он стремился вычленить на примере Европы. Показательно, что, анализируя или описывая мимоходом те либо иные реалии Востока, К. Маркс ни разу не употребил для их характеристики столь привычный для его лексикона термин «класс». Очевидно, что на Востоке для него не было классов, хотя неомарксисты и тем более оппоненты марксизма легко вычленяют в этой структуре классы, по крайней мере два: управляющих и управляемых, тех, кого еще Ш. Монтескьё, несколько утрируя ситуацию, называл «нищими, которые грабят, и нищими, которых грабят»²³.

Что касается сословий, то следует заметить, что даже в тех случаях, когда они существовали, их роль была невелика. Она еще более снижалась за счет социальной мобильности, характерной для любого деспотического общества. Лишь в кастовой Индии социальная мобильность была незначительна, и то на первый взгляд, так как выходцы из низших каст нередко оказывались у власти и даже на троне. Самое главное, на Востоке, за исключением, быть может, Японии, не было

никакого благородного сословия, хотя бы отдаленно напоминавшего дворянство средневековой Европы. Ф. Бернье, который в середине XVII в. объехал три крупнейшие деспотии Востока (Турция, Иран, Индия), писал, что «у королей здесь нет на службе князей, вельмож, дворян, сыновей из богатых и воспитанных семейств... Государи здешних стран видят вокруг себя только людей, вышедших из ничтожества, рабов, невежд, грубиянов и придворных, выдвинутых на должности из грязи и не имеющих ни воспитания, ни образования. От них всегда почти пахнет разбогатевшими нищими»²⁴. Следует также отметить, что богатство в деспотическом обществе не являлось конституирующим элементом знатности. Оно само должно было окрашиваться знатностью. Сам феномен знатности, понятие о благородстве и аристократизме, безусловно, существовал в странах Востока. Но он являлся фактом не права, а общественного сознания. В большинстве случаев он связывался с образованностью, чиновностью, родовитостью и в идеале с высоким нравственным уровнем, в ряде случаев — с родством или близостью к правящей династии.

Отсутствие дворянства как благородного сословия и подзнательный, морально-оценочный, но официально непризнаваемый статус аристократии означали формальное равенство людей, практически поголовное рабство. Все люди равны, писал Ш. Монтескьё, все люди рабы. При выдвижении руководствовались, говоря словами А. Смита, «сомнительным признаком личных заслуг или достоинств»²⁵. Не было никаких очевидных и бесспорных критериев. Каждый мог в зависимости от способностей, амбиций и благоприятных обстоятельств (в разных странах это конкретно проявлялось по-разному: играли роль образование, военные доблести, талант бюрократа, не говоря уже об интригах, кумовстве, коррупции и т. п.) занять со временем достаточно высокую социально-политическую позицию. Происхождение для деспотической власти действительно не имело никакого значения. Важны были личные доблести и заслуги, умение доказать свои способности, знания, и потому пригодность для службы системе, преданность власти имущим и готовность безоговорочно служить стоящему над тобой начальнику — вот что открывало путь наверх.

Вследствие этого во всех восточных деспотиях правящий класс был открытой социальной категорией. «Это,— писал О. И. Сенковский (1800—1859),— те же простолюдины, только с привилегией на время»²⁶. Их социальный статус и богатство являлись производными от власти. Решающее значение имело обладание властными полномочиями. Причем на начальных этапах деспотического режима богатство вообще не играло никакой роли. Дифференцирующее значение имели лишь власть и женщины, которые «в деспотическом государстве,— по замечанию Ш. Монтескьё,— роскоши не вносят, но сами становятся там предметом роскоши»²⁷. В дальнейшем богатство при-

обретало дифференцирующую роль. Но в отличие от Запада, где оно приобреталось в форме ренты, прибыли или процента, на Востоке оно аккумулировалось либо на основе централизованной редистрибуции, либо — больше всего — путем неформальной и потому ничем не ограниченной апроприации (взятки, хищения и т. п.). Последнее вытекало не из права собственности, а из права распоряжения и зависело от места, которое начальствующее лицо занимало в служебной иерархии.

Политически основу восточного деспотизма составляло абсолютное господство аппарата государственной власти. Все начальствующие лица зависели от правителя. Здесь не было и не могло быть ни действенного конституционного контроля, ни контроля со стороны общественных сил. Идеальная деспотия состояла только из чиновников и подчиненной им безмолвной толпы. Ни одно лицо, ни богатые, ни бедные, ни знать, ни простолудины не имели здесь никаких гарантий от посягательства власти. У них не было ни прав, ни возможностей отстаивать свою личную или имущественную неприкосновенность. Именно это и составляло суть всей системы политического произвола, выражавшейся прежде всего во всемогуществе власти, в невозможности быть вне ее, хотя, разумеется, степень подчиненности (количество тех, кто может тобой повелевать, и тех, кем ты сам можешь повелевать) могла быть различной.

Было бы совершенно неправильно представлять систему восточного деспотизма лишь как ничем не обузданные проявления личного самодурства или нарушения законности. Наоборот, хотя система всячески способствовала подобного рода проявлению личности, в целом она базировалась на довольно строгом и обязательном для всех общем законе. Он представлял собой совокупность социально-этических, религиозно-мировоззренческих и институционных норм, прокламировавших изначальные ценности режима. Никто не мог поступать вопреки этому закону. Всякий законопослушный подданный был обязан следовать указаниям стоящего над ним начальника, являющегося *ex officio* исполнителем закона. Без его ведома нельзя было сделать ни одного лишнего шага, за исключением выполнения обычных трудовых, бытовых и некоторых иных функций, как правило четко очерченных нормами того же общего закона. Любой необычный шаг требовал дополнительных санкций со стороны начальства и в большинстве случаев взятки.

От чиновников требовалось только повиновение. Личная инициатива и ответственность полностью исключались. «Каждое лицо, на каждой ступени иерархии,— писал Б. Н. Чичерин,— является колесом громадной машины, подавляющей в нем всякую самостоятельность, но развивающей в высшей мере властолюбие книзу и угодливость кверху»²⁸. Во все времена эта машина работала на принципах бездумного исполнительства, сочетавшего страх перед начальством со стремлением выслужиться. «Рутинa и формализм,— продолжал Б. Н. Чичерин,—

охватывают все; официальная ложь властвует безгранично. В донесениях все гладко и хорошо, но это не имеет ничего общего с действительностью. Не делать дела, а отписываться, не приносить пользу, а угодить начальству, а когда можно, и его обмануть — на этом сосредоточены все помыслы. Для этого не нужно способностей, достаточны трудолюбие и гибкость»²⁹.

Должностные лица восточной деспотии полностью обезчеловечивались. Еще Ш. Монтескьё говорил, что в деспотическом государстве бесполезно «приводить в свое извинение чувства, внушаемые природой, уважение к отцу, любовь к своим детям и своим женам, законы чести, состояние здоровья»³⁰. Ничто не имело значения, кроме беспрекословного исполнения приказа. Для всех деспотий Востока была характерна крайняя функционализация человека. Должностные лица нередко поступали вопреки собственной воле. Выполняя заданные функции, они больше всего боялись проявить свою индивидуальность. Отсутствие явного и четко выраженного личного мнения являлось законом, в крайнем случае — признаком хорошего тона. При дворе Великого Могола Ф. Бернье не встретил ни одного сановника, который не щегольнул бы перед ним персидским стихом:

Если шах скажет днем:
«Наступила ночь», —
«Вижу месяц и звезды!» —
кричи во всю мочь³¹.

Государственная машина восточного деспотизма была полностью обезличена, политика — деперсонализирована. Большинство решений имели анонимный или коллегиальный характер. Здесь, писал Ш. Монтескьё, можно управлять «одним лишь именем государя»³². Реальная власть принадлежала не ему, а его символу. Сам он, как и вся нижестоящая иерархия, был пленником системы. По собственной воле он не мог ни изменить, ни отменить изначально установленные истины, особенно религиозно-нравственные и институционные нормы. Неудивительно, что все школы деспотизма — от конфуцианства в Китае до фольклора пуэбло в Америке, как заметил К. Виттфогель, — предусматривали право «народа» на восстание. В XVI—XVII вв. из 15 османских султанов шесть были низложены по обвинению в нарушении шариата, двое из них — казнены.

Система сама браковала свой персонал. Выживали, как уже отмечалось, наиболее пригодные и приспособленные. Они являлись в ходе непрерывного естественного отбора, который происходил на всех ступенях служебной иерархии. Правящий класс был ареной жестокой и бескомпромиссной борьбы, как правило за личное влияние, за ключевые и доходные должности. В деспотических государствах никогда не было открытой конкуренции партий, идей или талантов. Преобладало соперничество кланов, основанных на кровнородственных, земляче-

ских и клиентно-патронажных отношениях. Ставкой были власть, престиж и деньги. Проигрыш означал не временное поражение, а гибель. Терялось все: и жизнь, и честь, и имущество.

Наконец, характерной чертой политической системы восточного деспотизма было существование на низовом уровне автономных и большей частью самоуправляемых коллективов. Это были сельские общины, цеховые организации, касты, секты и другие корпорации, как правило религиозно-производственного характера. По своей природе им соответствовала родо-племенная организация кочевых или полукочевых народов, и она легко вписывалась в общую структуру восточнодеспотического общества. Многие из этих коллективов имели формально-демократический характер с выборностью должностных лиц. Это была та *beggar's democracy*, по выражению К. Виттфогеля, та демократия стадного коллектива, которая составляла прочную основу восточного деспотизма. Старейшины и руководители этих коллективов выступали как связующее звено между государственным аппаратом и основной массой населения. Именно в рамках этих коллективов определялись место и возможности каждого человека; вне их жизнь индивида была невозможна. Он становился изгоем, был обречен на гибель или прозябание.

На этом сочетании корпоративной автономности низовых коллективов и цементирующей их государственности зиждилась достаточно цельная и стабильная система восточнодеспотической власти. В социально-психологическом плане она была вполне приемлема для большинства населения. Она представляла для него привычный и достаточно комфортный стиль жизни. Как это ни парадоксально, подданные восточных правителей не мыслили себя вне этого извечного и, как им представлялось, вполне справедливого порядка вещей. Они отнюдь не стремились к «свободе» и «самостоятельности индивида», во всяком случае в том смысле, какой вкладывался в эти понятия на Западе. Н. А. Бердяев как-то заметил, что среднему человеку, человеку массы, свобода как таковая была не нужна³³. Во все времена она была аристократична. Человек же массы, ориентированный на конформистское сознание, в ней не нуждался. Внутренне он был рабом, подданным, во всех жизненных ситуациях полагавшимся на привычные нормы и стереотипы.

Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что господство рабской психологии отнюдь не означало, что люди массы легко мирились с любым и всяческим произволом. Напротив, на базовом уровне, т. е. там, где низовой аппарат государственной власти непосредственно соприкасался с народом, существовали, как уже отмечалось, достаточно строгие принципы нормативного повседневного бытия, санкционированные вековыми обычаями и законом. Жесткость этих норм, как правило, никем не ощущалась. Норма есть норма, особенно если ты рожден в системе этих норм и ни с какой иной просто не знаком. И реализация нормы со всей ее жесткостью воспринималась людьми массы

как дело весьма полезное для всех и для каждого: все знают, что можно и чего нельзя. Более того, нормативный порядок в этих рамках обычно поддерживался самим населением во главе с его старшими, отвечавшими перед властью за этот порядок. Дело же власти — следить за порядком и вмешиваться лишь тогда, когда чьи-либо действия или поступки выходили за пределы нормы и таким образом становились «беззаконием».

На уровне верхних слоев общества господствовали не менее жесткие нормы. Они были несколько иными, чем внизу, но имели ту же основу: каждый должен был соблюдать важнейшие принципы нормативного поведения. Не нарушая их, оставаясь в пределах нормы, любой начальник имел достаточный простор для любых акций, включая откровенное злоупотребление властью, открытый произвол и т. п. И люди мирились с этим. Более того, они воспринимали это как норму и не мыслили себе ничего иного. В связи с этим интересно напомнить, как О. И. Сенковский объяснял, почему китайцы и вообще жители Востока не любили европейцев. «Они,— писал он,— встречаются более стеснений от европейской честности, обремененной законными формальностями, чем от мандаринского сговорчивого лихоимства»³⁴.

Наконец, следует отметить, что все серьезные нарушения в привычной структуре, приводившие к кризисам, были связаны прежде всего с нарушениями нормы. Они могли происходить в сфере экономики (например, присвоение крестьянской земли богачами), в области торговли и ремесла (чрезмерный гнет чиновника в городе), идеологии (появление новых течений или сект в рамках господствующей религии и тем более появление набирающей силу новой), а также в политике (ослабление дисциплины, нарушение административного поведения при слабом правителе). В любом случае нарушение привычной нормы приводило к кризисным явлениям, подчас к массовым выступлениям и широким народным движениям под самыми разными лозунгами. Но не следует обольщаться звучанием лозунгов, а тем более приписывать поднявшимся массам того, о чем они обычно и не помышляли (мы имеем прежде всего в виду некогда широко ходивший в нашей историографии тезис об «освободительном» характере народных «антифеодальных» движений). История убедительно свидетельствует о том, что главной мечтой выбитых из колеи людей было вернуть утраченную норму, ликвидировать ситуацию дискомфорта, вызванную нарушением привычных социальных, культурных и религиозных ценностей.

Следует также подчеркнуть, что в моменты острых внутренних кризисов или внешних катаклизмов, включая завоевания, нашествия кочевников, смену династий и господствующих этносов, система, безусловно, испытывала определенный дискомфорт, но никогда не оказывалась на грани крушения. После кризиса она легко восстанавливалась. Причем ее регенерация

была естественной, как бы само собой разумеющейся. Изменения бывали лишь в мелочах, тогда как основа оставалась инвариантной. Это происходило потому, что реальных альтернатив, по существу, не было. Отсюда вывод: устойчивость политической структуры была и является надежной основой восточного деспотизма как генеральной системы бытия, как господствующего стиля жизни на Востоке.

* * *

Предлагаемый вниманию читателя сборник состоит из статей, рассматривающих различные аспекты восточного деспотизма как особого социально-политического феномена. Хотелось бы специально заметить, что, хотя редколлегия, руководствуясь общим звучанием темы, стремилась собрать в авторский коллектив в основном единомышленников, в нем нашлось место и для представителей оппозиционных точек зрения. Палитра сборника при этом лишь обогатилась. Читателю же предоставляется право самому судить обо всем, принимая во внимание как концептуальные построения теории, так и весомость аргументации авторов.

Одни из авторов, участвующих в сборнике, ставят своей целью проанализировать это явление в теоретическом плане, придерживаясь при этом весьма различных точек зрения. В центре работы Ю. В. Павленко «Человек и власть на Востоке» — проблема самореализации человека в условиях восточного деспотизма. Сопоставляя различные социокультурные системы (Индия, Китай, Ближний Восток), автор приходит к выводу, что традиционная восточная структура жестко контролирует и ограничивает все формы самореализации индивида. Остающиеся при этом некоторые возможности для сублимации творческой энергии человека, в основном в сфере мистических переживаний и изящных искусств, очень невелики и в целом не отражаются на господствующей норме.

Р. М. Нуреев анализирует структуру традиционного Востока в политэкономическом плане. Его статья «Азиатский способ производства как экономическая система» исследует в рамках привычных для нас марксистских категорий и понятий экономическую структуру древневосточных обществ, а также имеющие к этому отношение памятники экономической мысли. Анализ автора подтверждает генеральную идею К. Маркса о специфике «азиатского способа производства» с характерными для него ранними и незавершенными формами эксплуатации, классовобразования и т. п. В работе достаточно подробно говорится о централизованной организации хозяйства, о бесправии и принижении производителей, включая феномен «поголовного рабства». Исследование Р. М. Нуреева убедительно доказывает, что «азиатский способ производства» — разумеется, речь идет об анализе в рамках марксистских категорий — отнюдь не

является каким-то фантомом, призванным разрушить гладкость истматовской теории формаций. Это безусловная реальность, которую просто в упор не видят те, кто смотрит на историю через очки пятичленной схемы, через систему кривых зеркал истматовской политэкономии.

В статье Э. С. Кульпина «Традиционный Восток: факторы стабильности» проблемы восточного деспотизма как таковые почти не затронуты. Однако весь контекст работы — с ее упором на проблемы изменений в климате и землепользовании, специфике технологии, взаимоотношений человека и природы — обращает внимание на то, как традиционный Восток функционировал в условиях господства деспотических структур. И еще: как все это коррелировало с проблемами экологии. Можно сказать, что эссе Э. С. Кульпина вписывает привычную для нас социо-политико-экономическую проблематику Востока в более широкие общечеловеческие рамки глобального феномена «человек и природа» с выявлением, естественно, специфически точных аспектов этого феномена.

Статья К. З. Ашрафян «К вопросу о „восточном деспотизме“» являет собой тот самый голос оппонента, который уже упоминался. Едва ли было бы корректным вступать с автором в полемику в рамках настоящего введения. Пусть читатель сам разберется в основных тезисах и аргументации. Стоит лишь заметить, что трактовка ряда принципиально важных проблем дана в своеобразном плане. Так, понятие «поголовное рабство» едва ли следует рассматривать с позиций степени и форм апроприации личности, ибо суть понятия не в жесткости рабства как такового, а в его тотальности, рабской психологии в обществе, где все — рабы, где нет никаких слоев, статус которых был бы независимым от произвола власти (например, дворянство, жители вольных городов и т. п.). Да и понятие «частная собственность». Ведь это не право покупать и продавать, не просто «свое», а фундаментальный, признанный законом институт, являющийся ведущим структурообразующим элементом в обществах европейского типа. В рамках же командно-административной структуры восточного деспотизма он является вторичным элементом, подчиненным и жестко контролируемым со стороны государственной власти.

К числу статей общетеоретического плана относится также работа Л. С. Васильева «Традиционный Восток и марксистский социализм». Автор обосновывает тезис о том, что марксистский социализм являет собой одну из модификаций все той же восточнодеспотической структуры и что именно поэтому появление государств такого типа в XX в. в ходе революций следует считать шагом не вперед, а назад. Тоталитарные структуры — с точки зрения прогресса человечества — затормозили развитие этих государств или даже повернули его вспять.

Большинство статей сборника посвящено тем или иным конкретно-историческим проблемам. Но это не означает, что они

чужды теоретических проблем или касаются их поверхностно. Напротив, многие из них на конкретном материале подводят читателя к той или иной из важных теоретических проблем, которые на этом материале могут быть поняты, решены или продемонстрированы.

В статье С. В. Волкова «Социальный статус служилых слоев в дальневосточных деспотиях» показана специфика слоя служилого чиновничества, а главное, его принципиальное отличие от европейского дворянства. Интересна и заслуживает внимания идея автора о том, что отсутствие наследственных прав на власть, подобных тем, какие были у дворян на Западе, вело к необходимости каждому получать свой статус за счет собственных усилий и что именно это в немалой степени способствовало формированию и укреплению деспотизма как основы восточной структуры. И действительно, если в обществе «поголовного рабства» у индивида нет ничего, что обеспечивало бы его самостоятельность, он беззащитен перед системой и вынужден принимать ее условия.

Н. Н. Крадин в исследовании «Структура власти в государственных образованиях кочевников» подробно и достаточно убедительно разработал в теоретическом плане (подкрепив свою разработку материалами из истории) проблему формирования государства у кочевников. Его статья привлекает внимание четкостью постановки вопроса, оригинальностью отдельных решений, акцентом на внешнесиловую направленность кочевых обществ.

Статья американского исследователя П. Б. Голдена «Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов» во многом перекликается со статьей Н. Н. Крадина. Это вполне естественно, ибо обе статьи посвящены проблемам кочевых народов и их роли в процессах полигенеза в таком обширном регионе, как Евразия. Особый интерес в работе П. Б. Голдена представляет анализ религиозно-идеологического фактора. Без его понимания проблема восточного деспотизма вряд ли может найти адекватное решение.

В своей статье «Организация шариатской власти и административно-хозяйственного аппарата в Османской империи XVI—XVII вв.» Н. А. Иванов на широком фоне описания политико-теократического аппарата и сложной системы государственного управления экономикой особо выделяет роль шариата. Он определяет эту религиозно-правовую доктрину как совокупность принципов, правил и норм, соблюдение которых гарантировало социальный порядок в обществе, его базовый консенсус, во многом предопределявший прочность восточнодеспотических структур.

По сути дела, эту же проблему, хотя и поданную в несколько ином ракурсе, развивает в статье «Османская государственная структура: проблема жалования и пожалований» С. Ф. Орешкова. В центре ее внимания — динамика развития

административно-политической структуры империи. Автор видит в этой динамике, беря несколько веков османской истории, и отступление или, точнее, консервацию прежних отношений, и затем некое возрождение этих же отношений, но в другой форме. Поскольку отношения, о которых идет речь, идентифицируются с феодальными, а динамика связывается с деспотическим государством, которое, в свою очередь, расценивается как паразитический нарост, то создается впечатление, что в аппарате власти деспотического государства автор видит лишь внешнюю силу, как бы накладывающуюся на извечный анатолийско-балканский феодализм и вызывающую деформацию этого последнего. Если точка зрения автора действительно такова (а так получается в ходе чтения статьи), то из нее вытекает, что имперская государственная структура не была чем-то имманентно присущим обществу. Здесь мнение Н. А. Иванова совершенно иное. Сопоставление обеих статей даст читателю пищу для размышлений.

Две статьи сборника посвящены Китаю. В капитальной сводке А. А. Бокщанина «Очерк истории государственных институтов китайской империи» абсолютно преобладает мастерски препарированный конкретно-исторический материал. Материал тем более ценный, что собрать его было делом весьма нелегким, а разобраться в нем еще более трудно. Главный вывод автора, казалось бы, ограничен фиксацией самого факта постоянного совершенствования традиционных структур управления в императорском Китае за период более чем две тысячи лет. Происходившие при этом изменения могли влиять и на характер власти в целом. Безусловно, это так. Но можно добавить, что проанализированный материал неплохо раскрывает весь механизм функционирования общества и государства, которые на протяжении веков воспринимались в качестве классического образца восточной деспотии, конечно если понимать ее не как произвол всемогущего тирана, а как социально-политическую систему, как несвободное общество и государство.

В статье О. Е. Непомнина «Трансформация китайской деспотии в первой половине XX в.» акцент иной. Автор всячески подчеркивает устойчивость восточнодеспотических структур в Китае, их особую прочность, поколебать которую оказалось не под силу даже 'сокрушительному валу китайской революции 1911 г. Разрушение фасада и верхних этажей императорского Китая лишь несколько изменило облик традиционной государственности, не затронув ее глубинные основы. О. Е. Непомнин, как представляется, с полным основанием отмечает, что причудливый синтез квазипарламентских учреждений и старых политических традиций был лишь началом процесса трансформации китайского общества и государства, процесса, который накануне 1949 г. был еще очень далек от своего завершения.

В статье А. П. Федорина «Государственный аппарат и система власти в Северном Вьетнаме в XV—XVIII вв.» речь идет

В основном о взаимодействии двух форм власти, гражданской и военной. Точнее даже, о преобладающем влиянии военно-феодальных родов и вообще военной власти во Вьетнаме в это время. Сразу скажем, что статья предельно конкретна по характеру изложения. Но справедливости ради стоит заметить, что конкретный материал А. П. Федорина вносит вклад в общее дело: собранные им данные непротиворечиво вписываются в общий баланс поисков. Они позволяют яснее представить вьетнамскую, военно-феодальную по форме, модификацию все той же структуры восточного деспотизма.

В статье С. В. Кулланды «Древнеяванское государство и проблема деспотизма в ранних обществах» поставлен очень важный вопрос об условиях и возможностях возникновения восточного деспотизма как особого социально-политического феномена. И хотя сравнение структуры древнеяванского общества и государства с позднесредневековой Англией многим может показаться не вполне корректным, автору все же удалось поставить под сомнение довольно распространенные представления о восточном деспотизме как о каком-то всеобщем феномене, возникающем на ранних стадиях политогенеза. Статья С. В. Кулланды показывает, что деспотизм — это не реликтовое явление и не первоначальная форма государственности, якобы присущая человечеству в его «детском возрасте». Скорее наоборот. Для возникновения деспотизма нужен какой-то определенный уровень развития, а главное, не менее определенный выбор социальных и политических приоритетов, вытекающих, возможно, из цивилизационного наследия.

Оставляя открытым вопрос о происхождении восточного деспотизма, тем не менее хотелось бы отметить, что это очень ранний феномен. Он известен с глубокой древности, по крайней мере со времен III династии Ура (2132—2024 г. до н. э.). Вполне возможно, что не все государства на Востоке и не всегда являлись деспотиями. Бывали исключения, особенно на ранних стадиях политогенеза или в условиях установления господства народов, незнакомых со сложившимися командно-административными структурами. Но генеральной системой бытия, общей линией развития восточных цивилизаций, оставался деспотизм. История той же Явы, если продолжить ее до эпохи колониальных завоеваний, показывает, как неразвитые структуры раннего восточного общества в конечном счете легко и естественно трансформировались в систему отношений, вполне типичных для любой восточной деспотии.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что восточный деспотизм — это явление мирового исторического процесса. Это широкий социально-политический феномен, который на протяжении веков всегда выступал в качестве альтернативы другому типу организации общества и государства. И если мы, следуя традиции, лежащей в основе европейской политической мысли со времен Аристотеля, склонны именовать эту структуру «вос-

точным деспотизмом», то при этом имеется в виду именно то, о чем шла речь выше, и ничего более. Можно именовать ее «универсальным государством», «тоталитаризмом» или, как это принято в наши дни, «командно-административной системой». Суть явления от этого не меняется. Дело не в терминах. Дело в том, чтобы раскрыть эту суть, очертить элементы изучаемой структуры, не ограничиваясь при этом привычными для нашего сознания марксистскими категориями и понятиями. И коль скоро это будет сделано, будет сделан и очередной шаг к постижению истины.

*Н. А. Иванов
Л. С. Васильев*

- ¹ *Аристотель*. Политика Аристотеля. Пер. С. А. Жебелева. М., 1911, с. 13.
- ² Там же, с. 314.
- ³ *Wittfogel K. A.* Le Despotisme oriental. Etude comparative du pouvoir total. P., 1964, с. 49.
- ⁴ *Макиавелли Н.* Князь.— Сочинения. Т. 1. М.—Л., 1934, с. 226.
- ⁵ *Бернье Ф.* История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М.—Л., 1936, с. 211.
- ⁶ *Монтескьё Ш. Л.* О духе законов. СПб., 1900, с. 21.
- ⁷ *Гегель Г. В.* Философия истории.— Сочинения. Т. 8. М., 1935, с. 99.
- ⁸ Там же, с. 115.
- ⁹ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Письма из «Deutsch-Französische Jahrbücher».— Сочинения. 2-е изд. Т. 1, с. 374—375.
- ¹⁰ *Плеханов Г. В.* К аграрному вопросу в России.— Сочинения. Т. 15. М.—Л., 1926, с. 31.
- ¹¹ Там же, с. 36.
- ¹² *Ленин В. И.* Пересмотр аграрной программы рабочей партии.— Полное собрание сочинений. Т. 12, с. 256.
- ¹³ *Бернье Ф.* История последних политических переворотов, с. 19.
- ¹⁴ *Тоунбея А. J.* A Study of History. Vol. 9. L., 1954, с. 35.
- ¹⁵ *Чичерин Б. Н.* Философия права. М., 1900, с. 257.
- ¹⁶ *Монтескьё Ш. Л.* О духе законов, с. 23.
- ¹⁷ *Соловьев В. С.* Китай и Европа.— Собрание сочинений. Т. 6. СПб., 1912, с. 115.
- ¹⁸ Цит. по: *Шастина Н. П.* Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов.— Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977, с. 474.
- ¹⁹ Там же, с. 475.
- ²⁰ *Чичерин Б. Н.* Собственность и государство. Ч. 1. М., 1882, с. 45.
- ²¹ *Монтескьё Ш. Л.* О духе законов, с. 31—32.
- ²² *Гордлевский В. А.* Силуэты Турции.— Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962, с. 218.
- ²³ *Монтескьё Ш. Л.* О духе законов, с. 263.
- ²⁴ *Бернье Ф.* История последних политических переворотов, с. 204—205.
- ²⁵ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, с. 284.
- ²⁶ *Сенковский О. И.* Китай и китайцы.— Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбеуса). Т. 6. СПб., 1859, с. 447.
- ²⁷ *Монтескьё Ш. Л.* О духе законов, с. 108.
- ²⁸ *Чичерин Б. Н.* Вопросы политики. М., 1903, с. 76.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Монтескьё Ш. Л.* О духе законов, с. 33.
- ³¹ *Бернье Ф.* История последних политических переворотов, с. 211.
- ³² *Монтескьё Ш. Л.* О духе законов, с. 64.
- ³³ См.: *Бердяев Н. А.* Царство духа и царство кесаря.— Судьба России. М., 1990, с. 287.
- ³⁴ *Сенковский О. И.* Китай и китайцы, с. 430.

Ю. В. Павленко

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ НА ВОСТОКЕ

Удовлетворенность человека собственной жизнью едва ли не в решающей степени зависит от возможностей его личностной самореализации. Человек и есть самореализующийся субъект исторического процесса. Однако во все эпохи люди действовали в разнообразных социокультурных системах, до известной степени детерминировавших возможные формы и характер индивидуальной самореализации.

Примечательно, что на Востоке возможность свободной творческой самореализации в принципе соотносилась, во-первых, с определенного рода отстраненностью от государственной власти и, во-вторых, с сопричастностью некой эзотерической духовной доктрине. В роли последней мог выступать ранний буддизм или мистический индуизм (тхерагатхи и тхеригатхи — «песни монахов и монахинь», Лал-дэд), даосизм или чань-буддизм (Жуань-цзы, как и его коллеги по кружку «Семи мудрецов из бамбуковой рощи», Се Лин-юнь, Ван Вэй), равно как и суфизм у арабоязычных (аль-Араби, аль-Фарид) или фарсиязычных (Баба Тахир, Руми, Джамии) мусульманских поэтов.

Противоположение «поэт (творческая личность вообще) — государственная власть» было столь же естественным и само собой разумеющимся, как и убежденность в глубинной сопричастности истинного художника-творца трансцендентным духовным основам бытия. Более того, освобождение личности от внешней, земной, государственной власти понималось в контексте раскрытия внутреннего, духовного «Я», в основе своей тождественного Божественному Абсолюту. Аналогичные мотивы (с коррекцией на древнееврейское понимание Бога как Личности-Творца) находим и в ветхозаветных псалмах, особенно в тех, которые сопряжены с именем Давида. Поэт предает себя высшей, внеземной силе, чтобы получить освобождение от земной власти и санкцию на противостояние ей. Через пророков Израиля и Иудеи этот мотив передается раннему христианству, провозгласившему антитезу «рабства у Бога» (понимаемого как

свободу от «князя мира сего») «рабству у кесаря». До предела эта антитеза была обострена в гностицизме и манихействе, распространившемся в преддверии средневековья от Северной Африки до Китая.

Иными словами, для восточного сознания (с соответствующими коррективами относительно иудео-восточнохристианской, мусульманской, индийской и китайско-дальневосточной традиций) утверждение свободы творческой личности — в предельно широком понимании этого слова — предполагало целенаправленное отстранение от мирской власти (мыслившейся в то же время и как источник-податель мирских благ) через устремленность (вплоть до самоотречения, саморастворения в Боге-Абсолюте) к духовной первооснове бытия.

Характерно, что и «власть земная», и противопологавшаяся ей «власть небесная» — при моделировании трансцендентного бытия по иерархическому образцу — трактуются как тотальные, целостные и органически единые в себе начала. Самоотстранение творческой личности от носителя государственной власти (как вариант — спровоцированная бескомпромиссностью ее позиции опала — Рудаки, или даже казнь — Башшар ибн Бурд) автоматически предполагает лишения, нищету, странничество — вплоть до нищенства и бродяжничества. Напротив, измена своему нравственному (равно как и эстетическому) чувству, вступление на государственную или тем более придворную службу означает приобретение высокого официального ранга и соответствующей ему степени материального благополучия.

Сопричастность власти и степень обеспеченности суть, таким образом, две стороны одной медали — в полном соответствии с сущностью феномена «власти-собственности» восточного государства, проанализированного Л. С. Васильевым¹. Государство (в лице персонифицирующего его деспота) воспринимается как носитель социально-политической и экономической власти одновременно. Поэтому оно — «царство» — и представляется средоточием всей полноты «власти земной»: тотальной, всеисильной и всеобъемлющей по отношению к человеку как самоутверждающемуся (через укоренение в зримом, эмпирическом плане бытия) субъекту. Только государственная власть способна в принципе удовлетворить повышенные социально-престижные и материальные запросы человека — за что, в свою очередь, требует мобилизации его творческих сил на службу собственным, «державным» интересам. Поэтому на Востоке для достижения внешних, корыстных целей творческой личности необходимо «продать свою душу государству», так же как в средневековой Европе — Дьяволу. Сделка — при наличии должных способностей и усердия — быстро окупается в престижно-социальной плоскости, однако с неизбежностью оборачивается внутренней неудовлетворенностью, прямо пропорциональной тому, насколько яркой и одаренной была данная личность.

Очевидность единого источника мирских благ в лице деспотического государства предельно и упрощала, и обостряла нравственную коллизию: либо человек поступает ради духовными ценностями ради материальных, социально-престижных благ, либо ради материальной независимости предпочитает нищету, отстраняется от социально-политической жизни и так или иначе сохраняет внутреннюю свободу и даже некоторую возможность адекватной своему призванию творческой самореализации, определяющие нередко и высокий престижный статус. Однако последний уже не дарован вельможами или самим деспотом, а завоеван данным человеком в глазах простых людей, а то и титулованной знати, вплоть до монархов, иногда (как, например, древнеиндийский император Ашока) ощущающих ложность и греховность своих поступков.

Сосредоточение в руках восточного государства всей полноты социально-экономической и политической власти, при отсутствии способных хоть как-то противостоять ему общественных структур, лишало человека возможности выбора между конкурирующими социальными силами (что на Западе имело место уже в конце античной архаики). Выбирать можно было лишь между правителями различных государств (отсюда и частые переезды средневековых мусульманских поэтов и ученых — аль-Мутанабби, Ибн Сина, Омар Хайям) или между различными придворными кликами и борющимися за престол претендентами (сторонники и противники Омейядов среди арабских поэтов первого века ислама — аль-Ахталь, аль-Фаразак, Джарир; ориентация на законного императора или мятежного полководца Ань Лу-шаня китайских поэтов VIII в. — Ду Фу, Ван Вэя, Ли Бо и др.).

Однако борьбы (а значит, и возможности выбора) между предлагавшими альтернативные модели социального устройства общественными силами на Востоке, как правило, не существовало. Само базирующееся на феномене государственной власти-собственности общественное устройство под сомнение не ставилось. В лучшем случае ему противопоставлялась крестьянская патриархально-анархическая утопия (типа представленной в «Персиковом источнике» Тао Юань-мина). Но даже если на волне всенародного возмущения некоторые общественные силы и пытались реализовать ее на практике, то выливалось это в борьбу против «нечестных чиновников» или спекулянтов-наторишей, а не самого выросшего из государственной власти-собственности общественного устройства. Как правило же, речь шла лишь о моральном осуждении торговцев и ростовщиков, чиновничества или почему-либо вызвавшего всеобщую ненависть отдельного правителя (как, скажем, Цинь Ши Хуанди).

Далеко не нова мысль о том, что если на Востоке человек находился в неизменном подчинении у государства, выступавшего по отношению к нему отчужденной, самодовлеющей си-

лой, которой он должен был служить, то на Западе, уже со времен классической Греции, появляется феномен свободного гражданина, являющегося экономически самостоятельным частным собственником и составляющего, совместно с себе подобными, гражданское общество. Последнему — в идеальном плане реализации демократической формы правления — подчинены сами государственные институты, или, иначе говоря, государственность является феноменом производным, вторичным по отношению к гражданскому обществу частных собственников. Поэтому, по образному выражению Л. А. Седова, «следует полагать, что в системе экономических отношений роль государства — то есть является ли оно или не является субъектом собственности, возникают ли отношения „власть — собственность“ — имеет столь же основополагающее значение, как наличие или отсутствие позвоночника в системе биологических организмов в представлении об их эволюции, дающей две совершенно самостоятельные ветви»².

Восточная модель общественного устройства предполагает нерасчлененное единство власти и фактической верховной собственности, социально-политического и социально-экономического господства государственного аппарата над индивидом, не имеющим по отношению к государству никаких гарантированных некоей третьей силой прав. Западная же (в ее полисной, классически-античной или буржуазной, западноевропейски-североамериканской, форме) в конечном счете и основана на вариативно неоднозначном, но все же достаточно устойчивом равновесии противоположных друг другу государственной власти и частной собственности. Наличие гарантированной бесчисленными формами социальных связей частной собственности обеспечивает экономическую (а значит, и, хотя бы потенциально, всякую прочую) самостоятельность индивида.

В то же время гарантированность равенства социально-политических прав и в древности, и в средневековых городских коммунах, и в демократических государствах последних двух веков предполагает в конечном счете экономическую защищенность каждого индивида, имеющего соответствующий гражданский статус. Такая система органически предполагает экономическую конкуренцию и борьбу различных группировок людей, имеющих различное отношение к собственности, что и определяет возможность достаточно полной личностной самореализации индивида в социально-экономической и общественно-политической сферах.

Таким образом, различие статусов индивида на Востоке и Западе (представляемых в данном контексте в виде идеальных моделей в веберовском смысле этого слова) определяло и принципиально разные возможности реализации сущностных сил конкретных индивидов. Уже в классической Греции каждый гражданин полиса мог свободно заниматься предпринимательством, политической или какой бы то ни было иной формой

деятельности, направленной на преобразование внешнего, в том числе и социального мира. На Востоке же незыблемость общественных структур не только предполагалась самим («азиатским», по терминологии К. Маркса) способом производства, но и выступала в качестве неизменного принципа всей социокультурной ориентации человека. «Царство», в основе которого лежал феномен государственной власти-собственности, воспринималось как некая вневременная константа земного бытия, что на древневосточных материалах удачно показал И. П. Вейнберг³. Если на Западе человек мог стремиться к преобразованию общественной системы в соответствии со своими интересами и идеалами, то на Востоке он мог действовать лишь в рамках изначально заданных стереотипов социального поведения или просто отстраниться от общественной жизни.

Поэтому применительно к Востоку мы можем говорить главным образом о двух основных — и по сути противоположных, хотя зачастую так или иначе совмещаемых — формах самореализации личности: 1) общественно-государственной, объективированной, подчиненной внешним по отношению к человеческой душе целям, а потому регламентированной, унифицированной, отчужденной; 2) индивидуально-духовной, субъективированной, подчиненной внутренним потребностям творческого роста, а потому свободной, но возможной лишь за пределами активной общественно-экономической жизни. Выражаясь категориями философии Н. Бердяева, первая из названных форм может быть определена как объективация, вторая — как трансцендирование человеческой души.

В отличие от этого на Западе самореализация человека в сфере внешнего бытия вовсе не обязательно предполагала унификацию и самоотчуждение во имя материального благополучия и продвижения по ступеням социальной иерархии. Скорее напротив, вне рамок государственной службы (в системе которой на Западе всегда было задействовано относительно небольшое число социально активных индивидов) достижение этих, пусть корыстных и глубоко эгоистических, целей скорее предполагало способность к принятию нестандартных решений, вкус к риску и предпринимательству, личную решимость и отвагу. Иными словами, на Западе в гораздо большей степени, чем на Востоке, была возможна субъективно-творческая самореализация человека в сферах внешней, общественно-экономической жизни. А это до известной степени снимало столь характерную для Византии, мусульманского мира или традиционных Китая и Индии напряженность в выборе между обладанием мирскими благами и потерей личной свободы (в широком социальном, а не юридическом смысле).

Можно сказать далее, что в условиях Востока существовало три возможных варианта соотношения объективированных и трансцендированных форм самореализации.

1. Человек полностью структурировался в наличную социаль-

ную систему, ориентируясь всецело на внешние, мотивированные стремлением к мирским ценностям формы деятельности. Духовные силы подчинялись достижению сугубо корыстных целей; личностное, субъективное приносилось в жертву безличному, объективированному, отчуждаясь и противопоставляясь конкретному человеку.

2. Индивид раздваивался в своей жизненной ориентации: с одной стороны, он целенаправленно вписывался в регламентированную систему общественных отношений, стремясь занять социально значимое и материально обеспеченное место в ней, но с другой — тяготился самоограничениями, предполагаемыми его социальной ролью, и стремился компенсировать служебную отчужденность личным — свободным и бескорыстным — творчеством: поэзией, живописью, музицированием, вплоть до медитативной мистики. Наиболее ярким примером тому является образ жизни образованных, эстетически утонченных кругов китайского чиновничества эпох Тан и Сун: конфуцианцев «на службе» и отчасти даосов, отчасти буддистов «наедине с собой» или в кругу близких друзей.

3. Личность отказывалась от социально регламентированных, отчужденных форм деятельности и всецело погружалась в свой внутренний мир, расширению и углублению которого — «восхождению и очищению души», при демонстративном отказе от определяемого конформизмом комфорта (вплоть до самых элементарных удобств), — и посвящалась жизнь. С данной формой самореализации, нередко манифестировавшейся самым экстравагантным образом (к примеру, Лал-дэд, кашмирская мистическая поэтесса XIV в., круглый год ходила обнаженной и, впадая в экстаз, плясала «танец бхакти» — аналог космического танца Шивы), и связан главным образом феномен «восточной мистики» в ее разнообразных (йогическом, суфийском, чань-буддийском и пр.) вариантах.

В первом случае человек предается державной власти; во втором — связывает себя с нею внешним, как он думает, образом, пытаясь при этом огородить для себя зону духовно-творческой свободы; в третьем, стремясь к максимальному расширению и углублению внутренней свободы, сознательно противопоставляет себя реалиям внешнего бытия, среди которых государственная власть занимает едва ли не центральное место.

Предложенное выше понимание проблемы взаимоотношения человека и власти на Востоке является по сути социально-философским, но не научно-историческим. «Восток» брался в качестве некой стабильной, абстрагированной от пространственно-временных реалий, а потому лишенной стадийной и типологической вариативности универсалии. При теоретическом рассмотрении вынесенного в заглавие статьи вопроса (а в иной плоскости он вообще лишен смысла) было необходимо найти его наиболее общее, предельно абстрактное решение, которое явилось бы исходным пунктом дальнейшего историко-культу-

гологического анализа. Однако при перемещении на эту новую, уже верифицируемую с фактическими данными ступень исследования открывается условность и даже некоторая внутренняя противоречивость предложенной его трактовки.

Выше речь шла о базирующемся на феномене власти-собственности восточном бюрократическом государстве как полновластном субъекте экономической, социальной и политической активности, с одной стороны, и о стремящейся к творческой самореализации, а следовательно, и осознающей (пусть и не в таком виде, как на Западе) свою самоценность личности — с другой. Но возникает вопрос: каким образом, как, почему, при каких условиях и в каком социальном контексте человек осознал свою противоположность державной власти, харизматической, освященной традицией «царственности»?

Кроме того, в стадийно-исторической плоскости рассмотрения трудно не обратить внимание на тот факт, что на ранней стадии развития древневосточных обществ (Древний Египет, Шумер, Вавилония и Ассирия, шан-иньский Китай и, очевидно, хараппское общество, равно как и цивилизации доколумбовой Америки), когда во всей полноте и наблюдается тотально-государственная система общественного жизнеустройства, у нас вроде бы и нет особых оснований говорить о творческой личности, страдающей от внутренней раздвоенности или тем более занимающей по отношению к государству нонконформистскую позицию. Характер древнеегипетских или аккадских наставлений и поучений требует предположить как раз обратное.

При этом в ту эпоху, когда мы можем с уверенностью говорить о появлении на Востоке (как параллельно и в античном мире) личностных форм творческой самореализации человека (философии, авторской лирики, индивидуальных форм мистики и пр.)⁴ и его субъективно-нравственной оценки социальных институтов, восточное государство в значительной степени уже утрачивает свою былую тотальность. Последнее выражается в развитии экономической самостоятельности городских слоев, появлении не определяемого социально-статусными различиями имущественного неравенства, сложении системы многоукладной экономики, предполагающей сочетание различных форм государственной и частнособственнической эксплуатации масс и даже пусть и весьма редкие, но все же имевшие место попытки выражения социального протеста (как, скажем, крестьянские восстания в Китае или движение маздаков в сасанидском Иране).

Иными словами, предложенное в рамках вневременной абстракции «Востока» парадигматическое противоположение «человек — власть» нуждается в существенных уточнениях. Во-первых, необходимо раскрыть качественное различие соотношения человека и власти на стадии древнейших цивилизаций и в условиях традиционного Востока. Во-вторых, следует показать

условия и причины трансформации одной системы рассматриваемых отношений, более ранней, в другую, следующую стадияльно за ней. В-третьих, нельзя оставить без внимания (хотя остановиться на том детально и не будет возможности) типологические различия соотношения «человек — власть» в контексте различных, стадияльно равноценных социокультурных систем, обычно именуемых цивилизациями (скажем, традиционные Китай, Индия или мусульманский мир так называемого средневековья). Решение поставленных задач предполагает самое внимательное отношение к проблеме стадияльности и вариативности развития восточных, как и, шире, вообще докапиталистических эксплуататорских обществ.

* * *

Современное состояние отечественной исторической науки характеризуется фактическим отказом от пресловутой «пятичленной» схемы, декларированной в начале 30-х годов. Это предполагает интенсивную разработку альтернативных ей формационных концепций как в пределах общемарксистской парадигмы, для которой, как и для эволюционизма, базовой является идея стадияльности всемирно-исторического процесса⁵, так и с выходом за ее рамки, при акцентировании внимания на полилинейности и высокой степени вариативности исторического движения⁶.

Стремление к синтезу этих двух подходов вызвало попытку построения своего рода «объемной» модели развития докапиталистических обществ, учитывающей различные варианты развития человеческих общностей в рамках определенных, последовательно сменяющих друг друга во всемирно-историческом плане ступеней и стадий социально-экономического процесса⁷. Полученные в результате этой работы выводы будут служить теоретической основой развиваемых в данной статье взглядов.

Общей тенденцией исследований последних лет можно считать сближение различных докапиталистических обществ в стадияльном отношении, что наиболее отчетливо проявилось в работах В. П. Илюшечкина, при акцентировании внимания на принципиальных различиях в развитии обществ западного и восточного типов, что особенно характерно для исследований Л. С. Васильева. При этом было обращено внимание на наличие двух стадияльно последовательных состояний докапиталистических эксплуататорских обществ. Как справедливо отметил Г. А. Меликишвили⁸, принципиальные изменения в социально-экономической жизни переднеазиатских обществ относятся не к эфемерному рубежу между «древностью» и «средневековьем», к которому обычно приурочивали якобы имевший место переход от «рабовладения» к «феодализму», а приблизительно ко второй половине II — первой половине I тысячелетия до н. э., притом что с середины I тысячелетия до н. э., где

то с начала ахеменидского периода, вплоть до Нового времени их строй уже не претерпевал принципиальных изменений. К близкому выводу (при соответствующих хронологических коррективах) на китайском материале параллельно пришли Л. С. Васильев⁹ и В. П. Илющечкин¹⁰.

Обобщение этих результатов с учетом данных по другим регионам позволило сделать вывод о том, что в широкой полосе Старого Света, почти укладывающейся в субтропический пояс, в основных центрах цивилизационного развития (Восточное Средиземноморье, Передняя и юг Средней Азии, Индия и Китай) до последней трети I тысячелетия до н. э. в основных чертах завершился процесс трансформации архаических раннеэксплуататорских обществ, обычно именуемых раннеклассовыми¹¹, в те, которые В. П. Илющечкин называет сословно-классовыми, а Л. С. Васильев — «традиционными» (применительно к Китаю, Передней Азии и пр.), стадийно соответствующими античности и средневековой Европе. При этом, если цивилизации доколумбовой Америки так и не преодолели определенного рубежа и в полной мере соответствовали характеристикам раннеклассового общества, то периферийные по отношению к первичным цивилизационным центрам Старого Света варварские общества, начиная с последней трети I тысячелетия до н. э., благодаря стимулирующему воздействию со стороны последних изначально сочетали не вполне реализовавшиеся раннеклассовые отношения со все более укоровившимися сословно-классовыми.

Под *раннеклассовым* представляется целесообразным понимать всякое эксплуататорское общество доиндустриальной эпохи, в системе которого отсутствует частная собственность на основное средство производства тех времен — землю и на основную массу отчуждаемого у земледельцев натурального прибавочного продукта, а соответственно весьма неразвитыми являются товарно-рыночное производство и эксплуатация человека человеком в рамках отдельных хозяйств. Для него характерна власть-собственность социальной (раннегосударственной) верхушки на природные и трудовые ресурсы соответствующего социального организма, реализующаяся в централизованной организации производства и отчуждения, перераспределения (редистрибуции) и трансформации натурального прибавочного продукта.

При таких условиях социальный статус индивида, строго коррелирующийся с местом последнего в системе общественного разделения труда и выполнением определенных общественных функций, в решающей степени определяет его имущественное положение. *Власть-собственность, система редистрибуции и, следовательно, совокупный общественный прибавочный продукт со всеми связанными с его обладанием формами подчинения одних групп людей другим* находятся в руках лиц, венчающих собою пирамиду раннегосударственной власти. Прин-

ципиальное отсутствие возможности выбора между различными ценностными ориентирами (стремление к богатству, или знаниям, или ключевым постам в системе управления и т. д.), притом что продвижение по социальной лестнице (так или иначе, впрочем, ограниченное изначальной клановой или кастовой принадлежностью) определяло комплексное удовлетворение разнообразных индивидуальных запросов, делало невозможным как фактическое противоположение отдельного человека тотальной власти, так и саму постановку подобного вопроса.

Фактически человек самореализовался лишь через предданные социокультурные формы по мере приобщения к власти и продвижения по ее ступеням, и не ему было их менять. Это относится не только к чиновникам, военным, жречеству или даже ремесленникам архаических цивилизаций, но и в ничуть не меньшей степени к работникам «творческой сферы» — архитекторам, живописцам и ваятелям, сочинителям художественно или информационно значимых текстов. Сама возможность неучастия в процессе пищевого производства определялась как минимум гарантированностью прожиточного уровня, а следовательно, и подопечностью державным структурам.

Конечно, уже на той стадии должны были вспыхивать искры свободной игры индивидуальных творческих сил, о чем, к примеру, можно судить по шедеврам древнеегипетской лирики или пронизанных личной скорбью строкам вавилонских поэмов. Однако эти проблески личностных форм культуры по сути своей выступали как вариативное многоголосье в рамках традиционных канонов и — в качестве альтернативы таковым — не воспринимались ни авторами, ни их современниками. Аналогичным образом следует понимать, очевидно, и по существу уже новаторские, выходящие за рамки традиционных канонов социального поведения действия таких выдающихся политических фигур, как Урукагина и Саргон Древний в Месопотамии или Аменхотеп IV Эхнатон в Египте.

Само многообразие становившихся все более специализированными видов деятельности — при необходимости действовать порою и в нестандартных ситуациях — объективно стимулировало, иногда даже провоцировало проявление внутренних творческих сил человека. Однако восстанавливавшая свою тотальность, основанная на государственной власти-собственности общественная система древневосточного образца неизменно гасила творческие порывы отдельных индивидов.

Сословно-классовое общество — как вторая стадия развития докапиталистического эксплуататорского общества — характеризуется уже заметным развитием частнособственнических отношений, лимитированных, впрочем, все еще сохраняющейся, но становящейся кое-где почти номинальной государственной властью-собственностью на землю и другие ресурсы. С этим непосредственно связано появление оказывающейся вне государственно-редистрибутивных структур индивидуальной трудо-

вой деятельности, ведущей к некоторому развитию товарно-рыночных отношений и права индивида на определенную часть (оставшуюся после уплаты налогов или взносов в общественные фонды) производимого в его хозяйстве прибавочного продукта. Это, естественно, стимулирует и развитие рыночных форм эксплуатации человека человеком в рамках частных домохозяйств. При этом редистрибутивная система постепенно трансформируется в налоговый аппарат, усиливается расхождение между социальными статусами, политическими позициями и имущественным достатком отдельных людей.

На стадии раннеклассовых обществ формы самореализации индивида были фактически всецело предзаданы его местом в системе общественного разделения труда (обычно передававшимся по наследству), связанным с ним статусом и положением в иерархии раннеполитической структуры, что в целом и определяло его материальный достаток. На сословно-классовой стадии — благодаря некоторому (в большей или меньшей степени) сужению экономических функций государства при развитии частнособственнических отношений и дальнейшем усложнении всех сфер общественной и культурной жизни, индивидуальное, деятельно-творческое начало в человеке получает возможность раскрыться гораздо глубже и полнее. Теперь от человека, от его способностей, ловкости и решимости, но также и от тех конкретных жизненных коллизий, в которых он нередко оказывается вопреки своим намерениям, зависит его положение (и возможность самореализации) в обществе. А это, с одной стороны, определяет появление в общественном сознании идеи о самоценности отдельно взятого индивида и его усилий, а с другой — способствует укоренению представления о личном, не опосредованном формами общественного культа характере отношений индивида и высших сакральных сил, определяющих ход мировых событий.

Иерархически соподчиненные ранее компоненты системы «мир богов» — «сакрализованная державность» — «отдельные люди» перегруппировываются и выстраиваются уже не по вертикали (согласно которой отношения конкретных индивидов и богов неизбежно опосредуются государственным культом), а во взаимосвязи и взаимоотношении относительно друг друга (по образцу вершин и сторон треугольника). Похоже, что развитие личностных форм религиозного мироощущения, прямое обращение человека (как частного лица) к богам (поздние Вавилония и Египет, но в значительно большей степени античная Греция, круг авестийской культуры и древняя Индия) или даже единому Богу (впервые — в иудаизме) прямо коррелирует с осознанием индивидом оппозиции «человек—власть» (всильная деспотия на Востоке или авторитарная полисная община в архаической Греции).

В социально-экономическом плане это соответствует появлению автономных по отношению к государству форм собствен-

ности, в нравственно-идеологическом — признанию за человеком права встать в оппозицию к освященному авторитетом предков общественному мировоззрению (досократики и софисты в Греции; не признававшие святость Вед сторонники «неортодоксальных» учений древней Индии: адживики, чарваки, джайны и буддисты — ранние, конечно; в известном смысле первые поколения даосов в Китае) и даже выступить с открытым осуждением «властей предержавших» (пророки Израиля и Иудеи).

Переход от раннеклассовой к сословно-классовой стадии развития был связан с качественным сдвигом в системе общественного сознания¹², в том числе и с изменением отношения человека к власти. Индивид (домохозяйство) обособляется в экономическом плане до такой степени, что может начать функционировать в качестве элементарной ячейки (контрагента) системы товарного производства. Принципиально усложняющаяся социально-политическая жизнь определяет более внимательное отношение «сильных мира сего» к индивидуальным качествам своих сподвижников и подчиненных, что способствует развитию социальной мобильности и росту напряженности между конкурирующими в борьбе за влияние и власть группировками. Развитие духовных, культурно-эстетических запросов, главным образом у представителей высших социальных слоев, поднимает в глазах общественного сознания значимость продукции индивидуального творчества, ставящегося в то же время на службу социально-престижным интересам знати.

Поэтому комплекс статусных позиций индивида, нередко находящихся в противоречии друг с другом (знатного происхождения — но отстраненный от власти и впавший в бедность; разбогатевший — но бесправный в социально-политическом отношении; ценимый за талант собою и окружающими — но социально и материально ущемленный, и т. д.), объективно определяется в ту эпоху тремя вполне автономными относительно друг друга моментами. Во-первых, это извне заданные человеку нормы социальной жизни (предполагающие и потенциально возможные формы его самореализации); во-вторых, внутренние его силы и способности; и наконец, в-третьих, случайности, препятствующие или благоприятствующие личному самоутверждению.

Такое положение дел стимулирует рост личностного самосознания, обратной стороной которого выступает все возрастающее ощущение противоположности, даже противостояния индивидуального «Я» окружающей социальной, в значительной мере «огосударственной» реальности. Отсюда вытекает глобальная религиозно-философская проблема личностного бытия-в-мире и человеческого отчуждения. Ее постановка со всеми связанными с ней этическими, метафизическими, гносеологическими и прочими вопросами определяет сущность той переломной в духовном развитии человечества эпохи, которую К. Ясперс назвал «осевым временем».

Под «осевым временем» К. Ясперс понимал период между VIII и III вв. до н. э., когда в различных частях Старого Света практически одновременно действовали греческие философы, иудейские пророки, проповедники зороастризма в Иране, основоположники важнейших религиозно-философских течений Индии и Китая. Конкретный человек был осмыслен ими в качестве священного начала бытия, как субъект, несущий личную ответственность за свои помыслы, слова и деяния перед собственным или, чаще, мировым (божественным) духовным началом. В этом смысле ясперсовское «осевое время» является по сути тем этапом духовного развития человечества, на котором личность впервые осознает себя самоценным субъектом культурно-исторического творчества, сознательно противопоставляя себя внешнему миру социальной реальности и государственной власти.

В общественном сознании появляется антитеза «пророк и царь», «поэт и царь» или «мудрец (отшельник) и царь», что, особенно в контексте античной культуры, дополняется противопоставлением мудреца, прорицателя или поэта, вообще художника, невежественной, неустойчивой в своих симпатиях и антипатиях толпе (Пифагор и италийские греки, Анаксагор, Протагор или особенно Сократ и афиняне, и пр.). По отношению же к стадиям всемирно-исторического процесса «осевое время» — эпоха духовного преодоления того глобального идейно-мировоззренческого кризиса, который был обусловлен болезненной трансформацией раннеклассовой системы общественных отношений в сословно-классовую.

Из сказанного следует, что антитеза «человек и власть» на стадии раннеклассовых обществ (похоже, как восточного, так и западного типов) осознавалась в аспекте не противостояния или тем более взаимного неприятия, а скорее в смысле необходимости оптимального «вписывания» индивида в предзаданные ему рождением или иными обстоятельствами социальные рамки наличествующей раннеполитической структуры. С утверждением же сословно-классовой системы отношений человек ощущает за собою свободу и моральное право, санкционированные сакральными силами бытия, на несогласие с общественной властью как таковой, на нравственное осуждение государственной власти, а то и на открытое неповиновение ей. Он начинает распрямляться и впервые противопоставляет себя и государственности, и системе социальных институтов, и комплексу традиционных установок и представлений. Ветхозаветные пророки обличают царей, греческие философы отвергают традиционную религию, зороастрийцы подчеркивают свободу выбора каждым между добром и злом, джайны и буддисты не признают сакрального характера варнового деления общества, а даосы иронизируют над государственной службой, церемониями и ритуалами.

Однако почему соответствующие процессы духовной транс-

формации в первой половине — середине I тысячелетия до н. э. практически не затронули такие древнейшие центры цивилизационного развития, как Египет и Двуречье? Ответить на этот вопрос можно, лишь проанализировав различия в формах перерастания раннеклассовых общественных отношений в сословно-классовые. В одних случаях мы имеем дело с относительно плавным, органическим переходом одних структур в другие, при непосредственном вызревании элементов частнособственнических отношений и всего спектра связанных с этим явлений. В других же — обычно не без вмешательства внешних, варварских сил — происходит крушение раннегосударственных социальных организмов и распад всей прежней системы социальных отношений, так что переход к сословно-классовому обществу осуществляется уже в процессе вторичного классовообразования¹³. В такой ситуации, допускающей значительное разнообразие форм синтеза постраннеклассовых и модифицирующихся варварских общественных систем, ведущая роль в созидательном процессе может принадлежать как местным, так и вторгшимся этническим группам.

Непосредственная трансформация раннеклассовых общественных отношений в сословно-классовые характеризуется постоянным, эволюционным и так или иначе «контролируемым сверху» перерастанием одной системы в другую. Многие характерные для предыдущего этапа феномены (государственная власть-собственность, редистрибутивная система и пр.) в модифицированном виде в значительной степени сохраняются и на следующей, сословно-классовой стадии. Это существенно тормозит развитие новых, частнособственнических отношений, вызревающих под строгим государственным контролем. Раннеклассовая структура, не претерпевая коренной деструкции, разрушения, распада, в экономическом отношении постепенно преобразуется за счет укоренения в ее системе новых отношений. Обычно такое наблюдается там, где государство в силу самого характера ведения хозяйства (потребность в широкомасштабной ирригации и пр.) должно выполнять ряд важнейших экономических функций.

Сказанное в полной мере относится к Египту и Месопотамии. Периодически имевшие место завоевания и утверждения иноземных династий (гиксосская, ливийская, эфиопская на берегах Нила или аморейская, касситская, халдейская в Двуречье) мало изменяли саму социально-экономическую систему именно потому, что новые властители должны были решать те же проблемы, что и их предшественники, а значит, и прибегать к уже отработанным, традиционным, проверенным методам регуляции хозяйственной и общественной жизни.

Понятно, что при описанной ситуации человек, несмотря на некоторую партикуляризацию его деятельности, и в социально-экономическом, и в общественно-политическом, и в культурно-идеологическом аспекте остается вполне подчиненным государ-

ственно-бюрократическим структурам. Он уже начинает ощущать свою скованность тотальностью власти, однако ему еще не на что опереться в акте духовного самоутверждения, поскольку во всех возможных сферах самореализации индивид подконтролен государству и бесправен перед ним. Общественное бытие препятствует концептуальному оформлению тех идейных схем, появление которых и составляет сущность «осевого времени», однако оно же создает все необходимые социально-психологические предпосылки для восприятия соответствующих учений и их последующей разработки как адаптации к местным духовным запросам (христианство и гностицизм в Египте и Месопотамии, зарождающееся в Вавилонии и быстро распространяющееся по трансевразийским торговым путям манихейство и пр.). Реальный же выход дает лишь отшельничество, начиная с пустынножительства христианской Фиваиды.

Опосредованная трансформация более раннего типа капиталистических обществ в последующий связана с крушением или даже просто самораспадом раннеклассовых структур — при дальнейшем развитии на их дезинтегрированных обломках сословно-классовых отношений в ходе вторичного классового образования (вторичного политогенеза). Это, как правило, происходило при активном участии инфильтровавшихся варварских групп, которые, впрочем, не всегда были ответственны за падение прежней цивилизации (ср.: индоарии и закат хараппской Индии). Однако суть процесса определялась не тем, что варвары разрушают обветшавшее политическое образование и сами выступают ведущим началом при утверждении нового, — такое не раз бывало и в Египте, и в Двуречье, и в цивилизациях доколумбовой Америки. Гораздо важнее то, что в некоторых ситуациях в силу определенных причин¹⁴ в ходе вторичного классового образования прежняя общественная система уже не восстанавливается.

На месте распавшейся цивилизации (если ее прежняя система не регенерируется вновь) возникает либо серия мелких самоуправляющихся общин, объединяющих потомков погибшего раннеклассового общества, либо — в случае утверждения пришельцев (но при отсутствии потребности в организации хозяйственных работ общегосударственного масштаба) — складывается система основанного на политическом господстве внеэкономического принуждения. В условиях последней верхушка завоевателей, иногда инкорпорирующая в свой состав и представителей местной знати, конституируется в военно-управленческое сословие — коллективного (нередко — внутри себя иерархически организованного) субъекта власти, чьими подданными оказываются уже приобретающие некоторую степень производственной и духовной свободы индивиды.

Классическим примером первой ситуации является ионийско-эолийское общество Эгеиды, складывающееся к началу I тысячелетия до н. э., после разгрома дорийцами Микенской

цивилизации¹⁵. Возможно, что с этим в некотором отношении может быть сопоставлен еще не осмысленный и не оцененный должным образом процесс сложения индийской общины при расселении потомков Харлаппской цивилизации в сторону Декана и Малабарского берега до утверждения господства ариев.

Однако гораздо более типичной во всемирно-историческом масштабе была вторая ситуация, имевшая место как в Средиземноморье (Спарта, Крит, Фессалия, в некотором отношении даже Этрурия), так и на восток от него, на бескрайних просторах Азии, вплоть до Желтого моря. Ярким и обстоятельно исследованным примером этого может служить трансформация всей системы общественных отношений в долине Хуанхэ после завоевания Северного Китая чжоусцами¹⁶. Сопоставимые с этим события в то же самое время, в конце II тысячелетия до н. э., происходили и на территории Палестины, при покорении израильтянами зависимых ранее от Египта ханаанейских городов-государств.

Своеобразным сочетанием следующих одно за другим внутреннего распада раннеклассовых структур и подчинения соответствующего населения пришлыми скотоводческими племенами в позднебронзовом веке отмечена и история Иранского нагорья (с прилегающими южными областями Средней Азии) и северной половины Индостана. В этих регионах общины, образовавшиеся в процессе деструкции существовавших здесь раннеклассовых социумов (цивилизации долины Инда и городов-государств типа Мундигака, Сялка, Алтын-Депе или Джаркутана), на протяжении II — начала I тысячелетия до н. э. оказываются в подчинении у индо-иранских ариев.

При таком ракурсе рассмотрения можно, как кажется, уловить начало расхождения между теми двумя базовыми типами социокультурных систем, которые традиционно противопоставляются друг другу как «Запад» и «Восток».

Раннеклассовые общества Эгеиды бронзового века по всем основным параметрам вписываются в один непрерывный ряд с современными им «дворцовыми» городами-государствами Малой и Передней Азии — хеттскими и хурритскими, финикийскими или ханаанейскими. Ничего специфически «западного» в них еще нет. Однако осмысление действий героев той эпохи в гомеровском эпосе — спустя четыре столетия после взятия Трои и последующего крушения всего крито-микенского мира — свидетельствует о появлении совершенно нового общества. Характерной его чертой является идеал гармоничного, свободного в своем выборе человека, действующего вне рамок иерархически организованной системы власти, однако бессильного перед Судьбой, Рокон — как извне предзаданной цепи событий, необъяснимых в системе осмысливаемых причинно-следственных связей.

Уже в эпоху архаики древний грек представляет социальные отношения как горизонтальные, как отношения в принципе равноценных друг другу людей, а не как вертикальные, нисходящие

с высот власти до отдельных исполнителей царственных повелений. Конечной причиной того было рождение (на руинах микенской дворцовой системы) полисной общины как союза экономически самостоятельных домохозяйств, главы которых и образуют высший коллективный орган власти — народное собрание. Избираемые ими из их же среды лица, которым на время доверяется выполнение общественных дел, во-первых, подотчетны гражданской общине, а во-вторых, не имеют в своих руках рычагов экономической власти над прочими членами общества. Иными словами, гражданское общество, как союз собственников — глав частных домохозяйств, порождает и контролирует государственные институты, деятельность которых призвана служить интересам самих полноправных граждан-собственников.

В такой системе до тех пор, пока полис не оказывается подчиненным некоей внешней силе (будь то восточное царство — Лидия, держава Ахеменидов, другая гражданская община — Спарта, Афины, монархия эллинистического типа — Селевкидов, Антигонидов или мировая империя — Рим) или не подпадает под власть тирана с кликой его приспешников (Поликрат на Самосе, Писистрат в Афинах, Дионисий в Сиракузах), каждый из ее граждан обладает широчайшими возможностями творческой самореализации не только в духовной, но и в социально-экономической и политической сферах. Препградой на этом пути может стать только сам гражданский коллектив, противостоящий личности в силу своей приверженности традиционным стереотипам мышления и поведения (обвинения, выдвинутые афинянами против Анаксагора, Протагора и Сократа) или из опасения перед честолюбивыми устремлениями (действительными или мнимыми) отдельных влиятельных личностей (случаи с Аристидом, Фемистоклом и Алкивиадом).

Иная ситуация (типологически близкая к спартанско-фессалийской) была характерна для азиатских обществ, переживших кризис и распад раннеклассовых структур, но оказавшихся под властью новых военно-политических институтов, обычно создаваемых иноплеменными варварами-завоевателями. В этих условиях, даже при определенной производственной самостоятельности отдельных домохозяйств в рамках автаркичных, но подчиненных деспотическому государству общин, при более или менее индифферентном отношении властей к духовному миру и религиозным верованиям широких масс, свободная творческая самореализация человека в общественной сфере была достаточно жестко заблокирована.

В одних случаях, как, например, в древней Индии, на ее пути стояла варновая система, в других (переднеазиатские деспотии, древний Китай) — бюрократическая государственность. Последняя вполне обеспечивала, а первая, хотя и в гораздо меньшей степени, допускала вертикальную социальную мобильность¹⁷. Однако продвижение человека вверх по социально-ста-

тусной лестнице неизменно предполагало своего рода сублимацию (конечно, не в психоаналитическом значении этого слова) его творческих потенций — подавляемых, трансформируемых и направляемых властью в удобную ей сторону. «Освобождение» же (мокша, самадхи, нирвана, сатори) — заветная цель едва ли не всех восточных религиозно-философских учений — мыслилось возможным даже не просто при отказе от реализации честолюбивых и корыстных планов, но при разрыве с укорененными в миру (а следовательно, и подчиненными державной властью) формами существования — через аскезу, отшельничество, странничество, схиму.

Таким образом, стадиально определенный этап в развитии докапиталистических обществ, характеризующийся переходом от раннеклассовых отношений к сословно-классовым, определенно связан с появлением феномена личности как осознающей свою самоценность творческой индивидуальности. Однако если в одних социально-исторических условиях («Запад») ее более или менее свободная самореализация в сфере общественно-экономической жизнедеятельности была принципиально возможна, то в других («Восток») такого рода самораскрытие индивида могло осуществиться лишь через противоположение себя власти и всей наличествующей социальной системе при ориентации на духовные, тяготеющие к мистике, как методу реализации связи индивидуального духа с мировым Абсолютом, формы творчества.

Такой подход наиболее типичен для индийской традиции. При этом неизменно актуальной и в теоретическом, и в практическом отношении оставалась проблема взаимоотношения творческой личности с властью, что особенно остро ощущалось в Китае. И наконец, в рамках постепенно утверждавшегося на Ближнем Востоке теистического мировоззрения, предполагавшего в то же время свободу человека в выборе линии поведения при конечной личной ответственности за совершенные деяния (ранний зороастризм, иудаизм со времени Вавилонского пленения — с книги Иезекииля), на одно из первых мест выдвигалась проблема противления — как обличения или даже вооруженной борьбы — угодных Богу праведников безбожной, порочной власти.

Остановимся на этих аспектах проблемы взаимоотношения человека и власти на Востоке несколько более подробно, поставив их в контекст исторического развития социокультурных систем соответствующих регионов.

Индия, как и Эгеида, является тем регионом, где имел место длительный процесс повторного классовообразования, становления вторичной (по отношению к предшествующей ей) цивилизации в ходе сложного взаимодействия пережиточных со-

циальных структур, оставшихся после дезинтеграции общества Хараппы и Мохенджо-Даро, с перенесенными в Индостан из евразийских степей общественных отношений пастушеских племен индо-ариев.

Сегодня можно считать доказанным, что гибель, точнее, длительное, растянувшееся на несколько веков угасание цивилизации долины Инда (типологически сходной с современными ей обществами Египта и Нижнего Двуречья) было обусловлено не варварскими вторжениями, а глубочайшим внутренним кризисом¹⁸. При этом едва ли приходится сомневаться в том, что ее несколькомиллионное население в массе своей, должно быть, не погибло, а постепенно расселилось по соседним, более восточным и южным областям. Распад великой городской цивилизации, хозяйственной основой которой могло быть только ирригационное земледелие переднеазиатского типа¹⁹, при постепенной переориентации ее потомков на иные, приспособленные к муссонному климату системы производства, не требовавшие надобщинной организации хозяйственной деятельности, должен был привести к качественной трансформации всей прежней социокультурной системы. Крушение отработанной государственной машины хараппского периода при неизбежном в таких случаях хозяйственном развале и тяжких лишениях, дискредитации сопряженных со старой общественной системой религиозно-мировоззренческих установок предполагало и глобальный мировоззренческий кризис, равно как и стремление преодолеть его.

Разочарование в прежних культах и системе ценностей в эпоху связанных с гибелью цивилизации бедствий и переселений, очевидно, и нашло выражение в столь характерной для всей последующей традиции индийской философии глубоко пессимистической оценке человеческого бытия-в-мире. При этом распад основывавшейся на централизованной власти-собственности государственной системы должен был определять и неизбежный отход от старых — государственных, как и во всех раннеклассовых обществах, — культовых форм. То и другое еще более усугублялось социальными последствиями (и их восприятием) установления в северной половине Индостана господства пришлых, иноэтничных племен.

Утвердившиеся во второй половине II тысячелетия до н. э. в Пенджабе скотоводы-арии, сохранявшие достаточно прочную систему общинно-племенной организации, основанной на типичном для индоевропейских народов древности трехчленном социальном делении, в мировоззренческом плане были ориентированы на смутно осознававшуюся уже в поздневедический период идею мировой целостности — Брахмана, который, как кажется, первоначально просто символизировал дух единства общины²⁰. Социальная сплоченность членов арийского общества, тем более необходимая в условиях расселения и покорения аборигенов, непосредственно проявлялась (и, в свою очередь,

укреплялась) в коллективных культовых действиях и ритуалах. Центральное место в них занимали жертвоприношения — как форма укрепления связи сообщества «арьев-благородных» с миром покровительствующих им богов — Индре, Митре, Варуне, Ашвинам и пр. Не-арии — темнокожие потомки аборигенов, шудры — к господствующему культу (как своего рода квинтэссенции общественной жизни) не допускались.

Изначальная отчужденность от социокультурной системы властвующей иноэтничной элиты (куда заведомо был закрыт доступ), помноженная на сознательное недопущение неариев к участию в общественно-религиозной жизни, должна была способствовать индивидуализации духовной жизни ущемленных в своих человеческих правах людей — потомков погибшей цивилизации. Культ и ритуал начинают отступать на второй план, освобождая место аскетической мистике отшельников-шраманов, порывающих путем отказа от принятия предписанных норм социального поведения с миром неравенства и угнетения. При жесткости варновых барьеров, усугубляемых этническими и даже расовыми различиями, аскетическое отшельничество в некотором отношении становится формой сверхкомпенсации, выводящей не желающего признать свою неполноценность индивида (в обход социальной регламентации и иерархии) на непосредственный контакт с мировой первореальностью, раскрывающейся через мистический транс.

Если утвердившие свою власть арии приобщаются к сакральной сфере бытия через гражданский культ и ритуал, то обладающие высоким творческим потенциалом представители социально ущемленных групп древнеиндийского населения времен господства брахманистской идеологии обречены на недопущение к участию в них. Поэтому свое самоутверждение (в собственных глазах и в сознании окружающих) они обеспечивают при помощи сложной методики овладения скрытыми возможностями человеческой психики и физиологии. Их достижения на этом пути (зафиксированные в йогической практике) не могли не производить сильнейшее впечатление на окружающих, включая брахманов и раджей.

Взаимоадаптация культурно-мировоззренческих традиций завоевателей и завоеванных при постепенном стирании этнических барьеров в течение второй четверти I тысячелетия до н. э. приводит к появлению серии взаимодействующих интеллектуальных, обычно так или иначе связанных с формами мистической практики течений, которые постепенно оформляются в несколько основных для последующей духовной жизни Индии философских и религиозно-философских систем.

По текстам Вед, Брахманов и Упанишад достаточно отчетливо прослеживается становление традиции веданты, истоки которой уловимы уже в знаменитом «Космогоническом» гимне Ригведы (X, 129). Однако традиция лесного отшельничества и ставшая потом базовой для всей индийской духовной куль-

туры концепция индивидуального духа (атмы) как аспекта мирового духа (Брахмы), к которому личность восходит через медитативное самосозерцание, не могут быть интерпретированы как естественное саморазвитие позднепервобытной идеологии индоевропейского скотоводческого общества. То и другое, точно так же как и принципиально пессимистическая оценка земного существования — в качестве цепи страданий и пребывания в неведении по отношению к высшим истинам, — должно было быть органически связанным с традициями доарийского, в первую очередь постхарапского дравидоязычного населения. Тем более это относится к ставящим в центр системы бытия отдельно взятого индивида санкхье и йоге, разрабатывающим концепцию освобождения как целенаправленного отстранения человека от всего внешнего и сосредоточения его на персональном духовном «Я».

Однако наиболее непосредственное идейное выражение неприятия человеком утвердившейся с арийским завоеванием варновой системы социального неравенства находим в джайнизме, раннем буддизме и учении адживиков, не признающих авторитета Вед, а значит, и освященных ими норм общественного устройства. Их индифферентность к вопросу о богах, сосредоточение внимания на этической проблематике, проповедь непричинения зла всему живущему (ахимсы), отличный от текстов Упанишад категориальный аппарат и многое другое свидетельствуют о том, что их истоки следует искать вне идейного контекста ведического мировоззрения. Сама открытая конфронтация с последними из так называемых неортодоксальных, т. е. не признающих авторитета Вед, учений, прежде всего с джайнизмом и буддизмом, говорит в пользу того, что эти школы и становятся с середины I тысячелетия до н. э. доступной достаточно широким массам формой преодоления старой системы жесткой социальной регламентации форм личностной самореализации.

Наряду с ашрамами нередко предававшимися самоистязанию отшельников появляются общины-сангхи с умеренным уставом, открытые для выходцев из всех социальных слоев и, что важно отметить, нередко пользующиеся покровительством со стороны носителей государственной власти. Примечательно, что и Вардхаман — Джина Махавира, и Сиддхартха Гаутама — Будда происходили из знатных кшатрийских родов, занимавших ключевые позиции в администрации соответствующих раннегосударственных структур. Оба они, как и прославившийся еще более радикальной критикой брахманизма выходец из социальных низов Госала — корифей учения адживиков²¹, выступили в роли принципиальных противников варновой системы.

Эти факты наводят на мысль о том, что в традиционно индийской сословно-варновой системе, приобретающей в средние века еще более жесткие, кастовые формы, в качестве основного ограничителя личностных устремлений воспринималась не

государственная власть, а жесткая сословная сегрегация. Более того, такого рода социальная система не только блокировала возможности самореализации отдельной личности, но и объективно противоречила интересам государственной власти. Носители последней были заинтересованы порвать налажавшиеся на них варновой системой ограничения, выйти из-под контроля идеологии, обслуживающей в первую очередь привилегии брахманов. Отсюда — склонность к «неортодоксальным» системам многих древнеиндийских монархов: покровительствовавших Будде магадхских царей Бимбисары и Аджаташтры, императора-буддиста Ашоки и его отца Биндусары, греко-бактрийского царя Менандра (Милинды) и кушанского императора Кашишки.

Жесткая система варново-кастовой регламентации человеческого поведения становилась на пути личностной самореализации представителей не только низших, но и привилегированных социальных групп, в том числе и носителей государственной власти, тем более когда они, как, к примеру, цари династии Нандов, сами были незнатного происхождения. В их среде бывали случаи полного разрыва со своим кругом и предания себя аскезе и мистике. Однако общественное положение представителей высших каст открывало перед ними широчайшие перспективы гедонистического времяпрепровождения, никогда не осуждавшегося в Индии традиционными этическими нормами (как, скажем, в христианском мире). В этом плане проясняется и социально-психологический смысл столь характерного для быта индийской знати пристрастия к повседневной роскоши и чувственным наслаждениям, проявляющегося, в частности, в беспрецедентной эротической окраске поэзии, изобразительного искусства и хореографии Индии до, а отчасти — особенно на юге — и после мусульманской экспансии.

При этом симптоматично, что в Индии, в отличие не только от античного мира, но также от Китая и переднеазиатского блока культур, синтезировавшихся в конце концов в социокультурную систему ислама, так и не возникла традиция социально-критической мысли. В решающей степени, как кажется, это было связано именно с тем, что в традиционной индийской цивилизации индивид был стеснен не столько государственной властью, сколько опутывавшими его на каждом шагу сословными, прямо санкционированными всем религиозно-мировоззренческим комплексом ограничениями. В рамках периодически сменявших друг друга политических образований (по крайней мере до установления мусульманского господства в северной половине Индостана) общественные отношения регулировались по преимуществу не государственными законоположениями и постановлениями, а самой покоящейся на ведическом авторитете сословно-кастовой системой, выступавшей в качестве базовой, матричной по отношению к поведению как власть имущих, так и их подданных. В сущности, единственным путем

преодоления навязываемого каждому его кастовой принадлежностью спектра доступных форм самореализации был отказ от ориентированных на внешнюю сторону жизни видов деятельности, что было сопряжено с отшельничеством или монашеством.

Однако вместе с тем в рамках своего сословного статуса каждый человек мог самореализоваться достаточно полно, без особой оглядки на государственные инстанции, практически не вмешивавшиеся в частную жизнь отдельных лиц. Кроме того, корпоративные связи в рамках каст гарантировали их членам определенную социальную защищенность по отношению к внешним силам, в том числе и государству. Поэтому, особенно для представителей высших слоев, традиционная индийская система, хотя и в строго определенных рамках, предоставляла значительные возможности для реализации индивидуальных творческих сил, сводя к минимуму возможность их ограничения произволом государственной власти.

* * *

Иную, во многом принципиально отличную от индийской модели ситуацию мы можем наблюдать в традиционном *Китае*, где сословные границы обычно играли куда менее существенную роль и человек был непосредственно соотнесен с государственно-административными структурами власти и управления. Социальное самоутверждение индивида в принципе регламентировалось не происхождением или тем более богатством (хотя, конечно, и эти факторы играли огромную роль²²), а оценкой уровня образованности и успехами в продвижении по служебной лестнице. Поэтому если в Индии социальная мобильность была крайне затруднена барьерами между кастами, то в Китае она была весьма облегчена системой экзаменов, сделавшей продвижение вверх практически доступным для каждого способного и амбициозного кандидата, принявшего жесткие правила игры (т. е. изучающего и активно развивающего нормы официально санкционированной доктрины — конфуцианства)²³.

При этом даже самое общее знакомство с духовной культурой традиционного Китая и биографиями ее творцов, особенно поэтов, позволяет выявить нередко обостренное ощущение раздвоенности личности и связанный с этим нравственный дискомфорт. Культурный человек традиционного Китая оказывался неизменно задействованным в административной системе, базирующейся в идеологическом плане на официально истолковываемом конфуцианстве как универсальной нравственно-социально-политической концепции. После падения династии Цинь в области общественнознания оно — на протяжении более двух тысячелетий — не знало конкурентов. Отсутствие идеологической альтернативы конфуцианской модели общественного устройст-

ва — при неизменно ощущавшейся духовно развитыми индивидами отчужденности от бюрократической машины власти, каждым своим практическим действием попирающей ею же декларируемые идеалы и нормы поведения, — способствовало стремлению замкнуться на внутреннем, духовном мире, предавшись поэтическому творчеству или живописи. В контексте психологической потребности преодоления служебного отчуждения правомерно рассматривать и тенденцию к объединению одаренных личностей, к образованию своего рода «неформальных творческих групп» (типа «Семи мудрецов из бамбуковой рощи»), равно как и образцы трогательной дружеской привязанности ощущающих свою духовную близость людей, даже если они, как, к примеру, Ли Бо и Ду Фу, оказывались в различных, борющихся между собой с оружием в руках группировках.

Потребность в преодолении отчуждения личности, определявшегося жесткими нормами объективации индивида в сфере общественной (фактически — государственно-административной) деятельности, предполагала развитие — в противовес казенному конфуцианству — иного мировоззренческого комплекса в качестве своего рода его идейно-эстетической альтернативы. В роли последней длительное время выступал даосизм, дополнявшийся с первой половины I тысячелетия н. э. даосски интерпретированным буддизмом (главным образом в форме «чань»).

Конфуцианство и даосизм в сущности представляли собою взаимодополняющие и взаимоуравновешивающие (по аналогии с парадигмой «инь—янь») полярные компоненты внутренне противоречивого, но и удерживающегося на этом противоречии мировоззренческого комплекса традиционного Китая. Будучи ориентированными на различные сферы жизни — внешнюю, общественную, отчужденную — и внутреннюю, личностную, интимную, они по сути не вступали в конфронтацию друг с другом, причем каждое течение фактически — в известном смысле — признавало некоторую правоту своего антипода. И если ориентированные на внешнюю самореализацию индивиды (чем бы она ни мотивировалась: чувством гражданского долга или элементарными тщеславием и корыстолюбием), особенно в молодые годы, принимали конфуцианский канон и не ставили под сомнение его истинность, то личности более тонкого душевного склада, особенно с годами, пережив цепь сомнений и разочарований, все более становились поклонниками «уводившей от жизни» к «горам и водам», «ветру и потоку» ироничной и эстетически заостренной мудрости даосов.

Распространение буддизма, достигшее ощутимых размеров к началу эпохи Тан, лишь способствовало закреплению права выбора между экстравертированными (через интеграцию в государственные институты) и интровертированными (опосредованными отказом от мирских благ и принятием монашества) формами самореализации. Продвигавшиеся по должностной

лестнице чиновники, если, конечно, они не были чужды духовных запросов, компенсировали самоотчуждение на службе путем приобщения к даосско-буддийской традиции. Связавшие же свой образ жизни с заветами последней, но не до конца изжившие личное честолюбие и корыстолюбие («чувство собственной значительности», по К. Кастанеде) люди удовлетворяли свои амбиции через тот авторитет и влияние, которыми пользовались представляемые ими течения. Слова, брошенные Сократом Антисфену, бравировавшему ветхостью своего платья: «Сквозь этот плащ я вижу твое тщеславие» (Диог. Лаэрт., VI, 8), могли бы, очевидно, относиться и ко многим из них.

Такого рода противостояние двух главных идейных тенденций (несмотря на тот факт, что большинство представителей китайской культуры в той или иной степени всегда сочетали конфуцианские и даосские, а с середины I тысячелетия н. э. и буддийские воззрения) должно иметь основания в общественно-исторической практике различных социальных групп. Оно должно было зародиться и вырваться в определенных, специфических для поры становления китайской социокультурной модели условиях — до начала эпохи «Чжань го» — «Воюющих царств» (V—III вв. до н. э.), когда конфуцианство и даосизм выступают в качестве осознающих свою мировоззренческую антипатичность доктрин. Такая постановка проблемы предполагает повышенное внимание к социально-психологической обстановке, сложившейся в бассейне Хуанхэ в первой половине I тысячелетия до н. э., в эпоху Чжоу, социально-политические процессы на протяжении которой детально рассмотрены Л. С. Васильевым²⁴.

Становление китайской цивилизации в эпоху раннего Чжоу определялось взаимодействием двух этнокультурных блоков: завоеванных потомков предшествующей, шан-иньской цивилизации, связанных с древними традициями местного населения, и утвердивших над ними свою власть варваров-чжоусцев, ранее зависимых от дома Шан. Казалось бы, подобную ситуацию мы наблюдали и в Индии, однако принципиальное различие двух названных случаев состоит в том, что в них вступали во взаимодействие различные социальные структуры.

В северной половине Индостана скотоводы-арии, находившиеся еще на позднепервобытном уровне, подчиняли разрозненные общины потомков дезинтегрировавшейся несколькими веками ранее цивилизации. К моменту их столкновения один из контрагентов, уже зная сословное деление общества, еще не создал государственной машины, тогда как другой вследствие не вполне ясных нам сегодня причин уже утратил ее. Поэтому на всем протяжении периода становления раннегосударственных организмов, как, впрочем, и в последующие века, общественные связи регулировались главным образом нормами сословных (варновых, кастовых) отношений, распространенных завоевателями и на аборигенов. Чжоусцам же, в принципе уже имевшим

к началу борьбы с державой Шан-Инь по крайней мере протогосударственное устройство, после победы над своим бывшим сюзереном пришлось налаживать управление населением, привыкшим за несколько сот лет жить под контролем административно-бюрократического аппарата. Одна система власти сменилась другой, однако их отношение к местному населению было далеко не идентичным. Если за прежним правящим домом стоял скрализованный традицией авторитет, то господство захватчиков, не имея легитимных основ и в идеологическом отношении, на первых порах могло удерживаться лишь голым насилем.

Таким образом, если в Индии эпохи брахманизма социальные отношения между отдельными людьми строились преимущественно по принципу их варновой (сословной) принадлежности, то в Китае начала I тысячелетия до н. э. социальные роли определялись на основе диспозиции «властители—подданные» или «управляющие—управляемые». При отсутствии расовых барьеров и этноязыковой отчужденности прагматические соображения, в первую очередь связанные с заботами чжоусцев о создании эффективного административного аппарата, способствовали инкорпорации части представителей старой знати в состав новой господствующей прослойки.

Чжоуское завоевание и обусловленные им крах традиционной общественной системы, дискредитация прежней, освящавшей ее идеологической традиции, утверждение господства иноплеменных варваров, нуждающихся в кадрах квалифицированного чиновничества, поставили перед «образованной прослойкой» покоренного общества проблему выбора линии социального поведения. Известно высказывание Ж. П. Сартра о том, что в период фашистской оккупации французы обладали наибольшей свободой — свободой выбора между сопротивлением и покорностью. Сопоставимое суждение от Дона Хуана, мага из племени яки, услышал и Карлос Кастанеда — применительно к положению мексиканских индейцев сразу после конкисты: они принимали факт порабощения как данность, стремясь сохранить хоть что-то от своего прежнего достоинства, тогда как другие, оставляя все, что имели, уходили в недоступные для испанцев места, выбирая и вырабатывая новые формы жизни и мировоззрения. Такого рода ситуация «экзистенциального выбора», ведущая к размежеванию между «конформистами» и «нонконформистами» (как бы по-современному эти термины ни звучали), неоднократно имела место и в древности, в том числе, судя по всему, и на заре чжоуского Китая.

Принимая официальную трактовку смены династий как следствие изменения «мандата Неба», многие из представителей социально активных слоев пошли на компромисс и сотрудничество с завоевателями, остро нуждавшимися в образованных кадрах. В этой среде и должны были зародиться прообразы тех социально-этических доктрин, которые были ориентированы на

решение проблемы взаимоотношения государства (в лице его правителя и представителей на местах), прослойки служащих-администраторов среднего звена и простого народа — проблемы, которая не в последнюю очередь должна была усугубляться самим двойственным положением чиновничества, находившегося на службе у завоевателей и вместе с тем ощущавшего свою причастность к покоренным массам.

В такой ситуации и был поставлен вопрос о разработке концепции и последующего сознательного построения такой общественной системы, в рамках которой воцарилась бы гармония и каждый человек — в соответствии с его способностями — выполнял бы определенные общественно полезные функции на благо целого. С особой силой эта тенденция стала проявляться во второй четверти I тысячелетия до н. э., когда в различных древнекитайских царствах и княжествах различинные по происхождению служащие — ши — начинают неуклонно вытеснять в социально-политической сфере представителей собственно чжоуской родовой аристократии, закладывая основы будущей, характерной для традиционного Китая административно-бюрократической системы с высокой степенью социальной мобильности.

В этих условиях одни мыслители, такие, как Гуань Чжун, Шан Ян или Хань Фэй-цзы, решали общественные вопросы исключительно с точки зрения интересов государственной машины, рассматривая отдельного человека как средство для достижения стоящих перед нею целей. Другие же, в первую очередь Кун-цзы (Конфуций) и Мэн-цзы, стремились к гармонии между интересами индивида и общественного целого, обеспечить которую, по их мнению, и должна была деятельность образованного чиновничества, равно как и строгие правила регламентации общественного поведения. Дискредитация легистской идеологии первого типа, школы фа-цзя (когда она стала общеимперской официальной доктриной), в годы кровавой тирании Цинь Ши Хуан-ди определила демонстративную приверженность всей последующей государственной традиции идеалам конфуцианства. Однако на практике и во все последующие века отдельный человек был низведен до роли бесправного и бесслесного винтика, работающего на благо империи, а фактически — властвующей бюрократии.

С иной духовной традицией и, судя по всему, социально-психологической средой был связан даосизм, ассоциирующийся в первую очередь с именами Лао-цзы и Чжуан-цзы. Его ироничное, даже определенно негативное отношение к государственной службе, неверие в возможность построения «справедливого общества», идеал отшельника, живущего наедине с природой и овладевающего ее скрытыми силами, обращение к примерам из обыденной жизни для иллюстрации теоретических положений, опять-таки привязанных к нуждам решения конкретных житейских задач, — все это выдает явную связь даосских кругов со средой, находившейся в пассивной оппозиции по

отношению к государственной бюрократии и ориентированной на идеализацию патриархальных традиций в их эмпирических данных, а не умозрительно реконструируемых (как у конфуцианцев) формах.

В этом плане заслуживает внимания старая точка зрения Ян Хин-шуна на даосизм как отражение идеологии патриархальных крестьянских кругов²⁵. Однако присущая даосам склонность к содержащей элементарные научные знания магии и основанной на немалом медитативном опыте мистике позволяет связывать их учение с кругом близких к крестьянству сельских жрецов — целителей, гадателей и знахарей, а генетически — с потомками представителей образованных слоев шаньиньского общества, которые не пошли на прямое сотрудничество с чжоуской аристократией и были отстранены от активной общественной деятельности.

В сущности, негативную оценку окружающей социальной действительности во все века давали не только даосы, но и наиболее честные из приверженцев конфуцианства. Однако если вторые, прямо связанные с государственной службой, все же полагали, что положение в обществе в принципе может быть улучшено, и с этой целью разрабатывали соответствующие проекты и предложения для двора, то первые, стараясь по мере сил быть в стороне от политической жизни, оценивали перспективы усилий своих идейных оппонентов более чем скептически. Усовершенствование человека и его жизни мыслилось даосами не в рамках огосударственного общества, а на лоне природы, через единение с мировым дао при соблюдении принципа у-вэй (недеяния).

Характерно, что противостоянием двух очерченных мировоззренческих позиций в большой, если не в определяющей, степени характеризуется идейное содержание традиционной китайской лирики. Практически каждый образованный человек в начале самостоятельного жизненного пути был вынужден выполнять чиновничьи функции и, разделяя конфуцианские установки, стремиться к воплощению последних в жизнь. Но, неизбежно терпя фиаско на этом пути, честный государственный служащий рано или поздно лишался веры в возможность реально улучшить бюрократическое общество (альтернативы которому не было даже в теории). И тут его мировоззренческим ориентиром становился даосизм, а позднее и (или) буддизм. В I тысячелетии н. э., особенно после краха империи Хань и кровавого подавления восстания «желтых повязок», при последующем установлении диктаторских режимов (начиная с Цао Цао) стремление к покою и созерцательной жизни на лоне природы — при глубоком разочаровании в самой целесообразности общественной деятельности — становится едва ли не ведущим мотивом китайской поэзии. Он звучит в стихах Цао Чжи, Жуань-цзы, Тоа Юань-мина, Се Линь-юня и многих других, сливаясь с буддийскими умонастроениями в поэзии Ван Вэя или

Лю Цзуан-юаня. Вместе с тем некоторые из танских поэтов, например Ду Фу или Бо Цзюй-и, на протяжении всей жизни не оставляли гражданской тематики и не теряли интереса к общественной жизни.

Итак, в контексте традиционных социокультурных систем и Индии, и Китая человек, опираясь на со-родственное его внутреннему естеству мировое первоначало, проявляет стремление к самоутверждению в качестве самоценного, автономного по отношению к социальной системе (власти) субъекта. Однако в этих рамках между традиционно индийским и традиционно китайским подходами имеются существенные расхождения. В первом случае в качестве реальных оппозиций, между которыми человек ищет свое место, оказываются, с одной стороны, кастовая система сословной сегрегации, с другой — трансцендентное имперсональное духовное первоначало, в качестве «видимости», ложного восприятия которого (майи) и мыслится эмпирический мир. Основания каждого из компонентов этой антитезы предельно спиритуализированы и фактически вынесены за рамки реальной жизни. В противоположность этому китайская традиция работает в пределах дихотомии: государственно упорядоченное общество — практически адекватное природному миру дао как конечная первореальность. Оба эти начала также имеют некоторое отношение к смутно осознаваемому трансцендентному бытию, однако главное в них — как раз то, что непосредственно обращено к человеку, что лежит в одном измерении с его практической деятельностью.

Относительно широкие возможности социального продвижения в рамках государственной системы Китая не делали ее столь отстраненной от конкретного человека, как, скажем, покоящаяся на авторитете Вед непреодолимая варновая система Индии. Поэтому если в индийской традиции проблема «человек и власть» как бы замыкается на трансцендентной сфере, в которой, в сущности, и снимается (в гегелевском смысле этого слова), то для китайской как раз характерно ее феноменологическое, эмпирически конкретное понимание, разрешимое в виде альтернативы: приобретение власти (а значит, и прочих мирских благ) по мере служебного продвижения — самоотстранение как средство освобождения от власти.

* * *

Ни к индийской, ни к китайской модели не сводима система соотношения человека и власти в рамках обширного Переднеазиатского (с его расширением в сторону Северной Африки и Средней Азии) региона, окончательно конституировавшегося в качестве определенной социокультурной целостности (единой цивилизации) на втором веку истории ислама.

В Китае человек рассматривался в контексте соотношения адекватно проявляющего себя в феноменальном мире трансцендентного начала (природы-дао) и устроенного по наилучшему

из возможных проектов (хотя и испорченного пороками человеческой природы) общества как уподобленного большой семье государства. Самореализация в социальной сфере имела самоценное значение в конфуцианстве, но не имела смысла в контексте даосского (даосско-буддийского) мировоззрения.

В Индии человек понимался как в основе своей тождественная мировому Абсолюту духовная монада, которой кармически предзадано провести то или иное конкретное воплощение в определенном облике, играя соответствующую социальную роль, предписываемую принадлежностью к определенной касте. Самореализация в социальной сфере поэтому самоценностью не обладала: ее метафизический смысл состоял лишь в том, чтобы изжить плохую карму и приобрести хорошую ради следующего удачного перевоплощения. Иначе говоря, если в Китае общественная деятельность человека рассматривалась как значимая для самоценной государственности, социально-политической системы в целом, то в Индии она понималась не как определяющая объективные процессы внешнего мира, а в качестве детерминанта будущего состояния самого же человека.

В этом отношении переднеазиатская духовная традиция — от ее ветхозаветных и зороастрийских корней до раннехристианского и исламского проявлений — отличается от двух рассмотренных как раз тем, что в ее контексте социальное поведение воспринималось как в высокой степени значимое и для судеб мира, и для будущего самой активно действующей и выбирающей между Добром и Злом личности.

По сравнению с Индией и Китаем Передняя Азия в духовном развитии опиралась на несколько длительное время взаимодействовавших раннеклассовых цивилизаций, в частности таких древнейших в истории человечества, как Древнеегипетская и Древнемесопотамская. В некотором смысле в качестве духовных альтернатив последним (как, выражаясь словами А. Дж. Тойнби, «отклик» на «вызов» с их стороны) на этапе завершения перехода Западноазиатского региона от раннеклассовых отношений к сословно-классовым складываются древнеиудейская и зороастрийская традиции.

Для каждой из них характерны, несмотря на всю парадоксальность такого сочетания, во-первых, теизм — понимание Бога как творца и промыслителя мира; во-вторых, дуализм (в иудаизме, очевидно, не без сильного влияния со стороны древнеиранского мирозерцания) — взгляд на мир как на арену борьбы доброго—светлого и злого—темного начал; в-третьих, персонализм — в смысле признания за каждым человеком права на свободный выбор и ответственности за свои действия, имеющие объективные последствия для исторического процесса, перед Богом; наконец, в-четвертых, провиденциализм и эсхатологизм — вера в конечную, predeterminedенную победу Добра над Злом, которая и ознаменует завершение истории — «конца света», представляемый как «Страшный суд».

Все это, в своем противоречивом единстве, и составило парадигмальную основу раннего христианства (пафос которого периодически проявлялся во всевозможных оппозиционных официальной ортодоксии ересьях, столь характерных для восточных областей Византии) и возникшего под прямым иудео-христианским воздействием ислама.

Метафизическая укорененность человека в Боге (человек создан по Его образу и подобию, Бог вдунул в человека бессмертную душу и пр.) — при убежденности в сопричастности хода мирских событий замыслу и воле трансцендентных сил — по-иному, чем в Южной или Восточной Азии, ставила проблему взаимоотношения человека и власти. Ни человек, ни государство не могут быть «нейтральными» по отношению к Всевышнему: они либо «его» (служат Ему, реализуют, несмотря на все препятствия и страдания, Его волю и замысел), либо «не-его» (а значит, от Дьявола, враждебны Богу, выступают против Его воли). Из такого расклада вытекают две логически возможные формы отношения человека к земной власти: либо она от Бога — тогда человек признает ее сакральность и вменяет себе в добродетель службу ей; либо она не от Него (а следовательно, враждебна Ему) — тогда с ней следует бороться или, как минимум, нравственно противостоять ей в том случае, если государство будет толкать человека на совершение чего-то «богопротивного».

Множество примеров тому из древнееврейской истории (движение пророков, Маковейские войны, Иудейская война) и первых веков христианства (стойкость и мученичество адептов новой веры в условиях гонений) общеизвестны. Но аналогичные сюжеты мы находим и в староиранской традиции. Эпическим сказанием о восстании, возглавленном кузнецом Кавой, против царя Заххака, действовавшего по наущению Иблиса-Дьявола, в народной ментальности закреплялось право на вооруженный протест против «богопротивной» власти, идеологически санкционировавшее акции маздаков или массовые движения VIII — первой половины IX в., направленные против арабского господства (восстание Хурзада в Хорезме, Муканны — на юге Средней Азии, Бабека — в Азербайджане).

С еще большей силой эта тенденция в последней четверти I тысячелетия проявилась в самом мусульманском мире, начиная с появления хариджитской и шиитской оппозиции режиму Омейядов.

Вместе с тем наряду с религиозно санкционированным занятием «активной жизненной позиции» в контексте политической борьбы (на стороне государства или оппозиционных по отношению к нему сил) для переднеазиатского общества была характерна и практика отстранения осознающей свою самоценность личности от внешних, так или иначе связанных с властью форм самореализации — через мистико-медитативную практику и идеологию неучастия в мирском зле. Такая позиция была

логически связана с самой дуалистической природой переднеазиатского видения общественно-государственной жизни.

Периодически распространявшаяся среди довольно широких слоев населения убежденность в невозможности улучшения земной жизни (что в своем крайнем идеологическом выражении было сопряжено с представлением о причастности силам Зла земного бытия как такового, характерным уже для ближневосточных гностических доктрин II в. н. э.) порождала стремление к неучастию во зле, с которым в существеннейшем моменте ассоциировалась государственная машина. В рамках ветхозаветной традиции мы впервые сталкиваемся с этим еще ранее — в последние два века до нашей эры, когда на пустынных берегах Мертвого моря начинают появляться общины ессенов.

Подобного рода умонастроения не были чуждыми и некоторым направлениям раннего христианства, близким гностическому кругу идей. Но наиболее полное и последовательное выражение эта идеология находит в манихействе, возникшем на гностическо-зороастрийской почве не без влияния иудео-раннехристианских и буддийских воззрений. В учении Мани и его последователей древнеиранская оппозиция добра—света и зла—тьмы соединяется с основополагающей для гностицизма антитезой: материальное, чуждое, внешнее (включая и социальный мир) и духовное, со-родственное, внутреннее. Не зло существует в феноменальном мире, а сам феноменальный мир есть зло по своей сути, тогда как, выражаясь евангельской формулой, царство Божие лежит в нас самих — как то сокровенно-внутреннее, что есть божественное в человеке. А такого рода представления вполне перекликаются с идейным стержнем буддизма.

В эту духовную почву и уходят корни мусульманского суфизма, бывшего на протяжении первых веков своего существования оппозиционным по отношению к ортодоксальному исламу и нередко преследуемым со стороны официального духовенства. Однако постепенная спиритуализация мусульманского вероучения в образованных кругах, все более явно интерпретировавшегося в духе неоплатонически понятого аристотелизма (аль-Фараби, Ибн Сина, басрийские «Братья»), позволила аль-Газали к началу XII в. придать легитимный статус суфийской мистике.

Таким образом, к началу эпохи бедствий мусульманского мира, вызванных как внутренним кризисом социокультурной системы Халифата (точнее, халифатов: Багдадского — Аббасидов, Каирского — Фатимидов и Кордовского — западной ветви Омейядов), так и внешними вторжениями (турок-сельджуков, крестоносцев, монголов), в рамках исламской духовной традиции складываются две принципиально различные с точки зрения рекомендуемых ими форм поведения, но дополняющие друг друга в отношении к социально-психологическим свойствам конкретных людей, мировоззренческие позиции, по-своему решающие проблему соотношения человека и власти. Первая ориен-

тирует адептов на борьбу под национально-религиозным знаменем за свое понимание угодного Аллаху общественного устройства (идеология «священной войны» — джихада, или газавата; шиитские социальные движения — от исмаилитов и карматов до Хомейни). Вторая же открывает возможность отстранения от бурь политической борьбы путем приобщения к какому-либо из многочисленных религиозно-мистических орденов мусульманского Востока. Последнее вовсе не обязательно предполагает принятие аскезы и полный разрыв с мирскими занятиями. Многие из ориентировавшихся на суфизм людей вели жизнь обычных горожан, не порывали с торговой или ремесленной деятельностью, даже занимали государственные посты и придворные должности. Однако, как и даосски ориентированные служащие традиционного Китая, эти люди через суфизм получали возможность компенсации не удовлетворенных во внешнем, социальном мире интенциональных устремлений и даже просто личных амбиций.

В этом отношении ислам — как универсальная идеологическая доктрина традиционного Ближнего и Среднего Востока — в собственных рамках находил возможность и мобилизовать силы людей для общественной борьбы (на стороне или против того или иного государства), и обеспечивать способы духовно-психологической компенсации для тех, кто не находил удовлетворения в извне предзаданных формах общественно-государственной деятельности.

В наиболее существенных чертах сходную с нарисованной выше картину находим и в Византии, особенно в эпоху, наступившую после победы иконопочитателей над иконоборцами. Огосударствленная православная идеология освящала служение бюрократической империи, тогда как не вписывавшиеся в предзаданные социально-политической системой рамки получали возможность ухода от мира в монастыри. В свою очередь, сознательно враждебные византийской общественно-политической системе элементы ориентировались преимущественно на манихейское истолкование христианства. Их антагонизм к империи, нередко находивший отклик среди подвластных Константинополью народов (армян, болгар и пр.), периодически выливался в массовые движения — типа павликан или богумилов.

Ислам (как, в известной степени, и официальное византийское христианство, распространившееся затем среди южных и восточных славян) оказался той наднациональной и надсословной идеологией, которая предложила одну из наиболее целесообразных форм решения проблемы соотношения человека и власти в условиях восточного типа сословно-классового общества. Теоретически постулированное «равенство возможностей» всех правоверных, при императивном требовании милосердия и взаимопомощи (чего в принципе не было в древнеиранской и тем более традиционной индийской социокультурных системах), обеспечивало широчайшую мобилизацию сил и энергии

множества стремившихся к успеху, славе и богатству людей через их включение в государственную систему. К тому же мусульманский мир, в отличие от традиционного Китая, в качестве равноценных предлагал как гражданскую (требующую определенного уровня образованности), так и военную (где успех гарантировали сила и отвага) службу. Более того, заповеди Корана санкционировали высокую авторитетность торгово-ремесленной предпринимательской деятельности, считавшейся в мусульманском мире занятием достойным и почтенным.

Таким образом, традиционная система мусульманского мира обеспечивала относительно широкие возможности самореализации человека в разнообразных формах внешней деятельности. Она не вводила сословной замкнутости (наподобие индийских каст) и допускала широкую вариативность форм социального продвижения (в отличие от универсальной китайской через систему экзаменов). При этом ей, как и Китаю, и особенно Индии, была знакома официально санкционированная система выхода не вписывавшихся в рамки имеющегося регламента духовно чувствительных личностей за пределы прямого подчинения государственной власти — прежде всего через разнообразные ордена суфиев-дервишей.

Как видим, разнообразные социально-исторические обстоятельства определили значительные отличия в характере взаимоотношения человека и власти в трех основных традиционно-восточных социокультурных системах. Однако при всем своеобразии каждой для них в этом аспекте характерно и нечто общее. Суть его, как кажется, состоит в том, что огосударствленная социокультурная система традиционно-восточного (сословно-классового восточного типа) общества, с одной стороны, жестко ограничивает и контролирует формы индивидуальной самореализации, направляя энергию людей в обеспечивающее ее самовоспроизводство и расширение русло, но, с другой — предлагает законную возможность выйти за установленные ею рамки субординации и регламентации тем людям, которые готовы пожертвовать ради этого материальными благами и честолюбивыми амбициями, равно как и привязанностью к своим близким. Духовная жизнь личности в значительной (Китай, мусульманский мир), а то и решающей (Индия) степени признается внутренним делом каждого человека — при условии, что это не порождает антигосударственных выступлений. Поэтому не реализуемая (в трансформированном виде) по официально санкционированным каналам творческая энергия сублимируется в мистические переживания и нередко сопряженное с ними свободное художественное и философское творчество.

Сказанное относится, впрочем, в некотором отношении и к Западу, особенно эпохи средневековья. Многие из того, что

имело место там в эпоху господства сословно-феодальной системы, вполне сопоставимо с отдельными восточными реалиями. Однако особенности исторического процесса на Западе, анализ которых выходит за рамки темы данной статьи, позволили преодолеть чреватые застоєм социокультурные формы регламентированной трансформации индивидуальной творческой энергии и на заре Нового времени обеспечить создание такой общественной системы, при которой государственная власть оказалась орудием, служащим интересам гражданского общества частных собственников.

¹ *Васильев Л. С.* Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур.— Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

² *Седов Л. А.* К типологии средневековых общественных систем Востока. Попытка системного подхода.— Народы Азии и Африки. 1987, № 5, с. 54.

³ *Вейнберг И. П.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986, с. 115—140.

⁴ Подробнее см.: *Павленко Ю. В.* Возникновение философии.— Философская и социологическая мысль. 1989, № 11.

⁵ *Илюшечкин В. П.* Сословно-классовое общество в истории Китая. Опыт системно-структурного анализа. М., 1986; *Каранишвили Г. В.* Докапиталистические способы производства. Тб., 1988; относительно первобытности, понимаемой в качестве состоящей из трех формаций метаформации, см.: *Генинг В. Ф.* Соціальні формації первісності.— Археологія. Київ, 1989, № 4.

⁶ *Васильев Л. С.* Феномен власти-собственности; *он же.* Что такое «азиатский способ производства»?— Народы Азии и Африки. 1988, № 3; *Седов Л. А.* К типологии средневековых общественных систем Востока; *Алаев Л. Б.* Формационные черты феодализма на Востоке.— Народы Азии и Африки. 1987, № 3; *Фурсов А. И.* Восточный феодализм и история Запада.— Народы Азии и Африки. 1987, № 4; *Павленко Ю. В.* Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств.— Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984; *он же.* Шляхи розвитку первісного суспільства.— Археологія. 1990, № 2.

⁷ Подробнее см.: *Павленко Ю. В.* Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. Киев, 1989.

⁸ *Меликишвили Г. А.* «Древневосточный» социально-экономический строй и развитие ближневосточного общества в эллинистическую, позднеантичную и средневековую эпохи.— Кавказско-ближневосточный сборник. Вып. 7. Тб., 1984; *он же.* Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества.— Вестник древней истории. 1985, № 4.

⁹ *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса Китайского государства. М., 1983, с. 285.

¹⁰ *Илюшечкин В. П.* Сословно-классовое общество в истории Китая, с. 164.

¹¹ Л. С. Васильев считает более корректным определять такие общества в качестве «раннеполитических структур», тогда как в концепции В. П. Илюшечкина их аналогом являются «сословные общества эксплуататорского типа» или «примитивные классовые государства».

¹² Подробнее см.: *Павленко Ю. В.* О стадийном соотношении этапов социально-экономического, этнического и духовного развития докапиталистических обществ.— Духовная культура древнего населения Украины. Киев, 1989.

¹³ *Павленко Ю. В.* Раннеклассовые общества, с. 157 и сл.

¹⁴ *Павленко Ю. В.* Возникновение философии, с. 58—59.

¹⁵ *Павленко Ю. В.* Раннеклассовые общества, с. 172 и сл.

¹⁶ Подробнее см.: *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса Китайского государства.

¹⁷ Подробнее см.: Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблемы социальной мобильности. М., 1986.

¹⁸ *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. М., 1985, с. 107 и сл.

¹⁹ *Шнирельман В. А.* Возникновение производящего хозяйства. М., 1989, с. 108.

²⁰ *Данге Ш.* Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя. М., 1975, с. 67.

³¹ *Бонгард-Левин Г. М.* Древнеиндийская цивилизация. Философия, религия, наука. М., 1980, с. 74 и сл.

²² *Кычанов Е. И.* Основные каналы социальной мобильности в Китае при династиях Тан и Сун (VII—XII вв.).— Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии, с. 114.

²³ *Васильев Л. С.* Социальная структура и социальная мобильность на традиционном Востоке.— Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии, с. 43.

²⁴ *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса Китайского государства, с. 152 и сл.

²⁵ *Ян Хин-шун.* Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М., 1950.

Р. М. Нуреев

АЗИАТСКИЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА
КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Азиатский способ производства в историко-материалистической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса предстает как первый антагонистический способ производства, обозначающий государственную систему сельских земледельческих общин. Поэтому в теории общественных формаций он занимает вполне определенное место: возникает в процессе разложения первобытнообщинного строя, исторически и логически предшествует рабовладельческому строю и феодализму¹.

Генезис азиатского способа производства. Для народов Востока характерен первый путь образования классов. Он возникает в условиях господства общинной собственности, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на собственности, а на высоком положении в традиционной иерархии и престиже. Второй путь образования классов связан с развитием частного труда и частной собственности. Наша задача сводится прежде всего к анализу материальных условий развития по первому пути, а именно: 1) предпосылок возрастания роли коллективного начала в целом и кооперативного труда в особенности; 2) причин монополизации общинной верхушкой функций в общественном разделении труда; 3) факторов преимущественного развития коллективной эксплуатации, а не индивидуальной, государственной собственности, а не частной.

Общая материальная предпосылка классовобразования, как отмечали основоположники марксизма,— появление в результате развития производительных сил стабильного прибавочного продукта, а также становление условий его накопления, отчуждения, производительного использования или обмена. С возникновением стабильного прибавочного продукта происходит перерождение союзов трудовой взаимопомощи в форму эксплуатации. Первоначально такие союзы возникали там и тогда, где и когда географическая среда или демографическая ситуация требовала расширения доли совместного, коллективного труда. Для союзов трудовой взаимопомощи были типичны поочередность обработки земельных наделов членов союза и

обеспечение их участников питанием за счет средств того общинника, на поле которого трудился в данный момент коллектив. Имущественное неравенство позволяло более богатым членам союза использовать бригады трудовой взаимопомощи более длительный срок, так как они располагали большими запасами продовольствия. В результате экономическое неравенство усиливалось.

Фактором, усиливавшим неравенство, было и то, что получение семьей земельного надела для обработки предполагало нередко совместную работу по его введению в сельскохозяйственный оборот или улучшению (ирригация, террасирование склонов, выкорчевка леса, охрана территории от посягательств других общин и т. п.). Без этой предварительной совместной работы (коллективно-общественного труда) была невозможна работа на своем участке (индивидуальный труд). Иногда, как это мы наблюдаем почти во всей докапиталистической Тропической Африке, кооперация распространялась и на весь земледельческий процесс (борьбу с сорняками, совместную уборку урожая, а также на помощь одиноким пожилым людям и сиротам и т. п.)².

Другой причиной ведущей роли коллективного, совместного труда является патриархальная связь земледелия и ремесла внутри общины. Потребности в ремесле удовлетворяла группа мастеров, фактически находившихся на содержании общины, что также увеличивало роль коллективной формы труда. Еще В. В. Струве выдвинул гипотезу о том, что древнеегипетская община по структуре похожа на общину доколониальной Индии³. Сходство это делается более очевидным, если провести сравнение всех слоев деревенского населения. В древнеегипетской деревне эллинистического периода мы встречаем не только царских земледельцев и ремесленников, но и занимавших особое положение по отношению к ним греков и римлян, а также наемных работников, парамонэ, рабов и др.

Любопытно отметить, что в такой деревне было развитое внутриобщинное разделение труда, включавшее почти все отрасли ремесла, обеспечивавшие полное воспроизводство необходимых средств производства и жизненных средств. Например, исследование египетской деревни Тебтюнис (Южный Фаюм) середины I в. н. э., проведенное А. Б. Ковельманом, показало наличие в ней ремесленников 35 специальностей, объединенных в специальные профессиональные и культовые корпорации⁴. Вполне логично допустить, что в условиях неразвитых товарно-денежных отношений в древнеегипетской деревне существовала система продуктообмена, аналогичная системе *джаджмани*, открытой В. Вайзером в 30-е годы XX в. в Хиндустане⁵.

Труд общинников в таких деревнях приобрел как бы переходный, полуобщественный-получастный характер. По словам Маркса, собственность при азиатском способе производства действительно реализуется в труде, в производстве не только

прибавочного, но и необходимого продукта: 1) в труде по созданию ирригационной системы и других общественных сооружений, 2) в труде по созданию страхового общественного запаса, 3) в труде для покрытия издержек общины как таковой⁸.

В условиях имущественной дифференциации богатевшая общинная верхушка использовала институт взаимопомощи в целях повышения своего престижа, превращая его в орудие перераспределения прибавочного продукта в собственных интересах⁷. Отчуждение прибавочного продукта росло вместе с увеличением масштабов организации и (или) охраны трудовой деятельности. Каждая отдельная земледельческая община была не в состоянии справиться ни с природными бедствиями, особенно такими, которые носят периодический характер (наводнения, засуха и т. п.), ни с сильными соседями, если опасность их вторжения угрожала постоянно (кочевники и т. д.). При таких обстоятельствах часть возникшего прибавочного продукта могла служить своеобразной платой за помощь в борьбе с природой или за гарантию безопасности от грабежа соседей.

Эта плата стала материальной основой повышения социального статуса лиц, специализирующихся на выполнении организаторских функций. Обмен деятельностью между новыми лидерами и рядовыми общинниками с течением времени становился все более неэквивалентным. В результате возникает общественный слой, кровно заинтересованный в возникновении и упрочении протогосударственных структур (типа чифдом). Выдавая свои корыстные интересы за общественные, бигмены способствовали ускорению политогенеза. Так, непосредственной причиной объединения земледельческих общин явилось противоречие между постоянной угрозой быть раздавленным внешним миром и стремлением выделившейся надобщинной верхушки сохранить, упрочить и возвысить свой социальный статус.

Формы монополизации функций в общественном разделении труда — как основы отчуждения прибавочного труда или продукта — могли быть различны: 1) монополизация функций распределения совместно произведенного продукта или его части (прибавочной и (или) необходимой); 2) монополизация сферы обмена в условиях, когда общество постоянно нуждалось в отсутствующих или недостающих средствах производства (камень, металл, лес и другие виды сырья и т. д.) или средствах существования (соль, шелк и т. д.); 3) монополизация условий производства и воспроизводства (ирригационные сооружения, накопленный производственный опыт, знания и т. п.); 4) монополизация функций контроля и управления общественным производством или отдельными его отраслями (например, маслоделие, пивоварение и производство папируса в Древнем Египте). В дальнейшем монополизация функций в общественном разделении труда могла дополняться и укрепляться собственностью на средства производства или на важнейшие жизненные средства.

Сельская земледельческая община. Для азиатского способа производства характерна наиболее ранняя форма эксплуатации, несущая на себе родимые пятна первобытности. В этом обществе налицо незавершенность процесса классовобразования, выражающаяся в архаической нерасчлененности каждого из возникающих классов. Господство естественных производительных сил над общественными, коллективной формы труда над индивидуальной приводило к тому, что эксплуататору противостоял, как правило, не отдельный, обособленный индивид, а целая сельская земледельческая община.

Экономическую основу азиатского способа производства составляет сельская земледельческая община. Она возникла еще у мотыжных земледельцев и развивалась в дальнейшем на базе хозяйственно-культурного типа пашенных земледельцев. В системе производительных сил азиатского способа производства ведущую роль играли естественные производительные силы, позволившие перейти к классовому обществу уже на стадии медно-каменного века. Еще в начале 30-х годов Е. Е. Яшнов справедливо отмечал, что в Азии существовали наиболее благоприятные условия для развития земледелия: теплый климат (вегетационный период продолжается круглый год), плодородные почвы, достаточно высокая эффективность искусственного орошения и оптимальное распределение осадков, — которые делали возможным сбор двух урожаев в год при выращивании высокопродуктивных и трудоемких культур (рис, пшеница и др.).

При относительном избытке труда и недостатке земли, неразвитости скотоводства и мелочной регламентации ремесла и торговли земля становилась не только главным богатством, но и основным условием существования непосредственных производителей. Проблемы прикрепления людей к земле не существовало. Наоборот, ограниченность земли способствовала, по мнению Е. Е. Яшнова, выработке целой системы мер, направленной на повышение ее естественного плодородия, на ее лучшее, более рациональное использование. Основным направлением прогресса было не внедрение новых орудий труда, машин и механизмов, не экономия труда, а стремление к повышению его качества⁸.

Необходимость проведения ирригационных работ способствовала развитию кооперации труда общинников. Для того чтобы поддерживать ирригационную систему в надлежащем порядке, необходим был целый комплекс работ по укреплению дамб, сооружению и восстановлению плотин, проведению, чистке и углублению больших и малых каналов. Чтобы представить себе колоссальные человеческие затраты для создания и поддержания бассейновой системы ирригации в Египте, приведем такой факт. Даже в первой половине прошлого века лишь по очистке русла канала длиной 100 верст (107 км), шириной 50 футов (15,3 м) и глубиной 7 футов (2,1 м) одновременно

была занята 31 тыс. феллахов. И эта работа производилась через каждые три года⁹.

От хорошо налаженной системы ирригации в этих речных обществах зависела жизнь миллионов людей. Так, по свидетельству Страбона, при подъеме Нила на 14 локтей (7,35 м) в Египте был прекрасный урожай, а при подъеме лишь на 8 локтей (4,2 м) — голод. Страбон также указывал, что в результате усилий Петрония (римского наместника в Египте при Августе) ирригационная система была улучшена настолько, что и при подъеме на 12 локтей (6,3 м) был такой же урожай, как раньше при 14, и даже при 8 локтях подъема воды не было недорода¹⁰. Поэтому прав был К. Маркс, когда писал, что на Востоке «урожай так же зависит от хорошего или дурного правительствa, как в Европе — от хорошей или дурной погоды»¹¹.

Высокая эффективность природной машины была лишь естественной предпосылкой, которую использовал господствующий класс для получения прибавочного продукта. В ходе становления и развития азиатского способа производства была разработана целая система мер, направленная на повышение естественного плодородия земли путем ирригации или террасирования склонов, создания «плавающих» островов или грядковой культуры и т. д. «Использование труда,— пишет, характеризуя традиционную аграрную экономику стран Востока, Ю. Г. Александров,— было направлено не столько на повышение его производительности, сколько на повышение качества работы — тщательности обработки земли, посевов и т. п. ...Соответственно сформировался тип работника, занятого главным образом таким ручным трудом, тщательность которого имела приоритет перед его интенсивностью и производительностью»¹².

Результатом кропотливой обработки земли была высокая урожайность возделываемых культур. «Во времена Акбара, т. е. в конце XVI в.,— пишет В. И. Павлов, характеризуя экономику доколониальной Индии,— средняя урожайность пшеницы составляла 12,6 центнера с гектара (в Индии в 50—60-х годах XX в.— 6,3 центнера с гектара), риса — 13,1 (9,7), ячменя — 13,1 (8,6), просяных — 11 (5), масличных — от 5,5 до 9 (1,7—4,1), бобовых — 11 (6,1), хлопка — 7,9 (1,1) центнера с га»¹³. Высокая урожайность была типична и для древних цивилизаций Востока, причем она находилась на таком уровне, которого не удалось достичь ни античному миру, ни средневековой Европе. Важно подчеркнуть, что она была достигнута не за счет совершенствования техники (средств труда), а за счет больших затрат человеческого труда, кооперации рабочей силы, направляемой на поддержание высокого естественного плодородия земли¹⁴.

Необходимость коллективного труда для создания условий производства мешала появлению и развитию частной собственности, ограничивала процесс социальной дифференциации. В этом же направлении действовало и развитое внутриобщин-

ное разделение труда, превращавшее деревню в самодовлеющее целое. Экономические связи с городом носили главным образом односторонний характер: государственные чиновники поставляли в местный административный центр собранную с деревенских жителей ренты-налог.

Сельская земледельческая община состояла из больших патриархальных семей. Главы этих семей противоречиво совмещали функции эксплуататора (так как участвовали в эксплуатации несовершеннолетних сыновей, младших родичей, кабальных должников, арендаторов и рабов) и эксплуатируемого (так как подавляющую часть полученного прибавочного продукта платили в форме ренты-налога государству и должны были участвовать в общественных работах на благо верховной или местной власти).

Ренто-налоговая эксплуатация. Незавершенность процессов классового образования на Востоке проявлялась и в непосредственном совпадении верхнего слоя класса эксплуататоров с государством. Собственники средств производства и бюрократическая и военная машина образовали в этом обществе нерасчлененное целое. Государство еще не обособилось в самостоятельную надстроечную политическую организацию, служащую интересам господствующего класса. Политогенез предшествовал классогенезу. Государство в условиях азиатского способа производства не только было следствием раскола общества на классы, оружием классового господства, но и являлось тем органом, который ускорял процессы классового образования.

Эксплуатация на Востоке носила, как правило, не частный, а государственный характер. Это нашло свое выражение в специфических формах прибавочного продукта: ренте-налоге и общественных работах, — которые распространялись на всех полноправных членов общества (подданных). Это отразилось и на экономических функциях государства. Государство на Востоке имело, по меткому определению К. Маркса, три основные отрасли управления: «финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство общественных работ»¹⁵.

Охарактеризуем формы эксплуатации. Исторически и логически первой из них является рента-налог.

Прибавочный продукт в виде налога платился не частным собственникам, а государству, которое в лице деспота распределял его между бюрократическим аппаратом и армией. В условиях жесткого централизованного государства община предстает перед нами как фискальная единица, обеспечивающая своевременную уплату ренты-налога¹⁶.

Исследования показывают, например, что с царских земледельцев в Древнем Египте II тысячелетия до н. э. взимался налог в размере 30% урожая (7,5% в местный храм и 22,5% в государственную казну)¹⁷. В Китае, например, в эпоху Хань

(202 г. до н. э.— 220 г. н. э.) арендная плата на государственных землях составляла около 40% урожая¹⁸.

Верховная государственная собственность. Экономической основой присвоения ренты-налога служила верховная государственная собственность на землю. «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена.— писал К. Маркс в „Капитале“,— то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты... Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общественное владение и пользование землей»¹⁹.

Незавершенность процесса классовобразования не могла не отразиться и на характере собственности на средства производства. Азиатский способ производства вырастает из первобытного общества, и поэтому в его недрах сохраняются остатки племенной собственности.

Первоначально, когда общины являлись достаточно сильными и крепкими, а государство находилось еще в начальной стадии своего развития, центральной власти трудно было претендовать на общинные земли. Государственная собственность поэтому возникла прежде всего за их пределами: на отвоєванной у пустыни в результате ирригационных работ земле или на территориях, отторгнутых у соседей. Со временем правители восточных обществ начинали претендовать на земли, лежащие между общинами, а также выделенную общинниками специально для них землю внутри общин, так называемые царские поля. На царской земле организовывались государственные (храмовые) хозяйства, постепенно вовлекавшие в сферу своей деятельности и хозяйства обедневших общинников.

В процессе развития классового общества и усиления центральной власти происходило ослабление общины. Многие общинники теряли право собственности на землю, что выражалось в увеличении уплачиваемого государству налога. По мере роста степени эксплуатации работники царско-храмовых хозяйств и формально свободные общинники по своему социально-экономическому положению сливались в единую категорию «царских людей». Это означало по сути слияние ренты с зависимых от царя работников государственного (храмового) хозяйства с налогом формально свободных общинников. Именно эту ступень развития имел в виду К. Маркс, когда писал о совпадении на Востоке государственной собственности на землю и суверенитета.

Развитие государственной собственности на землю не везде дошло до законодательного оформления, как, например, в боль-

шинстве государств Тропической Африки. Однако в пользу ее реального существования говорит уже сам факт получения центральной властью ренты-налога.

Частное землевладение на Востоке развивается главным образом сверху: центральное правительство предоставляло право сбора налогов (иногда даже «на вечные времена») тем или иным представителям господствующего класса. Однако подобные пожалования чаще были временными и условными. Государство нередко перераспределяло их или просто заменяло одно владение другим. К тому же номинальное право государственной собственности часто становилось вполне реальным благодаря монополии на отправление верховных административно-хозяйственных функций, присвоению основной части прибавочного продукта, контролю за ирригационной системой, царско-храмовым хозяйством, высшими ремеслами и т. д. В этих условиях частные хозяйства имели подчиненный характер и не могли сколько-нибудь существенно подорвать верховную собственность государства на землю. Поэтому рабы, крепостные и наемные работники образовывали лишь дополнительную рабочую силу, которая никогда не составляла существенной конкуренции царским земледельцам и ремесленникам — основному классу непосредственных производителей древневосточных обществ. Перед бюрократическим аппаратом пресмыкались и раболепствовали не только нижние чины, но даже экономически самостоятельные люди. Это общество не знало свободной личности. Здесь не существовало надежной гарантии частной собственности. Даже представители высшей знати не были свободны от телесных наказаний. Обожествленная деспотическая власть стремилась подавить всякое проявление инициативы, малейшие признаки любой самостоятельности.

Общественные работы. Другой формой эксплуатации непосредственных производителей являлись общественные работы. Государство не только регулировало водоснабжение, но и, используя древнюю форму союзов трудовой взаимопомощи, под видом общественных работ заставляло свободных общинников за одну только пищу нести трудовые повинности в пользу деспота в течение определенного времени (до двух-трех месяцев), т. е. заниматься обработкой царских земель, работать в государственных рудниках, принимать участие в строительстве и ремонте дорог, царских дворцов, гигантских культовых сооружений (храмов и т. д.).

Установление контроля над распределением водных ресурсов создавало благоприятные условия для увеличения зависимости отдельных общинников от государственных чиновников, в руках которых находилась ирригационная система. Поэтому, чем совершеннее становилась ирригационная система, тем больше увеличивалась власть государства над общинами. Зависимость труда отдельного общинника от результатов коллективного труда общины перерастала благодаря общественным

работам в зависимости общины от руководителя местной администрации.

Таким образом, мы видим, что в основе господства класса эксплуататоров на Древнем Востоке лежала не только монополия государственной собственности на землю, но и монополия на накопленный прибавочный труд, материализованный в ирригационных сооружениях, а также монополия на передаваемую из поколения в поколение информацию.

Собирая с подданных натуральный налог, государственные чиновники осуществляли сбор, хранение и доставку сельскохозяйственных продуктов. Создаваемые ими склады продовольствия позволяли государству одновременно созывать и кормить тысячи и даже десятки тысяч общинников, труд которых широко использовался при строительстве циклопических сооружений тех лет. Здесь эксплуатировался непосредственно обобществленный труд, причем его общественный характер перерос в данном случае границы общины и достиг уровня общества. Для него типичны три особенности. Первая заключалась в том, что он имел подневольный, принудительный характер. Вторая особенность вытекала из уровня развития производительных сил: непосредственные производители использовали преимущественно индивидуальные орудия труда, еще не существовало общественного характера средств производства. И наконец, третья связана с тем, что он служил в основном паразитическим целям господствующего класса.

Необходимо остановиться также на форме прибавочного труда эксплуатируемых. Дело в том, что труд в ведомстве общественных работ по существу не является отработочной рентой. В условиях феодализма непосредственный производитель, самостоятельно воспроизводя продукт в своем хозяйстве, целиком и полностью обеспечивает себя в течение всего года, даже в период барщины. Здесь мы встречаемся с государственным обеспечением общественных работ. Государство, в отличие от феодала, аккумулирует не только весь прибавочный, но и часть необходимого продукта. Перераспределив последнюю, оно возвращает ее в течение тех месяцев, которые общинник трудится в ведомстве общественных работ.

Эта форма отличается и от рабовладения, где и необходимый, и прибавочный продукт воспроизводятся в хозяйстве рабовладельца, причем и тот, и другой представляются в виде труда на хозяина, и от феодализма, где производство необходимого и прибавочного продукта разделено во времени и в пространстве.

Чтобы найти аналогичную систему деления продукта, нам предстоит перенестись в современный тип командной экономики, так называемый государственно-бюрократический социализм. Политическая экономия социализма делила весь продукт также на две части: продукт для себя (часть необходимого продукта в форме заработной платы) и продукт для об-

щества (весь прибавочный продукт и часть необходимого продукта в виде общественных фондов потребления)²⁰.

В дальнейшем по мере расширения и укрепления частного землевладения главное место заняла рента-налог, которая под влиянием развития товарно-денежных отношений, и особенно ростовщичества, превратилась в арендную плату. Рост задолженности непосредственных производителей ростовщикам привел не столько к обезземеливанию крестьянства, сколько к потере им полного права на владение землей. Он означал скорее вторжение частных интересов в сферу налогообложения государства. Крупное землевладение реализовалось на Востоке не в организации крупного производства, а в концентрации доходов в руках землевладельцев. На один и тот же клочок земли претендовала теперь кроме непосредственного производителя и государства еще группа посредников (чиновников и ростовщиков).

Государство, заинтересованное в сохранении налогоплательщиков, запрещало сгонять непосредственных производителей с принадлежавших им когда-то земель, превращало их в защищенных законом арендаторов. В условиях аграрного перенаселения на Востоке поземельная форма зависимости прочнее других форм связывала эксплуатируемого с эксплуататором.

Мы уже отмечали, что в древневосточной деревне работала группа ремесленников, удовлетворявшая почти все потребности непосредственных производителей. Наряду с этими группами на древнем Востоке рано сложились и достигли высокого уровня развития корпорации ремесленников, обслуживавших господствующий класс, и прежде всего деспота и его ближайшее окружение. Вместе со становлением раннеклассового общества происходило отделение высших ремесел от низших. Низшие ремесла обслуживали население деревень, а с появлением городов — и рядовых жителей города. Высшие ремесла были включены в систему государственного (царско-храмового) хозяйства²¹.

Государственное хозяйство. Государство содержало обширные мастерские, в которых из поколения в поколение, от отца к сыну, передавался опыт лучших мастеров. И если сельское ремесло, удовлетворявшее несложные потребности деревенских жителей, было консервативно и почти не изменялось на протяжении столетий и даже тысячелетий, то прогресс высших ремесел был поистине стремителен. По существу, все свидетельства, характеризующие успехи восточного ремесла, относятся к этой высшей ветви. Оно рано достигло пределов, которые возможны в условиях ручного труда. Ремесло это, обслуживавшее изощренные вкусы господствующего класса, граничило с искусством. Достигло оно такого уровня, потому что находилось на полном обеспечении государства.

Документы царского архива из Дер эль-Медина рассказывают об особенностях планирования, организации и нормиро-

вания труда мастеров и вспомогательной рабочей силы (людей — smdt)²². Как и все древнеегипетское население, работники царского некрополя были разбиты на возрастные классы и профессиональные категории. Каждая группа должностных лиц получала наряд на выполнение определенной работы в соответствии с общим планом. Существовали дневные, декадные и месячные нормы для работников различных профессий. Е. С. Богословский отмечает, что «то же слово p'sntj, которым обозначался план намеченной к строительству гробницы, применялось и для обозначения плана поставок рыбы, причем „план“ сопоставляли с „получением“ (šsp), т. е. с его выполнением»²³.

В Древнем Египте, например, большая группа отраслей, связанная с обслуживанием заупокойного культа, а также маслоделние, ряд текстильных производств, пивоварение, производство папируса были монополизированы правительством. Степень монополизации разных отраслей была различна. В высокомонополизированных отраслях (типа маслоделия в эллинистическом Египте) монополия распространялась на все стадии производства и реализации продукции, от получения сырья до вывоза за границу.

Так, в эллинистическом Египте государственные чиновники строго регламентировали посадку масленосных растений, контролировали сбор и поступление урожая в государственные кладовые. Маслоделы были лишены средств производства и должны были работать под надзором государственных контролеров: номового эконома²⁴ и подчиненных ему откупщиков. Последние строго следили за соблюдением технологии и ежедневной выработкой маслоделов, вели учет количества и контролировали качество продукции. Производственные сорта растительного масла реализовались по государственным (монопольным) ценам как внутри страны, так и за рубежом (существовала государственная монополия внешней торговли)²⁵.

Конечно, далеко не все отрасли были столь строго регламентированы государством. Для большинства из них были характерны лишь отдельные из перечисленных выше монополий. Ряд производств сдавался на откуп. Однако очевидно, что перечисленные монополии носили в значительной степени искусственный характер и были вызваны к жизни не столько потребностями развития тех или иных ремесел, сколько активностью надстройки, ее фискальными интересами. Несомненно и то, что государственная регламентация производства и обращения препятствовала развитию товарного хозяйства.

Ремесленники трудились под надзором чиновников в государственных мастерских. Сырьем их обеспечивало государство, оно же реализовало их продукцию. Ремесленники получали за работу натуральную или денежную плату. Нередко им запрещалось заниматься своей профессией вне царских мастерских, поэтому в свободное от работы время (производство масла, на-

пример, носило в Египте сезонный характер) они нанимались батраками к земледельцам. Ремесленники были организованы в корпорации, которые отстаивали их права. В случае длительной задержки оплаты ремесленники бросали работу до тех пор, пока оплата не возобновлялась. Истории древнего Востока известны примеры таких древнейших забастовок.

Положение царских ремесленников приближалось к положению царских земледельцев. Они также зависели от государственной администрации, трудились под ее неослабным контролем. Их юридическая свобода сочеталась с экономической зависимостью. Тот факт, что вместе с ними в ряде производств трудились и рабы, несомненно, влиял и на их положение. Однако они прекрасно осознавали свое отличие от рабов, отстаивали свои права и боролись против злоупотреблений центральной и местной власти. Перечисленные признаки позволяют квалифицировать их как наемных работников докапиталистического типа, для которых характерно противоречивое сочетание признаков рабства и наемного труда.

В государствах Востока классическое рабство не получило широкого распространения. Основными сферами его применения были горное дело и в некоторой степени ремесло и земледелие. Рабы принадлежали государству, храмам и частным лицам. Хотя существовало долговое рабство, самопродажа свободных людей в рабство и другие формы, все же основным источником пополнения государственного рабовладения было порабощение иностранцев (обращенных в рабство в ходе войн или полученных в форме дани). Однако их положение на Востоке заметно отличалось от традиционного представления о рабстве. У военнопленных, в частности, сохранялись некоторые права свободного населения, они могли владеть недвижимым имуществом и отчуждать его, часто даже земельные участки; имели самостоятельное хозяйство; как и общинники, платили налог; работали со своей малой семьей.

В Древнем Египте, например, не существовало даже юридического запрета на браки между свободными и государственными рабами. К тому же экономическое положение государственных рабов было значительно ближе к положению царских земледельцев и ремесленников, чем к античному рабству. Поэтому свидетельства восточных деспотов о десятках и сотнях тысяч военнопленных (там, где это не является прямой фальсификацией) надо рассматривать скорее как массовое переселение, чем как обращение в рабство.

Усиление эксплуатации способствовало унификации различных групп зависимого населения, приводило к «поголовному рабству» (Ксенофонт). Всеобщая зависимость от деспотического государства, обезличенность индивида в рамках общинной организации, бесконечные налоги и поборы замедляли процесс дифференциации общинников, а следовательно, и появление частных собственников, частных рабов и крепостных. Отсюда

понятно ленинское определение азиатского деспотизма как государственного строя, который «обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой дифференциации»²⁶.

Формы государственной регламентации экономической жизни страны. На Древнем Востоке осуществлялся строгий учет материальных и трудовых ресурсов. С этой целью периодически проводились переписи населения, составлялись земельные кадастры, учитывались скот и другие материальные ресурсы.

Переписи населения, как правило, осуществлялись по определенным разрядам: воины, жрецы, царские земледельцы и мастера. Эта классификация восходит к эпохе первобытности, для которой было характерно деление на возрастные классы: дети (отроки), юноши, зрелые мужи, старики. Об этом свидетельствуют многочисленные источники. «[Как] вышел человек из утробы матери своей,— читаем мы в древнеегипетском школьном поучении,— [так и] согнулся перед начальником своим: отрок сопровождает воина; юношу [отдают] в новобранцы; старика постоянно дают в земледельцы; [зрелый] муж [становится] воином»²⁷.

Каждый возрастной класс выполнял свои функции. Перевод в другой возрастной класс, распределение и перераспределение трудовых ресурсов по определенным профессиям являлись прерогативой представителей государственной власти. В ходе царских смотров часть прошедших соответствующую подготовку юношей становилась чиновниками (писцами), часть пополняла ряды жрецов, часть становилась воинами, часть — мастерами, оставшиеся превращались в царских земледельцев («старика постоянно дают в земледельцы»). Условием повышения социального статуса царских земледельцев было получение образования или профессии, важное значение для продвижения по службе имела грамотность.

В древнеегипетской литературе мы постоянно встречаемся с поучениями — произведениями, пропагандирующими и восхваляющими карьеру чиновника-писца. Наиболее известно среди них «Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи» (эпоха Среднего царства). «Неграмотность — ничто, она равносильна зависимости,— восклицает Ахтой.—...[Занятие писца] превосходит любое занятие: нет равного ему в Земле этой (т. е. в Египте.— *Р. Н.*). [Ведь] он (т. е. писец.— *Р. Н.*) начинает процветать еще ребенком»²⁸. Поучение Ахтоя — это не просто собрание правил житейской мудрости, а древнейшее описание социальной организации Древнего Египта²⁹. Дело в том, что противопоставление профессии писца другим профессиям, чиновничеству — народу вовсе не является художественным образом или красивой метафорой, цель которой — приобщить молодежь к учебе и образованию. Ахтой показывает вполне реаль-

ную альтернативу: если его сын не станет чиновником, ему неизбежно придется заняться одной из указанных «низких» профессий и потерять высокий социальный статус.

На Древнем Востоке учитывались не только трудовые, но и материальные ресурсы, прежде всего земля, в соответствии с качеством которой устанавливались нормы налоговых выплат. До нас дошли документы, показывающие результаты периодически проводившихся осмотров и обмеров государственных владений, — земельные кадастры, наиболее известным среди которых является Папирус Вильбура³⁰. В этом документе, составленном в период разлива Нила в июле — августе 1158 г. до н. э., дается оценка норм валового сбора зерна (эммера и ячменя) в зависимости от типов земли, засеянной площади, средних норм урожайности (для каждого типа земли) и числа ответственных за сбор урожая земледельцев.

Нередко ответственными за сбор урожая являлись не сами непосредственные производители, а специальные чиновники государственной власти — «агенты фиска», которые осуществляли контроль за деятельностью царских земледельцев, следили за выполнением «семенного предписания», согласно которому осуществлялись посев и уборка урожая³¹. Важную роль в обеспечении государственных поступлений играли центральные и местные храмы.

Обращает на себя внимание высокая централизация большинства хозяйственных функций управления, прежде всего распределения земель, податей и сбора недоимок. В то же время для системы управления была характерна нерасчлененность экономических и политических функций, неразделенность законодательной власти и исполнительной, военной и гражданской, религиозной и светской, административной и судебной. Нередко военачальники становились гражданскими чиновниками, а государственные чиновники начинали выполнять функции военных. В условиях азиатского способа производства главным было не разделение на военные и гражданские функции, а степень приближения к центральной власти.

Благополучие отдельных представителей господствующего класса всецело зависело от их места в иерархии государственной власти, от той должности, которую им удалось получить, продвигаясь по служебной лестнице. Это видно, например, из жизнеописания вельможи Уны (XXV—XXIV вв. до н. э.). За свою жизнь он сменил самые разнообразные должности при трех фараонах VI династии — Тети II, Пиопи I и Меренра I. В юности, в годы правления Тети II, Уна исполнял должности «начальника дома шена» (мастерских или амбаров), а затем «смотрителя дворцовых хентиу-ше» (вероятно, арендаторов царских земель). При Пиопи I вельможа «пошел в гору» и стал «старейшиной дворца» и «смотрителем жрецов города» при пирамиде фараона. Ступенями его карьеры были затем исполнение судейских обязанностей и руководство пятью каратель-

ными походами против восставших бедуинов. «Когда я был дворцовым ачет (должность.— *Р. Н.*) и носителем сандалий [фараона], царь Верхнего и Нижнего Египта Меренра, мой господин... назначил меня местным князем и начальником Верхнего Египта от Элефантины на юге до Афродитопольской области на севере,— перечисляет Уна вехи своего жизненного пути,— так как я пользовался расположением его величества, так как был угоден его величеству, так как его величество полагался на меня»³².

Неудивительно, что еще в Древнем царстве появляется специальное сочинение о том, как «выбиться в люди»,— своеобразное древнеегипетское пособие для начинающего чиновника-карьериста. Оно сообщает, как следует вести себя с начальством, с равными по положению коллегами и с подчиненными. «Кодекс поведения» распространяется не только на службу, но и на семью, он настоятельно рекомендует, как **надлежит вести себя с родными и близкими**. Это — своеобразный древнеегипетский прообраз книг Дейла Карнеги и аналогичной литературы, пропагандирующей личный успех. Ее суть — не обучение молодого человека высоким принципам нравственности, понятиям совести, и долга, а воспитание толкового чиновника, умело приспособляющегося к иерархической системе государственного управления Древнего Египта³³.

В обществе, в котором не существовало надежной гарантии частной собственности, чиновники занимали особое место. Представители государственной власти имели прямые и косвенные доходы от выполняемых ими должностных функций. Многие должности превращались в своеобразную синекуру, обеспечивавшую безбедное и беззаботное существование. В условиях разросшегося бюрократического аппарата, отсутствия надежного контроля над деятельностью каждого чиновника и нерасчлененности их функций неизбежны были коррупция и злоупотребление властью.

Характерно, что понятия частного пользования, владения и собственности складывались на базе государственной собственности и противопоставления ей³⁴. Как правило, расширение частной собственности за счет государственной осуществлялось в периоды ослабления центральной власти. Наоборот, в ходе нового усиления централизации нередко происходило поглощение частных владений государственной собственностью.

Должностное владение могло перейти по наследству лишь в случае назначения сына на соответствующую должность. Естественно, что многие стремились превратить свои должностные владения, которыми они нередко пользовались из поколения в поколение, в собственность. Однако это удавалось далеко не всегда. Для того чтобы тот или иной предмет стал личной (частной) собственностью, необходимо было выполнение следующих условий. Во-первых, чтобы он был сделан своими руками и в свободное от служебных обязанностей время, в пе-

риод, когда мастер не работал над сооружением царских объектов (в нерабочее время). Во-вторых, необходимо было доказать, что предмет (постройка, гробница) был сделан из собственного материала (а не из сырья, полученного с царских складов), причем собственными, а не принадлежащими царю орудиями труда. В-третьих, и это прежде всего касалось различных строений, чтобы сооруженный объект находился не на царской, а на собственной или ничьей земле³⁵.

В условиях азиатского способа производства была выработана довольно стройная система взглядов не только на то, как вести сложное государственное хозяйство, обеспечивая его рабочей силой, средствами производства, а работников — продовольствием, но и на то, как преследовать расхитителей государственного имущества.

Эффективность хозяйства. Целью производства в условиях азиатского способа производства было получение прибавочного продукта ассоциацией эксплуататоров («сплотившимся господствующим классом»). Средством достижения этой цели была эксплуатация общинного крестьянства на основе монополизации общественных должностных функций в воспроизводственном процессе или государственной монополии на землю как на объект собственности. Собранный в натуральной форме рента-налог в условиях относительно невысокого уровня развития потребностей и ограниченных возможностей ее транспортировки и обмена не могла быть полностью потреблена господствующим классом и частично служила для материального обеспечения общественных работ.

Рента-налог включала не только прибавочный, но и частично необходимый продукт, который служил фондом жизненных средств мобилизованных на общественные работы крестьян. Если функции господствующего класса ограничивались лишь изъятием части произведенного продукта, то в таком случае правильно говорить об эффективности системы *присвоения* ренты-налога. Лишь тогда, когда вмешательство господствующего класса распространялось и на организацию процесса труда, можно говорить об эффективности *производства* ренты-налога. В последнем случае показатель эффективности будет выглядеть так:

$$\mathcal{E}_a = \frac{PH}{\Pi},$$

где \mathcal{E}_a — эффективность азиатского способа производства, PH — рента-налог, Π — весь произведенный продукт.

Рост хищений и разворовывание государственного имущества неизбежно приводили к снижению дополнительной эффективности новых централизованных инвестиций в экономику. Это могло быть связано также и с неэффективностью решений,

принимаемых на вершине иерархической власти. В результате новые вложения в экономику приносили все меньшую отдачу, а иногда даже давали отрицательный эффект³⁶. Инерционность системы заключалась в том, что обратная экономическая связь срабатывала далеко не сразу.

Эффективность общественных работ, конечно, практически никогда не рассчитывалась, да и вряд ли она может быть рассчитана, так как эти работы нередко означали бессмысленную с точки зрения развития производительных сил и производственных отношений трату (паразитическое потребление) прибавочного продукта. В условиях азиатского способа производства если и производились расчеты, то главным образом не эффекта, а затрат. В Древнем Египте, например, на основании сложившихся норм выработки производились расчеты потребления рабочей силы и средств производства, необходимых для бесперебойного течения общественных работ. Господствующий класс при этом интересовали не затраты, а конечный результат, готовый объект, скольких бы затрат он ни стоил. Основные затраты — затраты труда — были бесплатными для господствующего класса: ведь крестьяне и ремесленники, мобилизованные на строительство, потребляли в период общественных работ созданный ими же необходимый продукт (точнее, централизованную его часть).

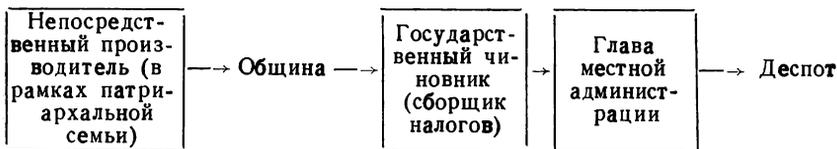
Высокий уровень ренты-налога, чудовищная растрата труда непосредственных производителей в ведомстве общественных работ, паразитическое потребление прибавочного продукта затормозили развитие общественных производительных сил, способствовали обнищанию трудящихся масс, замедлению темпов развития азиатского способа производства. Зависимость индивида от общины и общины от государства препятствовала развитию частного труда и частной собственности, повышению эффективности и культуры индивидуального производства. Преодолеть эти препятствия на пути технического прогресса стало возможным лишь в условиях становления античного способа производства.

Уровни воспроизводства. Азиатский цикл. Анализ азиатской формы эксплуатации был бы не полным, если бы мы не показали процесс ее воспроизводства, закрепления и развития в системе производственных отношений, т. е. не показали бы ее способствующую роль. Порядок исследования определяется структурой эксплуатации и движением прибавочного продукта (как результата системы принуждения), показанным ниже.

Соответственно этому движению и воспроизводство должно быть рассмотрено: 1) на уровне патриархальной семьи и общины, 2) на уровне административной единицы, 3) на уровне деспотии.

Первый уровень был подробно рассмотрен ранее, и здесь остается лишь добавить, что в его самовоспроизводстве и скрывается основная причина застойности азиатских обществ. «Про-

*Схема движения прибавочного продукта
(в форме ренты-налога)*

стога производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в столь резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики»³⁷.

Рассмотрим теперь, как распределялся прибавочный продукт, выкачиваемый из общины. Значительная его часть присваивалась посредниками — ростовщиками и местными чиновниками. Долговые обязательства заключались как в натуральной, так и в денежной форме. Нередко обеспечением таких займов служило имущество должника, его зерно, скот, рабы, поле, серебро и т. д. В случае его смерти долг должны были уплатить наследники. Высокая норма процента и достаточно жесткие условия предоставления ссуды свидетельствуют о неразвитости обращения и господстве натурального хозяйства.

«При азиатских формах,— пишет К. Маркс,— ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»³⁸. В руках местных чиновников постепенно концентрировались финансовые и военные ресурсы данной административной единицы. Такая область самостоятельно воспроизводилась, и в рамках деспотии она удерживалась лишь силой оружия деспота. Всякое ослабление его армии усиливало центробежные тенденции.

Наконец, последний и главный уровень, которого достигал прибавочный продукт,— это уровень деспотии. «Города в собственном смысле,— писал К. Маркс, характеризуя азиатский способ производства,— образуются здесь наряду с этими селами только там, где место особенно благоприятно для внешней торговли, или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд»³⁹. В условиях замкнутой экономики азиатского способа производства возможности обмена гигантского прибавочного продукта, собранного в натуральной форме, были крайне ограничены. И не потребленные господст-

вующим классом, избыточные (с его точки зрения) запасы продовольствия используются в виде государственного обеспечения общинников во время общественных работ.

Подобная система воспроизводства на базе паразитического потребления прибавочного продукта затормозила дальнейшее развитие этих народов, заиклила их поступательное движение. Азиатское общество, у которого прибавочный продукт как результат деятельности всей общины шел не на развитие индивидов, а отбирался в виде ренты-налога и паразитически потреблялся деспотом, наемной армией и бюрократическим аппаратом, застойно, ему были закрыты все стимулы для дальнейшего развития, его ожидал в будущем лишь распад, так как хозяйственное развитие его отдельных областей и их управление стереотипны.

Однако с распадом государства расстраивалась ирригационная система, возрастала активность покоренных народов и зависимого населения, стремившегося сбросить ненавистное иго, росли междоусобицы, учащались набеги соседних племен и кочевников, и снова те же причины вызывали создание новой деспотии, которая также проходила определенный цикл, на более высоком уровне, повторяя все предыдущее: возникновение — расцвет — распад.

Экономическое самосознание Востока. Экономическая мысль — одна из форм самосознания людей, живших в условиях азиатского способа производства, она позволяет нам более полно представить экономическую систему азиатского способа производства. О ней мы можем судить по письменным источникам, которые, с известной долей условности, можно разделить на две большие группы: 1) документы, непосредственно отражающие хозяйственную деятельность; 2) произведения, представляющие собой попытку осмыслить отношения, складывавшиеся в производстве, распределении, обмене и потреблении жизненных благ.

Первый тип документов фиксировал эмпирический опыт, а также сложившиеся (и воспринимавшиеся естественными в повседневной деятельности) нормы и нормативы. К числу такого рода документов относятся переписи населения, земельные кадастры, многочисленные документы хозяйственной отчетности и различные юридические акты, оформлявшие имущественные отношения (покупку земли, скота, средств производства, рабов, наем работников, долговые обязательства и т. д.).

Второй тип документов как самостоятельная группа источников появился в древнем мире далеко не сразу. Первоначально осмысление хозяйственной деятельности происходило в рамках общего мифопоэтического творчества древних народов. Для того чтобы понять особенности такого отражения, кратко охарактеризуем основные типологические особенности восточной духовной культуры.

Экономические представления жителей Востока, как и пред-

ставления первобытного человека, были включены в синкретическую, религиозно-мифологическую систему. Восточная литература наполнена многообразными символами. Это связано не только с общим уровнем развития культуры, но и с самим характером письменности. Для того чтобы обучаться этому письму, требовались годы. Поэтому письменность была уделом избранных, понимать таинственный характер знаков могли не многие. Кроме того, сама система взглядов была глубоко символичной. Неудивительно, что каждое восточное сочинение сохраняло иносказательный характер символа, знака. Ему придавались традиционные, переходящие из поколения в поколение, фетишистские формы, что также усиливало его символический характер (древнеегипетские Поучения, древнеиндийские Дхармашастры и т. д.).

Одной из главных черт древневосточной литературы являлся ее государственно-нормативный характер. В этом своеобразно отразились экономические условия восточных деспотий, в которых человек терялся в толпе подданных. Действительность в письменных источниках отражалась главным образом в той мере, в какой она имела непосредственное отношение к царю. Повествование велось прежде всего от имени фараонов, царей, деспотов, крупных чиновников и высокопоставленных придворных. Центральное место занимали поэтому вопросы организации и управления государственным хозяйством (Артхашастра, Гуань-цзы и др.). В древнеегипетских документах, например, мы находим и перечисление экономических функций деспота (требования к идеальному правителю), и своеобразные должностные инструкции верховного сановника — *чати* (древнеегипетский предшественник средневековых арабских визирей), и биографии служащих, восхваляющих свои организаторские способности и звучные должности, полученные ими по мере восхождения по служебной лестнице, и апологию должности писца — главного винтика в механизме бюрократической государственной власти.

Неудивительно, что письменные источники, как правило, носят нормативный характер, что в них отразилась суровая дисциплина всего восточного общества (регламентация хозяйственной жизни, нормирование труда и быта царских земледельцев и ремесленников и т. д.). Дидактический настрой имеет даже та литература, которая формально являлась «частной» («Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи»; конфуцианские «Беседы и суждения» и т. д.). Догматизм восточной литературы состоит и в том, что для нее типичен не только традиционализм формы, но и априорный, бездоказательный характер содержания.

Глубокий и всесторонний символизм — органическая черта не только раннего периода развития экономической мысли Древнего Востока, этапа древних цивилизаций (Египет во времена Древнего и Среднего царства, Шумер, Аккад и др.), но

и более поздней эпохи, этапа существования «мировых» держав (Ассирия, держава Ахеменидов и др.).

На протяжении всей истории Востока в центре экономической мысли были проблемы организации и управления государственным (царско-храмовым) хозяйством. Они включали в себя в качестве составных частей организацию собственного (царско-храмового) натурального хозяйства и государственную регламентацию неразвитого товарного хозяйства. Организация натурального хозяйства предполагала учет факторов производства (труда, земли, зерна), соблюдение пропорций между отраслями, и прежде всего между сельским хозяйством, ремеслом и торговлей, организацию страхового фонда (амбарная система в Китае и аналогичные формы в Древнем Египте и Шумере и т. д.), а также заботу о дальнейшем расширении воспроизводства (строительство ирригационных сооружений). Государственная регламентация товарного хозяйства осуществлялась как непосредственно (путем фиксации цен, монополизации отдельных отраслей и т. д.), так и — что было гораздо реже — с помощью косвенных мер (путем изменения уровня налогообложения, через продажу части государственных запасов и др.).

По мере укрепления частного владения и собственности отдельных лиц, развития товарно-денежных отношений и рабства объектом экономической мысли становилось и частное хозяйство должностных лиц. Однако о нем мы можем судить главным образом по юридическим документам, отражавшим имущественные отношения (Законы Хаммурапи, Среднеассирийские законы, Хеттские законы и др.). Частное хозяйство, проблемы его организации и эффективности не стали еще предметом специального экономического исследования.

Законы Старовавилонского царства, например, предусматривали различные формы государственного регулирования экономической деятельности населения и контроля над ней. Развитие товарно-денежных отношений допускалось в таких пределах, которые ограничивали процессы массового разорения свободных лиц, а также ставился надежный заслон на пути отчуждения недвижимой собственности царских служащих и работников. Однако защита частного владения и собственности населения была в конечном счете не целью, а средством. Основной задачей являлось всемерное усиление экономической власти государства.

Хеттское законодательство сделало шаг к еще большей регламентации экономической жизни населения, подчинив ее целям создания военной монархии. Государство с рациональной деловитостью и мелочной заботливостью пресекало развитие частной собственности, определяя строгие границы товарно-денежных отношений. Регламентация цен, с одной стороны, отражала неразвитость товарно-денежных отношений, фиксировала давно сложившиеся натуральные пропорции обмена, а с другой

стороны, препятствовала стихийному развитию рыночного механизма. Однако статьи, регулирующие экономические отношения, в древних судебныхниках переплетались со статьями об уголовных делах, гражданское право причудливо соединено с семейным, информативное начало господствует над обобщением, конкретное — над абстрактным.

К числу высших достижений древневосточной экономической мысли следует отнести появление самостоятельных, специальных сочинений, посвященных управлению государством и государственным хозяйством (Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара, Артахаштра, Гуань-цзы), а также произведений, направленных на поддержание стабильности в государстве и обществе (учение Конфуция и др.). Не случайно древнегреческие и римские писатели неоднократно стремились осмыслить и обобщить этот опыт. Проект совершенного государства Платона Марк назвал афинской идеализацией египетского кастового строя.

Любопытно, что уже в Древнем Египте возникает своеобразный жанр чиновничьей антиутопии (Речения Ипусера, Пророчество Неферти). Он восхваляет идею централизации «от противного», показывая, к чему пришло бы общество, если бы была разрушена централизованная государственная машина⁴⁰.

Значительны достижения древневосточной мысли и в разработке конкретных экономических дисциплин (учета и анализа хозяйственной деятельности, статистики, аграрной науки, управления). Эти достижения получили дальнейшее развитие в эллинистический и римский период. Наконец, не следует забывать, что именно в этих древних цивилизациях были заложены основы экономических воззрений ученых средневекового Востока, сформулированы основные положения, которые комментировались и развивались последующими поколениями.

Главной особенностью развития экономической мысли средневекового Востока является то, что она продолжала разрабатывать проблемы, поставленные еще в древности. Преемственность развития экономической мысли объясняется прежде всего преемственностью социально-экономического и политического строя. В центре экономической мысли средневекового Востока находились вопросы управления страной, налогообложения населения и обогащения государства. При этом ученые стремились предложить такую систему мер, которая, удовлетворяя интересы господствующего класса, обеспечивала бы нормальное течение воспроизводства, мир и спокойствие в стране.

Изучение памятников экономической мысли средневекового Востока связано не только с трудностями изучения восточных языков и постижения сложных религиозных систем (индуизма, буддизма, конфуцианства, даосизма, ислама и др.). Оно связано прежде всего с самим специфическим, символическим характером восточной культуры, обладающей известной иносказательностью, «недосказанностью», требующей особой встреч-

ной духовной работы. Высокий профессионализм ученых Востока предполагает и определенный уровень подготовки читателя их произведений.

В эпоху средневековья более рельефно выделились региональные особенности различных школ экономической мысли.

Важнейшей особенностью экономической мысли Индии явилась множественность и параллельность культур, связанных с существованием кастового строя. Однако богатство и сложность формы здесь нередко сочетались с традиционностью содержания. Поэтому экономические трактаты воспринимаются как вариации на одну и ту же тему, то обрастая все новыми мотивами, то возвращаясь к первоначальной простоте.

Особенностью экономических сочинений Китая было то обстоятельство, что чаще всего их автором был человек или находящийся на государственной службе, или стремящийся получить должность. Государственный чиновник выступал здесь как главный создатель духовной культуры. Неудивительно поэтому, что ведущей темой по-прежнему оставались вопросы управления государством, поощрения земледелия как главной сферы производства и ремесла и торговли как дополняющих его сфер.

Большое воздействие на развитие экономической мысли Ближнего Востока оказал ислам. Арабы в ряде областей знания выступали как прямые наследники античности. Однако из ее духовного мира они усвоили больше рациональное, чем гуманистическое начало. Мусульманская культура ближе к Древнему Востоку, чем к западноевропейскому феодализму. С древневосточной литературой сочинения мусульманских авторов роднят ориентация на традиционные темы, подражание предшественникам, дидактический настрой, любовь к «фундаментальным» произведениям — своеобразным энциклопедиям средневековых знаний. В этих сочинениях нередко содержатся гениальные догадки и суждения (например, в работах Ибн Хальдуна). К сожалению, они не получают дальнейшего развития в трудах последующих ученых.

¹ О развитии взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на докапиталистические формации и место среди них азиатского способа производства см.: *Всемирная история экономической мысли в шести томах. Т. 2. М., 1988, с. 475—503.*

² О союзах трудовой взаимопомощи см.: *Социальные структуры доколониальной Африки. М., 1970, с. 182—184; Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974, с. 114—120 и др.*

³ См.: *Струве В. В. Общины Египта и Шумера и общины Индии. — Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. Л., 1963, с. 52—54.*

⁴ *Ковельман А. Б. Египетская деревня середины I в. н. э. (по архиву тебтунского графейона). Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 13—19.*

⁵ *Джаджмани* — система традиционного продукто- и услугуобмена, сложившаяся на базе развитого внутриобщинного разделения труда между земледельцами (джаджманами) и обслуживающими их неземледельцами — ремесленниками и слугами (каминами). Традиционный обмен деятельностью

в различных районах Южной Азии имел разные названия: «сэп» в Пенджабе, «аат» в Раджастане, «дждаджмани» в Хиндустане, «балюте» в Махараштре, из которых в научной литературе закрепился термин «дждаджмани», введенный В. Вайзером. См.: *Wizer W. H. The Hindu Jajmani System.* Lucknow, 1936; *Кудрявцев М. К.* Община и каста в Хиндустане. М., 1971; *Алаев Л. Б.* Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М., 1981, с. 67—71, 125—133, 183—186, 205—212.

⁶ См.: *Маркс К.** Экономические рукописи 1857—1859 годов.— Т. 46. Ч. 1, с. 464.

⁷ Этот вопрос детально разработан в современной этнографической литературе, главным образом в трудах сторонников так называемого неозволюционизма: Э. Р. Сервиса, М. Х. Фрида, М. Д. Салинза и др. См.: *Service E. R. Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective.* N. Y., 1962; *Service E. R. Cultural Evolutionism: Theory in Practice.* N. Y., 1971; *Service E. R. Origin of the State and Civilization.* N. Y., 1975; *Fried M. H. The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology.* N. Y., 1967; *Sahlins M. D. Tribesmen.* Englewood Cliffs, 1968; *Origins of state.* Ed. R. Cohen and E. R. Service. Philadelphia, 1976; *The Early State.* Ed. H. J. M. Claessen and P. Skalnik. The Hague, 1978.

Краткий обзор основных достижений по этому вопросу см.: *Васильев Л. С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников-собирателей к протогосударству-чифдом).— Народы Азии и Африки. 1980, № 1.

⁸ См.: *Яшнов Е. Е.* Особенности истории хозяйства Китая. Харбин, 1933, с. 70.

⁹ См.: *Рафалович А.* Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб., 1885, с. 167 (цит. по: *Шолло Н. А.* Ирригация в древнем Египте.— Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 9. Л., 1941, с. 85).

¹⁰ *Лурье И. и др.* Очерки по истории техники древнего Востока. М.— Л., 1940, с. 148.

¹¹ *Маркс К.* Британское владычество в Индии.— Т. 9, с. 133.

¹² *Александров Ю.* Относительное перенаселение и экономическая слабость.— Азия и Африка сегодня (ААС). 1982, № 3, с. 31.

¹³ *Павлов В. И.* К стадильно-формационной характеристике восточных обществ в новое время.— *Жуков Б. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с. 196.

¹⁴ «В восточной аграрной экономике, опирающейся на орошаемое земледелие, объектом хозяйственного расчета являлась прежде всего земля. Количество требуемого живого труда определялось при этом в первую очередь исходя из задачи поддержания максимально высокого плодородия земли» (*Славный Б.* Человек в системе производительных сил докапиталистических восточных обществ.— ААС. 1984, № 4, с. 25).

¹⁵ *Маркс К.* Британское владычество в Индии.— Т. 9, с. 132.

¹⁶ Следует отметить, что сведений об общине в Древнем Египте сохранилось не много. Это объясняется прежде всего тем, что в центре внимания чиновников находились интересы государства. Между тем уже в 30-е годы XX в. В. В. Струве и В. И. Авдиев выдвинули гипотезу о существовании древнеегипетской сельской общины, которую в настоящее время разделяют большинство советских египтологов. Следует учесть, однако, что под влиянием азиатского деспотизма община рано потеряла черты самоорганизующейся ячейки, превратившись в фискальную единицу. Это дает основания некоторым исследователям (например, И. А. Стучевскому) сомневаться в реальности ее существования. Тем не менее и эти исследователи пишут о коллективизме зернового хозяйства Египта (см.: *Стучевский И. А.* Коллективность зернового хозяйства в древнем Египте эпохи Нового царства.— Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 37—45).

* Ссылки на сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса даются по 2-му изданию их Сочинений, ссылки на сочинения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

¹⁷ Стучевский И. А. Данные большого папируса Вильбура и других административно-хозяйственных документов о нормах налоговой эксплуатации государственных («царских») земледельцев древнего Египта эпохи Рамессидов.— Вестник древней истории (ВДИ). 1974, № 1, с. 11.

¹⁸ Илюшечкин В. П. Аренда в системе частнособственнической эксплуатации древнего и средневекового Китая.— Арендные отношения и крестьянское движение в Китае. М., 1974, с. 12.

¹⁹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. III.— Т. 25. Ч. II, с. 354.

²⁰ См., например: Курс политической экономии. В 2-х томах, 3-е изд. Т. 2. Социализм. М., 1974, с. 248—251.

²¹ О противоположности низших и высших ремесел см.: Колонтаев А. П. Низшие формы производства в странах Южной и Юго-Восточной Азии. Особенности эволюции. М., 1975, гл. 1.

²² Богатый материал о функционировании царского некрополя дают находки поселения строителей царских гробниц из Дер эль-Медина, расположенного на западе Фив. До нас дошло более 19 тыс. древнеегипетских текстов эпохи XIX и XX династий. Документы царского некрополя подробно рассказывают об особенностях планирования, организации и нормирования труда мастеров и вспомогательной рабочей силы в Египте XIV—XI вв. до н. э. Подробнее см.: Богословский Е. С. Памятники и документы из Дер эль-Медина, хранящиеся в музеях СССР.— ВДИ. 1972, № 1—4; 1973, № 1—3.

²³ Богословский Е. С. Древнеегипетские мастера. По материалам из Дер эль-Медина. М., 1983, с. 244.

²⁴ Ном — территориально-административная единица в Древнем Египте. Номовый эконом — глава финансового ведомства в номе в эллинистический период. В его обязанности входило предоставление земли и скота в аренду, наблюдение за посевом, сбором, доставкой урожая, выполнении общественных повинностей (и прежде всего ирригационных работ) и т. д.

²⁵ О монополизации производства в Древнем Египте см.: Пикус Н. Н. Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э. М., 1972, гл. 4.

²⁶ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Т. 25, с. 266—267.

²⁷ Анастаси II, 7,3—4. Перевод Е. С. Богословского (Богословский Е. С. Древнеегипетские мастера, с. 271).

²⁸ Хрестоматия по истории древнего мира. Саратов, 1973, с. 11—12.

²⁹ Подробнее см.: Берлев О. Д. Древнейшее описание социальной организации Египта.— Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984.

³⁰ См.: Gardiner A. H. The Willebur Papyrus. Vol. 1—4. Oxf., 1941—1952; Лурье И. М. Источники по древнеегипетскому налоговому обложению времени Нового царства.— ВДИ. 1961, № 2—4.

³¹ Подробнее об этом см.: Стучевский И. А. Псевдоземледельцы древнего Египта — агенты фиска.— Древний Восток. Сб. 1. М., 1975, с. 141—153; он же. Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982, гл. 1.

³² Хрестоматия по истории Древнего Востока: Учебное пособие в 2-х частях. М., 1980. Ч. 1, с. 23.

³³ См.: Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсон Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984, с. 101—102.

³⁴ Подробнее см.: Перепелкин Ю. Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства.— Палестинский сборник 16/79. М.—Л., 1966.

³⁵ Богословский Е. С. Древнеегипетские мастера, с. 269.

³⁶ Тенденция к падению экономической эффективности дополнительных государственных инвестиций нашла своеобразное отражение в сформулированном К. А. Виттфогелем законе снижающейся административной отдачи (подробнее см.: Wittfogel K. A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven — London, 1957, Ch. 4B).

³⁷ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1.— Т. 23, с. 371.

³⁸ *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. III.— Т. 25. Ч. II, с. 146.

³⁹ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов.— Т. 46. Ч. I, с. 464.

⁴⁰ Подробнее см.: *Стучевский И. А.* Пропаганда государственного централизма в художественной литературе Древнего Египта (по данным «Пророчества Неферти» и «Речений Ипусера»).— Тутанхамон и его время. М., 1976, с. 151.

Э. С. Кульпин

ТРАДИЦИОННЫЙ ВОСТОК: ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОСТИ
(экологические аспекты)

Один из ведущих исследователей восточного деспотизма, Л. С. Васильев¹, оттолкнувшись от принципа редистрибуции и реципрокности², выделяет три фактора генезиса надобщинных политических структур: «Исходным фактором первостепенной важности всегда была *оптимальная экологическая среда*... Фактор второй — *производственный эффект*, достигаемый в условиях экологического оптимума... Фактор третий — *демографический оптимум*»³. Обозначив перечисленные факторы, ученый в дальнейшем к ним не возвращается. Между тем возникают вопросы. Разве не действовали аналогичные условия при становлении европейской цивилизации? Почему там не сформировался «восточный деспотизм»? Обуславливали, содействовали природные факторы становлению особенностей тех или иных обществ или не играли в этом процессе никакой роли? Если играли — то как, если обуславливали — то насколько?

Ответы можно найти, лишь обратившись к истории природы, при совместном рассмотрении истории природы и общества. Целостный взгляд на историю природы сформировался лишь в самое последнее время: в начале 80-х годов⁴. При таких обстоятельствах, на мой взгляд, имеет смысл прежде всего изложить основные положения, гипотезы и эмпирические обобщения, выдвинутые представителями советской школы естественных наук в 80-х годах, хотя бы в самом сжатом виде.

Согласно представлениям естествовников, жизнь на Земле является следствием стечения нескольких обстоятельств, которые климатологи М. И. Будыко, А. Б. Ронов и А. Л. Яншин характеризуют как «почти невероятные»⁵. Климат, установившийся на планете, в принципе при всех ныне действующих природных факторах мог быть и климатом «белой зимы»: планета могла быть целиком покрыта снегом, а температура у земной поверхности колебалась бы от -50 до -70°C ⁶. Температурный интервал, благоприятный для существования примитивных организмов — основы всей биосферы, чрезвычайно узок — от $+10$ до $+40^{\circ}\text{C}$. Его установление на Земле в сравнении с другими небесными телами уникально, и уникально продолжительно — почти все время существования планеты⁷. Вместе с тем жизнь

на земле чрезвычайно хрупка. Даже незначительные изменения климата вызывают серьезные потрясения в биосфере. Угроза глобального губительного экологического кризиса существовала во все эпохи истории планеты после возникновения биосферы⁸.

Неустойчивость климата резко возросла в неогене — периоде, непосредственно предшествующем современному — четвертичному⁹. Климатологи связывают быстрое развитие центральной нервной системы и увеличение мозга предков современного человека в три раза с изменением климата в плиоцене и плейстоцене, а именно: снижением температуры в высоких широтах, изменением циркуляции воздуха и повышением давления в низких широтах¹⁰. Для четвертичного периода характерно сохранение неустойчивости. В это время шло становление человека как биологического вида, пока процесс полностью не прекратился 40 тыс. лет тому назад¹¹. Биологическая способность человека приспосабливаться к меняющимся условиям за счет генетических трансформаций была исчерпана, и жизнеспособность вида стала определяться уже не биологическим, а социальным развитием.

В последнюю четверть этого срока человек стал сам производить потребляемую им пищу¹². Весьма вероятно, полагает М. И. Будыко, что эволюция человека, как и многих других живых организмов, была ускорена колебаниями климата¹³. По мнению М. И. Будыко, А. Б. Ронова и А. Л. Яншина, неспособность человека предвидеть будущее стала причиной неоднократных экологических кризисов¹⁴. Но при этом «влияние экологических кризисов на развитие человеческого общества было двусторонним. Наряду с ущербом, который они наносили традиционной хозяйственной деятельности человека, влияние кризисов создавало стимулы для развития новых путей обеспечения экономических интересов общества»¹⁵.

На основании собственных многолетних раскопок на Южном Урале, обобщения и анализа подобных изысканий в Азии и Африке¹⁶ Г. Н. Матюшин пришел к выводу о том, что в конце плейстоцена и голоцена произошли четыре экологические катастрофы. Ученый считает, что «каждая из культур возникает как бы спонтанно, не проявляя плавного и постепенного перехода друг от друга»¹⁷. В отличие от климатологов Г. Н. Матюшин связывает экологические катастрофы почти исключительно с аридизацией, исходя из синхронности времен гибели цивилизаций и регрессий внутренних крупных водоемов Азии и Африки¹⁸.

Используя труды М. И. Будыко и других климатологов, Н. Н. Моисеев (частично в содружестве с В. В. Александровым и А. М. Тарко) построил ряд моделей, связанных с взаимоотношениями человека и природы, выдвинул несколько теоретических положений и эмпирических обобщений, имеющих, согласно В. И. Вернадскому, достоверность фактов, зафиксированных наблюдением¹⁹. Теоретические положения Н. Н. Моисеева сво-

дятся в довольно строгую концепцию глобального развития общества и природы²⁰, которую в общих чертах, к сожалению исключив многие важные моменты, можно представить в следующем виде.

Любому организму (термин используется в понятиях общей теории систем)²¹, в том числе и социальному, присущи не только стремление к стабильности, к сохранению гомеостаза²², но и изменчивость, которая повышает пластичность, функции приспособления к меняющимся условиям²³. «Устойчивость, доведенная до своего предела, прекращает любое развитие. Она противоречит принципу изменчивости... Стремление к гомеостазису должно компенсироваться другими тенденциями, определяющими рост разнообразия организационных форм»²⁴. В ходе эволюции проявляются обе тенденции, но в известных границах, определенных рамках, поэтому процесс развития предстает крайне разнообразным и единым одновременно²⁵. Это русло ученый назвал «обозримым каналом эволюции»²⁶.

Система в ходе «спокойной эволюции» развивается за счет изменения своих параметров, и такое развитие предсказуемо, поскольку «берега канала» — законы природы, они определяют и движение и постепенное изменение системы до тех пор, пока она не выходит на пересечение таких каналов. Момент выхода, точка пересечения называется бифуркацией или катастрофой. «На перекрестке „эволюционных каналов“ происходит „катастрофа“», — пишет Н. Н. Моисеев. Характер развития качественно меняется. Возникает несколько новых и различных вариантов развития (эволюции)²⁷. «Выбор того канала, по которому дальше пойдет развитие изучаемого процесса, может определить самое ничтожное случайное воздействие. Подобная трактовка эволюционного процесса снимает все вопросы об обратимости эволюции — эволюция необратима»²⁸, система не «помнит» своего прошлого²⁹.

Согласно логике изложенной выше концепции, должен быть некий момент, порог (бифуркация), за которым пути Востока и Запада разошлись. Изучение этого момента позволит дать ответ на многие вопросы, и в частности касающиеся стабильности восточных обществ, роли природы в развитии по разным эволюционным каналам.

Время «расхождения» путей Востока и Запада фиксируется довольно точно. Так, И. М. Дьяконов, В. А. Якобсон и Н. Б. Янковская констатируют, что «античный путь развития со всем его своеобразием по сравнению с остальным миром — это лишь одно из позднейших ответвлений от тех путей развития раннеклассового общества в целом, которые сложились уже на первом, раннем этапе древности», а именно на втором ее этапе³⁰, т. е. в I тысячелетии до н. э.

Что же произошло в природе в первой половине данного тысячелетия? Ответ известен: так называемое похолодание железного века, событие, например в сравнении с Великим оледенением

нением, не столь уж и значительное в истории планеты. О нем М. И. Будыко в обширной монографии «Эволюция биосферы» говорит одной фразой: «Позднее преобладала тенденция к похолоданию, которое было особенно заметным в первой половине первого тысячелетия до новой эры»³¹.

Это похолодание не затронуло сколько-нибудь существенно главные центры древнейших цивилизаций Старого Света, расположенные в долинах великих рек — Нила, Тигра, Евфрата и Инда. Здесь надо отметить одну особенность не слишком значительных колебаний климата на нашей планете: они проявляются прежде всего в высоких широтах, в то время как температура в экваториальной зоне практически остается неизменной³². Названные цивилизации расположены ближе к экватору, чем к высоким широтам, поэтому и температурные колебания здесь были не столь значительными, чтобы отразиться на хозяйстве и жизни людей³³.

Похолодание сопровождалось аридизацией, однако и это обстоятельство, обусловившее гибель, как показал Г. Н. Матюшин, четырех волн цивилизаций в предшествующие десять тысяч лет, не имело принципиального значения для жителей речных долин Юга. Для обществ, освоивших технологию поливного земледелия, где охота и собирательство давно играли подчиненную роль, сокращение видов и численности представителей животного и растительного мира окрестных земель уже не являлось бедствием даже при окончательном превращении саванн в пустыни, как это произошло вокруг Нила. Для человека как биологического организма аридизация далеко не всегда бывает негативным фактором. Напротив, иногда она способствует установлению таких параметров температур, которые в сочетании с другими факторами превращают отдельные регионы в зоны климатического курорта, как это было на большей части долины Нила³⁴.

Похолодание железного века, сопровождавшееся аридизацией, в принципе могло затронуть цивилизации, лишь наиболее далеко продвинутые на Север, а таковыми в I тысячелетии до н. э. оказались древнегреческая и древнекитайская. Процессы, спровоцированные климатическими изменениями, в Греции эпохи перехода от архаики к полисной системе и в Китае эпохи Лего и Чжаньго были во многом идентичными.

Похолодание стимулировало рост потребностей человеческого организма в калориях, в то время как продуктивность многоотраслевого хозяйства, сложившегося в более благоприятных климатических условиях, снизилась. До того богатые флора и фауна субтропиков, которые постепенно беднели в ходе II тысячелетия до н. э., подверглись двойному давлению: ухудшению природных условий и ограблению естественных ресурсов со стороны человека. Люди стремились компенсировать ухудшение жизни за счет природы. Возможности жить охотой и собирательством уменьшились. Сокращение вегетационного пе-

риода из-за похолодания потребовало новых сортов растений — более скороспелых, а аридизация — более засухоустойчивых, потребовалась серьезная коррекция техники и технологии земледелия, возникла необходимость большей запашки — расширения пространства природной базы социальных коллективов, иную соотношения земледелия и животноводства в хозяйствах³⁵.

Сокращение объема общественного продукта, уменьшение прибавочного и, возможно, недопроизводство необходимого продукта поставили под сомнение целесообразность прежней социальной организации общества, системы распределения и перераспределения жизненных благ и ее идеологического обоснования, стимулировали политические кризисы, социальные катаклизмы. Иными словами, система «человек — природа» вышла на пересечение каналов эволюции, в точку бифуркации, перепутья.

Процессы выбора нового канала эволюции в Греции и Китае также были похожими. Господствующим слоям для сохранения своего ведущего положения в обществе было необходимо возглавить поиск путей повышения производительности труда; при этом они имели большой соблазн компенсировать потери наиболее легким способом — за счет внешнего окружения, попросту говоря, посредством ограбления соседей. Социальная напряженность, большие и малые войны характерны для Греции и Китая с IX—VIII и по IV—III вв. до н. э. Одновременно шел активный поиск возможности повышения производительности труда, прежде всего в земледелии, в том же направлении, что и современная «зеленая революция»: селекционная деятельность, испытание и применение удобрений, орудий труда, новой техники и технологии, изыскание возможности оптимизации социально-производственной организации, сочетание интенсивных и экстенсивных типов хозяйствования.

Интенсивным технологиям в дальнейшем предстоял путь пространственного экстенсивного распространения. Для последнего процесса требовались не только вовлечение в хозяйственный оборот новых природных ресурсов, расширенное воспроизводство разнообразных орудий труда, но и дополнительная рабочая сила. Иначе говоря, выход из кризисной ситуации был также связан с расширенным демографическим воспроизводством в семьях и ростом численности населения в целом. Освоение новых земель и рост населения — два взаимостимулирующих процесса, характерных для древности и средневековья. Оба они имеют своим пределом максимальную эксплуатацию вмещающего ландшафта, чреватую изнурением последнего и новым витком социально-экологического кризиса.

Как бы подтверждая теоретическое положение о том, что «перепутье» есть момент выбора «канала» дальнейшего эволюционного развития, Греция и Китай избрали разные и, как показывает история, необратимые дороги. Однако при этом действительно новый «канал» развития «открыла» Греция, Ки-

тай же вернулся на «круги своя» — к восточному деспотизму. Здесь в эпоху Ранней Хань (206 г. до н. э.— 23 г. н. э.) были завершены многовековая борьба мнений и поиски оптимальной системы управления, которую условно можно назвать деспотизмом с «гуманным лицом»³⁶. Страна вышла из острого политического, социального и экологического кризиса. Наступил период длительной (почти на две тысячи лет) социально-экологической стабильности, стоящей на трех «китах»: неизменности территории расселения (т. е. отсутствия условий для экстенсивного развития, экстенсивных технологий), относительной неизменности численности населения (т. е. стабильности демографического давления на землю), неизменности основных порядков жизни (идеологии, иерархии ценностей, принципов политики, экономики, социально-экономических и социально-экологических отношений)³⁷.

Почему Китай вернулся в «семью» восточных деспотий, а Европа пошла иным путем? Возможно, что в иных случаях может сыграть роль «самое ничтожное случайное воздействие», но в данном ряд обстоятельств не был ни случайным, ни ничтожным. Назовем некоторые из этих обстоятельств, связанные с природным фактором.

Греция и бассейн реки Хуанхэ — колыбель китайской цивилизации — находятся на одних и тех же географических широтах, но близость Атлантики к теплomu Гольфстриму, большие массы воды в Средиземном море смягчали воздействие и похолодания и аридизации в Греции. Напротив, территория древнекитайских царств (бассейн Хуанхэ) была открыта холодному дыханию Ледовитого океана зимой и жарких степей Центральной Азии летом. Из этого различия проистекло несколько разных следствий для Эллады и Срединной империи.

Доставшееся от теплого и влажного климата III тысячелетия до н. э. видовое «наследство» растений, пригодных в пищу человеку, в Поднебесной было намного меньшим, чем в Восточном Средиземноморье³⁸. Видовая бедность плодовых деревьев в Китае связана с похолоданием и аридизацией II—I тысячелетий до н. э., но более всего с похолоданием железного века. До того на Китай распространялась значительная часть видового богатства Юго-Восточной Азии — региона, в котором аккумулируется треть мирового разнообразия видов растений и животных³⁹.

Названная бедность обусловила в Древнем Китае упор на земледелие, а в нем — на зерноводство, как основной, а иногда и единственный источник питания населения. Леса прежде всего Лёссового плато сводились под пашню и были вырублены полностью. В Европе на месте сведенных лесов природа была способна генерировать если не леса, то естественные пастбища, в Китае же так было далеко не всегда. Здесь во многих местах пашня не могла преобразоваться естественным путем снова в леса или пастбища. Напротив, велика была опасность пре-

вращения лесов в почти бесплодные степи с растрескавшейся от летнего зноя и зимней стужи землей.

Упор на зерновые в условиях рельефа, пригодного к сплошной распашке на больших площадях, сплошная распашка Лёссового плато, стимулируемая ростом населения и стимулирующая этот рост, привели к тому, что в момент бифуркации пространство, которое может быть занятым различными естественными видами, оказалось заполненным культурным моновидом. Данное обстоятельство обусловило вне зависимости от желания человека и понимания им того, что происходит, возложение на общество ответственности за сохранение экологического равновесия.

Освоение Лёссового плато — первая масштабная внутренняя колонизация в Древнем Китае была спровоцирована одним, оказавшимся трагическим, обстоятельством: мнимостью больших размеров природных ресурсов, которые без потерь могли быть освоены под пашню. Уничтожение лесов и болот — естественных и единственных резервуаров влаги на ровном плато — привело к утрате значительной части освоенных земель для земледелия из-за недостатка влаги.

Увеличение численности населения и количества городов на освоенных землях, которое по крайней мере теоретически могло привести к новым социально-экономическим отношениям, закончилось возрастанием аграрного перенаселения, обнищанием жителей, возвратной волной миграции. Бедность благоприветствовала утверждению ростовщичества не только в торговле, но и в сельском хозяйстве и ремесле, поддерживая и усиливая процесс обнищания.

Сухопутная колонизация означала также непрерывность расселения, что в условиях бедности и самодостаточности социальных ячеек не способствовало росту потребностей в торговле и обмене. В ряде царств кризисная социально-экологическая ситуация обусловила повышение роли государства не только в торговле, обмене, защите жизни и имущества подданных, но и в организации производства в земледелии. В целом объединение царств Древнего Китая в III в. до н. э. стало знаменательным рубежом не только социальной, но и социально-экологической истории, поскольку в сложившихся условиях гарантировать охрану и непрерывность процесса сельскохозяйственного производства, а следовательно, нормальное существование общества могло только единое государство⁴⁰.

После объединения враждующих царств была развеена иллюзия возможности решения проблемы аграрной перенаселенности за счет соседей. Для жителей бассейна Хуанхэ — колыбели китайской цивилизации полуварварский и варварский Юг — бассейн Янцзы и южные горы всегда представлялись изобильными из-за богатства природных ресурсов, порождая зависть и желание покорить южные народы. Когда в короткий срок не только была создана единая империя (221 г.

до н. э.), но и территория ее за счет южных и северных соседей возросла вдвое (к 215 г. до н. э.), выяснилось, что одномоментное решение проблемы перенаселенности нереально. И на севере, и на юге от Хуанхэ культивируемых и пригодных к быстрому введению в хозяйственный оборот земель посильными затратами труда оказалось слишком мало для многочисленного китайского этноса, а климатические условия Севера и Юга были непривычно тяжелы для переселенцев⁴¹. Собственно говоря, основными колонизаторами новых земель стали солдаты армии завоевателей. Как массовое явление, революционно преобразующее жизнь общества, вторая волна колонизации в Древнем Китае не состоялась. Медленный эволюционный процесс заселения Юга растянулся более чем на тысячелетие, не решая, но лишь снижая остроту экологических, социальных и политических проблем Севера Китая⁴².

В отличие от Древнего Китая аграрная перенаселенность в Греции, создав социальную напряженность, не привела к утрате основного генофонда биоценозов из-за мягкого и влажного климата и сложного гористого рельефа, не позволившего распахать не только всю, но даже большую часть территории юга Балкан, не обусловила замену многих естественных видов растений культурным моновидом, но, как и в Китае, стимулировала процесс колонизации новых земель. На последних практически повсеместно (на юге Апеннин, на Сицилии, на побережье Малой Азии, в Крыму) те же факторы — мягкий климат и сложный рельеф — ограничили экоцидную по своему характеру экспансию до пределов, в которых рекреационные возможности природы превосходили разрушительные действия хозяйствующего человека.

Вариант колонизации по китайскому образцу для греков был закрыт. Большие ровные пространства земли имелись лишь на юге Великой русской равнины, но тамошние степи из-за сухости климата не могли быть использованы под пашню без крупных ирригационных работ по отводу на поля вод Днепра, Дона и Кубани. Подобные работы были непосильны древним грекам. К тому же одновременно нужно было создавать новую технологию орошения земледелия.

Контурные берегов в самой Греции благоприятствовали развитию морского транспорта — самого дешевого во все времена. Навигация была затруднена лишь два зимних месяца. В древности водный транспорт был наиболее безопасным. Хотя пиратство не переводилось, перекрыть морские водные пути, подобно сухопутным, было трудно или вовсе невозможно. Одно из благ империй — безопасные коммуникации — здесь не было весомым аргументом в пользу централизованного государства.

Греки искали на чужбине земли, которые можно было превратить в просторные хлебные нивы, но таких в греческой ойкумене не было. Это обстоятельство обусловило не сконцентрированную в единый мощный поток колонизацию, но «веер-

ную» по многим вмещающим ландшафтам. Пространственная дискретность колоний стимулировала в числе многих других факторов ряд социально-экономических и социально-политических процессов. В частности, колонии давали хлеб. Даже частичное освобождение от зерноводства метрополии позволило ее жителям выращивать больше оливок и винограда и увеличить производство оливкового масла и вина, направляемых в колонии. Без последних хлебопашец грек-колонист не мыслил свое существование, как и без многих промышленных изделий. Изолированные колонии и окружавшие их, превосходящие по численности местные народы вступали друг с другом в торговые отношения. Чтобы они были устойчивыми, торговый обмен должен был быть интенсивным. Для этого колонистам следовало выполнять посреднические торговые функции между возможно большим числом производителей разнообразных товаров в разных полисах, как в Греции, так и в ее колониях. Постоянные торговые связи были одним из стимулов разделения труда, расширения не только вертикальных экономических связей (колония—метрополия), но и горизонтальных (колония—колония). Этим связям благоприятствовала отделенность вмещающих ландшафтов каждой колонии от других водными пространствами, по сути дела ничейной территорией, т. е. свободной от таможенных пошлин и от перекрытия путей сообщения по политическим мотивам. Эти же связи способствовали отделению города от деревни, ремесла от земледелия, размыванию родоплеменных связей.

В отличие от Китая в ходе первой волны греческой колонизации на общество не была возложена ответственность за сохранение экологического равновесия, усилия по освоению новых земель не были напрасными, природа не создавала угрозы обнищания, упорный труд вознаграждался зажиточностью, демографическое давление на землю постепенно снижалось, росла миграция населения во всех направлениях, способствуя выравниванию условий жизни повсюду, расширению личных контактов, торговых связей, разделению труда, товарному производству и товарным рынкам. Общество не нищало, а неуклонно шло по пути повышения благосостояния, расширения границ среднего слоя, сокращения практики ростовщичества в сельском хозяйстве и свободном ремесле⁴³.

Через несколько веков после начала первой волны Великой колонизации уже не социально-экологические факторы или не столько они, сколько другие потребовали расширения жизненного пространства этноса, новой волны колонизации, осуществленной теперь не разрозненными усилиями многих маленьких государств-полисов, но силами объединенной Македонией Греции в IV в. до н. э. Несмотря на то что экспансия была направлена на Восток, где все вмещающие ландшафты были давно и полностью заняты, частичный исход греков из Эллады снял там напряженность, а приход их на новые земли не при-

вел к изнурению вмещающих ландшафтов. Главная причина столь благоприятных результатов акции, по-видимому, связана с тем, что в отличие от Китая, население которого значительно превосходило население окружающих территорий, численность греков в сравнении с подданными империй, завоеванных Александром Македонским, была мала, если не ничтожна.

В целом нельзя не признать, что судьба уберегла Древнюю Грецию как от экологических стрессов, так и от экологических ограничителей расширения жизненного пространства.

Европейская цивилизация, получив импульс от Древней Греции и испытав мощное культурное воздействие народов Ближнего Востока, определила свой «канал» эволюции. Рамки статьи не позволяют описать эволюции Востока и Запада даже в одном аспекте — экологическом, поскольку даже концепция — каркас представлений о едином потоке развития природы и общества, наполненная минимальным фактическим материалом, не может быть изложена столь сжато, можно лишь очертить водораздел различий.

Модус вивенди, или способ сосуществования, общества и природы в идеале должен быть таким, чтобы негативное воздействие природы на общество и общества на природу было минимальным, не нарушающим устойчивости, стабильности обеих систем. Поскольку сознательным и организуемым партнером во взаимодействии двух сторон является общество, состоящее из индивидуально действующих в том или ином направлении его членов, то основные принципы стабильных отношений относятся к поведению человека и по своей сути не могут быть ничем иным, кроме императивов, заповедей или, согласно В. И. Далю⁴⁴, наказов, наставлений к неперемennomу всегдашнему исполнению. Если общество руководствуется экофильными императивами, то это является гарантией экологического равновесия — основы стабильности общества. Мне кажется, что основные положения экофильного поведения человека и общества могут быть сведены к трем взаимосвязанным и вытекающим одна из другой «заповедям»: «не вреди», «уподобляйся», «черпай полной мерой».

«Не вреди» может быть выражена в развернутом виде так: при конфронтационных отношениях между обществом и природой нельзя допускать ситуации истощения рекреационных потенциалов природы или, по Л. Н. Гумилеву, антропогенная нагрузка не должна приводить к изнурению вмещающего ландшафта. Первая «заповедь» наиболее проста для восприятия, поскольку она как бы распространяет нравственные принципы, выработанные и принятые в качестве императивов во взаимоотношениях между людьми, на отношения между человеком и природой.

«Уподобляйся» ориентирует создаваемые человеком технологические процессы в промышленности и сельском хозяйстве на подобие природным. В частности, искусственные процессы, подобно естественным, должны вести не к ослаблению, а к ук-

реплению стабильности природных комплексов. Вторая «заповедь» является логическим продолжением первой, отражает развитие человека и общества от эгоизма через «разумный эгоизм» к альтруизму — целенаправленным действиям одной системы по укреплению гомеостазиса другой.

«Черпай полной мерой» — всего лишь образное выражение эмпирического обобщения, которое можно сформулировать так: при соблюдении первых двух «заповедей» наибольшая стабильность природных систем достигается в том случае, когда задействованные силы природы используются на полную мощность. Поскольку в таком использовании и заинтересовано прежде всего общество, то здесь происходит полное слияние интересов двух сторон (разумеется, понятие «интерес», отнесенное к природе, условно). Третья «заповедь» — это как бы вознаграждение за смену парадигмы, за отказ от эгоизма.

Названные рекомендации экофильного поведения универсальны. Возможности же следования им вариационны. Они зависят не только от их осознания (в практической деятельности в целостном виде они вовсе не являются прямыми установками к действию), но и от общей культурной парадигмы той или иной цивилизации, стадии развития последней, наконец, от конкретных природных условий того или иного региона. К примеру, технология заливного рисоводства не случайно сформировалась и стала основой экономики в Южном Китае⁴⁵.

Путь постижения второй «заповеди», что в принципе характерно для универсальных человеческих ценностей, был не целенаправленным, а естественным результатом проб и ошибок в поиске наиболее производительных технологий, которые обнаруживали себя при соблюдении первой «заповеди». Третий императив также был «открыт» эмпирическим путем в ходе непосредственной хозяйственной деятельности и в научном плане стал достоянием биологии и агрономии в виде рекомендации: для предотвращения разрушения плодородных почв существует единственный эффективный способ ведения земледелия, пишет, например, П. Б. Серс вслед за Ф. Бером, — поддерживать на самом высоком уровне их производительность⁴⁶.

Как отмечалось, если экоцидное поведение древних греков не провоцировало экологические кризисы, то заслуги в том эллинов не было. В дальнейшем в Европе в лучшем случае соблюдалась только первая «заповедь», и то не всегда и не повсеместно. В результате, как считают Н. Н. Моисеев, В. В. Александров и А. М. Тарко, «начиная с эпохи Возрождения несбалансированность человеческих потребностей, их несоответствие естественным циклам биосферы начали принимать катастрофический характер»⁴⁷. Однако судьба продолжала оставаться к Европе благосклонной: был открыт Новый Свет, практически незаселенная Австралия, другие свободные и полусвободные, пригодные к освоению вмещающие ландшафты. Вплоть до XX в. это позволяло расширять хозяйственную экспансию, не соблю-

дая названные «заповеди» и не доходя по исчерпанию рекреационных возможностей природы. Например, что касается второй «заповеди», то все промышленные технологии не были подобны естественным природным циклам, поскольку были ориентированы на производство монопродукта, природа же «производит» только полипродукт. Промышленность повсюду не укрепляла, а ослабляла, разрушала естественные биоценозы.

В сельском хозяйстве положение дел было несколько лучше, но и здесь производственные процессы начинают следовать второй и третьей «заповедям» лишь в Новое и Новейшее время. Так, у М. Блока мы находим утверждение, что сущность технической революции в сельском хозяйстве заключается в ликвидации агротехники паров, которые агрономы назвали позором земледелия. «Отныне земле, привыкшей до сих пор, при наиболее усовершенствованных системах, отдыхать один год из каждых двух или трех лет, была запрещена всякая лень. *В материальной жизни человечества нет более значительного достижения* (подчеркнуто мною.— Э. К.). Это дало возможность увеличить в два или полтора раза сельскохозяйственную продукцию и, следовательно, прокормить гораздо большее количество людей, к тому же более многочисленных, ибо увеличение обрабатываемых земель не поспевало за ростом населения». М. Блок считал, что без этого «завоевания» было бы невозможным развитие фабричной промышленности, а также обращал внимание на то, что пар был уничтожен прежде всего в областях с густым населением и многонаселенными городами (Фландрия, Брабант)⁴⁸.

На Востоке это «значительное достижение» вошло в практику в незапамятные времена. Отмена паров — еще не устранение «лени земли», устранение достигается при снятии нескольких урожаев в год, при круглогодичной работе поля. Пары и даже подсеčno-огневое земледелие применяются на Востоке в местах с редким населением кое-где даже в наши дни, но в местах плотного заселения и в древности пары здесь были иными, чем в Европе. В Древнем Египте при бассейновой системе орошения земля находилась под паром пять-шесть месяцев в году — во время половодья и при его спаде. «За это время аллювиальная почва, истощаемая ежегодными посевами зерновых культур на одних и тех же участках земли, успевала восстановить свое плодородие — насыщалась водой и удобрялась новыми отложениями ила, которые под воздействием солнечных лучей обогащали ее соединениями азота и фосфора»⁴⁹.

Действительно значительным достижением Востока можно считать технологию поливного или, точнее, заливного рисоводства. При ней полностью устраняется разрушающая и максимально используется созидательная сила воды. Данная технология дает подобно естественным процессам-циклам в природе не монопродукт — зерно, но зерно и рыбу с одного поля одновременно. Причем рыба не просто живет в чеках, но «работает»

по очистке каналов, заменяя тяжелый труд человека и одновременно добывая себе пищу. В этой уникальной, подобной промышленной, технологии зависимость от окружающей среды минимальна; как и при естественных процессах, противостояние окружающей среде практически отсутствует: производственный процесс протекает как в живой природе — не истощая, а укрепляя, расширяя собственную базу, не подрывая, а усиливая экологическое равновесие⁵⁰. Но в отличие от живой природы укрепление почвы — основы плодородия и экологического равновесия — ускоряется как в индустриальных процессах в десятки раз. Так, если в пойме Нила ежегодно откладывается слой ила толщиной 1 мм, повышая таким образом почву долины за один век в среднем на 10 см⁵¹ (и это один из лучших результатов укрепления биоценозов, достигнутых природой), то в заливном рисоводстве при благоприятных условиях (на кислых породах) рисовые поля могут сформироваться приблизительно за 50—100 лет, когда слой ила начинает превышать 60 см⁵².

Технология заливного рисоводства с ее высокой продуктивностью, полипродуктом, экологической стабильностью, ускорением процессов по сравнению с теми, что протекают в природе, — это живое воплощение результата, получаемого при соблюдении трех экофильных «заповедей», прообраз будущих технологий ноосферы — была создана именно на Востоке, что вряд ли можно считать случайностью.

Рассмотрение становления технологий актуально, потому что в них отражается характер, тип взаимодействия человека и природы. Обратимся к некоторым важным моментам, до сих пор слабо затронутым или вовсе остающимся вне поля зрения исследователей, и для этого необходимо вернуться к трем основополагающим факторам стабильности Востока, обозначенным Л. С. Васильевым и упомянутым в начале данной работы.

Как же сказались стабилизирующие факторы — оптимальная экологическая среда, производственный эффект в условиях экологического оптимума и демографический оптимум на эволюции восточных обществ? Выскажу не новое, но нуждающееся в обосновании утверждение: первый фактор в значительной мере лишил человека на Востоке позывов к экстенсивному пути развития.

Природная среда обитания человека являет собой комплекс, в который входят рельеф земли, почва, флора, фауна, гидро-режим, климат. Все эти элементы взаимосвязаны и взаимозависимы, но наиболее активную роль в комплексе в сколько-нибудь длительный отрезок времени играет климат⁵³. Что же можно сказать о климате тех регионов Азии, где были высокие цивилизации с древнейших времен? Климат при всех исторических колебаниях, за редким исключением, был чрезвычайно благоприятен для жизни людей и земледелия. Вегетационный период здесь охватывает большую часть года или круглогоди-

чен, что позволяет получать до трех урожаев в год с одного поля. Здесь не требуется расхода калорий на борьбу организма с холодом. Не нужно теплой одежды, топлива для обогрева, не нужно толстых стен, удерживающих тепло. Потребность в жилье здесь скорее культурно-психологическая, чем физиологическая. В лесах Южной Азии человек может жить их дарами и вовсе не заниматься производительным трудом.

Если добавить к данному перечню необязательность большого числа и сложности орудий труда, тягловой силы скота, необходимых для быстрой и напряженной работы во время спелости земли — явления, характерного для средних широт, возможность возводить даже грандиозные оросительные системы примитивными орудиями, то суммарный вывод о разнице жизни в южных и северных районах Евразии может выглядеть так. На низких широтах в отличие от высоких во многих местах нужен минимум средств существования, которые обязательны в личной, т. е. частной, собственности: пищи, в том числе домашних животных, одежды, жилья, земли, орудий труда и тягловой силы. Здесь много легче соблюдать первую «заповедь», чем на Севере, где нужно запахивать большие земли, вырубать под пашню леса, интенсивнее эксплуатировать пастбища.

Однако большая степень стабильности, устойчивости существования, связанная прежде всего с климатом, имеет и негативную сторону. Ограниченная потребность в частной собственности, как показывает исторический опыт, вовсе не благо или, во всяком случае, не абсолютное благо. Ведь перечисленное выше — не только связующие звенья между человеком и окружающей средой, это и естественное расширение человеческого тела на среду, условие преобразования мира и самого человека. «Частная собственность утверждает человека как свободную личность, удовлетворяя естественное право на самостоятельность и самостоятельность, дает чувство уверенности и через него доверие к людям, земле, вещам, миру; пробуждает и воспитывает правосознание, научая отличать „свое“ от „чужого“ и уважать права чужого; воспитывает чувство хозяйственной солидарности (ответственность перед ближним и перед всей страной), не нарушающее хозяйственной свободы». Приведенные тезисы заимствованы из декларации Российского христианско-демократического движения и были бы не слишком весомым аргументом в научной статье, если бы не содержали в себе в сжатом виде воззрения европейской цивилизации на собственность как составную часть общей системы ценностей. Эти воззрения связаны с установкой на рост и, конечно, не только на экстенсивное развитие, но обязательно на него.

Второй фактор — производственный эффект в условиях экологического оптимума выразился в высокой производительности земли, достигаемой на Востоке с глубокой древности и значительно превышающей аналогичные показатели урожайности

Запада вплоть до Новейшего времени⁵⁴. Объяснение этого феномена, на мой взгляд, связано с трудноуловимым различием между техникой и технологией. Упор на одну или другую во многом повлиял на характер эволюции Запада и Востока.

Известно, что с древнейших времен высокая производительность земли на Востоке, достигнутая Западом после падения Рима, лишь в ходе научно-технической революции, обеспечивалась простыми, нередко примитивными орудиями труда (например, разновидность лопаты — ханьский заступ несколько веков был почти единственным орудием труда в Южном Китае), использованием в качестве энергоносителей мускульной силы человека и соответственно большой трудоемкостью процессов. Цель — высокая производительность земли — достигалась за счет интенсификации живого труда.

Но человек всегда стремился получить наибольшие результаты при наименьших затратах труда. И это стремление, согласно Н. Винеру, было важнейшим стимулом изобретательства и — как следствие — научно-технического прогресса. Почему же на Востоке, где, как констатирует А. П. Колонтаев, человек весьма способен к изобретательству, создавая, например, десятки видов плугов для разных почв⁵⁵, творческие потенции используются не для или не столько для облегчения тяжелого труда, сколько для максимального повышения продуктивности земли? Почему на Западе люди работают много и хорошо, а на Востоке, как подчеркивает вслед за Г. Мюрдалем Б. И. Славный, плохо и мало?⁵⁶ Ответ до сих пор искали в идеологии, социально-экономических отношениях и в экономике, но его можно найти в природе, технике и технологии.

Как известно, благоприятные природные условия позволили там, где они были, давно перейти к земледелию и накопить опыт оптимального хозяйствования на земле. Возможность получать высокие урожаи, прежде всего на аллювиальных равнинах при использовании примитивных орудий труда, подтолкнула человека не к совершенствованию техники, а к поиску производительных технологий, к вопросам: когда и как производить те или иные операции, к познанию законов природы и использованию их в практической деятельности, к соблюдению сначала первой, а затем и остальных «заповедей» равновесия между обществом и природой⁵⁷. На Востоке была как бы предопределена ориентация на высокоэффективную и экологическую технологию, в то время как Запад компенсировал низкую производительность земли, т. е. применение малоэффективной и неэкологичной технологии (практически соблюдалась только первая «заповедь»), вовлечением в хозяйственный оборот больших природных ресурсов, для чего требовалась высокопроизводительная техника. Иными словами, различие Запада и Востока имеет еще один аспект — технико-технологический.

Последнее заключение требует дополнительного рассмотрения из-за путаницы терминов. Многие ученые не видят раз-

ницы между техникой и технологией, что связано с недостаточным разграничением понятий прежде всего в справочной литературе⁵⁸. Если обратиться к сути различий, то нужно отметить следующее.

Средства производства состоят из предметов труда, которые подвергаются обработке в процессе производства, орудий производства и средств труда. В земледелии первые — семена (виды растений), вторые — сельскохозяйственные орудия, третьи — земля, воды, леса. Мне представляется, что технология производственных процессов — это некие «правила игры», согласно которым вступают во взаимодействие рабочая сила (человек), предметы, орудия и средства труда. В зависимости от использования тех или иных «правил игры» меняются взаимосвязи, значимость, роль каждого из взаимодействующих элементов производственного процесса. Эффективная технология — это такие «правила игры», которые позволяют достичь наибольших результатов при наименьшем использовании тех элементов системы, которые в дефиците, и наибольшем — тех, которые в избытке. В каждом отдельном случае ситуация может быть иной, но при глобальном подходе остается фактом, что наибольший избыток дает природа, исчерпать возможности которой до конца человек не может в принципе, и вся задача состоит в том, как распорядиться тем, что нам предоставляет природа.

Если технология — «правила игры» искусственно созданного человеком процесса, основанного на законах природы, то техника — система механизмов (орудий труда) и приемов (навыков) реализации данного процесса. Технология как бы отвечает на вопросы «что происходит?», «как делается?», техника же — на вопрос «чем делается?». Техника и технология находятся между собой в сложной взаимосвязи, в частности недостатки одной компенсируются достоинствами другой. Эта компенсация сродни той, которая возникает при выходе из лабиринта, когда можно затратить равное время, двигаясь медленно кратчайшим путем или долгим, но с большей скоростью.

Когда нет условий для рождения более эффективной технологии, рост производительности достигается за счет технических усовершенствований. Например, технология высокой печати не изменилась со времен Иоганна Гутенберга. Она состоит в нанесении краски на выступающие части печатной плиты и прижиму к ним бумаги. Все усилия человеческой мысли Европы несколько столетий были направлены на совершенствование техники, позволяющей вести процесс быстрее. К нашему времени скорость за счет весьма сложной техники возросла в сотни раз и продолжала бы расти, не появившись альтернативные технологии — иные способы печати, не уступающие современной высокой.

Смена техники — признак эволюционного развития в рамках неизменной технологии, смена технологии — свидетельство

революционного сдвига в отношениях между человеком и природой, возростания степени использования сил природы человеком. Из относительной самостоятельности и взаимодополняемости техники и технологии следуют дальнейшие цепочки причинно-следственных связей, разные для первой и второй.

С технологией связаны характеристики скорее качества, чем количества, с техникой — наоборот. Ориентация на технологические сдвиги означает акцент на интенсивный путь хозяйствования, на рост производства товаров прежде всего за счет качественных факторов (в земледелии — урожайности), на использование более производительных процессов. Ориентация на технические усовершенствования связана с экстенсивным хозяйствованием, с увеличением объемов производства за счет вовлечения новых механизмов и машин, дополнительных трудовых (человеческих) и сырьевых ресурсов.

Технология, как правило, находится во владении больших групп людей, хотя возможны и исключения, причем характерные для Востока, когда технологические секреты являются семейной тайной и передаются из поколения в поколение. Техника, как правило, за исключением некоторых тоталитарных режимов, принадлежит конкретному хозяину. Отсюда связь между технологией и большими группами людей — обществом, государством, общественной, государственной собственностью — общенародным достоянием.

Эффективная технология, как правило, проста и экономична. Она не обязательно требует высокой квалификации и сложности рабочей силы, предпосылкой которой является общее образование, всех занятых, в то время как сложная техника — обязательно требует. Отсюда — большая вероятность эксплуатации высокой технологии обществами со значительными социальными различиями, деспотиями. И напротив, сложной, находящейся во владении каждого члена общества техники — демократическими режимами, с незначительными социальными разрывами, высоким уровнем сложности всей рабочей силы. Исключения из этих общих положений возможны при прерыве естественного хода социального развития, отходе от него.

Примером высокоэффективной технологии и образцом соблюдения трех «заповедей» экофильного поведения человека является упомянутая выше технология заливного рисоводства. Главная черта подобных технологий — консервативность. Возможности совершенствования их ограничены. Экспериментальный поиск требует глубоких научных знаний, больших затрат труда, энергии и материалов, но, за крайне редкими исключениями, эффект не соответствует затратам. Надежнее, беспроигрышнее не совершенствовать, а просто эксплуатировать производственные темпы, системы, основанные на таких технологиях, где наибольший эффект дает не внедрение нового, а строгое соблюдение старого, технологическая дисциплина. Здесь, более чем в других случаях, действует закон гомеостазиса: измене-

ния вредны. Помимо эксплуатации природных ресурсов основной вид деятельности как отдельного человека, так и общества в целом — ремонт текущий и капитальный; устранение разрушений, вызванных социально-политическими или природными катаклизмами, восстановление хозяйственных систем по раз и навсегда найденным стереотипам.

В дополнение к консервативности негативной стороной эффективной технологии может оказаться и ее самодостаточность, как это и имеет место в случае с заливым рисом. Поскольку для рисового поля органические удобрения необязательны, постольку оно не требует в хозяйстве животных и — более широко — многоотраслевого крестьянского хозяйства. Самодостаточное технологически, натуральное экономически, мелкое крестьянское хозяйство не требует развитого товарного обмена, разделения труда, отделения ремесла от земледелия, развития инфраструктуры, территориального расширения единого рынка от малых вмещающих ландшафтов до все более крупных. Иными словами, эксплуатация технологии заливного рисоводства, как и любой другой эффективной технологии, не является фактором, стимулирующим развитие производительных сил в целом.

Следует отметить еще один момент. Технология базируется на естественных законах, но она продукт человеческой мысли, поэтому выбор, последовательность применения, акцентировка законов природы и средств производства зависят не только от объективных, но и от субъективных факторов. При этом не только от здравого смысла, сухого рационализма, но и от психического склада людей определенного этноса, эпохи, цивилизации, от особенностей культуры, не только от долговременных установок общества, интересов социальных слоев и их результирующей, но нередко и от зигзагов текущей политики. Технология и техника являются продуктом всего сложного, разнопланового, в чем-то противоречивого развития цивилизации и в то же время важными факторами, определяющими это развитие, они способны быть в определенных ситуациях и потоком, и берегами «канала» эволюции.

Третий фактор — демографический оптимум, возможно, важнейший из всех трех. Действительно, если все резервы пашни уже задействованы, а освоение новых земель непосильно социуму или чревато нарушением экологического равновесия, если при используемой технологии земля уже дает максимум того, что может, а переход на иную технологию нереален, то возрастание численности населения после прохождения рубежа демографического оптимума неминуемо создает кризисную ситуацию, которую не могут спасти даже минимальные физиологические потребности человека, определяемые оптимальной экологической средой.

С одной стороны, если демографический оптимум на Востоке и не был повседневной реальностью, то и порога катастрофы

традиционные общества не переступали (за исключением, пожалуй, демографического взрыва в Китае в XVIII в.⁵⁹). С другой стороны, государство и общество сознательно, целенаправленно не регулировали численность населения. В таких условиях естественно предположить существование некоего органически встроенного в ткань общества механизма, автоматически поддерживающего оптимальный режим его функционирования.

Таким регулятором обычно бывают традиции. В социальной эволюции они выполняют ту же задачу, какая в развитии биологического вида возлагается на геном: сохранения однажды найденного положительного феномена. Как известно, традиционализм как система передачи из поколения в поколение обычаев, порядков и правил поведения является фактором стабильности, ибо способствует неизменности представлений о мире и о себе, устойчивости социальных структур и отношений.

На уровне индивида традиционализм диктует восприятие принципов поведения как естественных и единственно возможных, принятых раз и навсегда. Традиционализм порождает всеобщий и потому зачастую незаметный контроль всех за всем и всеми, за всеми сферами деятельности и жизни людей, уничтожая в зародыше появление критики сложившегося образа жизни и возможность иного восприятия действительности.

Традиции приписывают социальному порядку справедливость, обосновывая его мудростью прошлых поколений, формируют восприятие мира однородным и нерасчлененным целым, где любой элемент бытия, прежде всего социальный порядок, предстает частью естественного (божественного) миропорядка. Так же и культура предстает целостным явлением, не допускающим изъятия ни одного ее компонента. Традиционализм освящается религией и закрепляется ритуалом, который сам, по видимому, может выполнять социальную роль религии⁶⁰; он же если и не утверждает социальное неравенство, то делает его терпимым⁶¹.

Традиционализм в сочетании с природными условиями может ориентировать людей на медленную работу, работу только для заработка, необходимого для физического выживания, порождает не промышленный, а только торговый капитал. Эти ориентация и порождение создают основу для многих негативных явлений. Отсюда исходят стремление получить максимальную выгоду при минимальных трудовых усилиях, погоня за наживой без приложения систематического труда, отсутствие щепетильности в такой погоне, страсть к азартным играм и спекуляциям, принцип «живи и давай жить другим».

Все это, вместе взятое, не прямо, но косвенно консервирует и взаимоотношения человека и природы. Итак, все ли является благом в соблюдении трех экофильных «заповедей», в поддержании трех стабилизирующих факторов? Вероятно, на этот вопрос нельзя дать положительный ответ. Вот как, например, обстояло дело в Индии, согласно Л. Б. Алаеву: «По-видимому,

образование классового общества в Индии шло специфическим путем — не столько путем апроприации личности производителя и его воли (рабовладельческий путь), сколько путем лишения производителя средств производства и, следовательно, экономического принуждения его к работе на другого. Этот путь, напоминающий по форме процесс первоначального накопления, довольно трудно объяснить. Примитивность орудий труда не позволяла им противостоять производителю в качестве капитала. Обилие незанятой земли не создавало монополии на средства производства, как будто бы необходимой для развития экономического принуждения. Однако трудности объяснения не могут отменить самого факта: с глубокой древности в Индии создалась значительная прослойка трудящихся, свободных юридически... и свободных от средств производства, и они работали в чужих хозяйствах на основе договора или устного соглашения»⁶².

В свете изложенного выше лишение производителя средств производства, экономическое принуждение, обилие незанятой земли можно объяснить лишь неосознанным, диктуемым традициями желанием избежать процессов, которые могли бы привести к экологической катастрофе. Из того, что пишет Л. Б. Алаев, можно усомниться лишь в одном — обилии незанятой земли. Есть основания полагать, что во все времена в Индии площади, пригодные к распашке, во многом были мнимыми.

Известно, что для сохранения экологического равновесия в Индии в настоящее время под лесами должно быть не менее трети территории страны, в то время как осталось лишь 22%. Идущая «деградация лесного покрова увеличивает степень вероятности наводнений, нарушается гидрологический режим рек, уменьшается уровень грунтовых вод, растет заиливание и засорение водоемов... сокращается количество осадков», которые за последние 70 лет уменьшились на 11%⁶³.

Замечу, что показатель — одна треть под лесами — относится к нашим дням, когда в Индии успешно прошла «зеленая революция», основанная на соблюдении «трех заповедей» экологического равновесия, т. е. когда возможности замены естественного ландшафта антропогенным расширились. Для традиционной Индии лесов требовалось больше. Добавим к ним территории, которые для поддержания экологического равновесия необходимо оставлять под пастбища и водоемы, и увидим, что на пашню придется меньшая часть территории страны. Не случайно в 50-е годы, когда посевные площади составляли менее 40% территории⁶⁴, экологическая ситуация уже была напряженной.

Не исключено, что в экологическом плане, решая иные задачи, традиционное общество, возможно, перестраховывалось, довольствовало меньшими размерами пашни, чем могло, не нарушая экологического равновесия. Несомненно, что ограничителем освоения целины был не непосредственно страх перед

экологическим кризисом, а убежденность в незыблемой мудрости традиций. Но на формирование традиций в свое время — дописьменной истории — оказали влияние экологические катастрофы, и традиции сохраняли в себе, как правило в измененной форме, установки, гарантирующие от действий, могущих привести к повторению подобных катастроф. Механизмы защиты от кризисов и катастроф, включаясь в ткань хозяйственной жизни, социально-экономических отношений, религии и идеологии, отрывались от первопричин, становясь элементами традиционных представлений. И уже традиционализм как мировоззрение освящал все наследие, требуя его нерасчлененного восприятия и не требуя никаких обоснований, способствовал расширительному использованию запретов за пределами целесообразности. Так, ограничения в хозяйственной и быденной жизни, закономерные для одной страны, одного вмещающего ландшафта, переносились в другой, где они могли не быть обязательными и даже целесообразными. Традиционные установки в сложной системе, диктующей определенные социально-экономические отношения, ставили преграды пахотной экспансии, росту населения, применению орудий труда и тягловой силы скота сверх сложившихся веками потребностей в них, узаконивали резервирование живого труда, устанавливали систему ответственности и группы населения, ответственные за качество труда, сохранение плодородия земли.

* * *

За последние 12 тысяч лет имел место ряд экологических катастроф: глобальных, вызванных изменениями климата, и локальных, спровоцированных деятельностью человека. Решая конкретные задачи выживания в экстремальных условиях, общества Востока методом проб и ошибок пришли к ряду ограничений и правил в хозяйственной деятельности, которые в целостном виде никогда сознательно не формулировались. Элементы, имеющие экологическое происхождение, будучи органически включенными в общую систему социально-экономических отношений, идеологии и политики, как бы растворились в ней, но тем не менее играют важную роль. В рамках общей системы они позволяют поддерживать экологическую стабильность до тех пор, пока не наступает кризис всех традиционных структур.

В настоящее время угроза глобального экологического кризиса вызывает обостренный интерес ко всему, что способствует поддержанию экологического равновесия. При обращении к традиционному Востоку, конечно, вряд ли можно ожидать конкретных рекомендаций в решении глобальных проблем современности, но можно «нащупать» направление продуктивного поиска и хотя бы ориентировочно определить социальную цену экологической стабильности.

¹ См.: *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983, с. 15, 17, 21.

² Реципрокность — взаимобмен материальными благами, дарами, деятельностью и т. п. Редистрибуция — система иерархического централизованного перераспределения избыточного продукта.

³ Там же, с. 25.

⁴ «К началу 80-х годов человечество стало владеть фактами, позволяющими создать целостное представление об общей системе мироздания, его рождения и развития. Вселенная предстала перед глазами людей как единая самоорганизующаяся система, в которой непрерывно возникают новые, более или менее стабильные системы» (*Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарко А. М.* Человек и биосфера. Опыт системного анализа и эксперименты с моделями. М., 1985, с. 13; далее — *Моисеев Н. Н. и др.* Человек и биосфера).

⁵ Эти обстоятельства следующие. 1. Установление и поддержание в течение четырех миллиардов лет у поверхности Земли интервала температур 10—40°C. 2. Компенсация на протяжении четырех миллиардов лет влияния убывания скорости дегазации верхней мантии Земли на температуру земной поверхности влиянием на температуру постепенного роста солнечного излучения. 3. Практическая неизменность химического состава атмосферы. 4. Неизменность климата — физического состояния атмосферы. 5. Благоприятные изменения условий окружающей среды, возникновение кислородной атмосферы (*Будыко М. И., Ронов А. Б., Яншин А. Л.* История атмосферы. Л., 1985, с. 186—187; далее — *Будыко М. И. и др.* История атмосферы).

⁶ *Будыко М. И. и др.* История атмосферы, с. 23—24.

⁷ Там же, с. 186. Подробнее см.: *Будыко М. И.* Климаты и жизнь. Л., 1971.

⁸ См.: *Будыко М. И., Голицын Г. С., Израэль Ю. А.* Глобальные климатические катастрофы. М., 1986, с. 158.

⁹ В неогене «возникновение обширных полярных ледяных покровов резко повысило чувствительность термического режима к малым изменениям климатообразующих факторов. Это сделало возможным громадные колебания границ снежного и ледяного покрова на суше и океанах под влиянием изменения положения земной поверхности к солнцу, которые ранее не оказывали заметного влияния на климат» (*Будыко М. И.* Эволюция биосферы. Л., 1984, с. 263). Речь идет об эксцентриситете земной орбиты, наклоне оси вращения Земли к плоскости орбиты и времени наступления равноденствия.

¹⁰ *Будыко М. И.* Эволюция биосферы, с. 349.

¹¹ *Моисеев Н. Н. и др.* Человек и биосфера, с. 19.

¹² *Будыко М. И.* Эволюция биосферы, с. 347.

¹³ Там же, с. 348.

¹⁴ *Будыко М. И. и др.* История атмосферы, с. 189.

¹⁵ *Будыко М. И.* Эволюция биосферы, с. 371.

¹⁶ См.: *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976; *он же.* Энеолит Южного Урала. М., 1982.

¹⁷ *Матюшин Г. Н.* Каменный век Южного Урала. Предуралье. Проблема становления производящего хозяйства. Автореф. докт. дис. М., 1985, с. 2.

¹⁸ См.: *Матюшин Г. Н.* Экологические кризисы и их роль в смене культур каменного века. — *Природа и человек.* М., 1988, с. 21—60. Г. Н. Матюшин пишет: «На жизни человека, особенно в степных и лесостепных районах, сказывались даже двух-трехсезонные засухи» (*Матюшин Г. Н.* Каменный век, с. 2). Столь сильное влияние засух на жизнь людей, вероятно, связано с тем, что не было еще найдено способов эффективного сохранения семенного фонда. И спустя тысячелетия ситуация не изменилась к лучшему. Не случайно Теофраст констатирует: «Семена, пролежавшие год, лучше всего прорастают и считаются для посева самыми лучшими. Двух и трехлетние — хуже; после этого срока семена теряют всхожесть» (*Теофраст.* Исследования о растениях. М., 1951, с. 268).

¹⁹ См.: *Вернадский В. И.* Эмпирические обобщения и гипотеза. — *Избранные сочинения.* Т. 5. М., 1960, с. 19; *он же.* Философские мысли натуралиста. М., 1988, с. 49—101.

²⁰ Концепция Н. Н. Моисеева, можно сказать, «разбросана» по разным

работам (большая часть ее представлена в: *Моисеев Н. Н.* Алгоритмы развития. М., 1987).

²¹ Организм — это система, обладающая не только определенными целями, но и способностью следовать этим целям (см.: *Моисеев Н. Н.* и др. Человек и биосфера, с. 11).

²² Н. Н. Моисеев не дает определения термину «гомеостазис», но пишет, что «он означает, в частности, что любому живому существу свойственно стремление к самосохранению или стабильности организма» (*Моисеев Н. Н.* Алгоритмы развития, с. 42).

²³ *Моисеев Н. Н.* и др. Человек и биосфера, с. 14.

²⁴ *Моисеев Н. Н.* Алгоритмы развития, с. 43.

²⁵ Там же, с. 100. Следуя логике Н. Н. Моисеева, можно, например, сказать, что на Востоке мы наблюдаем широкий спектр типов самоорганизации общества при сохранении единого общего принципа редистрибуции и реципрокности.

²⁶ «Законы природы ограничивают множество возможных (виртуальных, мыслимо допустимых) состояний материального мира, которые я условно назвал „каналами эволюции“» (*Моисеев Н. Н.* Алгоритмы развития, с. 35).

²⁷ *Моисеев Н. Н.* Алгоритмы развития, с. 34.

²⁸ *Моисеев Н. Н.* Модели экологии и эволюция. М., 1983, с. 23.

²⁹ *Моисеев Н. Н.* Алгоритмы развития, с. 27.

³⁰ История древнего мира. Т. 2. Расцвет древних обществ. М., 1983, с. 26. Поскольку представление о процессах социального развития европейской античности и Востока в I тысячелетии до н. э. уже сформировано, в данном исследовании, посвященном выявлению роли экологического фактора, имеется возможность, не вдаваясь в детали, опираться на общие выводы и положения, которые и изложены во вводной лекции цитируемой книги тремя названными учеными. В дальнейшем я буду обращаться к данной книге, делая выводы относительно Древней Греции.

³¹ *Будыко М. И.* Эволюция биосферы, с. 237.

³² *Моисеев Н. Н.* и др. Человек и биосфера, с. 256.

³³ Все необходимые факторы для ведения эффективного земледелия сохранились. По словам Теофраста (*Теофраст.* Исследования о растениях, с. 17), главные — это влага и тепло, затем почвы и уход. Реки по-прежнему несли необходимое количество влаги. Тепла для вегетации было достаточно. Аллювиальные почвы отличаются высоким плодородием. Опыт ведения хозяйства за предыдущие тысячелетия был накоплен значительный.

В наиболее трудном положении мог оказаться лишь Египет по причине того, что паводок Нила, обусловленный таянием снегов в Абиссинских горах и тропическими ливнями в районе Великих озер Центральной Африки, приходится не на весну, а на лето — с июня по октябрь. Сев производился сразу после спада воды, и вегетационный период приходился на зимние, т. е. более холодные, месяцы. Однако тепла, как показывает земледельческая практика не только верховьев, но и низовьев реки, было достаточно, уход не был чересчур обременительным, и Геродот восхищался легкостью труда земледельца дельты Нила и его богатыми урожаями.

³⁴ Как пишет климатолог Луи Дж. Беттен, «в целом любому человеку, желающему восстановить свои силы после болезни, рекомендуется избегать следующих условий: чрезмерной жары, особенно в сочетании с высокой влажностью; загрязненного воздуха... слишком изменчивой погоды, связанной с частым прохождением фронтов циклонов, а также очень больших высот, где содержание кислорода в атмосфере может оказаться для данного человека слишком низким» (*Беттен Л.* Погода в нашей жизни. М., 1985, с. 165).

Если обратиться к ситуации в долине Нила, то здесь мог быть лишь один негативный фактор из всего перечисленного: чрезмерная жара. В остальном для региона свойственны устойчивая погода, низкая высота над уровнем моря, почти предельная для Земли сухость воздуха, обусловленная наивысшей для планеты испаряемостью при минимуме осадков. В наиболее влажной части страны — Нижнем Египте, например в Каире, в настоящее время с мая по ноябрь практически не бывает дождей. Максимальная номинальная летняя температура здесь $+27^{\circ}\text{C}$, но эффективная, т. е. реально воспринимаемая че-

ловеком, которая может быть ниже или выше номинальной в зависимости от ветра (для низких температур) и влажности (для высоких), ниже номинальной. В Каире из-за высокой сухости воздуха она составляет около +24°C (см.: *Беттен Л.* Погода в нашей жизни, с. 160, 210), т. е. находится в диапазоне комфортных температур.

В излучине Нила номинальная температура существенно выше и приближается к границе, за которой большинству людей становится жарко независимо от влажности, +38°C, но эффективная колеблется в основном в диапазоне от +27°C до +38°C. Для этого интервала Л. Беттен рекомендует «осторожность», так как появляется возможность повышенной утомляемости при длительном воздействии и физической деятельности (*Беттен Л.* Погода в нашей жизни, с. 160). Однако, поскольку летом полевых работ, требующих значительных физических усилий, в Древнем Египте не велось, необходимости в интенсификации усилий в основной сфере экономики — сельском хозяйстве не было, и климатический дискомфорт, возможно, испытывали лишь рабы, занятые в это время на тяжелых работах.

³⁵ Во время предыдущих четырех экологических катастроф гибель цивилизаций, фиксируемая археологами, не была таковой в собственном смысле слова. Люди уходили с прежних мест обитания и нередко круто меняли хозяйственную ориентацию: с земледелия на скотоводство и наоборот (см., например: *Матюшин Г. Н.* Экологические кризисы, с. 27, 32—33). Теперь большая зрелость общества позволяла обойтись без столь крупных перемен.

³⁶ Главное в доктрине власти в Китае — это подход к обществу как объекту управления. В Поднебесной подданные — не механизм, инструмент исполнения желания владельца, как в иных деспотиях Ближнего Востока; не животные, живущие своей жизнью, которых нужно использовать для работы на хозяина (доктрина абсолютизма, вспомним рихельевское сравнение народа с мулом), но организм, в жизнь которого нельзя грубо вмешиваться. Однако его реакции можно и нужно направлять в желательное русло, не только отражающее интересы элиты, но и являющееся компромиссом интересов различных слоев общества. При сохранении дистанции огромного размера Китай больше, чем другие империи Востока, приблизился к идеалу, когда бюрократия должна формироваться в соответствии с принципом меритократии, являться носителем государственного разума, интеллигентности, основным средоточием нравственности, политической и общей культуры общества.

Все это — тема для специального разговора. Но все же здесь в подтверждение высказанных положений имеет смысл привести несколько установочных положений из трактатов эпохи Ранней Хань.

Ши цзи: «Самый лучший [правитель] следует натуре [людей], не столь хороший привлекает народ выгодой, идущий еще ниже — наставляет народ поучениями, еще похуже — приводит народ к порядку силой, а самый худший — вступает с народом в соперничество [из-за богатств]... Обществу нужны земледельцы, чтобы кормить народ; нужны промысловики, чтобы добывать материалы; нужны ремесленники, чтобы производить разные изделия; нужны торговцы, чтобы распространять полученное. Но разве все это требует указаний и приказов правительства, посылки людей и набора людей на работы и сборов их в определенное время? Ведь каждый человек прилагает свои способности, исчерпывает до конца свои силы, чтобы получить все то, что он пожелает».

Хань шу: «Истинный путь — это дорога, по которой идут и к устройению государства, а человеколюбие, мораль, справедливость, нормы поведения и музыка — все это суть его орудия».

Синь юй: «В пути нет ничего выше недеяния... Недеяние — это и есть деяние».

Хуайнань-цзы: «Всему причастен означает следовать ходу вещей... Дела Поднебесной не нуждаются в управлении — они следуют своей естественности... Когда управление навязчиво, народ охватывает смута... Кто пользуется плетью, не обладает искусством дальней езды», но при всем том: «По отношению к низшим непременно нужны приказы» (цит. по: Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990, с. 41—42, 66, 76, 85, 100, 133).

³⁷ Разумеется, как и везде на Востоке, социально-экологическая стабиль-

ность в Китае была не абсолютной, но относительной, незавершенной во всех составляющих ее элементах. Социоестественный гомеостазис на каждом отрезке времени определялся как результат непрерывно идущих конструктивных и деструктивных процессов, но все изменения были в пределах «нормы», не превосходили возможностей гомеостазиса по саморегулированию. Однако как биологический, так и социальный организм в принципе не могут быть вечными: ценой энергетической активности любого организма является его смерть, нарушение гомеостазиса (см.: *Моисеев Н. Н.* и др. *Человек и биосфера*, с. 18).

Распад традиционных структур Востока имел место. Этот процесс шел не без влияния воздействия извне, что ускоряло ломку гомеостазиса. При этом сами по себе восточные деспотии обладают завидным долголетием. Например, не будь демографического взрыва в Китае в XVIII в., система была бы устойчивой еще не менее тысячи лет (см.: *Кульпин Э. С.* *Человек и природа в Китае*. М., 1990, с. 152—156).

³⁸ В бассейне Хуанхэ, кроме каштанов (имеющих, кстати, не слишком calorificные плоды), практически не было плодовых деревьев. В Греции же могли произрастать помимо каштанов маслины, виноград, рожковые, грецкий орех, инжир, фундук. Все перечисленные плодовые в прошлом принадлежали к основным компонентам питания широких народных масс. Средиземноморье вообще невозможно представить без оливкового дерева, а климат этого ареала не случайно в научной литературе получил наименование «климат маслины» (см.: *Алехин В. В.* *География растений*. М., 1950, с. 199). Как полагал Н. И. Вавилов, в жизни населения Средиземноморья плодородное дерево было предшественником культурных хлебных злаков (см.: *Вавилов Н. И.* *Пять континентов*. М., 1962, с. 127).

³⁹ См.: *Вавилов Н. И.* *Пять континентов*, с. 22.

⁴⁰ Подробнее см.: *Кульпин Э. С.* *Человек и природа в Китае*, с. 58—77.

⁴¹ Там же, с. 96—97. На севере бичом был сильный ветер зимой, на юге — летняя высокая влажность. Первые могут понижать эффективную температуру на 10°C против номинальной, а влажность, превышающая 70%, делает температуру угнетающей даже при +28°C (см. также: *Беттен Л.* *Погода в нашей жизни*, с. 158—161).

⁴² Подробнее см.: *Кульпин Э. С.* *Человек и природа в Китае*, гл. 2.

⁴³ Как полагают И. М. Дьяконов, В. А. Якобсон и Н. Б. Янковская, предпосылками прекращения ростовщической практики в сельском хозяйстве и свободном ремесле были глубокое чувство солидарности граждан полиса, богатство последнего, товарность производства и наличие товарного рынка. Падение института ростовщичества в названных сферах экономики непосредственно предшествовало переходу ведущей политической роли к народному собранию, где были представлены все граждане полиса (*История древнего мира*. Т. 2, с. 20—21, 23).

⁴⁴ *Даль Владимир*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1989, с. 618.

⁴⁵ Подробнее см.: *Кульпин Э. С.* *Поливное рисоводство как фактор экономического превосходства средневекового Востока над Западом*.— *Народы Азии и Африки*. 1987, № 6.

⁴⁶ *Серс П. Б.* *Климат и цивилизация*.— *Изменение климата*. Л., 1980, с. 54—55.

⁴⁷ *Моисеев Н. Н.* и др. *Человек и биосфера*, с. 226.

⁴⁸ *Блок М.* *Характерные черты французской аграрной истории*. М., 1957, с. 275—276, 278.

⁴⁹ *Культура Древнего Египта*. М., 1976, с. 58—59.

⁵⁰ Подробнее см.: *Кульпин Э. С.* *Поливное рисоводство*. В работе дан сравнительный анализ традиционного европейского земледелия, где прослеживается экоидная ориентация общества и ответные, негативные для человека реакции природы, и экофильного заливного рисоводства.

⁵¹ *Культура Древнего Египта*, с. 47.

⁵² *Дюдаль Р.* К вопросу о генезисе и классификации рисовых почв.— *География и классификация почв Азии*. М., 1956, с. 191.

⁵³ П. Б. Серс, например, утверждает, что климат хотя и не единственный

фактор, определяющий развитие цивилизации, но он входит непременно компонентом в природный комплекс, ни один из элементов которого нельзя считать независимым от климата. Климат как способствует, так и ограничивает развитие цивилизации. Сам характер цивилизации является отражением климата. Вопрос лишь в размере, степени этого ограничения и отражения (Серс П. Б. Климат и цивилизация, с. 51—53).

⁵⁴ Оценки урожайности в древности и средневековье на Западе и Востоке см.: Нуреев Р. М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душ., 1989, с. 166; он же. Производительные силы как философская категория.— Вопросы философии. 1981, № 9, с. 97; Штейн В. М. Гуань-цзы. М., 1959, с. 71, 74; Кузищин В. И. Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э.— I в. н. э. М., 1966, с. 89, 94, 107; Возникновение и развитие земледелия. М., 1967, с. 129; Алаев Л. Б. Характер производительных сил в сельском хозяйстве Индии в докапиталистический период.— Сдвиги в производительных силах сельского хозяйства стран Южной Азии. М., 1975, с. 17; Жуков Е. М., Барс М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с. 183, 196 и др.

⁵⁵ Колонтаев А. П. Традиционные орудия труда в сельском хозяйстве Индии.— Сдвиги в производительных силах сельского хозяйства стран Южной Азии, с. 172—173.

⁵⁶ Славный Б. И. Немарксистская политэкономия о проблемах отсталости и зависимости в развивающемся мире. М., 1982, с. 97.

⁵⁷ Вероятно, это вытекало из мировоззрения и стереотипов поведения, сформировавшихся в доисторическое время в процессе поисков методов повышения уровня и качества жизни, когда технический «багаж» человечества был крайне скуден, а зависимость от природы чрезвычайно высока. М. И. Будыко по этому поводу пишет следующее: «Выскажем парадоксальное утверждение: чем менее совершенными орудиями охоты располагали предки человека, тем в большей степени они должны были восполнять недостатки орудий более высоким уровнем умственной деятельности, позволявшим побеждать при столкновении с крупными животными» (Будыко М. И. Эволюция биосферы, с. 352).

⁵⁸ С английского «technology» переводится как «техника, технические и прикладные науки» и лишь во втором значении как «технология». В словарях (С. И. Ожегова, иностранных слов, энциклопедическом) четкого разграничения между двумя понятиями нет, хотя в определениях можно уловить некоторое различие. Так, одно — «совокупность средств, приемов, навыков, орудий производства», второе — «совокупность процессов обработки или переработки материалов». Разница неясна из-за семантической насыщенности слов и сближения терминов «совокупность приемов, навыков» и «совокупность процессов обработки». Непонимание разницы возникает, как правило, у гуманитариев. Естественникам нет нужды задумываться над дефинициями: все определяет конкретный контекст.

⁵⁹ Демографический взрыв в Китае был вызван не влиянием колониальных держав, а внутренними процессами. Причины быстрого роста населения я вслед за М. П. Ли и Чжоу Юаньхэ (см.: Lee Mabel Ping-hua. The Economic History of China. N. Y., 1921; Чжоу Юаньхэ. Циндай жэнькоу яньцзо (Исследование народонаселения в эпоху Цин).— Чжунго шэжуй кэсюэ. Бейцзин, 1982, № 2) связал с изменением налоговой системы. Такое объяснение неполно и приведено лишь потому, что в отношении других факторов невозможно сказать что-нибудь достаточно обоснованно (см.: Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае, с. 157—165).

⁶⁰ Здесь хотелось бы привести высказывание Г. Н. Федотова о месте ритуала среди факторов, повлиявших на русскую историю, которое с большим основанием может быть отнесено к китайскому традиционному обществу и созвучно с характерными особенностями Востока в целом: «Мировоззрение русского человека упростилось до крайности; даже по сравнению со средневековым москвич примитивен... Обряд, периодическая повторяемость узаконенных жестов, поклонов, словесных формул связывает живую жизнь... служит для конденсации моральных и социальных энергий» (Федотов Г. Россия и свобода.— Знамя. 1989, № 12, 203—204).

⁶¹ Как подчеркивал Ф. А. Хайек, «неравенство, обусловленное безличными силами, переносится легче и затрагивает человеческое достоинство в гораздо меньшей степени, чем неравенство намеренное» (Фридман и Хайек о свободе.— Нью-Йорк, 1985, с. 110)..

⁶² *Алаев Л. Б.* Характер производительных сил, с. 24.

⁶³ *Дрейер О. К., Лось Б. В., Лось В. А.* Экологические проблемы развивающихся стран. М., 1983, с. 54—55, 154.

⁶⁴ См.: *Афанасьев Л. А.* Аграрное перенаселение. М., 1963, с. 67.

К. З. Ашрафян

К ВОПРОСУ О «ВОСТОЧНОМ ДЕСПОТИЗМЕ»

(Факторы и последствия континуума деспотических структур на Востоке)

Экономический детерминизм марксизма, обусловленный его полемикой с господствовавшими в XIX в. идеалистическими концепциями истории, не только не исключал роль в развитии общества социально-культурных и идеологических явлений, политических и правовых институтов, но и допускал их обратное влияние на базис (способ производства) и базисные формы.

Тем не менее, довлея над умами марксистов ряда поколений, экономический детерминизм предопределил дефицит конкретных знаний надстроечных явлений и институтов и, главное, недооценку степени их воздействия на базис. Сегодня реакцией на это явление следует считать попытки, на наш взгляд весьма некорректные, противопоставления «формационного» и «цивилизационного» подходов, в основе которого лежит интерпретация формации лишь как некоей социально-экономической структуры¹. «Цивилизационный» комплекс (т. е. социально-культурные формы, базирующиеся на определенной религиозной системе) между тем рассматривается как структурообразующий феномен, имеющий приоритетное значение перед социально-экономическими формами. Это представление соотносится обычно с реалиями Востока, ключ к «доселе неразрешимым загадкам» истории которого можно якобы найти, «лишь признав, что основные базисные отношения не лежат здесь в сфере производства материальных благ»², а основные социальные формы связаны не с присвоением прибавочного продукта, а с апроприацией личности эксплуатируемых³.

Нельзя не согласиться с Л. Б. Алаевым в том, что деление на «экономику» и «неэкономику» есть деление аналитическое, а на философском уровне, весьма далеком от общества и общественных явлений, от «нерасчленимой действительности»⁴, т. е. реальных общественных категорий, представляющих нерасчлененное единство, результат деятельности людей как в сфере экономики, так и в духовной сфере. Исторический процесс — это «равнодействующая» экономических и неэкономических факторов, их взаимодействия и взаимовлияния. Механизм этого взаимодействия — важная задача исторического исследования.

Среди проблем надстроечного комплекса привлекает внимание институт государства как важного элемента любого классового общества. Являясь функцией (производной) социально-экономических условий, оно влияло, а во многом и определяло развитие базисных форм.

Государство в докапиталистических обществах Востока определяют иногда как восточную (азиатскую) деспотию, или восточный деспотизм. Эту форму классики марксизма считают существующей на Востоке с древности и до XIX в., когда на смену пришел «возвращенный на ее почве» «европейский деспотизм»⁵. Однако восточный деспотизм в представлении классиков марксизма — это не просто неправовое государство, самовластие, авторитаризм, не ограниченный выборными представительными собраниями. Это — особое «политическое государство», которое, по словам К. Маркса, отличается от политического строя Европы. Различие заключается в том, что последний «есть строй частной собственности»⁶. Что же касается восточного деспотизма, то он возникает у арийских азиатских народов и у русских в период, когда еще не образовалась частная собственность⁷, когда сохраняется общинная, коллективная собственность. Как известно, «отсутствие частной собственности на землю» классики марксизма считали «ключом даже к восточному небу»⁸.

С тезисом об отсутствии частной собственности неразрывно связано положение о «древней общине» как базе восточного деспотизма. «Древние общины,— писал К. Маркс,— там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России»⁹. Такие общины продолжали существовать, по мнению классиков марксизма, в XIX в. «Первобытный коммунизм» на Яве, в Индии, России, писал Ф. Энгельс К. Каутскому в 1884 г., «образует в настоящее время (курсив наш.— К. А.) великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма»¹⁰.

Та же мысль проводится в «Анти-Дюринге»: «Древние первобытные общины... могут существовать на протяжении тысячелетий (курсив наш.— К. А.), как это наблюдается еще и теперь у индусов и славян, пока общение с внешним миром не породит внутри этих общин имущественные различия, вследствие которых наступает их разложение»¹¹. И только там, где эти «древние общины» разложились, «народы двинулись собственными силами по пути развития». Последние слова относились лишь к народам Западной Европы (хотя и в русской общине XIX в. Ф. Энгельс допускал наличие «Кулак — попушников и съемщиков крестьянских и помещичьих земель, мужицкой аристократии») ¹². На Востоке же эта «древняя община» лишала человека «всякого величия, всякой исторической инициативы»¹³, оставалась фактором застоя.

Отрицая существование на Востоке в древности и в сред-

ние века частной собственности, классики марксизма полагали, что монопольным собственником земли было государство¹⁴. «Объединяющее единое начало» (государство) в Азии, по К. Марксу, «выступает как *высший собственник* или *единственный собственник*»¹⁵, «исключительный обладатель прибавочного продукта»¹⁶. Именно в этом заключалась сущность «азиатской формы собственности», при которой непосредственным производителям противостояло государство, в силу чего «суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе», а рента и налог совпадают, т. е. «не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы ренты»¹⁷. Своеобразной модификацией этого тезиса можно считать положение Л. С. Васильева о «власти-собственности» как феномене, органически присущем неевропейским обществам Востока¹⁸.

Возникновение и существование восточных деспотических структур классики марксизма связывали со специфическими условиями земледелия на Востоке, обусловленными необходимостью осуществления государством крупномасштабных работ по сооружению и эксплуатации ирригационных систем. «Элементарная необходимость экономического и совместного использования воды... повелительно требовала вмешательства централизованной власти правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ»¹⁹.

Таким образом, восточный деспотизм — это политическая структура, надстройка «азиатского способа производства» (АСП), который К. Маркс считал, судя по его ранним высказываниям, предшествующим рабовладению, а по более поздним его суждениям — параллельным рабовладельческой и феодальной формациям в Европе.

Логически сконструированная и обусловленная уровнем научных знаний схема восточный деспотизм — АСП довлекла над умами многих ученых-марксистов как в нашей стране, так и за рубежом в 20—30-е годы XX в. К этой концепции ученые возвращались в ходе дискуссий 50—60-х годов²⁰. Немало сторонников она имеет и сегодня²¹, хотя аргументируется, как и ранее, не столько фактами истории, сколько отдельными высказываниями К. Маркса и Ф. Энгельса периода их историко-философских поисков. При этом оставляется без внимания факт, что концепция АСП противоречит теории формаций в варианте, который представлен в трудах классиков, написанных после 1867 г., в частности в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», представляющей собой, по его словам, «в известной мере выполнение завещания» К. Маркса²². В этом труде, как известно, называются лишь три докапиталистические формации — первобытнообщинная, рабовладельческая и феодальная. Следует, видимо, согла-

ситься с И. Хабибом в том, что это можно считать свидетельством отказа К. Маркса и Ф. Энгельса от концепции АСП²³.

Возникает вопрос: как соотносится изложенная выше схема восточного деспотизма как политической надстройки АСП с историческими реалиями средневекового Востока, в частности Индии (преимущественно Северной) и Ирана, в свете источников и научных исследований последних десятилетий? Выбор этих двух стран вызван тем, что их связывали в определенные периоды истории тесные экономические, культурные и политические контакты. В обеих странах (в Индии с конца XII в., в Иране с VII в.) государственной религией был привнесенный завоевателями ислам. Это обусловило в обеих странах, хотя и в разное время, явление «наложения» норм шариата на существовавшие уже развитые правовые и социально-экономические формы (включая отношения собственности).

Фактически единая персидская и арабо-персидская земельно-налоговая терминология, проникавшая в Индию с первых же дней существования здесь мусульманских государств (речь не идет об эфемерных и мелких мусульманских государственных образованиях в Пенджабе до XII в.), в которых официальным языком был фарси, облегчает выявление общего и особенного в развитии социально-экономических форм, в частности в аграрной структуре обеих стран. Их сближает и то, что развитие государственности и общественных отношений и в Индии, и в Иране определялось (в меньшей или большей степени) устойчивостью первобытнообщинных структур на ближней и дальней периферии, оказывавшей воздействие на различные стороны общественной жизни более развитого культурного «центра» и предопределявшей специфические формы власти. На протяжении столетий племенные структуры (арабы, тюрки, монголы, афганцы и иранские племена) были органически вплетены в политическую ткань, являлись создателями многочисленных сменявших друг друга или сосуществовавших империй и государств, при этом представляя в них наиболее привилегированную прослойку господствовавшего класса.

Итак, о схеме восточного деспотизма. Прежде всего об искусственном орошении. Хорошо известно, что ирригационные работы (как и работы по предотвращению затопления земель) были важнейшим условием земледелия если не повсеместно, то на значительных пространствах. Искусственное орошение превращало бесплодные земли в сельскохозяйственные угодья и многократно увеличивало продуктивность земли.

Крупные оросительные сооружения существовали как в древности, так и в средние века. Упадок древних ирригационных систем на Востоке некоторые ученые связывают с крушением рабства (поскольку рабы были основной рабочей силой при их строительстве и ремонте)²⁴. Однако не менее важными причинами были, видимо, завоевания племен и распад древних централизованных государственных образований в эпоху генезиса

феодалных отношений. Резкое сокращение оросительной сети в Иране имело место вследствие арабских завоеваний в VII—VIII вв. и монгольских — в XIII в.²⁵

У нас нет данных о том, сопровождалась ли «варварские» завоевания эфталитов разрушением ирригационных сооружений в Индии. Есть, однако, определенные доказательства для периода Гупта о тенденции к децентрализации искусственного орошения. Уже с начала нашей эры местное население проявляло инициативу в строительстве небольших каналов от рек и других оросительных источников²⁶. Орошение с помощью колодцев, небольших, наполняемых дождевой водой резервуаров, ручьев становится характерным для всего периода средневековья. Нельзя недооценивать и удельный вес земледельческого производства, связанного с разливами больших рек²⁷.

Вместе с тем крупномасштабные работы по строительству оросительных систем и систем защиты от затопления проводились и в средние века по инициативе и под контролем государства, мобилизовавшего для этих целей трудовые и материальные ресурсы. Известны, в частности, крупные ирригационные сооружения послемонгольского периода в иранской области Фарс. В XV в. при тимуриде Хусейне Байкара (1469—1506) в Восточном Иране, близ Туса и Мешхеда, был проведен канал протяженностью 70 км. Французский путешественник XVII в. Шарден видел в Иране систему подводных каналов-каризов протяженностью 32—40 км на глубине более чем 10—15 м; через каждые 8 м размещались смотровые люки, через которые могли проводиться очистительные работы. В 30—40-х годах XVIII в. под неусыпным оком Надир-шаха Афшара (1736—1747) велись работы по восстановлению Султан-бенде («Плотина султана») на р. Мургаб²⁸.

В единственной индийской санскритской хронике домусульманского периода «Раджатарангини» (XII в.) есть сведения об организации кашмирским царем Авативарманом (857—884) общественных работ для очистки русла р. Витаста от заградивших ее валунов, что привело к затоплению окрестных земель²⁹. В XIII в. делийский султан Гийас уд-дин Балбан в бытность правителем Бенгалии построил там дамбу протяженностью «в 10 дней пути»³⁰. Крупные водные резервуары в Дели были построены в XIII и в начале XIV в. (Хауз-и Шамс, Хауз-и хасс). Значительные земельные пространства были обводнены проведенными делийским султаном Фируз-шахом Туглаком (1351—1388) оросительными каналами от рек Сатледж и Джамна к г. Хисар-Фируза (современный Хисар) длиной 180—200 км³¹. Менее масштабные работы проводились при Моголах: некоторые из проложенных ими каналов орошали не сельскохозяйственные угодья, а дворцовые сады. Строителями крупных сооружений в средние века были, по-видимому, крестьяне, выполнявшие трудовую повинность³².

Каналы, строившиеся государством, находились в ведении

контролировавших их эксплуатацию должностных лиц (мир-и аб и др.), взимавших определенную долю урожая, выращенного земледельцами на обводненных землях³³. Важно отметить, что земли, орошаемые с помощью проведенных государством каналов, оно могло передавать в частные руки. Так было с землями, обводненными каналами султана Фируз-шаха, отдавшего их в дар улемам и шейхам³⁴.

Крупные ирригационные системы, строившиеся в средние века, даже при всей грандиозности были незначительны по сравнению с территорией большинства государств, возникавших в Иране и Индии. Эти системы охватывали лишь отдельный округ или несколько округов³⁵ и могли быть базой в лучшем случае местной централизации, но не крупных государств или образований имперского типа, которыми столь богата история этих стран.

Не подтверждаемый историческим материалом тезис о функциях государства по организации общественных работ, в том числе ирригационных, как факторе существования на Востоке деспотических структур стал отправной точкой для теории «гидравлических обществ» К. А. Витфогеля, подвергшейся обстоятельной критике И. Хабиба³⁶.

Что касается вопроса о собственности на Востоке, то не исключено, что в представлениях классиков марксизма, и прежде всего К. Маркса, произошли определенные изменения в результате знакомства с трудом известного социолога и историка М. М. Ковалевского об общинном землевладении³⁷. В конспекте книги М. М. Ковалевского, составленном в 1879—1880 гг., К. Маркс приводит, в частности, те пассажи, где говорится о земельной собственности в Индии, фиксируемой «Ману» и другими источниками. «Хотя общая собственность на землю является господствующим типом в эпоху кодекса Ману,— записывает К. Маркс,— все же уже встречается и частная собственность, на что указывает упоминание об *огораживаниях*, о захвате кем-либо чужого поля и т. д.», хотя и продажа земли производится «с согласия сограждан, родственников и соседей... Общинные пользователи превращают свои индивидуальные наделы в частную собственность»³⁸.

Далее К. Маркс отмечает: «Ковалевский находит в Ману... следы как общинного землевладения, так и одновременного возникновения частной земельной собственности, либо путем выделения из общинных земель индивидуальных наделов, либо вследствие того, что новые поселенцы завладевали теми и другими участками общинных пустошей и леса и распахивали их,— однако, лишь с предварительного согласия общинно-родовых союзов»³⁹. Возможно, отсутствие критических замечаний по этому поводу свидетельствует о том, что идея существования частной собственности в древней Индии импонировала К. Марксу. Однако она не нашла отражения в последующих работах К. Маркса, который более не возвращался ни к теме

восточной деспотии, ни к теме общественной структуры доколониальной Индии.

Вопрос о частной собственности на землю в древних и средневековых обществах — объект дискуссий. Ряд ученых отрицает факт ее существования, ссылаясь на отсутствие ее юридического признания, и считает ее категорией лишь буржуазного общества⁴⁰. Другие допускают существование частной собственности добуржуазного типа, считая ее, несмотря на обремененность нормами общинного и кланового землевладения, необходимой предпосылкой появления отношений господства и подчинения, равно как и государства. Думается, что суждение Ф. Энгельса о том, что «институт частной собственности должен уже существовать прежде, чем грабитель *может* присвоить себе чужое добро», в полной мере относится и к Востоку.

Наиболее универсальным термином, передающим понятие собственности, в том числе земельной, был «свамья». Собственник-свамин имел право наследовать, закладывать и продавать возделываемую им землю⁴¹. Со II в. до н. э. упоминание собственности вполне обычно в индийской литературе⁴².

В древнем Иране, судя по данным Сасанидского судебногоника, отражавшего реалии II в. до н. э. — VII в. н. э., категорией, аналогичной свамья, по мнению А. Г. Периханян, был кхвеш⁴³. Анализ библейских, древнеиранских, древнеармянских и других терминов, определявших частную собственность в Иране и Закавказье, на большом историческом материале выполнен А. П. Новосельцевым⁴⁴.

Естественно, что право собственности на землю в древних обществах и Индии и Ирана, в отличие от права собственности в буржуазном обществе, не было абсолютным. Оно не только ограничивалось преимущественным правом соседей на покупку продаваемого участка, но и было обусловлено принадлежностью собственника к данному коллективу (общине, корпорации). Однако в этом вряд ли прослеживается специфика Востока, учитывая, в частности, что и римский *dominium ex iure Quiritium* — это «владение семьи в рамках собственности римской общины»⁴⁵.

Не следует также преувеличивать для древних обществ обремененность частной собственности нормами общинного, корпоративного землевладения. Недооценка развития частных прав в отношении земли, допускаемая, в частности, А. Г. Периханян, подчеркивающей агнатический характер собственности, по мнению А. П. Новосельцева, связана с правовым характером ее основного источника, Сасанидского судебногоника, не отражавшего адекватно социальные реалии вследствие консервативного права, всегда охранявшего более древние устои⁴⁶. Как следует из данных исторических и других нарративных источников, в эпоху поздней древности и первых столетий средневековья вопрос о корпоративности земельной собственности фактически исчезает⁴⁷. О весьма значительном развитии в Иране этого времени

индивидуальных прав можно судить и по данным арабских источников. Апофеозом процесса разложения древних общин в Иране как результата развития частной собственности, обернувшегося обезземеливанием общинных землевладельцев, стало мощное народное движение маздакитов, выступавших за имущество равенство, за возврат к общинным порядкам⁴⁸.

Аналогичный процесс развития индивидуальных прав и частной собственности происходил примерно в ту же эпоху в Индии. Продажа земли — важнейший показатель существования частной собственности — фиксируется актами кушано-гуптского периода, которые заключались в присутствии деревенских старшин (махаттаров) и глав семей полноправных общинников (кутумбина)⁴⁹. Показательно, в частности, включение в механизм отношений «кредитор—должник» земли, в том числе возделываемых полей, переходивших к займодавцу в возмещение невыплаченного долга и ростовщического процента. Земля как важная форма залога, не фиксируемая еще ранними дхармашастрами («Ману», «Гаутама», «Яджнавалкья», «Нарада»), упоминается уже «Брихаспати» (впервые), затем «Катьяяной», допускавшими, в частности, возврат должником своего поля в случае выплаты долга и процентов⁵⁰.

Развитие индивидуальных прав на землю в общинах стало условием формирования не только трудовой крестьянской, но и нетрудовой эксплуататорской собственности, основанной на использовании труда различных категорий лишенных средств производства земледельцев — наемных работников, арендаторов, издольщиков и т. д. Частью это были люди зависимого, полурабского статуса⁵¹, частью — лично свободные⁵². Становление землевладельческой аристократии, генетически связанной с общиной, в ущерб родовой и рабовладельческой знати было, видимо, важной приметой переходного к феодальному обществу периода. В Иране и Закавказье уже в V—VI вв. сельская верхушка, представлявшая собой «зачаток нарождающейся новой знати», была известна как дехкане; ее генетическая связь со слоем свободных общинников, известных в древних обществах под тем же термином, очевидна⁵³. Из общинников-кутумбина формировалась феодальная знать и в Индии⁵⁴ (вассалы-раута князей из династии Гахадавалов и др.⁵⁵). К этой же прослойке следует, по-видимому, отнести кашмирских дамбаров, упоминаемых в санскритоязычной хронике Кашмира⁵⁶.

Земли, именуемые нами частной собственностью (добуржуазного типа), как отмечалось, могли стать при определенных условиях объектом купли-продажи. Однако во многом это было обусловлено степенью развитости товарно-денежных отношений. Рыночные отношения в эпоху поздней древности, по-видимому, были более высоко развиты, чем в раннее средневековье (что особенно характерно для Индии, где эта эпоха отмечена резким сокращением торговли и ремесленного производства и упадком городов, центрами которых они были⁵⁷). Воз-

можно, что это должно было сыграть роль в сокращении операций с землей⁵⁸, так же как и усиление коллективных прав в ущерб частным, обусловленное формированием соседских общин феодальной эпохи, вырабатывавших определенные «защитные механизмы»⁵⁹.

В Иране с арабским и в Индии с тюркским завоеванием распространяется арабская, арабизированная древнеиранская (харадж — от хараг, джизья — от гезит и т. д.) и новоперсидская земельно-налоговая терминология. Арабское *мильк* (мульк)⁶⁰ от глагола м.л.к. («царствовать, повелевать, владеть, быть собственником») заменило в нарративных источниках и документах существовавшие ранее термины. В Иране владельцев трудовых мульков именовали *хурдамалик* («мелкий собственник»), притом что универсальными терминами были «мулькдар» и «малик».

В Индии мы не находим подобных терминологических различий, и, насколько можно судить по одному из указов Аурангзеба от 1668 г., крестьяне-земледельцы (*арбаб-и зераат*) считались собственниками земли (*малик-и замин, арбаб-и замин*)⁶¹.

Близкими к термину «малик» как собственник земли в Индии следует считать персидский термин «заминдар», использовавшийся (весьма редко) в хрониках XIII—XIV вв. лишь в отношении представителей индусской знати (например, «раджи и заминдары» в хронике Барани⁶²), в документах и нарративных источниках XVI—XVIII вв. также и в отношении общинных землевладельцев-земледельцев («заминдаран ва кешаверзан»⁶³; последний термин означает «земледельцы»)⁶⁴. Что касается таких терминов, как *дихдар* (перс. «имеющий деревню»), *ватандар*⁶⁵ (перс. «имеющий вотчину», «вотчинник», от *ватан* — букв. «родина», «отчизна»), *грасиа* (хинди, от *грас* — букв. «глоток», «доля»), *бхумидар* (хинди-перс. «имеющий землю»), они использовались в источниках в основном для обозначения субъектов нетрудовой частной земельной собственности.

Близкой к *мульк*у категорией следует считать земли религиозных общин, учреждений, отдельных представителей духовного сословия — *мадад-и мааш* (перс. «средства к пропитанию»), *мадад-и хардж* (перс. «средства на расходы»), *аймма* («[земли] улемов»)⁶⁶, *союргал*⁶⁷ (монг. «дар», «пожалование» — в этом значении известен лишь в Индии; в Иране и Средней Азии *союргал* — «военный лен»), а также *сир* (или *махал-и сир* — земли, облагаемые непосредственно владельцем, взимающим *ренту-маликана*). Землями *сир* в последние столетия средневековья в Индии обладали отдельные представители феодальной знати, имевшие наряду с этим обусловленные службой владения⁶⁸. Земли религиозных учреждений освобождались от всех налогов и повинностей в пользу государства (*такалиф-и дивани ва муталабат-и султани*)⁶⁹, агентам *ленников-джагирдаров* предписывалось не досаждать владельцам *союргалов* и др.⁷⁰. Владельцы же нетрудовых *мульков* из других слоев

(купцы, представители чиновничества), по-видимому, были обязаны выплачивать налог. Что же касается владельцев трудовых мульков, то они были обязаны платить ренту.

Трудовая и нетрудовая частная собственность представляли собой различные социально-экономические категории, но одну и ту же юридическую. Собственнические права включали права наследования⁷¹ и отчуждения земли вплоть до продажи⁷². Имея в виду эти права, И. П. Петрушевский видел в мультке «полную аналогию аллоду», или «безусловную недвижимую собственность», не связанную со службой государству⁷³. Л. Б. Алаев подчеркивает, что права маликов, наследственные и отчуждаемые, были ограниченными⁷⁴.

Хотя известно, что источником развития частной собственности на землю могло быть возделывание целины проведением работ по ее орошению (признаваемое также и шариатом), эта форма складывалась прежде всего в результате разложения коллективного землевладения клановых и агнатических (семейных) общин. Община средневековья, ограничивая в определенной мере права индивидуумов, возникла и функционировала тем не менее на базе индивидуальной собственности на пахотные земли. Эта община (соседская, территориальная по типу), формировавшаяся в процессе разложения первобытнообщинных отношений и развития феодализма, должна быть признана «вторичной»⁷⁵ по отношению к более ранним ее типам. Поэтому взгляд на общины средневековья как на «естественные общины первобытного рода» или «древние», «первобытные общины»⁷⁶ был бы большим упрощением. Признавая определенную ограниченность прав маликов на землю, не следует и преувеличивать ее, в особенности для последних столетий средневековья, когда коллективные права представляются подчас правовым анахронизмом⁷⁷.

Отрицая частную собственность на Востоке, единственной ее формой классики марксизма считали государственную. Этот тезис своим появлением немало обязан интерпретации азиатской действительности XVI—XVIII вв. европейцами в свете их буржуазных представлений о собственности. На французского врача Франсуа Бернье (конец XVII в.), 12 лет прожившего в Индии и утверждавшего, что единственным собственником земли здесь является государство⁷⁸, ссылался К. Маркс⁷⁹. Представление о взаимообусловленности на Востоке деспотизма и государственной собственности получило в Европе в конце XVIII — начале XIX в. широкое признание, в частности благодаря книге английского историка Роберта Паттона⁸⁰.

Эти представления были навеяны также и толкованием проблемы собственности представителями правоведческих школ, которые в духе раннего ислама идентифицировали мусульманскую общину (умма) с мусульманским государством и — соответственно — завоеванные мусульманами земли, объявлявшиеся собственностью уммы (фай), с собственностью государства⁸¹.

Такая установка едва ли соответствовала реалиям даже на ранних этапах истории мусульманских государств, в Халифате и особенно после его распада. Тем не менее она защищается на протяжении всего средневековья некоторыми правоведами⁸², а также государственными деятелями⁸³.

К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря о государственной собственности на Востоке, не квалифицировали ее в формационных категориях (рабовладельческая или феодальная) и видели в ней нечто, равно характерное для древних и средневековых обществ. Историки-медиевисты, придерживающиеся феодальной концепции в стремлении согласовать известный им исторический материал и собственное представление с упомянутой концепцией государственной собственности, ввели понятие «государственная *феодалная* собственность». При этом они распространяют его на основной фонд земли в пределах данного государства, за вычетом земель мулк, т. е. категории земли, как халисэ и обусловленные службой владения военачальников и других должностных лиц. Такому представлению немало способствует отсутствие четкого разграничения между этими категориями: служебные владения могли быть отобраны в халисэ и вновь пожалованы тем или другим лицам.

Халисэ (мн. ч. халисэджат), часто халисэ-йе шерифэ (т. е. благородный халисэ) означает «выделенный, обособленный». Отметить это чрезвычайно важно, поскольку уже буквальное значение термина указывает, что земли халисэ составляли некую часть целого, т. е. часть территории, на которую распространяется суверенитет. Большинство зарубежных ученых, как правило не приверженных теории «государственной собственности», бесхитростно передает это понятие как «земли короны» (crown lands)⁸⁴. Синонимом халисэ является хас (хассэ) — букв. «особый», «личный». Попытки рассматривать халисэ и хас как различные формы собственности в Иране и Индии, т. е. как государственную собственность и шахский домен, несостоятельны. Это вполне убедительно показал В. Ф. Минорский, в частности, на материале открытого им памятника XVII в. — трактата об административном управлении сефевидского Ирана «Тазкират ул-мулк»⁸⁵.

Халисэ и хас как единую категорию рассматривает и И. Хабиб⁸⁶ на историческом материале по Индии периода правления мусульманских династий, отмечая, что упомянутые термины фактически подменяли друг друга⁸⁷. «Персонифицированность» земель халисэ как принадлежащих правителю следует из слов историка начала XVII в. Абдаллаха, писавшего, что Шер-шах Сур (1540—1545) имел «в своем халисэ (дер халисэ-йе худ)» 13 округов (паргана)⁸⁸.

Доходы с земель халисэ-хас шли на содержание правителя и его семьи, двора, гарема, дворцовых служб и мастерских (кархана), гвардии и т. д. Управление этими землями осуществлялось огромной армией чиновников (мутасаддин-и халисэ-йе

шерифэ)⁸⁹, главным образом фискальных, занятых изъятием у земледельческих-землевладельческих общин прибавочного продукта. Только на этих землях (а их пределы не были особенно велики), где отсутствовали другие, кроме государя, земельные собственники (если не считать представителей общинных верхов, часто выступавших сборщиками налогов), рента и налог совпадали.

Основным земельным фондом (за вычетом земель категории мульк) владела знать на условии несения службы⁹⁰ (шагл, хидмат⁹¹, мулязимат и др.), обычно военной, вместе с подчиненным контингентом воинов (нередко, в особенности в Иране, соплеменников пожалованного лица). «Служилые» именовались хидматгар («выполняющий службу»), мулязиман («слуги»), бендеган-и даргах («рабы двора»). Последний термин подчеркивает отношение поземельной и личной (в определенные периоды — вплоть до рабской) зависимости их от падишаха или султана. Служба султану (шаглха-и султани) как неперенное условие держания земли неоднократно подчеркивается источниками.

Широко распространено представление, что источником служебных пожалований были земли халисэ-хас. Это действительно могло иметь место, так же как земельные дарения религиозным учреждениям, отдельным представителям знати. Однако служебные пожалования возникали в основном в процессе завоеваний⁹², изъятия земли у одних и передачи другим владельцам, а также в результате закрепления в качестве пожалования вотчинных земель за местной знатью (подробнее ниже).

Нарушение пожалованным лицом условий службы, различные проступки, мятеж и прочее приводили к конфискации владений⁹³. С целью укрепления центральной власти известны также попытки правителей, как правило тщетные, упразднения системы служебных пожалований. Однако это, как отмечал Р. П. Трипатхи⁹⁴, приводило лишь к созданию новой служебной знати, но не упраздняло систему⁹⁵.

В результате соотношение между землями халисэ и служебными пожалованиями было весьма подвижным, но, как правило, с преобладанием последних. Так, в Индии при султানে Бахлух-шахе (1451—1487) из афганской династии Лоди благодаря его «щедрости» «в халисэ не осталось ни одной деревни»⁹⁶. То же самое имело место при гуджаратском султани Махмуде Бегара (1458—1511)⁹⁷. Советники Джахангира (1605—1627) предупреждали могольского падишаха: «Если его величество и впредь будет столь милостив, то через несколько лет не останется более деревень, дающих доход государству»⁹⁸. При внуке Джахангира — Аурангзебе (1656—1707) фонд халисэ был фактически исчерпан, а земли оказались в руках пожалованных лиц⁹⁹.

Условные пожалования государями своим приближенным появляются задолго до того, как их можно определить как

земельное владение. Известно, что икта (араб., букв. «отрезок») появляется эпизодически еще при Омейядах (661—750), означая пожалование доли государственного налога¹⁰⁰, собираемого государственными чиновниками. Пожалования налогов за службу делались также и индийскими (индусскими) князьями и в древности, и в раннем средневековье. Но только с 1000 г., по мнению Р. Ш. Шармы, пожалования за службу в Индии можно считать земельными пожалованиями¹⁰¹. Примерно в это же время, при Буидах (935—1055) и Саманидах (900—990), происходило превращение икта в земельное владение, в феодальный институт¹⁰². В служебные владения выделялись территории, доход которых формально соответствовал назначенному жалованью (маваджиб); размер последнего определялся в соответствии с чином и должностью¹⁰³. Пожалование требовало санкции ряда государственных чиновников, прежде всего великого везира, возглавлявшего государственное фискальное ведомство (бейт ул-мал).

Чиновникам предоставлялось право проверки счетов пожалованных лиц с целью выявления вымогательств и злоупотреблений (присвоение сверх определенного жалованья). Лица, владевшие пожалованными территориями, обязывались проявлять заботу об их процветании и благоустройстве, сообщать сведения «о хорошем и дурном», о происходящих событиях, о «покорности и непокорности» населения. В служебные владения обычно засылались тайные осведомители, сообщавшие параллельную информацию центру. К пожалованным лицам часто адресовались указы, регулирующие размер и форму взимаемых с крестьян сборов или отменяющие какие-либо поборы. В этом отражалось стремление центральной власти и отдельных поборников видеть в пожалованных лицах лишь государственных чиновников, получателей жалованья¹⁰⁴.

Однако практика находилась, как правило (за исключением отдельных периодов, когда государство санкционировало те привилегии, которые присваивали или которыми обладали пожалованные лица), в противоречии с официальной теорией. Права, которыми наделяло их государство или которые оно признавало за ними, варьировались от места к месту, от эпохи к эпохе и в немалой степени определялись политическими процессами — завоеваниями, сменявшими друг друга феодальной интеграцией и дезинтеграцией. С X до середины XIII в. в Иране и с начала XIII до середины XIV в. в Индии ранний икта был владением ненаследственным (в этом отношении можно говорить об определенной аналогии его с европейским бенефицием); стремление пожалованных лиц превратить икта в наследственное владение пресекалось государством. Со второй половины XIII в. в Иране и с середины XIV в. в Индии икта — это де-факто наследственное, а часто и иммунитетное владение, права их владельцев нередко получают признание центральной власти.

Наиболее полного развития нормы феодального землевла-

дения получают с середины XIV в. (в Иране несколько ранее — примерно с 30-х годов XIV в.). С этого времени и до начала XVI в. достаточно широкое распространение получают в Иране союргал¹⁰⁵ и в Делийском султанате инам¹⁰⁶, которые по условиям пожалования были владениями наследственными и иммунитетными (об административном иммунитете владельцев инамов в Индии нет прямых, тем более документальных, свидетельств источников, но их права подтверждаются нарративными источниками, часто излагающими содержание указов верховных властей).

В XVI в., когда на смену децентрализации и раздробленности конца XIV—XV в. приходит новая стабилизация власти («рецентрализация»), появляются новые типы служебных земельных владений — тиул в Иране, джагир¹⁰⁷ (букв. «место [откуда] брать [доход]») в Индии, которые по условиям пожалования, подобно икта домонгольского периода, не были ни наследственными, ни иммунитетными. Однако и тиулдары и джагирдары присваивали права, которыми официально не были наделены, проявляя при этом тенденцию к приватизации земли и сложению бремени вассальной службы. Не случайно, очевидно, появление в конце XVI—XVII в. таких категорий землевладения, как джагир-и кадим («старинный джагир»), джагир-и мауруси («наследственный джагир») ¹⁰⁸, джагир бе тарик-и ватан («джагир-вотчина»), джагир бе тарик-и милкийат («джагир-собственность») ¹⁰⁹. Привлекают внимание свидетельства источников о том, что джагиры сохранялись за владельцами даже тогда, когда они прекращали (по старости) свою службу ¹¹⁰.

Важно подчеркнуть, что вне зависимости от того, были ли служебные пожалования наследственными или ненаследственными, иммунитетными или неиммунитетными, это были прежде всего земельные владения ¹¹¹. Иктадары и прочие пожалованные лица проживали в своих владениях вместе с семьями и многочисленной челядью ¹¹². Сюда они возвращались после завершения очередного похода ¹¹³. Существовала определенная «привязанность» владельцев служебных пожалований к земле, к конкретному владению ¹¹⁴.

При этом управление икта и джагирами, изъятие ренты у крестьян осуществлялись не государственными чиновниками, т. е. не через государственный фиск, а агентами иктадаров и джагирдаров, известными как гумашта и даруга ¹¹⁵. Переход управления служебными владениями от государственных чиновников к их владельцам совершился в Иране при Хулагуидах (1256 г.—середина XIV в.) ¹¹⁶; в Индии это явление зафиксировано вместе с возникновением института икта в XIII в.

Пожалованные лица, нередко имея определенные предписания властей, сами регулировали объем крестьянских платежей, сокращая или увеличивая их на собственный страх и риск, способствуя тем самым росту их благосостояния или разорению ¹¹⁷.

Тезису о государстве как единственном собственнике земли на Востоке соответствует положение К. Маркса о том, что государство (восточная деспотия) было единственным владельцем прибавочного продукта¹¹⁸. Как устанавливают исследователи, его основная часть в средневековом Иране попадала не в правительственную казну, а в карманы эмиров и придворных¹¹⁹. Та же картина характерна для Индии. В этом отношении большой интерес представляют подсчеты индийского историка Ширин Мусви на основании данных источников могольской Индии конца XVI в., прежде всего «Аин-и Акбари» Абул Фазла Аллами. Согласно этим подсчетам, прибавочный продукт, поступавший государству и джагирдарам-мансабдарам (в источниках — джама), распределялся между ними в отношении 67—76% к 24—33%. Однако доля государя была в действительности еще меньше и составляла всего 13,7% (поскольку часть получаемых государем средств шла на оплату тех же мансабдаров, находившихся на денежном жалованье)¹²⁰.

Источники, по крайней мере с XIV в., свидетельствуют, что весь доход от служебных пожалований, который должен рассматриваться как рента, поступал их владельцам. Последние выплачивали в казну лишь малозначительные суммы, которые квалифицировались как государственные налоги¹²¹.

Иктадары и другие владельцы служебных земельных пожалований не являлись чиновниками, получавшими жалованье через централизованную систему сбора ренты-налога. Однако следует отметить относительную ограниченность прав, делегируемых им официально властями, а также подверженность их владений изъятиям в соответствии с волей правителя, под эгидой которого возникла и функционировала феодальная по сути система служебного землевладения, основанная на эксплуатации наделенных средствами производства земледельцев (часто — и землевладельцев) путем внеэкономического принуждения. Военно-административная власть иктадаров и других владельцев была важнейшим инструментом реализации прав феодальных землевладельцев.

Наибольшими правами обладали владельцы тех условных пожалований, которые вели происхождение от «вотчинных» земель их прежних владельцев. В Иране уже в X—XI вв. превращенными в икта оказались многие мульковые земли. Как отмечали историки, «за счет безусловных и, следовательно, малоразвитых видов земельной собственности выросла условная, иерархическая, более характерная для феодализма, следовательно, более развитая форма»¹²².

Процесс включения в систему служебного землевладения вотчинной собственности (ватан¹²³) феодальной и феодализированной знати, заинтересованной в защите или укреплении своих привилегий в отношении крестьянства, начался в Индии, видимо, значительно позднее. Во всяком случае, наши сведения относятся не ранее чем к началу XV в.¹²⁴.

Этот процесс был особенно выраженным при падишахе Акбаре (1556—1605); введенная им система мансабдари (регламентировавшая размер пожалования и численность отрядов джагирдаров) поглотила многие ватаны и заминдарства местных князей и вождей¹²⁵. Его сын Джahanгир (1605—1627), вступив на престол, издал указ, в котором, в частности, говорилось: «Каждый, кто хочет иметь свой ватан в качестве джагира, должен поставить об этом в известность [падишаха] с тем, чтобы эта местность (махал), согласно Чингизовым установлениям, была бы утверждена в джагир по грамоте, [снабженной] красной печатью (ал-тамга), и не подлежала бы замене или упразднению (тагайр ва табдил)»¹²⁶.

Уже отмечалось, что благодаря включению ватанов заминдаров в систему служебного землевладения в ходу стали такие понятия, как «джагир-и ватан», «джагир бе тарик-и ватан»¹²⁷. Вырастая из вотчин, служебные владения раджпутских и других заминдаров отличались от собственно джагиров тем, что оставались и признавались де-юре наследственными владениями.

В процессе развития иерархического феодального служебного землевладения происходили подчинение и модификация более ранних форм феодальной собственности (прежде всего вотчинной), выросших на почве разложившейся общинно-родовой и агнатической собственности.

Большая часть мульковых земель и заминдарств оставалась за пределами условного служебного землевладения. Такие категории земель существовали на протяжении всего периода средневековья, представляя собственность не только духовных лиц, религиозных учреждений, горожан (купцов и ремесленников), но и сельских верхов и феодалов. Как и в раннее средневековье, эти виды собственности базировались на эксплуатации труда преимущественно издольщиков и, возможно, наемных работников, равно как и принудительного труда общинного крестьянства. Однако можно предполагать, что определенную роль играла также и эксплуатация изъятием ренты у общинного крестьянства; во всяком случае, субъекты этой формы собственности нередко проявляли определенную тенденцию к подчинению и общинных землевладельцев¹²⁸.

Подчинение основной массы средневековых производителей — общинных земледельцев-землевладельцев представляло собой содержание процесса развития феодальных отношений, их перехода от раннефеодальных к развитым формам. Но осуществить его наиболее эффективно было возможно лишь благодаря становлению и развитию условного землевладения под эгидой государства¹²⁹, в чем были заинтересованы мулькдары и другие частные собственники, искавшие в государстве гаранта собственных привилегий. Как и в Европе, развитие условного землевладения, или иерархической собственности¹³⁰, явилось «переворотом в аграрных отношениях»¹³¹.

Можно согласиться с теми историками, которые считают, что специфика восточных обществ не выходит за рамки разновидностей феодальных отношений¹³². Что касается политической надстройки в этих обществах, каковой была деспотическая власть, то она не была обусловлена факторами, на которые указывали классики марксизма, — отсутствием частной собственности, государственной собственностью, функциями государства по организации общественных работ по централизованному орошению¹³³; существование этих факторов не подтверждается материалом источников. Весьма условно базой деспотизма можно считать общины, учитывая, что общины на Востоке не были «первобытными» (по К. Марксу), а в большинстве — имущественно, социально и кастово (в Индии) стратифицированными организациями.

Чем же следует объяснять континуум этой политической структуры на протяжении всего средневековья и отчасти нового времени? Хотя причины устойчивости деспотических структур на Востоке могли лежать и в сфере базисных отношений — это является объектом специального исследования, — мы хотели бы заострить внимание на факторах, которые представляются имеющими приоритетное значение.

Прежде всего привлекают внимание особенности исторической среды, в которой происходило создание огромного большинства средневековых государств и империй. Имеется в виду устойчивость дальней и ближней племенной периферии, «кочевое окружение» и постоянная угроза нашествий племен и их миграций, что порождало и поддерживало тенденцию к созданию сильной репрессивной, государственной власти.

Известно, что эти государства и империи на территории Индии и Ирана или включавшие их территории создавались усилиями племен или племенной знати в процессе завоеваний и миграционных процессов арабов, различных тюркских родов, монголов, узбеков. Формируя влиятельную и привилегированную верхушку господствующего класса в этих государствах и империях, завоеватели и мигранты в целях укрепления своих позиций нуждались в деспотических, как правило, репрессивных, политических институтах, которые были способны обеспечить их власть в «чужеродной» — как в этническом и лингвистическом, так и в конфессиональном отношении¹³⁴ — среде. При этом имело место противостояние не только завоеватели и народные массы, но и завоеватели и местная феодальная знать.

Нельзя не согласиться с тем, что «цивилизационный» механизм поддерживает необходимую интеграцию крупномасштабной общности, создавая регулирующие факторы и необходимые единообразия или иерархию структуры»¹³⁵. Отсутствие «цивилизационного единообразия» питало деспотизм. Оно проявлялось в этнолингвистических различиях. Острыми были конфессиональные противоречия. В Северной Индии, где существова-

ли мусульманские государства, происходивший на протяжении столетий индо-мусульманский синтез так и не снял противоречия двух различных социокультурных комплексов, основанных на индуизме и исламе. В Иране на протяжении средневековья были представлены как бы два уровня цивилизации: иранская (уже исламизированная) с ее древней традицией и лишенный признаков цивилизационной зрелости социокультурный комплекс тюркских, монгольских и других кочевых и полукочевых племен.

До позднего средневековья даже в этническом облике и быте сохранялись различия между представителями верхних эшелонов власти и местным населением. Речь идет о приверженности немалой их части к некоторым нормам кочевой жизни — смене резиденций (летних и зимних), снаряжению в поход вместе с женами, детьми. Это особенно наглядно для Ирана, однако в определенной степени традиции пришлых племен были характерны и для мусульманской верхушки господствующего класса Северной Индии.

Деспотический характер власти был обусловлен также и сохранением в течение многих столетий восходившего к ранней истории арабов теократического принципа организации государства. Силу и авторитет государству придавал шариат, санкционировавший власть¹³⁶ и регулировавший единственную официально признанную в мусульманских государствах законодательную систему.

Основанный в первую очередь на Коране и хадисах (преданиях о пророках), шариат и связанное с ним мусульманское право (фикх) в процессе арабских завоеваний как бы вобрало в себя многие нормы обычного права покоренных народов и стали формой систематизации законов и норм обычного права (адат, урф, такалид). В Индию шариат был привнесен завоевателями-мусульманами в «готовом виде», как уже сложившаяся законодательная система. Однако многие его положения были приспособлены к существовавшим здесь нормам экономической и социальной жизни.

Сила и авторитет государства достигались органической включенностью представителей мусульманского духовенства в структуру власти: уголовные и гражданские дела являлись компетенцией судей-казиев¹³⁷, главный кази (кази-ул-кузат) считался главным судьей, полицейские функции в городах выполняли представители духовенства — цензоры (мухтасибы), карательными функциями наделялся мир-и адл¹³⁸ и т. д.

Континуум деспотических структур имел важные исторические последствия. Следует отметить, в частности, способность этих структур к созданию репрессивного, часто опирающегося на военную силу налогового аппарата, приводящего в исполнение непомерно высокую норму эксплуатации (харадж, или совокупная рента, доходил до $\frac{1}{2}$ урожая или превышал этот размер), которая даже в условиях жаркого, субтропического

климата, обеспечивавшего высокую отдачу от вложенного труда и допускавшего относительно низкий уровень необходимых расходов на поддержание жизни, обрекала крестьянина на крайнюю бедность. В Западной Европе, как отмечал М. А. Барг, значительная часть прибавочного продукта не охватывалась феодальной рентой. Часть его в условиях пониженных рент присваивались земледельцами в виде рыночных доходов. Именно этим в Европе был открыт путь к развитию парцеллярной крестьянской собственности, к социальной и имущественной дифференциации крестьянской деревни, к разложению феодальной собственности¹³⁹.

Существование в восточных городах довольно развитых рынков продовольственных товаров лишь ограниченно стимулировало товарность крестьянского хозяйства, так как основная масса производимой им продукции попадала на рынок не в виде товара, а по каналам феодальной ренты-налога¹⁴⁰. Как отмечал И. М. Рейснер, «более высокая норма феодальной эксплуатации являлась дополнительным источником силы и власти феодалов над крестьянами (и нарождавшимися буржуазными элементами), обстоятельством, способствовавшим феодальной эксплуатации и затруднявшим переход к отношениям капиталистического порядка, обстоятельством, питавшим тенденцию застоя в феодальных обществах Востока»¹⁴¹. Высокая норма феодальной эксплуатации чрезвычайно затрудняла втягивание крестьянского хозяйства в сферу товарно-денежных отношений, способствовала сохранению деревни в основном как экономически замкнутого, самодовлеющего организма, покоящегося на внутриобщинном разделении труда между ремеслом и земледелием.

Деспотическое государство, весьма успешно превратив общину в низшее звено административно-налогового аппарата, искусственно консервировало общинные порядки и нормы, даже изжитые временем, что препятствовало развитию в последние столетия средневековья освобожденной от оков общинности частной крестьянской собственности¹⁴².

Что касается частной феодальной собственности, то и она (если это не были земли духовенства, а иногда и при этом условии) не была свободной от посягательств всемогущего неправового государства. В еще большей степени от него зависели владельцы условных пожалований (икта, джагиров и пр.). Постоянно проявлявшаяся тенденция к росту их частных прав и приватизации земли с неизбежностью наталкивалась на централизаторские устремления всемогущих властей. В рамках средневековья эта тенденция, имевшая циклический характер, так и осталась нереализованной.

В условиях этих государств сложился тип восточного города, не знавшего городских вольностей, свобод, коммун, хотя на Востоке, как и в Европе, он был местом концентрации населения, ремесла и торгового обмена.

Городские торговые и ремесленные корпорации и касты в средневековом городе пользовались самоуправлением во внутренних делах. Однако государство осуществляло контроль над некоторыми сторонами их деятельности всевозможными регламентациями, нередко утверждало или назначало глав городских корпораций. Власть феодалов в городе препятствовала консолидации сословия горожан.

Лишенный городского самоуправления, особого политического статуса, собственной финансовой и военной основы, город в политико-правовом аспекте был продолжением сельской округи и не противостоял деревне в той степени, как это было в Европе. Статус горожанина и крестьянина не различался кардинально, так как оба были бесправны перед властью деспота¹⁴³. Все это ослабляло или парализовало антифеодальные потенции восточных городов, исключало возможность превращения их в центры антифеодальной оппозиции.

Деспотический характер власти препятствовал освобождению индивидуальных прав и самой личности от оков общности, в которой крестьяне и горожане видели средство защиты. Это же приводило к тому, что социальные антагонизмы, как правило, принимали форму антигосударственных выступлений, часто — в поддержку выступавших против власти мятежных феодалов. С этим связана, возможно, и индифферентность народных масс к судьбам государства, становившегося жертвой новых завоевателей, устанавливавших столь же суровый политический строй, каким он был ранее.

В целом не оставляет сомнений, что деспотический характер политической структуры, наряду с многими другими внутренними и внешними факторами, был тормозом динамичного развития и обеспечивал на всех этапах средневековья относительно медленные темпы экономической и социальной эволюции.

¹ *Кара-Мурза А. А.* Что впереди? Непродуктивная индивидуальность или продуктивная корпоративность.— Народы Азии и Африки (далее — НАА). 1990, № 4, с. 72—74.

² Там же.

³ В качестве доказательства приводятся слова К. Маркса о «поголовном рабстве» на Востоке. Каждому, кто знаком с азиатской действительностью, это выражение не может не представляться риторическим, хотя и отражает факт отсутствия на Востоке вплоть до XIX в. правового государства. Что же касается апроприации личности, то именно Европе, а не Востоку ведомы наиболее грубые, не завуалированные даже «флером» патриархальности формы апроприации личности — рабство в древности и крепостничество в средние века.

⁴ *Алаев Л. Б., Ерасов Б. С.* Формация или цивилизация. Диалог.— НАА. 1990, № 3, с. 50.

⁵ *Маркс К.* Британское владычество в Индии*.— Т. 9, с. 131—132. Так считают, в частности, многие индийские историки (см.: *Nurul Hasan S.* The Thoughts on Agrarian Relations in Mughal India. New Delhi, 1973, с. 2—3;

* Здесь и далее произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по второму изданию Сочинений.

Sharma S. R. The Religious Policy of the Mughal Emperors. Bombay, 1972, с. 218; *Habib I.* An Examination of Wittfogel's Theory of Oriental Despotism.— Enquiry. New Delhi, 1961, № 6, с. 54—57). Эти вопросы недавно получили освещение в докладах Е. В. Гутновой, А. А. Сванидзе, И. Н. Пичугиной, Н. А. Хачатурян и других ученых на межинститутской конференции по проблеме: «Власть и политическая культура в средневековой Европе» (Материалы и тезисы. М., 1990, 16—19 апреля).

В древности на Востоке обладание царским достоинством было связано с рядом жестких условий ритуального, церемониального и практического характера, невыполнение которых вело к его утрате (см.: *Якобсон В. А.* Некоторые проблемы исследования государства и права Древнего Востока.— НАА, 1984, № 2, с. 89). В средневековых мусульманских странах правитель должен был соблюдать нормы шариата; нарушение их делало законным неповиновение его власти (см.: *Qureshi I. H.* The Administration of the Mughal Empire. Karachi, 1966, с. 40; *Tara Chand.* Society and State in Mughal Period. Faridabad, 1961, с. 61; *Day U. N.* Administrative System of Delhi Sultanat (1206—1413 A. D.). Allahabad, 1959, с. 48).

⁶ *Маркс К.* К критике гегелевской философии права.— Т. 1, с. 255.

⁷ *Энгельс Ф.* Франкский период.— Т. 19, с. 496—497.

⁸ *Маркс К.—Ф. Энгельсу.* 2 июня 1853 г.— Т. 28, с. 215. Как отмечал И. Хабиб, индивидуум на Востоке в представлениях К. Маркса всегда «лишен собственности» (propertyless) (см.: *Habib I.* Marx's Perceptions of India. Karl Marx: 100 on Death Anniversary (International Congress. Trier, March 1983). Aligarh, 1983, с. 12.

⁹ *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— Т. 20, с. 186.

¹⁰ *Энгельс Ф.—Карлу Каутскому.* 16 февраля 1884 г.— Т. 36, с. 96—97.

¹¹ *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг, с. 152.

¹² *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература. О социальном вопросе в России.— Т. 18, с. 544—545.

¹³ *Маркс К.* Британское владычество в Индии, с. 135.

¹⁴ В ряде конкретных случаев К. Маркс допускал существование общинной собственности (см.: *Habib I.* Marx's Perceptions of India, с. 12).

¹⁵ *Маркс К.* Критика политической экономии.— Т. 46. Ч. 1, с. 463.

¹⁶ Там же, с. 456.

¹⁷ *Маркс К.* Капитал. Т. 3. Кн. III.— Т. 25. Ч. 2, с. 354. По мнению И. Хабиба, К. Маркс очень скоро отошел от этого «мистического» представления о собственности, поскольку уже 25 мая 1858 г. в статье о землевладении в Индии писал, что государственная собственность — не что иное, как пожалование сувереном прав на землю, теоретически признанное во всех странах, законы которых базируются на феодальном праве.

¹⁸ *Васильев Л. С.* Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур.— Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982, с. 60—99.

¹⁹ *Маркс К.* Британское владычество в Индии, с. 132.

²⁰ Об этом см.: *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975; он же. Место Карла Августа Витфогеля в истории «больших дискуссий».— НАА. 1990, № 5, с. 77—87.

²¹ Развивая фактически концепцию АСП и исходя из особой роли государства на Востоке, Л. С. Васильев трактует АСП как «государственный способ производства» (см.: *Васильев Л. С.* Что такое азиатский способ производства?— НАА. 1988, № 3, с. 65—67).

²² *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Т. 21, с. 25.

²³ *Habib I.* Marx's Perceptions of India, с. 23.

²⁴ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 43—54.

²⁵ *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960, с. 115.

²⁶ Проявлением упомянутой тенденции Р. Ш. Шарма считает, в частности, предписание раннесредневекового памятника законодеческой литературы «Брихаспати», обязывавшее гильдии следить за состоянием дамб (см.: *Sharma R. Sh.* Indian Feudalism (300—1000 A. D.). Calcutta, 1965, с. 73—74).

²⁷ Ибн Баттута, посетивший в 30-х годах XIV в. Индию, находил, что условия производства в областях по р. Инд схожи с таковыми в Египте: возделывание земли начиналось после того, как река входила в свои берега (см.: [Ibn-Batoutah]. Voyages d'Ibn Batoutah. Vol. 3. P., 1855, с. 93).

²⁸ Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. А., Беленицкий А. М. (далее — Пигулевская Н. В. и др.). История Ирана с древнейших времен до XVIII века. Л., 1958, с. 239, 283, 323, 326 и др.

²⁹ Kalhana. Rajatarangini. The Saga of the Kings of Kashmir. New Delhi, 1968, с. 192—194.

³⁰ Ал-Джусуджани Абу Омар Минхадж уд-дин Осман бин-Сирадж уд-дин (далее — Джусуджани). Табакат-и Насири. Калькутта, 1864, с. 162.

³¹ Подробности о топографии этих каналов см.: Ашрафян К. З. Делийский султанат. К истории экономического строя и общественных отношений (XIII—XIV вв.). М., 1960, с. 151—153.

³² Для упоминавшихся выше работ по очистке русла р. Витаста в Кашмире были привлечены жители деревень, а для строительства каменных сооружений — ремесленники.

По требованию Фируз-шаха Туглака только для того, чтобы скрыть высокий холм с целью соединить два потока р. Сарасвати, было согнано 50 тыс. человек с их орудиями труда (историк называет этих людей «бильдаран» — букв. «лопаточники», см.: Сирхинди. Тарих-и Мубарак-шахи. Калькутта, 1931, с. 131). И. П. Петрушевский, однако, считал, что в Иране рабский труд применялся на строительстве оросительных систем и в средние века, в частности в монгольский период, когда в обществе возросла его роль (см.: Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране, с. 128).

³³ Обычно она составляла $\frac{1}{10}$ (дех-йек), ее взимание считалось реализацией как бы уступленного строителем канала другим лицам своего «права полива» (хак-и шорб) (см.: Шамс Сирадж Афиф. Тарих-и Фируз-шахи Калькутта, 1892, с. 129—130).

³⁴ Шамс Сирадж Афиф. Тарих-и Фируз-шахи, с. 129—130.

³⁵ Даже в Китае, классическом, по мнению сторонников АСП, «гидравлическом обществе», крупные ирригационные системы были созданы лишь на юге страны (см.: Кульпин Э. С. Социоестественная история Китая.— НАА. 1988, № 6, с. 37).

³⁶ Nabib I. An Examination of Wittfogel's Theory of Oriental Despotism.

³⁷ Ковалевский М. М. Общинное землевладение, принципы, ход и последствия его разложения. Ч. 1. М., 1879.

³⁸ Маркс К. Конспект книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения». Часть первая. Москва. 1879.— Т. 45, с. 176.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Исходя из этого, М. В. Колганов не признает существование частной собственности в докапиталистических обществах не только на Востоке, но и в Европе (см.: Колганов М. В. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962, с. 421—422 и др.). Предъявление критериев буржуазной частной собственности к добуржуазным категориям приводило многих ученых к отрицанию частной собственности в древних и средневековых обществах (см., например: Tara Chand. Society and State in Mughal Period. Faridabad, 1961, с. 48).

⁴¹ Вигасин А. А., Самозванцев А. С. Артхашастра. Проблемы социальной структуры и права. М., 1984, с. 158, 160. Л. Б. Алаев полагает, что первобытные пережитки в праве собственности, а также ограничения этого права, вытекающие из прерогатив общины и царской власти, не позволяют называть индивидуальные права владельцев свамья «частной собственностью» (см.: Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. М., 1981, с. 45). В противоположность этому индологи Г. Ф. Ильин (см.: Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969, с. 364) и Е. М. Медведев (см.: Медведев Е. М. Очерки истории Индии до XIII века. М., 1990, с. 161) говорят весьма определенно о наличии частной собственности еще в древней Индии.

⁴² Медведев Е. М. Очерки истории Индии, с. 161.

⁴³ *Периханян А. Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983, с. 129, 135.

⁴⁴ *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980, с. 210—220. Примерно теми же столетиями В. П. Илюшечкин датирует появление частной собственности в Китае (см.: *Илюшечкин В. П.* О двух стадиях и двух тенденциях развития государственности в старом Китае.— Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987, с. 64).

⁴⁵ *Периханян А. Г.* Общество и право Ирана, с. 134—135.

⁴⁶ *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма в странах Закавказья, с. 235.

⁴⁷ Там же, с. 240.

⁴⁸ *Пигулевская Н. В.* и др. История Ирана, с. 58.

⁴⁹ *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия, с. 368, 571.

⁵⁰ *Sharma R. Sh.* Sight on Early Indian Society and Economy. Bombay, 1966, с. 134, 143.

⁵¹ *Медведев Е. М.* Очерки истории Индии, с. 113—114.

⁵² По мнению А. П. Новосельцева, обезземеленные, но лично-свободные крестьяне были основными производителями в дастакертах, как одной из нарождавшихся раннефеодальных форм собственности (см.: *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма в странах Закавказья, с. 244—246).

⁵³ *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма в странах Закавказья, с. 183.

⁵⁴ Таково происхождение феодалов-раштракутов, упоминаемых в надписях Чалукьев (см.: *Алаев Л. Б.* Некоторые проблемы феодализма в трудах индийских историков.— НАА. 1964, № 4, с. 177).

⁵⁵ *Sharma R. Sh.* Indian Feudalism, с. 193.

⁵⁶ Калхана, автор хроники, отмечает неприязнительность дамаров, принимавших участие в борьбе за власть; они, по его словам, хотя и носили оружие, но употребляли простую, грубую пищу и походили на обычных земледельцев и «деревенщину». *Kalhana. Rajatarangini*, с. 462, 474.

⁵⁷ *Sharma R. Sh.* Urban Decay in India (с. 300—1000). New Delhi, 1987.

⁵⁸ Операции с землей ни в древности, ни в средние века не означали, что земля является товаром. Вряд ли можно согласиться с И. Х. Куреши, повторявшим слова историка и государственного деятеля XVI в. Абдул Фазла Аллами, что крестьянин владеет землей, «как купец своим товаром» (см.: *Qureshi I. H.* Administration of the Mughal Empire, с. 176, 287, 288).

⁵⁹ Как отмечали исследователи, даже там, где феодальные отношения уже победили, общины не допускали увеличения ренты (см.: *Пигулевская Н. В.* и др. История Ирана, с. 116).

⁶⁰ Аналогом мулька в значении земельная собственность в Иране был термин «дййа» (араб. «земля»), в Армении — «дастакерт» (термин иранского происхождения) (см.: *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма в странах Закавказья, с. 245).

⁶¹ *Бахадур Али Мухаммад-хан.* Мират-и Ахмади. Т. 1. Калькутта, 1928, с. 268—272. Крестьянский характер землевладения упоминаемых в указе яликов (см.: *Ашрафян К. З.* Феодализм в Индии. М., 1977, с. 146—147; *Habib I.* The Agrarian System of Mughal India. Bombay, 1963, с. 113) оспаривается Л. Б. Алаевым, считающим, что речь в указе идет о мелких феодалах (см.: *Алаев Л. Б.* Сельская община в Северной Индии, с. 136, 162).

⁶² *Барани Зия уд-дин.* Тарих-и Фируз-шахи. Калькутта, 1962, с. 326.

⁶³ *Gholot Ali Khan.* Shah Alam Nama. Calcutta, 1914, с. 38 (на перс. яз.).

⁶⁴ О различных категориях заминдаров, в частности общинных земледельцах, представляющих верхний слой общины, см.: *Алаев Л. Б.* Сельская община в Северной Индии, с. 136—149 и др.

⁶⁵ Не путать с общинными слугами, земли которых также могли называться «ватан».

⁶⁶ Подробно см.: *Habib I.* The Agrarian System of Mughal India, с. 298—306.

⁶⁷ *Антонова К. А.* Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605). М., 1952, с. 92—110.

⁶⁸ *Хафи-хан Низам ал-Мульки.* Мунтахаб ал-любаб. Т. 1. Калькутта, 1869, с. 801.

⁶⁹ См., например: Selected Documents of Shah Jahan's Reign. Hyderabad,

1950, с. 189 (Persian text); Selected Documents of Aurangzeb's Reign. Hyderabad, 1958, с. 15 (Persian text).

⁷⁰ *Абул Фазл*. Акбар-нама. Т. 3. Калькутта, 1887, с. 240.

⁷¹ Наследственность мулька подчеркивалась иногда термином *мулька-и мауруси*.

⁷² Купленный мулек называется иногда «мулька-и зархарид» (т. е. «купленный за золото»).

⁷³ *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, с. 251—252.

⁷⁴ *Алаев Л. Б.* Сельская община в Северной Индии, с. 168.

⁷⁵ Наряду с преобладавшей соседской общиной и в Иране, и в Индии на протяжении всего средневековья сохранялись на удаленных от культурных центров труднодоступных горных равнинах и в лесных массивах более примитивные общинные структуры.

⁷⁶ *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг, с. 166; *Маркс К.* Фрагменты из авторизованного французского издания I тома «Капитала». — Т. 49, с. 181.

⁷⁷ Фирман Аурангзеба от 1668 г., регулировавший, в частности, правила выплаты хараджа с продаваемой маликами пахотной земли, свидетельствует об обыденности операций по купле-продаже мульков, совершавшихся, как следует из контекста, при полном игнорировании прав «братьев» (сообщинников) (см.: *Бахадур Али Мухаммад-хан*. Мират-и Ахмади. Т. 1, с. 270; *Ашрафян К. З.* Феодализм в Индии, с. 84—85).

⁷⁸ Не исключено, что Ф. Бернье, нарисовавший картину бедственного состояния государства Великих Моголов и возлагавший ответственность за это на деспотическую власть и господствующие порядки (в том числе на государственную собственность), был движим контекстом идеологической и политической борьбы во Франции эпохи после Фронды, когда набирал силу абсолютистский режим, которому он мало сочувствовал.

⁷⁹ К. Маркс — Ф. Энгельсу. 2 июня 1853 г. — Т. 28, с. 215.

⁸⁰ *Patton R.* The Principle of Asiatic Monarchies. L., 1801.

⁸¹ *Пигулевская Н. В.* и др. История Ирана, с. 86. Не лишне напомнить, что согласно Великой Ясе Чингиз-хана, введенной на завоеванных монголами территориях, в том числе в Иране, покоренные земли и народы считались собственностью хана.

⁸² Н. А. Иванов приводит разъяснение, данное принципам османского землепользования имперским шейх-уль-исламом Абу-с-Суудом (1490—1574): «Земля, находящаяся в руках раеин (подданных, крестьян. — К. А.), не является их собственностью. Она есть земля государства» (см.: *Иванов Н. А.* Арабо-османская община. — НАА. 1990, № 5, с. 63). Справедливо в этой связи вспомнить слова о том, что право — это «автопортрет, на котором общество изображает себя не только таким, каким оно есть, но и таким, каким оно хочет быть» (см.: *Якобсон В. А.* Некоторые проблемы исследования государства и права Древнего Востока. — НАА. 1984, № 2, с. 89).

⁸³ Концепцию государственной собственности очень ревниво отстаивал поборник сильной центральной власти, известный вазир сельджуцкого султана Малик-шаха Низам уд-дин (см.: *Заходер Б. Н.* Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. М. — Л., 1949). В противоположность этому вазир могольского падишаха Акбара (1556—1605) Абул Фазл Аллами считал, что получаемый государством налог — это «плата за защиту», а собственником земли является крестьянин (см.: *Qureshi I. H.* The Administration of the Mughal Empire, с. 287).

⁸⁴ *Sarkar J.* The Mughal Administration. Patna, 1920, с. 31; *Day U. N.* Administrative System of Delhi Sultanate (1206—1413). Allahabad, 1959, с. 97; *Tripathi R. P.* Rise and Fall of the Mughal Empire. Allahabad, 1956, с. 238. Так же переводят термин «халисэ-хас» на английский язык Беверидж (см.: *Abul Fazl Allami.* Akbar nama. Transl. by H. Beveridge. Т. 3. Calcutta, 1915, с. 875) и Раверти (см.: *Abu Umar-i-Uzman Minhaj-ud-din.* Tabagat-i Nasiri. Transl. by H. G. Raverty. Vol. 1. L., 1881, с. 746).

⁸⁵ *Minorsky W. F.* Tadhkirat al-Muluk. Commentary. L., 1943, с. 147—148. Такого же мнения придерживается И. П. Петрушевский, отмечавший при этом, что термином «халисэ-хас» могли определять также и обеленные от го-

сударственного налога земли (см.: *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, с. 245).

⁸⁶ *Habib I. The Agrarian System of Mughal India*, с. 280, note 35.

⁸⁷ См., например: *Гулям Мухаммад-хан. Шах Алам-нама. Калькутта, 1914*, с. 29, 178, 337 и др.

⁸⁸ *Абдаллах. Тарих-и Давуди. Алигарх, 1954*, с. 130.

⁸⁹ *Гулям Мухаммад-хан. Шах Алам-нама*, с. 75. Среди чиновниковистики называют диванов, аминов, амилей, тахсилдаров, крори, чаудхри, канунго, имевших каждый свои функции (впрочем, как правило, не разграниченные четко).

⁹⁰ *Барани Зия уд-дин. Тарих-и Фируз-шахи*, с. 238, 251, 334—335.

⁹¹ Термин «хидмат» в Индии имел и ряд других значений, в частности «дань от вассальных князей» (см.: *Шамс Сирадж Афиф. Тарих-и Фируз-шахи*, с. 326; подробнее о термине «хидмат» см.: *Ашрафян К. З.* Делийский султанат...). Во многом аналогичность этих отношений вассальным отношениям в Европе подчеркивалась практиковавшимся в Индии и в Иране подобием инвеституры, известной как пай-бус (букв. «целование ног»), которая часто предшествовала земельному пожалованию или выполнялась время от времени посещавшими двор пожалованными лицами (см.: *Шамс Сирадж Афиф. Тарих-и Фируз-шахи*, с. 138; *Мулла Абд ул-Баки Нахаванди. Маасир-и Рахими. Т. 2. Калькутта, 1910*, с. 802 и др.).

⁹² Это отмечал в контексте раджпутских завоеваний в Индии Р. Ш. Шарма. Однако роль гуннов и гурджаров в процессе феодализации в Индии он считает гипотетичной (см.: *Sharma R. Sh. Indian Feudalism*, с. 265).

⁹³ Конфискациям могли подвергаться также и мульки, вакфы и пр., как это было сделано, например, Ала уд-дином Хилджи (1296—1316) «одним росчерком пера» (см.: *Барани Зия уд-дин. Тарих-и Фируз-шахи*, с. 284).

⁹⁴ *Tripathi R. P. Rise and Fall of the Mughal Empire. Allahabad, 1956*, с. 155.

⁹⁵ «Денежное жалование из казны» (улдфэ-йе наkd аз хизанэ) было назначено «служилым» вместо джагиров афганским правителем Ислам-шахом Суром (см.: *Абдаллах. Тарих-и Давуди*, с. 125). Однако тем, которые при его отце Шер-шахе получали улufe, он дал паргана (округа) (см. там же).

⁹⁶ *Абдаллах. Тарих-и Давуди*, с. 11.

⁹⁷ *Sikandar bin-Muhammad. Mirat-i Sikandari. L., 1886*, с. 177.

⁹⁸ «Интихаб-и Джахангири» — приложение к одному из известных списков мемуаров Джахангира (цит. по: *Habib I. The Agrarian System of Mughal India*, с. 269—273).

⁹⁹ *Habib I. The Agrarian System of Mughal India*, с. 269—273.

¹⁰⁰ *Пигулевская Н. В.* и др. История Ирана, с. 105, 257.

¹⁰¹ Упоминание китайским паломником VII в. Сюань Цзяном о земельных пожалованиях высшим чиновникам в империи Гулта (как и более ранние свидетельства) не подтверждается данными эпиграфики (см.: *Sharma R. Sh. Indian Feudalism*, с. 263—264, также 176—178, 192; *он же. Land Grants to Vassals and Officials in Northern India (A. D.—1000—1200).—Journal of Economic and Social History of the Orient. 1961*, pt. 1; *он же. Land Grants and Early Indian Economic History.—Proceedings of the First All-India Seminar on Indian Economic History. 1961. Bombay, 1964*, с. 105).

¹⁰² *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, с. 259.

¹⁰³ В Индии при могольском падишахе Акбаре была детально разработана система мансадбари, или своеобразная «табель о рангах», в соответствии с которой назначалось жалование.

¹⁰⁴ В частности, Низам уд-дин, вазир Сельджукидов, считал, что у мукта «нет иного приказа, кроме как собирать законную подать добрым способом, которая (подать) им дана» (цит. по: *Пигулевская Н. В.* и др. История Ирана, с. 154).

¹⁰⁵ *Пигулевская Н. В.* и др. История Ирана, с. 211; *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, с. 239—240; *он же. К истории института сойургала.—Советское востоковедение. Т. 6. М.—Л., 1949*.

¹⁰⁶ Инам (букв. «дар») в Султанате как ленное пожалование представи-

телям военной знати не путать с инамом — религиозным даром и наследственным участком общинных слуг в могольской и Британской Индии (об институте инам см.: *Ашрафян К. З.* Аграрный строй Северной Индии, с. 140—142). Союргал как военный лен неизвестен в Индии. Он появляется только при Моголах, когда союргалами обладали лица духовного сословия и религиозные учреждения (см.: *Антонова К. А.* Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара, с. 92—110).

¹⁰⁷ В Индии в качестве синонима «джагира» в отдельных случаях до XVIII в. используется старый термин «икта», а также «тиул» (см.: *Му'таммад-хан.* Икбал-нама-йе Джахангири. Калькутта, 1985, с. 27, 68).

¹⁰⁸ *Абдаллах.* Тарих-и Давуди, с. 95; *Му'таммад-хан.* Икбал-нама-йе Джахангири, с. 127; *Хасан Али-хан.* Таварих-и доулат-и, Шер-шахи, с. 6; Selected Documents of Aurangzeb's Reign, с. 81.

¹⁰⁹ Две последние категории представляли собой прежде всего владения индусских князей и отпрысков княжеских родов и других феодалов, за которыми эти владения утверждались на условии несения службы могольским падишахам (см.: *Бахадур Али Мухаммад-хан.* Мират-и Ахмади. Т. 1, с. 305; Джахангир-нама. Рукопись Института востоковедения АН УзССР. № 2192, л. 12а (перс. текст).

¹¹⁰ Джахангир оставил за престарелым Шахбек-ханом («Дуррани-ханом»), просившим освободить его от службы, паргана Хушаб, «из числа его старинных джагиров», в качестве мадад-и хардж (букв. «средства на расходы») (см.: *Му'таммад-хан.* Икбал-нама-йе Джахангири, с. 127); аналогичное свидетельство может быть приведено для периода правления Акбара (см.: *Абул Фазл Аллами.* Акбар-нама. Т. 2. Калькутта, 1879, с. 280).

¹¹¹ Нельзя не согласиться с И. П. Петрушевским в том, что условные пожалования представляли собой одну из форм частного землевладения наряду с безусловным землевладением (мульк и пр.) (см.: *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, с. 237).

¹¹² *Барани Зия уд-дин.* Тарих-и Фируз-шахи, с. 61, 67; *Джузджани.* Табакат-и Насри, с. 226.

¹¹³ *Барани Зия уд-дин.* Тарих-и Фируз-шахи, с. 221—223; *Шамс Сирадж Афиф.* Тарих-и Фируз-шахи, с. 292.

¹¹⁴ Отдаленность икта и джагиров от места нахождения службы (во время длительных походов) создавала ряд неудобств со снабжением, приводила к разорению владения. Это рождало стремление мукта и джагирдаров служить вблизи от пожалованных им владений, о чем они, судя по ряду документов, ходатайствовали перед государем. Показательно, однако, что просьба состояла не в том, чтобы пожалование было выделено вблизи от места службы, а в том, чтобы служба была определена вблизи от джагира (см.: Selected Documents of Aurangzeb's Reign, с. 97—98). Это, по-видимому, свидетельствует об определенной «привязанности» пожалованных лиц к их владениям.

¹¹⁸ *Абдаллах.* Тарих-и Давуди, с. 100; *Абул Фазл Аллами.* Акбар-нама. Т. 2, с. 696; Selected Documents of Shah Jahan's Reign, с. 5, 21, 23; *Saran P.* Two Farmans of Aurangzeb.—Islamic Culture. Hyderabad, 1945, July, vol. 19, № 3, с. 262, 267.

¹¹⁶ *Пигулевская Н. В. и др.* История Ирана, с. 238, 257.

¹¹⁷ Историк XIII в. Джузджани рассказывает о нескольких эмирах делийского султана Шамс уд-дина Илтутмышы (1211—1236), которые, получив от него в икта деревни и округа, проявляли усердие в обустройстве (мамур, имарет) общинного крестьянства (уммэ-йе риайа), заселяли пустующие земли возвращаемыми крестьянами, рассеявшимися при прежних владельцах, добивались процветания своих икта, избавив крестьян от насилий и вымогательства, в чем показывали достойные примеры для подражания (см.: *Джузджани.* Табакат-и Насри, с. 199, 233, 275, 285).

¹¹⁸ *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, Кн. III.—Т. 25, Ч. 1, с. 363.

¹¹⁹ *Пигулевская Н. В. и др.* История Ирана, с. 93, 239.

¹²⁰ *Moosvi Sh.* The Economy of the Mughal Empire, с. 1595. A Statistical Study. Oxf., 1987, с. 130—131, 270—271.

¹²¹ Для конца XIII в. можно упомянуть собирательный термин «фавазил» (мн. ч. от фазл и фазле — «избыток», «излишек», «остаток»), т. е. то, что было сверх доли пожалованного лица в его кита и составляло «долю дивана» (хиссе-йе диван) или казны (см.: *Барани Зия уд-дин*. Тарих-и Фирузшахи, с. 220—221; *Ашрафян К. З.* Делийский султанат, с. 127—128). В последующие столетия в Северной Индии доходы казны в икта продолжали неуклонно сокращаться и превратились в некие символические выплаты (подробно см.: *Ашрафян К. З.* Аграрный строй в Северной Индии, с. 137 и др.). Во второй половине XVII в. в могольской Индии известны такие сборы с джагирдаров, как хуррак-и филан, хуррак-и дабаб (т. е. средства на пропитание падишахских слонов и других животных), хиссе-йе ирмас (военные поставки), от которых, кстати, они нередко освобождались, что мотивировалось «малостью их дохода (хасил)» от джагира (см.: *Selected Documents of Shah Jahan's Reign*, с. 1; *Selected Documents of Aurangzeb's Reign*, с. 105).

¹²² *Пигулевская Н. В.* и др. История Ирана, с. 135. А. П. Новосельцев считает, что уже в византийской Армении в течение V—VI вв. исчезла разница между наследственными и частными землями хайреник (бук. «отчизна», «вотчина») и пожалованными верховной властью (паргеваканк) (см.: *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма в странах Закавказья, с. 243).

¹²³ Как и большинство средневековых терминов, «ватан» имел ряд значений, определяя, в частности, также и обеленные земельные владения общинных слуг.

¹²⁴ *Бахадур Али Мухаммад-хан*. Мират-и Ахмади. Т. 1, с. 173.

¹²⁵ *Qureshi I. H.* The Administration of the Mughal Empire, с. 4, 40.

¹²⁶ Джаяхангир-нама, л. 12а; см. также: *Gholam Ali Khan*. Shah Alam nama. Calcutta, 1914, с. 205 (перс. текст); *Гулям Хусейн Салим*. Рияз-ус-салаatin. Калькутта, 1890, с. 141.

¹²⁷ Подробно см.: *Ашрафян К. З.* Аграрный строй в Северной Индии, с. 180—181, примеч. 252.

¹²⁸ *Барани Зия уд-дин*. Тарих-и Фирузшахи, с. 287, 291, 430.

¹²⁹ Некоторые ученые вводят понятие «верховная собственность государства» для определения места государства в системе служебного землевладения. Л. Б. Алаев, основываясь на тамильских источниках, считает верховную собственность восходящей к коллективной общинной собственности (см.: *История Индии в средние века*. М., 1969, с. 113—118).

¹³⁰ Субинфеодация была развита на Востоке весьма слабо. Однако и двухступенчатая иерархия вполне выполняла социальную миссию — подчинение основной массы земледельцев.

¹³¹ *Энгельс Ф.* Франкский период, с. 495.

¹³² *Смилянская И. М.* Социально-экономическая структура Ближнего Востока на рубеже нового времени. М., 1979.

¹³³ Сказанное в равной степени справедливо и для древних обществ Востока (см.: *Грантовский Э. А.* К изучению проблем политического и идеологического развития стран Древнего Востока.— Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987, с. 20—21).

¹³⁴ Последнее относится не только к Индии, но и к Ирану, где завоеватели не сразу принимали господствовавший здесь ислам.

¹³⁵ *Алаев Л. Б., Ерасов Б. С.* Формация или цивилизация, с. 49.

¹³⁶ Не санкционированная шариатом власть приравнивалась к акту отрицания таухида (единобожия) и объявлялась вне закона (см.: *Керимов Г. М.* Шариат и его социальная сущность. М., 1978, с. 78).

¹³⁷ В могольской Индии казин утверждали дарственные и купчие, даже если акт дарения или купли-продажи состоял между индусами, см.: *Goswami B. N. and Grewal J. S.* The Mughal and Sikh Rulers and the Vaishnavas of Pindori. A Historical Interpretation of 52 Persian Documents. Simla, 1969.

¹³⁸ *Qureshi I. H.* The Administration of the Mughal Empire, с. 79, 80.

¹³⁹ См.: *Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного* (Обсуждение).— НАА. 1987, № 1, с. 185.

¹⁴⁰ *Павлов В. И.* К стадильно-формационной характеристике восточных обществ в новое время.— *Жуков Е. Ж., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с. 211.

¹⁴¹ Рейснер И. М. К вопросу об отставании стран зарубежного Востока.— Вопросы истории. 1951, № 6, с. 78.

¹⁴² Вспомним рассказ историка начала XV в. об указе, изданном Шер-шахом Сура, согласно которому был казнен мухтасиб Кангры (Индия), издавший фетву о дозволенности свободной продажи крестьянских полей (см.: Абдаллах Хасан Али-хан. Таварих-и доулат-и Шар-шахи.— Medieval Indian Quarterly, Aligarh, 1951, vol. 1, № 1, с. 61).

¹⁴³ См., в частности: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. (Обсуждение).— НАА. 1987, № 2, с. 147, 151.

Л. С. Васильев

ТРАДИЦИОННЫЙ ВОСТОК И МАРКСИСТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Попытки противопоставить европейскому Западу и специально проанализировать традиционный Восток, как особую социально-политическую структуру с собственной и весьма специфичной динамикой эволюции, в отечественном обществоведении долгие десятилетия воспринимались с настороженностью и недоверием. В стране, где каждое слово основоположников марксизма ценилось почти на вес золота, а мыслить не по-марксистски означало бросить вызов нормативным ценностям со всеми вытекающими отсюда серьезными для любого последствиями, была как бы вычеркнута из числа существующих идея Маркса об особом, «азиатском» способе производства. И дело вовсе не в том, заслуживала ли эта идея внимания и вписывалась ли она в созданную на базе марксизма схему формаций, претендовавшую на исчерпывающее объяснение мирового исторического процесса. В конце концов на эту тему можно было бы и поспорить в рамках все того же марксизма, что и практиковалось время от времени, порой с весьма печальными последствиями для сторонников «азиатской» идеи. И не в том, разумеется, что «азиатская» идея соответствовала — или, напротив, не соответствовала — реалиям исторического процесса, конкретным материалам из истории Востока. Суть — и это было, что называется, шито белыми нитками, хорошо понятно любому специалисту — заключалась в том, что весьма беглая, сделанная начерно, краткая характеристика Марксом «азиатского» способа производства оказалась идеальным теоретическим описанием того реального социализма, который усилиями Ленина и Сталина был построен сначала в нашей стране, а позже — по тому же чертежу — в ряде других стран в Европе и иных частях света.

В иных условиях из подобной ситуации можно было бы найти выход. Например, возвеличить Восток, противопоставив его прогнившему капиталистическому Западу. Можно было сделать акцент на благе восточного коллективизма (явление, в конце концов родственное социализму как идее), противопоставленного западному индивидуализму. Можно было бы даже восстановить идею высшего вождя — не личность его, а саму идею — и сделать акцент на преимуществах деспотизма перед

демократией. Но вся сложность была в том, что реальный марксизм Маркса, выросший на европейской почве, всему этому соответствовать не мог. Отказаться же от марксизма те, кто строил социализм, не могли, ибо альтернативной идеологии у них просто не было. Вот почему и возникла коллизия, о которой идет речь: в реальности в стране (странах) «побеждавшего» социализма было одно, причем весьма вписывавшееся в классические образцы восточных деспотических режимов, в декларациях же — нечто иное, в конечном счете (при всей жесткой критике марксистами буржуазных демократии, свобод и прав человека) основанное на классических ценностях европейской цивилизации. Это, если угодно, один из важнейших объективных истоков двоемыслия (по Оруэллу), или той всеохватывающей лжи, в объятиях которой мы привычно, хотя и вынужденно, жили десятилетиями и к борьбе с которой («жить не по лжи!») призывали время от времени лучшие из нас, как великий русский писатель А. Солженицын.

Драматическая коллизия, вынуждавшая власти провозглашать одно, а реально делать нечто принципиально другое, имеет свои логические корни, свои неотвратимые причины. Если оставить в стороне откровенных циников с задатками деспотизантавропа вроде Сталина, то большинство остальных вождей социалистических стран в принципе могли бы быть иными, чем были.

Можно сказать и сильнее: они, начиная с Ленина и Троцкого, были субъективно честными и порядочными людьми (хотя далеко не все) и вполне искренне стремились, пусть жесткими методами революционной диктатуры, построить светлое будущее в стиле именно европейских социальных утопий. Но, как оказалось на деле, европейские утопии — как, впрочем, и сущностно близкие к ним азиатские, в частности китайские в стиле доктрины Моцзы или идеологии тайпинов¹, — структурно чужды стандарту европейского бытия и всего воспитанного антично-христианской цивилизацией западного менталитета с его вечными и забытыми ценностями вроде прав человека, гражданских свобод, демократии с гарантиями для индивида и т. п. И наоборот, эти утопии, истолкованные марксизмом (как это представляется марксистам — с научных позиций) в революционном духе, оказались на практике структурно близкими восточному стандарту с его менталитетом и ценностями, о которых и пойдет речь ниже.

Почему именно так? Почему искренние мечты об обществе светлого и счастливого будущего (даже тогда, когда эти утопии поставлены на, казалось бы, научную основу — и даже прежде всего как раз в этом роковом для многих стран случае) в суровой реальности безжалостной истории вели к прямо противоположному результату и влекли за собой с неизбежностью драматическую коллизию двоемыслия и вселенской лжи? Почему любая попытка такого рода социальной конструкции вела имен-

но к этому даже тогда, когда реализовалась на чисто европейской территориально-цивилизационной основе, как, например, в Восточной Германии, Чехословакии, Венгрии или Польше? Только ли внешнее давление было причиной при всем огромном значении именно этого фактора? Представим себе на мгновение — сознавая всю некорректность данного метода, — что социализм марксистского типа победил бы в 30-х годах в Испании или в 70-х — в Португалии и удержался бы хоть некоторое время. Были бы результаты принципиально иными — при отсутствии рядом советских границ и сильного внешнего давления? Очень в этом сомневаюсь, при всем том, что Испания и Португалия — это Европа, а не Восток.

Так в чем же дело? Почему люди хотят одного, а получают совсем другое? Почему так нелепо устроен мир? Что за дьявольская мистификация?

Все объясняется достаточно просто. Любая утопия (а марксизм при всей своей наукообразности и при всех претензиях на научность и провиденциализм представляет собой в интересующем нас аспекте именно социальную утопию, причем, что называется, всем утопиям утопию) опирается на жесткую, метафизического типа схему. Она не признает гибкости и тем более принципа саморегулируемости социума. Она не готова к неожиданностям, не умеет реагировать на новое; единственное, в чем она сильна, так это в верности заранее принятой схеме. Схеме искусственной, почти лабораторной, хотя и созданной с самыми благими намерениями. Схема же как таковая создается по заранее заданным параметрам, а параметры схемы — фундамент и опорные балки метафизической конструкции — не просто незыблемы, но и призваны нести огромную нагрузку. Другими словами, должны быть несущими опорами всей социальной структуры, создаваемой на века, отнюдь не рассчитанной на то, чтобы гибко реагировать на изменения жизни. Поэтому любая утопическая схема — от Платона через Т. Мора и Кампанеллу, Оуэна и Фурье к Марксу — незыблема и жестка и в силу уже одного этого близка именно к социально-политическому стандарту Востока, но никак не Запада.

Но почему жесткость однообразна? И откуда это однообразие? В чем в конечном счете роковая причина, неумолимо трансформирующая все утопические схемы в подобие стандарта, давным-давно воплощенного в реальность историей в обществах традиционного Востока? Что такое, в свете сказанного, традиционный Восток?

Все дело в том, что, как это ни прискорбно осознавать всем демократам и прогрессистам, генеральный и в некотором смысле нормальный путь эволюции человечества — именно тот, который свойствен классическому Востоку и параметры которого, неплохо просматриваемые и в наши дни, оставались принципиально неизменными на протяжении тысячелетий. Я сознаю, что, выступая с подобным утверждением, в некотором смысле

бросаю вызов всей привычной теории исторического процесса, отнюдь не только истматовско-марксистской. Оговорюсь лишь, что веду речь не о цивилизациях, возникающих, развивающихся и гибнущих в своем ритме (по А. Тойнби), и не о политической истории государств либо империй с характерной для нее циклической динамикой, тем более не о марксистских формациях. Смысл выдвигаемого мною тезиса сводится к тому, что во всей многотысячелетней постпервобытной истории человечества сосуществовали и соперничали лишь две генеральные социополитические и социоэкономические структуры — обычная командно-административная, которую я склонен считать своего рода нормой, и необычная, основанная на свободе личности, индивида, гражданина, которая возникла в ходе чего-то вроде социальной мутации в средиземноморской античности и после этого дала начало аномальной (по сравнению с древней нормой) структуре — рыночно-частнособственнической.

Почему первую из двух я склонен считать нормой, тогда как вторую — аномалией? Суть дела в том, что первая логично выросла из первобытности, соответствуя ей всеми своими параметрами, тогда как для возникновения второй нужно было уникальное стечение благоприятных обстоятельств, что, собственно, и дает основание видеть в этом процессе не столько революцию (хотя многие специалисты-античники именуют процесс генезиса античной структуры именно революцией), сколько мутацию, т. е. нечто непредсказуемое в том смысле, что из параметров предшествующей структуры новая — вопреки совершенно недоказанным тезисам Ф. Энгельса из его хорошо известного труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — сама по себе возникнуть никак не могла. Нужна была именно мутация, нечто непредсказуемое — хотя и небеспричинное. Со временем, и особенно после европейского Возрождения, генезиса капитализма, возникшая в ходе мутации структура превратилась в новую норму — явление, хорошо известное эволюции всего живого на Земле. И новая норма теперь уже быстрыми темпами вытесняет с лица Земли старую — тоже хорошо знакомый факт. Однако бывают и рецидивы, о чем свидетельствует история нашего века с ее кровавыми попытками возродить примат старой нормы в новой ее, марксистской, тоталитарно-социалистической модификации. Анализ связанных именно с этим причин и процессов как раз и является темой данной работы.

*Обстоятельства генезиса нормативной структуры
командно-административного (восточного) типа*

После того как неолитическая революция радикально изменила облик планеты, породив земледелие как основную форму производительного труда, первобытные коллективы зем-

ледельцев и скотоводов стали быстрыми темпами расселяться по ойкумене, осваивая одну за другой пригодные для земледелия территории. Труд людей на поле и по уходу за скотом всегда был только коллективным — речь не о процессе труда, а об отношении к нему и к его плодам. Коллективу всегда принадлежали средства производства, будь то пашни или пастбища, да и в формах потребления роль его была очень заметна. Достаточно напомнить о регулярных праздничных и иных раздачах, реципрокная сущность которых давно уже весьма тщательно проанализирована в многочисленных специальных трудах². Хорошо известна и практика регулярного передела пахотных земель.

Коллективные, общинные формы собственности — будь то групповая, семейно-клановая, деревенско-общинная или какая-либо иная — в ранних обществах были нормой, тогда как индивидуальное владение чем-либо допускалось лишь в двух случаях. Во-первых, когда речь шла об инструментах или предметах строго индивидуального пользования (нож, серп, соха, корзина, одежда, обувь и т. п.) и, во-вторых, когда личность олицетворяла, символизировала собой группу, коллектив и действовала — например, при реципрокных раздачах типа потлача — как бы от имени этого коллектива. Первый случай абсолютно понятен, и социальная значимость его ограничена. Зато второй имеет ключевое значение: институт дара и дарообмена, обстоятельно проанализированный знаменитым французским антропологом М. Моссом³, сыграл решающую роль в процессе социально-политической эволюции ранних структур. Дело в том, что по общепринятой норме дар всегда требовал эквивалентного отдара. И чем щедрее был дар, тем сильнее рос престиж донатора, ибо дарение — опять-таки согласно общепринятой норме — возвышает, а принятие дара принижает. Избежать социальной приниженности можно было, лишь возвратив дар, а добиться повышения престижа — вернув дар более щедрой мерой. Отсюда — постоянное соперничество старших, патриархов, старейшин и вождей в борьбе за щедрые раздачи и престиж.

Обратим внимание на сам феномен. Старшие щедро раздают имущество возглавляемого ими коллектива (которое — если речь о съестном — обычно тут же поедается представителями всех коллективов, включая дарящий). Это имущество общее, коллективное, старшие лишь распоряжаются им от имени коллектива. Но как раз это-то безусловное их право распоряжаться общим имуществом от имени коллектива обеспечивает именно им их личный престиж. Этот престиж, накапливаемый повторными раздачами, создает авторитет, величина которого, как легко понять, напрямую зависит от размера коллектива и объема щедрого дара. Если речь о семейно-клановых коллективах, наиболее типичных для земледельцев в общинной деревне, то практически это означает, что патриарх, глава семейной

группы, заинтересован в том, чтобы держать младших членов группы при себе, не отделяя их, а также в том, чтобы увеличивать количество членов группы за счет увеличения числа приобретаемых группой женщин (обычно в первую очередь жен и наложниц патриарха, хотя также и жен его младших братьев и сыновей), а то и случайных чужаков, чей формальный статус раба чаще всего не сильно отличен на деле от статуса младшего члена семейной группы.

Итак, перед нами семейно-клановая группа лиц разного статуса во главе с патриархом, олицетворяющим коллектив в целом, выступающим от его имени и даже распоряжающимся его достоянием. Собственно, именно здесь — та базовая ячейка, которая лежит в основе всей структуры и, более того, формирует структуру по своему образу и подобию. Так, в борьбе за руководство деревенской общиной соперничают между собой именно патриархи, чей авторитет тем выше, чем выше накопленный раздачами престиж (разумеется, при выборе главы, старейшины, учитываются не только формально накопленный раздачами престиж, но также и личные качества претендентов). А в конечном счете именно авторитет обеспечивает голоса выборщиков, т. е. власть. Власть же, пусть даже только в объеме общинной деревни, дает ее обладателю немало, и прежде всего право распоряжаться достоянием всего общинного коллектива, т. е. общим его имуществом (общинные амбары и т. п.). Выступая от имени общины, ее глава может, в частности, вступить в соперничество со старейшинами соседних общинных коллективов, действуя привычным для сторон способом, т. е. щедрыми раздачами.

Вывод очевиден: тот, кто имеет нормативное право распоряжаться общим достоянием и за этот счет приобретать личный престиж и авторитет, находится в социально привилегированном положении. И эти социальные привилегии дает ему именно власть, которой он обладает. Я подчеркиваю это еще и потому, что в марксистско-истматовской историографии существует противоположный стереотип: власть — результат имущественного неравенства, возникающего на основе частной собственности. Достаточно археологам раскопать курган или могильник, где одни из покойников захоронены в более богатом облачении, нежели другие, как делается стереотипный вывод: перед нами следы общества с зачатками классовых отношений, базирующихся на имущественном неравенстве и — в конечном счете — на частной собственности (ибо хорошо известно, что по догме марксизма частная собственность, и только она, лежит в основе имущественного неравенства и классовобразования).

Между тем вздорность такого рода выводов в свете того, о чем идет речь — и что, стоит подчеркнуть, отнюдь не является моей произвольной интерпретацией сложного социального процесса, но основано на огромном количестве специальных научных исследований антропологов, — вполне очевидна. Перед

нами не некий зародыш частной собственности и классовых отношений, но нечто принципиально иное. Если угодно — зародыш командно-административной системы.

Я оставляю в стороне сложную проблему, касающуюся анализа тех обстоятельств, которые способствуют (или препятствуют) генезису надобщинных политических структур, ранних форм государственности⁴. Стоит лишь заметить, что при анализе этой проблемы важен процесс генезиса первичных, т. е. самых ранних, самых древних, самых первых, структур такого рода, тогда как после их сложения дорога для возникновения других оказывается как бы уже открытой. Сам факт появления первичных надобщинных политических структур, т. е. первых протогосударств, вызывает процесс трибализации соседних этносоциальных коллективов⁵, что, в свою очередь, ведет к возникновению государственных образований на племенной основе, а затем и наряду с этим — на основе военных столкновений, завоеваний и т. п.

Возникновение протогосударства — очередной важный, ключевой момент процесса генезиса нормативной командно-административной структуры. Глава государства в силу традиционной нормы становится верховным распорядителем всего достояния государства, что на практике проявляется в его общепризнанном и неотъемлемом праве распоряжаться избыточным продуктом все возрастающего и усложняющегося коллектива. Отсюда возникает опирающийся на древний обычай дара-отдара и права старшего распоряжаться достоянием группы принцип централизованной редистрибуции. Верховная власть и освященное традицией право редистрибуции создают эффект высшего, или верховного, собственника. Власть рождает собственность, пока еще только личную верховную, существующую рядом с обычной коллективной в непротиворечивом единстве. Перед нами феномен власти-собственности⁶.

Обладатель высшей власти и верховной собственности неизбежно так или иначе сакрализуется, отделяется и обособляется от обычных людей. В глазах его подданных он обретает святость, сверхъестественную силу, сопоставимую с божественной. Идея о сакральной благодати правителя распространяется затем вширь, в том смысле, что обладание сакральной благодатью (полинезийская мана или китайское дэ) переносится на весь клан правителя, на всю его родню, пусть даже в убывающих размерах. Но этого вполне достаточно для того, чтобы в рамках возникающей и институционализирующейся государственной структуры клану правителя, всей его родне, формирующей слой родовой аристократии, принадлежала особая социально-политическая роль. Иными словами, родовая знать имеет право на соучастие в управлении государством, причем легитимация этого бесспорного для всех права как раз в ее генеалогии.

Справедливости ради важно заметить, что параллельно с

аристократами к управлению государством с первых же этапов его существования обязательно привлекаются и иные слои, частично, впрочем, тоже могущие быть рекрутированными из числа знати. Речь о чиновниках, воинах (в первую очередь военачальниках), жрецах. Все эти управители обслуживаются ремесленниками, слугами, рабами и содержатся в конечном счете за счет их труда и труда крестьян-производителей, хотя это, впрочем, не означает, что руководители государства едят свой хлеб зря либо являются некими эксплуататорами чужого труда. Вопрос об эксплуатации как феномене заслуживает отдельного разговора и далеко не так прост, как порой кажется бездумно использующим марксистскую терминологию исследователям. Но я хотел бы в данной связи обратить внимание на иной аспект проблемы — на логично возникающее в государстве разделение труда на труд управленческий, в основном умственный, и труд производительный (либо обслуживающий), физический. Обмен деятельностью — важное условие существования столь сложной и все усложняющейся по мере развития структуры, как государство. Поэтому-то, в частности, и нелепо все здесь привычно сводить к вопросу об эксплуатации.

И все же саму эту проблему вовсе снять нельзя, ибо многое в этом смысле зависит от условий и обстоятельств. В самом общем виде сто́ит заметить, что со временем и по мере роста престижного потребления, обогащения социальных верхов все ощутимей становится тенденция к присвоению верхами неэквивалентно большой и все возрастающей доли общественного достояния. Больше того, от ее размеров во многом зависит устойчивость структуры в целом. Впрочем, это особая проблема и на ней необходимо остановиться специально.

*Институционализация
командно-административной системы
в ее традиционно-восточном варианте*

При всех весьма существенных как цивилизационных (религиозно-культурных), так и этнополитических различиях между действующими лицами истории, государствами и обществами, у всех них в интересующем нас смысле всегда было и нечто общее. Речь идет о генеральной структуре, этом социально-политико-экономическом скелете, который своими неизменными генетическими параметрами определял не только внешний вид, но и основные функции государственного организма, будь то Шумер, Египет, империя инков, Маурьев или Китай. Именно об этих параметрах и пойдет теперь речь.

Сразу оговорюсь, что параметры будут определены в самом общем виде, а определяющими их элементами будет как то, что им присуще, так и, напротив, то, что ни одному из них не свойственно, с ними принципиально несовместимо.

Так, структуры традиционно-восточного типа всегда были

деспотиями. Определение деспотии дано во вводной статье данного сборника, и я использую термин именно в таком, вполне недвусмысленном плане. Что же касается представлений, что государственные образования традиционно-восточного типа подчас имели политическую форму республик, то следует с самого начала заметить, что это не имеет ничего общего с понятием «демократическая республика». Может быть чередование власти — такое встречалось не раз и свидетельствует о неустоявшейся форме единоличной власти. Могут быть, как в древней Индии (ганы и сангхи), недоразвитые в политическом плане государственные образования полупервобытного типа с выборными должностными лицами. Могли быть структуры уникального типа (пиратские, из мятежных рабов и т. п.). Но не было и не могло, что называется, по определению быть таких развитых политических структур, во главе которых не стоял бы всевластный правитель с функциями субъекта власти-собственности и централизованной редистрибуции, по отношению к которому (как и к представляющему его силу аппарату власти) все население было только в положении бесправных подданных.

Глава государства, правитель, восточный деспот в любом из такого рода государств, вне зависимости от его размеров и особенностей, всегда имел аппарат администрации. Эта администрация на начальных порах, как уже говорилось, обычно состояла из родовой знати, хотя могли быть и исключения. Но по мере институционализации государства, совершенствования его административного механизма, родовая знать обычно оттеснялась на задний план и замещалась приближенными, корпус которых чаще всего комплектовался по принципу меритократии, хорошо знакомому структуре, о которой идет речь, с самого ее возникновения, практически с незапамятных времен. Дело в том, что бюрократическая иерархия, будучи фундаментом прочной власти, не могла держаться на случайности рождения. На этой основе могла держаться наследственная власть монарха, причем строго определенные правила наследования по принципу норм конического плана (старший сын в главной линии родства) облегчали непостоянную процедуру передачи власти и гарантировали стабильность структуры в целом (там, где этот принцип не функционировал, как, например, в Османской империи, переход власти обычно сопровождался интригами и кровавыми побоищами среди родственников-соперников). Что же касается личных качеств наследника, то этот фактор как раз и должен был нивелироваться аппаратом власти. Хорош монарх, умен, властен — государство крепнет и процветает. Глуп и слаб — государство держится за счет привычного функционирования аппарата власти.

Из сказанного ясно, сколь важным было дело отработки механизма комплектования аппарата администрации. Там, где этому не придавалось значения, государственные образования были кратковременны и слабы. Там, где значение этого было

адекватно оценено, как, например, в древнем Египте или Китае, империя сохранялась на протяжении тысячелетий. Оговорюсь, что внутренняя прочность государства, тесно связанная с продуманным механизмом централизованной администрации, комплектованием ее аппарата, в реальной истории сильно варьировалась. Но инвариантом в любом случае был сам принцип централизованной власти, той самой командно-административной системы, опирающейся на власть-собственность правителя и централизованную редистрибуцию, которая была нормой для всех. Иной нормы в древности и вообще в неевропейском мире до недавнего времени просто не существовало. Не существовало потому, что не соответствовало строгим структурным рамкам привычного, выраставшего из недр первобытности и поэтапно совершенствовавшегося, весьма консервативного по всем основным параметрам традиционно-восточного государства.

Отношения между правящими верхами и управляемыми низами в структуре такого типа в принципе также всегда были строго определены заданными параметрами самой структуры. Низы производили, верхи распределяли и управляли социальным организмом и государственными делами. Суть взаимоотношений между верхами и низами строго определялась не только функциями, но и жестким регламентом. Каждый знал свое место, которое четко соответствовало сложному комплексу родовых связей, социального положения, рода занятий и не в последнюю очередь личностных потенций, которые могли быть проявлены в разных сферах деятельности, от ратных подвигов до успехов в овладении знаниями и специальностью. Но что существенно: продвижение по службе и вообще выявление заслуг, знаний, способностей были теснейшим образом связаны с механизмом администрации. Человек мог быть замечен и возвышен кем-то из сильных мира сего, а то и самим монархом, либо мог активно включиться в движение по лестнице чинов, опираясь на знания и умение (вспомним поучения египетским писцам или конфуцианские нормы, облегчавшие путь наверх для грамотных в структурах с развитой бюрократической администрацией), а то и на постижение религиозного канона (исламские улемы, буддийские монахи и др.). Иными словами, социальная мобильность была важным фактором в структурах, о которых идет речь. Она действовала в соответствии с параметрами этих структур и была направлена на их укрепление и выживание за счет притока лучших. Но путь наверх при этом всегда был строго задан нормативной системой ценностей: в одних государствах ценились преимущественно ратные подвиги, в других — грамотность, в третьих — религиозные знания. В целом же шел полезный для общества приток наверх свежей крови, что в условиях превыше всего ценившийся консервативной стабильности было немаловажным залогом выживаемости структуры в заданных параметрах.

Обратим внимание: в системе ценностей, в механизме про-

движения наверх практически нет места тому, что является главным для европейских рыночно-частнособственнических структур, начиная с античности. Нет места частнособственническим интересам, нажитому за счет рынка богатству. Речь не о том, что частной собственности в государствах восточного типа не было вовсе, как не было богатых и тем более рынка. Все это было — но было иным, занимая иное место в привычной структуре. Рассмотрим подробнее, о чем идет речь и как все это выглядит в нашем случае.

Процесс приватизации, начинавшийся обычно сверху и вырвавшийся вначале в росте престижного потребления знати и высокопоставленных представителей администрации, рано или поздно становился характерным для всего общества. Возникали богатые крестьяне и ремесленники, развивался товарный обмен, появлялись деньги и мастера товарно-денежного обращения, торговцы. Рыночные торговцы заменяли в функции обмена тех чиновников-торговцев, которые занимались этим делом от имени государства до того. Казалось бы — вот она, частная собственность, вот он, рынок! Чего же еще! И долгие годы многие из отечественных востоковедов, опираясь на догмы истмата, стремились подчеркнуть именно общность, единство феномена как такового для Востока и Европы.

Между тем за видимой одинаковостью всегда скрывалась кардинальная разница между европейским рынком и восточным, западными и восточными частными собственниками. Разница не в масштабах, не в богатстве, но в принципе или, если точнее, в том месте в структуре, которое эти явления занимали и занимают. В европейской рыночно-частнособственнической структуре частная собственность и рынок — основа всего, генеральный фундамент процветания общества и государства. Государство здесь служит рынку и частному собственнику, который уважается в высоком качестве гражданина (не подданного!) и как таковой через систему демократии избирает и контролирует органы власти и администрации. Государство в этой системе (но только и именно в этой) является, выражаясь привычными терминами марксизма, представителем интересов класса частных собственников, огражденных многочисленными правами и привилегиями. Государство не только не навязывает свою волю гражданам, но, напротив, гарантирует все веками наработанные гражданские права и свободы, в том числе священное право каждого на частную собственность, на выражение своей индивидуальности, на свободную деятельность в любой избранной им сфере, вне зависимости от того, одобряется это государством или нет (если не иметь в виду сферу криминального).

Так вот, ничего подобного никогда не было ни в одной из неевропейских структур. Не было по той простой причине, что структурно не соответствовало тысячелетиями отработанным традиционно-восточным параметрам. Потому, что просто не

могло появиться— для этого, как говорилось, нужна была социальная мутация, что само по себе редкость, результат уникального стечения обстоятельств. Такое случилось в истории только раз — в античности. И хотя эта мутация сыграла решающую роль в истории, определив в конечном счете судьбы всего человечества, генеральным путем долгое время был все же традиционнo-восточный, о котором и идет речь.

Так какими же были частная собственность и рынок в рамках этой привычной для тысячелетий и континентов структуры? Что касается любой собственности, то она, хотя фактически и могла быть сколько угодно крупной, принципиально отличалась от западной тем, что не была гарантированной. Ее не ограждали ни права, ни свободы, ни привилегии. Напротив, она всегда была строго подконтрольной властям, от центра до местных чиновников, и как таковая всегда была объектом возжеления с их стороны, первым объектом произвола администрации. Чтобы не пасть жертвой зависти, произвола, насилия сверху, собственник обязан был щедро делиться с властью имущими, подкупать чиновников (образец отношений подобного типа в их весьма слабой форме показан Гоголем в «Ревизоре»), окружать себя родней, опираясь на ее поддержку.

Иными словами, структурно собственник был не столько агентом рынка и мастером стихии свободной конкуренции — как то характерно для Европы,— сколько главой хозяйственной ячейки, на которую опиралась власть, главой, который эту власть щедрее других содержит. Логично и естественно, что эта структурная позиция, равно как и система ценностей в обществе в целом (стоит заметить, что в странах с сильной администрацией собственник и торговец обычно третируются и в социальном плане, как то было, в частности, в Китае), побуждала разбогатевшего на рыночных связях человека поскорее дистанцироваться от рынка и вложить средства в землю, что превращало его в социально более значимого и защищенного.

Теперь о земле и землевладельцах. Существует устойчивый стереотип, согласно которому крестьянская и тем более владельческая (часто ее именуют помещичьей, что не вполне верно, если иметь в виду ассоциации с Россией XVIII—XIX вв.) земельная собственность — это именно свободная, чуть ли не аналогичная европейской частная собственность. Аргументация обычно проста: раз земля отчуждается, ее можно продать и купить, стало быть, это именно частная собственность. И формально трудно с этим спорить. Поэтому сохраним привычный термин, но обратим внимание на принципиальную разницу между частной земельной собственностью по-европейски (т. е. рыночной в полном смысле этого слова) и по-восточному. Разница не столько в том, что в одном случае с земли берут налог в пользу государства и ренту в пользу собственника (от арендатора), а в другом — чаще всего то и другое совпадает (эффект ренты-налога), хотя может существовать и рента в

пользу собственника, сочетающаяся с налогом в пользу казны. Она в том, что все хозяйство страны не просто регулируется, но строго контролируется властью. Не рынок с его законом спроса и предложения здесь хозяин, хотя он и играет роль, но именно власть, которая в любой момент вольна запретить куплю-продажу земли и зерна, отобрать проданное, конфисковать землю, перераспределить наделы, даже установить рыночные цены.

Коль скоро администрация вправе все это сделать (а в том, что это всегда бывало именно так, едва ли кто-либо из востоковедов усомнится), о частной собственности на землю европейского рыночного типа речи быть не может. Такого рода земельные отношения близки не к антично-капиталистическому свободному рынку, а к феодальным отношениям в той же Европе. Европейский же феодализм в этом смысле — дитя Востока, что и неудивительно, если вспомнить о его происхождении, т. е. о происхождении народов, прежде всего германцев, пришедших на развалины античной Римской империи. Как известно, адаптация германцев на европейской земле в условиях христианизации их культуры шла достаточно долго, так что только после Возрождения ростки античности, представленные до того лишь городами и городскими республиками, вновь пышно расцвели на европейском Западе, возродив утраченные было нормативы античного мира, в новых условиях быстро совершенствовавшиеся, обретавшие облик много более развитой, капиталистической модификации все той же рыночно-частнособственнической структуры.

Из сказанного вполне ясно, в чем суть различий. Она — в праве безусловного контроля власти над частной собственностью и рынком в рамках традиционно-восточной структуры. Это право зиждется на традиционном примате государства как верховной власти, на принципе власти-собственности и централизованной редистрибуции, на привычных отношениях между верхами и низами, да и на параметрах структуры в целом, в рамках которой нет места для отношений, которые базировались бы не на лично-должностных связях командно-административного типа, а на каких-либо иных. Соответственно и частная собственность, в том числе и на землю, в неевропейских обществах иная, иной и рынок. Если в античном и капиталистическом европейских вариантах (да и в городском варианте феодальной Европы тоже) рынок являет собой гибкую самоналаживающуюся, самоуправляющуюся, самосовершенствующуюся систему, способную к быстрому развитию в благоприятных для этого условиях, если в европейских условиях рынок свободен, огражден правами и привилегиями и богат внутренними потенциалами, то на Востоке все иначе. Здесь рынок, как и структура в целом, инерционен, неспособен к энергичному самоусовершенствованию. Можно сказать сильнее: он как бы оскроплен, лишен потенциалов для порождения нового качества и потому обречен лишь на то, чтобы обеспечивать простое воспроизводство под

неусыпным наблюдением властей. Такова же и частная собственность. Лишенная потенций вследствие бесправия и бессилия, она не в состоянии породить новое качество и обречена быть лишь частным случаем взаимоотношений в структуре в целом: кто знатен, кто всесилен, кто всевластен, кто наверху — тот и собственник. Частная собственность в этом смысле — частный случай верховного и всеобщего феномена власти-собственности.

Я специально подчеркиваю это потому, что обычное явление в традиционно-восточной структуре — именно собственность как приложение к власти (иногда это прямо должностное владение, но часто и возможность для реализации накопленного в должности богатства). Однако в любом случае частная собственность здесь ограничена и никак не всесильна; напротив, она слаба. Если только она не подкреплена причастностью к власти.

Теперь несколько слов о внутривластных циклах. Я включаю из анализа внешнеполитические связи, столкновения и войны, ибо они теоретически непредсказуемы и во многом подвержены случайностям исторического процесса (хотя тоже, по меньшей мере частично, зависят от внутривластного цикла, от фазы цикла, в котором находится данное общество). В идеале традиционно-восточная структура стабильно консервативна. Во всяком случае, такова ее естественная генеральная установка. Но абсолютно неизменной никакая структура быть не может, несмотря даже на прилагаемые к этому усилия. Эволюционный процесс всегда является неизменным фактом. Вопрос лишь в том, каковы изменения, сколь они существенны и куда направлены.

В принципе традиционная восточная структура при всей своей громоздкости стройна и при всей тяжеловесности завидно устойчива. Она вполне соответствует породившему ее обществу, менее всего — как сверху, так и снизу — заинтересованному в радикальных изменениях и в принципе удовлетворенному веками устоявшейся нормой существования. Генеральный принцип коллективизма, восходящий к первобытности и устойчиво сохраняющийся в качестве надежной основы структуры в рамках привычных для нее и даже заботливо опекаемых социальных корпораций (семья, клан, община, цех, землячество, секта, каста и пр.), подавляет любое индивидуальное, не одобренное нормативами стремление к новациям, особенно тающим в себе угрозу для незыблемости структуры. Пробивают себе путь только те из нововведений, которые способствуют укреплению и упрочению существующего порядка, — даже если речь идет о радикальном обновлении по формальным признакам, как это имело место в случае смены религии, например принятия ислама. И столь типичный для структуры произвол власти в этом смысле тоже элемент нормы, причем благоприятный для сохранения этой нормы. Норме же подчинены здесь все, включая и верхи.

Даже облеченный наивысшей властью правитель не волен в своих действиях в том смысле, что не может выйти за пределы санкционированной нормой. Так откуда же берутся нарушения, тем более опасные для устойчивости общества?

Они естественны. Изменяются условия жизни. Растет численность населения, и ощущается нехватка плодородных земель. Земли скапливаются в руках преуспевших, и появляется немало безземельных, лишенных средств существования. Если власть крепка и аппарат администрации деятелен, вовремя проводятся необходимые реформы и кризис преодолевается. Если же все обстоятельства складываются неблагоприятно и кризис усиливается, приходят в движение обездоленные низы, которые более всего страдают от экономической несбалансированности и резонно склонны обвинять, во-первых, нерадивых администраторов, а во-вторых, зажавшихся собственников (нередко те и другие — в одном лице).

В ходе народных движений, поднимающихся чаще всего под эгалитаристскими, а то и религиозно-сектантскими лозунгами, призывающими к восстановлению нарушенной нормы, обычно терпят немалый урон и частные собственники, и нерадивые власти. Но это никак не означает конца системы. Напротив, результатом мощного движения низов — вне зависимости от того, победило оно или было подавлено, — становится восстановление привычной структуры в ее максимально очищенном, привычно-стабильном виде. Даже если при этом гибнет династия и приходит новая. Даже если изменяется этнос за счет вторжения удачливых иноземцев.

Может погибнуть династия, может исчезнуть с лица земли государство, может измениться этнос, но не меняется главное — привычная структура. Неизменна же она потому, что нет альтернативы. А ее нет из-за того, что нет внутренних потенциалов для новой системы отношений — даже в тех случаях, когда по соседству существуют общества, знакомые с принципиально иными отношениями, с иной, альтернативной структурой. И даже тогда, когда общества другого типа, с иной структурой, одолевают традиционно-восточные, как это было, в частности, после завоеваний Александра Македонского на Ближнем Востоке, где на протяжении свыше тысячелетия эллинизация, романизация и христианизация так и не сломали привычный стереотип существования и привычные структурные взаимоотношения у местных народов. Стоило в начале VII в. прокатиться волне арабо-мусульманского нашествия, как все эти привычные нормы быстро вышли на передний план, а влияния чуждой структуры как будто не было.

Итак, внутриполитический цикл завершается восстановлением привычной нормы, причем даже вмешательство чуждой структуры не способно быстро изменить ситуацию. Слишком сильна консервативная стабильность нормы. Для крушения ее необходимы силы, намного превосходящие те, какими распола-

гала античность, где рыночно-частнособственническая структура находилась еще на начальном этапе своего развития. Однако о каких силах идет речь? Или, точнее, в чем сила этих сил?

Речь в первую очередь о самом человеке. Или, если угодно, о Человеке с большой буквы.

Традиционно-восточная структура с генеральным принципом коллективизма корнями уходит в первобытность и даже еще дальше, в коллективизм орды, стаи, стада, где может выделиться среди других лишь вожак. Хорошо это или плохо — вопрос другой. Быть может, для выживания стада или первобытной орды оптимален был именно такой тип организации.

Нет ничего удивительного в том, что этот тип организации совершенствовался, менял модификации, но в принципе остался таким же и в восточной социальной структуре, выросшей на основе и из недр первобытности, как о том достаточно подробно уже было сказано выше. Но тогда нет ничего удивительного и в том, что в рамках привычного коллективизма человек с малой буквы остался прежде всего и главным образом членом коллектива, группы, если даже не просто толпы и столь излюбленной некоторыми теоретиками марксизма-ленинизма «массы».

Между тем, как показало развитие европейской структуры с античности, именно человек как индивид, гражданин, как субъект прав и свобод, т. е. Человек Свободный, свободомыслящий, окрыленный идеей, личной целью, прилагающий усилия для реализации этой цели, оказывается великой движущей силой исторического процесса. Ибо именно Человек есть не только главная из производительных сил, но и квинтэссенция всего того, что производит, улучшает, совершенствует, динамично идет вперед. И тем быстрее, чем человек раскрепощенней, свободней, чем больше условий существует для раскрытия потенций и способностей каждого из людей.

Вот такого Человека Свободного традиционный Восток не знал. Он знал трудолюбивых крестьян, умелых и искусных ремесленников, отважных воинов, талантливых поэтов, которые многое могли и многое делали, за счет чего Восток был богат и жил, в общем, совсем неплохо. Но он не знал Человека Свободного и потому привык ограничиваться тем, что есть, — не стремиться к тому, что может быть сделано руками отчаянных, смелых, способных и энергично рвущихся вперед, в неведомое. Неведомого консервативному Востоку было не нужно, оно было ему чуждо. А в этом Неведомом и в создающем его Человеке Свободном и таилась та сила, которая сделала в наши дни европейскую рыночно-частнособственническую структуру и тех, кто заимствовал ее генеральные принципы (начиная с Японии), такими, каковы они есть.

Эпоха колониализма, начавшаяся после Великих географических открытий, была временем начала энергичного натиска Запада на Восток. Однако — и это весьма характерно — европейцами по духу, наследниками античности были не только протестантские Англия или Голландия (хотя они вскоре вышли вперед и возглавили натиск, о котором идет речь), но и весьма отставшие от них католические Испания и Португалия, где зато были развиты торговля и мореплавание и сохранился античный дух предприимчивости и даже авантюры. Именно усилиями испанцев и португальцев (правда, с помощью связей и поддержки таких торговых центров Европы, как Генуэзская республика) была завоевана Америка, откуда потекли в Европу потоки золота и серебра, не говоря уже о нововведениях практического характера (картофель, кукуруза, табак и т. п.). Вслед за Америкой наступил черед Азии, цитадели классического Востока.

Нет смысла говорить о жестокостях колониализма — об этом уже сказано, порой даже слишком много и односторонне. Но в свете поставленной проблемы заслуживает переосмысления сам феномен колониализма, его исторической роли. Как показывает история, колониальное проникновение европейцев на Восток, внедрение еврокапиталистического свободного рынка в сферу абсолютного многотысячелетнего господства там рынка восточного типа, т. е. в конечном счете колониальное насилие, сыграли, выражаясь словами Маркса, роль повивальной бабки. Фраза в данном случае не вполне точна, ибо старое восточное общество еще отнюдь не было беременно новым — напротив, новое было зачато там именно в ходе оплодотворения традиционного Востока европейским колониализмом. Но красота фразы привлекательна в том смысле, что колониализм не только зачал (а остальное, можно подумать, шло само собой), но и постоянным воздействием своим способствовал, в том числе и за счет прямого насилия, вызреванию и появлению на свет плода — зародыша новой структуры. В чем конкретно все это проявлялось?

Сначала, на этапе торговой экспансии (XV—XVII вв.), шел медленный процесс проникновения европейского рынка и всего связанного с ним образа жизни, всей европейской цивилизации в страны Востока. Это обходилось европейцам достаточно дорого. Легенды о сплошном ограблении богатого Востока колонизаторами несостоятельны. Серьезные подсчеты свидетельствуют, что огромное количество — едва ли не львиная доля — американского золота и серебра перетекало из полунищей Европы на богатый Восток в качестве платы за товары, прежде всего пряности и раритеты⁷. Но за эти века обогатившей Восток торговли был заложен плацдарм для дальнейшего наступле-

ния. для колониальной территориальной экспансии европейцев.

Территориальная экспансия, как известно, привела к колонизации ряда регионов Азии (Индии и Индонезии в первую очередь) и как результат к укреплению в колониях позиций европейского рынка, европейского образа жизни, западной культуры с ее культом Человека Свободного. Нет слов, порой это выглядело нарочито подчеркнуто. Европейцы настаивали на предоставлении им различного рода льгот (капитуляции, селтменты и т. п.) и гарантий под тем резонным предлогом, что, во-первых, они именно к этому режиму привыкли и без него просто не могут обойтись и, во-вторых, это необходимо для нормального функционирования свободного рынка. Гарантии, льготы и привилегии вели к укреплению позиций европейского рынка в чуждой ему среде, а затем и к расширению сферы его влияния, к появлению прослойки людей, связанных с обслуживанием европейцев и европейского рынка (компрадоров и пр.).

Все это рождало и углубляло трещины в монолите традиционной восточной структуры. А в XIX в., когда наступил третий и последний этап европейского колониализма, связанный с индустриальной экспансией, промышленным проникновением европейцев, рынок еврокапиталистического типа уже завоевал себе на Востоке прочные позиции. Он стал господствовать в крупных городах, многие из которых развивались и расширялись, а то даже и вовсе появлялись на свет благодаря именно ему. В городах, о которых идет речь, в сфере еврокапиталистического рынка шел процесс трансформации образа жизни и выковывания человека новой ориентации. К этому стоит добавить, что многие отпрыски восточных аристократов направлялись на учебу в страны Европы и, получив, скажем, образование в Оксфорде или Кембридже, возвращались домой уже по меньшей мере наполовину европейцами.

Не следует преувеличивать темпы и значение этого процесса. Однако он все же шел, причем во вполне определенном направлении — в сторону вестернизации образа жизни, заимствования системы европейских цивилизационных ценностей, усвоения европейских идей о примате индивида с его правами и свободами над коллективом и коллективизмом. Как реагировал на эти экономические, социальные и цивилизационно-культурные процессы традиционный Восток?

Реакция его была неоднозначной, порой даже очень разной. Но тон задавали две основные, противоположные по характеру социально-политические и идеологические тенденции. Одна была представлена сторонниками приспособления к изменившимся обстоятельствам. Они видели очевидные преимущества европейского рынка и еврокапиталистической технологической культуры, чуждой Востоку структуры, и стояли за то, чтобы перенять из всего этого максимум возможного. К слову, решительная победа сторонников этого направления в Японии, весьма слабо затронутой колониальной экспансией (возможно, именно

поэтому им легко было одержать верх), сыграла основную роль в судьбах этой страны. Сторонники другой, противостоящей ей тенденции выступали против всяких чуждых привычной структуре новшеств и стояли за решительное сопротивление еврокапитализму как таковому.

Разумеется, у каждой из этих тенденций была весомая социальная поддержка, причем если у первой — за приспособление — это были в основном причастившиеся к европейской культуре и рынку верхи, в том числе интеллигенция, то у второй была массовая база недовольных, начиная с духовников и немалой части правящего аппарата власти и кончая абсолютным большинством привыкшего к традиционной норме и не готового к ее изменению крестьянства. На первых порах верх одерживали те, кто стоял за приспособление. Это были влиятельные слои традиционного общества, образованная молодежь, первые отряды радикальных движений, революционеров.

Феномен пробуждения Азии в начале XX в. был заметной вехой движения в направлении приспособления. Рушились монархии (Китайская, Османская), поколебался трон персидского шаха и некоторых других властителей. Но вслед за тем преобразования натолкнулись на все возраставшее сопротивление недовольных. Движение традиционалистов во многих странах Востока, особенно исламского Востока, заметно усилило свои позиции. Возник вопрос о разумном сочетании обеих тенденций, что и стало в XX в. главным содержанием внутривосточного процесса на Востоке, включая и пробудившуюся к этому времени Африку.

Вокруг чего шел спор тех, кто стоял за приспособление, и их оппонентов? На первый взгляд все ясно. Но на самом деле ясно далеко не все, так что стоит разобраться в проблеме основательнее. Тем более что это кардинальная проблема для нашей темы.

В самом общем виде вопрос может быть поставлен так: что характерно для переходного-колониального этапа существования традиционно-восточных структур? Почему мы вправе именовать эти структуры — а вместе с ними и весь этап их эволюции в колониальный период — переходными? И от чего к чему переход? Существует, например, точка зрения, что это был переход к своего рода плодотворному синтезу⁸. Тогда новый вопрос: синтез чего с чем? Одной структуры с другой? Но это невозможно, что называется, по определению. Тогда как?

Колониальный период на начальном этапе своего существования был периодом создания в недрах старой, традиционно-восточной структуры с ее восточными нравами и менталитетом, с ее восточным рынком, с ее абсолютным, пусть даже в весьма разных формах, господством административно-командной системы неких анклавов структуры иного типа, органически ей чуждой и, по крайней мере вначале, целиком ориентированной и полностью зависимой от активности колониальных дер-

жав. Это, если угодно, ситуация симбиоза, т. е. как бы сосуществования, принципиально разных организмов на одном месте, рядом друг с другом.

На позднем этапе колониального периода, когда анклав европейско-капиталистической структуры начали достаточно энергично разрастаться, особенно в городах, когда стали налаживаться европейского типа коммуникации между городами, возникать соотвествующая инфраструктура, включая европейски обученных и подготовленных работников, прежний симбиоз начал видоизменяться в том смысле, что элементы старой структуры, и прежде всего крестьянское хозяйство, вынуждены были приспособляться к рынку. Нехотя, не умея, но приспособляться. Собственно, только с этого времени и наметилось активное противостояние тех, кто был готов приспособляться и считал это за благо для страны и народа, и тех, кто ни в какую этого не желал, отстаивая привычную структурную самобытность, ориентирующуюся к тому же на родной религиозно-культурный фундамент.

Можно ли приспособление, вынужденное обстоятельствами, считать процессом перехода от симбиоза к синтезу? Если судить по результатам, уже вполне очевидным в наше время, в постколониальную эпоху, ответить можно примерно так: в цивилизационном плане речь действительно может и должна идти именно о плодотворном синтезе, в структурном же, т. е. в том, что составляет суть предлагаемого анализа,— только о переходе, пусть медленном и противоречивом, но именно переходе от одной структуры к другой. О совмещении их речи быть не может.

В самом деле, взглянем с этой точки зрения на несколько групп наиболее богатых и быстро развивающихся современных стран Востока. Группа дальневосточных стран демонстрирует завидные успехи именно в плодотворном синтезе конфуцианства с европейской цивилизацией (отношение к человеку, воспитание соревновательности, трудовой энергии, целеустремленности, полное заимствование идей равенства, демократии, правового государства с разделением властей, гражданского общества с уважением к правам и свободам индивида) — при сохранении самобытности цивилизационных основ (патернализм, сильные социально-семейные связи и традиции, высокий стандарт моральной нормы и т. п.).

Что же касается социально-политической и социально-экономической структуры (формы организации власти и администрации, экономические связи между властью и народом, командно-деспотические методы взаимоотношений с подданными и т. п.), то ни о каком синтезе речи нет: старое уступило место новому. И даже более того, на завершающем этапе этой плодотворной эволюции элементы старой структуры (сильное государство и жесткая власть) были активно использованы для становления новой, в частности для поощрения быстрейшего развития рынка

еврокапиталистического типа и приспособления населения к новым условиям существования, к новому образу жизни. Это первый, оптимальный вариант эволюции современных развивающихся стран. Но есть и другие.

Вот второй, арабский,— расцвет на нефтедолларах. Здесь есть богатство, есть индустриальное развитие, современное производство и быт. Сделан немалый шаг в сторону цивилизационного синтеза: созданы университеты, библиотеки, музеи и т. п. Но синтеза еще нет. Остается все тот же симбиоз: рядом с университетами — женщины (пусть не все) в чадре, наряду с современным производством (на котором нередко работают иностранцы-наемники) — привычные хозяйства бедуинов. Не говорю уж о структуре. Она в процессе перехода, кое-где можно найти даже элементы европейской демократии в политическом устройстве, в методах администрации, налогообложения и т. п. Но это только переход, не более того. Элементы старой структуры еще не ушли в прошлое, а новой — не одолели их.

Если обратиться к группе африканских стран, ситуация будет еще нагляднее: идет плодотворный процесс заимствования еврокапиталистических цивилизационных и структурных элементов, но до завершения этого процесса пока столь далеко, что всерьез говорить об итогах его рано. В целом же ситуация (если прибавить к иллюстрациям Индию — тем более) очевидна. Процесс перехода от старого к новому в лучшем случае, в оптимальном варианте, означает синтез цивилизационный и победу еврокапиталистической структуры. В остальных вариантах — движение по этому пути. Собственно, разницей в успехах движения по этому пути и отличаются одна от другой (если не говорить о различиях религиозно-культурных, о различии цивилизаций как таковых) современные развивающиеся страны. Это, к слову, касается и латиноамериканских стран, которые в интересующем нас плане тоже относятся к традиционному Востоку (Восток в этом смысле — не географическое понятие).

Движение по тому пути, о котором идет речь, дается нелегко. Нелегко прежде всего потому, что трудно переделать человека, сделать вчерашнего раба Человеком Свободным. Тем более трудно, когда он привык быть таким как есть, не хочет становиться другим и даже просто не видит в этом смысла. И еще более трудно, когда он активно сопротивляется чуждой ему свободе, видя в ней — и не без оснований — не столько вольную жизнь и безграничные права, сколько постоянные заботы, обязанности и ответственность, необходимость зависеть от самого себя. И сколько ни объясняй, что трудно лишь сначала, что потом все пойдет легче и лучше, а уж о преимуществах хорошей, свободной жизни и говорить нечего,— на привычного к восточной норме человека объяснения такого рода не действуют и никогда не подействуют. Неудивительно, что процесс перехода от традиционно-восточных, колониальных (и постколониальных) структур к современным развитым еврокапиталистического типа

практически везде шел и идет под давлением, с применением авторитарных (впрочем, привычных для Востока) методов управления, как то было во всех странах Дальнего Востока (Япония, Тайвань, Южная Корея) и как то происходит ныне в Латинской Америке (наиболее представительный по результатам пример — Чили при Пиночете). Я уже не говорю об арабских эмиратах — им, несмотря на все богатство, еще далеко до победы новой структуры. В какой-то мере эквивалентом авторитаризма был английский колониализм в Индии.

Словом, мысль сводится к тому, что сам собой процесс перехода от восточно-традиционной к еврокапиталистической структуре не происходит. Он может быть только форсирован, своими силами или чужими (колонизаторами), а то и теми и другими совместно. Как уже говорилось, процесс форсирования чаще всего должен был сопровождаться жесткой, авторитарного типа централизованной политикой покровительства рынку еврокапиталистического типа. Именно этим, т. е. покровительством чуждому структуре рынку, и отличались администрации типа послевоенной тайваньской и южнокорейской или пиночетовской, не говоря об английской в Индии.

Естественно, что силовые приемы и вообще авторитарные методы — хотя они и привычны именно для стран Востока — наталкивались на недовольство как раз в том конкретном случае, о котором идет речь.

Деконизация Востока в середине нашего века прошла под лозунгами роста национального самосознания, родной религии. Умом сознавая, что лучшее будущее зависит от скорейшего перехода к чуждой еврокапиталистической структуре, многие лидеры освободившихся стран, получивших свободное наименование развивающихся, склонны были, однако, сделать серьезный крен в сторону поисков самоидентичности, т. е. своего места, своей роли, собственной значимости, в обезличенном мире технологической и политической вестернизации. Отсюда — усиление позиций традиционалистов-почвенников, фундаменталистов-духовников, опирающихся на все еще весьма мощные слои консервативного крестьянства и отживающих свое, но цепляющихся за власть администраторов. Для этих усилившихся идейно и численно слоев населения необходимо было теперь выбрать лозунг, знамя, под которым можно было бы пойти вперед — но не по ненавистному неоколониалистскому пути создания рыночно-частнособственнической структуры еврокапиталистического образца. Эгоистическому частнособственническому индивидуализму Запада следовало противопоставить эффективную модель привычной коллективистской эволюции.

В поисках альтернативы идеологи развивающегося мира пошли по разным направлениям — от исламского фундаментализма, порой с явно выраженной социалистической окраской, до теорий типа негритюда. О каждом из этих направлений можно сказать и уже сказано немало. Но наша задача иная. Для

нас важен вопрос, как и почему часть идеологов, о которых идет речь, пришли к марксизму, что они нашли в марксистском тоталитарном социализме советского типа и почему этот эталон показался для многих из стран развивающегося мира не только оптимальным и потому приемлемым, но подчас и весьма привлекательным. Но сначала — о самой марксистской доктрине и о трагической судьбе России.

Марксизм и Россия

Мечта о справедливом устройстве общества, равно как и соответствующие утопические конструкции восходят по меньшей мере к середине I тысячелетия до н. э. и с наибольшей полнотой проявили себя в древней Греции и древнем Китае. Древнекитайская традиция всегда делала упор на социальный порядок и этическое самоусовершенствование при сильном административном регулировании, тогда как греки, начиная с Платона, — на мудрость мыслителя-философа, способную в конечном счете облагодетельствовать человечество. Вот эта-то европейская традиция, с ее гиперкультом индивидуалистического начала и сверхверой в способность движением мысли изменить мир, породила в средневековой и постсредневековой Европе ряд теорий протосоциалистического порядка, которые со временем — наряду с политэкономией А. Смита и других — явились важнейшим источником утопии марксизма.

Теорию Маркса ее сторонники горделиво именуют научной. Однако практика исторического процесса после Маркса показала, что степень научного предвидения марксизмом важнейших социально-экономических процессов в мире очень невелика, а сами прогнозы ошибочны. Экономическая теория марксизма не сумела предвидеть возможность эволюции современного Марксу капитализма, который вовсе не запутался, как на том настаивал Маркс, в неразрешимых противоречиях, но, напротив, сумел найти новые, оптимальные формы своего существования и дальнейшего развития. Антитрестовское законодательство пресекло тенденцию к монополизации, которая марксистами (в частности, Лениным) считалась необратимой, а общество перестало поляризоваться на горстку богачей и массу нищих, но, напротив, появился импульс к возникновению мощного среднего класса, ставшего опорой демократических стран. Да и пролетариат, на который марксисты возлагали столько надежд, в промышленно (капиталистически!) развитых странах стал не только жить все лучше и лучше (вспомним тезис об относительном и абсолютном обнищании его), но даже — через посредство акций и кооперацию — принимать участие в управлении производством, распределении доходов и т. п.

Все эти экономические и социальные процессы строго соответствовали рамкам парламентской демократии и правового го-

сударства, которые — опять-таки вопреки прогнозам марксизма — не только не оказались орудием подавления пролетариата во имя интересов буржуазии («диктатура буржуазии»), но, напротив, очень хорошо работают в плане гармонизации интересов различных слоев и классов капиталистического общества, даже, если угодно, его социализации, о чем, в частности, свидетельствует тщательно разработанная система социальных гарантий, являющаяся предметом законной гордости именно современных капиталистических (или социал-демократическо-капиталистических), а не каких-либо иных стран нашей эпохи. Словом, современный капитализм, как бы издеваясь над прогнозами марксистов, не только не загнивает, но явственно процветает и убедительно, я бы даже сказал, изящно, с легкостью решает то самое противоречие, которое Маркс считал роковым и губительным именно для этой системы: всякому видно, что капитализм эволюционирует в сторону, соответствующую общественному характеру производства и присвоения.

Это особенно важно подчеркнуть («социализация капитализма»), так как именно исходя из того, что при капитализме ничего подобного в принципе не может быть, Маркс создал всю свою теорию революционного низвержения капиталистического строя и уничтожения вместе с этим строем присущей ему и являвшейся, по мнению Маркса как социалиста-утописта, корнем вселенского зла частной собственности с тесно связанным с нею европейского типа рынком и вообще товарным хозяйством, а заодно также и с буржуазным государством (парламентарная демократия, гражданское общество) и правом (правовое государство, права и свободы индивида). Как хорошо известно, низвержение должно было стать результатом социальной революции во главе с пролетариатом («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»), процесса прямого насилия, тотальной экспроприации имущества имущих и террора по отношению ко всем сопротивляющимся и сомневающимся (диктатура пролетариата). Взамен Маркс предложил миру новый строй — социализм, главными признаками которого были отсутствие рынка и частной собственности — а потому и возможности эксплуатации человека человеком, — что вкупе должно было обеспечить всем экономическую свободу (ее Маркс считал главной из всех свобод) и со временем, через террор и насилие, привести к свободному обществу, которое самому Марксу представлялось в достаточно туманном виде некой совокупности ассоциаций свободных производителей.

Дело даже не в том, насколько утопично подобное умозрительное построение — тем более что оно не только было сформулировано вполне серьезно, с претензией, как говорилось, на научность, но и было реализовано Лениным, Сталиным, Мао, Кастро и др. Важно лишь сделать принципиальную оговорку. Маркс строил теоретическую модель насильственного низвержения капитализма и замены его социализмом в расчете на

революцию в самых развитых странах капитала, что только и могло соответствовать всей его теории, если в ней была хоть доля серьезного научного анализа. И всю жизнь он напряженно ждал, что история подтвердит его надежды. Ждали этого, будучи готовыми в любую минуту при благоприятных условиях поторопить историю, и его последователи, марксистские революционеры-фанатики. Но история шла своим путем — и явно не по Марксу. Не помогла и попытка Ленина уже после Маркса объявить этап империализма на рубеже XIX—XX вв. высшей и последней стадией все никак не желавшего окончательно загнивать и рухнуть капитализма.

И вот тут-то выяснилось, что марксисты смотрели не туда. С начала XX в. становилось все более заметным, что марксистской модели социальной революции в гораздо большей степени соответствуют ситуации в странах, развивавшихся не по еврокапиталистическому типу. К революции, причем все-сокрушающей, оказались близкими те самые страны восточной структуры, которые в ходе колониально-капиталистической трансформации оказались структурно ослабленными, с дестабилизированными принципами бытия, с несбалансированной экономикой, неустойчивым рынком, поколебленными традиционными духовными ценностями, поставленным под сомнение заимствованными извне инновациями привычным политическим строем. Именно на Востоке, начиная с России, возникло то самое слабое звено (только звено чего? — вот вопрос), о котором столь много и охотно стали говорить коммунисты, последователи Маркса, в XX в. Как это ни противоречит строгости научного анализа проблемы, но доктрина, предназначенная для развитых стран капитала и не сработавшая там, где должна была сработать, неожиданно оказалась подходящей для совсем иных стран, с неразвитым капитализмом, но разбалансированной структурой, и сработала именно в этих странах. Да как сработала!

Почему первой среди них оказалась Россия? Она не принадлежит к странам классической восточной деспотии, а, напротив, по ряду основных параметров, в первую очередь религиозно-цивилизационному (хотя здесь нужны оговорки относительно особенностей восточного христианства, православия), более тяготела к Европе, чем к Востоку. Но тем не менее генетически и структурно наша страна на протяжении большей части ее существования была все же весьма близкой традиционному Востоку. Речь даже не только о монгольском иге — о котором, впрочем, не стоит и забывать. Речь именно о генетических основах структуры, лишенной — в отличие от западноевропейского средневековья — плодотворного античного наследия. И хотя отдельные части Руси — например, Новгород, — были знакомы с элементами свободной рыночно-частнособственнической структуры (в частности, за счет связи с Ганзой), демократическое самоуправление в них было ликвидировано жесткой рукой Ива-

на Грозного, наиболее яркого для нашей страны воплощения типичного восточного деспота. И хотя со времен Петра Великого начался пусть медленный, но неостановимый дрейф России в сторону Запада, заимствование элементов еврокапиталистической структуры тормозилось отчаянным сопротивлением старой структуры.

Словом, Россия практически оказалась в ряду тех неевропейских стран, для которых генеральным направлением развития за последние века была вестернизация. Отличие ее от классических стран Востока было лишь в том, что некоторые цивилизационно-религиозные особенности могли облегчить ее путь (другим вариантом-эквивалентом того же типа можно считать вестернизацию стран Латинской Америки в те же века: как известно, став католическими — латинскими — еще в XVI в., эти страны тем самым тогда обрели религиозно-цивилизационную самобытность, сопоставимую с православно-русской). На практике это действительно сыграло определенную роль в судьбах России. В сфере духовной культуры и быта высших и образованных слоев населения наша страна уже в XIX в. достигла немало, о чем, в частности, свидетельствуют ее литература, искусство, наука, система образования. Но слабостью ее было то, что в сфере экономики и социальной политики, в образе жизни народа она в том же, XIX в. оставалась страной азиатского типа, с господством рабской психологии и даже крепостного рабства как нормы отношений между верхами и низами.

Как и на остальном Востоке, в России во второй половине прошлого века шли ожесточенные споры о судьбах страны, ее специфике, ее пути: ориентироваться ли на передовой европейский стандарт или продолжать оставаться в основном такими же, как были всегда? Ожесточенные эти споры, в которых позиции сторон (западников и славянофилов) имели свои несомненные плюсы и минусы, были решены историей в конце XIX в., ознаменованном решительным креном в сторону радикализма. Весьма ощутимый вклад в этот процесс радикализации внесли русские социалисты различного толка, и особенно марксисты, которые после смерти Маркса и краха надежд на социальную революцию в благополучной и все расцветавшей капиталистической Европе увидели именно в раздиравшейся противоречиями и явно стоящей накануне кризиса России возможность для попытки практической реализации теоретической модели Маркса.

Справедливости ради стоит заметить, что и им самим, русским марксистам, на рубеже XIX—XX вв. не все было ясно. С одной стороны, всем было понятно, что капитализм в России слаб и далек от той ступени, когда — по четким канонам доктрины — он должен начать разваливаться под давлением неразрешимых внутренних противоречий. С другой — столь же очевидно, что гораздо более развитые в этом плане европейские страны не спешат разваливаться под такого рода давлением и, ста-

ло быть, здесь что-то не то. В то же время Россия явно находится накануне социального взрыва — грех не попытаться этим воспользоваться, может быть даже поторопив события для этого, спровоцировав недовольство низов, ускорив ход процесса. Ситуацию, в которой находилась Россия в это время, марксисты именовали революционной и были по-своему правы. Поэтому и старались они не упустить момент, в чем и преуспели — во всяком случае, те из них (большевики), кто не мучился сомнениями о букве доктрины и был готов на эксперимент. Стоит добавить к сказанному, что, идя на этот эксперимент, большевики искренне ожидали, что от зажженного ими революционного фитиля займется пожар во всей капиталистической Европе и приведет к желанной революции.

Хорошо известно, что эти надежды не сбылись и что в реальных условиях враждебного окружения диктатура пролетариата (как она замышлялась теоретиками) превратилась в диктатуру партии, слившейся с государственным аппаратом в мощнейшую, невиданную еще в истории деспотическую систему вселенского принуждения и насилия. Сейчас еще есть любители говорить о зловещих просчетах, перерождении вождей, драматических случайностях и преднамеренных отклонениях, связанных прежде всего с именем и деятельностью Сталина. Нет слов, Сталин — монстр. Но справедливости ради важно заметить, что структуру создал не он, он лишь воспользовался ею в полной мере.

Что же обеспечило структуре марксистского социализма столь страшную силу, символом которой и стал Сталин?

Во-первых, это два важнейших социопсихологических инструмента — вера и страх. Вера стимулировалась мощнейшей целенаправленной индоктринацией с использованием всего созданного техникой XX в. набора средств массовой информации, спекулирующих на светлых идеалах, в которые измученным людям так хотелось поверить. Страх обеспечивался повседневым террором, причем не только и даже не столько по отношению к тем, кто был определен как социально чуждый элемент (а в эту категорию могли попасть очень многие в России), но буквально по отношению к каждому, в чем и заключалось, собственно, дьявольское коварство системы: любой завтра может быть объявлен врагом — поэтому каждый должен сегодня подчеркнуть свое рвение, не останавливаясь и перед доносом на ближнего, особенно если тот в чем-то сомневается, отклоняется от признанной властями и навязанной всем нормы.

Во-вторых, это социальные и экономические преобразования, обеспечившие крайнюю степень ослабления людей по классическому принципу древнекитайского реформатора Шан Яна (о котором Сталин едва ли что-либо знал): «сильное государство — слабый народ». Опираясь на доктрину — и потому будучи вполне правоверным марксистом, что бы там ни говорили те, кто пытается за его счет обелить марксизм как идею, — Ста-

лин суровой рукой ликвидировал в стране частную собственность, а вместе с ней и тот контролируемый государством рынок, который всегда был характерен для Востока. Лишенные чувства хозяина, люди, особенно крестьяне после коллективизации, стали быстрыми темпами деградировать как производители. И если вначале система еще держалась и даже способна была демонстрировать определенные успехи, то это происходило как за счет сверхперенапряжения уверовавших, так и за счет безжалостной эксплуатации рабского (ГУЛАГ) и крепостного (колхозы) труда. Такое долго продолжаться не могло. Как только перенапряжение спало (а длилось оно, включая страшную войну, не более двух десятилетий), начался медленный, но постепенно все ускоряющийся распад.

Почему — распад? Да просто потому, что марксистский социализм как система, как структура, не имеет внутренних потенций для саморазвития. Используя привычные термины марксизма, он запутался в неразрешимых внутренних противоречиях и неизбежно должен пасть под их тяжестью. Подробней об этом я уже говорил в специальной работе, к которой и отсылаю читателя⁹. Здесь же нужно сказать, что структурно марксистский социализм как система организации государства и общества являет собой сильно ухудшенную и потому нежизнеспособную модификацию все того же традиционно-восточного командно-административного способа производства и существования, о котором шла речь выше. В чем принципиальное сходство — хорошо видно любому. Важнее обратить внимание на то, в чем особенности, принципиально ухудшающие социалистическо-тоталитарную модификацию восточно-деспотической структуры.

Если на классическом Востоке рынок, пусть оскопленный и лишенный потенций для рождения нового качества, все же всегда существовал и, более того, был необходим обществу как кровеносная система, обеспечивающая неторопливое, размеренное его существование, то с полным уничтожением частной собственности и трансформацией восточного рынка естественная кровеносная система была ликвидирована и заменена своего рода искусственным кровообращением, т. е. тотальным принуждением и сверхперенапряжением, которые могли на протяжении какого-то срока поддерживать нормальную и даже искусственно усиленную жизнедеятельность организма. Как легко понять, искусственное кровообращение — своего рода социальный экстремум. Долго существовать в таком режиме не может ни один социальный организм.

Режим, о котором идет речь, обречен. В небольших государствах, таких, как КНДР или Куба, распад можно затянуть, используя возбуждающе-наркотическое действие индоктринации, хотя и там неумолимое время делает свое дело. В таких больших странах, как СССР или КНР, несостоятельность допинга становится очевидной быстрее. Возникает потребность вос-

становить нормальный экономический механизм. Потребность объективная, реально выражающаяся в том, что перестают действовать возбуждающие факторы и структура в целом, лишенная рынка, оказывается разбалансированной. Именно это происходит и у нас, и в Китае в 80-е годы. Разница лишь в том, что в Китае после Мао страна трезво-практически оценила ситуацию, вышла в результате реформ из экстремального состояния и вернулась назад (именно вернулась, а не пошла вперед!), в привычное для нее состояние командно-административной структуры с контролируемым и потому по-прежнему лишенным потенциалом для рождения нового качества рынком (исключение — зоны типа Шэньчжэня, которые дают надежду на то, что рано или поздно, но все же Китай повернет к настоящему рынку еврокапиталистического типа и пойдет общим для стран дальневосточной зоны путем радикальной смены структур).

Наша же страна не может сделать даже этого, что и является сегодня основной для нас проблемой. Нам некуда возвращаться — все забыто, все старое уничтожено, выкорчевано с корнем. Можно только вперед. А это невыносимо трудно все по тем же причинам: люди не знают рынка и боятся его, ибо это уже другие люди, знакомые с рынком лишь по рассказам или по «черному рынку», который вернее считать антирынком, чем рынком.

Казалось бы, нет более страшного и обнаженно-негативного опыта, чем наш. Но ведь все это стало очевидным лишь на рубеже 80—90-х годов. А до того многое выглядело иначе, разоблачениям же просто не верили. Особенно не верили те, кому верить не хотелось. К их числу следует отнести и немалую группу лидеров развивающихся стран, которые после деколонизации стали усиленно искать альтернативу ненавистному им еврокапитализму. В поисках альтернативы они обратили свой взор в сторону Советского Союза и других стран марксистского социализма и увидели в социалистическом режиме эталон быстрого и надежного развития. Так что же именно было привлекательным и чем закончился эксперимент?

Марксистский социализм на современном Востоке

Начнем с того, что жесткая структура тоталитарно-социалистического типа наиболее быстро и очевидно выказала свою непригодность в европейских странах — я имею в виду страны Восточной Европы, которым эта структура после войны была навязана силой, в результате чего развитие там было приостановлено, а уровень жизни заметно ухудшился. Это было неизбежным результатом навязывания еврокапиталистической структуре азиатско-деспотических структурных основ в их наиболее жесткой, тоталитарно-социалистической модификации марксистского типа.

Как о том было сказано в гипотетическом плане в начале статьи, таким же — и только таким! — мог бы быть результат и в случае победы марксистского социализма в Испании 30-х или Португалии 70-х годов (иначе обстояло дело с тоталитарными режимами национал-социалистического типа, так как при этом варианте рынок и частная собственность сохранялись, пусть и оказываясь под жестким контролем властей,— этот тип структуры, впрочем, заслуживает специального исследования, для нас важно лишь отметить его несходство с тем, о котором идет речь). Поэтому для нашего анализа европейский вариант как слишком очевидный не имеет значения.

Иное дело — страны Востока с их явным структурным несходством с еврокапитализмом и сходством с социализмом марксистско-тоталитарного типа. Ведь та самая жесткость утопической структуры, которая делала марксизм чем-то органически чуждым для европейских стран, дружно отторгавших его при первом удобном случае, вполне гармонировала с привычной жесткостью веками и тысячелетиями отработавшейся собственной восточно-деспотической структуры. Что практически это означает?

Во-первых, сравнительную легкость, как бы свободу выбора. Применительно к Европе большинство никогда не делало и не сделает свободный выбор в пользу структуры марксистско-социалистической тоталитарной деспотии. Восток не раз демонстрировал выбор такого рода, от Вьетнама до Кубы. Во-вторых, в тех немалочисленных случаях, когда о выборе большинства, хотя бы в форме активной поддержки популярных вождей типа Кастро, речи не было, сходство структур облегчало выбор тех, от кого это зависело. Облегчало потому, что не требовало болезненной ломки, длительной революции сверху при непонимании и нежелании большинства менять привычный образ жизни.

Разумеется, большинство ответственных лидеров на эту приманку не поддавалось. Как ни похоже в 60—70-е годы выглядели по потенциам и результатам еврокапиталистический и советско-социалистический пути развития, нужно было не слишком много умственных усилий для того, чтобы взглядеться и увидеть разницу в перспективах. И подавляющее большинство руководителей стран развивающегося мира предпочло медленный и трудный, психологически нежеланный для большинства путь перестройки по-еврокапиталистически, хотя этот путь пока еще мало кого вывел на твердую дорогу успеха. При всех своих сложностях этот путь все же имел несомненную перспективу. Меньшинство же лидеров, причем в первую очередь в наиболее слабых экономических и отсталых странах, сделало иной выбор — в пользу марксистского социализма. Почему же?

Для стран, о которых идет речь, развитие по еврокапиталистическому пути было бы наиболее долгим, сложным и трудным, а перспективы — наименее ясными. Ориентация же на

наш путь сулила очевидные выгоды: позволяя оставить нетронутой структуру и избежать болезненной социально-психологической перестройки населения, социалистические методы силового принуждения при соответствующей индоктринации давали надежды на реальную альтернативу — развитие СССР и КНР было, что называется, перед глазами: нам бы так хорошо и быстро пойти вперед! И грех слишком строго судить за это недалековидных лидеров прошлых десятилетий — кто мог с уверенностью предсказать, что скоро, казалось бы, процветающие социалистические державы одна за другой станут рушиться, как колоссы на глиняных ногах?!

Крушение марксистского социализма, как привлекательного для отсталых и слабых пути развития, породило новую проблему: как быть теперь тем, кто всерьез настроился на тоталитаризм и принял решительные меры для того, чтобы покончить с частной собственностью и рынком по марксистскому стандарту? Как показывает практика последних лет, выбор пока что делается неодинаковый, причем он во многом зависит как от размера страны (в крупной элементы разбалансированности видны раньше), так и от позиции руководства. Китай, Вьетнам, Эфиопия, Ангола и ряд других стран (об Алжире и Бирме стоит говорить отдельно, ибо их социализм не столь очевидно ориентировался на марксистский советский стандарт, как то было в иных случаях,— впрочем, с аналогичными закономерностями эволюции и тем же концом) достаточно энергично встали на путь реформ, тогда как Куба и КНДР — пока нет. Но о каких реформах в этих странах идет и может пойти речь?

Разумеется, о движении в сторону еврокапитализма. Но сразу ли и насколько целеустремленно? Опять же по-разному. В Алжире — сразу и целеустремленно. В тех странах, где сохранилось в основном прежнее руководство и у руля стоят старые партии марксистского толка,— через поворот назад, как о том уже говорилось применительно к Китаю. Ближайшее будущее покажет, какой выход найдут остальные страны, будь то Эфиопия, Вьетнам или Монголия. Но одно ясно уже сегодня: тоталитарный социализм, как казавшаяся надежной и перспективной форма развития, для стран Востока оказался несостоятелен.

Банкротство альтернативного пути развития, если осмыслить этот уже несомненный факт глубоко и серьезно, означает многое. Даже очень многое. Заплатив огромную цену за неудачный эксперимент — а это прежде всего плата потерянными временем, снижением темпов развития во все ухудшающихся неблагоприятных мировых демографических, экологических и иных объективных условиях,— ориентировавшиеся на марксистский социализм страны не просто должны теперь наверстывать упущенное. Это само собой. Но для историко-теоретического и политологического анализа много существенней то, что неудача этой группы стран (включая нашу и восточноевропейские) оз-

начает решительный поворот в истории XX в. Поворот, ознаменовавший не столько идеологическое, политическое, экономическое и любое иное крушение марксистской социалистической модели (этого еще многие не сознают до конца даже в нашей стране, с ее культурно более высоким уровнем и цивилизационной ориентацией на европейский стандарт), сколько новую ориентацию, новое мировое мышление.

Практически речь идет о том, что кончилась эпоха трех миров, что нет более ни первого, ни тем более второго, ни даже третьего мира. Есть только один глобальный для всего человечества мир, один доказавший свою состоятельность в современных условиях путь развития и множество очень разных, но идущих в принципе теперь уже по одному этому пути стран — развитых, очень развитых, развивающихся, слаборазвитых и сильно отстающих в темпах развития. Повторяю, все они идут по одному пути, другого просто нет, хотя движение каких-то из них по этому пути напоминает черепашьё, а количество медленно движущихся столь значительно, что это не может не внушать серьезную озабоченность всем остальным, особенно тем, кто идет впереди: путь-то один и прорисован он по одной, ставшей уже объективно весьма небольшой территории нашей планеты. Путь идет как бы зигзагами или петлями туго сжатой пружины, так что нелады в любом из его звеньев не могут не отразиться на системе в целом.

От чего теперь зависят успех или неудачи в продвижении по общему для всех пути? От уровня культуры, характера и установки-ориентации той или иной из великих цивилизаций (конфуцианско-дальневосточной, наиболее в этом смысле приспособленной к движению по еврокапиталистическому пути и потому преуспевающей; индо-буддийской, приспособленной для этого значительно меньше, и тем не менее способной к движению; исламской, чье своеобразие создает немало оснований для озабоченности мирового сообщества; наконец, христианской во всех ее вариантах, от православия России до католицизма Латинской Америки), не считая уже те случаи, когда правильной говорить вообще не о цивилизации, а о протоцивилизации как фундаменте — например, это касается неарабской Африки.

Многое будет зависеть и от усилий, от возможностей мирового содружества наций, вышедших наконец на единый путь и не вынужденных тратить силы и средства на военное противостояние разных миров, различных блоков. Речь о помощи слабым и отсталым, о совместной борьбе с глобальными угрозами человечеству (СПИД, озоновая дыра, парниковый эффект, перенаселение планеты, загрязнение ее и т. п.).

Ясно и еще одно: человечество должно найти в себе силы и решимость противостоять рецидивам восточно-деспотического и марксистско-тоталитарного характера. В том, что рецидивы в принципе возможны, убеждает спровоцированный Ираком в конце 1990 г. кризис в Персидском заливе. Суть этого кризиса

ведь не столько в личных амбициях правителя страны и имперских устремлениях этой державы. Он гораздо глубже: перед нами попытка отчаянным силовым рывком восстановить старые, уходящие в историю, методы тоталитарного насилия как способ решения сложных экономических, социальных и иных проблем отсталой, но амбициозной страны. Это, если угодно, рецидив теперь уже вчерашнего дня — и именно поэтому против провокации Ирака столь дружно сплотилось мировое сообщество. И весьма существенно, чтобы после преодоления иракского рецидива сообщество нашло в себе силы для выработки такого международного регламента (вплоть до твердых запретов на продажу оружия и технологии производства средств массового уничтожения, жесткого международного контроля везде, где может появиться угроза миру, и т. п.), который предупредил бы появление где бы то ни было тяги и попыток решать проблемы с помощью насилия на государственном уровне.

Итак, мой главный вывод и прогноз на третье тысячелетие примерно таков. Традиционный Восток и марксистский социализм постепенно уходят в прошлое (как господствующая на значительной территории мира структура). Это далеко не означает, что теперь все проблемы будут легко решаться. Больше того, возможны рецидивы. Но тем не менее перспектива будущего вырисовывается ныне достаточно четко. Она — в движении всего мира по еврокапиталистическому пути, причем параллельно с максимальной социализацией, вынужденной обстоятельствами и направленной прежде всего на помощь отстающим, слабым и неспособным прокормиться теперь уже не столько в каждой из стран, особенно развитых (там это существует уже давно и функционирует вполне эффективно), сколько в масштабах мира в целом. Это, если угодно, условие выживания в новом тысячелетии. И мир весьма близок к глубокому осознанию такого рода объективной необходимости — всеобщей помощи отстающим.

¹ Полного перевода «Мо-цзы» на русский нет. Но фрагменты (см.: Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972) дают вполне достаточное представление о сущности его социальной утопии. См. также: *Рубин В. А.* Идеология и культура древнего Китая. М., 1970, с. 45—73; *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989, с. 82—95. О социальной утопии тайпинов см.: *Илюшечкин В. П.* Крестьянская война тайпинов. М., 1967.

² Идеи о принципе взаимных реципрокных раздач обстоятельно проанализированы в ряде исследований экономантропологов, в частности К. Поланьи. Подробней об этом см.: *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983, с. 11—16.

³ См.: *Mauss M.* The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. L., 1970.

⁴ Вопрос этот весьма сложен и спорен. Моя точка зрения на проблему изложена в книге «Проблемы генезиса китайского государства», с. 24 и сл.

⁵ Об этом немало писал М. Фрид. См., в частности: *Fried M.* The Notion of Tribe. Menlo Park, 1975.

⁶ См.: *Васильев Л. С.* Феномен власти-собственности.— Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

⁷ Об этом немало сказано в специальной литературе. На русском языке см., в частности: *Петров А. М.* Новые задачи старинной науки и некоторые материалы к изучению экономической истории Востока.— Народы Азии и Африки. 1989, № 2.

⁸ См.: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.

⁹ *Васильев Л. С.* Кризис социализма.— Через тернии. М., 1990.

С. В. Волков

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СЛУЖИЛЫХ СЛОЕВ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ДЕСПОТИЯХ

Как правило, все традиционные общества (особенно средневековые) — общества четко стратифицированные. Неизбежность общественной стратификации проистекает от естественно-го неравенства людей по способности к выполнению тех или иных общественных функций, но формы ее зависят от того, каким образом и исходя из каких принципов данное общество распределяет своих членов по необходимым функциям.

В индустриальном обществе, где такое распределение совершается в сфере частных соглашений, граждан при относительно небольшой роли государства формальная стратификация обычно отсутствует (как потому, что формализация стратификации есть прерогатива государства или власти в широком смысле этого слова, так и потому, что в ней нет особой необходимости). Общество делится на социальные слои в зависимости от реального экономического веса индивидуума или того места, которое он сумел занять в административно-политической структуре. В основе выделения этих слоев обычно заложен размер получаемого дохода. Причем профессиональная или социальная принадлежность бывает более значимым фактором при оценке политического поведения индивидуума, особенно при нестандартных ситуациях, но в обычных условиях, как правило, наиболее весомым показателем для социального самоопределения человека и его престижа в обществе становится уровень его достатка.

В обществах традиционных, где выполнение тех или иных социальных функций основано на определенных морально-этических представлениях и забота об их соблюдении ложится на плечи государства, выступающего гарантом данной культуры, стратификация носит регламентированный, формальный характер, так как в зависимости от понятий этой культуры определяются, во-первых, иерархия самих социально-профессиональных групп, а во-вторых, требования, предъявляемые к членам каждой из них. Причем под требованиями не обязательно подразумевают практическую профессиональную пригодность — са-

моценным в таких обществах признаются происхождение или иные, не зависящие от индивидуума данные.

Наиболее типичной формой социальной стратификации в таких обществах являются сословия. Сословное деление является одним из атрибутов традиционных обществ; эти общества всегда делятся на группы, обладающие некоторой совокупностью закрепленных законом прав и обязанностей, отличающихся друг от друга по содержанию. Поскольку существование сословий связано с признанием их государственной властью, статус каждого сословия обычно зависит от близости к источнику власти и от оценки ею значимости данного сословия.

Поэтому закономерно, что высшим сословием в любом государстве почти всегда является служилое сословие. Чисто теократических обществ (где высшее сословие, естественно, жрецкое) немного. В обществах, где сильно влияние иерархически организованной церкви, если формально первым и считается духовное сословие, то это носит, как правило, уважительно-декларативный характер и не сказывается на его реальной значимости. Характерным примером этому может служить Франция, где духовенство, официально считаясь «первым сословием», пополнялось, как правило, младшими сыновьями из дворянских семей. Реально первым сословием духовенство бывает только в теократическом обществе. Иногда, правда, еще более высоким статусом может обладать такая специфическая группа, как родственники правящего дома или ограниченный круг высшей наследственной аристократии, но они, как правило, во-первых, малочисленны, а во-вторых (и что очень характерно и показательно), обычно оформлены как верхний слой служилого сословия.

Наличие в обществе слоя лиц, профессионально занятых государственной службой, имеет не только важнейшее значение для функционирования общества, но и оказывает существенное влияние на их положение в обществе. Основные аспекты характеристики этих служилых слоев следующие: место в социально-статусной иерархии общества (составляют высшее сословие, группу внутри сословия, занимают второе или еще более скромное место в иерархии); внутренняя организация (составляют единое сословие, разбиты на несколько сословий, являются профессиональными группами вне основных сословий, социально оформлена только их часть и т. д.); формальные признаки (чины, формы и т. д.); принципы вхождения (наследственные, ненаследственные, смешанные); сравнительное положение военного и гражданского элементов (приоритет военного, приоритет гражданского, одинаковый их статус, нерасчлененность); связь с землевладением и с собственностью (обязательна, возможна, исключена).

В настоящей статье ставится вопрос о положении служилых слоев в традиционных обществах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии и особенностях их статуса и внутренней орга-

низации по сравнению с обществами иного типа. Традиционные общества Восточной и Юго-Восточной Азии обладают целым рядом сходных черт, обусловленных принадлежностью этих стран в той или иной степени к ареалу распространения китайской политической культуры. Одна из наиболее характерных черт этой общности — организация государственной службы и положение чиновничества в социальной системе общества. Сходство в этой области является как бы индикатором, показывающим, насколько тесно данное общество приобщено к китайской политической культуре; отличие же свидетельствует о том, что либо это общество развивалось по другому пути, вне среды китайского влияния (или испытывало таковое в слабой степени), либо еще достаточно примитивно.

По степени близости к китайскому образцу страны региона можно очень условно разделить на три группы. В первую группу можно выделить страны, модель государственного управления которых прямо ориентировалась на китайский стандарт, эволюционировала к нему или непосредственно принадлежала к сфере китайской политической культуры: Корея, Япония VII—VIII вв., тангутское государство Си Ся, чжурчженское государство Цзинь, Вьетнам. Во вторую группу следует отнести государства Индокитая, подверженные китайскому влиянию в меньшей степени или имеющие собственные относительно развитые чиновные системы, но с несколько иным соотношением между различными группами служилых слоев. К третьей группе относятся яванские государства патриархального характера со слабо развитой и примитивной чиновной структурой. (Малайские государства совершенно выпадают из этой классификации, более походя на мусульманские общества Ближнего и Среднего Востока.)

Сама классическая китайская система организации государственной службы понятие довольно неопределенное, поскольку трудно сказать, в какое именно время она существовала в наиболее «классической» форме. Сохраняя основные черты, эта система видоизменялась на протяжении более чем двух тысячелетий, причем одни ее элементы со временем усиливались, другие — отмирали, наконец, появлялись совершенно новые. Наряду с существованием по меньшей мере шести основных конкретных собственно китайских образцов: ханьский, танский, сунский, юаньский, минский и цинский, не копирующих друг друга, в сопредельных странах были созданы свои системы государственной службы, как правило в русле китайской традиции и по образцу современной им китайской династии, но обладавшие целым рядом национальных особенностей, со временем развивающихся и видоизменяющихся. При этом существовавшие одновременно системы государственной службы Китая и какой-либо соседней страны часто больше походили друг на друга, чем каждая из них на систему государственной службы собственной страны в прошлом или будущем. Сопредельные

с Китаем страны, входящие в ареал китайской политической культуры, внесли, таким образом, свой вклад в эту культуру (если трактовать это понятие достаточно широко — как китайскую по происхождению региональную культуру, сопоставимую, скажем, с ближневосточно-мусульманской или европейско-христианской, а не как культуру, существовавшую только в Китае). Поэтому различные образцы социальной организации служилых слоев и государственной службы, существовавшие в разное время в Китае и странах ареала китайской политической культуры, с точки зрения ее основных закономерностей и выделения наиболее типичных черт — явления однопорядковые.

Очень неравномерная степень изученности государственных структур и социальной организации служилых слоев не позволяет в настоящее время подробно классифицировать их, но основные признаки, свойственные соответствующей этой культуре идее организации государственной службы и ее агентов, выделить можно. Наиболее типичными чертами системы организации государственной службы в странах дальневосточного региона можно считать следующие.

1. Профессиональный слой государственных служащих — чиновничество выделен в социальной структуре общества в особое сословие — высшее, причем его численность не превышает 2% населения страны.

2. Чиновничество подразделяется на гражданское (столичное и провинциальное), военное и придворное. При этом наряду с полноправным ранговым чиновничеством существует «субчиновничество» — нерангированные канцеляристы, входящие в штатное расписание, но не являющиеся полноправными чиновниками.

3. Гражданская служба более престижна, чем военная, и более привилегированна юридически. При этом не существует резкой грани между военной или гражданской кастой, состав военного и гражданского чиновничества комплектуется из одних и тех же источников.

4. Служебное положение определяется общегосударственным рангом и должностью. Собственно чинов не существует. Классической является система из 9 рангов, каждый из которых подразделяется на две степени.

5. Существуют форма и знаки различия.

6. Служба регламентируется специальными кодексами или особыми разделами в общих кодексах.

7. Набор на службу производится через систему конкурсных экзаменов, успешная сдача которых дает право на занятие должностей определенного уровня. Наряду с экзаменами практикуется принятие на службу детей высших чиновников на основе соответствующей привилегии и выслуга из «субчиновников». Допуск к экзаменам свободного населения не ограничен. Карьера начинается не с низших ступеней, а с тех, на которые дают право обстоятельства поступления на службу.

8. Покупка должностей невозможна.

9. Существуют специальные учебные заведения, готовящие кадры для государственной службы, но их окончание необязательно и нетипично для подавляющего большинства чиновников.

10. Продвижение по службе осуществляется на основе юридических аттестаций. Срока услуги в определенных рангах и должностях не существует. Последовательное прохождение всех ступеней необязательно и нетипично.

11. Оплата осуществляется путем выдачи жалованья деньгами или зерном или выделения служебного надела, налог с которого поступает чиновнику.

12. Размер жалованья зависит от ранга. Высший размер жалованья превышает низший не менее чем в 20 раз.

13. Чиновники обладают налоговым иммунитетом и юридическими привилегиями.

Названные черты совсем не обязательно присутствуют в полном наборе в конкретной стране в конкретное время, они, как правило, характерны для периодов стабильности и процветания централизованного государства и являются основой той идеальной модели, к которой обычно тяготеет система организации государственной службы в странах ареала китайской политической культуры. Комплекс этих черт существенно отличает ее от систем других регионов, где господствовали иные, нежели китайские, идейно-политические традиции.

Само понятие служилого сословия неоднозначно для стран с разными культурно-политическими системами. Употребляя это понятие, я имею в виду социальную организацию лиц, связанных с государственной службой и выделяемых в связи с этим законодательно в особую группу — сословие. Тот факт, что служилое сословие обычно является высшим в государстве или, наоборот, что прерогативой высшего сословия является государственная служба, не обязательно означает, что каждый конкретный член сословия всегда и везде обязан служить. В связи с тем что принципы вхождения в состав такого сословия новых членов могут быть различными (в чем и заключаются различия между странами разных типов социального устройства и культурной традиции), представляется весьма интересным сравнить социальный статус и положение служилых слоев дальневосточных бюрократических деспотий со статусом служилого сословия европейских монархий — обществ, в культурно-историческом отношении, пожалуй, наиболее отличающихся друг от друга. Тем более что социальным статусом этих слоев и их организацией во многом обусловлен характер того или иного общества.

Для структуры привилегированных слоев дальневосточных деспотий характерно прежде всего то, что высшим сословием является чиновничество как таковое. Привилегированное положение связано с профессиональными функциями. Нахождение на государственной службе — вот что единственно обеспечивает

человеку те или иные льготы и преимущества. Высшее сословие в таких обществах, сословие полноправного чиновничества — это общность людей, имеющих общегосударственные ранги. Поскольку ранговая система призвана охватить всех государственных служащих, она всегда достаточно дробная, насчитывающая около 2—3 десятков градаций (наиболее классической является система 9 рангов, каждый из которых подразделяется на несколько степеней — от двух до четырех), от которых зависит размер получаемого жалованья. Весьма характерно, что первоначально, в эпоху Хань, когда иерархия была еще слабо систематизирована, основным показателем места должности в иерархии был именно размер положенной для нее оплаты.

Отсутствие собственно чинов (т. е. самостоятельных названий служебных градаций) весьма показательно. В этой, казалось бы незначительной, детали проявляется разница между дальневосточной — «бюрократической» и европейской — «аристократической» системами. Дело в том, что чин — это персональное звание, с которым связано понятие личного достоинства его носителя («надворный советник» или «полковник» в соединении с именем человека звучит совсем иначе, чем «гражданский чиновник 7-го ранга» или «военный чиновник 6-го ранга»). «Бюрократическая» же система стремится к предельной формализации, подчеркивая «несамоценность» каждого члена, указывая лишь его принадлежность к определенному месту (должность) и положение этого места в иерархии (ранг). Чин, понятие сопоставимое с титулом, званием, происходит (в функциональном, а не этимологическом смысле) именно от них и характерен для систем, в основе которых лежит «аристократическое» начало.

Таковыми первыми «чинами» в допетровской России были восемь основных званий служилых людей, составлявших в совокупности дворянское сословие: боярин — окольничий — думный дворянин — стольник — стряпчий — дворянин — жилец — сын боярский¹. В чиновных системах, складывающихся на аристократической основе (не только в Европе), чины обычно присутствуют. Например, в раннесредневековой Корее (периода Трех государств и Объединенного Силла) существовала следующая чиновная система: 17 рангов, каждый из которых имел собственное наименование (иногда и два-три варианта) — каккан, ичхан, ачхан, нама и т. д.; они происходили от названий титулов племенных вождей, старейшин и т. п. В этот же период наряду со служебной чиновничьей иерархией продолжала существовать и иерархия сословных групп, основанных на принципе происхождения — так называемая система кольхум, которая постепенно утрачивала свое значение, пока в следующий период — Корё (X в.) не исчезла окончательно и в обществе не установилась типично китайская система 9 служебных рангов². Во всеохватывающую систему рангов дальневосточных деспотий были включены даже родственники правителей, их

жены и наложницы. В Ранней Хань, например, ранги наложниц точно соответствовали иерархии чиновников: наложница 1-го ранга приравнивалась к канцлеру, а 14-го ранга — к низшему ранговому чиновнику³.

Иногда в социальной структуре дальневосточных обществ выделяют в качестве самостоятельного сословия так называемую знать, однако это едва ли правомерно. Дело в том, что к ней принято относить следующие категории лиц: 1) родственники правителя, 2) родственники правителя по жене, 3) обладатели почетных титулов. Действительно, все эти категории существовали в большинстве дальневосточных обществ ареала китайской политической культуры. Они стояли по общественному и имущественному положению выше основной массы чиновничества, однако родственники правителя слишком специфическая и относительно малочисленная группа, чтобы можно было считать ее особым сословием. Что же касается титулов (титулы эти часто сравнивают, а иногда и переводят европейскими терминами «маркиз», «граф» и т. п.), то, во-первых, они были ненаследственными, а во-вторых, давались чиновникам за личные заслуги. И наконец, все эти титулованные особы наравне с чиновниками входили в одну общегосударственную систему рангов (титулы обычно приравнивались к тому или иному из высших рангов). Как уже было сказано, именно по принципу обладания рангом в дальневосточных обществах и выделялось (юридически обособлялось) высшее сословие. Эти люди, составляя специфическую, обособленную группу, входили тем не менее вместе с чиновниками в состав определенного сословия (точно так же как в европейской системе никому не приходит в голову выделять в особое сословие, вне дворянства, обладателей княжеских, графских, баронских и прочих титулов). Европейские титулы и их носители отличаются от дальневосточных в той же мере, в какой все сословие европейского дворянства отличается от сословия дальневосточного чиновничества.

Принципиальное и основное отличие служилых сословий в этих двух регионах заключается не в принципах вхождения в их состав, как это часто полагают (и о чем речь ниже), а прежде всего в том, что дальневосточное сословие чиновничества («людей, имеющих ранг») — это сословие *служащих*, а европейское дворянство — сословие людей, *имеющих право служить*. На Дальнем Востоке человек является членом высшего сословия потому, что служит (и не может не служить, будучи его членом), а в Европе человек служит потому, что является членом дворянского сословия (но может в принципе и не служить). В дальневосточной деспотии никто не может быть членом привилегированного сословия, не служа правителю (хотя бы формально — наложницы и т. п.). В Европе служба монарху и государству для дворянина есть естественное занятие, дело чести, моральная обязанность, но, как правило, не юридическая

обусловленность пребывания в своем сословии. Начав служить и войдя однажды в состав сословия, дворянин и его дети уже не могли быть лишены своего статуса на том только основании, что переставали служить. В большинстве случаев обстоятельства или соображения морально-психологического характера заставляли дворян служить, и они оставались не только служимым, но и служащим сословием, но дворянин продолжал быть дворянином и оставаясь в своем поместье, тогда как в Китае и других странах, находившихся в сфере китайской культуры, неслужащий помещик и крестьянин имели совершенно одинаковый юридический статус и относились к одному сословию свободных простолюдинов. Обязательной постоянной службы европейское дворянство, как правило, не несло, призываясь монархом только в случае войны, но с образованием централизованных государств и формированием в них институтов постоянной службы (регулярной армии и госаппарата) дворянство окончательно освобождается от обязательной службы (тем более что в большинстве европейских стран число мест в аппарате и офицерском корпусе было меньше числа дворян в дееспособном возрасте). Позже всего по сравнению с другими европейскими странами это произошло в России в силу малочисленности дворянства и ряда субъективных причин, где указ о «вольности дворянства» был принят только в 1762 г.

В социальном бытии служилого или высшего сословия дальневосточных деспотий есть черты и элементы, сближающие высший слой общества этих государств с европейским дворянством в представлении европейского человека (недаром в работах европейских ученых по отношению к высшему слою китайского общества применяется термин «джентри»). Однако эти черты относятся либо только к части «рангового сословия» дальневосточных обществ, либо к его пограничным слоям, либо к социальным реалиям, лежащим в иной плоскости, чем рассматриваемое здесь сословное деление. Два важнейших явления такого рода — это институт шэньши и так называемые родовитые кланы.

Социальная группа неслужилых шэньши — обладателей низших купленных рангов, почетных званий, а позже — ученых степеней появляется в Китае на рубеже нашей эры и в дальнейшем становится постоянным компонентом социальной структуры дальневосточных обществ. Рассматривая цинский период, в понятие «джентри» включают как всех чиновников (в том числе отставных и тех, кто купил свои ранги), так и обладателей ученых степеней и академических званий, никогда не состоявших на службе и занимавшихся частной практикой⁴. Весь этот круг лиц в культурно-психологическом отношении образует некое единое единство, и у европейца возникает ассоциация со знакомым ему дворянским сословием, часть которого служит, а часть просто живет в своих имениях или находит себе применение в сфере «свободных профессий». Эта аналогия верна

только в том случае, если отвлечься от правового статуса, который является определяющим в сословном делении. Привилегированный статус был принадлежностью именно и только полноправного рангового чиновника действительной службы.

Группа «ученых» — образованных людей с древности выделялась в Китае в отдельную группу наряду с «земледельцами», «ремесленниками» и «торговцами», но она была лишь частью сословия свободных простолюдинов и никакими преимуществами перед «земледельцами» формально не обладала. Более того, в танский период чиновник ниже 5-го ранга при увольнении с действительной службы подлежал зачислению в податные реестры и переходил в «байсин» — сословие свободных простолюдинов, куда также входили потомки чиновников, «почетные чиновники» (не имевшие должностей, хотя и получившие за звание земельные наделы) вместе с обыкновенными крестьянами-общинниками⁵. Так, в сословном отношении все такие группы были четко отделены от рангового чиновничества.

При этом дальневосточным деспотиям не чуждо было понятие аристократизма. В отдельные периоды (Южных и Северных династий, династии Тан) аристократизм как культурно-политическое явление играл огромную роль, что было связано с завоеванием Китая кочевыми народностями Севера. Аристократия — родовитые кланы появляются еще в I тысячелетии до н. э. (в период Чуньцю-Чжаньго аристократическими считались все цзуны, отделявшиеся от патронии правителей царств)⁶. Кроме того, от классической модели дальневосточной деспотии существенно отличаются все государства на территории Китая и на его границах, созданные кочевыми народами (чжуржэньское государство Цзинь и др.), где существовала обычно дуалистическая система управления и социальной иерархии — для китайцев и для завоевателей (они носят отпечаток иной, нежели рассматриваемая здесь, культурно-государственной традиции).

В танский период, самый «аристократический» в китайской истории, составлялись реестры знатных фамилий, высшие посты в государстве занимали представители немногих родовитых кланов, их браки с общинниками были запрещены и т. д. Тем не менее даже в это время привилегированным сословием продолжало оставаться только чиновничество, а родовитые кланы — аристократия таким сословием не была. Ее представители пользовались преимуществами на службе, они составляли большинство среди крупных и средних чиновников, но привилегиями они обладали только как служащие чиновники, а не как аристократы. Например, право «тени» — приема на службу по рекомендации родственника — зависело только от ранга отца, а не от его принадлежности к родовитому клану. А чиновниками было только меньшинство из членов родовитых кланов (если учитывать всю их массу), многие из самых аристократических семей жили в бедности и зарабатывали на жизнь своими руками⁷. Понятием «аристократия» обозначался не

столько юридический статус и определенное сословие, сколько престиж прослойки, стоявшей вне и над «имеющими ранг». Она существовала как бы в другом измерении по отношению к сословной структуре общества. В Европе же чиновничество было частью дворянского сословия, и сословной доминантой был статус дворянина, а не чиновника.

Прежде чем перейти к принципам вступления в привилегированное служилое сословие, следует заметить, что наиболее существенное отличие положения члена этого сословия в дальневосточных деспотиях и европейских монархиях заключалось не столько в принципах вхождения в состав сословия, сколько в принципах выбытия из него человека и его потомков. В европейских странах человек, возведенный в дворянство, навсегда оставался членом этого сословия вместе со всеми своими потомками (исключением являлся разве что институт личного дворянства в России) и не мог лишиться своего статуса иначе как по приговору суда за особо тяжкие преступления (причем лишение дворянства никогда не распространялось на детей и других потомков осужденного). В дальневосточных же обществах членство в привилегированном сословии не только не было наследственным (т. е. обусловленным самим фактом рождения), но для низших слоев сословия, как уже упоминалось, могло даже не быть пожизненным. Это не касалось только потомков правящего дома, но и то в ряде этих обществ неслужащий потомок императора в пятом поколении превращался в простую людина. Столь высока была зависимость членства в сословии от служебного положения человека.

Что же касается принципов вхождения в привилегированное служилое сословие и его состава, то здесь разница между дальневосточными обществами и европейскими как раз не такая большая, несмотря на то что в Европе все дети автоматически наследовали статус родителей, а на Дальнем Востоке в большинстве случаев доступ в служилое сословие был официально в равной степени открыт для лиц любого происхождения (кроме неполноправных социальных групп). Естественно, что любое привилегированное сословие или группа неизбежно желают передать по наследству свои титулы, имущество и т. д., а дети их всегда стремятся занять место своих родителей. При этом члены этого сословия обладают сравнительно более существенными возможностями помочь им в этом.

Однако конкретные обстоятельства эпохи складывались так, что в Европе количество «вакансий» в сословии обычно превышало число детей его членов, а в обществах Дальнего Востока чаще всего бывало наоборот. Имеется в виду, что дворянство в европейских странах обычно составляло не более 2% населения, т. е. примерно столько же, сколько и чиновничество в дальневосточных странах, то есть численность дворянства как бы тоже была ограничена некоторой стихийной нормой, превышение которой грозило фактической потерей возможности ве-

сти соответствующий образ жизни для некоторой части сословия. Например, в Польше, где доля дворянского сословия превышала 10%, положение польского шляхетства было незавидным.

Европейское дворянство всегда довольно широко пополнялось извне. Играли роль самые разные факторы: число детей в европейских семьях было несколько ниже, значительно большей была смертность европейских дворян (как сословия преимущественно военного и благодаря поединкам, уносившим огромное число людей цветущего возраста), наконец, государственный аппарат (основной канал аноблирования в европейских странах) в этих странах увеличивался значительно быстрее, чем в дальневосточных. До появления развитого государственного аппарата и регулярной армии состав дворянства часто менялся. Во Франции в XV—XVI вв. достаточно было владеть сеньорией, чтобы аноблироваться; по некоторым данным, к 1500 г. родовитое дворянство в четвертом и более поколении составляло лишь 20%⁸; в России в конце XVI — начале XVII в. вследствие известных событий «смутного времени» состав дворянства почти полностью обновился. С ростом численности госаппарата и офицерского корпуса регулярных армий, превратившихся в основной источник пополнения дворянского сословия, значительную часть их составляли лица недворянского происхождения (получавшие дворянство на службе). В прусской армии, например, в первой половине XIX в. 30—40% офицеров были недворянского происхождения⁹, во Франции даже в XVIII в. (период наибольшего окостенения сословных барьеров) при общей численности дворянства 300—400 тыс. было аноблировано около 50 тыс. человек¹⁰. Пополнение сословия не из своей среды всегда было довольно значительным, особенно в России, где чиновники недворянского происхождения составляли в середине XVIII в. более 55%, в начале — середине XIX в. — 60%, в конце XIX в. — 70%, а офицеры в начале XVIII в. — 30—40%, во второй половине XVIII в. — около 30%, в первой половине XIX в. — примерно 25%, а в конце XIX в. — до 50—60%, в результате чего к началу XX в. до 90% всех родов потомственных дворян оказались возникшими после конца XVII в.¹¹

В дальневосточных деспотиях прямое наследование детьми сословного положения своих родителей также имело место (правда, не по факту рождения, а по законодательно гарантированному вступлению в ряды чиновничества). Речь идет о привилегии «тени», которой пользовались чиновники (кроме низших рангов). Этот путь использовался довольно широко. В Китае в танский период большинство чиновников поступало на службу, минуя экзамены, даже в сунское время число поступивших по праву «тени» и после сдачи экзамена было приблизительно одинаковым; в юаньский период этот путь вступления в служилое сословие преобладал абсолютно (а в первые полвека был практически единственным); в минский и цин-

ский периоды право «тени» сохранялось лишь для трех высших рангов, но продолжало существовать¹². Из сказанного понятно, что значительная часть сословия и в дальневосточных деспотиях пополнялась наследственным путем, и это было закреплено юридически. Кроме того, пополнение чиновного сословия и вне права «тени» в значительной степени происходило на наследственной основе, поскольку и рекомендации (основной канал пополнения чиновничества в ханьский и цзиньский периоды), и институт экзаменов закономерно давали приоритет тем, кто был лучше подготовлен, а таковыми при прочих равных условиях всегда являлись выходцы из среды потомственных чиновников. Поэтому большинство чиновничества всегда происходило из служилых семей. В Китае в танский период из неслужилых семей в целом происходило только 13,8% чиновников, в сунский (наименее «аристократический») — 46%. Среди выдержавших экзамены на степень цзиньши выходцев из неслужилых семей в это время бывало до 56—58%¹³, но следует отметить, что через экзамены комплектовалась только половина от общего числа чиновников, хотя формальных привилегий по происхождению ни в Тан, ни в Сун не было. В минский и циньский периоды ограничение права «тени» компенсировалось неуклонным уменьшением доли выходцев из нечиновных семей среди сдавших экзамены (в XIV—XV вв. — 58,2%, а в конце XVI — начале XVII в. — 44,5%, в конце XVII — начале XVIII в. — 32,2%)¹⁴. В сопредельных странах степень наследственности была, как правило, выше. Учитывая, что чиновничество составляло менее 2% населения, то даже при половинной доле в нем выходцев из того же слоя вероятность стать чиновником для них была более чем в 100 раз выше, чем для простолюдина. В отношении фактического состава привилегированного служилого сословия дальневосточные деспотии, если и отличались от европейских монархий, то незначительно, и, во всяком случае, не это было принципиально. Принципиальным было то, что в дальневосточных обществах наследование привилегированного статуса не было обязательным, автоматическим, оно не было прирожденным правом человека, не зависящим от воли монарха и вообще от чьей бы то ни было воли, что создавало совершенно иной морально-психологический настрой в среде служилого сословия и в обществе в целом. В этих странах каждый человек (даже неслужилые шэньши, обладатели низших ученых степеней) в любом случае должен был получить свой статус сам, лично, непосредственно от государства. Это в огромной степени определяло деспотический характер дальневосточных обществ. Не случайно, кстати, что наиболее деспотическими методами правления отличались как раз те периоды, когда доля выходцев из непривилегированных сословий в привилегированном служилом сословии была наивысшей — сунский и минский, когда она доходила в среднем до половины.

Еще одно очень важное отличие дальневосточных «бюрократических» деспотий от европейских «аристократических» монархий заключалось в том, что первые носили как бы «гражданский», а вторые — «военный» характер, и соответственно именно такой характер имело в целом служилое сословие этих стран. Военный элемент в дальневосточных странах на ранних этапах их формирования играл часто более существенную роль, чем гражданский (не говоря о периодах смут и завоеваний), но, достигнув «зрелости», эти страны уже представляли собой бюрократические деспотии, в которых ведущую роль играл гражданский аппарат. Примат гражданской службы над военной представлял собой всеобщий и безусловный принцип организации служилого чиновного сословия. Приращение положения военных в этой системе хорошо известно, и нет необходимости сейчас на этом подробно останавливаться. Отмечу лишь, что дискриминировался не какой-то слой служилого сословия (резкой разницы между гражданской и военной службой, как правило, не было, чиновники могли переходить с гражданской на военную службу и наоборот и особой военной касты не существовало), а род деятельности. Армия рассматривалась не как самоценное явление, а как один из инструментов (причем второстепенный) управления вообще. Управление же обществом в целом — дело гражданских чиновников, и чиновное сословие является прежде всего сословием «гражданским».

В Европе же гражданского чиновничества как профессиональной группы очень долго вообще не существовало. Европейское служилое сословие — дворянство сложилось и существовало на протяжении столетий как чисто военное сословие. Общее управление также находилось в руках его высших представителей. И если китайский император это, условно говоря, верховный гражданский чиновник, то европейский монарх — первый дворянин своего государства, значит, первый рыцарь, первый воин его (и это, как правило, не только символ — множество монархов лично предводительствовали войсками и сражались с оружием в руках). Гражданский аппарат в Европе складывается как целостная система в основном не ранее XVI в. и получает развитие в XVII—XVIII вв. Причем служба в нем практически навсегда остается гораздо менее почетной, чем служба в армии. Офицеры имеют обычно перед гражданскими чиновниками формальные преимущества, и в целом приоритет военной службы над гражданской просматривается столь же четко, как на Дальнем Востоке — обратное явление. Во Франции «дворянство шпаги» долго не хотело считать «дворянство мантии» равной себе частью высшего сословия, а в России еще в первой половине XIX в. гражданская служба считалась занятием, несравненно менее достойным дворянина, чем служба военная, хорошо известно особое положение в обществе прусского офицерства и т. д. Кстати, и в отношении прав по аноблированию военная служба представляла всегда значительно

большие преимущества. Это обстоятельство накладывало свой отпечаток на представление о личном достоинстве члена служилого сословия.

Итак, важнейшей чертой, определявшей статус служилого сословия в странах ареала китайской политической культуры, было то, что образованный, привилегированный, причастный к управлению социальный слой — чиновничество носил принципиально ненаследственный характер. За исключением узкого круга лиц — родственников правителя, никто не мог получить привилегированный статус иначе как непосредственно из рук государственной власти, никто не мог иметь его от рождения. Привилегированным статусом обладало чиновничество в целом, т. е. лица, находившиеся на государственной службе. Статус был связан с социальным положением человека, а не с его происхождением, имел не личный, а служебный характер, т. е. был принадлежностью не личности, а «места» — должности. Пусть на практике степень «потомственности» дальневосточного чиновничества была очень высока и вполне сопоставима с обновляемостью состава европейского дворянства, — важно, что оставался неизменным принцип: никакие обстоятельства, кроме факта государственной службы (по каким бы льготным условиям он на нее ни попал), не могли ввести человека в состав высшего сословия.

Главное следствие такого положения в этико-психологическом плане — неразвитость понятия личного достоинства. Перед государственной властью в лице императора крестьянин и высший сановник были одинаково бесправны. Дальневосточное чиновничество никогда не имело прав ни политических, ни гражданских. Существование дворянства европейского типа в дальневосточной бюрократической деспотии представить невозможно, поскольку его сущность основывалась на принципах прямо противоположных. Во всех европейских странах — от Испании до России — дворянство обладало некоторой совокупностью гражданских прав, присвоенных всему сословию и каждому его члену в отдельности. Привилегированный статус принадлежал члену сословия от рождения, независимо от его отношений с государственной властью и служебного положения, и лишиться его можно было только в исключительных случаях (дворян можно было лишить жизни лишь отсечением головы, а не, например, повешением). Дворяне не только не были бесправны перед правителем, но, напротив, монархи считались «первыми среди равных» им. Поэтому и понятие чести, личного достоинства ценилось очень высоко.

Для дальневосточной системы принцип службы был единственным и мог в отдельных случаях лишь дополняться рядом льгот по происхождению; для европейской же системы оба принципа — происхождение и выслуга — были самостоятельны, равноправны и вполне сопоставимы по роли в комплектовании сословия. Все это и дает основание характеризовать систе-

му дальневосточных деспотий как «бюрократическую», а европейских монархий — как «аристократическую», что в полной мере проявлялось в статусе служилого сословия этих регионов.

¹ *Татищев В. Н.* Историческое известие о старинных чинах. Древняя российская виблиофика. Т. XX. М., 1971, с. 219.

² Об этом подробно рассказано в моей книге «Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи». М., 1987.

³ *Chu T'ung-tsu.* Han Social Structure. Scattle-London, 1972, с. 75.

⁴ *Chu T'ung-tsu.* Local Government in China under the Chines. Harward East Asian Studies. Camb. (Mass.), 1962, № 9, с. 171.

⁵ *Тюрин А. Ю.* Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III—VIII веках. М., 1980, с. 23.

⁶ *Переломов Л. С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981, с. 17.

⁷ *Twichett D.* The Composition of the T'ang Ruling Class. Perspectives of the T'ang. New-Haven — London, 1973, с. 79.

⁸ *Пименова Л. А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986, с. 33.

⁹ *Прокопьев В. П.* Армия и государство в истории Германии. Л., 1982, с. 73—79.

¹⁰ *Пименова Л. А.* Дворянство накануне Великой французской революции, с. 31—32.

¹¹ Столетие Военного министерства. Т. IV. Кн. 1, отд. IIIа. СПб. 1912, с. 203; *Троцкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974, с. 215; *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981, с. 65; *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. М., 1979, с. 86, 94; *Романов Б. А.* Дипломатическая история русско-японской войны. М.—Л., 1947, с. 317.

¹² *Wittfogel K. A.* Public Office in the Liao Dynasy and the Chinese Examination System. Harward Journal of Asiatic Studies. V. 10, 1947, с. 27, 30—31, 37—39.

¹³ *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос в средние века. М., 1984, с. 36—37.

¹⁴ *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China. Aspects of Social Mobility. 1368—1911. New-York — London, 1962, с. 114.

Н. Н. Крадин

СТРУКТУРА ВЛАСТИ
В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ КОЧЕВНИКОВ

В истории Востока кочевые общества занимают особое место. Их нельзя в полной степени отнести к типично азиатским структурам, хотя следует заметить, что кочевники ближе к Востоку, нежели к Западу, не только географически. Во многом не случайно то, что К. Маркс рассматривал народы, занимавшиеся скотоводством, в своей типологии докапиталистических структур в разделе, посвященном азиатскому типу *Geheimwesen*¹.

Эта близость к Востоку, наиболее наглядно проявляющаяся в статичности кочевых и азиатских земледельческих обществ в сравнении с динамично развивающимся Западом, является барьером, который не может преодолеть ортодоксальное марксистское кочевниковедение в постижении фундаментальных закономерностей *номадизма*, заведя дискуссию о сущности социально-экономических отношений у кочевников в теоретический тупик. Суть этой дискуссии была сведена к схоластическим спорам по поводу того, что являлось важнее для скотоводческой экономики — *собственность на землю* или *собственность на скот*².

Нетрудно заметить, что аналогичным образом в рамках ортодоксального марксизма решалась и проблема азиатского способа производства. Все споры о формационной принадлежности азиатских, да и доколониальных африканских и американских обществ упирались так или иначе в вопрос, кто являлся собственником средств производства. Исследователи не могли разрубить гордиев узел логического противоречия, заключавшегося в том, что общинники-крестьяне, занимавшиеся непосредственно производительным трудом, равно как и лица, выполнявшие управленческие функции, одновременно являлись собственниками земли — главного средства производства. И только после открытия Л. С. Васильевым феномена «*власти-собственности*»³ дискуссия была переведена на новый уровень теоретического осмысления.

В связи с этим правомерным представляется поставить вопрос: можно ли все общественные отношения сводить в конечном счете к *собственности на средства производства*?

В широком смысле отношения собственности в человеческом обществе имеют глубокие биологические корни. Любой организм (или сообщество) не может функционировать, не получая минимальное количество ресурсов, необходимых для его жизнедеятельности. Эти ресурсы располагаются на определенном пространстве. Контроль над пространством, его присвоение, приспособление под собственные нужды, получил в социобиологии и этологии название «территориальное поведение»⁴. Причем, «какие бы формы ни принимала персонализация среды у различных видов, сам факт организации своего ближайшего окружения индивидом и сообществом должен... рассматриваться в качестве всеобщего инварианта поведения. Как инвариант это поведение присутствует и у рыбки трехглавой колюшки, и у человека. Защита четверти квадратного метра песка и водорослей на дне водоема и огораживание забором участка с домом — не что иное, как два полюса одного поведенческого феномена *присвоения среды*, феномена, отражающего витальную потребность любого организма, раз он проявляется у столь разных по уровню своего развития животных видов»⁵.

Однако социальные связи в природе не ограничиваются только отношениями к среде и ресурсам. Кроме них в любом сообществе присутствуют и играют не менее важную роль отношения биологического воспроизводства системы или структура взаимоотношений иерархии отдельных особей, обеспечивающая стабильность и слаженность системы по отношению к внешней среде, и др.⁶.

Анализ функционирования сложных систем не может быть сведен к анализу отдельных элементов или внутренних связей, составляющих эти системы. Следовательно, и общественные системы не могут быть сведены только к собственности на средства производства, так же как и вся история человечества — только к пяти сменяющим друг друга типам собственности. Собственность, по мнению В. А. Катунина, «не может рассматриваться в качестве исходного производственного отношения, из которого возникают все остальные производственные отношения, но и она сама не может возникнуть из исходного отношения... Собственность может выполнять экономически системообразующую функцию только в качестве элемента основных производственных отношений... Отождествление производства, труда и присвоения приводит к идентификации собственности с совокупностью производственных отношений. При этом собственность лишается экономического содержания и односторонне интерпретируется как сугубо юридическое понятие»⁷.

Собственность является лишь одной из сторон производственных (общественных) отношений. В наиболее развитом виде собственность проявляется при буржуазном способе производства, где капитал и наемный труд в результате длительного процесса отделения условий осуществления труда от непосредственных производителей кажутся расположенными на

противоположных полюсах системы. Главное условие существования такой системы — динамичная, саморегулирующаяся товарная экономика, а ее обратная сторона — разработанная система защиты прав и интересов собственника (так называемое правовое государство, принципы частного права, идущие от этики протестантизма, и др.).

Система социальных отношений, в которой системообразующей является собственность, более характерна для западной линии эволюции. И буржуазный, и античный, и даже феодальный способы производства предполагали разработанную систему частного права. Пусть законы не всегда соблюдались, существовали многочисленные злоупотребления и правонарушения сильными мира сего, однако право, законность были тем фундаментом, на котором зиждилась вся общественная структура. Можно привести немало примеров, когда угнетенные (будь то рабы, колоны или же феодальные крестьяне) обращались в суд на своих более высоких по социальному статусу обидчиков и даже выигрывали тяжбы⁸.

Таким образом, отношения собственности на средства производства генетически восходят к потребности самосохранения отдельного организма, т. е. к потребности в приобретении и защите энергетических ресурсов для поддержания собственного жизнеобеспечения. Однако вся система социальных отношений не может быть сведена только к этим отношениям.

Общество, как и биологическая система, не просто сумма индивидов, конкурирующих между собой (естественный отбор, классовая борьба)⁹. Общество — сложная система, функционирование которой как целостности требует создания специфических механизмов регуляции внутренних процессов. Эти механизмы, с одной стороны, призваны снять или сгладить внутреннее напряжение, возникающее вследствие конкуренции между отдельными индивидами или группами, а с другой стороны, предназначены для разделения функций между индивидами и группами и/или координации их усилий в целях интеграции и сохранения коллектива как самовоспроизводящейся системы, реализации поставленных перед данной социальной системой задач.

Наличие системы регулятивных механизмов в обществе в определенной степени может рассматриваться как структура власти, существующая в данном социальном организме. Правомерность такого взгляда оправдана тем, что начальным пунктом возникновения власти являлась «потребность в регулировании функционирования общественного организма... В этом смысле власть необходимо присутствовала в любом человеческом обществе, начиная с самых отдаленных эпох его существования»¹⁰.

Наибольшим признанием у исследователей (в большей степени у зарубежных) пользуется дефиниция власти, сформулированная М. Вебером. Согласно ей, «власть означает любую

возможность осуществлять внутри данных социальных отношений собственную волю даже вопреки сопротивлению, не завися от того, на чем данная возможность основывается»¹¹. Причем даже те отечественные специалисты, которые склонны критически воспринимать данное определение, так или иначе не уходят далеко от веберовского понимания сущности властных отношений¹².

М. Вебером были выделены три чистых типа власти: традиционный, бюрократический и харизматический¹³, которые и по настоящее время являются теоретическим фундаментом для большинства построений зарубежных политантропологов. Однако в применении к лидерам кочевых обществ, на что специально обращал внимание А. М. Хазанов, эти типы оказываются слишком абстрактными понятиями. Часть предводителей номадов с позиций истоков и характера власти были традиционными лидерами, но могли достичь харизмы с помощью удачной политической деятельности (самый яркий пример — Чингиз-хан). Другие, напротив, обладая харизмой, могли достичь власти в традиционных формах социополитической организации номадов. Но бюрократизация традиционных и харизматических лидеров могла осуществляться лишь до определенного предела и только в особых ситуациях, когда кочевники завоевывали оседло-городские общества. При этом особенности данных процессов во многом определялись традициями и характером деятельности бюрократии завоеванных цивилизаций, а само общество номадов по преимуществу переставало быть кочевым и его эволюция подчинялась уже иным законам¹⁴.

В этой связи представляется, что специфика отношений власти в кочевых обществах не может быть понята без рассмотрения особенностей общественной структуры кочевников.

Социальная организация кочевых обществ представляла собой сложную иерархическую, многоступенчатую систему, низшие звенья которой основывались на реальных кровнородственных и экономических связях, а более высокие уровни базировались на фиктивном генеалогическом родстве, общинных связях, трудовой кооперации. Самые высшие звенья характеризовались преимущественно неэкономическими связями¹⁵. Высшие уровни социополитической организации номадов представляли собой племенные союзы, вождества. Кочевые вождества в сравнении с земледельческими являлись более нестабильными, рассредоточенными, состав их был текуч и непостоянен, а система управления децентрализована¹⁶. Характерными примерами кочевнических вожеств являются улусы монголов, татар, найманов, керейтов в XII в., различные надплеменные образования казахов, туркмен, арабов и других номадов XVIII—XIX вв.

Отрицать наличие рабовладельческих отношений у кочевников было бы бессмысленным. Однако ни в один из этапов истории номадизма рабовладельческий уклад не получил значи-

тельного распространения. Среди причин следует указать на специфику скотоводческой экономики, не требовавшей большого количества рабочих рук и большей частью удовлетворявшейся за счет внутренних квалифицированных трудовых ресурсов, на относительно легкие возможности для бегства в условиях кочевого быта, на опасность повышенной концентрации рабов при низкой плотности населения. Рабы в кочевых обществах (преимущественно женщины) использовались в основном в домашнем хозяйстве, широкое распространение получила работорговля¹⁷.

Малоимущие и неимущие номады могли эксплуатироваться более зажиточными соплеменниками, которые либо передавали беднякам скот на выпас (так называемый *саун*), либо привлекали их на работу в свои богатые хозяйства¹⁸. Существование такого социально-экономического уклада послужило основой для формирования в 30-е годы теории «кочевого феодализма». Однако данная теория сформировалась в основном на материалах нового и новейшего времени (как бы ни приписывали ее создание Б. Я. Владимирцову на древнемонгольском материале), когда появление огнестрельного оружия положило конец военному превосходству кочевников, а их натуральная экстенсивная экономика оказалась неспособной конкурировать с технологической революцией и организацией труда в рамках мануфактуры и фабрики. Вследствие этого кочевники стали активно вовлекаться в рыночные капиталистические отношения, но уже в качестве эксплуатируемого, периферийного элемента. Деформировалась их традиционная структура, на первый план выступали иные социально-экономические уклады, и среди них те, которые были отнесены исследователями к феодальным¹⁹.

Разумеется, было бы ошибкой идеализировать саунные отношения, как, впрочем, и в более широком плане отношения системы «патрон—клиент», и видеть в них только взаимовыгодные связи. Но не меньшей, если не большей ошибкой было бы модернизировать отношения данного типа и сводить их только к классовым антагонизмам и эксплуатации. На самом деле саунные связи представляли собой широкий спектр отношений, на одном полюсе которых находилась внешне безвозмездная раздача скота обедневшим соплеменникам²⁰, а на другом — явная эксплуатация малоимущих и неимущих номадов.

Большая часть кочевников вела экономически самостоятельное хозяйство²¹. При этом простые номады могли облагаться, а в ряде обществ и облагались косвенными повинностями в пользу верхушки кочевого общества. Эти повинности представляли собой компенсацию за выполнение аристократией общественно полезной деятельности и, как правило, осуществлялись в форме традиционных редирибутивных связей. Однако они не были главным и тем более единственным источником доходов вождей и кочевой аристократии. К тому же постоянная необходимость в ремесленной и земледельческой продукции, которую степняки чаще всего получали, осуществляя широкомас-

штабную внешнюю экспансию, препятствовала развитию эксплуатации рядовых кочевников, являвшихся основой воинских формирований кочевников. Только в случае включения завоеванных земледельческих цивилизаций в состав политических образований, созданных кочевниками, отношения между аристократией кочевников и простыми скотоводами могла принимать раннеклассовый антагонистический характер²².

Таким образом, в кочевых обществах существовали различные социально-экономические уклады, в том числе и эксплуататорские. Социальная стратификация зашла довольно далеко, а основная масса населения была отстранена от руководства обществом. В то же время эксплуататорские социально-экономические уклады в обществе не были превалирующими. Только по отношению к подчиненным им оседло-городским обществам кочевники выступали как господствующий «класс-этнос» и одновременно как коллективная организация эксплуатации. При этом кочевая аристократия выполняла функции управленческого аппарата, а простые скотоводы — функции органов экспансии и подавления сопротивления (армия). Для обозначения такого характера деятельности (способа эксплуатации) и, следовательно, таких образований был предложен термин «экзополитарный»²³.

Внешнеэксплуаторская деятельность была широко распространена у кочевников. Ее многообразные формы (периодические набеги, регулярный грабеж, война, взимание контрибуции, данничество и навязанный вассалитет, непосредственное завоевание) встречались как у кочевников древности и средневековья, так, отчасти, и в новое время²⁴. В эпоху расцвета кочевничества (середина I тысячелетия до н. э. — середина II тысячелетия н. э.) экзополитарный способ эксплуатации занимал ведущее, структурообразующее место в экономической подсистеме кочевнических социальных организмов. Такой откровенно экспансионистский «базис» кочевых обществ в определенной степени детерминировал характер функционирования остальных социальных подсистем, как и всего общества в целом. Это выражалось в том, что социополитическая организация приобретала выражено милитаристский характер в форме разного рода военно-демократических, военно-иерархических и военно-олигархических экзополитарных структур. В свою очередь, в социокультурной подсистеме общества получала развитие система ценностей, согласно которой наибольшим престижем пользовался труд воина. Геродот (II, 167), в частности, пишет, что скифы и другие подобные им варвары «меньше ценят тех граждан и их потомков, которые занимаются ремеслом, напротив, считают благородными тех, которым совершенно чужд ручной труд и которые ведают только военное дело». Это нашло отражение в культурах войны, воина-всадника и героизированных предков, что отразилось как в устном творчестве (героический эпос), так и в изобразительном искусстве (звериный стиль).

Данное обстоятельство приводит к выводу, что для кочевничества в период его расцвета характерен особый тип социального организма, отличного от других известных форм докапиталистических обществ. Этот тип социального организма основывался на особом экономическом базисе — внешнеэксплуаторской деятельности²⁵; ему соответствовали специфическая форма социополитической организации, в наиболее развитой степени представленная феноменом «кочевой империи»²⁶, и собственная система культурных ценностей. Вследствие своих системообразующих качеств данный тип общества являлся тупиковым вариантом исторической эволюции и не мог вывести кочевые общества на индустриальный уровень цивилизации. Рано или поздно, основанные на паразитической эксплуатации земледельческого населения, экзополитарные образования и кочевые империи распадались и номады возвращались на предклассовую стадию, которая, за небольшими исключениями, являлась предельной для их самостоятельного развития.

Сформулированные закономерности обусловили характер отношений власти в кочевнических экзополитарных структурах и степных империях. Соответственно выделяются основные каналы возникновения и институционализации власти.

Во-первых, экологическая нестабильность скотоводческой экономики и имманентно присущая кочевым обществам частная собственность на скот потенциально способствовали имущественному расслоению номадов и появлению отдельных индивидов или групп, не способных вести самостоятельное хозяйство. Эти лица были вынуждены вступать в клиентные связи с обеспеченными скотовладельцами. В процессе асимметрии отношений между «патроном» и «клиентом» возникали отношения зависимости.

Во-вторых, возникновение власти было вызвано необходимостью регулирования внутренней организации общества. Этой деятельностью занимались выборные и наследственные вожди и предводители кочевых социумов. В их задачи входили рациональное распределение пастбищных и водных ресурсов, координация перекочевков, охрана стад и кочевий от диких зверей, врагов, разрешение внутренних конфликтов между отдельными индивидами и различными клановыми группами. При этом доступ к ресурсам и перераспределительным механизмам, определенные привилегии, подношения со стороны простых кочевников способствовали усилению власти вождей, субвождей и старейшин.

В-третьих, функции медиации между народом и Небом (Тэнгри) для обеспечения покровительства и благоприятствования со стороны потусторонних сил традиционно в евразийских степях в доисламское время выполняли предводители кочевых социумов (скифские цари, суннуские шаньюи, тюркские и жузжаньские каганы и др.).

В-четвертых, необходимость в установлении экономических

связей с сельскохозяйственным миром для получения недостающей сельскохозяйственной продукции, изделий ремесленного производства, предметов роскоши ввиду узости собственной хозяйственной базы также являлась важным фактором приобретения или укрепления власти лиц, контролировавших внешнюю торговлю и перераспределение товаров.

В-пятых, основой высоких социальных позиций в обществе и отношений власти являлась война, которая у кочевников была главным способом получения прибавочного продукта. В предклассовых и раннеклассовых обществах, образно говоря, война была своеобразной формой естественного отбора наиболее сильных и централизованных коллективов и незаурядных личностей, укреплявших свое положение в статус в ходе удачных войн и завоеваний. В то же время трофеи военных походов реже поступали в общий котел редистрибуции, чем то, что, например, производилось на общинных полях. Бóльшая и лучшая часть добычи оставалась в руках военного предводителя и его ближайшего окружения (дружины), что способствовало укреплению не только их престижа, но и материального положения. Наконец, войны ослабляли и разрушали традиционные клановые и племенные связи и способствовали установлению отношений иного типа, в которых объединяющим принципом было не знатное происхождение, а верность вождю. В результате военный предводитель с помощью преданной ему дружины мог соперничать за влияние с традиционной организационно-редистрибутивной знатью и жречеством и в конечном счете узурпировать власть. При этом вокруг него складывалась новая служилая знать, становившаяся опорой в борьбе со старой, традиционной аристократией.

Соотношение и значимость выделенных каналов институционализации власти были различны в конкретных обществах, взаимодействие факторов могло меняться на различных этапах истории. Тем не менее выявляются наиболее общие эмпирические закономерности.

Первый из перечисленных выше вариантов, как правило, не был в кочевых обществах главным по той причине, что вплоть до периода упадка номадизма в новое и новейшее время основную часть населения кочевнических социальных организмов составляли экономически самостоятельные скотоводы.

Второй канал играл бóльшую роль. Однако круг организационных задач и сфера перераспределения кочевых вождей были невелики в сравнении с управленческо-редистрибутивными функциями администрации оседло-земледельческих вождеств и ранних государств. Можно согласиться, что «в условиях частной собственности на скот централизованная организация труда не предопределяет сколько-нибудь существенной (по сравнению с древнеземледельческими обществами) производственной специализации отдельных групп, чей продукт мог бы перераспределяться по каналам редистрибуции. Каждое кочевое производ-

ственное объединение (хозяйственная ячейка) достаточно самостоятельно»²⁷. Вследствие этого можно полагать, что данный канал социальных отношений у кочевников вряд ли мог самостоятельно привести к установлению стабильных форм власти.

Ввиду ограниченной роли кочевых правителей во внутриэкономической деятельности посредничество вождей или специальных жрецов между обществом и богами в приобретении покровительства или удачи также не могло иметь стабильный характер и чаще выступало как сопутствующий фактор власти. Неудачливого вождя в случае природных катаклизмов, приведших к бедствию или гибели скота, могли заменить, как это практиковалось, в частности, у киданей²⁸, а то и просто убить. Однако этот канал власти, как важное средство идеологического освящения идеи общественного единства, получал дополнительные основания в процессе создания кочевых империй. И хотя факты свидетельствуют, что сакральный аспект власти занимал важное место только у кочевников Восточной и Северо-Восточной Африки²⁹, есть немало сведений, что проповедники и религиозные реформаторы, причем даже происходившие из земледельческих обществ, могли стать кочевыми лидерами³⁰.

Безусловно, монополизация внешней торговли способствовала накоплению богатств и тем самым усилению власти. По мнению Ю. В. Павленко, именно внешняя торговля вместе с эксплуатацией земледельческих обществ являлись решающим условием становления раннеклассовых отношений в кочевой среде³¹. Известны случаи, когда именно этот фактор позволял правителям кочевнических социальных организмов выйти победителем в борьбе с аристократией за власть³². И тем не менее, думается, нет оснований рассматривать внешнюю торговлю в числе ведущих каналов усиления власти в кочевых обществах.

Функционирование трансконтинентальных торговых маршрутов было полностью детерминировано политическими факторами — стабильностью ситуации в степи³³. А раз так, то уже должна была существовать сильная власть, стабилизирующая обстановку. Вместе с тем прямая торговля кочевников с земледельцами сталкивалась со многими проблемами. Оседлые общества имели более комплексную экономику и в принципе могли и предпочитали обходиться без торговли с номадами. Сами кочевники, в случаях когда не уступали в военной силе оседлым соседям (что опять-таки свидетельствует о существовании мощной власти), предпочитали получать нужную им продукцию посредством внешней экспансии. И именно война, связанные с ней механизмы и процессы являлись главным каналом, определявшим особенности отношений власти в кочевых обществах.

Л. Е. Куббель указывал, что военный путь институционализации власти в предклассовых и раннеклассовых обществах был, по-видимому, преобладающим³⁴. Однако в кочевых обществах он отличался некоторым своеобразием. Главная особенность

состояла в том, что для номадов, как правило, не была характерна во многом универсальная дифференциация аристократии по функциональному признаку на организационно-управленческую, жреческую и военную³⁵. В кочевых обществах традиционный вождь чаще являлся и военным лидером, во всяком случае, эта его функция выступала наиболее отчетливо. (Примеров обратного порядка немного, хотя исключения все же есть, например, некоторая часть бедуинов Аравии³⁶.) В связи с этим борьба за влияние и власть у номадов проходила не столько между военными предводителями и традиционной племенной аристократией, сколько между вождями, являвшимися как военными, так и гражданскими лидерами.

Важным инструментом организации власти в такой ситуации выступала дружина. Она комплектовалась у кочевых народов, так же как и у земледельческих, преимущественно вне традиционных клановых и общинных связей. Ее состав был достаточно пестрым, о чем свидетельствуют письменные и этнографические источники³⁷. Воинская слава, преданность предводителю способствовали приобретению статуса и продвижению в иерархии. Показательна в этом плане судьба многих нукеров Чингиз-хана, достигших впоследствии высших постов в администрации империи. Сам Чингиз говорит: «Кто был Сорхан-Шира? Крепостной холоп, арат у тайчиутского Тодеге. А кем были Бадай с Кишликом? Цереновскими конюхами. Ныне же вы мои приближенные. Благоденствуйте же в дарханстве вашем»³⁸.

Главная цель осуществления отношений власти правителя кочевой империи — снятие внутреннего напряжения и активная адаптация системы к внешнему миру — наглядно проявляется в смысле эпитафии, выбитой на стеле тюркского хана Могиляня: «Если ты, тюркский народ, не отделишься от своего кагана, от своих бегов, от своей родины... ты сам будешь жить счастливо, будешь находиться в своих домах, будешь жить беспечно»³⁹. Другой памятник (стела Кюль-тегина) свидетельствует: «Я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел [без дела] днем... Я поднял (т. е. призвал к жизни) готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ»⁴⁰.

Нечто подобное говорит в отношении своих родичей и воинов Чингиз-хан: «Мои старания и намерения... таковы: усладить их уста сладостью сахара [своего] благоволия и украсить их с головы до ног тканями золотыми одеждами, посадить их на идущих покойным ходом меринов, напоить их чистой и вкусной водой, пожаловать для их скота хорошие травяные пастбища»⁴¹.

Однако для реализации этих целей требовались лояльность населения и активное участие в мероприятиях правителя. «Простой народ, будь усерден (трудолюбив)! Не нарушай установленный эля!»⁴² — обращается к рядовым кочевникам один из кыргызских бегов. Не менее показательны слова нукеров, обращен-

ные к Чингиз-хану. Их цель — «на врагов передовым отрядом мчаться, для тебя всегда стараться, жен и дев прекрасных добывать, юрт, вещей, вельмож высоких, дев и жен прекраснотщехих, меринов, статями знаменитых, брать и тебе их тотчас доставлять»⁴³.

Добыча правителя и его ближайшего окружения была велика: искусные изделия из благородных металлов и драгоценности, дорогие ткани и ценные меха, редкие вина и изысканные кушанья, лучшее оружие, диковинные вещи, красивые рабыни, бесчисленное количество скота. Большую часть добычи получала кочевая аристократия, а простые номады довольствовались минимумом. Вероятно, на основе данного обстоятельства в отечественной литературе среди сторонников существования у кочевников феодализма получила распространение точка зрения, что отношения между простыми номадами и кочевой верхушкой в процессе военных походов и завоеваний земледельческих территорий носили антагонистический, эксплуататорский характер⁴⁴.

Уже неоднократно указывалось, что вооруженный и хорошо обученный кочевник-воин не самый удачный объект для эксплуатации. Но и эксплуатация — это ведь не только безвозмездное присвоение всего или части прибавочного продукта собственниками средств производства и субъектами властных отношений. Узость такого одностороннего понимания сущности эксплуататорских отношений была убедительно показана еще в прошлом веке, в частности Г. Нибуром⁴⁵, однако в нашей науке более гибкие подходы только сейчас начинают получать распространение. И если отношения между субъектами и объектами власти в кочевых обществах этого типа нельзя назвать добровольным сотрудничеством, хотя бы из-за неэквивалентного перераспределения изъятой продукции, то об эксплуатации во многих случаях следует говорить только как о «взаимной».

Простые кочевники получали в целом немалую долю добычи (в войске Бату-хана, например, 40% от всех доходов⁴⁶). Разумеется, все награбленное увезти с собой было нельзя. Источники, в частности, свидетельствуют, что у воинов Тимура, «которые с трудом находили необходимое пропитание», после походов в половецкую степь «скопилось столько лошадей и баранов, что во время возвращения, идя назад, они не были в силах гнать их, а поэтому некоторых погнали, а некоторых оставляли»⁴⁷. Часто пленники и рабы гибли от тяжелых условий перехода, повозки с награбленным имуществом приходилось бросать, спасаясь от погони. Однако нет оснований сомневаться, что в случае успешных походов результаты намного превосходили предполагаемые ожидания. «[Обилие добычи и скота] доходило до того, что пещие нукеры возвращались обратно с 10 и 20 головами лошадей, а одноконные — со 100 лошадьми и больше»⁴⁸.

Для простых кочевников война была важным, а нередко и

единственным способом поддерживать экономически независимое и достойное свободное скотовода существование, а для обедневших — достичь его. И именно рядовые номады, как, например, в приводимом С. В. Киселевым примере с кыргызами⁴⁹, часто являлись зачинателями войн и грабительских набегов, оказывая при этом давление на своих вождей и ханов. Напротив, обеспеченные скотовладельцы, как свидетельствуют факты нового времени (впрочем, насколько указанная тенденция характерна для древности и средневековья — это еще вопрос), далеко не всегда предпочитали принимать участие в набегах и грабежах. Своего имущества у них хватало для безбедного существования, средства для вступления в брак своим сыновьям они могли предоставить и без военной добычи, а участие в походах и сражениях связано с известной долей риска⁵⁰.

В большинстве кочевых структур правитель был вынужден балансировать между аристократией и простыми кочевниками, и было бы ошибочным рассматривать его как самодержца⁵¹, единолично принимавшего все ответственные решения. Власть лидера держится до тех пор, пока различные внутренние партии и большие социальные группы видят в ней для себя выгоду. В. В. Радлов писал о кочевом хане, что «чем больше выгод доставляет он своим подданным, тем самостоятельнее становится и его власть и тем значительнее собирается вокруг него государство»⁵². Стоило перегнуть палку, как срабатывали механизмы обратной связи. «Покорность в степи, — заметил в этой связи Л. Н. Гумилев, — понятие взаимообязывающее. Иметь в подданстве 50 тыс. кибиток можно лишь тогда, когда делаешь то, что хотят их обитатели; в противном случае лишишься и подданных и головы»⁵³.

Наиболее радикальными из механизмов обратной связи между субъектами и объектами в кочевых обществах (в сталинской вульгарно-социологической номадологии ее назвали «классовой борьбой») являлись откочевка и свержение неугодного правителя. История Великой степи демонстрирует множество примеров применения того и другого средства⁵⁴, однако ограничимся лишь несколькими наиболее характерными примерами.

Пришедший к власти в 60 г. до н. э. сюннуский шаньюй Уянь-цзюйди «вел себя жестоко и зло, творил насилия и убийства», чем восстановил в конечном счете против себя всех своих подданных. Испугавшись справедливого возмездия, он обратился за помощью к своему младшему брату, но тот заявил ему: «Ты не любил людей, убивал братьев и знатных, так умри [теперь] сам [там], где находишься, а меня не впутывай в грязное дело». Шаньюй покончил жизнь самоубийством⁵⁵.

В 641 г. восточнотюркский Дулу-хан, разбив Кангюй, «всех пленных взял себе, а не уделил подчиненным. Полководец его Нишу-Чжо рассердился и отнял свою часть. Дулу всенародно отрубил ему голову и выставил напоказ. Нишу-Чжоев полководец Хулуву вооруженною рукою напал на Дулу-хана.

Много убито людей с обеих сторон, и государство пошло в великое смятение»⁵⁶. Конфронтация между ханом и подданными дошла до такой степени, что даже через несколько лет, когда Дулу-хан разбил войска одного из полководцев западнотюркского хана и усилил свое положение, многие кочевья не пошли за ним. «Дулу после сей победы приглашал к себе прежние поколения. Пусть убиты на войне, сказали ему все, тысячу человек, а останется один, но и тогда не пойдем к нему»⁵⁷.

Тюркешский хан Сулу в начале своего правления (начало VIII в.) «хорошо управлял людьми; был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным: почему роды были довольны и служили ему всеми силами... В поздние годы он почувствовал скудность; посему награбленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отделяться от него»⁵⁸. После того как он заболел и у него парализовало руку, ханы-заговорщики «неожиданно в ночи напали на Сулу и убили его»⁵⁹.

В более позднее время, в XV в., в Дешт-и-Кыпчаке сложилась похожая ситуация. Так как казахский хан Тахир «имел крайне грубый характер, большинство эмиров и воинов стали обижены на него и разошлись. Во время [начала] правления ему помогали около 40 000 чел., в это время с ним осталось не более тысячи человек»⁶⁰.

Даже в кочевых империях, которые эксплуатировали на основе даннических отношений земледельческо-городские цивилизации и в которых власть правителя приобретала подчас неограниченный характер⁶¹, известны случаи неповиновения и откочевков. Несмотря на суровые законы, типа указа Есур-Тэмура: «Если арат уходит скитаться по своей воле, предавайте его смертной казни»⁶², источники неоднократно свидетельствуют об уклонении от участия в военных походах, откочевках. По их данным, только война между Хайду и Хубилаем заставила 700 тыс. семей перекочевать из Внешней Монголии на юг⁶³. И хотя это число, по всей видимости, сильно завышено, оно показывает, что подобные процессы носили подчас массовый характер.

В результате стечения благоприятных факторов, особенно в случае успешной военной экспансии, складывались условия для установления автократии правителя экзополитарной кочевнической структуры. Г. Е. Марков обратил внимание на то, что «вожди как военные предводители приобретали значительную власть над соплеменниками и в кочевых империях, и вообще в военно-кочевых условиях»⁶⁴.

Интересы степняков были обращены главным образом на своих оседлых соседей, от которых они получали земледельческую и ремесленную продукцию. Правитель обеспечивал реализацию этих интересов посредством интеграции номадов, создания централизованного экзополитарного механизма и организации экспансии. При этом важным фактором являлось установле-

шне дисциплины и порядка. У жужаней «тому, кто первым врывался в ряды противника, жаловались пленные и захваченная добыча, а того, кто из-за трусости отступал, убивали, бросая в голову камни, или же, когда представлялась возможность, били батогами»⁶⁵. «Голову с плеч долой тому, кто не вернется в строй и не займет своего первоначального места»⁶⁶, — заявил Чингиз-хан накануне решающего сражения с татарами.

Рыхлый, аморфный социум должен был превратиться в строгую военно-иерархическую структуру, основой которой была широко распространенная у кочевников евразийских степей «десятичная система»⁶⁷. Как сказано, в частности, о Монгольской империи, «каждый из эмиров тумана, тысячи и сотни должен содержать в полном порядке и держать наготове свое войско с тем, чтобы выступить в поход в любое время»⁶⁸.

Следствием военизации кочевых обществ, удачных военных походов и завоеваний было усиление личной власти правителя. Складывались реальные предпосылки для подчинения всей структуры его воле, монополизации им функций принятия решений, бесконтрольной реализации этих функций независимо от кочевой аристократии, дружины, иногда всего социального организма.

Однако система отношений власти имеет две стороны: одни обладают властью во многом только в силу того, что другие им подчиняются. В данном случае оборотной стороной становится то, что отношения между правителем и объектами власти начинают принимать сакральный характер. Г. Е. Грумм-Гржимайло выделил эту сторону на примере возвышения личности Чингиз-хана: «Удача всех его походов и несметные богатства, доставшиеся на долю его войск, т. е. того же народа, создали всем его требованиям значение божеских повелений и принимались не только безропотно, но и благоговейно к неуклонному исполнению»⁶⁹.

В обществе возникает особый социально-психологический климат, который определяет тотальная взаимозависимость всех его членов. Народ, превращенный в войско, не свободен теперь в выборе решений. Ценой собственной свободы он приобретает богатства соседних народов. Но, чтобы их получать, необходима централизация и жесткая военная дисциплина. Во главе империи должен стоять диктатор. «Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми... — характеризует монгольского великого хана Плано Карпини. — Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются ему без всякого противоречия»⁷⁰. Всех, кто не разделяет общие настроения, — ждет суровое наказание.

Важное место в реализации имперического механизма играет единоначалие и десятичная система. «Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же

указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам»⁷¹.

Важную роль в усилении единоличной власти играла «харизма» — по М. Веберу, сверхъестественная способность, позволявшая лидеру достигать недостижимых в рамках традиционной для структуры деятельности результатов⁷². У номадов это, как правило, объединение кочевников в империи, которые создавались для осуществления экспансии и в ходе экспансии. Причем большинство создателей кочевых империй или правителей, при которых созданные до них степные державы расцветали, видимо, были наделены харизмой. Модэ, Таньшихуай, Аттила, Абаоцзи, Чингиз-хан, Тамерлан и другие были харизматиками.

Однако в силу того, что харизматики наделены необыкновенными личными качествами, вряд ли передаваемыми по наследству, они с трудом могут быть заменены. В то же время созданный империльный механизм степных держав требовал постоянных войн и завоеваний: армия должна воевать и получать свою долю добычи, иначе появляются недовольные и военно-политический механизм начинает разлагаться. Но каждый новый правитель совсем не всегда наследовал качества своего предшественника⁷³. Наглядной иллюстрацией этого служит пример с державой Таньшихуая, занимавшей территорию от Средней Азии до маньчжурской тайги. После смерти Таньшихуая его сын Хэлянь «отличался алчностью и беспутством, выносил несправедливые решения [по возникающим тяжбам], поэтому половина народа восстала против него»⁷⁴ и вскоре сянбийцы быстро растеряли все приобретения. В начале III в. при Кэбинэне они ненадолго восстановили свои позиции в Центральной Азии, однако после гибели правителя от китайского шпиона сянбийцы вновь распались на отдельные кочевья.

И если в истории оседло-земледельческого государства узурпатором должен был быть основатель династии, а его наследники вполне могли и не быть автократами, опираясь на бюрократию и государство, то в кочевой империи, какой бы властью ни обладал правитель, его наследник, даже если получал престол в силу законных притязаний, чаще всего был вынужден все начинать сначала. Стоило только Есугэю умереть, отведав татарского яду, как сподвижники хана покинули его вдову с малолетними детьми. «Глубокое озеро уже пересохло; крепкие камни уже раздробились; для чего же ты еще удерживаешь меня?»⁷⁵ — ответил один из них малолетнему Темучжину на просьбу не откочевывать от них.

В этом смысле каждый новый правитель кочевой империи больше походил на узурпатора или нового основателя державы, нежели на законного наследника престола. Не случайно такие основатели крупнейших держав кочевников, как Атей, Модэ и Темучжин, по существу были узурпаторами и автократами⁷⁶. И не поэтому ли Монгольская империя XIII в. достигла такого расцвета (конечно, вкупе с другими факторами), что Чингиз

и его наиболее талантливые преемники Угэдэй и Мункэ были самыми полными автократами в истории степи?⁷⁷

Однако автократия была пиком, и такой характер отношений власти не мог сохраняться длительное время.

С одной стороны, улусный принцип наследования не способствовал концентрации власти, а вел к ее энтропии. Так, империя Чингиз-хана была разделена между царевичами-чингизидами сразу после его смерти, но новые образования впоследствии также были поделены. С другой стороны, каждая степная империя в конечном счете сталкивалась со многими препятствиями в конечном счете сталкивалась со многими препятствиями на пути экспансии и завоеваний. Людские ресурсы и хозяйственный базис кочевой метрополии не могли конкурировать с комплексной экономикой земледельческо-городских обществ, а политическая ситуация во взаимоотношениях степи и оседлого мира не была стабильной и легко могла измениться не в пользу номадов.

Наконец, наследник автократа должен был силой подтвердить свое право на диктаторский стиль правления.

Следовательно, общество если и сохраняло прежнюю военно-иерархическую структуру управления, то его правитель уже не имел таких неограниченных полномочий, как его предшественник. Он был вынужден балансировать между навязываемыми ему интересами различных социальных групп и сословий, а его власть основывалась на военном канале институционализации властных отношений. И в этом не было никакой принципиальной разницы между экзополитарными кочевническими образованиями — от племенных конфедераций и вожеств до империяльных структур, которые возникали в доиндустриальную эпоху в аридной зоне Евразийского континента.

¹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1, с. 462—464.

² Подробнее см.: Крадин Н. Н. Этапы дискуссии о собственности у кочевников.— Археологические и исторические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1989 (репринт).

³ Васильев Л. С. Феномен власти-собственности.— Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

⁴ См., например: Одум Ю. Экология. Т. 2. М., 1986, с. 53; Плюснин Ю. М. Проблема биосоциальной эволюции. Новосибирск, 1990, с. 157—165.

⁵ Плюснин Ю. М. Проблема биосоциальной эволюции, с. 160.

⁶ Там же, с. 149—216.

⁷ Катунин В. А. О методологических принципах исследования собственности в марксистской политической экономии. Автореф. канд. дис. Ростов-на-Дону, 1980, с. 15, 19—20; ср.: Нуреев Р. М. Принципы изучения основного производственного отношения в докапиталистических формациях (в связи с дискуссией об «азнатском способе производства»). Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 6.

⁸ Культура древнего Рима. Т. 1. М., 1985, с. 231; Раннефеодалные государства на Балканах. М., 1985, с. 27; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. М., 1986, с. 550.

⁹ Здесь опускаются альтернативные теории альтруизма и взаимопомощи

у животных и людей (см., например: *Эспинас А.* Социальная жизнь животных: Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии. СПб., 1882, с. 137; *Кропоткин П.* Взаимная помощь, как фактор эволюции. СПб., 1907; *Mauss M.* The Gift Formes and Functions of Exchange in Archaic Societies. L., 1970), однако «этологи, традиционно уделявшие много внимания изучению агрессивного поведения, поскольку оно наряду с половым наиболее выразительно, наблюдая животных в сообществе, были поражены почти полным отсутствием открытой агрессивности» (*Плюснин Ю. М.* Проблема биосоциальной эволюции, с. 159).

¹⁰ *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988, с. 29, 30.

¹¹ *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1922, с. 28.

¹² *Кейзеров Н. М.* Власть и авторитет: критика буржуазных теорий. М., 1973, с. 16, 105—106; История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979, с. 258—262, 282—284; *Куббель Л. Е.* Власть.— Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1. М., 1986, с. 31—32; *он же.* Очерки потестарно-политической этнографии, с. 29 и др.

¹³ *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft, с. 124—126; *он же.* Die drei Reinen Typen der Legitimen Herrschaft.— *Weber M.* Sociologie. Weltgeschichtliche Analysen. Politik. Stuttgart, 1956, с. 151—156.

¹⁴ *Khazanov A. M.* Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984, с. 167.

¹⁵ *Vacon E.* Obok. A Study of Social Structure in Eurasia. N. Y., 1958; *Krader L.* Social Organization of the Mongol Turkic Pastoral Nomads. The Hague, 1963; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975, с. 127 и сл.; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976; *Khazanov A. M.* Nomads and the Outside World; *Масанов Н. Э.* Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии.— Этнические культуры Сибири: проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986.

¹⁶ *Khazanov A. M.* Nomads and the Outside World, с. 164—169.

¹⁷ *Нибур Г.* Рабство как система хозяйства. М., 1907, с. 237—265; *Ковалевский М.* Происхождение рабства.— Итоги науки в теории и практике. Т. 10. М., 1914, с. 83—84; *Семенов Г. И.* К проблеме рабства у кочевых народов.— Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 1, 1958; *Хазанов А. М.* Роль рабства в процессах классовобразования у кочевников евразийских степей.— Становление классов и государства. М., 1976.

¹⁸ *Нибур Г.* Рабство как система хозяйства, с. 243—247; *Перицц А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 69). М., 1961, с. 124—126; *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974, с. 268—270; *Кобищанов Ю. М.* Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития.— Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974, с. 226—231; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии, с. 152, 154, 199, 200, 230, 231, 267 и др.

¹⁹ *Крадин Н. Н.* О критериях периодизации истории кочевников евразийских степей.— Проблемы археологии степной Евразии. Тезисы докладов. Кемерово, 1987, ч. 1, с. 47—48; *он же.* Концепция кочевого феодализма и современное состояние проблемы.— Владимирцовские чтения. II Всесоюзная конференция монголоведов. Тезисы докладов. М., 1989, с. 34; *он же.* Социально-экономические отношения у кочевников. Автореф. канд. дис. Владивосток, 1990, с. 17.

²⁰ *Кунов Г.* Всеобщая история хозяйства. Ч. 1. М., 1929, с. 439; *Кушнер П.* Горная Киргизия (социологическая разведка). М., 1929, с. 84; *Эванс-Причард Э.* Нуэры. М., 1985, с. 79 и др.

²¹ *Марков Г. Е.* Кочевники Азии, с. 302.

²² *Khazanov A. M.* Nomads and the Outside World, с. 300, 301; *Крадин Н. Н.* Социально-экономические отношения у кочевников, с. 12.

²³ *Крадин Н. Н.* Социально-экономические отношения у кочевников, с. 13; *он же.* Экзополитарный способ эксплуатации в обществах кочевников.— Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Тезисы докладов. Томск, 1990.

²⁴ Внешнеэксплуататорская деятельность настолько широко распростра-

нена у кочевников, что факт завоевания номадами или скотоводами земледельцев с последующим образованием государства является излюбленным примером у сторонников завоевательной теории возникновения государственности.

²⁵ Крадин Н. Н. Экзополитарный способ эксплуатации...; *он же*. Социально-экономические отношения у кочевников, с. 13, 17.

²⁶ Крадин Н. Н. Концепция кочевого феодализма, с. 33—34; *он же*. Характерные черты кочевых империй Евразии.— Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы докладов. М., 1989, ч. 3.

²⁷ Павленко Ю. В. Раннеклассовые общества. Киев, 1989, с. 87.

²⁸ Е. Лунли. История государства киданей. М., 1979, с. 311.

²⁹ Khazanov A. M. Nomads and the Outside World, с. 168.

³⁰ Там же, с. 167.

³¹ Павленко Ю. В. Раннеклассовые общества, с. 89—90; Мурзин В. Ю., Павленко Ю. В. Формирование раннеклассового общества на территории Украины. Киев, 1989, с. 19—20 (репринт).

³² Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 152—153.

³³ Khazanov A. M. The Early State Among the Eurasian Nomads.— The Study of the State. The Hague, 1981, с. 157.

³⁴ Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии, с. 134—135; История первобытного общества. Т. 3. Эпоха классообразования. М., 1988, с. 230 и сл.

³⁵ Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы.— Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 163—166.

³⁶ Khazanov A. M. Nomads and the Outside World, с. 166—167.

³⁷ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов, с. 87—96; Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. А.-А., 1959, с. 243; Ахмедов Б. Я. Государство кочевых узбеков. М., 1965, с. 103—104.

³⁸ Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.—Л., 1941, § 219, с. 167.

³⁹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1956, с. 24.

⁴⁰ Там же, с. 40.

⁴¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.—Л., 1952, с. 263.

⁴² Цит. по: Кляшторный С. Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н. э.—I тысячелетие н. э.).— Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986, с. 322.

⁴³ Козин С. А. Сокровенное сказание, § 123, с. 108.

⁴⁴ Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок. Л., 1946, с. 128; Мункуев Н. Ц. Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII—XIV вв.— Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М., 1977, с. 409; Кшибеков Д. Кочевое общество: генезис, расцвет, упадок. А.-А., 1984, с. 82 и др.

⁴⁵ Нибур Г. Рабство как система хозяйства, с. 386—387.

⁴⁶ Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884, с. 188.

⁴⁷ Там же, с. 172.

⁴⁸ То же. Т. 2. М.—Л., 1941, с. 118.

⁴⁹ Киселев С. В. Древняя история Сибири. М., 1951, с. 598.

⁵⁰ Калиновская К. П., Марков Г. Е. Общественное разделение труда у скотоводческих народов Азии и Африки.— Вестник Московского университета. Сер. История, 1987, № 6, с. 62.

⁵¹ Для большинства вождей и предводителей кочевнических экзополитарных образований подходит характеристика монгольских ханов XI—XII вв., данная Б. Я. Владимирцовым: «Нельзя тогдашних монгольских хаанов считать государями, царями, ханами и т. д. Это были эфемерные вожди неопределенных групп с неопределенной, всегда оспариваемой, властью. Власть древнемонгольского хаана была властью захватнической... „власть“ и „права“ древне-монгольского хаана до известной степени напоминают то, что

обычно является прерогативой атамана разбойничьей шайки» (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов, с. 80).

³² Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, с. 65; *он же*. Из Сибири. М., 1889, с. 340.

³³ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 27—28.

³⁴ Тизенгаузен В. Сборник материалов. Т. 1, с. 110, 113, 116, 156, 158, 159, 383, 465; Покотилов Д. История Восточной Монголии в период династии Мин (1368—1634). СПб., 1893, с. 53; Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов, с. 173; Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.—Л., 1950, с. 209, 284; Казахско-русские отношения в XV—XVIII вв. А.-А., 1961, с. 53, 54, 59; Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX века. Политико-экономический анализ. А.-А., 1971, с. 19, 368, 389; Материалы по истории сюнну. Вып. 2. М., 1973, с. 82; Е. Лунли. История государства киданей, с. 102—103; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984, с. 80 и др.

³⁵ Материалы по истории сюнну. Вып. 2, с. 32.

³⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений. Т. 1, с. 287, 288.

³⁷ Там же, с. 288.

³⁸ Там же, с. 298—299.

³⁹ Там же, с. 299.

⁴⁰ Тизенгаузен В. Сборник материалов. Т. 2, с. 215.

⁴¹ Крадин Н. Н. Характерные черты...; *он же*. Социально-экономические отношения у кочевников, с. 14.

⁴² Далай Ч. Монголия в XIII—XIV веках. М., 1983, с. 119.

⁴³ Там же, с. 117.

⁴⁴ Марков Г. Е. Кочевники Азии, с. 303—304.

⁴⁵ Материалы по истории... дунху, с. 269.

⁴⁶ Козин С. А. Сокровенное сказание, § 153, с. 123.

⁴⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений. Т. 1, с. 232, 235, 236; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1, с. 93; кн. 2, с. 266, 267; Материалы по истории сюнну. Вып. 1. М., 1968, с. 40; Материалы по истории... дунху, с. 269; Худяков Ю. В. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980; *он же*. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986 и др.

⁴⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2, с. 264.

⁴⁹ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926, с. 437.

⁵⁰ Путешествие Плано Карпини и Рубрука в восточные страны. М., 1957, с. 45.

⁵¹ Там же.

⁵² Weber M. Die drei Reinen Turen...

⁵³ И не поэтому ли у кочевников евразийских степей принцип наследования верховной власти от отца к сыну часто сосуществовал, а то и перекрывался иными принципами наследования — от брата к брату или от дяди к племяннику (так называемая удельно-лестничная система)? (см.: Гумилев Л. Н. Удельно-лестничная система у тюрков в VI—VIII веках.— Советская этнография. 1959, № 3).

⁵⁴ Материалы по истории... дунху, с. 80

⁵⁵ Бичурин Н. Я. История первых четырех ханов Дома Чингисова. СПб., 1829, с. 9.

⁵⁶ Хазанов А. М. Ф. Энгельс и некоторые проблемы классообразования.— Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972, с. 152, примеч. 43.

⁵⁷ Fletcher J. The Mongols: Ecological. Social Perspective.— Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 46, 1986, № 1, с. 24.

П. Б. Голден

**ГОСУДАРСТВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ У ХАЗАР:
ВЛАСТЬ ХАЗАРСКИХ КАГАНОВ**

Вопрос о природе власти в хазарском каганате неразрывно связан с темой государственных образований у кочевых народов, и в первую очередь с проблемой государственности у степных народов Западной Евразии. Проблема государственности, ее сущности и возможность применять этот термин к политическим образованиям у кочевых народов давно вызывали интерес антропологов и историков. В каких исторических, экономических и социальных контекстах возникают эти государства? Какую роль в этом процессе играют соседние оседлые общества? Ясно, что, прежде чем говорить о специфике хазарского политического устройства, следует рассмотреть хотя бы некоторые общие проблемы политогенеза у кочевых народов.

*Проблемы политогенеза, государственности
и государственных образований
у кочевых народов Западной Евразии*

При изучении политической истории причерноморско-прикаспийских степей выявляется парадокс: одной из выдающихся черт истории кочевников Западной и Средней Евразии, игравших важную роль в возникновении государств в оседлом мире, является отсутствие государственности в степи. В современной советской социологической и этнографической науке под словом «государство» принято подразумевать такую форму политической организации, признаками которой являются «существование отдельной от народа публичной власти, располагающей специализированными средствами принуждения и подавления; система постоянного и фиксированного по размерам налогообложения; деление населения по территориальному, а не по родственному принципу»¹. К тем же или им подобным выводам, хотя часто с иных точек зрения, пришли западные исследователи. В американской и западноевропейской литературе высказывается мысль о том, что достигшими уровня «государственности» можно считать лишь те политические образования, которые обладают централизованной политической властью, моно-

полей на средства принуждения и на применение насилия и располагающие военными средствами, достаточными для защиты от врагов, как внешних, так и внутренних.

Такое политическое образование в состоянии осуществлять власть на своей территории, навязывая подданным решения и систематически взимая с них налоги. В его компетенцию входит и ряд других более или менее ясно очерченных правительственных функций. Это общество опирается на экономическую базу, в которой уже появились избыточный и прибавочный продукты, сделавшие возможным, в свою очередь, общественную стратификацию, дифференциацию и обеспечивающие дальнейшее существование самого государства. Социальная сплоченность, ранее основывавшаяся на кровнородственных связях, племенных обычаях и традициях, теперь обеспечивается государственной идеологией, нередко опирающейся на организованное жречество. Внедряется и концепция «гражданства»².

Теоретически правители досовременных обществ были абсолютными. Фактически, не имея необходимых средств принуждения, они таковыми не являлись. Их власть ограничивалась обычаями и традициями возглавляемых ими народов, а также бесчисленными трудностями коммуникаций. Порою они чинили произвол, но отнюдь не всегда были в состоянии добиться всеобщего повиновения³.

Кочевые правители, стараясь соответствовать вышеизложенным критериям государственности, из-за самой природы степного общества сталкивались с большими препятствиями. Подвижность, являющаяся главным военным преимуществом кочевников, оказывалась для правителя источником и его политической слабости. Ведь трудно же управлять населением, недовольным любыми попытками правителя взимать с него налоги и способным в любое время откочевать. Своего рода компенсацией этих факторов и непостоянства территориальных связей в значительной мере служило родство, в случае необходимости и вымышленное, нередко подвергавшееся воздействию политических манипуляций, но продолжавшее играть известную роль в кочевых политических образованиях, в том числе и достигших уровня развитого государства или по крайней мере раннего государства⁴.

В основном степное общество покоится на сложном сплетении семейных, родовых и племенных связей с экономическими требованиями скотоводческого хозяйства, обуславливающими до известной степени взаимопомощь. При таких обстоятельствах будущему завоевателю — основателю государства, желавшему вывести свой народ за рамки этих основных форм социополитической организации, приходилось в первую очередь покорять своих соплеменников. Для этого одного подавления было мало. Нужна была идеология, освящавшая ниспосланную свыше власть, оправдывавшая насилие и узаконивавшая захватившую власть династию.

Тюркские кочевые племена Евразии колебались между стадиями «первобытного» безгосударственного общества и «развитого сложного» общества. Первому едва ли было под силу самоуправление. Второе же стояло на пороге одного из вариантов раннего государства. В степях Западной Евразии безгосударственность являлась нормой. Здесь уместно говорить не о возникновении государства, а лишь о привнесении государственности извне завоевавшими эту территорию кочевниками или же о завоевании кочевниками уже существовавшего государства, чаще всего располагавшегося вне пределов степей. В последнем случае массы кочевников, покинув степь, вторгались в области оседлых народов. Оказавшиеся под их властью государства нельзя считать кочевыми образованиями.

В Центральной Азии, однако, обстоятельства были иными. Там кочевники, стоявшие лицом к лицу перед богатой и могущественной Китайской империей, вынуждены были создавать свои государства либо в интересах самообороны, либо для того, чтобы эксплуатировать китайскую торговлю и вымогать дань. В сущности, создавшиеся на периферии Китая полуварварские княжества не представляли собой кочевые государства. Это были части китайских пограничных земель, которые варвары отторгали, осваивали и вместе с ними воспринимали «по наследству» элементы местного государственного аппарата.

В Западной Евразии этого не происходит. «Великие державы» — Византийская империя и Аббасидский халифат — либо были не в состоянии непрерывно демонстрировать в бескрайних степях военную мощь, либо просто не желали рисковать войсками. Небольшие державы (Грузия, Венгрия), имевшие интересы в степных делах, находились в ситуации, мало отличающейся от той, перед которой стояли их «имперские» соседи.

Для оседлых государств походы в глубь степи всегда были чреваты всевозможными неожиданными опасностями. Кочевник в степи был неуловим и избегал военных столкновений, за исключением тех, в которых успех был ему обеспечен. Степь была бескрайней, опасность благодаря ее обитателям была велика, а наживы мало. Перед фронтовыми государствами (Русь, Хорезм) стояли те же проблемы с той лишь разницей, что они сами подвергались угрозе набегов.

Взаимоотношения кочевых политий с окружающими их оседлыми государствами и народами, являющиеся решающим элементом в их политогенезе и тесно переплетенном с ним процессе этногенеза, были противоречивыми, то принимая мирный, даже симбиозный характер, то отличаясь свирепостью и ожесточенностью. С одной стороны, кочевое скотоводство способствует созданию больших богатств. С другой стороны, эта система производства, будучи ограниченной наличием пастбищ, оказывается менее способной, чем земледелие, в производстве продуктов питания (не говоря уже о продуктах городских ремесел, металлургии и др.). Ограниченность возможностей ско-

товодческого хозяйства заставляла кочевые общества взаимодействовать с оседлым миром. Следовательно, кочевники искали доступ к продуктам оседлого земледелия и городского ремесла либо мирно торгуя, либо совершая грабительские набеги⁵.

Торговля и набеги являлись взаимно дополняющими стратегиями для достижения одной цели: добыть необходимые или желаемые товары. Применение той или иной стратегии зависело от равновесия сил в данный момент. Могущественные оседлые государства не только склоняли кочевников предпочитать торговлю военным столкновениям, но нередко даже принуждали степняков принять предложенные им условия обмена. В значительной мере оседлые государства, проводя тонкую политику угрозы ограничений или идя на уступки в отношении товарообмена, могли регулировать поведение кочевников⁶.

Необходимые для кочевников торговые отношения и вместе с тем возникавшие из-за доступа к товарам конфликты оказались катализатором дальнейшего политического развития кочевых обществ. Яркая иллюстрация этого процесса усматривается в роли, которую играли средневековые кочевники Евразии в международной торговле, особенно на древнем караванном маршруте — так называемом Шелковом пути. Желание тюрков взять под контроль или по крайней мере эксплуатировать проходившие через их территории караваны и оказываемое на них воздействие со стороны коммерческих, международных по составу и космополитических по взглядам группировок, особенно согдийских, являлись важными факторами, формировавшими тюркскую государственность⁷.

Поскольку в социальной и военной структуре большинства кочевых обществ уже существовали зачатки, зародышевые аппараты государственности, их дальнейшее развитие, приведшее к образованию государства, при наличии необходимых стимулов без труда осуществилось. Остается спорным вопрос о том, обладают ли кочевые общества внутренними силами, способными создать государство, но не подлежит сомнению то, что внешние факторы, катализаторы, исходившие из оседлого общества, какими бы слабыми они ни были, играют в этом процессе главную роль. Племенной союз, побуждаемый вступить на такой путь, в первую очередь подчиняет соседние и затем более отдаленные племена, присоединяя их к своему союзу,— процесс, который Йозеф Дээр удачно называет «суперстратификация»⁸. Высвободившаяся таким образом энергия, проявившаяся в порыве завоевательных походов, быстро превращается в государственную структуру. Особенно в тот период, когда боеспособность соседних оседлых держав, будучи ослабленной междоусобицами, не в состоянии этому противостоять.

Итак, политогенез в дочингисидском степном мире в значительной степени следует рассматривать как последствие взаимодействия кочевых народов с Китаем. Большинство из обра-

зовавшихся политий составляли племенные союзы, превратившиеся вследствие их завоеваний в хозяев ранее существовавших государственных структур и основавшие большей частью кратковременные государства на китайских пограничных территориях⁹.

Те немногие государственные образования, которые оставались в Великой степи (например, тюркский каганат) не будучи в состоянии или не желая завоевывать Китай, направляли свои походы на запад. Покорив тамошние кочевые народы, можно было расширить границы государства, укрепить военную мощь и завладеть торговыми путями. В результате этой политики экспансии все образовавшиеся после падения тюркского каганата правящие династии тюркских кочевников Средней Азии и Западной Евразии оказались так или иначе преемниками-наследниками тюркютов, за исключением племенных союзов, захвативших власть в уже существовавших государствах.

Теория самозарождения кочевых государств, особенно в отношении среднеазиатских и западноевразийских степей, вследствие внутренних факторов и в изоляции от влияний оседлых цивилизаций не подкрепляется фактами истории. В основе кочевых государственных образований неизменно выявляется какой-либо катализатор (экономический или военный), исходящий от оседлого общества.

После падения кочевого государства составлявшие его роды и племена перегруппировываются, образуя новые политии. Иногда эти новые образования возглавляют роды, происходившие или претендовавшие на происхождение от бывшей правящей династии или близких ей родов. Такие образования большей частью не являются государствами. Они считают безгосударственность естественным и во многих отношениях более предпочтительным состоянием. В этой связи следует упомянуть замечание В. В. Бартольда, писавшего, что «кочевой народ при нормальных условиях не стремится к политическому объединению». Ханы «появляются только в чрезвычайных обстоятельствах, причем и в этих случаях ханы берут власть сами, никем не назначаются»¹⁰.

; Западная Евразия до хазар

Даже при беглом взгляде на историю Западной Евразии и сопредельных степей выявляются моменты, красноречиво подчеркивающие изложенные выше суждения. Центральноазиатские и восточноевропейские гунны происходили из групп сюнну, вытесненных из Монголии китайцами и их союзниками сяньби. По мере продвижения на запад они присоединили или к ним примкнули другие элементы. Многие вопросы, касающиеся этноязыковых связей и политического устройства как центральноазиатских, так и восточноевропейских гуннов, оста-

ются спорными. Т. Барфилд считает политику центральноазиатских сунну «имперской конфедерацией, самодержавной и похожей на государство в своих внутренних делах»¹¹.

Такая характеристика является для нас весьма полезной. У восточноевропейских гуннов, сохранявших, вероятно, элементы политической традиции сунну, политическая структура, носившая черты государственности, существовала в значительной мере лишь для того, чтобы вымогать деньги у Римской империи под видом субсидий и дани. Вряд ли можно считать такое вымогательство упорядоченной системой налогообложения. Имеются и данные, свидетельствующие о наличии у них аристократии, правящей династии, царского рода (к которому принадлежал Аттила), сакрализации их правителей¹².

Однако мы не располагаем историческими фактами, подтверждающими существование какой-либо правительственной организации, по форме более совершенной, чем типичные для кочевых конфедераций военные связи. Во всяком случае, государственное устройство у гуннов, каким бы оно ни было, не пережило Аттилы. С его смертью в 453 г. все это разрушилось. Впоследствии, судя по «болгарскому именнику», дунайско-балканские болгары воспользовались в идеологических целях легендами и мифами, связанными с Аттилой¹³. Очевидно, их правящая династия предъявляла претензии на происхождение от Аттилы, стараясь тем самым укрепить свое положение.

Последовавшие за гуннами в западноевразийских степях огуру-тюркские племена никогда не создавали политических структур, выходящих за рамки обычного для степных народов племенного союза. Соседняя Византийская империя, издали манипулируя событиями, часто старалась воспользоваться их неурядицами и междоусобицами с разорительными для степняков последствиями. Вытеснившие огурув из Средней Азии авары появились в причерноморских степях в 557 г. Присоединив к своему союзу некоторые из огурских или гунно-огурских племен, аварам, с наступлением тюрков на их тыл, пришлось искать убежища в бывшем центре гуннов — Паннонии. Однако паннонийских пастбищ (будущая венгерская «пуста») оказалось недостаточно. Следуя примеру гуннов¹⁴, некоторые племена аварского союза перешли на полуоседлую и оседлую жизнь, но сохраняли степную боеспособность. Грабительские и опустошительные набеги на византийскую территорию, типичные и для их предшественников — гуннов, продолжались.

В нашем распоряжении лишь самые скудные сведения, касающиеся политического устройства аваров. Их верховным правителем являлся қаған (sagan, saganus, chagan и т. д.) — титул неизвестного происхождения, засвидетельствованный в первый раз среди сяньби¹⁵. В источниках упоминаются аварские чиновники, носившие титулы центральноазиатского проис-

хождения tudun и yuǵruš (iugurus)¹⁶. Вероятно, у них сложилась какая-то форма раннего государства, мало отличавшегося от «имперской конфедерации» сюнну-гуннов. Главной целью таких политий являлись организованное вымогательство, эксплуатация находившихся под угрозой их набегов соседних оседлых обществ. Выступая то союзниками, то врагами Византии, авары, вымогая «дань» почти у всех окружающих их народов, накопили огромные богатства. Они не породили новой государственности на европейской почве. Наоборот, зачатки этой рудиментарной политической организации были привнесены извне центральноазиатскими по происхождению аварскими правящими родами.

Тюрки, победившие жуань-жуаней — аваров в 552 г. и изгнавшие часть их в Европу, создали кочевое государство, в состав которого входили почти все кочевые народы Евразии. Устройство своего государства они в значительной степени заимствовали или унаследовали от жуань-жуаней. Таким образом, формы этого устройства восходят к политической и военной организации, выработанной сюнну и сяньби. Верховного правителя называли qaǵan. Правящий род Ашина (= Аршила?¹⁷) разделил свою огромную империю, простиравшуюся от Маньчжурии до причерноморских степей, на западный и восточный каганаты. Теоретически восточный каган пользовался более высоким авторитетом, чем западный, или yabǵu qaǵan. Тем не менее и последний был в значительной степени независимым правителем. В «Чжоу-шу», других китайских династических летописях, не говоря уже о тюркских надписях, упоминается целый ряд титулов и должностей, указывающих на их заимствования от жуань-жуаней, от Китая, иранских, тохарских и индийских источников: yabǵu, šad, tegin, ilteber, tudun, tutuq и др.¹⁸ Интересно отметить, что подавляющее большинство имперских титулов является нетюркским по происхождению.

Тюркский каганат, как и его предшественники в центральноазиатских степях, складывался при тесном взаимодействии с Китаем, ведя с ним войну с целью добиться торговых уступок или вымогать дань. В результате завоеваний Иштемикагана (ум. 575), основателя западного каганата, тюркская государственность распространилась и у кочевых народов западноевразийских степей. Впоследствии в этом регионе кочевники придерживались политических традиций, впрочем не всегда сознававшихся, которые были привнесены из тюркского каганата в VI в.¹⁹ Это государство установило власть не только над кочевниками, но и над довольно значительным городским населением. Согдийцы, в частности, играли большую роль как в восточном, так и в западном каганате.

Двумя преемниками западного тюркского каганата стали хазарский каганат (ок. 650—965) и балканское болгарское государство. Последнее, являясь типичным кочевым государст-

вом-завоевателем, политические традиции которого надо искать в государственных образованиях не только тюрков, но и гуннов и аваров, складывалось в непосредственном контакте с Византийской империей. Не следует, впрочем, преуменьшать воздействие византийской цивилизации на развитие болгарской как политической, так и духовной культуры. Это влияние стало особенно заметным после принятия православия.

Кроме сведений об этих двух государствах, воспринявших, по сути дела, традиции более ранних государственных образований, чуждых этому региону, мы не располагаем данными, свидетельствующими о наличии (не говоря уже о самозарождении) в западноевразийских степях государства у тюркских кочевых племен дочингизидского периода. Огурские племена, печенеги, торки-огузы, половцы не создали государств в причерноморских степях. Угро-тюркский племенной союз, впоследствии известный в европейских языках по наименованию прикнявших к нему оногурских племен, венгров, образовал государство, но лишь в Паннонии, на периферии степи, и поэтому оказался под сильным влиянием соседних оседлых христианских государств. Сохраняемые венграми элементы степной (преимущественно хазаро-тюркской) политической культуры (например, двоевластие, *kende* и *gyula*), особенно после принятия христианства королем Иштваном, были поглощены новыми христианскими политическими формами. Монархия на христианский лад заменила степное двоевластие.

Так же как и на Балканах, сырьем, «строительными кубиками» хазарского каганата служили привнесенные извне западнотюркские политические формы и традиции. Вопрос о том, что ждало эти традиции в будущем — превратится ли это сырье в настоящее государство или распадется на составлявшие бывшую провинцию тюркской империи племена и племенные союзы, в середине VII в. был еще не решен. В данном процессе, внешние, т. е. не степные, факторы сыграли решающую роль. Катализаторами, превратившими хазарский племенной союз в государство, оказались чуть ли не столетняя война с могущественным и агрессивным Арабским халифатом, старавшимся завладеть Закавказьем, и необходимость для кочевников господствовать на путях международной торговли, проходивших через их поволжскую территорию. Эти факторы и явились движущими силами хазарского политического развития, хазарской государственности.

У нас имеются лишь смутные представления о ранних этапах хазарской истории. Сложные вопросы происхождения хазарским языком (или языками) среди тюркских языков, трактовавшиеся уже не раз в литературе, остаются объектами дискуссий²⁰. Не вдаваясь в подробности, ограничимся лишь замечанием, что хазары, судя по всем имеющимся в нашем распоряжении данным, являлись племенным союзом, либо порожденным тюркским руководством,

либо ставшим известным в связи с господством тюркютов в западноевразийских степях. В состав этого союза входили тюркские племена (говорившие как на языках общетюркской группы, так и на диалектах огуро-булгарской группы), ираноязычные, финно-угорские и другие этноязыковые группы, в том числе (в IX—X вв.) славянские.

Хазарский каганат как самостоятельная политическая организация вышел на сцену мировой истории около 650 г. Контуры каганата определились в ходе сравнительно недолгой борьбы с булгарской конфедерацией племен, кочевавший в причерноморских степях, и более затяжного, а порой и ожесточенного соперничества с Арабским халифатом за господство на Кавказе. Хазары, покорив и присоединив к своему союзу большинство булгарских племен, оттеснили на запад остальные. После кратковременной победы арабов в 737 г. напряженность в борьбе стала постепенно ослабевать. Враждебность предыдущего столетия сменили более или менее мирные торговые отношения. Следовательно, не удивляет то, что фундаментальные сведения о политическом устройстве хазарского государства дает арабо-персидская историко-географическая литература.

*Хазарское государство
в освещении арабо-персидской
историко-географической литературы*

Все имеющиеся в нашем распоряжении источники упоминают о наличии в «стране хазар» государственности, в частности института каганов и явно выраженного политического и судебного аппарата. Например, ал-Мас'уди, ал-Истахри, Ибн Хаукаль и анонимный автор «Худуд ал-алам» обращают внимание на сложное судоустройство у хазар. Оно строилось по религиозному принципу для того, чтобы предоставлять каждой находившейся в Хазарии религиозной общине право судиться по своим законам. Подвластное население могло обращаться к семи судьям: двое судили евреев и принявших иудейство (ставшее официальной государственной религией Хазарии на рубеже VIII—IX вв.) хазарские племена, двое — мусульман (составлявших большинство городского, в частности торгового, населения), двое — христиан и один — язычников²¹. Имеются также сведения о лицах, носивших титулы tudun (чиновник фискального управления), ilteber (должностное лицо, назначенное каганом для управления покоренным племенным союзом) и tarqan/tarhan²² — все, восходящее к тюркютским должностям.

Хазары не только сохраняли тюркютское наследие, но и, реагируя на новые ситуации, развивали некоторые его стороны. Они создали постоянную армию, в состав которой входили ополчения племен, а также наемные войска, называвшиеся орсы/уру-

сы (<'Аорзо). Впоследствии это **название** стало общим для всего мусульманского населения каганата. Орсы/урусы были выходцами из Хорезма, Ал-Мас'уди пишет, что в его время хазарский везират, предыстория которого нам неизвестна, постоянно находился в руках мусульман²³. Институт каганов подвергся изменениям, известным и другим тюркским государствам. Останемся на анализе этих изменений.

Ибн Руста в «Kitâb al-A'lâg an-naîsa...» (ок. 290/902-03) оставил довольно детальные сведения о хазарах. Вопрос об источниках, использованных Ибн Руста, труд которого носит компилятивный характер, остается нерешенным. Попытка связать его труд с утраченной книгой Муслима б. Аби Муслима ал-Джарми, известной главным образом по сочинениям саманидского везира ал-Джейхани, еще не нашла всеобщей поддержки²⁴. Об устройстве каганата он пишет: «У них царь, которого именуют 'ušâ, а верховным царем (al-malik al-â'zam — „величайший царь“) является хазар-хахан. Однако он только номинально пользуется властью над хазарами. Управление делами находится во власти 'ušâ, так как в отношении руководства и армий выше его нет никого... Их царь, 'ušâ, наложил обязанность на их могущественных и состоятельных людей поставлять всадников сообразно с их богатством и объемом их дел». Ежегодно большая армия хазар (10 000 всадников) во главе с иша ходила войной на печенегов. Хазарская армия частью состояла из наемных войск, частью из всадников, которых обязаны были поставлять богатые. Когда иша выступает, то сопровождавший его всадник держит впереди него солнцевидный диск (šamsa²⁵) в форме барабана, являющийся символом его власти. Иша берет себе из военной добычи то, что ему угодно, а остальное раздает своим войскам²⁶.

Гардизи (ум. 444/1052-53), пользуясь теми же источниками, на которые опирался Ибн Руста, пишет²⁷: «У них есть царь, который носит титул ишада ('ušâd/bšâd²⁸); кроме того, есть главный царь (malik-i buzurg), которого называют хазар-хаханом. Хазар-хахану принадлежит только титул: управление находится в руках ишада; выше ишада нет никого... Хазары ежегодно взимают налог с мусульман, сообразно имуществу каждого. Каждый год они совершают поход в страну печенегов и увозят оттуда скот и пленных. Ишад сам взимает подати и распределяет [доход] среди войска... Когда хазарский царь садится верхом, с ним садятся до 10 000 всадников; из них некоторые находятся на жаловании, другие выступают вельможами... У них есть авангард, который едет впереди войска и носит перед царем сделанные из воска свечи и светильники; при свете их идет царь с войском. Завладев добычей, они собирают ее всю в лагерь; потом их начальник берет себе из этой добычи все, что хочет; остальное разделяют между воинами»²⁹.

Предполагается, что эта картина Хазарии восходит по крайней мере к концу IX в., если не к более раннему периоду.

Ибн Фадлан, оставивший описание своего путешествия в Волжскую Булгарию в 921—922 гг. и воспользовавшийся уже существовавшими известиями других авторов, добавляет немало новых деталей: «Что же касается царя хазар, титул которого хакан, то, право же, он не показывается иначе, как [раз] в каждые четыре месяца, [появляясь] в [почетном] отдалении. Его называют „большой хакан“, а его заместителя называют хакан-бех (xâqân bh., т. е. Qağân bçg; ср. Ὁ γάρ χαγάνος ἐξεῖνот καὶ ὁ πῆχ Χαζαρίας — «этот каган и бег Хазарии»³⁰). Это тот, который предводительствует и командует войсками, управляет делами государства, руководит им, появляется [перед народом], совершает походы, и ему изъявляют покорность находящиеся поблизости от него цари. И он входит каждый день к наибольшему хакану смиренно, проявляя униженность и спокойствие. Он входит к нему не иначе, как босым, держа в руке дрова, причем когда приветствует его, то зажигает перед ним эти дрова. Когда же он покончит с топливом, он садится вместе с царем на его трон с правой стороны. Его замещает муж, называемый кундур-хакан (kndr xâqân³¹), а этого также замещает муж, называемый джавшыгыр (jâwšîgr). Обычай наибольшего царя тот, что он не дает аудиенции людям и не разговаривает с ними; к нему не является никто, кроме тех, кого мы упомянули, а полномочия вершить дела, наказывать [преступников] и управлять государством принадлежат его заместителю хакан-беху... Когда этот большой царь выезжает верхом, [то] едут [также] все войска по случаю его выезда, причем между ними и частями кортежа мила [расстояния], и ни один из его подданных не видит его иначе, как павши ниц на свое лицо, поклоняясь ему, и не поднимает своей головы, пока он не проследует мимо него... Продолжительность [правления] их царя — сорок лет. Если он переживает их [хотя бы] на один день, подданные и его приближенные уволят его или убьют и скажут: „У этого ум уже уменьшился, и его суждение [стало] путаным [неясным]“»³².

Ал-Мас'уди, писавший в 30-х годах X в., сообщает: «Наши сведения не относятся к царю хазар, под этим же мы подразумеваем хана. Это из-за того, что в стране хазар есть хакан, обычаем которого (gasmuñu) является находиться в руках другого царя и в его доме. Хакан живет в замке, он не знаком ни с верховой ездой, ни с появлением к знати или народу, ни с выходом из своей резиденции. С ним [лишь] его гарем. Он не повелевает и не запрещает и никак не управляет делами государства. Тем не менее у царя не было бы прочного [права] на государство хазар, если бы хакан не находился у него в столице в его замке. Если земля хазар страдает от засухи, или их страну постигает беда, или им предстоит война с другим народом, или случается какое-то другое бедствие, то простой народ и знать спешат к царю хазар и заявляют: мы считаем этого хакана и его правление дурным предзнаменованием и счи-

таем его зловещим. Или убей его, или же передай его нам и мы убьем его. Иногда хакана им передают и его убивают. Иногда [царь] сам лишает его жизни. Иногда царь его щадит и защищает, как не совершившего преступления и ни в чем не повинного... Так как хаканским достоинством обладает [лишь] одно семейство из их больших людей, то я полагаю, что царство у них является древним»³³.

Сообщения ал-Истахри (ум. 346/957-58) и Ибн Хаукаля (ум. ок. 367/977-78) представляют собой другую традицию, элементы которой находим и у более позднего Якута (ум. 626/1228-29):

«Царь в их языке bk и также называется bâk بک. Эта форма является искажением بک, ylk-yilig, ср. 'Éléx³⁴... Судопроизводство [у них] отличается тем, что оно опирается на древние обычаи, противоречащие вере мусульман, евреев и христиан. Войско царя состоит из 12 000 мужей. Когда один из них умирает, его место занимает другой. Они не получают постоянного содержания (jigâu — букв. «паек, оплата, жалованье»), кроме незначительной [суммы], которую получают лишь по истечении долгого времени. В случае войны или беды они собираются. Источниками доходов царя являются пошлины и десятины, которыми облагают товары сообразно с [их] обычаями. Им принадлежат [доходы, связанные] с должностями над людьми кварталов и волостей, и от всякого рода пищи и напитков, которые им нужны... Что же касается их политического устройства и государственных дел, то величайшего у них называют хâqân хазаг. Он больше царя хазар, но царь хазар его поднимает [на трон] (т. е. назначает.— П. Г.). Когда хотят назначить этого хакана, его приводят и душат куском шелка, пока чуть не обрывается его дыхание, и говорят ему: сколько [лет] хочешь царствовать? Он отвечает: столько-то и столько-то лет. Если он умирает раньше [установленного таким образом срока.— хорошо], если нет — его убивают, когда наступает назначенный год³⁵. Право на хаканат у них имеет лишь одна семья. Этот [хакан] ничего не повелевает и не запрещает, но его возвеличивают, падают ниц перед ним, когда входят к нему. Никто не приближается к нему, за исключением немногих людей, таких, как царь и его окружение. Царь же входит к нему лишь в случае [важного] события, и когда входит, то валется в пыли. падает ниц и стоит вдалеке [от него], пока [хакан] не позволяет ему приблизиться. Когда их постигает беда, то выставляют хакана. Как только его увидят один из тюркских [противников хазар] и находящиеся поблизости от них разные неверные [народы], то удаляются. И не воюют с ним из-за уважения к нему. Когда [хакан] умер и его похоронили, то никто не проходит мимо его могилы, не спешившись и не падая ниц. Не садится на коня, пока не исчезает из виду его могила. Они настолько повинуются царю (т. е. хакану), что когда приходит, может быть, лишить одного из них жизни, а он из боль-

ших их людей и царь не желает открыто его умертвить, то велит ему самому лишиться себя жизни... Хаканат находится лишь в одном известном роду, у которого нет ни власти (пам-лака), ни богатства»³⁶.

Анонимный автор «Худуд ал-алам» (372/982-83) кратко повторяет вышеизложенное: «Его (хазарского хакана) называют тархан хакан (trxân xâqân). Он потомок تیبآ (nasâ < تیبآ 'ušâ?, < ج آ 'šnâ * Ašînâ??). У этого падишаха есть семь судей в этом городе, являющихся приверженцами семи разных религий. В любой час, когда возникает дело наибольшей важности, то обращаются к падишаху за указаниями или его уведомляют о [принятом] решении этого дела»³⁷.

Хазарский каганат

в свете древнетюркских концепций царской власти

Каган как сакральный правитель и хазарское двоевластие

Хазарский каганат, являвшийся непосредственным наследником и продолжателем своего тюркского прародителя, прототипа, отличался от него тем, что создал явно сакрализованную систему двоевластия. В этой системе «старший», или «наибольший», правитель, каган, был лишь церемониальной фигурой, присутствие которого обеспечивало кут в пользу государства. Кут обозначает «ниспосланное небесное, божественное счастье»³⁸. «Младший» правитель, заместитель кагана, по-разному называвшийся в использованных нами источниках (каган-бег, шад, йилиг), в действительности решал дела каганата, предводительствовал войсками.

Такая тенденция в развитии института каганов до известной степени еще ранее отмечалась у тюркютов. Вопрос о принадлежности хазарского правящего дома к каганскому роду Ашина остается проблематичным³⁹. В любом случае тюркютские традиции, имеющие глубокие корни в политической практике центральноазиатских кочевников, продолжали играть важную роль и в хазарском государстве. Орхонские надписи неоднократно упоминают о небесных связях своих каганов и божественных истоках их власти: tengriteg tengride bolmiš türk bilge qağân — «Небоподобный (богоподобный), неборожденный мудрый тюркский каган» — Кюль тегин; tengriteg tengride yarati miš türk bilge qağân — «Небоподобный (богоподобный), небом поставленный мудрый тюркский каган» — Бильге каган; tengi anča temiš erinç qan birtim — kük — «Небо, надо думать, вот так сказало: я дало тебе хана!» — Тоньюкүк⁴⁰.

Впоследствии, под воздействием согдийской и других культур, добавились новые элементы (ср. уйгуро-манихейский текст: uluğ ilig tengride qut bulmiš erdemin il tutmiš alp qutlüg külüg

bilge uyğur xanğan zahag-i mâni — «Великий князь, получивший от Бога-Неба небесное счастье, кто достоинством [своим] управляя политией, храбрый, счастливый, славный, мудрый уйгурский ханган (хаган), эманация Мани»⁴¹). Кагана считали исполнителем божественной воли, необходимой для благосостояния общества и сохранения порядка в космосе⁴². В китайских документах кагана титуловали, как и китайского императора, «сын Неба»⁴³. Многие из этих формул, в том числе «небом поставленный правитель», восходят к эпохе сюнну⁴⁴.

Обладание кутом возвышало кагана над другими смертными. Благодаря куту он имел соприкосновение со сверхъестественными силами, подобно тому как в Древнем Египте ка фараонов давала ему возможность общаться с миром богов⁴⁵. Первоначальными значениями слова «кут» являлись «жизненный животворящий принцип, жизненная сила» (отсюда значение «душа» в некоторых современных тюркских языках). На языке каганской идеологии это слово обозначало «жизненную силу, обеспечивающую удачу и благосостояние» и, в конечном счете, «небесное счастье». Во многих отношениях кут соответствовал иранскому *xwârenah*, обозначающему в политическом контексте «небом дарованное царское счастье». Это царское счастье (кут) придавало кагану устрашающую величественность: *tengri yarliqaducın içün özüim qutım bar içün qağın olurtım* — «По велению Бога-Неба и так как у меня самого было счастье, я сел [на царство] каганом»⁴⁶.

Кут, как и соответствующая ему хварена иранцев, иногда появлялся, в частности в тюркских и монгольских легендах, в виде луча света. Так, согласно племенным преданиям, божественный луч света, являющийся предзнаменованием его незаурядных даров, коснулся эпонимного предка огузских племен Огуз-хана. В монгольской легенде Алан Гоа, прародительница Чингиз-хана, забеременела от вошедшего в ее юрту лунного света, вышедшего из нее в виде волка. Подобные предания известны у уйгуров, киданей и мадьяров⁴⁷.

На основе данных арабо-персидской историко-географической литературы IX—XI вв., описавшей политическое устройство современного ей хазарского каганата, мы можем сделать следующие выводы в отношении носителя верховной политической власти. Каган был, прежде всего, обладателем *qut*, являясь его олицетворением и воплощением. Из этого вытекало все остальное. Потеря им «небесного ниспосланного счастья», проявлявшаяся в военных неудачах, неурожаях, каралась лишением жизни. Вот и причина его сакральной изоляции. Он служил талисманом для благополучия государства и народа. Монотеистические религии, распространившиеся на территориях хазарского каганата, не оказали никакого влияния на это верование. Ставший святым, табуизированный каган редко показывался народу, причем последний никогда не имел возможности лицезреть его («быть с ним лицом к лицу»). Не давал каган

и аудиенцией. Святость и царственное величие такой фигуры были столь велики, что его подданные не смели прямо зреть на его особу и падали ниц. Немногие, пользовавшиеся правом доступа к нему, допускались лишь после ритуального очищения и унижения.

Согласно мусульманскому источнику, данные которого относятся, по-видимому, к одному из позднейтуркских государств, царь токуз-огузов также царствовал, но не управлял. Государственными делами управляли его везиры и хаджибы. Царь показывался народу только один раз в год. Когда он совершал выход, заполнявшие дороги и улицы люди падали ниц пред ним⁴⁸.

В китайских источниках уйгурских правителей именуют тянько-хан, т. е. «небесными каганами»⁴⁹. Вообще, тюркютские правители были более активными, но с их особами тоже связывается некая сакральность. В «Чжоу-шу» сообщается, что местом постоянного жительства кагана является Дуциньшань (т. е. гора Отюкен), святое убежище тюркютов⁵⁰. Орхонские надписи подчеркивают важность физической связи кагана с Отюкеном (ср. Кюль-тегин: *türk qağan ötüken yış olursar ilte bung uoq* — «Тюркский каган если сидит в Отюкенской черни, то в государстве нет стеснений»; *ötügen yışda yig idi uoq ermiş, il tutsiq yir ötüken yış ermiş* — «В Отюкенской черни не было достойного владыки, [но] Отюкенская чернь являлась местом, подходящим для управления политией»)⁵¹.

Наличие у тюркютов⁵² в разных формах соправительства подтверждается рядом тюркских и китайских источников. Но о двоевластия хазарского типа они ничего не сообщают. По-видимому, такого сакрального разделения власти не было. Между тем китайские источники намекают на сакрализацию и табуирование некоторых правителей или представителей из рода Ашина, названных и ко-хан⁵³ (**eb qağan* — «каган дома»). В возглавляемом тюркешским союзом западнотюркском каганате (предшественнике хазарского государства) чеканили монеты на согдийском языке, в которых тюркешский правитель носил возвышенный титул *bğu twrkuş ğ'ġ'n* — «божественный тюркешский каган»⁵⁴.

Древневенгерский (или древнемадьярский) союз племен существовал, но не на каганском уровне, хазарскую систему двоевластия с сакрализацией одного из правителей. Сакрализированным правителем являлся кенде (<*kündü* <хазарск. кндр/**kndw*?), а действительная власть была в руках его соправителя из рода Арпада (впоследствии ставшего правящим домом Венгрии), носившего древнетюркский титул *йула* (венг. *дьюла/gyula*)⁵⁵.

Институт двоевластия, двойного властвования, с присущим ему разделением функций и появлением двух правителей — сакрально-церемониальная фигура, святость которой внушает огромное уважение, и правитель-исполнитель — считается широко

распространенным явлением, характерным для многих этнических групп и обществ. Элементы политической организации гуннов (ср. Аттила и Бледа, Руас и Октар, Харатон и Ульдин), усуней («старший» и «младший» гуныби) и других народов евразийской степи в раннем средневековье намекают на двоевластие⁵⁶.

Антропологи считают, что такой дуализм проистекает из необходимости племенных обществ сохранять правителя, олицетворяющего закон. Такой правитель должен быть спокойным, чистым, не оскверненным кровопролитием. Его физическое присутствие считают необходимым для дальнейшего благосостояния племенной территории. Его alter ego является правитель-воевода, в руках которого находится исполнительная власть. Такому правителю дозволено и кровопролитие⁵⁷. Взаимоотношения хазарского кагана с бегом-шадом-йилигом во всех деталях соответствуют этой системе.

Святость правителя, олицетворяющего закон, подчеркивают как его изоляция, так и обряды очищения, предшествовавшие аудиенциям. Его особа была столь святой, что в его присутствии не могли проливать кровь. Как сообщает ал-Истахри, при появлении хазарского кагана тюркские народы прекращали воевать. Это отражает древнее и широко распространенное табу на кровопролитие перед сакральным правителем⁵⁸. Тюркомонгольские народы членов царского рода, проигравших в борьбе за трон, обычно душили шелковым шнуром (в османское время — тегивой) во избежание пролития их святой крови. Подобное уважение оказывали и венценосным противникам⁵⁹.

Вопрос о времени и причине сакрализации хазарского кагана остается открытым. Наши источники о наличии такого института в ранний период хазарской истории ничего не сообщают. Попытки некоторых исследователей хазарской проблемы, усматривающих в этой форме политического устройства новообразование и поэтому старающихся гипотезами связать сакрализацию хазарского кагана с принятием иудаизма, с якобы последовавшим за обращением в новую веру захватом власти ревнителями новой религии, что нашло отражение и в смене династии, и как-то с восстанием кабаров (IX в.), нельзя считать удачными⁶⁰.

Автор этих строк затрагивал поднятые вопросы в другой работе⁶¹. Здесь же уместно отметить, что нет никаких данных (а лишь своевольные конъектуры), свидетельствующих о связи восстания кабаров с религиозной борьбой внутри каганата. Со слов единственного доступного нам источника, сообщающего об этом событии, — Константина Багрянородного, известно лишь, что кабары были по происхождению хазарами. «И случилось у них какое-то восстание (*ἀποστασίῃ*) против их власти (*ἡρώτη ἀρχὴ αὐτῶν*) и возгорелась междоусобная война (*πόλεμον ἐμφυλίον*)». Восстание было подавлено. Оставшиеся в живых кабары, откочевав на запад, примкнули к венгерскому

союзу племен. «И как-то именовались кабарам (καὶ κάβαροι τῆς ὠνοραβήσαν)»⁶². О причинах, вызвавших восстание, источник не сообщает.

Высказанные суждения подтверждают, что сакрализация правителя — широко распространенное социальное явление (в частности, в племенных обществах), не имеющее никакой связи с принятием монотеистических религий. В самом деле, зачатки этого явления были уже засвидетельствованы в тех тюркских обществах, с которыми был тесно связан хазарский каганат.

Каган как шаман

По представлениям древнетюркских народов каган обладал до известной степени качествами шамана. Это находит отражение в ритуальном удушении, составлявшем часть обрядов, связанных с возведением нового кагана на трон. Хазарский церемониал, описанный ал-Истахри, полностью идентичен обряду инвеституры орхоно-тюркских каганов, упомянутых в китайских источниках. Согласно известиям «Чжоу-шу», нового кагана сажают на войлок и «по солнцу кругом обносят девять раз. При каждом разе чиновники делают ему поклонение. По окончании поклонения сажают его на верховую лошадь, туго стягивают ему горло шелковой тканью, потом, ослабив ткань, немедленно спрашивают: сколько лет он может быть ханом?»⁶³. Полузадушенный каган, почти потеряв сознание и пришедший таким образом в состояние экстаза, предсказывает срок его властвования.

Обряды, предшествовавшие этому кратковременному восхождению кагана к миру духов, являются волшебнo-шаманскими. Согласно шаманским верованиям, число девять обладает магическими свойствами⁶⁴. Обнесение на ковре является одной из хорошо известных черт алтайской шаманской практики. Ковер считают святым местом, с которого шаман начинает свое путешествие в мир духов. Новоизбранных табгачских (Тоба) правителей подобным же образом обносили на коврах⁶⁵. Константин Багрянородный сообщает, что венгры, согласно хазарскому обычаю, или *Zákonon* (отсюда слав. «закон»), поднимали нового правителя на щит⁶⁶, по-видимому заменявший войлочный ковер.

Отголоски этого шаманского обряда отмечаются даже у принявших мусульманство сельджуков. На штукатурном рельефе в иранском городе Рей сельджукский правитель Тогрул II изображен в позе, мало отличающейся от той, в которой изображали Бильге-кагана в комплексе орхонских памятников. Сидя на ковре, он будто бы летит над землей⁶⁷. Церемониальная верховая езда, упомянутая в «Чжоу-шу», являлась обрядом очищения, сходным с подобными обрядами у уйгуров, связанными с громом и молнией⁶⁸.

Каган принимал участие также в обрядах камлания, гадания и предсказания, являвшихся важнейшими функциями шаманизма⁶⁹. Со слов ал-Мас'уди в его «Аджа'иб ад-Дуния» известно, что тюркский хакан, фигура которого, облаченная в шелк, внушает благоговейный страх, с золотым венцом и поясом сидит на золотом троне. В известный день перед ним зажигают большой костер. После того как шаманы произносят заклинания над костром и хакан растягивается над огнем, поднимается из огня лицо. Цвет этого лица предрекает будущее: зеленый означает дождь и изобилие, белый — засуху, красный — кровопролитие, желтый — болезнь и эпидемию, черный предсказывает либо смерть правителя, либо длинное путешествие. По другим версиям этого предания, хакан сам произносит заклинания и цвет его лица отражает уготованную судьбу⁷⁰.

Широко распространенное в более позднем тюркском шаманизме гадание посредством огня следует связывать с культом огня⁷¹. Как известно, символ огня играл немаловажную роль в хазарском церемониале. Наибольший интерес представляет шаманская и сакральная роль кагана, при посредничестве которого проявляется мир духов. Аналогичную роль играли правители древнего Ближнего Востока⁷². Как явствует из сообщений арабских источников, каган мог стать символом фортуны, благополучия своего народа. Эта символика находила отражение и в церемониальной одежде. В знаменитом произведении караханидской эпохи «Кутадгу Билиг» правитель описывается как буквально «надевший на свою шею петлю» — символ изменчивой фортуны⁷³.

В уйгурском государстве Хочо (850—1250) существовало поверье о том, что правителя выбрала птица, спустившаяся на его плечо. Согласно шаманским представлениям, птицы служили посредниками между человеком и миром духов. В уйгурском примере птица выражает волю неба. Шаманы же должны были знать язык птиц для того, чтобы понимать сообщения с того света.

Сопровождение птицами или способность превращаться в птицу считали признаками шаманского призвания. Это шаманское верование, позже переплетавшееся с появившимися в исламе представлениями о переселении душ (танасух), сыграло важную роль в суфийском движении среди тюркских народов. Такие силы приписывали знаменитым тюркским дервишам (например, Ахмад Ясави и Хаджи Бекташ)⁷⁴.

В орхонской рунической надписи в честь Бильге-кагана об умершем кагане говорится *uça bardı*, т. е. «улетел». Глагол *uç* употребляется в том же значении в юридическом документе позднейуйгурского периода⁷⁵. Выражение, встречающееся в орхонском памятнике в честь Кюль-тегина *kergek boltı* (букв. «он стал нужным»), обычно переводят «он скончался». Но, согласно мнению некоторых исследователей, эту фразу следует перевести «он стал кергеком» (кергек обозначает какую-то пти-

цу). В надписях эти формулы употребляются лишь в отношении святых тюркютских каганов, за исключением знаменитого богатыря и героя Кюли Чура, ставшего «маленьким кергеком (qıřga kergek boltı)»⁷⁶. Все остальные, в том числе каганы вражеских народов, просто «умирают (öl—)».

Очевидно, роль правящих каганов подчеркивается, возвеличивается, их образ подвергается специальной трактовке, указывающей на их сверхъестественные, шаманские силы. Позже эта концепция подверглась и демократизации. Таким образом, уже в позднечингизидское время на татарских надгробных памятниках XVI в. употребляли формулу *şonqar bolur ücti*⁷⁷.

В заключение отметим, что хазарский каганат являлся государством, привнесенным в Западную Евразию извне. Его формы управления, иерархию, должности следует искать в институтах тюркского каганата, с историей которого его образование тесно переплеталось. Зачатки государственности, унаследованные хазарами от своих тюркютских «прародителей», не созрев в отсутствие катализаторов со стороны оседлого мира, могли бы увянуть. Но так не случилось. Благодаря ключевой позиции каганата в международной торговле эти зачатки развивались и закреплялись. Хазарские города со своим пестрым, разноплеменным и многоязычным населением, в состав которого входили иудеи (политически господствовавший элемент), мусульмане (численно преобладавшая группа, игравшая руководящую роль в торговле, в руках которой находился везират), христиане и идолопоклонники разных толков, оказались одним из самых важных катализаторов.

Сильное, влиятельное и в значительной степени не хазарского происхождения городское население давало дальнейший толчок развитию и развертыванию государственной структуры. Война с Арабским халифатом и вовлечение в военно-дипломатическую орбиту великих держав Восточного Средиземноморья способствовали развитию государственного аппарата, и в первую очередь власти (позже сакрализованной) каганов как представителей возглавляемого хазарами союза племен.

Таким образом, сохранились политические и организационные институты тюркютской государственности, оказавшиеся полезными на новой почве и в совершенно новых политических обстоятельствах. По мере того как новое государство устривалось, оно одновременно и преобразовывалось. Выработалась сильная каганская идеология. Институт каганов, как и у других тюркских народов того времени, получил дальнейшее развитие и в итоге привел к полной сакрализации правителя.

¹ *Периц А. И., Трайде Д.* Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986, с. 42.

² *Fried M. H.* The Evolution of Political Society. N. Y., 1967, с. 230, 235; *Claessen H. M. J., Skalnik P.* The Early State. The Hague—Paris, 1978, с. 21;

Krader L. Formation of the State. Englewood, Cliffs, N. J., 1968, c. 9—10, 13; Sagan E. At the Dawn of Tyranny. The Origins of Individualism, Political Oppression and the State. N. Y., 1985, c. 16, 20, 81; Evans P. B., Rueschmeyer D., Skocpol T. (ed.). Bringing the State Back In. Cambridge, 1985, c. 46—47.

³ Crone P. Pre-Industrial Societies. Oxf., 1989, c. 36, 42, 44.

⁴ Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984, c. 138—142; Krader L. Formation of the State, c. 4 («consanguineal state»).

⁵ Khazanov A. M. Nomads and the Outside World, c. 46, 50, 70—72, 81, 83.

⁶ Ying-shih Yu. Trade and Expansion in Han China. Berkeley, 1967, c. 4—5; Khazanov A. M. Nomads and the Outside World, c. 202—206, 209, 211—212; Jagchid S. Patterns of Trade and Conflict between China and the Nomadic People of Mongolia.—Zentralasiatische Studien. 1977, № 11, c. 177—204.

⁷ Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. I. Cambridge (Mass.), 1981, c. 15—17.

⁸ Deer J. Pogány magyarság keresztény magyarság. Budapest, 1938, c. 10—16.

⁹ См.: Barfield T. The Perilous Frontier. Oxf., 1989.

¹⁰ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.—Сочинения. Т. 5. М., 1968, с. 22—23.

¹¹ Barfield T. The Hsiung-nu Imperial Confederation: Organization and Foreign Policy.—Journal of Asian Studies. 1981, № 31/1, c. 47.

¹² См.: Maenchen-Helfen O. The World of the Huns. Berkeley, 1973, c. 190—195, 198—199, 270—274.

¹³ Beševliev V. Die protobulgarische Periode der bulgarischen Geschichte. Amsterdam, 1980, c. 183.

¹⁴ Lindner R. Nomadism, Horses and Huns.—Past and Present 1981, № 92, c. 3—19.

¹⁵ Liu Yingscheng. Zur Urheimat und Umsiedlung der Toba.—Central Asiatic Journal. 1989, № 33, c. 98.

¹⁶ Aalto P., Pekkanen T. Latin Sources on North-Eastern Eurasia. Wiesbaden, 1975, т. 1, с. 139—140; 1980, т. 2, с. 5, 231—232. Тудунство являлось фискальной должностью. Титул йугруш, обозначающий какого-то сановника, упоминается в документах лишь караханидского периода. См.: Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxf., 1972, c. 457, 905—906; Németh Gy. A honfoglaló magyarság kialakulása.—Ethnogenesis of the Hungarian People Prior to the Conquest. Budapest, 1930, c. 103.

¹⁷ Ч. Бекуис (Beckwith Ch. The Tibetan Empire in Central Asia. Princeton, 1987, с. 206—208) выдвигает гипотезу об отождествлении рода Ашина китайских источников с Ἀροῦλας, упомянутым Менандром ([Menander], The History of Menander the Guardsman. Ed. trans. R. C. Blockley. Liverpool, 1985, c. 172/173).

¹⁸ Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Т. 1—2. Wiesbaden, 1958, т. 1, с. 8—9, 41; Clauson G. An Etymological Dictionary, c. 134 (ilteber), 453 (tutuq), 457 (tudun), 483 (tegin), 866 (šad), 873 (yabǧu).

¹⁹ См.: Golden P. B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia.—Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982, № 2, c. 37—76.

²⁰ См.: Zajaczkowski A. Ze studiów nad zagadnieniem chazarским. Krakow, 1947; Dunlop D. M. History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954; Арамонов А. И. История хазар. Л., 1962; Гадио А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979; Golden P. B. Khazar Studies. Т. 1—2. Budapest, 1980; Магомедов М. Г. Образование хазарского каганата. М., 1983.

²¹ al-Mas'ûdi. Murûj ad-Dahab wa Ma'adin al-Jawhar. Ed. C. Pellat. Beirut, 1966—1974, c. 214; al-Išṭaxrî. Kitâb al-Masâlik al-Mamâlik. Ed. M. J. De Goeje. Leiden, 1927, c. 221; Ibn Hawqal. Kitâb Sûrat al-Ard. Ed. J. H. Kramers T. 2. Leiden, 1939, c. 390; Hudud al-'Âlam. Ed. M. Sotodeh. Tehran, 1962, c. 161.

²² См.: Golden P. B. Khazar Studies, Т. 1, c. 147—155, 176—177, 197—198, 215—216; Clauson G. An Etymological Dictionary, c. 134, 457, 539—540.

²³ al-Mas'ûdi. Murûj, c. 213; Lewicki T. Un peuple iranian peu connu: Les *Arsiya ou Orsiya.—Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Németh.

Ed. Gy. Káldy-Nagy. Budapest, 1976, с. 31—33; *Götaen P. B.* The Urusoba.— Aspects of Altaic Civilization. Ed. D. Sinor. Vol. 3 (готовится к печати).

²⁴ См.: *Dunlop D. M.* History of the Jewish Khazars, с. 107; *Lewicki T.* Zgrodła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. Wrocław—Kraków, 1956—1969, ч. I—II(1); 1977, ч. II(2), с. 9—13; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. М., 1962, с. 48.

²⁵ *Dozy R.* Supplément aux dictionnaires arabes. T. 1. Leiden, 1881, с. 786: *samsa* «ornement rond, petite boule en forme de soleil».

²⁶ [*Ibn Rusta*]. Kitāb al-A'lāq an-nafisa auctore Abū Alī Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh...—Biblioteca Geographorum Arabicorum. Ed. M. J. De Goeje. Leiden, 1892, p. 8, с. 139—140.

²⁷ См.: *Заходер Б. Н.* Каспийский свод. Т. 1, с. 46—48.

²⁸ *Иша(д)ишад/айшад/эбишад* и т. д. являются либо искажениями, либо вариантами среднеазиатского титула иранского происхождения *šad*/ixšēe (согд. 'yšyš) <xšaeta/xšāyaəiya. В тюркском государстве *шад* являлся вторым, после кагана, рангом (см.: *Clouston G.* An Etymological Dictionary, с. 886; *Bombaci A.* On the Ancient Turkish Title šaz Gururājamañjarika. Studi in Onore di Giuseppe Tucci. Napoli, 1974, с. 167—193).

²⁹ *Бартольд В. В.* Извлечения из сочинения Гардизи «Зайн ал-Ахбар».— Сочинения. Т. 8. М., 1973, с. 36, 57.

³⁰ *Constantine Porphyrogenitus.* De Administrando Imperio. Ed. J. Moravcsik, trans. R. Jenkins. Wash., 1967, с. 182—183.

³¹ В большинстве рукописей Якута мы находим *kndr* и только в одной из них *k'nd'g* (см.: *Golden P. B.* Khazar Studies. T. 1, с. 200—201). Однако при наличии венг. *kende*, вероятно, следует считать *kndr* искажением *kndw* , т. е. *kündü* — титул, ныне известный (как заимствование из монгольского) лишь в сибирской группе тюркских и в маньчжурском языках.

³² *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 146—147; *Togan A. Z. V.* Ibn Fadlān's Reisebericht.— Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Leipzig, 1939, bd 2413, с. 43—44/98—101; *Ibn Fadlān.* Risāla. Ed. S. Dahhān, с. 169—172. Часть его рассказа сохраняется лишь у Якута.

³³ *al-Mas'ūdī.* Murūj, с. 214—215.

³⁴ *Golden P. B.* The Q'azaro-Hungarian Title/Personal Name/'Ιελέυ. — Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1975, № 1, с. 37—43.

³⁵ Более пространную версию этого обряда дает Ибн Хаукаль, сообщаящий, что хакан назначает царя: «Что же касается политического устройства и государственных дел у них, то [обо всем этом] доводят [до сведения] их наибольшего человека, называемого „хакан хазар“. Он больше царя хазар потому, что царь хазар связан с ним. Он же тот, который поднимает его [на трон] и выпрямляет его; когда хотят поднять (назначить) царя после смерти их царя, то этот хакан приводит его» (*Ibn Hawqal.* Kitāb Sūrat al-Ard. T. 2, с. 295).

³⁶ *Al-Istaxrī,* с. 220—221, 224.

³⁷ *Hudud al-Ālam,* с. 193.

³⁸ *Roux J.-P.* La religion des Turcs et des Mongols. P., 1984, с. 158—161.

³⁹ *Артамонов А. И.* История хазар, с. 170—171; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод. Т. 1, с. 195, 209—210; *Godlen P. B.* Imperial Ideology, с. 55—61; *он же.* Khazaria and Judaism.— Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1983, № 3, с. 149—150 примеч. 67.

⁴⁰ *Айдаров Г.* Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. А.-А., 1971, с. 286, 308, 324; *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 170—171; *Roux J.-P.* L'origine céleste de la souveraineté dans les inscriptions paléoturques de Mongolie et de Sibirie.— The Sacral Kingship. Leiden, 1959, с. 232—235.

⁴¹ *Miller F. W. K.* Der Hofstaat eines Uiguren Königs.— Festschrift Thomsep. Leipzig, 1912, с. 208—209.

⁴² *Roux J.-P.* L'origine, с. 237—239.

⁴³ *Liu Mau tsai.* Die chinesischen Nachrichten. T. 1, с. 50, 458; т. 2, с. 656 примеч. 239, с. 751 примеч. 556, с. 752 примеч. 557.

⁴⁴ Ср.: «великий шаньюй, небом установленный», «великий шаньюй сыну, рожденный от Неба и Земли, постановленный Солнцем и Луной» (*Schichi. Records of the Grand Historian of China*. Trans. B. Watson. Vol. 2. N. Y., 1961, с. 167, 171; *Schmidt W. P.*: Die Ursprung der Gottesidee. T. 9. Münster—Freiburg, 1949, с. 8, 10—13.

⁴⁵ *von Gabain A.* Das uigurische Königreich von Chotscho (850—1250).— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1961, № 5, с. 24; *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Vol. 1. Wash., 1966, с. 7—10.

⁴⁶ *Айдаров Г.* Язык орхонских памятников, с. 288; *Roux J.-P.* L'origine, с. 232—235, 237—239.

⁴⁷ *Bombaci A.* Qutluğ Bolsun! — Ural-Altäische Jahrbücher. 1965, № 36, с. 387; 1966, № 38, с. 32—36; *Dvornik F.* Early Christian. Vol. 1, с. 84—85; *Roux J.-P.* L'origine, с. 235; *Ögel B.* Türk Mitolojisi. C. 1. Ankara, 1971, с. 43, 83, 132, 414, 558; *Pais D.* A magyar ősvallás nyelvi emlékeiböi. Budapest, 1975, с. 302—303.

⁴⁸ *Köprülü Ms.* 1622. *Togan A. Z. V.* Ibn Fadlân's Reisebericht, с. 268; *Şeşen R.* Islam Coğrafyacılara Göre Türkler ve Türk Ülkeleri. Ankara, 1985, с. 90.

⁴⁹ *Mackerras C.* The Uighur Empire According to T'ang Dynastic Histories. Canberra, 1972, с. 64—65, 80—81, 134 примеч. 55, 184—187, 192—193.

⁵⁰ *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten. T. 1, с. 10.

⁵¹ *Айдаров Г.* Язык орхонских памятников, с. 286—287. Мой перевод этих строк несколько отличается от перевода Айдарова.

⁵² См.: *Wang H.* Apa Qaghan, Founder of the Western Turkish Khanate, the Splitting Up of the Turkish Khanate and the Formation of the Western Turkish Khanate.— Social Sciences in China. 1982, № 2, с. 124—152.

⁵³ *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten. T. 1, с. 480; т. 2, с. 499.

⁵⁴ *Смирнова О. И.* К вопросу о языке легенд на тюркешских монетах.— Тюркологические исследования. М.— Л., 1963, с. 268.

⁵⁵ *Ligeti L.* A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest, 1986, с. 253—254; *Czeplédy K.* Das sakrale königstum bei den Steppenvölkern.— Numen. 1966, № 13, с. 20—21.

⁵⁶ *Alföldi A.* Die Struktur des voretruskischen Römerstaats. Heidelberg, 1974, с. 151—152.

⁵⁷ *Hocart A. M.* Kings and Councillors. Chicago, 1970, с. 161—170, 176—179; *Fraser J. G.* The Golden Bough. L., 1911—1912. Тома 3 и 4 приводят многие примеры этой формы соправительства.

⁵⁸ *Hocart A. M.* Kings and Councillors, с. 176—177; *Jagchid S., Hyer P.* Mongolia's Culture and Society. Boulder (Colo), 1979, с. 362.

⁵⁹ *Roux J.-R.* La religion, с. 162—163.

⁶⁰ Ср.: *Артамонов А. И.* История хазар, с. 275—281, 324—330; *Nagrodzka-Majchrzyk T.* Chazarowie.— *Dabrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E.* Hunowie Europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie. Wrocław—Warszawa, 1975, с. 467—468; *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1986, с. 60—68.

⁶¹ *Golden P. B.* Khazaria and Judaism, с. 144—154.

⁶² *Constantine Porphyrogenitus.* De Administrando Imperio, с. 174—175. Согласно теории Д. Немета, qabar — «повстанец» (*Németh Gy.* A honfoglaló magyarság kialakulása, с. 237).

⁶³ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.— Л., 1950, с. 268; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten. T. 1, с. 8.

⁶⁴ *Eliade M.* Shamanism. Archaic Techniques of Ecstasy. Trans. W. R. Trask. Princeton, 1965, с. 274.

⁶⁵ *Ögel B.* Türk Mitolojisi. C. 1, с. 294; *Kollautz A., Miyakawa H.* Geschichte und Kultur eines völkerwanderungszeitlichen Nomadenvolkes; Die Jou-Jan der Mongolei und die Awaren in Mitteleuropa. T. 1. Klagenfurt, 1970, с. 69—70; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten. T. 1, с. 459—460.

⁶⁶ *Constantine Porphyrogenitus.* De Administrando Imperio, с. 172—173.

⁶⁷ *Esin E. Ay-Bitigi.* The Court Attendants in Turkish Iconography.— Central Asiatic Journal. 1970, № 14, с. 103—104.

⁶⁸ Schmidt W. P. Die Ursprung. T. 9, с. 42—43.

⁶⁹ О камлапии см.: Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984, с. 179, 204.

⁷⁰ См.: Şeşen R. El-Cahiz. Hilâfet Ordusunun Menkibeleri ve Türkler'in Fazîletleri. Ankara, 1967, араб. текст, тур. пер.: с. 32—33; Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. А.-А., 1972, с. 110.

⁷¹ Harva U. Die religiösen Vorstellungen der altaischer Völker. Helsinki, 1938, с. 223ff.; Inan A. Tarihte ve Bugünkü Şamanizm. Ankara, 1954. с. 66 и др.

⁷² Dvornik F. Early Christian. Vol. 1, с. 40, 71.

⁷³ Kutadgu Bilig. Nşr. R. R. Arat. Ankara, 1979, с. 26; Esin. Ay-Bitiği.—Central Asiatic Journal. The Hague—Wiesbaden, 1970, № 14, с. 84.

⁷⁴ von Gabain A. Das Leben im uigurischen Königreich von Qoço (850—1250). Wiesbaden, 1975, с. 54—55; Eliade M. Shamanism, с. 98; Ogel B. Türk Mitolojisi. T. 1, с. 29—30, 47, 86; Harva U. Die religiösen. Vorstellungen, с. 465ff. Согласно иранским представлениям, хварена изображалась в виде птицы (см.: Dvornik F. Early Christian. Vol. 1, с. 86).

⁷⁵ Айдаров Г. Язык орхонских памятников, с. 314; Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. Ed. Malov S. Leningrad, 1928; переизд. Osnabruck, 1972, с. 31.

⁷⁶ Такой перевод является спорным. Ср.: Айдаров Г. Язык орхонских памятников, с. 338: özi qisğa kergek boltı — «и сам был задавлен до смерти». В издании и переводе Оркуна (Orkun H. N. Eski Türk Yazıtları. С. 1. Ankara, 1987, с. 139): özi gisğa kergek boltı = «öldü».

⁷⁷ von Gabain A. Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften.—Anthropos. 1953, № 48, с. 546—547; Hegaard E. S. Some Expressions Pertaining to Death in the Kök Turkic Inscriptions.—Ural-Altische Jahrbücher. 1976, № 48 с. 90—91, 95—96, 103—106, 108—111, 113. Ср. полемику с интерпретациями Хегарда в: Roux J.-P. La religion, с. 252.

Н. А. Иванов

**ОРГАНИЗАЦИЯ ШАРИАТСКОЙ ВЛАСТИ
И АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО АППАРАТА
В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ XVI—XVII вв.
(на примере арабских стран)**

Представления о средневековом обществе и государстве, сложившиеся у нас на основании исторического опыта Европы, совершенно не соответствуют реальностям Богохранимого государства (Мемалик-и махрусе), как официально именовалась Османская империя к началу Нового времени. Османское общество имело иную структуру, другие принципы организации общественной и хозяйственной жизни. Его наиболее характерными чертами были отрицательное отношение к отдельной человеческой личности, к частной собственности, коллективизм, тотальный характер государства и вытекающие отсюда нераздельность светского и духовного начал, всеобщая регламентация, эгалитаризм и бессловность, возведенные в принцип всего общественного устройства.

Главной особенностью османской социальной системы было абсолютное преобладание государства над обществом. Государство, формировавшее общественные идеалы, вкусы и отношения, выступало как «универсальное государство» (А. Тойнби), созданное навечно как воплощение на земле предполагаемо высших человеческих идеалов и стремлений, в данном случае — социально-теократических принципов османизма. Они находили обоснование в социальном и морально-этическом учении ислама. По всеобщему убеждению, власть даровалась свыше и служила орудием в руках божественного Промысла. Вследствие этого она имела провиденциальный характер и не зависела от субъективных побуждений людей. При этом считалось, что власть не только сообразовывала свою деятельность с кораническим посланием, но и чуть ли не непосредственно исходила от Бога, осуществляла его миссию. Селим I (1512—1520) даже в обращениях к иностранным правительствам заявлял, что Бог «поставил нас в качестве своих наместников (халифов) на земле»¹ и требовал соответствующего повиновения.

Как и во всякой теократии, в Богохранимом государстве не было и не могло быть принципа: Богу — Богово, кесарю — кесарево. В Османской империи глава государства одновремен-

но выступал как верховный религиозный руководитель. В отличие от Запада здесь не было разделения светской и духовной власти и даже четкого размежевания между административными и религиозными функциями. Они взаимно проникали и дополняли друг друга. Причем в отличие от Запада, как подчеркивает А. Тойнби, религия, право и управление находились здесь в одних руках². Все стороны общественной, государственной и личной жизни подлежали единой религиозной регламентации. Фетва — заключение экспертов о соответствии того или иного акта принципам ислама — должна была санкционировать любое действие власти, вплоть до решений самого падишаха, а также поступки отдельных людей, выходящие за пределы общепринятых норм и традиций. Здесь не было и не могло быть никаких источников права, не признанных исламом и не соответствующих его сущности. Одним словом, как писал арабский историк Зейн Н. Зейн, священный мусульманский шариат был основой основ османского правления³.

Нет ничего более ошибочного, чем представлять шариат как некую отвлеченную доктрину, которая не могла оказывать реального влияния на повседневную жизнь общества. Вопреки мнению И. Гольдциера (1850—1921) и Х. Снук-Хюргронье (1857—1936), шариат никогда не был чисто моральным кодексом, прокламацией нежизненных норм и правил, являвшихся лишь идеалом для мусульманина. Не менее ошибочно было бы представлять шариат как своего рода религиозное право, которое, подобно христианскому каноническому праву, может существовать наряду со светским законодательством. В исламе нет ничего подобного, и шариат (букв. «правильный путь») скорее всего можно было бы представить себе как своего рода руководство к действию, как метод устройства общественной и личной жизни на объективно установленных основах, не зависящих от прихоти отдельных людей, одним словом, как совокупность общих принципов, этических правил, моральных и правовых норм, соблюдение которых должно было обеспечивать социальную гармонию.

Было бы также неверно изображать шариат как некую застывшую и абсолютно неизменную систему права, тем более как своего рода «судебник» или «свод законов». Ни в Коране, ни в сунне Пророка нет никакой детально разработанной системы права. Они дают лишь общее направление, исходные принципы, на основе которых должно было строиться мусульманское общество. Эти принципы, по мнению современного мусульманского социолога Умары Чапры, можно было бы разделить на две части. Первая охватывает наиболее общие положения, определяющие основные задачи и ценности ислама. Вторая содержит более конкретные положения (о наследовании, закяте, риба и т. п.), без которых реализация общих задач была бы невозможна⁴. К тому же надо иметь в виду, что при реализации этих задач с самого начала учитывались также

своеобразие местных условий и, что не менее важно, коллективный опыт общины (принцип иджда). На этой основе в X в. сложилось несколько шариатских мазхабов, или религиозно-юридических школ. В дальнейшем четыре из них, в догматическом отношении абсолютно идентичные (ханифиты, шафииты, маликиты и ханбалиты), стали признаваться как наиболее адекватно выражающие учение Мухаммеда и, следовательно, при всех своих различиях как наиболее ортодоксальные с точки зрения суннитского ислама.

В Османской империи был принят ханифитский мазхаб. Его основные положения были разработаны великим суннитским имамом Абу Ханифой (699—767), а затем развивались его учениками и последователями (по османской классификации, имамами и шейхами семи нисходящих ступеней). Во всех коренных вопросах общественной и государственной жизни, а также при отправлении общественного культа следовало соотноситься с положениями Абу Ханифы. Исключительно на основе ханифитского учения должны были строиться социально-экономические отношения, государственные, уголовные и общегражданские установления, военное законодательство. Лишь во второстепенных вопросах, прежде всего связанных с местными обычаями и традициями (формы личного благочестия, обрядность, семейно-брачные отношения, мораль и этические установки, особенно на первичном уровне: семья, деревня, племя), можно было руководствоваться положениями, принятыми в других мазхабах и даже конфессиональных группах.

Следует, наконец, подчеркнуть, что с течением времени учение Абу Ханифы претерпело существенные изменения. При всем почтении к великому имаму в Османской империи применялись только те положения ханифизма, которые соответствовали реальным потребностям Богохранимого государства, в частности его социально-утопическому идеалу. В связи с этим наследие Абу Ханифы неоднократно пересматривалось. Фактически оно осмысливалось заново, каждый раз с учетом новых требований и данных. При этом по добром восточному обычаю устаревшие положения никогда официально не отменялись; они лишь выходили из употребления или перекрывались новой интерпретацией старых догм. В соответствии с этим кадиям рекомендовалось руководствоваться только самыми последними комментариями и самыми новейшими сборниками фетв. В целом это толкование закона, действовавшее на протяжении нескольких столетий, можно было бы охарактеризовать как османскую систему шариата или просто как османский шариат. Его идейно-теоретической базой вплоть до начала XIX в. были труды Мехмеда ибн Фира-мурзы (более известного как Мулла Хюсрев; ум. 1480), в частности его «Дуар аль-хуккам» («Жемчужины правителей», 1470 г.), и особенно капитальный труд Ибрахима аль-Халеби (1458—1549) «Мультака аль-абхур» («Слияние морей», 1517 г.). В дальнейшем основные положения этих работ

«уточнялись» и развивались. Важнейшими комментариями считались «Маджма аль-анхур» («Соединение рек») Шейх-заде (ум. 1667) и «Дурр аль-мунтака» («Жемчужина ясного суждения») аль-Хаскафи (ум. 1677).

На протяжении всего османского периода шариат был основным законом Богохранимого государства. Он являлся, по словам Б. Льюиса, «реальным базисом общественной и частной жизни»⁵. С этой точки зрения Османскую империю можно с полным основанием назвать первым в мире подлинно шариатским государством. Вся его жизнь сверху донизу строилась в соответствии с предписаниями священного закона. Султаны, отмечал Б. Льюис, «придали шариату, священному закону ислама, большую степень реальной действенности, чем это имело место в любом другом мусульманском государстве с высокой материальной цивилизацией, начиная с самых ранних времен»⁶.

По самой своей природе священный закон был выше людей и не зависел от их воли. Даже султан не имел права изменять или отменять какую-либо часть шариата, который являлся, по словам А. Либайера, «конституцией» Османской империи. Султан выступал лишь как хранитель, толкователь и исполнитель закона. Сам же закон не подлежал обсуждению. Он был дан свыше, один раз и навсегда. Все постановления правительства (канун-наме, адалят-наме, фирманы, бераты и другие распорядительные акты), даже если в них действительно находили отражение, как полагает Х. Иналджик, какие-то традиции древних тюркских племен или утопические идеалы ранних гази, непосредственно не вытекавшие из практики ханифизма, должны были соответствовать основному закону. В ряде случаев это специально оговаривалось, как, например, в Канун-наме Сулеймана Великолепного (1520—1566), где четко и недвусмысленно заявлялось: «Султанское канун-наме, соответствие которого священному (шерифе) шариату подтверждено...»⁷.

Но даже в тех случаях, когда это специально не оговаривалось, считалось, что все постановления правительства соответствовали священному закону. Более того, если власти решались в чем-либо отойти от шариата, они никогда об этом не заявляли. В частности, это относится к практике издания хатти-ширифов и хатти-хумаюнов, введенной при Мураде III (1574—1595). Она, по словам Й. Хаммера, была, «бесспорно, менее „конституционной“». И тем не менее даже эти «инструменты тирании», по выражению Г. Гибба и Г. Боуэна, прикрывались ссылками на шариат. Формально они соответствовали священному закону не меньше, чем канун-наме или адалят-наме⁸. Другими словами, османские власти исходили из того, что шариат был и всегда оставался руководством к действию, отступить от которого не было дано никому.

В Османской империи, как и во всякой теократии, верховная власть была несвободна. Она была рабом своей «миссии» и слепо служила отвлеченной теократической идее. Как это ни пара-

доксально, восточный деспотизм с его безграничным произволом отнюдь не означал свободы действий для правительства. В отличие от европейских монархов османские султаны были крайне ограничены в выборе решений, особенно при разработке общего курса внешней и внутренней политики. Они не могли выйти за рамки изначально прокламированных ценностей и установок. В противном случае они могли быть низложены. «Считалось,— пишет А. Либайер,— что в случае нарушения священного закона мусульманское общество во главе с улемами освобождалось от присяги государю и могло осуществить свое право на революцию»⁹. В XVI—XVII вв. из 15 султанов 6 были низложены по обвинению в нарушении шариата (двое из них казнены).

Наконец, надо иметь в виду, что предписания шариата, особенно относившиеся к сфере политики, общественной и хозяйственной жизни, были обязательны для всех жителей Богохранимого государства, включая христианских подданных султана. Последние, как заметил французский социолог Ж. Велерс, были «социально исламизированы»¹⁰. На основе шариата строились также отношения с иностранцами, постоянно или временно пребывавшими на земле мусульман. Одним словом, все отношения между людьми в пределах «Страны Полумесяца», независимо от их национальной, расовой и социальной принадлежности, подлежали единой религиозной регламентации.

Верховным правителем Османской империи был султан из рода Османа — «наместник Бога на его земле», или халиф, который как «падишах ислама» осуществлял светскую и духовную власть. Он правил совместно с имперским диваном (диван-и хумайюн), состоявшим из высших сановников государства. На местах власть осуществляли, как писал знаменитый публицист времен Ивана Грозного И. С. Пересветов, его «паши верные, и кадьи, и шибошии, и амины»¹¹.

Характеризуя их власть, хотелось бы прежде всего отметить два принципиальных момента, без которых просто невозможно представить функционирование османской государственно-административной системы. Во-первых, это принцип единства и неделимости власти, т. е. сосредоточения всех властных функций в одних руках. Он противостоял принципу разделения властей, являвшемуся идеалом европейского правления. Во-вторых, принцип «шура» (букв. «совет»), т. е. принцип соборности, предусматривавший совместное обсуждение и принятие решений путем достижения общего согласия. Он противостоял принципу индивидуального правления, а также принятию решений, основанных на личном волеизъявлении или большинстве голосов.

Носителем единой власти, выражающей общую волю мусульман, считался «диван» (правящий совет) — чисто мусульманский орган коллективного руководства. В отличие от европейских правительств, осуществлявших свои полномочия от имени и по поручению суверенной власти, диван сам считался носителем этой власти. Формально он ни от кого не зависел

и сам осуществлял всю полноту своих полномочий: сам принимал решения, сам исполнял их, сам рассматривал жалобы на действия своих должностных лиц, сам же определял им меру наказания. Иными словами, с европейской точки зрения он обладал одновременно функциями законодательной, исполнительной и судебной власти.

«Диваны» как органы коллективного руководства существовали на всех уровнях. В 1609 г. Османская империя делилась на 32 провинции, или наместничества (эйалета, или бейлербейлика), подразделявшиеся на уезды (санджаки, или лива), а те, в свою очередь, на волости (нахии), состоявшие из нескольких сел, или погостов (карья, мн. ч.: кура), со всеми относящимися к ним деревнями и выселками. Поселения, имевшие статус города (крупные — шехир, или медина; малые — касаба), в зависимости от величины и значения подчинялись либо эйалету, либо санджаку, иногда даже нахии.

В каждом из этих подразделений (кроме городов) были свои «правлящие советы» (диван эйалета, диван санджака и т. д.). Они формировались на местах и в первую очередь отражали местные интересы. К тому же формально, как носители суверенных прав, они не зависели от вышестоящих советов, а лишь сообразовывали с ними свою деятельность. Следует, наконец, подчеркнуть, что в финансовом отношении они также являлись абсолютно самостоятельными. Все расходы эйалета или санджака покрывались за счет их собственных доходов. Из Стамбула не поступало никаких регулярных платежей бюджетно-целевого характера, если не считать «даров» и разовых ассигнований, связанных с покрытием каких-либо чрезвычайных расходов общеимперского или благотворительного характера. В свою очередь, в Стамбул посылалась лишь «дань», а не регулярные отчисления в зависимости от местных доходов.

Вследствие этого, несмотря на единообразную организацию государственного управления, строгую субординированность и регулярную отчетность. Османская империя даже отдаленно не напоминала централизованного, административно единого государства. Многочисленные указы, бераты и другие распорядительные акты правительства, посылаемые из центра на места, и еще больший поток бумаг, шедших в обратном направлении, создавали, по словам турецкого историка О.-Л. Баркана, «видимость империи, которая функционировала как хорошо отлаженная машина»¹². На самом деле такой машины не было. Фактически Богохранимое государство представляло собой конгломерат различных народностей и областей, насильственно объединенных под верховной властью султана. По своей площади — около 6 млн. кв. км — Османская империя равнялась приблизительно территории всей Европы, без Московской Руси, с не меньшим разнообразием природных и человеческих условий. На этом огромном пространстве — от Карпат на севере до Абиссинского нагорья на юге, от Высокого Атласа на западе

до Кавказа на востоке — размещались десятки историко-культурных областей, или «стран», со своими традициями, языком и образом жизни. В каждой из них были свои таможи, свои деньги, собственные системы мер и весов. Как это ни парадоксально, в Османской империи не было единой османской монеты, которая могла бы служить единым и общепризнанным средством платежа во всех частях Богохранимого государства. В арабских эялетах чеканилась собственная монета, и лишь имя царствующего султана да официально утверждавшееся Портой содержание драгоценных металлов связывало ее с другими денежными единицами Османской империи. Каждая из них имела свою стоимость и собственный обменный курс. Следует подчеркнуть, что вплоть до конца XIX в. базары крупных арабских городов придерживались своих расчетно-денежных единиц¹³ и не принимали в качестве денежного средства монету других османских провинций.

При полной хозяйственной, административной и культурно-исторической обособленности отдельных эялетов единство Османской империи основывалось исключительно на факторах морально-политического характера. В его основе лежала общность социально-теократического идеала и вытекающее отсюда сходство экономических и социально-политических структур. Единство империи выражалось главным образом в признании верховной власти султана как главного исполнителя и хранителя священного закона. Вследствие этого единство государства воспринималось прежде всего как единство дар-уль-ислам — «Страны Полумесяца», где основным законом является шариат и где мусульманин, как писал А. Мец (1869—1917), «повсюду находился под сенью своей веры, встречал того же бога, те же молитвы, аналогичные законы и схожие обычаи»¹⁴.

Морально-политическое единство дар-уль-ислам обеспечивалось представителями султана на местах. Они были обязаны осуществлять его волю, выступая как его слуги, или, по османской терминологии, как его «холопы» (кул). При этом хотелось бы подчеркнуть, что не было единого представителя верховной власти, который мог бы выступать в качестве единоличного и полновластного губернатора. Осуществление прерогатив султана всегда делегировалось по двум независимым друг от друга линиям власти: по линии «политической власти» (хукм ас-сийаса), непосредственно исходившей от имперского дивана во главе с великим везиром, и по линии «шариатской власти» (хукм аш-шариа), исходившей от столичного шейх уль-ислама¹⁵.

Если характер «политической власти», отвечавшей прежде всего за внешнюю и внутреннюю безопасность государства, за «порядок», был более или менее понятен европейцам, то сущность «шариатской власти» была совершенно чужда европейскому правосознанию. Оно не воспринимало ее и соответственно не могло выразить в категориях и понятиях западного мышления. Обычно европейцы сравнивали организацию шариатской

власти с церковью, а кадиев — с епископами (в XVI — начале XVII в.), иногда, особенно с конца XVII в., — с религиозными судьями. На самом деле они не были ни тем, ни другим. Шариатская власть имела совершенно иной характер и выходила далеко за пределы духовной и судебной власти, как ее понимали в Европе. В ведении кадиев находились все сферы общественной и государственной жизни. Их основной задачей было направлять жизнь общества в соответствии с принципами шариата. Кадии, особенно в XVI — начале XVII в., обладали чрезвычайно широкими полномочиями и, как во всякой теократии, составляли, говоря словами Х. Иналджика, «становой хребет османской администрации»¹⁶.

Политическую власть на уровне эйалета осуществлял бей-лербей, или амир аль-умара (араб.; отсюда мир-и миран), — наместник султана, председательствовавший в диване эйалета. В европейских источниках его обычно именовали «вице-король», а возглавляемую им территорию — «регентством». С конца XVI в. (ок. 1590 г.) наместник султана стал называться «вали» (правитель, губернатор). Термин «бейлербей» вышел из повседневного употребления, а слово «мирмиран» стало обозначать не должность, а один из чинов в высшей иерархии Богохранимого государства. По османской табели о рангах, всем правителям эйалетов и санджаков присваивался титул «паша», который в XVII в. имел три степени: однобунчужный¹⁷ (мирлива), двухбунчужный (мирмиран) и трехбунчужный (везир) паша. Вследствие этого в арабских источниках XVII в. наместники (вали) крупнейших эйалетов (Египет, Багдадский эйалет и др.), имевшие титул трехбунчужного паши, нередко именовались «везир», остальные — «мирмиран».

На уровне санджака политическую власть осуществлял санджак-бей, или — по-арабски — амир аль-лива, мир-и лива; на уровне нахии — субаши (воевода), или каид. В Египте, где по традиции санджак-беи (сангаки) жили в Каире, на местах распоряжались их полномочные представители в ранге кяшифов, которые в таком случае именовались «кушшаф би-ль-вилайя» (кяшифы вилайетов) в отличие от «кушшаф ан-навахи» (кяшифы нахий). Следует, наконец, отметить, что наряду с официальной широкое распространение имела упрощенная терминология полуофициального характера. Вали называли просто «паша», правителя санджака — «бей» и т. п., а возглавляемые ими территории — соответственно «пашалык», «бейлик», «субашилык» и т. д.

Что касается шариатской власти, то она имела не менее иерархичную структуру с четкой системой рангов и чинов. На ее организацию первостепенное влияние оказало устройство православной церкви. В середине XV в., вскоре после взятия Константинополя, Мехмед II (1451—1481) провел реорганизацию мусульманского духовенства. В частности, он расширил права и полномочия шейх уль-ислама. До этого, со времени

своего учреждения в 1424 г., пост шейх уль-ислама являлся скорее почетным и его занимал наиболее авторитетный кадий государства. Теперь он становится начальником мусульманского духовенства. По замыслу султана шейх уль-ислам должен был стать для мусульман тем же, чем был патриарх для его православных подданных. Постепенно, в основном к 1480 г., по образцу православной церкви создается строго субординированная шариатская организация — новое и совершенно уникальное явление в истории ислама. Впервые возникает, как пишет Бернард Льюис, «институциональная структура — субординированная иерархия профессиональных людей религии с признанными функциями и полномочиями, сравнимая с христианским духовенством или жречеством древних империй»¹⁸.

В своих главных чертах она сложилась в середине XVI в., в последние годы правления Сулеймана Великолепного. Практически без изменений аппарат шариатской власти просуществовал до начала XVIII в., когда подвергся некоторой модификации. Внешне напоминая церковную организацию, он не был таковой в собственном смысле этого слова. «Положение, что в исламе нет церкви,— отмечал в связи с этим Б. Льюис,— остается правильным в теологическом плане, ибо в исламе нет посвящения в сан, таинств и посредничества священнослужителей между верующими и Богом, но оно перестает быть правильным в политическом и социологическом плане»¹⁹.

Объединяя светское и духовное начало, шариатская власть в отличие от христианской церкви руководила главным образом «светской» стороной жизни. Собственно религиозная жизнь находилась в ведении особой части мусульманского духовенства, непосредственных служителей культа и толкователей священного закона — муфтиев, которые контролировались и направлялись кадиями как общими руководителями мусульманской уммы. Попытки Сулеймана Великолепного придать муфтиям особый чиновный статус, расположив их в табели о рангах непосредственно вслед за кадиями, по существу, провалились, и официальные муфтии (в отличие от «частных») воспринимались в народе не как самостоятельные религиозные деятели, а как юридические советники кадиев. Что касается служителей мечети, то они были разбиты на пять категорий: имама, хатыбы, ваизы, муэззины и кайюмы. Каждая из них имела твердо очерченный круг обязанностей, денежное содержание и, по существу, превратилась в особую часть государственного аппарата, отвечающую за религиозное воспитание и морально-политическую ориентацию населения.

Во главе аппарата шариатской власти находились имперский шейх уль-ислам и три казиаскера — Румелии, Анатолии и Египта (с 1522 г.²⁰). В европейской, особенно в русской, литературе шейх уль-ислам нередко сравнивался с патриархом вселенской православной церкви. В таком случае казиаскеров можно было бы уподоблять патриархам автокефальных церк-

вей. Во всяком случае, казиаскеры стояли во главе самостоятельных шариятских организаций, имевших собственную иерархию религиозных сановников: в Румелии — девять ступеней, Анатолии — десять и в Египте — шесть ступеней. В XVII в. шесть нижних ступеней занимали кадии различных рангов. Высшую иерархию составляли муллы (от араб. «маула», в Северной Африке «мулай» — «владыка») — своего рода духовные паши, достигшие высшего религиозного сана, или «мевлийета». Они назывались «кудат-и мевлийет», т. е. кадии в сане муллы. В 1640 г. они были двух степеней: «великие муллы» (своего рода архиепископы), которые, согласно османской табели о рангах, приравнивались к везирам, и «младшие муллы» (епископы), имевшие ранг мирмирана²¹. Всего в середине XVII в., помимо казиаскеров и высших столичных сановников, было 32 муллы: 12 — «великих» и 20 — «младших»²². В административном отношении кадии и муллы Ирака, Сирии и других азиатских эйалетов находились в ведении казиаскера Анатолии; кадии и муллы Алжира, Туниса и других африканских провинций — в ведении казиаскера Румелии. Египет, как уже отмечалось, составлял особый шариятский «диоцез».

На уровне эйалета во главе шариятского аппарата стоял главный кадий (кади аль-кудат) в ряде случаев именовавшийся шейх уль-исламом данной провинции. Казиаскер Египта и главные кадии Дамаска и Халеба имели ранг «великого муллы»; по сану к ним приравнивались кадии священных городов Мекки, Медины и Иерусалима. Главные кадии остальных арабских эйалетов имели титул «младшего муллы». На уровне санджаков и крупных провинциальных городов шариятскую власть осуществляли старшие кадии, ранг которых определялся значением соответствующих центров. На низших ступенях шариятской иерархии находились кадии малых городов (кудат аль-касабат) и кадии нахий (кудат ан-навахи), которые в большинстве случаев управляли одновременно несколькими нахиями и фактически составляли особую административную инстанцию — када́, или кадылык, т. е. кадийский округ, располагавшийся между санджаком и нахией. Как правило, кадии всех ступеней имели наибо́в (полномочных представителей), которые в качестве их заместителей возглавляли территориальные (када наби́) или ведомственные (баб наби́) подразделения шариятского аппарата. Наконец, следует отметить, что помимо ханифитских сановников во всех арабских эйалетах назначались кадии негосударственных мазхабов: маликитов — в Северной Африке и Верхнем Египте, шафиитов — в Нижнем Египте, Сирии и Йемене, ханбалитов — в ряде центров Аравии, Сирии и Ирака. Ввиду полной неизученности вопроса ничего нельзя сказать о характере их отношений с официальными представителями шариятской власти²³. Ясно лишь, что кадии местных мазхабов не имели решающего голоса в управлении государством.

Свою власть кадии и паши осуществляли совместно с «диваном» как органом коллективного руководства. От его имени происходило управление на местах, издавались указы и распоряжения, собирались налоги, проводились назначения, выплачивалось жалование и т. п. Вали и санджак-беи в качестве председателей утверждали и подписывали решения дивана, кадии — обнародовали и тем самым давали санкцию на их проведение в жизнь. В каждом эйалете существовал расширенный состав дивана («большой диван»), в компетенцию которого входили важнейшие дела принципиального характера, и узкий состав («малый диван»), собиравшийся каждый день и рассматривавший вопросы текущего управления.

Под руководством дивана работали административные ведомства и различного рода государственные учреждения. Обычно их объединяют в три группы²⁴. К первой можно отнести конторы, или бюро (калам), входившие в состав государственной канцелярии во главе с начальником писцов (раис аль-кутаб, или просто реис-эфенди) — своего рода канцлером, ведавшим государственной перепиской и отчетностью, составлением приказов и других распорядительных актов дивана. Вторую группу составляли бюро, относившиеся к ведомству нишанджи — своего рода начальника управления кадров, занимавшегося назначением и перемещением государственных служащих, а также наградами и другими делами, связанными с поощрением чиновников и военно-служилых людей. В третью и наиболее многочисленную группу входили ведомства, связанные с финансово-экономическим управлением. Во главе их находился дефтердар, или маль дефтердари (управляющий казенной палатой, или хранитель государственных регистров). В источниках XVI в. он нередко именовался «назир-и эмваль» (смотритель казенных имуществ). Это был политический руководитель административно-хозяйственного аппарата, отвечавший за всю сферу хозяйственной жизни. На уровне эйалета он имел ранг санджак-бея (мирливы) и считался «номером три» в иерархии провинциальных правителей. Его влияние было значительно шире, чем у его европейских аналогов — министров экономики и финансов, и определялось большим удельным весом казенных имуществ.

Управление хозяйством было крайне децентрализовано и шло одновременно по различным линиям контроля и подчинения. Под общим руководством дефтердара в каждом эйалете и санджаке имелось несколько учреждений, осуществлявших административно-хозяйственные функции государства. Раскладкой, сбором и регистрацией государственных налогов ведало рузнама, ведомство государственных доходов, во главе с рузнамджи. Расходы, включая отправку дани в Стамбул, находились в ведении хазнадара (казначея). Отдельным учреждением, официально не связанным с государственным казначейством, был байт аль-маль — общественная казна мусульман. Осо-

бой отраслю управления являлось хранение и распределение материальных ресурсов государства. В его ведении находилась система зерновых складов (амбар хасса, шуна ас-султанийя), военных, морских интендантств и других государственных хранилищ. Управление казенными имуществами, в частности имперскими имениями (хавасси хумайюн), находилось в руках дефтер-кетхудасы (заместитель по казенной палате) и дефтер-эмини, или мукатаа дефтери (директор казенных имуществ), стоявших во главе соответствующих канцелярий. Все вопросы, связанные с предоставлением тимаров, входили в компетенцию тимар кетхудасы (заместитель по тимарам), и тимар дефтери (управляющий палатой тимаров).

В крупных городах административно-хозяйственный аппарат возглавлял шехир-эмини, или шехир мукатааджиси (директор городских казенных имуществ). В административном отношении ему подчинялись таможенные службы, монетный двор (дар ад-дарб) и различного рода отраслевые управления, контролировавшие отдельные группы базовых производственных единиц (торгово-ремесленные корпорации, казенные заводы, арсеналы, верфи и тому подобные предприятия). В Каире, например, в середине XVII в. насчитывалось 30 таких отраслевых управлений. Среди них были управления, или конторы (калам), во главе с этмекджи-баши, в ведении которых находились пекарни, торговля зерном и хлебобулочными изделиями; ашчи-баши — начальник поваров; джебеджи-баши, в подчинении у которого были арсеналы, а также корпорации оружейников и пороховщиков; мимар-баши, возглавлявший корпорацию каменщиков, строителей, архитекторов и т. д. Директор публичных зрелищ (амин аль-хурда) управлял корпорациями танцовщиц, заклинателей змей, жонглеров, акробатов, торговцев гашишем и т. п. Управление таштихана, созданное в 1643 г., контролировало сахарные заводы Каира, Булака и Старого Каира, 15 предприятий по производству уксуса в Каире и Булаке, изготовление чубуков, нашатырный завод, производство фарфоровых чашек, крашение шелковых тканей и некоторые другие производства²⁵.

На базовом уровне центральной фигурой хозяйственного управления был амин, или эмин (директор). В его ведении находилась основная фискально-производственная единица Богохранимого государства — мукатаа (букв. «часть»). Это был строго определенный постоянный источник государственного дохода, зафиксированный в регистре (дефтере). Все источники, будь то земля, промыслы или торговля, писал Эвлия Челеби (1611—1678), «считались собственностью и прерогативой султана, который распределял их частями, мукатаа, своим уполномоченным для управления и получения доходов»²⁶. Мукатаа состояли из имперских имений (хавасси хумайюн), рыбных и соляных промыслов, рудников, присков, а также государственных предприятий и других городских источников дохода (та-

моженные пошлины, сборы с рынков и т. п.). В перечне 72 мукатаа г. Халеба, числившихся в дефтере 991 г. х. (1583—1584), значились монетный двор, кожевенный завод, три государственных бани, доход (бадж) с винного рынка, доход с овечьего рынка, три кайсарийи (крытые базары с мастерскими ткачей), десять садов, находившихся в черте города, и т. п.²⁷ В Каире в дефтер в качестве особого мукатаа, за которое отвечал чиновник, находившийся на службе у государства²⁸.

Мукатаа не «принадлежало» амину. Он не был ни «узуфруктором», ни «условным владельцем» мукатаа. Более того, он не считался даже «управляющим» в европейском смысле этого слова, т. е. человеком, несущим всю полноту личной ответственности за организацию и руководство производственным процессом. По сути дела, он был лишь «смотрителем», доверенным лицом государства («амин» — букв. «верный», «человек, на которого можно положиться»), осуществлявшим общий надзор за деятельностью подчиненного ему коллектива. Фактически он отвечал лишь за конечные результаты производства — за поступление доходов в государственную казну. При этом он не был ни полновластным, ни единоличным распорядителем мукатаа. Свои функции он выполнял совместно с кятибом (секретарем), амилом (приказчиком) и назиром (смотрителем). Все дела они решали совместно, в наиболее ответственных случаях собираясь под председательством кадия или его представителя²⁹. Никто из них не вмешивался в собственно производственный процесс, в частности в организацию труда. Например, амин порохового завода в Хаме (Сирия), на котором в 1592 г. работало 25 человек, был обязан финансировать и в случае необходимости покрывать убытки предприятия; его назир устанавливал объем производства и вообще действовал, как пишет сирийский историк Абд аль-Керим Рафек, в качестве «особого офицера связи»³⁰ между правительством и коллективом непосредственных производителей. Вся же внутренняя жизнь коллектива, в том числе его производственная деятельность, находилась в ведении выборного шейха пороховщиков.

В сельских мукатаа амины должны были следить за правильным использованием наделов, за своевременным и качественным выполнением полевых работ, в случае необходимости выдавать семенные ссуды, скот, инвентарь, производить обмер урожаев, взимать и хранить все, что причиталось государству³¹. Самое главное, им следовало пресекать любые действия, наносящие ущерб имперской казне. Они должны были: прежде всего выявлять лиц, уклонявшихся от своих обязательств перед государством, в частности от полевых работ и уплаты налогов; пресекать стремление к получению так называемых «тайных» урожаев, к разведению неразрешенных садов, к выпасу «тайного» скота в пределах мукатаа и т. п.³². Амили и амины лично отвечали за уменьшение доходности мукатаа, за искусствен-

ное занижение урожайности, тем более за преступное утаивание продукции. «Если эмины и амили,— говорилось в законе об имперских имениях (хассах) 1498 г.,— не уследят за тем, чтобы были выполнены все условия посева и обработки чифта, то возмещать ущерб придется им. Пусть это знают»³³. В Канун-наме Миср 1523 г. уточнялось, что для возмещения ущерба проводятся опись и продажа с молотка всех вещей амиля, а если этого будет недостаточно, то и вещей амина. В случае же если ущерб государству был связан с получением взятки или другим противозаконным действием, то амиля после взыскания недостачи следовало предать смертной казни³⁴.

Амили и амины являлись государственными чиновниками, получавшими твердое фиксированное жалованье (аваид мукарара) из казны. В этом отношении «они были,— по словам Ст. Шоу,— наиболее близким османским эквивалентом современных бюрократов»³⁵. Всю сумму полученных доходов они должны были сполна вносить в государственную казну. За исключением сельскохозяйственных налогов, все поступления вносились в конце месяца³⁶. Соответствующие отчеты утверждались кадиями и направлялись по инстанциям на имя дефтердара. Подобная форма управления мукатаа была наиболее распространена в Богохранимом государстве и называлась «эманет» (амана), т. е. «директорат».

Следует, однако, отметить, что в ряде арабских провинций, в частности в Сирии, Ираке и Палестине, многие мукатаа представлялись в качестве тимара. В этом случае они выпадали из централизованного фонда распределения. По расчетам О.-Л. Баркана, относящимся к 1528 г., децентрализованные изъятия в форме тимара и других отчислений в пользу местных должностных лиц, отвечавших за соблюдение порядка в сельской местности (например, кушувийя в Египте), в целом по империи составляли 49% всех доходов государства, в том числе 37% собственно тимары. Соответственно 51% приходился на эманеты. В Египте, по тем же расчетам, децентрализованные изъятия составляли 14% всех доходов казны, в эйалетах Дамаска и Халеба — по 52%, Диярбекира — 69%³⁷. Судя по всему, эти пропорции сохранялись на протяжении всего XVI в., возможно лишь с некоторым уменьшением доли тимаров в некогда приграничной Сирии (до 1534 г.). Однако в конце XVI в., как пишет Б. Льюис, кадастровые регистры начали показывать постоянное уменьшение числа тимаров и соответствующий рост имперских имений³⁸. Во всяком случае, по данным 1548—1555 гг., в четырех санджаках Палестины, входивших в Дамасский эйалет, на различного рода децентрализованные ренты приходилось 50,5% государственных доходов, в том числе на собственно тимары — 23,4, на имперские имения — 49,5%³⁹.

При передаче мукатаа в тимар административно-хозяйственные функции амиля переходили к держателю тимара. В обоих случаях они были идентичны, и не случайно султанские кану-

наме адресовали свои инструкции одновременно и амилям, и держателям тимаров⁴⁰. Вся разница состояла в том, что в отличие от амиля держатель тимара не получал жалованья из казны и жил за счет своей ренты, выполняя одновременно обязанности, связанные с его военной службой. Что касается амилей и аминов, то за свою военную службу они получали отдельное жалованье.

Доходы держателей тимаров, амилей и аминов не зависели от результатов их хозяйственной деятельности. Они не изменялись при уменьшении или увеличении рентабельности мукатаа. К тому же надо иметь в виду, что ренты рядовых держателей тимаров, жалованье амилей и аминов были сравнительно невелики и в большинстве случаев считались недостаточными. Отсюда проистекали нехватка «кадров»⁴¹, различного рода злоупотребления, а самое главное, крайняя неэффективность административно-хозяйственного аппарата. И в самом деле, отсутствие личной заинтересованности, жесткая регламентация хозяйственно-распорядительных функций и тяжелая мера ответственности приводили, с одной стороны, к безынициативности и лени, с другой — к различным формам незаконного обогащения. Вынужденные покрывать убытки, амили и амины стремились возместить их посредством хищений государственного имущества. За различного рода подношения они утаивали часть продукции, занижали показатели доходности мукатаа, закрывали глаза на самовольные займки, «тайное» производство товаров и т. п. В результате, несмотря на многочисленные репрессии и даже казни, доходы государства постоянно уменьшались.

Выход из этого безнадежного положения был найден в переходе от эманета, системы прямого государственного управления, к ильтизаму — частному подряду, или откупу. При этой форме управления казенными имуществами мультазим (подрядчик), или просто мукатааджи, обязывался вносить в казну строго фиксированную сумму поступлений и получал за это право взимать в свою пользу часть доходов от мукатаа, фактически всю разницу между реально полученным и официально вносимым доходом. В отличие от аминов мультазимы были более энергичны. Они не допускали никаких утаек продукции и с невиданным до этого рвением выколачивали все, что можно было взять по закону и даже больше.

Хотя в позднеосманский период ильтизам превратился в «классическую» форму эксплуатации государственных имуществ, его история практически не изучена. Видимо, прав Ст. Шоу, когда утверждает, что переход к ильтизаму являлся стихийным процессом, что он шел снизу и отнюдь не был результатом какого-то сознательного или продуманного выбора властей. Энергия и аккуратность лиц, действовавших на основе частного подряда, постепенно убедили правительство в преимуществах ильтизама и в конечном счете заставили его признать подряд «как

fait accompli, как регулярный метод управления мукатаа»⁴².

На начальном этапе, возможно в явочном порядке, амины стали передоверять свои мукатаа амилям на основе частного подряда. Во всяком случае, по мнению А. Когена и Б. Льюиса, «стандартизация» цифр государственных доходов в дефтерах Газы за 1539—1549 гг. является «ясным указанием на такого рода трансформацию»⁴³. Большинство османских источников утверждает, что практика откупов получила распространение при великом везире Рустем-паше⁴⁴ (1544—1561 гг. с двухлетним перерывом) и касалась прежде всего городских мукатаа, в частности таможенных пошлин. В правление Мурада III (1574—1595) подрядная система была распространена на сельские мукатаа, например в Египте⁴⁵. Поскольку, сдача государственных имуществ в ильтизам рассматривалась как противоречащая принципам османизма и даже как несовместимая с шариатом⁴⁶, то вполне вероятно, что в последующие годы власти не раз пытались идти на попятную и восстанавливали систему эманета⁴⁷. Во всяком случае, во времена султана Мурада IV (1623—1640) всю полноту ответственности за неустройство деревенской жизни многие источники вновь стали возлагать на аминов⁴⁸. И лишь после прихода к власти Мехмеда IV (1648—1687), в частности после государственного совещания относительно причин постоянно растущего дефицита⁴⁹, правительство официально перешло к управлению сельскими и городскими мукатаа на основе ильтизама. По всей вероятности, реформа осуществлялась постепенно, посредством издания отдельных фирманов, вводящих систему годичного подряда в различных провинциях и городах. В Ираке, например, фирман о переходе к ильтизаму был обнародован в 1650 г.⁵⁰, в Египте — в 1658 г., в Тунисе, по данным Тауфика Башруша, — также в середине XVII в. (не позднее 1659 г.)⁵¹.

Таким образом, в середине XVII в. ильтизам получил санкцию закона и стал основной формой управления мукатаа. Вопреки очевидным фактам, ни для кого не составлявшим секрета, переход к ильтизаму в истинно османских традициях обобщивался стремлением «улучшить» положение крестьян. Мультазим якобы мог лучше защитить их от произвола начальников. Получая подряд, мультазим не приобретал никаких прав собственности или владения. Официально он оставался агентом правительства, но в отличие от амиля получал не твердую зарплату, а особое вознаграждение — файз (букв. «излишек», «процент»), составлявший $\frac{1}{8}$ доходов мукатаа.

Распределением ильтизамов ведало государственное управление рузнама. Раз в год оно производило публичные торги (музайяда), в ходе которых выявлялся кандидат, предлагавший (или даже вносивший авансом) более высокую сумму доходов, чем его конкуренты. Ему выдавались особый документ, таксит, подтверждавший его права на данный финансовый год, и «письмо» (намика), адресованное местным властям с прось-

бой оказывать мультазиму всяческое содействие. Официально подрядчикам запрещалось взимать какие-либо дополнительные поборы сверх того, что полагалось по закону и было зафиксировано в султанских канун-наме⁵². В действительности же мультазимы злоупотребляли своим положением и старались извлекать из мукатаа максимум выгод. В большинстве случаев они передоверяли управление мукатаа своим субподрядчикам, которые, в свою очередь, договаривались с более мелкими хищниками, действовавшими также на основе неофициального подряда. В результате под «крышей» официального ильтизама возникла целая пирамида субподрядчиков, сообща наживавшихся на даровой государственной собственности. Поскольку «цена» ильтизама, т. е. деньги, которые мультазим должен был внести в государственную казну, равнялась восьмикратной сумме фэйза, то подрядчики тщательно скрывали свои реальные доходы. О них, по крайней мере официально, никто не знал, и они не находили никакого отражения ни в каких письменных документах. Однако некоторые исследователи полагают, что действительные суммы, взимавшиеся мультазимами, не менее чем в 4—6 раз превышали официально регистрировавшиеся доходы⁵³.

Переход к ильтизаму резко изменил значение и роль аминов падишаха. Если амины (приказчики) в большинстве случаев становились мультазимами, то амины, по словам Ст. Шоу, «превратились в обычную бюрократию казны»⁵⁴. Как многие другие чиновники, они стали простыми регистраторами происходящего; они отвечали не за реальное управление мукатаа, а за своевременное и правильное оформление отчетности. Безотнositельно к способу управления (эманет, тимар, ильтизам) все мукатаа продолжали регистрироваться в государственных дефтерах⁵⁵. Их бесчисленные тома составлялись под руководством аминов и до сих пор хранятся в бывших османских архивах как яркий показатель бюрократической бессмыслицы, которая пронизывала всю жизнь Богохранимого государства⁵⁶.

И наконец, переход к системе ильтизама вызвал девалоризацию тимара. В конце XVI в. он утратил свою ценность как в глазах самих держателей, так и в глазах правительства, ощущавшего постоянную нехватку денег. Пытаясь увеличить доходы, власти начали преобразовывать освобождавшиеся тимары в имперские имения, а затем сдавать их в ильтизам⁵⁷.

Эффективность административно-хозяйственного аппарата, особенно в период эманета, значительно снижалась из-за систематического вмешательства властей. Опасаясь хищений и других злоупотреблений, связанных с использованием материальных ценностей государства, правительство как можно жестче регламентировало деятельность своих агентов, и в частности поставило ее под перекрестный контроль кадиев и пашей, следивших за каждым шагом хозяйственных администраторов.

Основной обязанностью пашей, т. е. политической власти,

было поддержание порядка и безопасности. «Бейлербей,— говорилось в Канун-наме Миср,— будет следить, чтобы решения дивана диктовались наиболее полной справедливостью, пресекали произвол и обеспечивали спокойствие людей»⁵⁸. Наряду с этим паши, беи и их представители на местах (субаши, кяшифы, кайды) должны были следить за производственной деятельностью в стране, за состоянием ирригационных систем и за своевременным проведением полевых работ — в общем, за «процветанием» и «благоденствием» народа. В Египте паша лично присутствовал при открытии оросительных каналов, возглавляя торжественную церемонию первого пуска воды. За малейшие упущения, особенно повлекшие за собой сокращение посевных площадей, виновные кяшифы и субаши подвергались смертной казни⁵⁹.

Вопреки распространенному мнению, наместники султана были очень далеки от образа того восточного владыки, который предстает в нашем воображении как всемогущий и бесконтрольный повелитель своих подданных. На деле это был исполнитель чужой воли, смиренный раб султана, его «холоп», сама судьба которого зависела от капризов верховной власти. Как и во всякой деспотии, паши Порты не имели никакого иного источника власти, кроме милости своего падишаха. В Богосохранимом государстве у них не было и не могло быть никаких личных прав на власть, никакой поддержки снизу, особенно со стороны местного населения. Центральное правительство старалось лишить их самой возможности обзавестись местной клиентурой, проникнуться ее интересами и стремлениями. С этой целью наместники провинций назначались на очень короткий срок и быстро менялись. Обычно их назначали на три года, в XVII столетии — и того меньше. В Египте, например, в 1517—1599 гг. сменилось 27 бейлербеев, в 1599—1699 гг. — 50. В среднем каждый из них правил в первом случае три года, во втором — только два⁶⁰.

Далее, опасаясь концентрации власти в одних руках, Порты всячески ограничивала полномочия наместников. В соответствии с принципом «разделяй и властвуй» она противопоставляла им других сановников эйалета. Главный кадий, а также начальник янычарского гарнизона не подчинялись вали. Они назначались непосредственно султаном и действовали самостоятельно. При чрезвычайных обстоятельствах они могли даже отстранить вали от власти; сам же он не мог сместить ни одного сановника эйалета, не заручившись предварительным согласием дивана. В этих условиях личная власть вали была сравнительно невелика. Фактически он даже не управлял эйалетом, а лишь председательствовал в диване, осуществляя координационные функции. При принятии любых решений он был вынужден добиваться согласия своих коллег и в каждом конкретном случае ориентироваться на консенсус, выявлявшийся во время заседаний дивана.

Основным противовесом власти вали был кадий провинции. Как глава шариатского аппарата, он оказывал решающее влияние на положение дел в эйалете. В XVI—начале XVII в. он считался даже более значительной фигурой, чем сам вали. «Ты знаешь, какая у него власть,— писал Мигель де Сервантес, хорошо знавший османские порядки...— Во всем этом городе нет никого, кто пользовался бы большим влиянием и могуществом, чем мой повелитель кади; даже твой сподлин, приехавший сюда в качестве вице-короля, не будет иметь такой власти»⁶¹.

И действительно, «глубоко теократический», по словам Н. Тодорова⁶², характер мусульманских институтов, лежавших в основе османской государственности, предопределял главенствующую роль шариатской власти. Ее основной задачей являлось обеспечить управление страной в соответствии с религиозными нормами. Кадий был гарантом прав, которые предоставлялись мусульманам по шариату. К нему обращались во всех случаях нарушения закона. Как и во всякой теократии, он один устанавливал соответствие того или иного акта предписаниям религии, в данном случае — шариата. Ни одно решение дивана не могло быть обнародовано без его санкции. Кадий или его мунади (глашатай) зачитывал народу решения о мобилизации, сборе чрезвычайных налогов, карантине и других мерах по борьбе с эпидемиями, о назначении высших должностных лиц и т. д. Кадий должен был пресекать все случаи превышения власти, следить за деятельностью административно-хозяйственного и политического аппарата, ежегодно представлять доклады о поведении высших сановников эйалета. Он утверждал все финансовые отчеты, проводил ревизию вакфных имуществ; в его присутствии отпускалось зерно с государственных складов.

Особенно широкими полномочиями кадий обладал в социально-экономической и культурной сферах жизни. По существу, он являлся гражданским правителем эйалета, оставляя вали заботу о войсках и поддержании безопасности.

В деревне кадий был главным попечителем крестьян. Он был обязан проявлять неустанную заботу и внимание о людях, «обреченных,— по словам одного великого везира,— на несчастную мужицкую жизнь»⁶³. Ему следовало сообщать, а по возможности пресекать на месте всякого рода злоупотребления и другие противоправные действия, наносившие ущерб «кроткому и трудолюбивому земледельцу» — этому основному объекту официальных забот правительства. Кадий был обязан следить за тем, чтобы каждый, кто брал на себя землю, действительно работал на ней и не держал ее просто так. Османские канунаме поручали ему выявлять заброшенные чифты и поля, брать на заметку нерадивых хозяев, а также следить, чтобы амины, кяшифы и субаши не допускали никаких злоупотреблений⁶⁴. Вместе с вали кадии отвечали за правильное проведение посевных кампаний и уборку урожая, за справедливую раскладку и

сбор налогов. Не менее важной обязанностью был надзор за соблюдением общинных порядков: никто не мог нарушать права и прерогативы поземельного товарищества (джемаа) как самоуправляемого коллектива людей труда⁶⁵. Шейх аль-балад, хаули и другие должностные лица общины должны были ежегодно отчитываться перед кадием. При этом они давали клятву (которая регистрировалась в сиджиле местной махкамы), что они честно и добросовестно выполняли свои обязанности⁶⁶.

В городе полномочия шариатской власти были еще более значительны, особенно в сфере торговли и ремесленного производства. Кадий и его аппарат были главной правительственной инстанцией для всех торгово-ремесленных корпораций, или цехов, которые также рассматривались как самоуправляемые коллективы трудящихся⁶⁷. Кадий был главным блюстителем цеховых порядков, утверждал, а во многих случаях просто назначал руководителей торгово-ремесленных корпораций. Ему жаловались на превышение власти должностными лицами административно-хозяйственного аппарата (аминами, назирами и пр.), на неправильный сбор налогов, на отсутствие сырья и материалов, на нарушение прерогатив и монополий цеха. В 1582 г. каирские цехи просили кадия принять меры против «незаконной» торговли⁶⁸. Он же был обязан бороться с внецеховым ремеслом, закрывать «дикие» предприятия и мастерские. В 1588 г. подмастерья Халеба обратились к кадию с просьбой о повышении заработной платы⁶⁹. Он один рассматривал и утверждал все соглашения между цехами и предприятиями о взаимных поставках и расчетах, принимал меры против невыполнения принятых обязательств. Более того, устанавливая для каждого цеха точное число гедиков (патентов на дуккян) и рабочих мест (подмастерий и учеников), аппарат кадия регулировал количество торгово-ремесленных заведений и численность лиц, занятых в той или иной отрасли производства. Распределяя сырье и работу, он определял объем товаров и услуг, предоставляемых населению.

Кроме регулирования шариатская власть осуществляла текущее руководство хозяйственной жизнью. С помощью мухтасиба (в источниках он именовался также «амин аль-ихтисаб», «ихтисаб агасы») — своего заместителя по шариатскому контролю, или ихтисабу, кадий должен был обеспечивать четкое и безусловное выполнение всех положений ихтисаб канун-наме, регламентировавших различные условия производства и продажи товаров, уровень прибылей, оплаты труда и т. п. Кадий должен был следить за бесперебойным снабжением населения, и прежде всего продуктами питания, контролировать ввоз и вывоз сырья, распределять его среди производителей и т. д. Он один имел право разрешать экспорт зерна и других «стратегических» товаров. Без его ведома ни одно судно, даже иностранное, не могло выйти в море. Под председательством кадия мухтасиб и руководители торгово-ремесленных корпораций

устанавливали цены и другие хозяйственные нормативы. По поручению и от имени кадия мухтасиб следил за чистотой производственных помещений, точностью мер и весов, а главное, за качеством товаров, особенно тех, которые отпускались населению, вплоть до того, чтобы «кушанья, приготовленные поварами, не были ни слишком солеными, ни недожаренными»⁷⁰.

Любые нарушения закона пресекались на месте. С этой целью в свите мухтасиба при его объезде (таваф) городских улиц находились палач, янычары и особые служители с длинными палками (укказ) или курбашем. В зависимости от содеянного провинившихся ставили у позорного столба, штрафовали, секли, били по пяткам и т. п. Торговцев за плутовство прибывали за ухо к дверям их собственных лавок, причем на такой высоте, чтобы они едва могли доставать землю ногами; мясникам недовес вырезали из их собственного тела. При повторных нарушениях виновным отрезали нос, уши или кисть руки. Один из каирских мухтасибов даже посадил досадившего ему кондитера на раскаленную жаровню за то, что он продавал свою кунафу по непомерно высокой цене⁷¹.

Одной из главных обязанностей кадия был надзор за общественной и личной моралью. Любые нарушения этических норм, несоблюдение поста, неразрешенные общения с иностранцами, особенно со стороны женщин, пропуски молитв, наконец, просто буйное поведение влекли за собой соответствующие наказания, от внушений и штрафов до бития палками и высылки из города. Под контролем кадия находилась вся система религиозного культа, общественной благотворительности и народного образования. Кадий назначал преподавателей школ и медресе, имамов мечетей и других служителей религиозных учреждений.

Наконец, кадий обладал широкими полномочиями в судопроизводстве. Он разрешал все споры, возникавшие как между отдельными лицами, так и между коллективами. В некоторых случаях к нему обращались даже в конфликтах политического характера. Кадий и находившаяся при нем судебная палата (аль-махкама аш-шарийя) рассматривали все гражданские и уголовные дела — от регистрации браков до обвинений в убийстве и прелюбодеянии. Османское правосудие вершилось на основе шариата и обычного права (адат, или урф аль-джари). Формально кадий был совершенно независим в своих решениях и руководствовался только своим правосознанием. На деле он исходил из официально принятой интерпретации шариата, находившей свое отражение в постоянно обновлявшихся сборниках фетв, в султанских канун-наме и других регламентирующих актах государства. Кадий должен был «уважать» фетвы, изданные другими религиозными авторитетами, но отнюдь не принимать их к исполнению. Обязательными для него были только канун-наме и фирманы, изданные от имени и по повелению султана. В принципе решения кадия были окончательны и об-

жалованию не подлежали. Фактически можно было апеллировать к более высоким шариатским инстанциям, а главное, к дивану санджака, эйалета и далее вплоть до падишаха и имперского дивана.

Одной из важнейших прерогатив кадия было управление городом. Существовало даже представление, что субаши (каиды) и беи были «правительством для деревни», кадии — городской властью. И действительно, в руках кадиев находились все нити городского управления. Они доводили до сведения населения приказы и распоряжения правительства, следили за их проведением в жизнь, регулировали хозяйственную деятельность горожан, осуществляли надзор за порядком. Не случайно средоточием всей жизни города, его общественно-политическим «центром», была пятничная мечеть — эта, по словам Ф. Стамбули и А. Згаля, «ратуша» и «форум» арабских горожан⁷². Именно здесь кадии обнародовали свои решения, выслушивали жалобы и предложения по различным вопросам городской жизни. Как и в раннее средневековье, арабские города не имели самоуправления⁷³. У них не было ни муниципального устройства, ни особого городского права — ничего, что бы отделяло их население от других подданных Богохранимого государства. Все расходы города покрывались за счет религиозно-благотворительных учреждений. Ремонт и строительство мечетей, содержание школ, библиотек и имаретов, устройство домов для вдов и сирот, общественных прачечных, городских бань и лечебниц — все это финансировалось за счет вакфов (хабусных) имуществ, находившихся под контролем кадия. Значительные средства отпускались на поддержание в порядке фонтанов, акведуков, на мощение и очистку улиц, на городское освещение, а также на такие специфически османские расходы, как выделение денег на приданое девушкам-сиротам, на похороны бедняков, на одежду и питание учащихся, организацию детских весенних экскурсий, устройство кормушек для птиц, а также специально оборудованных мест, где могли бы пить и кормиться городские собаки, и т. п.⁷⁴

В административном отношении города делились на кварталы — хара (или махалла). Кварталы, в свою очередь, подразделялись на «улицы» (зукак)⁷⁵. В Каире, например, было около 60 кварталов. Каждый из них имел свою мечеть, школу и фонтан, был обнесен стеной с воротами, которые запирались на ночь. В больших городах несколько кварталов объединялось в городские округа — нахии — административный эквивалент сельских нахий⁷⁶. Они находились под управлением наибов — полномочных представителей кадия. Отсюда происходило их другое название — «ниябат». Количество округов зависело от численности населения и размеров города. В Каире, например, насчитывалось 11 нахий (или ниябат), в Халебе — 4⁷⁷.

Между жителями кварталов существовали довольно тесные узы солидарности. Они вытекали либо из общности занятий,

либо из общности этнического происхождения или вероисповедания. Кварталы жили обособленно. Все они имели своих неформальных лидеров, а нередко и вооруженные банды (аззуар, аш-шуттар, аль-усаб)⁷⁸. Во главе каждого квартала стоял шейх. В большинстве случаев он выступал как передаточная инстанция между властями и жителями. В своей деятельности он опирался на неформальную группу лидеров и общественных должностных лиц. Шейхом обычно являлся имам местной мечети, иногда — руководитель доминировавшей в квартале корпорации. При нем состояли секретарь (кятиб) и уличные старосты (накибы). Никакого другого «представительства» или «управления» не существовало. Не было ни бургомистра, ни городского головы. Даже такие фигуры конца XVIII в., как шейх аль-мадина (г. Тунис) или шейх машаих аль-харат (Каир), документально не засвидетельствованы в источниках XVI—XVII вв.⁷⁹ Кадий, его наибы и имамы были единственной властью в городе и одновременно «выразителями» его интересов.

Городской полиции как таковой не было. Для поддержания порядка кадий прибегал к содействию городского воеводы — шехир субаши (или вали-и шехир — «градоначальник»), в распоряжении которого выделялись наряды войск местного гарнизона. Субаши нес ответственность за противопожарную безопасность города, за охрану городских ворот и ночные караулы, сопровождал мухтасиба во время его тавафа (объезда), осуществлял надзор за питейными заведениями, девицами легкого поведения и т. п. Во всех своих действиях он был обязан руководствоваться указаниями кадия и лишь по военной линии подчинялся приказам вали или санджак-бея.

Вследствие огромных полномочий Порты старалась не допустить превращения кадиев в самостоятельные политические фигуры. Провинциальных мулл часто перемещали из одного места в другое и держали под постоянным контролем со стороны представителей политической власти. Все кадии назначались сроком на один год, лишь кадии нахий — на 20 месяцев⁸⁰. В Канун-наме Миср наместнику султана предписывалось следить за всеми действиями кадия и предупреждать любые отступления от законности с его стороны⁸¹. Самое главное, кадий не мог самостоятельно проводить свои решения в жизнь. Для этого (например, для ареста какого-либо должностного лица, заключения в тюрьму, наведения порядка и т. п.) он должен был обращаться за содействием к политической власти, которая таким образом была призвана как бы уравновешивать шариатскую власть.

Следует, однако, подчеркнуть, что настоящего равновесия между шариатской и политической властью достичь никогда не удавалось. Баланс постоянно нарушался то в одну, то в другую сторону. В XVI — начале XVII в. перевес был, как правило, на стороне шариатской власти; в XVII в. чаша весов стала кло-

ниться в сторону политической власти. Влияние кадиев начало катастрофически падать. Часть их прерогатив, особенно в области экономики, просто перешла в руки политической власти. В конце XVII в. в глазах иностранцев кадии представляли в основном как официальные блюстители шариата, и прежде всего как «судьи».

Как и когда это произошло, при нынешнем состоянии проблемы сказать практически невозможно. Правда, порой отмечается, что предпринимавшиеся были попытки открыто реформировать шейх уль-исламат и лишить его важнейших прерогатив (как это было, например, при Османе II, правившем в 1618—1622 г.) закончились неудачей⁸². Вместе с тем несомненно, что в течение XVII в., как пишут Х. Гибб и Х. Боуэн, казиаскеры и муллы лишились большей части своей власти⁸³. Можно предположить, что после джелалийской смуты и волнений, охвативших Османскую империю в конце XVI—начале XVII в., резко возросла роль армии, а ее выдвиженцы в явочном порядке стали присваивать себе прерогативы шариатской власти. В Египте, например, по сведениям А. Рэймона, с конца XVI в. все мухтасибы, за редким исключением, были военными (большой частью в ранге аги), которые не имели никакой специальной подготовки в области мусульманского права⁸⁴. В Сирии, как пишет А. Рафек, в 1628 г. мухтасибы Дамаска и Халеба были янычарами, которые контролировали также сбор таможенных пошлин⁸⁵. Египетский вали Кара Мустафа-паша (1623—1626), по словам М. Дижона, настолько любил порядок и справедливость, что его постоянно видели в седле объезжавшим базары. Он собственной рукой карал торговцев, пользовавшихся неправильными весами, а также булочников, которые выпекали хлеб не тех кондиций⁸⁶. Постепенно к кадиям перестали обращаться за получением экспортных лицензий и разрешений на выход в море⁸⁷. Наконец, в Египте в конце XVII в. янычарские власти стали сами устанавливать цены на товары и решать все вопросы, связанные со снабжением населения и даже с состоянием улиц и общественной морали⁸⁸.

Растущее влияние армии сместило все акценты. Шариатская власть, особенно в верхнем эшелоне, утратила былое значение. В управлении эйалетом кадий отошел на второй план. В условиях, когда важнейшие проблемы решались силой оружия, он просто не мог ни соперничать с пашой, ни достойно заменить его при чрезвычайных обстоятельствах. В Египте, например, в 1604 г. кадий в последний раз был назначен каймакамом — временно исполняющим обязанности вали⁸⁹. Не менее ярким показателем деградации шариатской власти была утрата ею привлекательности в глазах правящего класса. По крайней мере, с начала XVII в. санджак-беи и субаши перестали домогаться назначений на ответственные посты в шариатском аппарате.

Утрата муллами пальмы первенства отнюдь не означала диктаторизации Османской империи. Ислам по-прежнему играл

определяющую роль в жизни общества и государства. Более того, приоритет военных и последующее выдвижение гражданской бюрократии объективно способствовали росту общественно-политического значения муфтиев как альтернативных толкователей шариата. К ним постепенно перешла ведущая роль в интерпретации священного закона, а главное, в шариатском обосновании деятельности властей. В целом структура органов государственного управления сохраняла теократический характер. Военные и их протеже, подчинив себе аппарат шариатской власти, по-прежнему выступали от его имени и даже проникали в него, занимая те или иные посты. Главное же, они продолжали руководствоваться предписаниями шариата, особенно в сфере экономики и социальных отношений. Вследствие этого упадок шариатской власти отнюдь не означал девальвации самого шариата. Как и прежде, он один обеспечивал базовый консенсус общества и тем самым скреплял единство огромной шариатской державы.

¹ *Mouradjea d'Ohsson*. Tableau général de l'Empire Othoman. T. 1. P., 1788, с. 127.

² *Toynbee A. J.* A Study of History. Vol. IX. L., 1954, с. 35.

³ *Zeine N. Zeine*. The Emergence of Arab Nationalism. With a Background Study of Arab-Turkish Relations in the Near East. Beirut, 1966, с. 11.

⁴ См.: *Chāprā M. Umar*. The Economic System of Islam. L., 1970, с. 3—4.

⁵ *Lewis. B.* The Emergence of Modern Turkey. L., 1961, с. 13.

⁶ Там же, с. 13—14.

⁷ *Gibb H. A. R.* and *Bowen H.* Islamic Society and the West. A Study of the Impact of Western Civilization on Moslem Culture in the Near East. Vol. 1. Islamic Society in the Eighteenth Century. P. 1. L., 1950, с. 23, примеч. 2.

⁸ Там же, с. 197.

⁹ *Lybyer Albert Howe*. The Government of the Ottoman Empire in the Time of Suleiman the Magnificent. Cambridge, 1913, с. 157.

¹⁰ *Weulersse Jacques*. Paysans de Syrie et du Proche-Orient. P., 1946, с. 68.

¹¹ *Пересветов И. С.* Сочинения. Подготовил текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956, с. 153.

¹² *Barkan Ö. L.* Essai sur les données statistiques des registres de recensement dans l'Empire Ottoman aux XVe et XVIe siècles.—Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden, 1957, vol. 1, pt 1, с. 11.

¹³ См.: *Котлов Л. Н.* Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке (середина XIX в.—1908 г.). М., 1975, с. 45.

¹⁴ *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. Пер. с нем. Д. Е. Бертельса. М., 1966, с. 14.

¹⁵ Известный болгарский историк Николай Тодоров, крупнейший специалист по османской эпохе, за неимением лучшего термина, назвал аппарат шариатской власти «религиозно-судейским институтом», тут же оговорив известную условность этого термина. См.: *Тодоров Н.* Балканский город XV—XIX веков. М., 1976, с. 103.

¹⁶ *Inalcik H.* The Ottoman Empire. The Classical Age 1300—1600. L., 1973, с. 118.

¹⁷ Бунчук (тур) — один из османских знаков различия, унаследованный от эпохи ахийско-газийского движения. Представлял собой древко с золоченым шаром и пучком волос из конского хвоста на конце. В зависимости от ранга османские сановники имели один, два бунчука и более; султан — девять.

¹⁸ *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey, с. 16.

¹⁹ Там же, с. 16.

²⁰ *Ибн Ййас Мухаммад ибн Ахмад*. Бадаи аз-зухур фи вакаи ад-духур. Т. 5. Каир, 1961, с. 453.

²¹ См.: *Тверитинова А. С.* Второй трактат Кочи-бей.— Ученые записки Института востоковедения. М.—Л., 1953, т. VI, с. 246—247; *Inalcik H.* The Ottoman Empire, с. 170—171.

²² *Gibb H. A. R. and Bowen H.* Islamic Society and the West. Vol. I, pt II, с. 89.

²³ Там же, с. 123.

²⁴ См.: *Inalcik H.* The Ottoman Empire, с. 100—101.

²⁵ *Raymond A.* Artisans et commerçants au Caire au XVIIIe siècle. T. 1. Damas, 1973, с. 606—607, 610—611.

²⁶ Цит. по: там же, с. 612.

²⁷ *Mantran R. et Sauvaget J.* Règlements fiscaux ottomans. Les provinces syriennes. Beyrouth, 1951, с. 111—118.

²⁸ *Raymond A.* Artisans et commerçants, с. 609.

²⁹ См.: Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. Документы и материалы. Сост. пер. и коммент. А. С. Тверитиновой. М., 1963, с. 190.

³⁰ *Rafeq Abdul Karim.* The Local Forces in Syria in the Seventeenth and Eighteenth Centuries.— War, Technology and Society in the Middle East. L., 1975, с. 300.

³¹ См.: Аграрный строй Османской империи, с. 33, 175, 177—178, 180; *Barkan Ö. L.* XV ve XVI inci asırlarda Osmanlı imparatorluğunda ziraî ekonominin hukukî ve malî esasları. Cilt 1. Kanunlar. İstanbul, 1945, с. 376—377; старинный французский перевод Канун-наме Миср. См.: *Digeon M.* Nouveaux contes turcs et arabes. T. II. P., 1781, с. 242—243.

³² Аграрный строй Османской империи, с. 186, 187.

³³ Там же, с. 180.

³⁴ *Barkan Ö. L.* XV ve XVI inci asırlarda Osmanlı imparatorluğunda, с. 366; *Digeon M.* Nouveaux contes. T. II, с. 210—211.

³⁵ *Shaw S. J.* Landholding and Land-tax Revenues in Ottoman Egypt.— Political and Social Change in Modern Egypt. L., 1968, с. 93.

³⁶ См. примеч. 34.

³⁷ *Тодоров Н.* Балканский город, с. 87.

³⁸ *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey, с. 31, примеч. 17.

³⁹ *Lewis B.* Studies in the Ottoman Archives.— Bulletin of the School of Oriental and African Studies (BSOAS). XVI, с. 486.

⁴⁰ См., например, Аграрный строй Османской империи, с. 33, 71; Книга законов султана Селима I. Публикация текста, пер. терминологич. коммент. и предисл. А. С. Тверитиновой. М., 1969, с. 47, 60 и др.; *Mantran R. et Sauvaget J.* Règlements fiscaux ottomans, с. 100.

⁴¹ Ст. Шоу отмечает, что вследствие низкой оплаты, считавшейся недостаточной компенсацией за работу по управлению эманетом, многие лица отказывались принимать назначение, и власти волей-неволей были вынуждены давать несколько мукатаа одному амину. См.: *Shaw S. J.* Landholding and Land-tax Revenues, с. 94.

⁴² Там же, с. 94.

⁴³ *Cohen A. and Lewis B.* Population and Revenue in the Towns of Palestine in the Sixteenth Century. Princeton, 1978, с. 44—45.

⁴⁴ См.: *Hammer-Purgstall J.* Histoire de l'Empire ottoman. T. VI. P., 1837, с. 284.

⁴⁵ *Tietze A.* Mustafa Ali's Description of Cairo of 1599. Wien, 1975, с. 16, 45, 54, 56.

⁴⁶ См.: *Смирнов В. Д.* Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873, с. 173—174; *Тверитинова А. С.* Восстание Кара Яызджи — Дели Хасана в Турции. М.—Л., 1946, с. 38.

⁴⁷ То же самое отмечает М. С. Мейер в отношении мер по восстановлению тимаров после 1610 г. См.: *Мейер М. С.* Экономические проблемы Османской империи XVI—XVII вв. в современной турецкой и западной историо-

графии.— Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. М., 1984, с. 240.

⁴⁸ *Tveritinova A. S. Social Ideas in Turkish Didactic Politico-Economic Treaties of the XVI—XVII Centuries.* Moscow, 1960, с. 10.

⁴⁹ *Смирнов В. Д.* Кучибей Гёмюрджинский, с. 34.

⁵⁰ *Huart C. Histoire de Bagdad dans les temps modernes.* P., 1901, с. 82.

⁵¹ *Bachrouch T. Formation sociale barbaresque et pouvoir à Tunis au XVIIe siècle.* Tunis, 1977, с. 145, примеч. 3.

⁵² См.: *Gibb H. A. R. and Bowen H. Islamic Society and the West.* Vol. 1, pt II, с. 21—22; *Shaw S. J. Landholding and Land-tax*, с. 95 и сл.

⁵³ *Raymond A. Artisans et commerçants au Caire*, с. 614.

⁵⁴ *Shaw S. J. Landholding and Land-tax*, с. 94.

⁵⁵ *Shaw S. J. Turkish Source-materials for Egyptian History.— Political and Social Change in Modern Egypt.* L., 1968, с. 39.

⁵⁶ См.: *Inalcik H. The Ottoman Empire*, с. 102.

⁵⁷ На материалах Палестины это показано в работе: *Cohen A. and Lewis B. Population and Revenue*, с. 44.

⁵⁸ *Barkan Ö. L. XV ve XVI ncı asırlarda Osmanlı imparatorluğunda*, с. 378; *Digeon M. Nouveaux contes...* T. II, с. 247.

⁵⁹ См., например: *Tietze A. Mustafa Ali's Description of Cairo*, с. 80.

⁶⁰ Списки наместников Египта см.: там же, с. 10; *Holt P. M. The Beylicate in Ottoman Egypt during the Seventeenth Century.— BSOAS.* XXIV, pt. 2, с. 227—229.

⁶¹ *Сервантес Сааведра Мигель де.* Великодушный поклонник.— Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. М., 1961, с. 89, 102—103.

⁶² *Тодоров Н.* Балканский город, с. 103.

⁶³ Цит. по: *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971, с. 148.

⁶⁴ Аграрный строй Османской империи, с. 85, 179, 186—187, 190; *Barakan Ö. L. XV ve XVI ncı asırlarda Osmanlı imparatorluğunda*, с. 376—377.

⁶⁵ См.: *Иванов Н. А.* Арабо-османская община XVI—XVII вв.— Народы Азии и Африки. 1990, № 4, с. 60—71.

⁶⁶ *Abd al-Rahman A. and Miki W. Village in Ottoman Egypt and Tokugawa Japan. A Comparative Study.* Tokyo, 1977, с. 3, 5, 10.

⁶⁷ См.: *Иванов Н. А.* Арабо-османский цех в XVI—XVII вв.— Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990, с. 185—202.

⁶⁸ *Baer G. Monopolies and restrictive practices of Turkish Guilds.— Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 1970, vol. XIII, pt II, с. 149.

⁶⁹ *Рафек Абд аль-Керим.* Мазахир мин ат-танзим аль-хирафи фи биляд аш-Шам фи-ль-ахд аль-усмани.— Бухус фи-т-тарих аль-иктисади ва-ль-иджитмаи ли биляд аш-Шам фи-ль-аср аль-хадис. Дамаск, 1985, с. 176.

⁷⁰ *Mantran R. La vie quotidienne à Constantinople au temps de Soliman le Magnifique et de ses successeurs (XVIe et XVIIe siècles).* P., 1965, с. 126.

⁷¹ См.: *Raymond A. Artisans et commerçants au Caire*, с. 593—594.

⁷² *Stambouli F. et Zghal A. La vie urbaine dans le Maghreb précolonial.— Annuaire de l'Afrique du Nord.* P., 1973, XI, с. 206.

⁷³ Об этом см.: *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. М., 1984, с. 288—289.

⁷⁴ См.: *Gibb H. A. R. and Bowen H. Islamic Society and the West.* Vol. 1, pt II, с. 167; *Stambouli F. et Zghal A. La vie urbaine*, с. 205.

⁷⁵ *Lewis B. Studies in the Ottoman Archives*, с. 472.

⁷⁶ *Raymond A. Artisans et commerçants au Caire*, с. 442.

⁷⁷ *Gibb H. A. R. and Bowen H. Islamic Society and the West.* Vol. 1, pt II, с. 124.

⁷⁸ См.: *Raymond A. Artisans et commerçants au Caire*, с. 444.

⁷⁹ *Raymond A. Quartiers et mouvements populaires au Caire au XVIIIe siècle.— Political and Social Change in Modern Egypt.* L., 1968, с. 110.

⁸⁰ *Gibb H. A. R. and Bowen H. Islamic Society and the West.* Vol. 1, pt II, с. 98, 122; *Shaw S. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*,

Vol. 1. Cambridge, 1977, c. 136.

⁸¹ *Barkan Ö. L.* XV ve XVI ıncı aşirlarda Osmanlı imparatorluğunda, c. 370;
Digeon M. Nouveaux contes... T. II, c. 225.

⁸² См.: *Kramers* Shaikh al-Islam. EI¹. Vol. IV, c. 286.

⁸³ *Gibb H. A. R.* and *Bowen H.* Islamic Society and the West. Vol. 1, pt II,
c. 87.

⁸⁴ *Raymond A.* Artisans et commerçants au Caire, c. 589, 592.

⁸⁵ *Rafeq A.* The Local Forces in Syria, c. 302.

⁸⁶ *Digeon M.* Nouveaux contes. T. I, c. 248.

⁸⁷ Там же. T. II, c. 225, примеч. 1.

⁸⁸ См.: *Raymond A.* Artisans et commerçants au Caire, c. 601—604.

⁸⁹ *Holt P. M.* Egypt and the Fertile Crescent. 1516—1922. A Political
History. N. Y., 1966, c. 78.

С. Ф. Орешкова

ОСМАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРУКТУРА:
ПРОБЛЕМА ЖАЛОВАНИЯ И ПОЖАЛОВАНИЙ

Османская имперская государственная структура сложилась относительно поздно — к середине XV в. и еще век продолжала совершенствоваться. На первых же этапах складывания этого государственного образования, в османском бейлике первой половины XIV в., бей был лишь первым среди равных. Он возглавлял пограничное племя, которое самостоятельно вело борьбу с «неверными», и потому постоянно пополнялось воинами-гази, приходившими к османцам из тюркских анатолийских бейликов и даже из Ирана, Средней Азии, арабских стран и других более отдаленных мест для считавшегося почетным среди мусульман участия в «священной» войне. Миграционное движение усиливало военные возможности бейлика и вместе с тем разрушало уже довольно относительное племенное единство османцев, их связи с кочевыми традициями, что делало османское общество более открытым к восприятию новых форм общественной организации.

Уже при Османе (1258—1324/26) племя не было сообществом равных. Получив от сельджукского султана для расселения племени район Сёгуда, османцы начали завоевание близлежащих византийских земель. Своим родственникам и «соратникам из тех, кто пришел вместе с ним» (а известно, что первоначально племя насчитывало всего 400 кибиток), Осман раздавал завоеванные земли. Причем характерно, что в старых османских хрониках на равных упоминаются пожалования отдельных областей (районов Караджа-хисара, Яр-хисара, Инегёля), «доходов» от какого-либо довольно крупного населенного пункта («дал в качестве тимара доход с Биледжика») и назначение на престижную должность (должность субаши — брату Гюндюзу)¹. Собственное положение бея ненамного отличалось от положения соплеменников. Известно, что после смерти Османа в дервишской обители Ахи Хасана собрались знатные люди, чтобы распределить имущество Османа между его сыновьями. «Кроме завоеванных областей, никаких богатств не было». Осталась одежда Османа да несколько табунов коней и отар овец². Сын Османа Орхан, однако, уже именовался султаном,

чеканил собственную монету, создал собственную армию, обособленную от племенного ополчения и отрядов гази.

После переноса военных действий на Балканы (середина XIV в.) и завоевания там территорий встал вопрос об организационно-хозяйственном освоении этих земель и формировании управленческой структуры. В начале 60-х годов XIV в., после завоевания Эдирне (Адрианополя), создается румелийский эялет (или бейлербейство) — особая административная единица, объединяющая несколько более мелких, так называемых санджаков или лива. Для османской «подлинно военной державы средневековья» была характерна связь армии с территориальной администрацией. Так, термин «санджак» (как и его арабский эквивалент — «лива») означал первоначально знамя, затем — военное подразделение и, далее, административную территорию, предоставлявшуюся подразделению для размещения, позднее же поставившую в османскую армию определенное количество воинов-кавалеристов. Знаменательно, что административное объединение санджаков Румелии (Рум или — страна румов, ромеев, византийцев) в единую административную область более чем на 30 лет опередило создание подобной административной единицы в Анатолии. Очевидно, это объясняется необходимостью более тесного объединения сил завоевателей в условиях постоянных войн.

Бей-завоеватели, покорявшие балканские земли, не всегда были выходцами из османского племени. Многие из них действовали на свой страх и риск, не будучи связанными с каким-либо бейликом. Были среди них и принявшие ислам бывшие христианские феодальные владетели (такие, как Михал-бей, возможно, Эвренос-бей и др.). Османские правители сравнительно легко сумели объединить и подчинить их. На первых порах от них не требовалось ничего, кроме формального признания верховенства османских султанов.

Характерно послание 1359/60 г. Мурада I Хаджи Эвренос-бею³, где говорится, что султан жалует бею земли, «завоеванные его (бея.— С. О.) собственной... саблей», дающие доход «10 раз по 100 тыс. акче». Эвренос-бей назначается «правовверным эмиром всех гази» этого района, ему обещана любая помощь от османских правителей: «если окажется необходимым, дай знать на эту сторону», т. е. в Анатолию, по другую сторону Проливов. Помогут всем, даже продуктами питания в случае неурожая. В этом же послании говорится об обращении Эвренос-беем в вакф многих деревень. Султан поддерживает действия бея и поощряет его на создание вакфов.

Такое поощрение создания вакфов в завоеванных областях имело большие последствия для дальнейшей османской истории. Именно учреждение вакфов стало одним из главных методов хозяйственного освоения завоевателями новых территорий⁴, в дальнейшем же династии беев-завоевателей, являясь учредителями крупных вакфов, лишь благодаря этому сумели сохра-

нить свои экономические, социальные и даже политические позиции в османском обществе⁵. Вакфы, как считают некоторые исследователи, были своеобразной и единственной в Османской империи устойчивой и законной формой частной собственности⁶, при которой, передавая в пользу мусульманских духовных или благотворительных учреждений свое имущество (в случае с Эвренос-беем — землю), учредители оставляли за собой и своими наследниками право управлять вакфом и получать от него определенную долю доходов. Благодаря этому сохраняли свое материальное благополучие на протяжении веков старые бейские фамилии. Некоторые из них вновь вышли на историческую арену в XVIII в. в период разложения тех османских структур, которые были положены в основание османской имперской власти. В данном же случае нам интересно то, что завоеватели на Балканах в одиночку не могли удержать завоеванные ими земли в собственном владении и обойтись без защиты государства либо мусульманской общины. И главной причиной был не какой-то диктат османских властей, а реальная обстановка того времени. Ликвидируя старый господствующий класс и сохраняя (что хорошо прослежено в османистической литературе⁷) прежние формы и нормы эксплуатации крестьянства, завоеватели могли стать новым господствующим классом, лишь действуя сообща, создавая некие объединяющие их социальные институты. Поэтому, очевидно, не следует считать, как это делается в некоторых турецких исторических исследованиях, что в период беев-завоевателей существовал феодализм, затем насильственно сломленный османской властью⁸. Победа османских государственных структур потому и оказалась столь легкой, что беи нуждались в них, будучи не в состоянии в одиночку отстоять свою власть.

Хотя в стране все еще сохранялись районы кочевого хозяйства и немалую роль играли города с их торгово-ремесленной деятельностью и транзитная торговля, но главным источником экономического могущества османского государства в XV—XVI вв. становится аграрное хозяйство завоеванных областей. Именно на его базе формируется так называемая тимарная система — строго регламентированная структура султанских земельных пожалований. В ее основе лежали переписи населения, земель и других возможных объектов налогового обложения, проводимые повсеместно после османского завоевания. На них базировалась османская налоговая система, которая, по сути, фиксировала рентные и налоговые платежи, существовавшие в этих местностях до завоевания, но при османском владычестве получили публично-правовой характер, так как были записаны в санджакские канун-наме (т. е. законодательные акты, составленные османцами для каждой административной единицы)⁹.

Получившим тимар разрешалось собирать определенные налоги с крестьянства в строго зафиксированных законом размерах. Следовательно, османские власти, вводя тимарную систему,

воспользовались уже сложившейся до них традицией земельно-рентных отношений и, опираясь на нее, начали строить свое общество и формировать новый господствующий класс. Получатели тимаров не имели права что-либо изменять в своих отношениях с крестьянством. Они выступали лишь как надсмотрщики за крестьянскими хозяйствами, выполняли некоторые предписанные им хозяйственно-организационные функции, собирали пожалованные им налоги с крестьянства. В этом плане их можно рассматривать не как собственников или хотя бы владельцев земельных участков, а как государственных администраторов, которые, в свою очередь, контролировались государственными сборщиками налогов, собиравшими с крестьянства тех же тимаров налоги, предназначенные для уплаты в казну.

Для рядового тимариота тимары служили «кормлением» за участие в кавалерийском ополчении, в котором они были обязаны служить сами и выводить под своим командованием в зависимости от дохода с тимара определенное число экипированных воинов. Военные командиры кавалерийского (сипахийского) ополчения получали тимары более крупных размеров (называемые еще зеаметами). Они также имели право собирать с крестьян во владениях рядовых сипахи некоторые налоги в свою пользу¹⁰. Такое двойное налоговое соподчинение не позволяло тимариотам превысить предписанные им квоты налоговых сборов. Эта военно-налогово-административная структура явилась первой территориальной администрацией османского государства. Наряду с тимарной складывалась государственная фискальная система, подчинявшаяся башдефтердару, а также надзиравшая над этими двумя судебно-кадийская служба со своими особыми территориальными округами.

Итак, османская государственная администрация и кавалерийское ополчение, основа османской армии в XV—XVI вв., первоначально складывались на базе земельных пожалований и рентных сборов с крестьянства. Османское государство выступало как преемник доосманских социальных структур и характерных для них земельно-рентных отношений, кочевнические же традиции и структуры отступали на второй план¹¹. Не случайно, что с начала XVI в. под флагом шиизма кочевники в Анатолии вели антиосманскую борьбу за возвращение к племенным идеалам.

Тимарная система к XVI в. достигает наивысшего расцвета. Известно, что по данным в 1527/28 г. из общей налоговой суммы, собиравшейся в Румелии, 46% шло в руки тимариотов; еще больше была доля тимарной системы в Анатолии — 56%. Владельцев тимаров всех рангов насчитывалось в это время 37 521. Вместе с подчиненными тимариотам всадниками и слугами тимарное кавалерийское ополчение могло составить 70—80 тыс.¹² В дальнейшем, несмотря на численный рост этого войска (до 120 тыс. к концу XVI и даже, по некоторым данным, до 200 тыс. к середине XVII в.), начинается его упадок, показате-

лем чего были падение дисциплины, отставание в военно-техническом отношении, прекращение развития тимарной системы вширь при более интенсивной нагрузке на тот же земельный фонд, чем и было вызвано увеличение численности войск, хотя материальная обеспеченность тимариотов явно ухудшалась.

Интересно соотношение тимарных владений с другими формами налоговых сборов в Османской империи в тот же период расцвета первой половины XVI в. В эялете Анатоли (т. е. в западных и южных районах Анатолии) тимарная система охватывала 12 701 деревню, 76 городов, 78 касаб, 1969 племенных джамаатов. В это же время в распоряжении султана были 19 городов, 9 касаб, 615 деревень и 935 джамаатов. В вакфы были включены 6 городов, 7 касаб, 1415 деревень, 41 джамаат. У владельцев же мюльков было всего 66 деревень. Податное мужское население распределялось следующим образом: 280 880 — в тимарных владениях, 107 415 — в хассах падишаха, 79 621 — в вакфах и 3153 — в мюльковых владениях эялета¹³.

Тимариоты были обязаны жить в тех санджаках, где находились их тимары. Поэтому даже в условиях активных войн XVI в. (а практика была такова, что призывались обычно не все тимариоты сразу, а санджаками поочередно, военные действия велись лишь в теплое время года, зимой же воинов выпускали по домам) они оставались постоянно действующей полицейско-административной силой, активно функционирующей в самых отдаленных уголках османского государства. Разумеется, это относилось лишь к составляющим основу этого государства 24 эялетам, где была введена тимарная система, но были еще восемь крупных эялетов, главным образом в арабских странах, в которых сохранялась особая социальная структура, отличная от тимарной, и ряд вассальных территорий, также развивавшихся и управлявшихся по-иному.

По османскому законодательству, владельцами тимаров могли стать лишь представители аскери, если судить по буквальному значению этого слова — военные, но по сути эта часть османского общества определялась не профессиональной деятельностью, а тем, что ее представители не относились к налогоплательщикам (реае)¹⁴. В первые века формирования османского общества и государства, в условиях постоянных войн и потребности в притоке новых воинов, османские власти широко использовали тимарные пожалования как меру поощрения и привлечения в свои войска людей независимо от их родовой или социальной принадлежности. Так, в состав тимариотов-сипахи могли попадать отличившиеся на поле брани участники крестьянского и племенного ополчений, рядовые члены мусульманских религиозных братств, выходцы из различных бейликов и даже христиане, перешедшие на службу к завоевателям¹⁵.

В дальнейшем же, когда фонд земель для раздачи сократился, а численность сипахи достигла такого предела, что вой-

ско стало плохо управляемым, да и боевые качества этой кавалерии перестали соответствовать потребностям времени, попасть в сипахи становилось труднее, появилось значительное количество очередников, ожидавших получения тимаров, проводились различные проверки и даже «чистки» тимариотского состава, при которых отдельные сипахи лишались владений, в том числе под предлогом, что они не являются потомственными тимариотами¹⁶. В многочисленных дидактических трактатах XVI—XVII вв. все настойчивее звучала мысль, что непозволительно реайе садиться на коня и брать в руки меч¹⁷.

Более строгое сословное обособление аскери не означало, однако, возвышения сипахи-тимариотов в социальном плане. Внутри аскерийской социальной общности возникает им мощный противовес. Это так называемые капыкулу (букв. «рабы [августейшего] порога»). Сам термин «кул», т. е. раб, слуга, в османских условиях генетически имел буквальный смысл. Мы знаем, что и в России, например, наизнатнейшие бояре могли называть себя «царскими холопами», «слугами царя» и т. п., но это никак не было связано с их происхождением. Османцы же использовали традицию, ранее сложившуюся в арабском мире и Средней Азии, где в армейскую службу вовлекались военнопленные, обращенные в рабство.

Еще при Орхане подобным способом начали строить «новое войско» и османцы. По мусульманскому обычаю, султану шла пятая часть всей добычи, захваченной на войне, в том числе и рабов (так называемый пенчик¹⁸). На первых порах использовали их, позже для той же цели отбирали детей у христианских подданных империи (девширме). 10—12-летних мальчиков изолировали от родителей, обращали в ислам, отдавали на обучение турецкому языку и «рабскому служению» в мусульманские семьи разного материального достатка, а затем профессионально готовили в специальных школах-казармах при султанском дворе. В категории такого воинства относились янычары¹⁹ и некоторые иные как пехотные, так и кавалерийские, вспомогательные, а позднее и имевшие особое техническое оснащение (например, пушкари и т. п.) воинские подразделения. Они получали из государственной казны денежное жалованье, а также пропитание, экипировку и вооружение.

При Баязиде I (1389—1402) их начали использовать не только для армейских нужд, но и в административном и дворцовом управлении²⁰. В течение первой половины XV в. к представителям капыкулу перешли все высшие должности в управленческом аппарате государства. Из их среды могли назначаться и высшие командиры сипахийского ополчения — бейлербеи. В 1453 г. впервые выходит из девширме становится великим везиром. Для тимариотов-сипахи оказались перекрытыми все пути вверх. Не имея своих представителей в верхушке государственного управления, разбросанные по разным санджакам империи, сипахи утрачивали свое былое влияние на поли-

тическую жизнь страны, а к XVII в. лишились и значительной части землевладений. Причем наступление шло с двух сторон: во-первых, султанское правительство сокращало земельный фонд, который ранее предназначался воинам-сипахи, забирая земли в свое распоряжение, во-вторых, многие бывшие сипахийские тимары передавались официально капыкулу, занимавшим не военно-административные, а чисто управленческие, а то и дворцовые должности.

Размеры владений, предоставлявшихся верхушке капыкулу, намного превышали традиционные тимары. Так, командиры отдельных родов войск или крупных военных соединений — белюков, а также главы подразделений дворцовых слуг получали в середине XVI в. «кормления» с доходом в 200—300 тыс., янычарский ага — 500 тыс. акче в год. Обычные янычарские командиры имели тимары в 20—30 тыс. акче. Во время каких-либо реорганизаций или смены командного состава даже рядовые воины-капыкулу могли взамен жалованья получить тимар (но без гарантии, что пользование им будет длительным). В этих случаях существовала определенная такса, по которой, как свидетельствуют кадийские сиджилы, ежедневное жалованье в 10 акче заменялось тимаром с доходом в 10 тыс. акче.

Особенно часто замены практиковались для воинов таких воинских подразделений, как джебеджи, топчу, сарач, налбанд²¹, т. е. связанных с техникой или техническим обслуживанием армии (артиллерия, перевозки, ремонтные работы и др.). Сипахи же (т. е. старые тимариоты, воины кавалерийского ополчения) фактически превращались в подобие нищего средневекового европейского рыцарства²². Они становились менее нужными и не столь зависимыми от государства, а потому и менее охраняемыми им. Известно, что небольшие тимары (в 3—5 тыс. акче) бейлербеи могли выдавать от себя лично, не испрашивая разрешения султана²³. К началу XVII в. почти все сипахи Румелии имели такие мелкие держания и потому были обязаны лично участвовать в походах. Отдельные отряды, экипированные за счет доходов с тимарных владений, во многих эялетах могли выставять лишь бейлербеи и санджакбеи²⁴.

Изменения размеров пожалований и состава тимариотов влекли за собой изменения и в общественной жизни. Сипахитство, т. е. первые османские воины-администраторы и надсмотрщики за сохранением рентной базы, которую османцы получили от предшествующих обществ и на которой начали строить собственный господствующий класс, фактически сходит с исторической арены. Однако тимарная система не была отменена, а потому тимар по-прежнему оставался желанной формой вознаграждения за службу, вождением многих разорившихся тимариотов, храбростью на поле брани рассчитывавших поправить свое социальное и материальное положение. В первой половине XVII в. имелась огромная масса деклассированных бывших тимариотов, по разным причинам (и произвол властей, и

«революция цен», и конфликты с капыкулу, и демографическая ситуация, и т. п.) потерявших свои «кормления»²⁵.

Разоряясь, тимариоты не переходили, однако, в другую социальную категорию, они продолжали считать себя аскери, достойными получения нового земельного пожалования. Отсюда — их постоянное желание воевать и все нарастающая социальная напряженность в обществе. Причем конфликтность была сильнее в верхушке общества, внутри аскери, а не между рентоплательщиками и рентополучателями. Сипахи резко протестовали против проникновения в сферу тимаровладения «чужаков» из капыкулу²⁶. В эволюции капыкулу и их отношении к земле и землевладению была, однако, своя специфика, не позволявшая им стать преемниками сипахи-тимариотов. Основная масса капыкулу продолжала жить за счет жалованья из казны. Численность этой категории общества на протяжении XVI—XVII вв. постоянно увеличивалась. Если в 1562/63 г. в стране было 48 316 капыкулу, то в 1594/95 г.—уже 80 370, а в 1660/61 г.— 94 979. Соответственно росли и расходы на их содержание. Лишь на жалованье было затрачено в 1562/63 г.— 12 649 000 акче, а в 1660/61 г.— 308 693 368 акче²⁷. Если же учесть и расходы на проживание, пропитание и вооружение, также предоставлявшиеся капыкулу за счет казны, то суммы получаются поистине огромными. Ведь известно, что весь налог с немусульман империи — джизье — составлял в 1660/61 г. лишь 141 007 977 акче. Общая же сумма доходов государства в 1660/61 г. оценивается в 610 338 118 акче²⁸.

Такие непомерные расходы вынуждали финансовые органы империи постоянно изыскивать новые объекты налогообложения и увеличивать налоги, вводя новые сборы для покрытия всевозможных нужд²⁹. Потому-то землю и крестьянство, как главные объекты налогообложения, становилось выгоднее не отдавать в тимарные держания, а сохранять как объекты государственных доходов — мукатаа — в распоряжении казны. Этим, по-видимому, объясняются чрезвычайные меры по изъятию тимаров у лиц, якобы не явившихся к театру военных действий в 1596 г., когда одним правительственным актом тимаров лишились почти 30 тыс. человек. Социальный взрыв, последовавший за этим распоряжением, не позволил правительству пойти тогда на столь решительную ликвидацию тимарной системы, и ее агония продолжалась еще почти 250 лет.

Тимарные владения, которые все чаще начинают жаловаться верхушке капыкулу, несмотря на огромные доходы, получаемые их обладателями, не являлись тимарами в прежнем значении. Пожалования капыкулу относились к категории хасс, арпалык и т. п. Они могли быть крупных размеров и доходности, но не передавались по наследству, были связаны с определенной должностью, управлялись не их получателями (которые, как правило, и не жили в своих владениях, а могли служить в каком-то отдаленном от пожалованного тимара районе или, чаще,

в столице), а специальными управляющими или откупщиками. Тимарополучатели из среды капыкулу, следовательно, не были организаторами хозяйства и сельской жизни. Они представляли собой рентополучателей-рантье, оторванных от хозяйственной деятельности значительно больше, чем это было с сипахитимариотами. Земельные пожалования для них были не объектом владения, а фактически тем же жалованьем, при котором обезличен и безразличен источник дохода. Тимарами капыкулу часто могли быть записаны доходы с различных неаграрных объектов, а бывало, например, и так, что командир отряда войск капыкулу, расквартированных в провинции, получал определенные суммы, вычитавшиеся из жалованья подчиненных ему рядовых воинов, и эти отчисления фиксировались в финансовых документах как его тимар. Следовательно, тимарная система отрывалась от аграрно-хозяйственной основы, на которой она возникла.

На протяжении XVII в. постепенно утрачивала значение система девширме. Кадры капыкулу стали пополняться из собственной среды и генетически терять связь с рабством. Однако их рабская зависимость от султана и его милости оставалась. У них не было другого надежного источника материального и социального благополучия, кроме государственной службы. Широко известны многочисленные случаи, когда, накопив огромные состояния, но не угодив султанскому окружению, государственные деятели получали отставку и теряли и богатства, и даже голову. Казни и опалы великих везиров, например, стали постоянным явлением османской государственной жизни.

Государственный аппарат Османской империи с конца XVI в. приобретал самодовлеющий характер, выполнявший лишь функции подавления, ограбления и самообеспечения. С организацией хозяйственной жизни в аграрной сфере он был связан мало. Он постепенно превращался в паразитический нарост на социально-хозяйственном организме страны. Между ним и народом возник новый слой, наиболее яркие представители которого в XVIII в. стали называться аяянами. Они представляли собой местную знать, хозяйственно независимую от государственных структур, выросшую на базе откупов, управления крупными хассами или вакуфными владениями, а иногда и старых доосманских владений, включенных османскими властями в тимарную систему, но сохранивших более тесные связи с землей и крестьянством (это — юрдлуки, оджаклыки и другие мюлькиеты имперских окраин).

Итак, ясно прослеживается следующая эволюция. Становление османского государства и османского господствующего класса происходит на сложившейся еще в доосманский период земельно-рентной хозяйственной основе (феодальной по сути и уровню социально-экономического развития). Тимарная система приняла на себя функции, которые выполнял в завоеванных странах прежний доосманский феодальный класс. Однако

эта система (жесткой регламентацией, внутренней подвижностью владений, ограничениями в наследовании, слабой связью рентополучателей с хозяйственной деятельностью и крестьянством) не только не развивала, а как бы консервировала тот уровень развития общества и хозяйства, который застала при своем утверждении. И если первые тимариоты были как воинами кавалерийского ополчения, так и администраторами местного уровня и в какой-то мере организаторами хозяйства или хотя бы надсмотрщиками за хозяйственной деятельностью крестьянства, то позднее, с внутренним перерождением тимарной системы и появлением в ней «чужаков» из капыкулу, хозяйственно-организационные функции утрачиваются, усиливается паразитизм господствующего класса.

Земельные пожалования и связанные с ними общественно полезные функции, выполнявшиеся тимариотами помимо государства и его структур, постепенно сходят на нет, и даже формально сохраняемые подобия тимаров (типа служебных хассов и арпалыков) становятся лишь одной из форм жалования, уплачиваемого государственным служащим. Государство и тимарная система как бы отторгаются от общества, начинающего новый виток развития, с новым возвышающимся господствующим классом хозяйственных руководителей. По уровню социального развития это, очевидно, снова возрождение феодальных отношений, но несколько иного типа, при котором крестьянство теряет свой зависимый, но довольно устойчивый при феодализме статус. Распространяются издольщина, ростовщическая кабала, крестьянство теряет имевшуюся у него ранее государственную защиту от чрезмерного феодального произвола, усиливается эксплуатация (то же, кстати, происходило при «втором издании крепостного права» в Восточной Европе), происходит разорение крестьянства, а порой и сокращение ареала земледельческой культуры.

Такой путь повторных эволюций и постепенного отторжения государственных структур от общества, с нашей точки зрения, характерный путь феодального (и не только!) развития общества в условиях господства деспотических государственных структур. Государство на первых порах мобилизует силы общества, дает ему толчок для ускоренного развития, затем развитие замедляется, государственный деспотизм не только консервирует, но и разоряет общество и разрушает появляющиеся в нем независимые институты, не связанные с государственными структурами. Развитие происходит как бы вспять, архаизируя формы эксплуатации. Появляется необходимость в новом витке развития, отторгнув паразитическую верхушку, руководившую ранее государством и обществом.

¹ *Aşıkpaşazade. Tarih-i Al-i Osman. İstanbul, 1913, с. 20—23.*

² *Neşri M. Kitab-i cihan-nüma. T. 1, Ankara, 1941, с. 148—149.*

³ Об истории этого документа см.: *Орешкова С. Ф.* Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях

социальной структуры османского общества.— Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990, с. 305. Текст документа см.: *Хезарфенн Х.* Телхис аль-бейан фи каваныни ал-и Осман. ЛО ИВ СССР. Отдел рукописей. Шифр Д-217-1, л. 96а—98б.

⁴ О вакфах, как методе османской колонизации балканских земель, см. статьи О. Л. Баркана в Istanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası (далее — İUİFM) тома 11, 13, 15 за 1950, 1953, 1956 гг.

⁵ *Demetriades V.* The Tomb of Ghazi Evrenos Bey at Yenitsa and Its Inscription.— Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Т. 39, ч. 2. Л., 1976.

⁶ См.: *Мутафчиева В.* Основни проблеми в изучаването на вакъфа като част от социално-икономическата структура на Балканите под османска власт.— Проблеми на балканската история и култура. София, 1979, с. 99.

⁷ *Inalcik H.* Suleiman the Lawgiver and Ottoman Law.— Archivum Ottomanikum. Т. 1. The Hague, 1964, с. 112.

⁸ *Tumur T.* Osmanlı Toplumsal Düzeni. Kuruluş ve Yükseliş Dönemi. Ankara, 1972.

⁹ См.: *Barkan Ö. L.* XV—XVI asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda ziraî ekonominin hukuk ve malî esasları. Kanunnameler. İstanbul, 1945.

¹⁰ См.: Книга законов султана Сулеймана Кануни.— Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. Документы и материалы. М., 1965, с. 36—37.

¹¹ *Еремеев Д. Е.* Происхождение юрюков и туркмен Турции и основные этапы их истории.— Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии. М., 1963.

¹² *Barkan Ö. L.* «Feodal» düzen ve osmanlı timar.— Türkiye İktisat Tarihi Semineri. Metinler/Tartışmalar. Hacettepe Üniversitesi Yayınları. Т. 13. Ankara, 1975, с. 2—3.

¹³ Там же.

¹⁴ Об этом и библиографию вопроса см.: *Karpat K.* An Inquire into the Social Foundations of Nationalism in the Ottoman State. From Social Estates to Classes. From Millet to Nations. Princeton, 1973.

¹⁵ *Цветкова Б.* Новые данные о христианах-спахиях на Балканском полуострове в период турецкого господства.— Византийский временник. Т. 13. М., 1958.

¹⁶ *Barkan Ö. L.* «Feodal» düzen ve osmanlı timar, с. 19.

¹⁷ См.: *Тверитинова А. С.* Социальные идеи в турецких дидактических социально-экономических трактатах XVI—XVII вв. М., 1960.

¹⁸ *Новичев А. Д.* Пенчик.— Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Вып. 2. Л., 1978.

¹⁹ Подробнее см.: Мебде-и канун-и Йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса). Изд. текста, пер. с тур., введ., коммент. и указ. И. Е. Петросян. М., 1987.

²⁰ См.: *Show St.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Т. 1. Cambridge, 1976.

²¹ *Barkan Ö. L.* «Feodal» düzen ve osmanlı timar, с. 19—20.

²² *Мутафчиева В. П.* За състоянието на спахилъка през XV в.— Исторически преглед. София, 1959, № 3.

²³ См.: Аграрный строй Османской империи, с. 108—110.

²⁴ *Dimitrov St., Mutaftchieva V.* Sur L'Etat du System des Timar des XVII—XVIII s. Sofia, 1968.

²⁵ См.: *Орешкова С. Ф.* К вопросу о типологической характеристике социальных движений анатолийского населения Османской империи в начале XVII в.— Общественные движения и их идеология в дубуржуазных обществах Азии. М., 1988.

²⁶ *Inalcik H.* Suleiman the Lawgiver, с. 116.

²⁷ *Хезарфенн Х.* Телхис, с. 28а.

²⁸ См.: *Barkan Ö. L.* 1079—1080 (1660—1661) tarihli osmanlı butçesi ve bir mukayese.— İUİFM. Т. 17, № 1—4. 1955—1956, с. 304—347.

²⁹ *Barkan Ö. L.* Osmanlı İmparatorluğu bütçelerine dair notlara.— Там же, с. 193—224.

А. А. Бокщанин

ОЧЕРК ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ
КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ

К 221 г. до н. э. различные древнекитайские царства были силой оружия подчинены властителем царства Цинь Ин Чжэном. На обширных пространствах Среднекитайской равнины и современных юго-восточных и южных районов возникло единое китайское государство — империя Цинь. Это потребовало принципиально новой системы административного управления. Она строилась, естественно, не на пустом месте, а с использованием разнообразного опыта, накопленного уже более чем тысячелетним существованием китайской государственности. При этом в основу создаваемой системы легли преимущественно порядки, практиковавшиеся в царстве Цинь, особенно после реформы Шан Яна в середине IV в. до н. э. Но империя Цинь просуществовала чуть больше одного десятилетия. Его правопреемником в самом конце III в. до н. э. стало новое единое государство под властью династии Хань, просуществовавшее четыре столетия. Именно в это время сложились и закрепились основы государственной административной системы, заложенной в период Цинь. Поэтому, несмотря на некоторые различия в политических порядках Цинь и Хань, равно как и неизбежное их изменение с ходом времени, государственную структуру обеих названных династий (во всяком случае до падения династии Западная Хань в 8 г. н. э.) можно рассматривать как единый этап становления имперских государственных институтов.

Основные черты складывавшейся тогда системы управления в ее идеальном, т. е. предполагаемом ее создателями, виде представляются следующими¹.

Во главе государства стоял властитель, теоретически обладавший ничем не ограниченной властью. Персона властителя сакрализировалась. Его власть считалась ниспосланной Небом (верховным божеством) согласно Небесному приказу (тянь мин), и он официально именовался Сыном Неба. В качестве последнего он выступал как посредник между Небом и Землей, выполнявший мироустроительные функции. Почерпнутая в общении с сакральной сферой (посредством разработанного ритуала) благодатная сила властителя (дэ) должна была рас-

пространяться на весь обитаемый мир (Поднебесную), гармонизируя и направляя праведным путем вселенское развитие. Нормальность или ненормальность этого развития прямо зависела от личных качеств властителя, его поведения. Сакрализованная доктрина монархии ставила государя выше любого религиозно-этического учения, существовавшего в Китае². Идеологическая доктрина власти монарха нашла свое отражение в памятных стелах периода Цинь и во многих официальных документах эпохи Хань.

Отмеченная доктрина не предполагала и не могла в силу своего сакрального характера предполагать верховную собственность государя на землю. Как свидетельствуют тексты стел, установленных во времена Цинь, власть правителя над пространством рассматривалась либо во вселенском масштабе как категория мироздания, либо в применении к территории своей страны — естественной среде обитания его подданных. Например, в установленной в Ланье (Шаньдун) стеле провозглашалось: «Все, что находится в шести направлениях (т. е. между верхом — Небом, низом — Землей и четырьмя сторонами света.— А. Б.),— это земли императора. На западе [эти земли] доходят до зыбучих песков, на юге охватывают Бэйху (общее наименование южных пределов империи Цинь.— А. Б.), на востоке достигают Восточного моря, а на севере переходят через Дася (центральная и северная часть современной провинции Шаньси.— А. Б.)... Ныне император соединил воедино все земли в пределах (четыре) морей, разделяя их на области и уезды»³.

Нужно учитывать, что в Китае даже в гораздо более позднее, чем описываемое, время не существовало отчетливого понятия земельной собственности⁴. Поэтому подобные, часто встречающиеся сентенции отнюдь не имеют отношения к земле как средству производства. Власть правителя была ориентирована прежде всего на людей. И здесь тексты стел вполне определены: «Под всем огромным Небом (император) овладел сердцами людей и объединил их помыслы... И везде, куда достиг след ноги человека, нет таких, кто бы не был (его) подданным»⁵. Однако отсутствие в отмеченной доктрине постулата о собственности властителя на землю как средство производства отнюдь не исключало всей полноты распорядительных прав центральной власти (правлящего двора) в области землепользования.

После объединения страны Ин Чжэн принял титул «хуанди» (Ши-хуанди), обычно переводимый как «император», что, однако, не совсем точно передает смысл, вкладывавшийся в него китайской традицией. Ранее этот титул употреблялся для священных, мифологизированных правителей глубокой древности и лишь эпизодически (в частности, в компоненте «ди») использовался отдельными правителями китайских царств в V—IV вв. до н. э. Смысл его можно приблизительно передать словами

«блистательный и божественный». Принятие этого титула последовало целью поставить себя выше прежних правителей (носивших титул «ван») и одновременно подчеркнуть божественную ипостась новой власти.

Святость императора распространялась и на императрицу — «мать Поднебесной», составлявшую с императором «одно тело». По смерти властителя она представляла его в своем лице, передавая наследнику «Небесный приказ», а в случае малолетства последнего становилась регентшей. Это обстоятельство играло немаловажную роль в политической истории императорского Китая. Наследование власти шло по мужской линии, чаще всего от отца к старшему сыну императрицы. Но за императором оставалось право выбора наследника, что не раз вызывало различные коллизии.

В свете отмеченной доктрины императорской власти государственное управление мыслилось как мироустроительный процесс, осуществляемый исключительно одной персоной избранника Неба. Оно выходило за пределы границ страны и предполагалось как нечто более широкое, чем административное управление. Но практические нужды заставляли сочетать теорию с реальностью. Древние китайцы и до и после объединения страны знали деление на «ближних и дальних», т. е. на китайцев и иноземцев — варваров, на которых пока (до известной поры) не распространилась китайская цивилизация. В то же время признавалась и необходимость в «помощниках» императора, т. е. в создании определенного административного аппарата для «внутреннего» управления. Этот аппарат рассматривался как совокупность ближайших слуг (чэнь) императора, служивших его «руками и ногами»⁶. Иначе говоря, он должен был находиться в полном и безоговорочном подчинении монарха и предназначался для чисто исполнительных функций. Вся полнота политической, законодательной, военной и верховной судебной власти оставалась за императором, равно как и право распоряжаться жизнью и смертью любого подданного, вплоть до самых высокопоставленных сановников.

Однако высокая теория отнюдь не предполагала скрупулезного занятия императором всеми текущими административными делами. Для этого и существовали упомянутые «помощники», которые, в свою очередь, имели своих «помощников»; эта система после объединения страны составила унифицированный центральный аппарат управления. Во главе его стояли чэнсяны (канцлеры) — первые помощники императора во всех делах управления страной. Их могло быть двое: левый (первоначально главный, но с 188 г. до н. э. — младший) и правый (соответственно наоборот). Однако уже с 70-х годов II в. до н. э. назначался лишь один канцлер. Помощники государя (цзайсян, сяngo, чэнсян) были и до образования империи. Но они выступали как личные слуги повелителя. Их положение как глав гражданской администрации определилось именно с созда-

нием имперских порядков. На пост канцлера до середины 20-х годов II в. до н. э. выдвигались (и утверждались императором) люди из знатных родов, так называемые «заслуженные сановники», имевшие титул «хоу» (высший в тогдашнем табеле из 20 рангов знатности). После указанного времени это стало необязательным, но выдвинувшийся в канцлеры с других постов имперской администрации (цины, тайвэй и пр.) или же из среды выдающихся ученых-конфуцианцев неизменно получал титул «хоу».

Положение канцлера до конца династии Западная (ранняя) Хань было очень почетно. Император, принимая его, должен был встать с трона; встречая его в пути — приветствовать, выйдя из повозки; при болезни канцлера — справляться о его здоровье, а при серьезном заболевании — навестить лично. Канцлер получал несравненно более высокое, чем все прочие, жалование (исчислявшееся в единицах объема зерна — ши) и, будучи хоу, имел право на удел-кормление (и) до 1 тыс. крестьянских дворов.

Обязанностью канцлера было помогать императору во всех делах управления. Круг его полномочий был, таким образом, чрезвычайно широк и точно не определен. Однако административная практика ранней империи выработала определенный круг его обязанностей, заключавшихся в следующем: в увещевании императора при принятии им сомнительных политических решений и противостоянии властителю при его «неправедных» шагах, вплоть до возможности оспаривать и приостанавливать действие его указов и других государственных бумаг; в руководстве всеми государственными служащими-чиновниками, т. е. в праве их назначения и смещения (за исключением лишь самых высших сановников, назначавшихся императором); в учете всех поступавших от чиновников ко двору докладов, в сообщении о важных делах, содержащихся в этих докладах, императору или же передаче ему этих докладов полностью; в проверке деятельности руководителей местных административных единиц; в учете статистических данных, которые должны были регулярно поступать с мест, в разборе жалоб, поступавших из столичной округи и личных владений императора; в контроле над экзаменационными испытаниями для претендентов на чиновничьи посты; в самостоятельном ведении следствия и наказании преступников (с последующим докладом императору).

Канцлеры были одними из главных участников совещаний императора со считанными руководителями управленческого аппарата, на которых полагалось решать наиболее важные государственные дела. Кроме того, на канцлера возлагалось проведение совещаний так называемого «внешнего двора» (т. е. опять-таки верхов регулярной чиновной администрации), где рассматривались такие вопросы, как престолонаследие, наделение знати уделами, наказание кого-либо, в частности совершивших преступление крупных сановников, порядок жертвопри-

ношений божествам и ритуальных действий (чему придавалось очень важное значение в государственной практике), положение на границах страны и т. п. Решение этих совещаний канцлер доводил до сведения императора, и по неписаной традиции, по крайней мере до 30—20-х годов II в. до н. э., последний должен был их одобрять. При отсутствии главнокомандующего (пост которого оставался вакантным до 195 г. и после 177 г. до н. э.) канцлер практически ведал и военными делами.

В распоряжении канцлера были два помощника (чжанши, иначе мишучжан) и пятеро секретарей (шичжун, иначе мишу) во главе с начальником (пуе). Последние должны были поддерживать непосредственную связь канцлера с императором при ведении государственных дел. Всего же в Присутствии канцлера (Чэнсянфу) могло быть до 300 различного рода служащих (юань, ши, шу). В Присутствие входили восемь приказов (цао), число которых тоже могло меняться. Они специализированно занимались отбором, назначением и проверкой чиновников, подачей докладов, сбором статистических данных с мест, устройством придворных совещаний, уведомлением нижестоящих инстанций о принятых решениях, учетом податных дворов и соответствующими вопросами, связанными с их занятием земледелием и шелководством, а также военными делами.

Все это дает возможность исследователям считать, что практически, и притом вполне легально, административная власть в ранней империи принадлежала центральному правительственному аппарату, возглавляемому канцлерами⁷.

Канцлер был главной, но отнюдь не единственной фигурой, стоявшей во главе имперской администрации. Юридически в империи Хань выше его по положению считались три наставника при особе императора — высшие гуны (шангун: тайши, тайфу, тайбао). Но они практически не назначались. Эпизодически существовал один из них (чаще тайфу), но он не играл никакой реальной роли в управлении. Равным по рангу канцлеру считался главнокомандующий — тайвэй. В его ведении должны были находиться все военные дела. Но, как отмечалось, в империи Западная Хань этот пост оставался незаменным. В 139 г. до н. э. его вообще упразднили и восстановили лишь в 119 г. до н. э. под другим наименованием — дасыма. Но и после этого назначения главнокомандующего не стало постоянным. Еще одной ключевой фигурой высшей администрации был старший цензор и архивариус — юйшидафу. Хотя теоретически он являлся помощником-заместителем канцлера и по рангу и жалованью был ниже последнего, но на практике он возглавлял особый аппарат цензорского контроля и обладал достаточной самостоятельностью. Юйшидафу вместе с канцлером и главнокомандующим называли тремя гунами (саньгун) — высшими чинами имперской администрации. Более половины канцлеров во II—I вв. до н. э. выдвинулось из старших цензоров (22 из 42)⁸.

В подчинении у старшего цензора был помощник — юйши-чжунчэн — и (во времена Хань) 45 цензоров — юйши. 15 из них несли дежурства в императорском дворце и назывались шиюйши. Те из них, кто посылался с ревизией в различные областные центры, именовались цзяньюйши. Сочетание службы проверки с архивным делом обуславливалось историческими причинами. До образования империи юйши служили личными секретарями при государе (в частности, в царстве Цинь), вели записи, ведали документами и книгами. После того как при Цинь Шихуанди их стали использовать в качестве цензоров, функции по хранению архива просто сохранились за ними по традиции. Кроме хранения государственных бумаг, проверки правильности выдвижения чиновников на различные посты и результатов их деятельности Цензорат (Юйшидафусы) обязан был следить за соблюдением законов. Кроме того, цензоры могли выполнять любые самые разнообразные поручения непосредственно императора. Например, во времена правления У-ди (140—87 гг. до н. э.) в числе свитских (дворцовых) юйши (шиюйши) был учрежден пост чжичжи («действовавшие по прямому указанию»), которые посылались на места для наведения порядка и для расправы. Они имели полномочия казнить местных чиновников, вплоть до начальников областей.

Помимо Цензората в 106 г. до н. э. вся территория страны с целью осуществления контроля на местах была разделена на 13 округов (чжоу). Ответственными за проверку каждого из них были цыши. В их подчинении был целый ряд служащих: пять цуншиши и еще шесть различных должностных лиц. Им следовало лишь выявлять неполадки и докладывать о них в центр, а не подменять собой местные власти⁹. Эти доклады, подававшиеся ежегодно, попадали первоначально к старшему цензору, а он должен был доводить их до сведения канцлера.

Проверочные функции, как отмечалось, были и у канцлера. В частности, в 118 г. до н. э. были учреждены должности сычжи, подчинявшихся аппарату канцлера и имевших довольно широкие полномочия по «выявлению беззаконий и надзору» на местах.

В конце I в. до н. э. должность старшего цензора была упразднена. Цензорская служба сохранилась и даже окрепла организационно. Руководство ею перешло в руки помощника цензора.

Однако центральный правительственный аппарат не ограничивался «тремя гунами» и подведомственными им учреждениями. Ступенью ниже «трех гунов» по рангу стояли «девять цингов», каждый из которых ведал определенной отраслью государственного управления и имел штат подчиненных служащих, образующих управы (сы).

Тайчан (фэнчан) ведал жертвоприношениями в храме императорских предков, императорскими погребениями, образованием и просвещением, астрономическими наблюдениями, ис-

торописанием, медициной, ритуальной музыкой, гаданиями и т. п. Штат чиновников в этой управе был довольно велик. Среди них следует особо отметить тех, кто имел звание боши. Это были конфуцианские ученые, которые преподавали в Императорской академии (Тайсюэ) и в порядке консультантов приглашались на придворные совещания, т. е. могли влиять на выработку политических решений.

Гуанлусюнь (ланчжунлин) ведал стражей у дворцовых ворот и дверей, т. е. доступом всех входящих во дворец, личной охраной императора, наблюдал за свитой. Его функции определяли личную близость к императору. Служащих здесь чиновников также было довольно много, не считая простых охранников. Вэйвэй командовал дворцовым гарнизоном (существовавшим помимо личной охраны и привратников), который, не считая офицерских чинов, мог насчитывать до 20 тыс. человек.

Тайпу надзирал за содержанием императорских конюшен. Тинвэй (дали) являлся высшим судебным сановником. Он и его подчиненные следили за пригодностью законов, занимались наказаниями и смещением чиновников. Дахунлу (дянькэ) организовывал приемы иноземных послов, прибывавших ко двору с визитами, и представителей не китайских народов, оказавшихся в пределах империи. Цзунчжэн занимался делами императорских родичей (в том числе и женской половины — дочерей и сестер правителя).

Дасынун (чжисунэйши) ведал государственной казной, т. е. доходами и расходами, налоговыми поступлениями, казенными землями, статистикой налогоплательщиков, уровнем цен, товарным и денежным оборотом, государственными складами, общественными амбарами для хранения зерна на случай голода, казенными перевозками товаров и доставкой зерна отправляемой в походы армии. После введения при У-ди государственной монополии на соль, железо и некоторые другие товары за ее соблюдением должен был следить один из его помощников (данунчэн). Обширность круга обязанностей дасынуну обусловила создание под его началом целого ряда чиновничьих отделов.

Наконец, девятый цин — шаофу — заведовал личной казной императора, поступлением в нее средств «с гор и водоемов», а также обеспечением императорского дома. Под наблюдением его помощников (лин) находилось непосредственное производство (для нужд императорского двора) оружия, одежды, различной утвари, посуды, драгоценностей, а также приготовление пищи. При У-ди в ведении этой управы стала находиться придворная музыка. Одновременно здесь была учреждена должность шуйхэндувэй; в обязанности занимавшего ее входило подбирать места для отдыха императора вне дворца, ведать охраной имущества двора и контролировать отливку монет. Штат подчиненных шаофу был одним из самых больших по численности. Ему подчинялись и шаншу — писцы и делопроизводители.

ли, обслуживавшие непосредственно императора. Первоначально (при Цинь) их было всего четверо. Позже (при Хань) им уже полагались помощники — ланы, а их функции в государственном управлении стали заметно возрастать, что привело впоследствии к существенным переменам во всей структуре центрального административного аппарата.

Как следует из перечисленных обязанностей, девять чинов и их управы должны были обслуживать главным образом нужды императорского двора. Лишь трое из них — тинвэй, дахунлу и дасынун — исполняли преимущественно общегосударственные функции. Это становится понятным, если учесть, что данный аппарат вырос в государственную структуру после образования империи из предшествующих ему дворцовых служб при государях различных древнекитайских царств, где цинь были личными слугами своих властелинов. Теперь же они юридически перешли под патронаж канцлеров. Но сохранение этих связей с чисто дворцовыми, а не общегосударственными службами способствовало их особому, во многом самостоятельному положению.

Помимо всего этого в центральном аппарате ранней империи существовал еще целый ряд отдельных, не входивших в какую-либо системную структуру чиновничьих постов, призванных исполнять достаточно важные управленческие функции. На протяжении более чем двух столетий, до династии Восточная (Поздняя) Хань (25—220 гг.), одни из них учреждались, другие ликвидировались, поэтому перечислить их в полном объеме в рамках данной статьи нет возможности. Отметим лишь некоторые из них.

Чжицзиньюй (чжунвэй) отвечал за безопасность в прилегающей к столице округе, управляли этой округой двое нэйши; цзянцзодацян ведал строительством дворцов, храмов, парков; дяньшуго — делами покоренных иноплеменников. Чжуцзюе-чжунвэй контролировал порядок предоставления титулов именитой знати (лехоу). Все эти чины по своему положению приравнивались к девяти цинам. На рубеже 90—80 годов до н. э. заметное положение занял сылисявэй, исполнявший функции военно-полицейского надзирателя за столицей и ее округой и охранявший правительственные учреждения. При императоре существовали специальные советники — цзишичжун, дававшие ответы на его вопросы. С 122 г. до н. э. в его свите появились увещеватели — цзяньдафу, обязанные направлять его на праведные дела. Вначале были при нем и тайные молители, которые при проявлениях гнева Неба — стихийных бедствиях — должны были молить верховное божество о переносе возмездия с императора на его ближайших подчиненных. Особый штат придворных чиновников имелся при императрицах и наследниках престола.

Местная власть в империи была организована по территориальному принципу. Цинь Ши-хуанди разделил всю террито-

рию империи на области (цзюнь) и уезды (сянь). Однако после падения династии Цинь в 207 г. до н. э. ослабление централизации в результате полосы восстаний и междоусобиц привело к частичной реставрации пережиточных доимперских порядков. С приходом к власти династии Хань наряду с продолжавшими существовать областями и уездами в стране было роздано более 130 уделов императорским родичам и представителям знати. Территория этих уделов охватывала почти всю восточную половину страны. Некоторые владения включали несколько бывших областей. Считалось, что владелец удела подчиняется непосредственно двору. Последний назначал в каждый из уделов управителя — сян (по аналогии с канцлером). Практически же вся исполнительная и финансовая власть (налоговая) в уделах принадлежала их владельцам. Они же подбирали себе и местную администрацию по образу и подобию центральных властей (тайфу, чжунвэй, нэйши, цины, дафу и т. д.).

Попытка центрального правительства ограничить уделы привела к междоусобной войне в 154 г. до н. э. Удельные власти потерпели поражение. После этого, а затем в 20-е годы II в. до н. э. их позиции были значительно ослаблены: у них отобрали право назначать чиновников, ставившихся теперь выше, и содержать собственные войска. Размер удела не должен был превышать одной области, а менее знатных владельцев — одного уезда. При передаче по наследству их территория стала дробиться между всеми сыновьями. Политико-административная сила уделов была практически сведена на нет.

В империи Цинь первоначально насчитывалось 36, а затем 40 областей. В империи Ранняя Хань их число колебалось в пределах 70—80¹⁰. В них могло входить различное число уездов (от 3 до 51, в большинстве же случаев — от 6 до 12).

Начальник области — тайшоу (до 148 г. до н. э. — цзюньшоу) назначался центральным правительством. По своему разряду (жалованье 2 тыс. ши зерна) он равнялся девяти цинам. В его руках была сосредоточена практически вся административная и судебная власть на подведомственной территории. Он контролировал начальников входящих в область уездов, набирал и мог продвигать или смещать, награждать или наказывать чиновничий штат местных административных служб, мог вводить местные правила и распределять местные финансовые средства. В его подчинении находились назначаемые из центра помощник — чэн и командующий местным гарнизоном — цзюньвэй (дувэй), одновременно ответственный за безопасность. Среди его подчиненных важную роль играли дюю, осуществлявший контроль за начальниками уездов, гунцао, подбиравший местные чиновничьи кадры, и чжубу, служивший советником и ведавший делопроизводством.

Аппарат областного управления состоял из приказов (цао) и включал более 30 чиновных должностей. У них, в свою очередь, были помощники и подчиненные, так что в целом он со-

стоял из нескольких сот человек (позднее, в I—II вв., — от 500 до 900 человек и более).

В империи Хань насчитывалось свыше 1100 уездов. Они делились на большие, где население превышало 10 тыс. податных дворов, и малые, где дворов было меньше. Начальник большого уезда назывался сяньмин, начальник малого — сяньчжан. Как тот, так и другой обладали всей полнотой административной власти в уезде, осуществляя: контроль над местными чиновниками, гражданскими делами, судопроизводством; сбор статистических данных; поддержание безопасности и «воспитание» народа в требуемом духе. На этот пост подбирали, как правило, местных уроженцев. Начальник уезда назначался центральными властями, равно как и два его помощника: сяньчэн, ведавший гражданским управлением, и сяньвэй, отвечавший за местное спокойствие и безопасность. При начальнике состоял советник — делопроизводитель (чжубу). Более мелкие чиновники уездного штата подбирались самим начальником и назывались цао, юань, ши.

Уезд считался самым низким уровнем местной власти и всей иерархической чиновничьей пирамиды вообще. Однако фактически организация местного общества в империи простиралась и ниже, образуя соподчиненную цепь подуездных структур. Уезды делились на волости (сян). Критерий этого деления не совсем ясен, но были волости большие и малые. Начальник большой волости — ючжи — назначался областными властями, начальник малой — сэфу — уездными. Начальники волостей должны были выслушивать и по возможности решать тяжбы, раскладывать налоги и устанавливать очередность повинностей. Непосредственно сбором налогов занимались их помощники — сянцио. Волостные саньлао ведали «воспитанием» населения, а юцзя отвечали за искоренение бандитов и бунтарей. Воспитывать население в духе сыновней почтительности и усердия в труде должны были еще два должностных лица: сяоди и литянь.

Ниже волостей стояла такая форма организации, как тин. Это было место общественных собраний, постоянный двор, дзорная вышка и одновременно станция правительственной курьерско-почтовой службы. Начальник — тинчжан — имел небольшой военизированный отряд, который предназначался для выявления и ловли бандитов и смутьянов, а также обеспечения курьерской связи. Считалось, что 1 тин устраивается на 10 деревенских общин, но на практике это точно не выдерживалось.

Деревенская община (ли), которая по идеальным прикидкам должна была состоять из 100 дворов, имела своего начальника — ликуй и старейшин — фулао. Община подразделялась на десятидворки и пятидворки, которые также имели своих старшин. Все дворы и все их обитатели тщательно регистрировались в реестровых списках, служивших в первую очередь для фискальных нужд.

Волостное начальство получало содержание из средств данной волости и при благоприятных обстоятельствах имело возможность пробиться в чиновники уездного уровня. Так что резкой грани между уездной и подуездной административной структурой практически не было.

Возникновение со становлением империи единой для всей страны централизованной и соподчиненной системы административных органов требовало достаточно большого количества чиновников. Есть данные, что в эпоху Ранней Хань их насчитывалось около 120 300¹¹. Их подготовка и рекрутирование являлось одной из важных сфер деятельности государственной машины. Если раньше назначение на высокие должности при правителе определялось прежде всего знатностью происхождения и передавалось часто по наследству, то теперь возобладали несколько иные принципы.

Высший слой администраторов (главы центральных учреждений и их ближайшие помощники), а также начальники областей, уездов и их непосредственные помощники назначались центральным правительством от имени императора. Иногда это были ставленники самого властителя, но чаще всего — люди, предлагавшиеся канцлером (вернее, находившимся в его подчинении и специально занимавшимся кадровыми вопросами приказом — Дунцао) или же другими высокопоставленными сановниками. На более низкие, подчиненные должности как в центре, так и на местах (область, уезд) служащих подбирали сами начальники учреждений и инстанций. Этот нижний административный слой обобщенно назывался цзоши (чиновники-помощники). Среди них были разные категории: юаньшу занимали сравнительно высокое положение, могли быть главами или же помощниками глав в различных приказах и бюро; несколько ниже стояли линши, ответственные за исполнение или ведение каких-либо конкретных дел; еще ниже были юйшу — простые или же вспомогательные служащие.

Чтобы выдвинуться и получить назначение в период ранней империи, существовало несколько весьма различных путей. Самым престижным было прямое назначение по личному желанию (призванию) императора. Однако это было не часто. Почетным было и прямое назначение посредством рекомендации высоких сановников (титулованной знати, трех гунов, девяти цингов и т. д.), что практиковалось гораздо шире. Наряду с этим в империи все большее распространение получала регулярная система рекомендаций с мест кандидатов на замещение чиновных должностей. Со 178 г. до н. э. стали периодически (пока не регулярно) издаваться указы о призыве на службу «мудрых, хороших и прямых» (сянь лян фанчжэн). Их могли выдвигать на места как из чиновного сословия, так и из простолюдинов. Со второй половины II в. до н. э. для выдвигаемых перед назначением стали устраивать испытания на пригодность. После 143 г. до н. э. каждой области империи было предписано

выдвигать ежегодно одного-двух кандидатов на службу, обладавших качествами «почтительного сына и бескорыстного» (сяо-лянь). Если учесть, что в империи насчитывалось более 100 областей (включая розданные в уделы), то этот канал стал одним из самых обиходных путей чиновной карьеры. Позже определенную квоту на выдвижение «выдающихся талантов» (мао-цай) в порядке кандидатов на службу (а не прямого назначения) получили высшие сановники империи. Возможностью «приглашать» на службу подчиненных обладали, как упоминалось, и областные и уездные власти.

Наряду с этим за чиновниками, имевшими высокий разряд «получающих 2000 ши», закреплялось право после трех лет службы выдвигать на придворные должности (которые получали хороший шанс обрести конкретную должность) своего сына или младшего брата. Практиковалась просто продажа чинов и должностей. Особенное распространение она получила после 114 г. до н. э. Наконец, существовал порядок, согласно которому богатые семьи, с состоянием свыше 5 млн. монет, могли претендовать на предоставление чина одному из своих членов.

Для подготовки кандидатов на чиновную должность в стране была развернута широкая сеть школ и училищ. Первая из них была открыта между 156—141 гг. до н. э. в области Шу (Сычуань). В 124 г. до н. э. в столице было учреждено Императорское училище (Тайсюэ), где конфуцианские книжники (уцзин-боши) преподавали 50 ученикам. Выдержав по окончании училища испытания по высшему и среднему разряду, эти ученики имели преимущество в получении чиновничьих постов в придворной или местной администрации. Те из них, которые попадали ко двору, именовались ланами¹². Они несли личную охрану императора и выполняли текущие поручения, составляя его свиту. Число их при дворе было довольно значительно — около 2 тыс. Находясь постоянно под рукой властителя и правительства, они составляли постоянный резерв для замещения вакантных и вновь создаваемых административных должностей. В частности, из них в основном назначались начальники областей и уездов. Те же из учеников, кто выдерживал испытания лишь по низшему разряду, возвращались на доучивание. Вслед за Императорским училищем школы с одним преподавателем («школьным чиновником») были открыты в областях (сюэ), уездах (сяо), волостях (сян) и даже более низких единицах (сюй).

Чиновники обеспечивались жалованьем (чаще всего натуральным) из казенных складов и зернохранилищ. Они, а также ученики Училища, число которых быстро росло и к началу новой эры составляло около 3 тыс., освобождались от уплаты налогов и пользовались другими социальными привилегиями и высоким престижем среди населения. Это касалось и членов их семей. Привилегии и часть дохода сохранялись и после отставки по старости.

Во избежание пристрастности уже тогда существовал порядок, что местный начальник не мог быть уроженцем данного района. При назначении чиновника ему мог первоначально даваться испытательный срок с пониженным жалованьем. Чины и должности опосредованно (т. е. преимущественно без четкого порядка) сочетались с иерархией из 20 рангов — титулов (цзюе) и разрядами (чжи), определявшимися номинальным (но не реальным) жалованьем: 2 тыс. ши, 1 тыс., 600 ши и т. д.

Сложившаяся в конце III—I в. до н. э. государственная администрация была довольно сложной системой, отнюдь не отвечавшей упрощенной теоретической схеме, подразумевающей полновластие правителя и его прямой контроль над деятельностью своих слуг-помощников. Можно вполне согласиться с исследователями, отмечавшими уникальный для своего времени рационализм этой системы¹³. Существовало детальное распределение обязанностей между различными административными учреждениями, их подразделениями и отдельными чиновниками. Иерархическая структура построения подразумевала четкую взаимосвязь вышестоящих и нижестоящих звеньев. Областное начальство должно было каждые три месяца докладывать в центр о состоянии дел. Уезды подавали в область такие отчеты ежемесячно. Раз в год (осенью) в столицу поступали из областей полные статистические отчеты. Рядовые чиновники ежедневно отчитывались перед начальством, для чего существовала определенная форма. Все проходящие через администрацию дела, вплоть до мелочей, полагалось документально оформлять. Учетом и контролем стремились охватить все. В свою очередь, сверху шли указы и распоряжения, приезжали ревизоры.

Вместе с тем в государственном аппарате ранней империи можно обнаружить многие несовершенства, определенную архаичность, связанную с начальным этапом существования имперского порядка. Функционирующая администрация воспринималась и действовала не столько как государственная в полном смысле этого слова, сколько как дворцовая. Ярким примером тому служит тот факт, что две трети аппарата девяти чинов были заняты обеспечением нужд императорского двора, а канцлеры вышли из распорядителей двора государя и юридически сохраняли эти функции. Учрежденческая структура была тогда еще относительно проста, а количество чиновников не очень велико по сравнению с последующими этапами имперской государственности. Не всегда был четко разграничен круг обязанностей (например, императора и канцлера; канцлера и главнокомандующего; приказов, подчинявшихся непосредственно канцлеру, и приказов, подвластных девяти цинам; различных звеньев службы проверки и т. д.). В результате такие важные сферы управления, как назначение и наказание чиновников, контроль над сельским хозяйством, налогами, финансами, организация военного дела и пр., зачастую оказывались в одновре-

менном, параллельном ведении различных служб и учреждений. Система подбора и выдвижения чиновничьих кадров сочетала в себе весьма различные по самому своему характеру принципы и методы.

Тем не менее, несмотря на отмеченные архаичные черты, сложившаяся в описываемое время административная система заложила основы государственного строя всего последующего имперского периода. Это не значит, однако, что она не изменялась и не развивалась. Такая закономерная эволюция обуславливалась не только самим ходом времени и изменением внутривластных и внешнеполитических обстоятельств, но и неизбежными поправками, вытекавшими из постоянного столкновения нормативных предписаний и реальных условий функционирования государственных институтов.

В плане таких столкновений уместно поставить вопрос, насколько императоры могли пользоваться всей полнотой неограниченной власти? Политическая теория, разработанная в древнем Китае еще до имперского объединения, предписывала правителю придерживаться определенных норм в управлении (совершенствовать себя, заботиться о подданных и т. п.). Оттого что эти нормы были неписаными (не облеченными в форму закона или завета), они не становились менее незыблемыми. Избравшему «неправедный путь» правления властителю угрожала немилость Неба, вплоть до передачи «Небесного приказа» на занятие престола другому. Неумеренный произвол неизменно осуждался, и так или иначе государю приходилось с этим считаться. Выше уже упоминалось, что решение важных государственных дел полагалось выносить на совещания высших сановников в узком, а иногда и широком составе. Обязанностью канцлеров было увещивать императора в пользу принятия «правильных» решений. Для неодобрения предложений канцлеров нужны были весьма веские причины. Отсутствие же четкого отграничения полномочий канцлеров от императорских вообще могло ставить властителя в почетное, но лишнее конкретных распорядительных функций положение. Поэтому реальные политические взаимоотношения между императором и канцлерами стали одной из серьезных проблем в управлении страной.

В этих условиях многое зависело от личных качеств обеих сторон. Ши-Хуанди придерживался, как известно, жесткой единовластной линии. Но это вызывало все возрастающее недовольство, приведшее вскоре после его смерти к восстаниям и падению династии Цинь. Ханьским императорам до середины I в. до н. э. (за исключением короткой узурпации престола родом императрицы Люй в 187—180 гг. до н. э.) удавалось поддерживать в этом плане требуемое традицией равновесие. При этом общая тенденция сводилась к постепенному ослаблению роли канцлеров и соответственно укреплению единоличной власти. Особенно заметные сдвиги в этом направлении произо-

шли во времена ханьского У-ди. Именно тогда, в конце I в. до н. э., канцлеры были практически отстранены от вмешательства в дела императорской семьи. На пост канцлера начали подбирать выходцев из незнатных фамилий. Но главным стало появление узкого круга особо приближенных к императору придворных и сановников — внутреннего двора (нэй чао). Сюда вошли учрежденный в качестве главнокомандующего дасыма (вместо прежнего тайвзя), четверо высших генералов (цзян-цзюнь), придворные чины — шичжун, чанши, саньци, чжули; а также главы некоторых приказов (цао) и советники (цзиши-чжун). Сюда же стали подключаться некоторые родичи императора и особо доверенные евнухи. Именно в этом узком кругу стали решаться основные политические вопросы, причем совещания внутреннего двора проводились тайно, в личных покоях императора, куда не допускались другие сановники. Вся же остальная администрация, возглавляемая канцлером, стала называться внешним двором (вэй чао). И хотя юридически ее функции не изменились, а количественно она несравненно преобладала, ее реальное значение в делах государственного управления существенно снизилось.

Появление внутреннего двора знаменовало собой образование неформальных структур управления, которые действовали параллельно с регулярной администрацией (чжэн гуань), частично подменяя и частично дублируя последнюю. Это явление, получившее распространение в последующей истории политической организации в Китае, заметно деформировало всю теоретически предполагаемую, нормативную деятельность государственных институтов империи.

Опять-таки в целях ослабления влияния канцлеров, а также старших цензоров У-ди стал все больше поручений и приказаний давать через их голову, непосредственно аппарату девяти чинов. При этом быстро возрастали роль и значение личных секретарей императора — шаншу, административно подчинявшихся шаофу, но вошедших в состав внутреннего двора. В руки шаншу передается хранение императорских указов, статистических реестров, присылавшихся из областей и уездов; они получают доступ ко многим политическим делам, включая назначение чиновников. Первоначально (как и до У-ди) их было всего четверо. Но с ростом их полномочий им начинают придаваться в качестве помощников дворцовые ланы, которые получают здесь наименование шаншу-лан. Возглавлял шаншу шаншулин. При дворе (после У-ди) создаются должности кураторов (непрямых начальников) шаншу: линшаншуши и лушаншуши. На них подбирали, как правило, родичей императора или крупных военачальников.

К концу I в. до н. э. при каждом из шаншу формируется приказ (цао), ставится помощник начальника — шаншу-пуе. Одновременно производится одна из существенных реформ в высшем эшелоне управления. В 8—1 гг. до н. э. вместо канцлера

(чэнсян) учреждается пост дасыту, а вместо старшего цензора (юйшидафу) — дасыкун (вместо тайвэя по-прежнему сохраняется пост дасыма). Внешне это выглядело как простое переименование трех гунов и мотивировалось желанием вернуться к терминологии древних, почитавшихся за идеальных управителей. На деле же это существенно меняло функции высших чинов империи. Все три гуна теперь были уравнены между собой. Важные дела они должны были обсуждать совместно. Каждому из них было подчинено по три из девяти чинов. Таким образом, полномочия канцлера были еще более сужены. Дасыкун, в свою очередь, был полностью отстранен от руководства Цензоратом, и его главной обязанностью стали мелиоративные и землеустроительные работы. Цензорат фактически превратился в самостоятельное учреждение (хотя номинально был переподчинен шаофу) и стал возглавляться бывшим помощником старшего цензора (юйшичжунчэн). Соответственно укрепились позиции главнокомандующего (дасыма), который еще до этого входил в состав внутреннего двора.

Эта реформа, ослабив полномочия и аппарат канцлера, еще более укрепила администрацию шаншу, которая после этого постепенно превращается в центральный правительственный орган, фактически подменявший собой канцлеров.

Отмеченные выше взаимосвязанные перемены в системе управления страной привели к тому, что в период Поздней (Восточной) Хань (т. е. возродившейся в 25 г. н. э. после узурпации престола одним из родичей императорского дома, Ван Маном, и последующих за этим внутренних войн 9—25 гг. династии Хань) в империи существовала уже новая, сильно отличавшаяся от первоначальных имперских времен административная структура. Юридически столпами центрального правительства продолжали оставаться три гуна и девять чинов, но фактически техника государственного управления была совершенно иная.

Возродивший династию Хань после кризиса Гуан-у-ди (25—57 гг.), опасаясь повторения узурпации, стремился сосредоточить в своих руках как можно большую власть. Достаточно сильной оставалась власть императоров и при его ближайших преемниках Мин-ди (58—75) и Чжан-ди (76—88). Однако затем императора все больше оттесняют фавориты из его родичей по женской линии, евнухи, усиливается политическое влияние вдовствующих императриц. Ханьский двор постепенно погружается в борьбу поддерживавших тех или иных временщиков придворных клик (особенно с середины II в.). В последние 30 лет существования династии (пала в 220 г.) императоры превращаются в марионеток в руках военных лидеров. Главные причины этого лежат в том, что, стремясь усилить личную власть в противовес регулярной имперской администрации, правители Поздней Хань продолжали обозначившийся еще несколько раньше курс опоры на нерегулярные, неконтролируемые хотя бы традицией административные порядки.

Внутренний двор окреп, и его численность составляла приблизительно пятую часть от двора внешнего¹⁴. Роль посредников между этими двумя дворами попала в руки высокопоставленных евнухов — чжунчжанши и хуанмэнь-сяоши. Еще Гуан-у-ди стал передавать евнухам (т. е. наиболее близко общавшимся с императором людям) ранее не занимавшиеся ими административные посты. Влияние трех гунов (за исключением главнокомандующего) продолжало намеренно ослабляться. При Гуан-у-ди их какое-то время вообще не назначали. Затем стали нарочито подбирать из людей весьма скромных способностей, не пользующихся большим авторитетом. Многие традиционно исполняемые ими полномочия передавались двором другим лицам и учреждениям. А незадолго перед падением империи, в 208 г., должности трех цинов были вообще упразднены.

Исключением был главнокомандующий (с середины I в. снова именовавшийся тайвэй). Ему были переподчинены шесть (из восьми) приказов из аппарата бывших канцлеров. Кроме того, в его распоряжение было отдано еще семь заново сформированных приказов. Под его начальство перешли бывшие помощники канцлеров (чжанши), контролеры (сычжи), советники-делопроизводители (чжубу) и прочие довольно высокопоставленные чины центрального правительства. В руках главнокомандующего оказался ведавший гражданскими делами административный аппарат, превышавший по составу тот, который ранее был у канцлера. Фактически тайвэй стал первым советником императора, обязанным «помогать» ему в управлении в целом. В известной мере он подменил собой канцлера. Но это существенно отличалось от прежних порядков, когда, как упоминалось, пост главнокомандующего замещался эпизодически и не имел решающего значения в системе управления.

Повысилась также роль одного из трех высших советников при особе императора (шангун) — тайфу. Он не только постоянно назначался и пользовался большим авторитетом, но специальными указами ему стали поручаться многие важные государственные дела.

Однако самым существенным изменением в системе управления был переход значительной доли реальной власти в руки аппарата шаншу. Он состоял теперь из шести приказов (цао). Кроме начальника (шаншу) в каждом из них состояло по два помощника (чэн), шесть шиланов и три линши. Приказы имели свой круг обязанностей, но персонал их работал совместно, не выделяясь в отдельные учреждения. Во главе аппарата, который стал называться Палатой шаншу (Шаншутай), стояли ее начальник (шаншулин) и помощник начальника (шаншупуе). Вместе с шестью шаншу они назывались «восемь мест» (ба цзо) и участвовали во всех совещаниях внутреннего двора, где решались первостепенные дела. При этом шаншулин в знак особого почета и уважения сидел на приемах у императора на особой циновке вместе с сылсязовэем и юйшичжунчэном.

Палата шаншу передавала императору поступающие с мест доклады и жалобы; готовила на них ответы; составляла проекты государственных бумаг, включая императорские указы; доводила эти указы до нижестоящих инстанций; ведала назначением и смещением чиновников (вплоть до назначения трех гунов), их награждением и наказанием; предлагала решения по важным, доходившим до двора судебным делам; руководила крупными строительными работами; хранила письменные документы (законы, доклады, распоряжения, карты, секретные донесения и т. п.) и в случае надобности извлекала оттуда аргументацию при ведении политических дел. Аппарат шаншу фактически превратился в центральное правительство, заменив структуру девяти цингов. Но в отличие от последней он был подчинен не канцлеру, а непосредственно императору. Обладатели «восьми мест» пользовались высоким социальным престижем: при встрече с ними гуны, цины, дафу, военачальники и прочие сановники должны были уступать им дорогу, их слова и предписания воспринимались нижестоящими как приказы. Палата шаншу аллегорически называлась Полярным блеском ввиду своей близости к императорской особе, чья небесная ипостась помещалась на небосводе рядом с Полярной звездой. Вместе с Палатой цензоров (иносказательно Сюаньтай) и Палатой дворцовых распорядителей (иносказательно Вайтай) Палата шаншу (иносказательно Чжунтай) составляла трио наиболее приближенных к императору административных учреждений (Саньтай).

Из прочих перемен в административном управлении периода империи Поздняя Хань следует упомянуть повышение роли сы-лисяовзя (теперь просто — сыли). Он стал не только ведать выявлением беззаконий и волнений в столичной округе, но и во многом руководить входившими сюда семью областями. Его непосредственными помощниками были 12 цунши, которые возглавляли несколько приказов (цао) и служб. По своему положению сыли признавался выше девяти цингов.

Перемены произошли и на уровне местной власти. Главная из них — приобретение начальниками инспекционных округов (цыши, позже — му) управленческих функций. Они вместе с приданными им в подчинение цунши, линши и прочими чинами постепенно все больше контролировали отбор и выдвижение чиновников областного и уездного рангов, подачу жалоб и вообще ведение местных дел, превращаясь в еще одно стоящее над областями звено местной власти. Это фактически сложившееся положение было официально узаконено в 188 г. В империи появилось 12 административных округов (чжоу). Их начальники обладали административной, судебной и военной властью. Им были подчинены области и уезды, входившие в округ.

Сохранившиеся в империи Поздняя Хань уделы не имели никакого политико-административного значения. Они, по сути, превратились в кормления, и то относительные; в каждом уде-

ле находился представитель двора, который отбирал в пользу центральной казны половину доходов. Размеры уделов еще более измельчали: только близким императорским родичам давались уделы в пределах области, остальной знати — в пределах уезда, волости и даже тина (околотка).

Наконец, значительные изменения по сравнению с эпохой Ранней Хань произошли и в отношении отбора чиновников на государственную службу. В целом число чиновников возрастало: их насчитывалось около 145,5 тыс.¹⁵. Не помогали попытки сокращения аппарата (например, только в 31 г. было упразднено приблизительно 400 уездов и соответственно расформирован их штат). По каналу рекомендаций ежегодно выдвигалось до 200 кандидатур в чиновники. В 29 г. утвердили квоты выдвижения: в областях (или уездах), где насчитывалось более 200 тыс. жителей, полагалось ежегодно выдвигать одного «почтительного и бескорыстного», где менее этого числа — раз в два года, а где менее 100 тыс. — раз в три года. После 132 г. для всех выдвигаемых кандидатов стали устраивать экзаменационные испытания. Но к этому времени в системе выдвижения самое широкое распространение получила протекция, питаемая родственно-земляческими связями, патронажем, корыстными и прочими мотивами. Выдвинуться и получить должность без протекции было почти невозможно. И наоборот, стала складываться элитарная прослойка из семейств (сначала их было около 20), представители которых из поколения в поколение получали различные посты в чиновничьей администрации. Обнаруживалась тенденция к аристократизации чиновничества. С другой стороны, продолжавшаяся продажа должностей охватила собой даже посты гунов и цинов.

Таким образом, существенные перемены в административно-управленческой системе ранней империи произошли еще до ее падения в начале III в. Многие порядки, существовавшие в I—II вв., скорее превосхищали имперский строй последующих времен, нежели воспроизводили первоначальные образцы периода Цинь — Ранней Хань. Но на пути к становлению новой имперской модели лежал длительный период политической раздробленности страны и иноземных вторжений. Однако и тогда, в период Троецарствия, династии Цзинь, Северных и Южных династий (III—VI вв.), в различных государственных образованиях на территории древней империи существовали многие имперские институты, наблюдались изменения и новации в системе административного управления.

При сохранении традиционного общетеоретического подхода к императорской власти ее реальная сила заметно ослабла. Лишь редким властителям (как правило, основателям различных государств и династий) удавалось сохранять сколько-нибудь заметный контроль над политическими процессами. Хозяевами положения часто оказывались обладавшие реальной силой (прежде всего военной) временщики, имевшие различные

звания и должностные обязанности, в частности канцлера. Участились перевороты, смена лиц на престоле, обострилась борьба придворных группировок, в которой кланы императриц и придворных евнухов играли гораздо меньшую, чем прежде, роль.

Многие основатели различных государств и династий в III—VI вв. были военными лидерами — полководцами, выходцами из знати или социальных низов. В сочетании с участвовавшими междуособицами и иноплеменными вторжениями (пик которых приходится на IV в.) это приводило к известной военизации всей управленческой структуры. Например, в государстве Вэй в аппарате канцлера высшие позиции занимали военные чины, а главнокомандующие — дасыма и дацзянцзюнь — вошли в разряд высших гунов (шан гун). В империях Цзинь и Северная Вэй большинство начальников округов и областей получали одновременно и звания полководцев (дуду, цзянцзюнь и пр.) и имели в своем распоряжении военные отряды. В той же Северной Вэй существовало прямое военное управление многими подвластными районами (цзюньчжэнь). Военизация на местном уровне вела к возрастанию регионализма, ослаблению централизации аппарата управления.

Наряду с этими тенденциями во всех существовавших в Китае в то время государствах, в том числе и основанных пришлыми и расселившимися здесь иноплеменниками (сюнну, табгачи и пр.), принималась (с теми или иными вариациями в деталях) схема административного устройства, сложившаяся в империи Хань в I—II вв. Существовали, хотя не везде и не всегда, канцлеры (чжэнсян, сяngo), высшие гуны (тайши, тайбао, тайфу), три гуна (тайвэй, сыту, сыкун), аппарат (управы) девяти (а иногда и большего количества) чинов, Палата шаншу (Шаншутай), Цензорат (Юйшитай) и другие чины и органы центральных ведомств. На местах утвердилась трехступенчатая система деления на округа (чжоу), области (цзюнь) и уезды (сянь). Однако реальное содержание, функции и значимость различных звеньев этого аппарата продолжали меняться. Канцлеры, если это звание не присваивалось, как упоминалось, все сильнее временщиками и потенциальными кандидатами на престол, все больше и больше утрачивали свой политический вес, сокращался подведомственный им чиновничий штат. Если в период Троецарствия (III в.) они иногда еще имели близкое к прежнему значение, то ко времени Северных и Южных династий (V—VI вв.) превратились лишь в почетные звания, причем это звание (цзайсян) стало даваться целому ряду высших административных чинов.

Равным образом продолжалось начавшееся раньше ослабление значения трех гунов с их подчиненными. Вместо аппарата девяти чинов положение высшего правительственного органа фактически сохраняла Палата шаншу (с VI в. она стала называться Шаншүшэн). Однако именно в сфере деятельности последней наметились существенные перемены. В III в. параллель-

но с ней возникает Палата чжуншу (внутридворцовых секретарей) во главе с чжуншулином и чжуншуцзяном. В обязанности сугубо приближенных к императору чжуншу входило заниматься разного рода секретными делами, готовить проекты императорских указов и распоряжений, разбираться в поступавших докладах, рассматривать жалобы. Иначе говоря, к ним перешла часть функций, выполнявшихся прежде шаншу. Круг обязанностей Палаты чжуншу постепенно расширялся, и ее положение к рубежу III—VI вв. сравнялось со статусом Палаты шаншу. В дальнейшем эта новая палата все больше приобретала значение наиважнейшего центрального правительственного органа, оттесняя шаншу в сферу чисто исполнительной власти.

В конце III в. возникает еще одна палата — Палата мэнся (придворных), обязанностью которой была выработка политических планов. Со временем она также приобрела статус высшего правительственного органа, определяющего политику.

Одновременно появляются еще несколько палат. Палата мишу (тайных секретарей) ведала хранением документов, карт, архивных дел. Палата цзишу (секретарей-собирателей) занималась подготовкой совещаний и советов для императора. Палата чжуншичжунов (внутридворцовых шичжунов) держала под контролем входы и выходы правительственных учреждений и организацию дворцовой жизни и быта. Однако первостепенное значение в государственной структуре удерживали первые три из названных палат.

История их возникновения имеет прямое отношение к стремлению императорской власти к большей самостоятельности. Как некогда Палата шаншу появилась в качестве противовеса стеснявшим самодержавие канцлерам, так Палата чжуншу служила противовесом чрезмерно усилившемуся шаншу, а Палата мэнся — сосредоточившим слишком большую власть чжуншу. Три палаты (сань шэн) как бы дополняли друг друга и в то же время служили раздроблению власти, предотвращая опасную для трона концентрацию ее в руках какого-либо одного лица или органа.

В IV столетии в империи Восточная Цзинь была отменена должность сылисыювэя. В результате весь цензорский надзор сосредоточился в ставшей полностью самостоятельной Палате цензоров (Юйшитай). Ее структура усложнилась и стала делиться на 13 приказов (цао). Начали практиковаться не только официальные, но и скрытые проверки.

На уровне местной власти наблюдалось увеличение количества округов и областей. Если в период Троецарствия насчитывалось 16 округов, а при Цзинь — 19, то в охватывающей северную часть страны Северной Вэй — 26 (не считая военно-административных единиц — чжэней), а в расположенной на юге Южной лян — более 100 округов. Число же уездов оставалось приблизительно таким же, как в I—II вв., и колебалось около цифры 1,5 тыс.

С III в. претерпела изменения и система отбора чиновников на государственную службу. Порядок регулярных рекомендаций кандидатов, приводивший, как отмечалось, к образованию наследственной чиновной элиты, был заменен введением «девяти категорий» (иначе «деревенских категорий»). Согласно этому новому порядку, во всех округах и областях учреждались должности чжунчжэнов («беспристрастные и прямые»), которые должны были давать оценки всем местным представителям образованных кругов (ши) — потенциальным кандидатам в чиновники. Эти оценки строились на учете социального и служебного положения предков характеризуемого лица, а также его личных талантов. В последнем случае определенную роль играли так называемые «чистые суждения» о данном человеке местного общества (иначе «деревенские мнения» — сянлунь). По этим оценкам, он относился к одной из девяти иерархически соотносящихся категорий (пинь, пиньчжуан). Согласно этим категориям, отдел чинов (либу) в Палате шаншу подбирал кадры. Однако вскоре же после введения нового порядка выработка указанных оценок превратилась в чистую формальность, используемую местной влиятельной верхушкой для выдвижения своих представителей на чиновничьи должности.

Дальнейшее развитие государственных институтов в Китае связано с образованием здесь в 80-х годах VI в. новой единой империи Суй и — после короткой междоусобицы — Тан, просуществовавшей до начала X в. Объединение страны сопровождалось усилением централизованного административного аппарата. Произошло реальное усиление императорской власти, базировавшейся на прежних, ставших уже традиционными идеологических принципах. Сын Неба имел полную, ничем юридически не ограниченную власть над всеми своими подданными, мог миловать и казнить, назначать и смещать всех должностных лиц в государственном аппарате, считавшихся его персональными служащими. Однако на деле действия императора были негласно ограничены вполне осязаемо проявлявшимися нормативами осуществления процесса управления. Оно проводилось посредством императорских указов, которые имели силу закона. Выработкой же указов занимались специальные центральные правительственные органы по определенным, принятым образцам, поэтому содержание указов не зависело только от воли властителя.

Естественно, император мог издать «прямой» указ, минуя всякие учреждения. Такие случаи наблюдались в описываемый период, в частности во времена правления императрицы У Цзэтянь (684—705) и Чжун-цзуна (705—710). Но они были сравнительно редки и воспринимались носителями китайской политической культуры как нечто неординарное и нежелательное. Эти указы имели особую форму, особое название, и их исполнение поручалось специально назначавшимся для этого чиновникам. Иначе говоря, подобная практика оставалась на уров-

не прецедента, выходявшего за рамки обычного управленческого процесса.

Конечно, многое по-прежнему зависело от личных качеств обладателя престола. Реально влияли на процесс политического управления суйские императоры Вэнь-ди (589—604) и Ян-ди (604—617), танские Тай-цзун (627—649), У Цзэ-тянь, Сюань-цзун (713—756) и отчасти Дэ-цзун (780—804) и Сянь-цзун (806—820). При этом Ян-ди рисуется китайской историографической традицией как совершенный деспот, пренебрегавший следуемыми нормами управления; Тай-цзун — как образцовый монарх, достаточно сильный, но опиравшийся на мудрых помощников. Большинство же остальных государей практически передоверяло (и в известной мере вынужденно) нити управления отлаженной государственной машине либо (с середины VIII в. и позже) придворным группировкам (чаще евнухам).

Основным ядром центрального правительства в конце VI—IX в. становятся три палаты, состав и обязанности которых окончательно складываются и закрепляются именно в описываемое время. Ведущее место здесь принадлежало Палате чжуншу. Двое ее начальников (чжуншулин) и их помощники (чжуншушилан) «помогали» императору в ведении гражданской и военной политики. Здесь готовились предложения по решению всех поступавших на рассмотрение двора дел. Здесь же — формально на основе указаний императора — составлялись проекты императорских указов и распоряжений. Затем они направлялись в Палату мэнься, которая определяла их целесообразность и соответствие принятым за образец нормативам. В случае несогласия эта палата возвращала указы на доработку в Палату чжуншу. Начальники Палаты мэнься также участвовали в совещаниях при дворе, на которых определялись политические решения. Лишь после одобрения указов и распоряжений этой палатой и последующего утверждения их императором (путем постановки печати) подобные документы передавались для исполнения в Палату шаншу.

Последняя к описываемому времени превратилась в высший исполнительный орган империи, т. е. в реальное правительство. Хотя в ее функции входило лишь исполнять получаемые через Палату чжуншу распоряжения, процесс претворения их допускал определенную самостоятельность действий. Выполняя получаемые предписания, Палата шаншу действовала исходя из сложившейся практики осуществления тех или иных мероприятий, учитывая, естественно, специфику каждого конкретного дела. При этом большую роль всегда играл прецедент — образец решения сходных дел в прошлом. В своей работе Палата шаншу не должна была запрашивать одобрение императора. К нему прибегали лишь в случаях отсутствия прецедентов в прошлом и возникновения сомнений в целесообразности тех или иных мер. Это укрепляло ее самостоятельность.

Аппарат Палаты шаншу значительно превосходил штаты

своих других указанных учреждений. В конце VI в. приказы (цао), из которых она состояла, были преобразованы в ведомства (бу). В первой четверти VII в. были твердо определены их состав и обязанности. Существовало шесть Ведомств: чинов, налогов, ритуалов, общественных работ, Военное и Судебное ведомства. Первая и вторая тройка из перечисленных ведомств подчинялись соответственно «старшему» и «младшему» чэнам; те, в свою очередь, — «старшему» и «младшему» помощникам начальника палаты (пуе). Начальник же палаты (шаншулин) в VI—VII вв. не назначался¹⁶. Во главе каждого ведомства стоял начальник (шаншу), имевший двух помощников (шилан). Все ведомства делились на четыре отдела (называвшихся по-разному: бу, сы, кэ и т. д.). Возглавляли каждый отдел ланчжун и его помощник вайлан. Штат подчиненных в различных ведомствах был неодинаков: в Ведомстве чинов насчитывалось 319 человек, налогов — 210, ритуалов — 80, Военном ведомстве — 189, Судебном — 180, Ведомстве общественных работ — 64 человека¹⁷. Состав ведомств и детальное описание правил их работы были кодифицированы в специальном своде «Тан лю дэнь».

Ведомства имели собственные помещения, находившиеся близ императорских покоев. У них был весьма представительный и богато отделанный дворцовый павильон, где по утрам проходили совместные заседания руководящих сановников (дутан). После обеда начальство расходилось по вверенным ведомствам.

Разделение центральных управленческих функций между тремя палатами требовало определенной координации их действий. Для этой цели во второй четверти VII в. был учрежден совет руководящих деятелей этих палат — Кабинет политических дел (Чжэншитан). На совещаниях Кабинета обсуждались все важные государственные и военные вопросы; лишь после этого о них докладывалось императору и начиналась выработка соответствующих указов и распоряжений. Первоначально Кабинет заседал в помещениях Палаты мэнся, позже (со второй половины VII в.) — Палаты чжуншу и с того же века стал официально именоваться Чжуншу-мэнся. Те, кто по должности или по повелению императора допускался к совещаниям Кабинета, получали особые звания (чжуншу-мэнся пинчжанши, чжуншу-мэнся саньпинь) и по своему статусу приравнивались к канцлерам (цзайсян). При Кабинете появился свой секретариат — пять отделений (или же комнат — фан, примыкавших к залу заседаний), где готовились обсуждаемые дела.

Обрисованная механика ведения управления подразумевала весьма ограниченное (правда, при соблюдении полного пиетета к императору) вмешательство последнего в этот разработанный до мелочей процесс. Палаты чжуншу и мэнся запрашивали одобрения императора лишь по тем вопросам, которые они сами же определяли как важные. И решение этих важных

задач предварялось коллективными рекомендациями, вырабатываемыми на совещаниях Кабинета политических дел. Рутинное же делопроизводство (решение многих сочтенных мелкими запросов, предложений, жалоб и т. п., во множестве поступавших с мест к центральному двору) во многом определялось рассматривавшими каждое дело и дававшими свои рекомендации по его разрешению (удостоверяя личным факсимиле) служащими Палаты чжуншү — чжуншү-шэжэньши; проверявшими правильность предложенных решений служащими Палаты мэнься — цзиши-чжунами; претворявшими данные решения руководителями шести ведомств. Подобное положение позволяет считать, что к концу VI — первой половине VII в. центральные органы управления китайской империи окончательно перестали быть администрацией, обслуживающей преимущественно монарха и его двор, и в полной мере превратились в государственный административный аппарат, действовавший по отлаженным и в какой-то степени кодифицированным нормам в масштабах всей страны.

Вместе с тем в управленческой системе империй Суй и Тан сохранились рудиментарные элементы государственных институтов начального имперского периода. В конце VI — начале VII в. еще существовали должности канцлеров (сянго или дачэнсян). Правда, они замещались непостоянно, и лица, получившие их, не имели сколько-нибудь существенной власти и влияния. Канцлеры же танского времени, как следует из сказанного о них выше, уже отличались от прежнего понятия о канцлере по самой сути, совмещая это звание с другими должностями. Зато продолжали существовать посты трех наставников (тайши, тайфу, тайбао) и трех гунов (тайвэй, сыту, сыкун). Но они не имели реальных должностных обязанностей и подчиненного им аппарата, назначались нерегулярно и к VIII в. превратились фактически в почетные звания, дававшиеся за заслуги.

Рудиментом выглядят и сохранявшиеся девять управ (сы) — прежний аппарат девяти цинов (с той лишь формальной разницей, что из состава этих управ была выведена Шаофу). Названия управ отражали титулатуру их прежних начальников — Тайчан, Гуанлу, Цзунчжэн и т. д. Они состояли из разного числа канцелярий (шу), и штат их был довольно значительным. Но, по существу, своей значимостью и функциями эти органы сильно отличались от аналогичных учреждений времен ранней империи. Теперь они превратились во вспомогательный эшелон исполнительной власти, занимая положение ниже шести ведомств, выполняя поступавшие оттуда распоряжения и отчитываясь им об их выполнении. Изначальные обязанности этих управ фактически перешли к шести ведомствам.

Аналогичное, подчиненное ведомствам положение занимал и аппарат пяти надзоров (цзянь), также имевший прообраз во времена Хань, но не составлявший тогда единой системы. Это были следующие Надзоры: государственных училищ (Гоцзы-

цзянь), малой казны (Шаофуцзянь), оружия (Цзюньцицзянь), строительства (Цзянцзоцзянь) и водных сооружений (Душуйцзянь). Их названия определяют их функции. Исключение представляет лишь Шаофу, который из прежней управы был преобразован в надзор. Это учреждение теперь ведало управлением государственным (казенным) и дворцовым ремеслом, куда входили, в частности, ткачество и крашение, литье металлов и отливка монеты, а также осуществляло контроль над ведением торговли. Надзоры, так же как и управы, не могли издавать собственных распоряжений и должны были руководствоваться поступавшими свыше (главным образом из шести ведомств) указаниями.

Во времена империй Суй и Тан произошло дальнейшее укрепление цензорской службы как самостоятельного звена административной машины. До начала VIII в. Цензорат (названия его несколько раз изменялись, но преобладающим оставалось Юйшитай) был разделен на две части: старшую, или левую (цзотай), которая ведала проверкой столичных чиновников и столичного военного гарнизона, и младшую, или правую (ютай), проверявшую провинциальную бюрократию. Во главе каждой из них стояли свой начальник (дафу) и его помощник (чжунчэн). Однако ввиду постоянно возникавших между обеими частями трений в 712 г. они были слиты. К концу VIII в. в Цензорате было три отдела: Тайюань, Дяньюань и Чаюань. Самостоятельный Цензорат помимо главной столицы империи — г. Чанъань существовал также во второй, восточной столице — г. Лояне. Здесь он назывался Лютай, возглавлялся чжунчэном (а не дафу), и количество цензоров в нем было значительно меньше. Со второй половины VIII в. роль этого Цензората, и ранее уступавшая основному, еще более ослабла. Однако цензорская проверка как таковая оставалась существенным моментом приобретаемого в описываемое время нормативные черты процесса государственного управления.

Утверждение центральных административных органов в качестве чисто государственной машины подразумевало наличие особых, чисто дворцовых служб. Они также назывались палатами (шэн).

Включавшая шесть отделений, или же бюро (цзюй), Палата дяньчжун (внутридворцовая) ведала снабжением обитателей дворцов пищей, одеждой, экипажами, лекарствами и удовлетворением прочих нужд их повседневной жизни, включая размещение по покоям.

Палата нэйши (внутренней службы) состояла из евнухов и отвечала помимо исполнения прямых обязанностей в гареме за непосредственную охрану дверей дворцовых покоев, уборку помещений, передачу бумаг непосредственно императору, а также ведала приходами и расходами внутридворцовой казны. Эта палата тоже делилась на шесть отделений.

Палата мишу (секретарей) являлась хранителем императорской библиотеки, комментировала канонические тексты, за-

нималась составлением официальных историй правящей и предшествующих династий, а также астрономическими наблюдениями и соответственно составлением календаря и прорицаний. Ее функции, как видим, выходили за рамки чисто дворцового обслуживания. Но в те времена и составление истории, и астрономические наблюдения психологически тесно увязывались с интересами и потребностями престола. Собственно секретарских (мишу) обязанностей названная палата не исполняла.

Секретари, которые должны были находиться под рукой императора и в любой момент записывать его мысли и распоряжения, подбирались из ученых мужей — членов столичной Академии Ханьлинь. Со временем императоры все чаще стали давать им «особые указания» (бечжи) в обход проведения приказов через Палату чжуншу и Палату мэнся. В 738 г. из этих секретарей был организован особый орган — Секретариат (Сюэ-шиюань). Он не считался официально ординарным учреждением и состоял при Академии Ханьлинь. Однако, первоначально ведая лишь тайными распоряжениями и составлением особого рода указов — «указов, оглашаемых при дворе» (нэй-мин), он постепенно стал привлекаться и к составлению проектов императорских указов вообще, отесняя от этого служащих Палаты чжуншу (чжуншу-шэжэнь). Уже с конца VIII в. и позже отдельные ученые-секретари пользовались сильным влиянием в политике. В просторечьи их стали называть «внутриворцовыми канцлерами» (нэй сянь), с начала IX в. они стали получать звание «сведущих в составлении распоряжений» (чжи-чжигао). Тогда же среди них появляется главный — сюэши-чэн-чжи. Многие вопросы император начинает решать в беседах с ним один на один.

К концу этого же века некоторые ученые-секретари получают звание канцлеров (цзайсянь).

Возникновение и усиление Секретариата непосредственно при императоре — это новое проявление обозначившегося еще во времена ранней империи противоборства между властью правителя и стремившимся обособиться от нее аппаратом государственного управления. Как показывает предшествующий опыт, подобные структуры, возникая как неординарные, со временем превращались в дополнительные звенья регулярной администрации, что, в свою очередь, приводило к образованию новых неординарных учреждений.

Другим проявлением отмеченного противоборства было усиление роли придворных евнухов, также имевшее место в прошлом. Императоры, используя их, пытались выйти за строгие рамки традиционной механики управления посредством бюрократической машины, действовавшей по установленным правилам (т. е. в некоторой степени самостоятельно). Но исполнители воли правителя неизбежно превращались в носителей власти, что вызывало коллизии в работе всего аппарата управления. Не избежала этого явления и империя Тан. Усиление

роли евнухов в политической жизни стало заметно с середины VIII в. В 765 г. был учрежден должностной пост внутриворцового уполномоченного по тайным делам (нэйшумиши); этот пост занимал евнух, который ведал тайными докладами и распоряжениями, а со второй половины IX в. принимал участие в разрешении политических вопросов.

Не нужно объяснять, что упомянутое противоборство во всех его проявлениях не способствовало укреплению централизованной имперской системы управления. Но если в первом случае оно создавало некую альтернативу унифицированному централизаторскому началу, то во втором вносило лишь дополнительные сложности и произвол в действия властей.

Система местного управления в конце VI—IX в. претерпевала неоднократные изменения, постепенно усложняясь и одновременно теряя былую стройность. Основой ее оставалось деление на округа (чжу), области (цзюнь) и уезды (сянь). Но в конце VI в. параллельно существовали округа и области, с начала VII в. — только области, а с 20-х годов того же столетия — только округа. Число их колебалось, составляя в среднем приблизительно 350. По размеру они делились на три разряда (высший — более 40 тыс. дворов, средний — более 30 тыс., низший — менее 30 тыс.). Областную администрацию возглавлял тайшоу, окружную — цыши. В его штате преобладали управляющие (сы) различными отраслями: податными дворами (сыху), полями (сытянь), законами (сыфа), трудом (сыгун) и т. п. Но были и военные — управляющий солдатами (сыбин), военные советники (луши-цаньцзюньши, цаньцзюньши), а также различные ученые чины (сюэцзин, боши).

В первой половине VIII столетия в империи насчитывалось 1573 уезда. Аппарат уездного начальника (лин) был меньше окружного, но напоминал свою вышестоящую инстанцию: кроме помощника начальника (сяньчэн) в него входили управляющие, военные и ученые чины. По числу податного населения уезды делились на четыре разряда. Несколько в особом положении находились те из них, что входили в столичные области или же располагались на территории личных владений государя (ци).

Области высшего разряда (столичные), как особые административные единицы (фу), были образованы в начале правления династии Тан вокруг Чанъани, Лояна и Тайюани, а позже — еще вокруг шести крупных городов. Возглавляли их начальники (му) либо, если во главе области ставился близкий родственник императора, их помощники (инь). Подчиненный штат имел сходство с окружным, но вместо управляющих были распорядители остальными округами; столичные области, однако, не возвышались над ними, как более высокое административное звено, а существовали параллельно.

В 627 г. в империи были образованы 10 крупных регионов (дао). В 733 г. их стало 15, а к концу династии Тан — еще

больше. Во главе их стояли уполномоченные надзиратели (гуаньчаши); титулатура этих чинов неоднократно менялась. Им следовало исполнять цензорские функции, и власть их была невелика. Но со временем их полномочия приобрели реальную силу, и к концу династии они фактически, хотя это и не было закреплено официально, приобрели положение стоявшей над округами и столичными областями инстанций местного управления. Естественно, у них тоже существовал свой собственный штат служащих. Со второй половины VIII в. над тремя-пятью дао ставились особые военные чины: дутун, синцзюндацзунгуань, юаньши. Однако эта практика не получила регулярного закрепления.

Наряду со всей этой структурой в империи Тан существовали еще административные единицы, носившие военизированный характер: военные губернаторства (дудуфу) и наместничества (духуфу). Губернаторства учреждались в стратегически важных районах страны. В начале VIII в. их было 24, с последней трети того же столетия до конца династии — 55. Возглавляли их военные губернаторы (дуду), имевшие своих подчиненных и военного и гражданского статуса. Этот штат в целом примерно соответствовал тому, что был в обыкновенных округах. Поэтому власть военных губернаторов носила и военный и гражданский характер. Подконтрольная им территория могла охватывать более 10 округов и 20—60 уездов. Начальники этих округов были подконтрольны губернатору. Всего по стране губернаторствам было переподчинено около 100 округов. Возглавлять губернаторства, так же как и столичные области, могли близкие родичи императора.

Наместничества учреждались в приграничных районах империи или же на вновь завоеванных территориях. Они были крупнее губернаторств (до 10 и более последних могли входить в них наряду с округами), и число их было ограничено (от 5 до 8). Наместники (духу) имели в подчинении приблизительно тот же штат чиновников, что и губернаторы. Эта администрация также исполняла и военные и гражданские функции. Наместниками опять-таки иногда ставились родичи государя. Со второй половины VIII в. эти образования постепенно распадались и ликвидировались, что было связано с ослаблением внешнеполитической активности империи и ее контроля над окраинными районами.

На базе военных губернаторств постепенно возникла еще одна форма военно-административной власти. В зависимости от своего влияния и значения губернаторы получали различные звания. После 650 г. самые крупные из них стали называться цзедуши (уполномоченный по поддержанию порядка). В 711 г. один из них впервые получил под свое непосредственное управление особую, отличную от губернаторства территорию. В 733 г. насчитывалось уже 10 цзедуши. Подконтрольные им районы, как и наместничества, первоначально отводились

также на окраинах страны и назывались чжэнь. У каждого из них в подчинении было от 10 тыс. до 90 тыс. солдат. Их полномочия рассматривались прежде всего как военные. Но, опираясь на армию, они стали быстро приобретать и чисто административные права. Со второй половины VIII в. цзедуши в достаточном количестве появляются и в центральных районах империи. Их владения, которые стали называться дао (что, однако, нисколько не совпадало с описанными выше одноименными административными регионами), отличались размерами, охватывая от 16 до 40 уездов. К ним перешла вся полнота власти, превратив их в еще одно звено местной администрации, поставленное над округами и областями и весьма слабо подконтрольное центральным правительственным органам. К концу империи Тан цзедуши контролировали около пяти седьмых нижестоящих административных единиц всей страны¹⁸.

Кроме того, отдельные районы размером от 1—3 до 10 округов могли передаваться двором под управление еще целого ряда различных специальных уполномоченных (цзинлюэши, фанюйши и др.).

Таким образом, картина организации местной власти в империи Тан представляется весьма пестрой и неоднородной.

Несколько изменился по сравнению с тем, что наблюдалось в ранней империи, и самый нижний — подуездный — уровень организации местной администрации. Каждые 4 семьи должны были составлять 1 линь (соседство), 5 линь — малую общину (бао), 5 бао — деревенскую общину (ли), 5 ли — волость (сян). Во главе деревенской общины ставился управляющий — личжи, во главе волости — староста (фулао). Поселения близ городских стен назывались цунь (деревнями) и также имели начальников — цуньчжэн (одного или двух в зависимости от размеров). Городское население было организовано в кварталы (фан), состоявшие из 500 дворов и руководимые одним начальником (фанчжэн).

Существенные изменения произошли в порядке отбора чиновников на государственную службу. На рубеже VI—VII вв. вместо упомянутого выше выдвижения через «девять категорий» стали практиковаться экзаменационные испытания. В эпоху Тан сложилась система государственных экзаменов для кандидатов на служебные посты, основные черты которой просуществовали почти до конца имперского периода. Теоретически к экзаменам допускались все лица лично свободного сословия (кроме профессиональных торговцев и ремесленников). Но практически их круг ограничивался выпускниками различных учебных заведений (как столичных, так и провинциальных) и людьми, отбираемыми на местах (сянгун). Отобранные регистрировались местными властями, и здесь же могло происходить испытание на получение низших ученых званий (степеней). Испытания на высшие звания, как правило (за редким исключением), проводились в главной столице Ведомством ритуалов почти

каждый год; в них принимали участие иногда до 2 тыс. человек.

В описываемое время существовало много ученых званий для выдержавших экзамены. Наиболее распространенными были восемь званий, и среди них особенно два: минцзин («познавший каноны») и цзиньши («выдающийся муж»). Наиболее почетным считалось последнее. Его получали на ежегодных испытаниях не больше 30—40 человек. Критерием оценки служило умение слагать стихотворные оды и высказывать (письменно) суждения о принципах и методах государственного управления (на основе знания классического наследия). Получение звания не означало автоматического зачисления на чиновничью должность. В большинстве случаев (за исключением тех, кто получал звания на экзаменах, устраиваемых по особому распоряжению императора) претенденты еще раз испытывались Ведомством чинов, в руках которого сосредоточилось назначение на службу всех чиновников. Здесь проверялось их умение составлять официальные бумаги. Положение с назначением получивших звания изменялось со временем. Если в конце VI—VII вв. они находили себе применение в административном аппарате; то позже число выдержавших экзамены стало значительно превышать число вакантных мест в нем, несмотря на его разбухание.

Становление экзаменационной системы было сопряжено с развитием образования. В начале рассматриваемого периода в ведении Надзора государственных училищ (Гоцзыцзянь) находилось шесть учебных заведений: Гоцзысюэ и Тайсюэ (считавшиеся высшими, где обучались лишь сыновья чиновников от 1-го до 5-го рангов), Сымэньсюэ (для детей чиновников 6-го и 7-го рангов и наиболее талантливых простолюдинов), Шусюэ, Льюсюэ и Сюаньсюэ (для детей чиновников низших рангов и простолюдинов). Последние два училища имели юридическую и математическую специализацию. Несколько позже открылось еще несколько училищ, в частности, по даосской философии и медицине. Во всех этих центральных учебных заведениях к середине VII в. обучалось около 8 тыс. человек. В провинции были окружные и областные школы, где занимались в зависимости от разряда округа или уезда от 60 до 20 учеников.

Система экзаменационного отбора, безусловно, расширила базу формирования чиновничьего слоя, способствовала повышению его образованности. Однако было бы ошибкой переоценивать эту видимую демократичность. Существование жесткого социального деления с сохранением приоритета аристократических кланов (группировавшихся в своеобразные партии по земельческому принципу) приводило к тому, что путь к служебной карьере посредством экзаменов открывался преимущественно для выходцев из влиятельных, чиновничьих и состоятельных семейств, которые имели возможность получить образование и обладали шансами быть «отобранными» властями для ис-

пытаний. Есть данные, что к концу империи Тан три четвертых всех кандидатов на службу, прошедших через экзамены, составляли выходцы из чиновной среды. Это позволяет исследователям считать, что экзаменационная система носила тогда ярко выраженную аристократическую окраску¹⁹.

Кроме того, помимо экзаменов существовали иные пути получения чинов и должностей. Законом устанавливалось, что чиновники высших пяти рангов по праву «отбрасывания тени» передавали свой статус (хотя и более низкого ранга) сыновьям. Родичи императора по женской линии, дворцовые евнухи и прочие придворные служащие могли получать должности в административном аппарате посредством прямых указаний императора. Наконец, в начале империи Тан, а затем в IX в. можно было приобрести чиновное звание и некоторые должности, сделав взнос в государственную казну в виде определенной суммы денег или количества зерна.

Число чиновников, обслуживавших государственную машину империи в период Суй—Тан, неуклонно росло. В VIII в. общее количество различного рода чиновников и подчиновников (ли) составляло примерно 370 тыс., что, исходя из общего числа учтенного населения, давало пропорцию: 1 управляющий на 20 дворов²⁰.

После падения централизованной империи Тан в Китае снова наступает период политической раздробленности. В южной части страны образуется десять сравнительно небольших государственных образований, возглавляемых в большинстве местными цзедуши, объявившими себя ванами (князьями) или же императорами. На севере сохранялось довольно обширное унитарное государство, в котором за полвека последовательно сменилось пять династий. Их кратковременность говорит об ослаблении императорской власти и аппарата управления в целом, что явилось следствием политического кризиса перед падением Тан (удара, нанесенного всей административной системе крестьянской войной 874—884 гг., сепаратизмом цзедуши, придворными склоками). Одновременно усилилась милитаризация власти, императорами становились удачливые полководцы, и главной их опорой продолжала оставаться армия. В этой связи не представляется удивительным усиление в период Пяти династий (907—960) такого по сути военного органа власти, как Тайная коллегия (Шумиюань).

История ее возникновения уходит корнями в эпоху Тан. Между 763 и 780 гг. был учрежден пост внутриворцового тайного уполномоченного (нэймишуши), который должен был вести секретными докладами и передавать распоряжения императора. Эти обязанности исполняли дворцовые евнухи (один-два человека). С ростом влияния евнухов при дворе они стали вмешиваться и в другие сферы управления, постепенно сосредоточивая в своих руках военную власть. На рубеже IX—X вв. на этот пост стали назначать ординарных сановников. Во вре-

мена династии Поздняя Лян (907—923) эти уполномоченные уже возглавляли подчиненную им Тайную коллегия, которая решала как военные, так и гражданские дела. При этом четкого разграничения полномочий с другими центральными органами, которые сохранялись по танскому образцу и возглавлялись канцлерами (цзайсян), не было. Конкретная обстановка во времена всех пяти династий приводила то к усилению власти Тайной коллегии в ущерб влиянию канцлеров (Поздняя Лян, Поздняя Тан), то наоборот (Поздняя Цзинь). Иногда же посты канцлера и начальника Тайной коллегии совмещались в одном лице. Общая же тенденция заключалась в закреплении и усилении позиций Тайной коллегии. Аналогичные органы или же уполномоченные наблюдаются и в южнокитайских государствах.

Милитаризация власти, особенно характерная для северной части страны, проявлялась в том, что во главе многих местных административных органов ставились военные чиновники (офицеры).

Еще одной характерной чертой описываемого периода было заметное ослабление аристократической и потомственно служилой прослойки в среде чиновничества. Если в позднетанское время ее доля в чиновничестве составляла 83%, то теперь — только 47%.²¹ Одновременно наблюдается и существенное ослабление позиций дворцовых евнухов в управленческом аппарате. Но если говорить в целом, государственная машина периода Пяти династий и Десяти государств сохраняла параметры предшествующего времени.

Эта же машина легла в основу системы административного управления после образования в Китае нового централизованного государства — империи Сун (960—1279). Так же как и прежде, существовали три палаты, шесть ведомств с 24 управлениями, дворцовые палаты (нэйши, мишу и др.), пять надзоров, Кабинет политических дел, возглавлявшийся канцлерами, и даже рудиментарные институты в лице трех наставников, трех гунов и девяти управ (позже их осталось пять). Но содержание деятельности этих органов продолжало изменяться, что создавало новое соотношение и распределение властных функций.

Учитывая опыт предшествующей дезинтеграции, императорская власть в воссозданной единой империи предприняла меры к усилению централизации управления и сосредоточения его в руках самого властителя. Прежде всего он получил верховное командование над армией, включая столь могущественную ранее дворцовую гвардию. Властные полномочия цзедуши были сведены на нет (хотя данная должность пока оставалась). Утвердился неоспоримый приоритет императорских указов над законодательными нормами. На обсуждение совещаний ограниченного круга высших сановников при дворе стали выноситься лишь спорные вопросы. Остальные вопросы решались едино-

лично императором. Вместо сразу же предлагаемых правительственными органами решений установился порядок сообщать императору лишь суть дела, а затем, получив его указания, выработать программы и докладывать об исполнении. Усилился контроль императорского двора над местными властями. В его ведении находилось назначение начальников округов. На места рассылались его специальные представители — тунпань — для ограничения свободы действий местных начальников. Был восстановлен непосредственный контроль императора над Цензором. В сферу непосредственного наблюдения государя попал и отбор государственных служащих на экзаменационных испытаниях.

Все это, вместе взятое, значительно поднимало реальное значение императорской власти по сравнению с предшествующими временами. Именно с данного периода китайские историки склонны считать ее «абсолютным самодержавием»²². Однако следует учитывать, что многое по-прежнему зависело от личностных качеств того или иного правителя, а также от влияния деятелей из его ближайшего окружения, политические устремления которых определялись не только их служебным постом, т. е. принадлежностью к тем или иным органам власти. Борьба группировок, имевших различные политические ориентиры, за свое влияние на императора стала одной из характерных черт сунской политической жизни, что особенно ярко проявилось в коллизиях вокруг движения за реформы в середине — конце XI в.

Если говорить о правительственном аппарате, то реальная государственная власть сосредоточилась (по крайней мере до конца XI в.) не в трех палатах и шести ведомствах, а в так называемых двух присутствиях (эр фу). Речь идет о Кабинете политических дел (который теперь преимущественно именовался Чжуншу-Мэнся или же — сокращенно — Чжуншу и который не следует путать с одноименной Палатой чжуншу), в чьем ведении юридически находилось все гражданское управление, и Тайной коллегии, сферу деятельности которой (опять-таки юридически) составляли военные проблемы. Практически же распределение обязанностей между ними было сложнее.

Кабинет располагался в запретной части столичного дворцового комплекса. Во главе его стояли начальники — тунчжуншумэнся пинчжанши (сокращенно тунпинчжанши), которые имели звание канцлеров (цзайсян). Число их твердо не устанавливалось, но, как правило, их было один или двое (в единичных случаях — трое). При них состояли помощники (цаньжичжэнши), имевшие звание помощников канцлера (фусян), а также подчиненный аппарат чиновников. По традиции канцлеры считались помощниками государя во всех делах, главами над всем чиновничеством и «успокоителями» простонародья. Но власть их была значительно меньше власти их древних предшественников. Из сферы их контроля выпадали военные вопросы, на-

логовая система и экзаменационный отбор чиновников. Была утрачена и практика регулярных совещаний канцлеров с императором. Однако после реформ конца XI в. налогообложение вновь попало, хотя и опосредованно, под их контроль, а после потери в борьбе с иноземными вторжениями северной части страны и образования династии Южная Сун (1127—1279), когда на первый план выдвинулись военные проблемы, канцлеры стали непосредственно участвовать в решении военных дел. К концу XII в. прочно утвердилась практика занятия ими по совместительству поста начальника Тайной коллегии.

В начале же династии Сун эта коллегия имела полную самостоятельность и пользовалась большим влиянием в аппарате центральной власти, что можно считать характерной особенностью того периода, заимствованной из политического опыта Пяти династий. Но во главе ее стоял начальник (шумиши), помощник начальника (шумифуши), а также ответственный секретарь (цзяньшу-шумиюань) и его помощник (тунцзяньшу). Все они приравнивались к рангу помощников канцлера (чжэн-чжи). Подведомственный им аппарат состоял первоначально из 4 отделов (фан), которых к концу XI в. стало 10, а к концу династии Южная Сун — 12. В сферу деятельности Тайной коллегии входили не только чисто военные дела (вербовка солдат, оборона границ, отдача приказов и т. п.), но и военные поселения, где поселенцы военного сословия занимались сельскохозяйственным трудом, и отношения с ближайшими соседними странами и народами. Существовала практика, что все важные государственные вопросы должны были обсуждаться совместно руководством Комитета политических дел и Тайной коллегией. При этом необходимость такого обсуждения обуславливалась не только повелением свыше, но и желанием руководства обоих органов. Характерно, что руководящие должности и значительную часть штата Тайной коллегии занимали штатские, а не военные чиновники. Статус начальника коллегии в середине XII—XIII в. практически сравнялся с канцлерским.

Таким образом, при всем четком разграничении функций двух присутствий их деятельность частично переплеталась.

Три палаты существовали отдельно от двух присутствий и их гражданского компонента — Комитета политических дел. Уже в силу этого их реальная власть оказалась значительно ослабленной по сравнению с прежней. Определенная распорядительная власть в урезанных масштабах оставалась лишь за Палатой чжуншу. Исполнительные властные функции сохранялись за шестью ведомствами (в составе Палаты шаншу). Но военные вопросы в обход Военного ведомства были переданы Тайной коллегии, а налогообложение — в обход Ведомства налогов — особой, четвертой Палате цзи, именуемой чаще Тремя управлениями (управления учета дворов, сбора налогов, государственных монополий). Кроме того, штаты ведомств пер-

манентно оставались неуккомплектованными, а их начальники получали свои должности по совместительству с другими или же временно, что ограничивало эффективность их деятельности. В целом руководство трех палат имело лишь высокие звания и положение, но не оказывало существенного воздействия на процесс управления.

Ситуация несколько изменилась после административных реформ 1080—1082 гг. Одной из главных задач, преследуемых их инициаторами, было устранение функциональной запутанности в системе центрального управленческого аппарата посредством возвращения к образцам, существовавшим при Тан. Было декларировано возвращение трем палатам их изначальных полномочий. Статус палат был поднят до внутриворцового, и их местопребывание переведено в запретную часть дворца на место Комитета политических дел (с постройкой дополнительных помещений для Палаты шаншу). Произошло их слияние в единый гражданский компонент в составе двух присутствий (под наименованием Саньшэн-Дутан). Многие параллельные его функциям учреждения, в том числе контролировавшие налоги Три управления, были влиты в состав соответствующих шести ведомств.

В результате реформ поднялось прежде всего значение шести ведомств, ибо руководители Палаты шаншу, в которую они входили, получили статус канцлеров (старшего и младшего), которые по совместительству являлись начальниками соответственно Палаты мэнься и Палаты чжуншу. Именно с этого времени шесть ведомств все больше стали превращаться в полностью самостоятельный правительственный орган. Что же касается трех палат, то буквально через несколько лет после разделения их функций они были слиты практически в единую административную структуру, юридически, однако, сохраняя самостоятельность. Наименования чиновных постов, считавшихся канцлерскими, после этого неоднократно менялись, пока в 1164 г. не установили просто должности старшего (цзо) и младшего (ю) канцлеров. Но во всех случаях канцлеры оставались во главе аппарата трех палат, основным костяком которого являлись шесть ведомств.

На рубеже XI—XII вв. над канцлерами иногда (нерегулярно и без какой-либо периодичности) стали ставить особо заслуженных чиновников в должности пинчжан-цзюньгочжунши и тунпинчжан-цзюньгочжунши (сами эти должности были учреждены еще в 1017 г.). Обладая наивысшим почетом, они привлекались к обсуждению при дворе наиболее важных дел. Но за исключением нескольких лиц времен Южной Сун реально-го влияния на процесс управления они не оказывали.

Немаловажное место в системе центрального правительства продолжал, как и прежде, занимать Цензорат. Юридически его возглавлял юйши-дафу, но практически последний почти никогда не назначался и делами ведал юйши-чжунчэн. После ре-

форм 1080—1082 гг. в Цензорате были восстановлены те же три отдела, что были во времена Тан. Цензоры делились на два основных разряда: дворцовые (дяньчжун-юйши) и цензоры-контролеры (цзяньча-юйши). Назначение цензоров стало прерогативой императора, но не канцлеров. Подчинялась цензорская служба также непосредственно властителю. Но круг их деятельности все более сосредоточивался на проверке шести ведомств. Надзор же за местными властями осуществлялся через специально направляемых императорским дворцом уполномоченных и уже упоминавшихся тунпаней.

Во времена Южной Сун определенные проверочные функции выполняла учрежденная при Палате мэнся Задняя палата (Мэнся-хоушэн), которая возглавлялась цзишичжуном, имела шесть отделов (фан) и занималась контролем над правильностью составления официальных бумаг.

В подчинении Палаты мэнся находился также Совет увещавателей (Цзяньюань) в составе двух начальников (цзяньи-дафу) и шести рядовых увещавателей (чжюань). Их основная задача заключалась теперь не в том, чтобы обращать внимание государя на его неблагоприятные действия, а в том, чтобы обличать незаконные действия подчиненных ему сановников. Иначе говоря, их функции практически стали совпадать с цензорскими.

Среди дворцовых служб, обеспечивавших повседневную жизнь двора, помимо упомянутых палат (шэн) следует отметить появление различных канцелярий (дянь, гэ), число которых особенно возросло во времена Южной Сун. Они ведали отдельными деталями делопроизводства и обслуживались главным образом учеными-секретарями (сюэши). Последние объединялись Академией Ханьлинь (Ханьлинь сюэшиюань), которая в данное время приобрела статус придворного правительственного учреждения. Ученые-секретари стали считаться ординарными чиновниками (чжэн гуань). Среди них были составители черновиков государственных бумаг, чтецы, толкователи текстов и т. п. Однако при сунском дворе ученые-секретари уже не имели того значительного политического влияния, какое они приобрели в конце империи Тан.

В середине XII в. при династии Южная Сун почти все бывшие девять управ были слиты с шестью ведомствами. То же самое произошло и с двумя (из пяти) надзорами: Надзором государственных училищ (Гоцзыцзянь) и Надзором малой казны (Шаофуцзянь). Рудиментарные структуры постепенно исчезали.

При рассмотрении работы центрального правительственного аппарата империи Сун исследователи отмечают нарочитую условность функциональных связей: при сохранении старых форм часто выходил за пределы смысл деятельности тех или иных учреждений (яркий тому пример — три палаты), многие органы дублировались параллельно существующими структурами

(особенно до реформ 1080—1082 гг.), начальники некоторых подразделений исполняли свои обязанности по совместительству, многие чиновники не знали точно своих служебных функций и т. п.²³. В этой кажущейся несуразности просматривался, однако, глубокий смысл. Деятельность административной машины преднамеренно усложнялась и затруднялась с целью стягивания всех нитей управления к самой вершине пирамиды власти — императору и узкому кругу его ближайших сподвижников.

Система местного управления периода империи Сун выглядит еще более усложненной, чем в танское время. В ней уже четко просматриваются три уровня: высший — лу (условно можно перевести как «земли»), которые пришли на смену танским дао; средний — области и округа, а также военные районы и промысловые надзоры; низший — уезды.

Земель — лу — было 15; затем, к началу XII в., их число выросло до 26, а после разделения, в империи Южная Сун, осталось 17. Руководство ими осуществлялось целым аппаратом местных властей, а не одним сановником, как при Тан (гуаньчашаи). Основой этого аппарата были три надзирающих управления (цзяньсы).

Управление доставки (Чжуаньюнсы) во главе с соответствующими уполномоченными (ши) ведало прежде всего получением и распределением (доставкой в центр) материальных ресурсов, поступающих от налогов. Но в этом своем качестве оно могло и проверять деятельность всех чиновников нижестоящего уровня. Поэтому его функции были достаточно широкими, хотя и не очень определенными.

Управление наказаний (сокращенно Тисинсы) во главе с начальником (чжэн) и его помощником (фу) занималось судом и экзекуциями. Но судебные дознания делали его функции также весьма широкими, но неопределенными в самых различных областях местной жизни: сельском хозяйстве, снабжении и доходах, ирригации, промыслах и т. д.

Управление руководителей (Тицзюйсы) не являлось единым компактным учреждением наподобие двух названных выше. Оно состояло из отдельных управлений независимых друг от друга объектов: общественных продовольственных амбаров (запасов зерна), монополий на чай и соль и отдельно на выплавку металлов, торговых кораблей, образования. При этом в разных землях могли в зависимости от надобности не быть те или иные из них (например, Управления торговых кораблей учреждались лишь в крупных морских портах, Управления монополий на выплавку металлов — там, где имелись копи). Управление образования существовало лишь короткое время. Универсальным для всех земель оставалось лишь Управление общественных продовольственных амбаров (Тицзюй-чанпинсы), которое часто по совместительству исполняло и функции Управлений государственных монополий. Распорядительные права

стоявших во главе их уполномоченных (ши) также были шире, чем определяло название: они охватывали уравнивание и определение цен в торговле, отмену налогов в случае бедствий, учет задолженности по налогам, создание запасов зерна, осуществление надзора за монополиями. У них также были права инспекционных поездок по территории земли.

Три надзирающих управления дополнялись четвертым — Военным (Аньфусы, или Цзиньлюэ-аньфусы). Возглавлявший его уполномоченный (аньфуши), часто совмещавший обязанности уполномоченного, учреждавшегося при особо опасных военных положениях (цзинлюэши), был по статусу назначаемым из центра гражданским сановником. Он сам подбирал себе подчиненных. Его помощник (фуши) должен был быть военным. Они не только сосредоточивали в своих руках руководство всеми военными делами в пределах земли, но могли, хотя и без точного установления, вмешиваться в дела гражданского администрирования (особенно в пограничных землях). Чтобы власть военного уполномоченного не переходила дозволенные границы, в каждую землю назначалось по два своеобразных ревизора (цзоума-чэншоугунши), которые должны были периодически докладывать в центр о взрывоопасности ситуации и законности замещения чиновничьих должностей в данной земле.

Помимо названных военных уполномоченных центральное правительство в случае необходимости могло учреждать в администрации земельного уровня еще целый ряд уполномоченных (чжичжиши, сюаньфуши, чжэньфуши и др.), полномочия которых носили чрезвычайный характер и касались преимущественно также военных вопросов (имелся в виду как внешний, так и внутренний явный или потенциальный враг).

Средний уровень местной власти отличался разнообразием. Основной административной единицей продолжал оставаться округ (чжоу). Во время территориальной целостности империи их насчитывалось 254. Однако соответствующие округам административные образования вблизи столицы, в считавшихся особо важными районах и местах, связанных с жизнью и деятельностью императоров, именовались областями (фу). Их насчитывалось 38. Кроме того, в стратегически важных местах учреждались военные округа (цзюнь), число которых было довольно значительно — 59. Наконец, вокруг горных разработок и промыслов могли образовываться особые надзоры (цзянь), охватывавшие определенную территорию. Их количество составляло всего 4.

Во главе областей и округов стояли начальники — чжифу, чжичжоу (хотя считалось, что начальниками областей являются му или инь, а начальниками округов — цыши, эти должности на самом деле превратились в почетные синскуры, не давая реальной власти). Подчиненные им чиновники и присутствия были примерно такими же, как и при Тан. При этом сохра-

нялись терминологические различия для областных и окружных властей, и штат чиновников мог быть больше или меньше укомплектован. Но следует сказать и о некоторых новациях. Из центра присылалось по одному-двум тунпаням (букв. «проникающий и решающий»), которые практически разделяли власть с местными начальниками. Они должны были совместно обсуждать все возникающие в округе (области) проблемы, а в случае необходимости докладывать о них прямо императорскому двору. Кроме того, в окружном штате оставался целый ряд уполномоченных (ши) из прежней штаб-квартиры цзедуши, которые, однако, не имели реальных полномочий. До конца XI в. сохранялся и пост цзедуши. Но с самого начала империи Сун в качестве первоочередной меры центральное правительство отобрало у них реальные распорядительные права, превратив их должность в формальное звание. На посты начальников областей и округов часто назначались по совместительству сановники, имевшие высшую должность в центральном аппарате.

Военные округа по статусу приравнивались к обыкновенным. Но некоторые из них охватывали лишь один уезд, а отдельные — территории, не имевшие уездного деления. То же самое можно сказать и о надзорах. При этом были и такие надзоры, которые находились в подчинении того или иного округа, т. е. фактически приравнивались к уездам.

В пору расцвета империи в ней насчитывалось 1234 уезда. Они подразделялись на уезды столичные, прилегающих столичных районов, а также еще на шесть разрядов в зависимости от количества населения (от 4 тыс. дворов и более до менее 500). Структура уездной власти не претерпела сколько-нибудь существенных изменений по сравнению с предшествующими временами. Уездный аппарат также мог быть укомплектован в большей или меньшей степени в зависимости от обстоятельств. Уездные начальники, так же как и окружные, назначались центром. Подуездная структура состояла по-прежнему из волостей (сян) во главе с волостными начальниками (сяншшоу). Деревенские волости делились на общины (ли), городские — на кварталы (фан); во главе тех и других стояли начальники (чжэн). Ниже были подворные владения (ху), которым также полагался глава. В результате реформ конца XI в. было принудительно введено фискально-общинное деление: 10 дворов составляли 1 бао, 5 бао — 1 большое бао, 10 больших бао — 1 дубао. Во главе каждого объединения стоял ответственный — начальник (чжан, чжэндубао).

Говоря о системе местной власти в период Сун, можно отметить ряд характерных особенностей. Бросается в глаза ее раздробленность, усложненность. Полномочия различных учреждений и чинов переплетались друг с другом, насаждались параллелизм, имевший порой явный контрольно-цензорский уклон (тунпани, цзоума-чэншоугунши), совместительство. Существовало немало чисто номинальных должностей. Просматри-

вается также явное ограничение местных военных властей, передача их функций гражданским чиновникам. Во всем этом можно обнаружить определенную нарочитость: местная власть сознательно дробилась и контролировалась с целью усиления ее зависимости от центра и недопущения местного сепаратизма, подорвавшего силы предшествующей унитарной империи. Эта цель была достигнута, но ее оборотной стороной была громоздкость местных структур, замедленность и малоэффективность их действий.

В конце X—XIII в. экзаменационные испытания стали основным, преобладающим каналом пополнения кадров чиновников для государственной машины. В основе этой процедуры лежали порядки, выработавшиеся при Тан: было много ученых степеней, даваемых по сдаче экзаменов (до десяти), но приоритетной считалась степень цзиньши. Первоначально экзамены в столице Ведомство ритуалов устраивало без определенной периодичности, со второй половины XI в. — раз в три года. Кроме того, могли еще проводиться экзамены непосредственно во дворце императора. Кандидатов отбирали в округах (по 10 человек), где также устраивались испытания. Число абитуриентов на столичных экзаменах не ограничивалось. В разные годы получали степень цзиньши от считанных единиц до более чем 1100 человек.

Еще более, чем в предшествующие времена укрепилась связь образования и экзаменационной системы. Почти все абитуриенты перед испытаниями проходили курс в одной из многочисленных школ. В столице существовали основанные при Тан привилегированные училища (см. выше). К ним добавились специализированные Военное и Художественное училища (Усюэ, Хуасюэ). Приметой времени можно считать быстрое распространение наряду с казенными частных школ и училищ. Наиболее известные из них пользовались покровительством двора.

Все, кто получал высшие степени на столичных экзаменах, без дополнительных проверок получали чиновные звания и должности. Но так как приток прошедших испытаний оказался довольно большим, то вскоре обнаружился переизбыток чиновных кадров, что вело к разбуханию государственного аппарата и отягощению казны.

Что касается социального состава чиновничества, то доля выходцев из незнатных слоев немного уменьшилась по сравнению с периодом Пяти династий, но по-прежнему была выше танской, составляя около половины всего служилого сословия. Вместе с тем нужно учитывать, что потомки чиновничьих семей все еще имели преимущества для обучения и прохождения экзаменов. Кроме того, в рассматриваемое время очень широкое распространение получило предоставление чиновного звания отпрыскам знатных фамилий (начиная с родичей императоров по мужской и женской линии) по праву «тени». Практиковалась, как и раньше, продажа чинов.

Существовавшие в северной части Китая параллельно с империей Сун основанные киданями и чжурчжэнями соответственно государства Ляо (916—1125) и Цзинь (1115—1234) являют собой яркий пример принятия пришлой господствующей верхушкой китайских образцов государственного управления. Этот вопрос может стать темой особого исследования и потому не будет рассматриваться в настоящей статье. Отметим лишь, что в Ляо существовали две отдельные модели администрации: для районов, населенных собственно киданями (в Южной Маньчжурии), и для захваченных китайских земель. В последнем случае почти без изменений была принята сунская система управления. В государстве Цзинь происходил постепенный переход от первоначальной двойственной (раздельной для чжурчжэней, с одной стороны, и китайцев и киданей — с другой) администрации к единой системе сунского образца²⁴. Однако здесь было введено одно существенное новшество, оказавшее влияние на последующую историю государственных институтов: вместо трех палат была учреждена одна Палата шаншу, которая сосредоточила высшее правительственное руководство всеми политическими делами гражданского (невоенного) характера.

Со второго десятилетия XIII в. северные районы Китая постепенно завоевываются монголами, к 1234 г. уничтожившими государство Цзинь. К 1279 г. под монгольской властью оказывается весь Китай. Новые завоеватели на первых порах утверждали прямую военную власть своей военно-феодальной верхушки над покоренным населением. Но уже с 30-х годов XIII в., убедившись, что для оседлого населения мало подходят порядки, сложившиеся в кочевом обществе, также начали заимствовать китайские методы и аппарат управления. В 1271 г. монгольские власти провозгласили создание империи Юань, основным компонентом которой помимо самой Монголии стали китайские земли. На престоле восседал великий хан (хаган), который обладал всей атрибутикой традиционной китайской императорской власти и в китайских документах и летописях однозначно именовался императором. В качестве рудимента при правителе сохранялись три гуна (тайши, тайфу, тайбао) — высших советника, которые, однако, не имели реальной власти в управленческом аппарате.

По образцу бывшей империи Цзинь в качестве высшего центрального правительственного органа выступала лишь одна (а не три, как ранее) палата. Но теперь в отличие от Цзинь таковой была Палата чжуншу (а не шаншу)²⁵. Во главе ее стоял чжуншулин. Должность эта занималась родичами великого хана (вплоть до наследника престола) и превратилась в синекуру. Реальное управление делами в палате находилось в руках старшего (правого) и младшего (левого) чэнсянов, четырех пинчжанчжэнши, которые считались канцлерами (цзайсян), а также четырех их помощников (фусян). Палата ведала

всеми гражданскими и частично военными делами. Она состояла из Отделов (фан): чинов и ритуалов, назначений на освобожденные должности, учета дворов налогоплательщиков, продовольствия, серебра и ассигнаций, насущных дел, общественных работ, Военного и Судебного отделов. Внутри отделов могли быть различные подотделы (кэ).

Наряду с этим как особая, но подчиненная Палате чжуншу система существовали аналогичные прошлым шесть ведомств. Параллельно с ними действовал ряд Коллегий (юань): Хань-линь (она же Академия), ведавшая составлением черновиков императорских распоряжений, написанием официальной истории, трактовкой канонических текстов и т. п. и обслуживаемая учеными-секретарями (сюэши); собрания мудрецов, ведавшая школьными делами и образованием; приема жалоб и прошений, управлявшая также почтовыми станциями; мастеров и работ, ведавшая ремеслом; религий, ведавшая буддизмом, а также Тибетом и Турфаном, где он был распространен; священнодействий и таинств; церемониала, куда относилась придворная музыка, поднесение даров и т. п.; законов; медицины; отличий (материальных наград).

Самостоятельно существовали Управление сельского хозяйства (Дасынунсы) и Управление государственных расходов (Чжигююншисы), а также Надзор за орошением (Душуйцзянь), Надзор за государственной казной (Тайфуцзянь) и Секретарский надзор, занимавшийся дворцовым книгохранилищем и картографией. Нужды внутриворцовой жизни, как и прежде, обеспечивались рядом управ (сы), надзоров (цзянь), а также правлений (фу) и охранных постов (вэй).

Военные вопросы по-прежнему находились в компетенции Тайной коллегии (Шумиюань). В 1268 г. был восстановлен Цензорат (Юйшитай), занимавшийся помимо проверки деятельности чиновников оценкой полезности или же вреда тех или иных политических мероприятий. В провинции (например, в Цзяннани и Шэньси) были открыты два филиала Цензората (Син-Юйшитай) со своими начальниками и штатом. Центральному Цензорату и двум его филиалам подчинялись Контрольные управления (Сучжэнляньсы), которые были учреждены в 22 регионах (дао). Начальником центрального Цензората (юйшидафу) мог назначаться лишь монгол из знатного рода.

Система местного управления в империи Юань строилась по принципу, отличающемуся от предшествующего китайского опыта. Центральному правительству (Палате чжуншу) были непосредственно подчинены районы вокруг столицы (Пекина) и к юго-востоку от нее (примерно в ареале современных провинций Хэбэй, Шаньдун, Шаньси и значительной части Внутренней Монголии). Остальная часть страны была поделена на 11 (в некоторые годы на 10) провинций, где учреждались филиалы Палаты чжуншу (Син-Чжуншушэн). Здесь не было номинального начальника (чжуншулин), но имелись собствен-

ные чэнсяны (по одному), пинчжанчжэнши (по двое), их помощники и т. д. Эти филиалы подчинялись центральной Палате чжуншу и в то же время являлись реальным высшим звеном местной власти (причем на значительной территории), руководившим всеми гражданскими и военными делами в подвластных районах, а также нижестоящими инстанциями местной администрации. По размеру и численности населения упомянутые провинции (шэн), ставшие прообразом многих существующих и поныне, были неодинаковы: в самую большую (Хэнань) входило 217 уездов, в самые маленькие — меньше 10. Иногда на правах некоторой автономии учреждались отделы или же части провинций (фэншэн). Чаще всего ими руководили по совместительству чиновники из провинциального аппарата (или же из Палаты чжуншу в районах центрального подчинения), но порой там могло быть и собственное начальство.

Ниже провинций стояли регионы — дао. Они не были универсальной административной единицей, охватывающей всю территорию страны. Но число их было довольно значительно — 22. Часть из них подчинялась центральной Палате чжуншу, часть (притом большая) — провинциальным властям, а некоторые считались полностью самостоятельными. Руководство дао было сосредоточено в Управлениях по распространению успокоения — Саньвэйсы (в пограничных районах они имели несколько иные названия в двух вариантах). Во главе этих управлений стояли трое уполномоченных (сюаньвэйши), один управляющий (тунчжи) и один помощник уполномоченного (фуши). Они опять-таки ведали как гражданскими, так и военными делами, причем в непограничных регионах упор делался на гражданскую администрацию. В пограничных или же прочих ненадежных (с точки зрения лояльности) дао могли учреждаться схожие управления, но усиленного военизированного профиля: Чжаотаосы, Аньфусы, Сюаньфусы. Их можно считать нерегулярными структурами. Существовавшие в дао контрольные управления (см. выше) могли кроме своих прямых цензорских обязанностей получать и некоторые, определяемые конкретной обстановкой властные функции.

Следующим (по статусу) звеном местной власти были земли (лу). Это районирование охватывало значительно большую часть территории империи (хотя и не абсолютно всю). Всего было 185 земель. В зависимости от количества дворов-домохозяйств (свыше и ниже 10 тыс.) они делились на два разряда. Руководство ими в районах с китайским населением осуществлялось через Главные присутствия (Цзунгуаньфу) и их начальников (цзунгуань), а в кочевых районах — через Присутствия темников (ваньхуфу — «командующие тьмой» — войско в 10 тыс. человек). И в том и в другом случае при начальнике состоял еще монгольский управляющий — даругачи, который имел как контрольные (над начальником и его подчиненными), так и чисто распорядительные функции. Земли могли подчиняться цент-

ральной Палате чжуншу, провинциальным властям или же администрации дао (регионов). Земельное начальство непосредственно руководило подчиненными областями и округами.

Областей (фу) насчитывалось 33. При этом они могли быть разного разряда: обыкновенные (именовались также «подчиненные» — шуфу) и отдельные («отпущенные» — саньфу). Последние образовывались в местах со специфическими условиями (или населением) и обладали большей степенью автономности. Непосредственно над областями могли стоять не только земли, но и регионы, провинции или же центральная Палата чжуншу. Некоторые из областей имели в своем распоряжении округа и уезды. Начальник области назывался чжифу (иногда — инь), при нем также состоял даругачи.

На обыкновенные и отдельные делились также и округа (чжоу). По количеству населения они подразделялись еще на три разряда (свыше 50 тыс. дворов, 30—50 тыс. и менее 30 тыс. дворов). Всего их насчитывалось 359. Даругачи ограничивал власть начальника округа (чжичжоу или же инь).

Уездов насчитывалось 1127. Помимо большинства из них, подчиненных округам или областям, существовали уезды, непосредственно подчинявшиеся земельным властям. По численности населения они также делились на три разряда. Здесь также наряду с начальником (чжисянь) имелся свой даругачи.

Подуездная организация населения состояла из двух различных по функциям и по кратности (т. е. несоподчиненных) уровней: каждые 50 семейств образовывали общину (шэ), начальник которой (шэчжан) отвечал за обеспечение сельскохозяйственных работ и текущие дела; каждые 20 дворов входили в объединение (цзы), начальник которого (цзячжу) отвечал за обеспечение всех пищей и одеждой.

Нарисованная выше беспрецедентно сложная в сравнении с предшествующими временами структура местной администрации не исчерпывалась только этим. Имелись еще совершенно особые местные образования. В пограничных районах оставались отдельные Управления успокоения (Аньфусы); в столичных зонах — Коллегии (Юань); на территориях, прилегающих к другим крупным городам, — Военные управления (Бинмасы или же Лишисы). Все это были полувоенные образования, обладавшие определенными территориями, население которых находилось в их административной власти. Кроме того, в районах, где преобладало монгольское население, сохранялась военно-административная организация по «тьмам» (тумэнам) и «командованиям» (цзунгуань). Специфический статус управления имел и входивший в империю Юань Тибет, который был разделен на земли (лу), но подчинялся особой Коллегии (Сюаньчжэнюань).

Помимо всего прочего значительная часть китайской территории вместе с населением была передана монгольской знати в виде удельных владений. И хотя эти владетели, как правило,

в уделах не находились, налоговые поступления оттуда шли именно к ним, а их уполномоченные на местах — даругачи — имели полную возможность чинить всяческий произвол.

Заимствовав китайскую систему управления, юаньское правительство ввело и традиционный для китайцев отбор чиновников посредством экзаменов. Однако ввело далеко не сразу — в 1313 г. (попытки 1237 и 1267 гг. не имели продолжения), да и функционировала эта система отбора с перебоями. В основу экзаменационной системы были положены образцы, сложившиеся в империи Сун. Но в отличие от китайцев для монголов и служивших им выходцев из центральноазиатских стран (сэмужэнь) экзамены были облегчены, и проводились они отдельно. Кроме того, введение экзаменов отнюдь не подорвало господствующего положения монголов и сэмужэнь над китайцами во всех звеньях административного аппарата, и особенно в центральных органах. Всего же в империи Юань насчитывалось приблизительно 33—34 тыс. различных чиновников, из которых лишь около половины были этническими китайцами²⁶.

Итак, если центральный управленческий аппарат при монголах несколько упростился по сравнению с предшествующими традиционными китайскими образцами, то система местной администрации, наоборот, резко усложнилась. При этом тот факт, что монголы переняли китайские государственные институты, отнюдь не привел к исчезновению достаточно ярко выраженного элемента национального угнетения с их стороны по отношению к основной массе китайского населения.

Империя Юань пала в 1368 г. в результате мощной и длительной полосы народных восстаний. Один из наиболее удачливых повстанческих лидеров, Чжу Юаньчжан, основал новую, чисто китайскую империю Мин со столицей в Нанкине (1368—1644).

Тот факт, что Чжу Юаньчжан (1368—1398) был выходцем из социальных низов, не помешал ему получить всю полноту императорской власти. Более того, ему удалось усилить, абсолютизировать ее до такой степени, которая редко встречалась в предшествующей истории страны. Целенаправленные усилия в этом плане (что можно объяснить опасениями нехватки легитимности в достижении этой власти) сводились к радикальному реформированию центрального и местного административного аппаратов, военного командования, непосредственному ведению правителем государственных дел, подключению к реальному управлению всего императорского дома, культивации террористических порядков в обращении с подданными (в первую очередь с придворными сановниками и чиновниками государственных учреждений), проведению неоднократных массовых экзекуций.

Заметное воздействие самого императора на непосредственный процесс политического администрирования сохранялось и при преемниках Чжу Юаньчжана, постепенно ослабевая к се-

редине XV в. Это, однако, отнюдь не мешало различным коллизиям в борьбе за престол (в 1399—1402, 1426, 1449—1450 и 1456 гг.). В дальнейшем, со второй половины XV в., императоры отходят от реальных государственных дел, передоверив их административному аппарату, что, по сути, явилось возвращением к традиционному порядку управления страной. Одновременно возвратились и традиционные нарушения устоявшейся системы: появились весельные временщики, фактически подменявшие государя, обострилось противоборство придворных клик и группировок, усугубилось разложение нравов правящей верхушки.

Характерным явлением описываемого времени была раздача Чжу Юаньчжаном уделов своим сыновьям. Они получили в ряде крупных городов и прилегающих к ним районах достаточно весомую, хотя и нечетко определенную юридически, военную и административную власть. Этим они коренным образом отличались от предшествующих, юаньских держателей уделов, права которых сводились (по крайней мере официально) к получению части ренты с выделенных территорий. С введением уделов на местах параллельно с существованием ординарных структур создавалось еще одно звено администрирования, непосредственно связанное с императором и только с ним. Однако этот опыт оказался порочным: усиление удельных властителей быстро (уже к концу XIV в.) превратило их в силу, противостоящую центральной власти. Это привело к междоусобной войне 1399—1402 гг., и императорскому двору в течение первой трети XV в. пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы сломить военно-политическую силу уделов. Однако и после ликвидации этой силы удельная система в империи Мин продолжала существовать вплоть до конца династии, оставаясь в целом дестабилизирующим фактором во внутривосточной жизни государства.

Первоначально административные институты империи Мин во многом повторяли предшествующие, юаньские образцы (фундамент же административной системы начал закладываться задолго до провозглашения империи — с середины 50-х годов XIV в., когда Чжу Юаньчжан и его соратники и помощники приобрели прочную территориальную повстанческую базу в районах нижнего течения р. Янцзы). Центральное гражданское управление было сконцентрировано в Палате чжуншу, возглавлявшейся двумя канцлерами (чэнсян), а также их помощниками (чэн) и ответственными чинами (пинчжан-чжэнши и цаньчжи-чжэнши), которые также считались канцлерскими должностями. Военными вопросами ведало Главное командование (Дудуфу) — модификация бывшей Тайной коллегии — во главе с двумя начальниками (дуду). Особой структурой оставался Цензорат (Юйшигай), руководимый двумя главными цензорами (юйши-дафу) и их помощниками (юйши-чжунчэн). Исполнительная власть по-прежнему принадлежала шести ведомствам.

Наряду с этим были восприняты и традиционные рудимен-

тарные имперские институты. Существовали почетные, не дававшие реальной власти должности трех гунов и трех гу (следующий за гуном титул). Сохранялись некоторые управы (сы): Судебная (Далисы), Управы жертвоприношений (Тайчансы), банкетов (Гуанлусы) и др. (всего пять). В связи с раздачей уделов было учреждено Присутствие императорских родичей (Цзунжэньфу). Помимо Надзора государственных училищ (Гоцзыцзянь) и Астрологического надзора (Циньяньцзянь) существовали также Академия Ханьлинь, Медицинская коллегия (Тайюань), а также особая администрация наследника престола, удельных властителей, службы содержания императрицы и гарема. Дворцовые нужды и охрана обеспечивались так называемыми 24 приказами (ямэнь), состоявшими из дворцовых евнухов (тайцзянь), имевших различные чиновные градации. В число приказов входило 12 различных надзоров (цзянь), 4 управления (сы) и 8 бюро (цзюй).

В 1376—1382 гг. в результате преобразований административный аппарат был существенным образом изменен. Они начались с реформ местного управления и раздачи уделов, но одновременно обозначились подвижки и в центральных органах. В 1376 г. упростили структуру Цензората, в следующем году — вообще распустили его на время. В том же, 1376-м уменьшили число канцлерских постов до четырех. А в следующем году для ограничения их полномочий учредили Управление уполномоченных по передаче политических документов (Тунчжэншиси). Оно должно было регистрировать и проверять подлинность всех поступающих ко двору бумаг, сортировать их тематически, составлять резюме и предоставлять императору. По получении мнения последнего по поводу представленных материалов то же управление доводило его до сведения соответствующих учреждений или чиновников. Это давало возможность обходить канцлеров, передавая нити управления непосредственно императору. Логическим продолжением этого шага явилась самая значительная из административных реформ того времени — упразднение в 1380 г. Палаты чжуншу и института канцлеров. Тем самым был положен конец многовековой традиции канцлерской власти в Китае, а также существовавшему почти тысячу лет институту правительственных палат (шэн). Высшим правительственным органом теперь стали шесть ведомств, непосредственно подчиненных правителю.

Однако, будучи не в силах единолично контролировать все государственные дела, Чжу Юаньчжан в 1380 г. назначил четырех помощников (фу), которые подменили канцлеров, не имея, однако, их положения и постов. Но уже в 1382 г. они были упразднены и заменены дворцовыми секретарями (дяньгэ-дасюэши), число которых не было точно определено и которые подбирались из ученых Академии Ханьлинь. В их задачу входило не только просматривать поступающие бумаги и составлять по указанию императора тексты указов и распоряжений, но и

давать государю советы. Позже, в начале XV в., резиденция секретарей из находившейся во «внешнем городе» Академии Ханьлинь была перенесена в пределы императорского дворцового комплекса и получила название Внутрдворцовой канцелярии (Нэйгэ), конституировавшись в самостоятельное правительственное учреждение.

Число секретарей колебалось от одного до девяти, чаще всего составляя два-четыре человека. Формально они продолжали оставаться на положении личных секретарей властителя и поэтому не имели подчиненных чиновников. Фактически же в их распоряжении имелись письмоводители, оставшиеся от распущенной Палаты чжуншу (шэжэнь). Секретари назначались по личному выбору императора либо по рекомендации дворцовых сановников. Однако до девяти десятых всех секретарей оставались выходцами из Академии Ханьлинь. Всеобъемлющая деятельность секретарей со временем была систематизирована по 28 направлениям. Дела решались коллегиально, на совещаниях секретарей, которые иногда посещал сам император.

Со второй четверти XV в. в секретари стали попадать начальники ведомств и другие высокие титулованные сановники. Престиж Канцелярии все больше поднимался, а полномочия расширялись. Этот процесс шел параллельно с отделением самодержцев от личного участия в решении политических дел. Практически уже к концу XV в. секретари обладали полномочиями, близкими к тем, какие были прежде у канцлеров. Внутри Канцелярии образовались градации: появились главный помощник (шоуфу), второй помощник (цыфу) и просто помощники (цюфу). Особое влияние получил главный помощник. Занимавшие этот пост могли становиться всемогущими фаворитами, фактическими правителями государства (Ся Янь, Чжан Цзюйчжэн).

Но при этом Канцелярия оставалась неординарной структурой, неформальным учреждением, что до некоторой степени сковывало простор ее деятельности. У нее не было юридического права отдавать приказания (хотя это, естественно, делалось от лица императора). Поэтому ставить знак равенства между канцлерами и секретарями было бы неправильно. Для дополнительного контроля над секретарями Чжу Юаньчжан дал право дворцовым евнухам одного из надзоров по обслуживанию двора (Сылицзянь) контролировать соблюдение наложения резолюций (т. е. принятия решений) в Канцелярии. Это обострило соперничество между ею и дворцовыми евнухами, из числа которых также выходили всемогущие фавориты. Это соперничество пронизывает всю вторую половину правления династии Мин, что, понятно, мешало усилению полномочий Канцелярии.

Реформа 1380 г. изменила положение шести ведомств, но мало повлияла на их структуру. Их начальство (шаншу, шиланы) имели в распоряжении общий зал для совместных заседаний (Сыутин), но работа преимущественно шла в каждом ведом-

стве отдельно. Как и прежде, ведомства делились на управления (сы). В Ведомствах чинов и ритуалов, Военном ведомстве и Ведомстве общественных работ было по четыре управления, в Ведомстве налогов и Судебном ведомстве — по 13. Решение важных дел выносилось на придворные совещания (тинъи), где председательствовало начальство того ведомства, в компетенцию которого входили обсуждаемые вопросы. На эти совещания созывались высшие сановники самого различного положения (с конца XV в. их собиралось от 40 до более 100 человек). Император не присутствовал. Мнение совещания доводилось до него письменно и отнюдь не обязывало его принимать предлагаемое решение. Иначе говоря, юридически эти собрания носили лишь совещательный характер. Кроме того, могли устраиваться более узкие дворцовые совещания (чаои), где присутствовал император.

В 1382 г. был восстановлен реформированный Цензорат (Дучаюань). Его центральное правление состояло из двух начальников (дуйюйши), двух их помощников и двух старших цензоров. Остальные цензоры распределялись сначала по трое-пятеро, а затем по семь-одиннадцать человек в каждый из поднадзорных регионов (дао). Эти регионы практически совпадали с территорией провинций, на которые делилась страна, и их было сначала 12, затем 13, потом 15. Проверке подвергалась работа местных властей. Контроль же над высшими столичными правительственными органами — шестью ведомствами — возлагался на особую службу проверки, которая состояла первоначально из 12, а затем из 24 цзишичжунов (по четверо на каждое ведомство). Кроме того, на места с целью ревизии могли направляться двором специальные эмиссары (цзунду, сюньфу и др.), курировавшие как военные, так и гражданские дела.

В том же, 1382 г. была создана Парчовая охрана (Цзиньивэй) — военизированное придворное соединение, которое помимо личной охраны императора должно было заниматься тайным сыском, арестами и следствием над подозреваемыми преступниками. Этот политический сыск, в распоряжении которого имелась собственная тюрьма, стал одним из существенных орудий, с помощью которого Чжу Юаньчжан и его преемники усиливали свою единоличную власть. В 1420 г. параллельно с Парчовой охраной был создан еще один подобный орган — Восточная ограда (Дунгуан), руководство которым было в руках дворцовых евнухов и который занимался исключительно заговорами, изменой и «коварными речами». В конце XV — начале XVI в. действовала подобная ему Западная ограда (Сигуан).

Следует добавить, что в 1380 г. было реформировано и Главное военное командование, вместо которого было образовано пять региональных командований.

Особенностью административной системы периода Мин было существование двух столиц. После перенесения столицы в Пекин в 1420 г. прежняя столица Нанкин сохранила не только

свой статус, но и многие правительственные учреждения (в частности, шесть ведомств), дублировавшие пекинские. Однако уже с середины XV в. нанкинская правительственная администрация практически не играла сколько-нибудь существенной роли в политической жизни страны.

Реформа местного управления была одним из главных звеньев преобразования административной системы в целом. В 1376 г. были упразднены существовавшие с юаньских времен провинциальные филиалы Палаты чжуншу и вместо них в каждой из провинций (шэн), число которых — 13 — устоялось к 1428 г., образованы так называемые три управления (сань сы), независимые друг от друга, но в равной мере подчиненные непосредственно императорскому двору. Такая структура преследовала цель усиления контроля центра на местах и опять-таки укрепления императорской власти.

Всеми гражданскими административными делами в провинции (включая финансово-налоговые и контроль над нижестоящими органами) занималось Провинциальное правление (Чэнсюань-бучжэншиси). Во главе его стояли 2 уполномоченных (бучжэнши), их помощники (цаньчжэн и цаньи), которым подчинялось 13 чиновников, возглавлявших несколько различных отделов. Первоначально престиж провинциальных уполномоченных был весьма высок и сопоставим с положением высших столичных чинов, но к середине XV в. он несколько снизился. Правление по проверке (Тисин-аньчашисы) ведало служебными и контрольно-ревизионными вопросами в масштабах провинции. Оно возглавлялось уполномоченными (аньчаши) и имело несколько меньше подчиненных и отделов, чем Провинциальное правление. Наконец, третьим компонентом власти на уровне провинций было местное Военное командование (Дучжихуишиси)²⁷.

Столичные районы, по существу являвшиеся еще двумя провинциями (Северная и Южная Чжили, включавшие соответственно 8 областей со 133 округами и уездами и 14 областей со 110 округами и уездами), подчинялись непосредственно центральному правительству.

Ниже провинций стояли области (фу), которых насчитывалось 159 и которые возглавлялись начальниками (чжифу); округа (чжоу) во главе с начальниками (чжичжоу), которых было 224 и среди которых были приравненные по положению к областям и уездам; уезды (сянь) в количестве 1171, делившиеся на три разряда по валовому сбору налогов, во главе с начальниками (чжисянь). Иначе говоря, была принята традиционная схема трехступенчатого деления местных органов (ниже провинций). В целом же местная администрация существенно упростилась по сравнению с запутанной системой периода Юань.

На подуездном уровне городское население делилось на кварталы (фан), а сельское — на деревенские общины (ли). Каждой ли полагалось 110 дворов, один начальник (личжан)

и десять начальников десятидворок (цзя). Это общинное деление насаждалось сверху в принудительном порядке, и его главными функциями по-прежнему оставалось обеспечение уплаты налогов и благонадежности населения.

В районах компактного проживания некитайских народов учреждались туземные управления (тусы), т. е. оставлялась сложившаяся здесь система власти и подчинения во главе с местными вождями, подчиненными китайской военной или гражданской администрации.

Подбор людей на высшие государственные посты осуществлялся императором (особенно в начальный период империи Мин и после многократных ожесточенных столкновений вокруг престолонаследия) по собственному усмотрению и по рекомендации приближенных. Основной же корпус чиновничества с XV в. формировался посредством экзаменационной системы. В описываемое время она была утверждена двором в несколько измененном по сравнению с предшествующим временем виде и подразумевала сдачу трехступенчатых экзаменов: в главном городе провинции (сян ши), в Ведомстве ритуалов (хуй ши) и непосредственно при дворе (дянь ши). Однако, для того чтобы быть допущенным к сдаче экзаменов на уровне провинции, надо было выдержать три предварительных испытания на уездном, областном и опять-таки провинциальном уровнях, где к сдаче на более высшей ступени допускались лишь показавшие лучшие результаты претенденты. Лица, прошедшие первую ступень официальных (а не предварительных) экзаменов, получали степень «цзюйжэнь», вторую ступень — степень «гунши» и третью — «цзиньши». Последняя открывала доступ в Академию Ханьлинь и к высоким административным постам.

Как и прежде, преимущественные возможности для допуска к экзаменам имели выпускники различных училищ и школ. В столице это было Гоцзысюэ (иначе Гоцзыцзянь), где учились преимущественно выходцы из чиновной среды; в провинции — областные, окружные, уездные и гарнизонные (в военных гарнизонах) училища. Существовали также казенные и частные академии (шюань), а также сельские школы (шэсюэ), дававшие азы образованности выходцам из простонародья. Экзамены первой ступени устраивались раз в три года. Испытания сводились к проверке знаний в области классических канонов (Пятикнижья и Четверокнижья), а также умения писать особым стилем «ба гу», подражающим древнему стилю. Как и прежде, при прохождении экзаменов обычным явлением были протекция, подкуп и прочие сомнительные способы.

Помимо экзаменов выдвижение на административные посты могло проводиться по рекомендации (особенно в начале династии), а также через повышение в должности уже служивших чиновников. С середины XV в. была узаконена практика покупки чиновных званий (дававших возможность продвинуться и на должность) за определенные взносы.

После падения династии Мин в 1644 г. к власти в Китае пришли маньчжурские завоеватели, провозгласившие правление новой династии Цин (1644—1911). Принято считать, что маньчжуры почти целиком заимствовали предшествующие, минские методы управления и соответствующие государственные институты. Однако, если посмотреть внимательно, станет очевидно, что маньчжурское завоевание внесло весьма существенные коррективы в организацию процесса управления, и это отразилось как на структуре государственного аппарата, так и на функциях тех или иных административных органов.

Прежде всего изменения коснулись самой высшей власти, которая заметно укрепила свое непосредственное воздействие на управленческий процесс. Однако это проходило не сразу и сопровождалось определенной внутренней борьбой.

Маньчжурские ханы в конце XVI — первой половине XVII в. решали все важные дела на советах, куда приглашались родичи правящего клана и высшие военные аристократы — предводители организованных в воинские объединения (знамена) маньчжурских племен. Это несколько ограничивало ханскую власть. Провозглашение в 1636 г. имперской формы правления, а затем, в 1644 г., восшествие на китайский престол мало что изменило в этом отношении. Поэтому еще до 1644 г. хан (позже император) Абахай в противовес названному совету учредил три коллегии (сань юань), которые должны были составлять и копировать его указы и другие письменные документы, контролировать написание официальной истории династии, толковать каноны и определять «порядки». Служили здесь секретари (дасюэ, сюэши), среди которых большинство составляли конфуциански образованные и воспитанные китайцы.

Со временем, в 1659 г., три коллегии были преобразованы в единую Внутридворцовую канцелярию (Нэйгэ) наподобие существовавшей ранее. Однако имелись и отличия. Штат ее несравненно вырос, дойдя до 320 чиновников. Среди них в установленной пропорции имелись маньчжуры, китайцы и монголы (так как Восточная Монголия была завоевана маньчжурами и присоединена к империи). Высшие посты в Канцелярии между маньчжурами и китайцами распределялись поровну; занимавшие их лица в равной мере считались канцлерами. Служащие более низких рангов подразделялись по кабинетам (фан), присутствиям (чу), залам (тин) и хранилищам (ку). В обязанности Канцелярии входило разбираться в поступающих ко двору докладах, составлять, копировать и распространять императорские указы, а также участвовать в обсуждении политики двора.

Последнее, однако, было ограничено тем, что упомянутый выше аристократический совет (го и) продолжал сохранять свои функции. Возможности секретарей из Канцелярии выступать прямыми советниками императора оставались ограниченными. Поэтому вскоре после создания Внутридворцовой канцелярии

при императоре возникает еще один, на этот раз не имевший непосредственных аналогов в прошлом, орган — Южный библиотечный кабинет (Наньшуфан). В Кабинете собирались приглашаемые императором ученые и сановники для бесед на интересовавшие его темы. В ходе таких бесед стали обсуждаться и государственные проблемы, а также выработываться определенные решения по ним. Тем самым Кабинет превратился в альтернативный Государственному совету совещательный политический орган, имевший, однако, полностью неофициальный, нерегулярный характер. Соответственно лица, входившие в него, не получали каких-либо должностей и званий, помимо тех, которыми они уже обладали. Негласные властные полномочия членов Кабинета ограничивали полномочия Внутридворцовой канцелярии.

Дальнейшая эволюция этой неординарной структуры привела к подключению к ней армейской верхушки и образованию в 1729 г. Военного присутствия (Цзюньцзичу). Входившие в него советники назывались крупными сановниками (дачэнь). Это могли быть начальники ведомств или их помощники, старшие секретари из Внутридворцовой канцелярии, главы других столичных учреждений, родичи императора, военачальники. Число советников не было фиксировано: первоначально их было 3, максимально — 14, а обычно 5—7 человек. При них состояли сначала 16, а затем 32 помощника (цзюньцзи-чжанцин) — поровну из маньчжуров и китайцев. Сановники из Военного присутствия практически ежедневно собирались у императора и решали все (а не только чисто военные) важные политические вопросы. В день рассматривалось от нескольких десятков до более чем сотни различных вопросов (которые делились по процедуре на «прилежно рассматриваемые», «срочные» и «тайные»). Посторонние лица к работе Присутствия не допускались.

Присутствие императора вкупе с нерегулярным характером данного органа давали возможность непосредственного участия носителя высшей власти в решении управленческих дел. И эта возможность реализовывалась. Здесь напрашиваются аналогии с учреждением «внутреннего двора» при ханьском У-ди. Однако теперь в отличие от прошлого прямое участие императора в государственных делах перестало быть эпизодическим, обрело постоянную основу. Поэтому можно считать, что именно при Цин было достигнуто наиболее стабильное осуществление императорской властью ее самодержавных потенций.

Сосредоточение власти в Военном присутствии сделало лишним существование Государственного совета, который в 1791 г. был распушен. Однако старая маньчжурская аристократия не утратила полностью своего влияния. Во второй половине XIX в. вновь возрождается сильное влияние родичей императора — циньванов, из которых был снова сформирован Политический совет (И чжэн).

Усиление Военного присутствия еще более отодвинуло на второй план Внутриворцовую канцелярию, превратившуюся, несмотря на сохранение в ней самых высоких чиновных рангов, в передаточную инстанцию поступающих указаний. Реальным влиянием обладали лишь секретари, попадавшие в состав Присутствия.

Отмеченное усиление соответствующим образом влияло и на деятельность шести ведомств, которые в империи Цин играли значительно меньшую роль, чем при Мин. Однако здесь действовали и иные факторы. На местах большую власть приобрели военные губернаторы, на которых не распространялся контроль центральных ведомств; следовательно, ослабили возможности последних в провинциях. Кроме того, принятое во всех центральных учреждениях дублирование ответственных постов китайцами и маньчжурами приводило к тому, что во главе ведомств оказывалось сразу несколько равноправных начальников, а это по чисто человеческим мотивам не способствовало эффективности их деятельности. В целом шесть ведомств в империи Цин утратили положение центрального правительства, сохранив лишь чисто исполнительные функции.

Из прочих столичных учреждений, составлявших центральный административный аппарат, часть была заимствована из прежнего, традиционно китайского опыта, а часть создана из новых образований. Из традиционных институтов немалую роль продолжал играть Цензорат (Дучаюань). Он был образован в 1636 г. и после 1644 г. приобрел принятую ранее в Китае форму, если не считать, что основные цензорские должности дублировались маньчжурами и китайцами. Помимо проверки деятельности чиновных учреждений Цензорат имел право докладывать обо всех промахах, допускаясь в большой политике, а также вести судебные процессы (совместно с другими судебными органами). Цензоры (цзяньча-юйши) были рассредоточены по 15 поднадзорным районам (дао), совпадавшим с провинциями, в неравном количестве (от 2 до 8 человек). Всего их насчитывалось 56 человек (не считая подведомственных им служащих). Начальники находились в столице (Пекине). С 1723 г. в подчинение Цензорату перешла бывшая до этого самостоятельной служба проверки из контролировавших работу шести ведомств чзишичжунов. При этом под их контроль (уже в рамках Цензората) перешла и проверка работы пяти управ (сы), двух надзоров (цзянь), Управления уполномоченных по передаче документов и других столичных административных органов.

Упомянутые учреждения также перешли в цинскую систему управления по традиции. Названное Управление уполномоченных делилось на пять кабинетов (фан) и один отдел (кэ), обслуживавшиеся 37 чиновниками. Но реальная значимость его, по сравнению с периодом Мин, упала. Оно стало просто регистрирующей, сверяющей и передающей письменные документы инстанцией. Сохранявшиеся же пять управ, два надзора, две

службы (ду) и коллегии (юань) в целом повторяли минские образцы. Кроме того, в угоду традиции был восстановлен древний институт девяти чинов²⁸. Все эти учреждения играли второстепенную роль в процессе управления.

Среди новаций в государственных институтах надо отметить появление еще одной коллегии — Коллегии управления вассалами (Лифаньюань). Она возникла в 1638 г. на базе Приказа по делам завоеванной маньчжурами Монголии. После расширения пределов империи Цин эта Коллегия ведала делами подчиненных монголов, уйгуров (и прочих мусульман) и тибетцев. В ее ведение отошло частично и поддержание внешнеполитических связей. Коллегию возглавлял шаншу с помощниками — шиланами и юаньвайланами; эти чины возглавляли аппарат шести ведомств, что говорит о достаточно большом значении данного органа. На высшие посты здесь ставились маньчжуры и монголы.

В середине XVII в. был создан Секретарский отдел (Чжуншукэ), занимавшийся переводом (а также перепиской) документов; они переводились с маньчжурского языка на китайский и наоборот. В конце XVII в. возникло Присутствие по делам докладов (Цзоушичу), ведавшее передачей трону особого рода докладных записок (сложенных в виде гармошки), а по совместительству — преподнесением даров императору (именовавшихся по традиции данью), поступавших из различных районов страны и запредельных государств. В 1730 г. учредили Присутствие проверки исполнения высочайших указов (Цзичацзиньфэншанюйшицзяньчу), контролировавшее получение на местах и исполнение в срок предписаний свыше. Возглавлял его крупный сановник — управляющий (гуаньли-дачэнь); основной костяк служащих составляли секретари (дасюэши); штат мелких чиновников состоял из 58 человек.

При династии Цин наблюдаются также значительный рост и расширение полномочий Внутриворцовых служб (Нэйюфу), обеспечивавших жизнь императорского двора. Сюда теперь входило более 50 различных подразделений: управлений (сы), коллегий (юань), штатов служащих при отдельных дворцах и палатах и т. д., в которых состояло более 3 тыс. различных чиновников (причем не только евнухов). В их ведении была не только вся дворцовая жизнь, но и сельскохозяйственные угодья, снабжавшие двор, работавшие на него ремесла и промыслы, а также в немалой степени все порядки в пределах столичного района, всей столичной провинции (Чжили), а также Маньчжурии и районов южной столичной зоны.

Система местной власти при Цин снова несколько усложнилась. Основным ее звеном юридически продолжали оставаться провинциальные власти. В начале династии страна делилась на 18 провинций, в конце их число возросло до 23. Местные, провинциальные военные командования были ликвидированы, поэтому вместо трех управлений здесь осталось два: Провин-

циальное правление и Правление по проверке. Первое теперь возглавлялось лишь одним (а не двумя, как раньше) уполномоченным (только в Цзянсу их осталось двое). Изменились названия состоявших здесь чинов, но функции этих органов остались прежними. Однако между провинциальной и центральной властью появилось еще одно промежуточное звено в лице наместников (цзунду) и инспекторов-губернаторов (сюньфу).

Эти посты выросли из отмечавшейся при Мин практики направления двором эмиссаров на места для выполнения (или же контроля над выполнением) тех или иных конкретных дел. Теперь же, точнее, к середине XVIII в. они окончательно превратились в постоянных сановников на местах, стоявших над ординарными провинциальными властями. Подконтрольные наместникам районы могли простирались на 2 и даже на 3 провинции, а могли ограничиваться лишь частью провинции. Всего было установлено 8 наместничеств (куда попали 15 из 18 провинций). Предполагалось, что их функции сводятся в первую очередь к военным вопросам и контрольному надзору (они имели по совместительству должность младшего помощника начальника Цензората), но практически их власть во вверенных им районах была всеобъемлющей. Инспекторы-губернаторы ставились по одному в каждую провинцию (их не было лишь в Чжили и в Сычуани). По статусу они считались чуть ниже наместников. В их компетенцию входили главным образом гражданские дела и опять-таки контрольный надзор (они тоже имели по совместительству высокий цензорский чин), в частности над выдвижением и перемещением по службе местных чиновников. На практике же их руководящие полномочия также были универсальными, охватывая все стороны жизни провинции. До середины XIX в. почти все посты наместников и большинство постов инспекторов-губернаторов замещалось маньчжурами и лишь впоследствии в равной мере китайцами.

В провинциальном административном аппарате имелась особая категория чиновников, называвшихся дао. Истоки появления их уходят опять-таки во времена Мин, когда они служили надзирателями в определяемых им провинциальными властями небольших инспекционных районах (также называвшихся дао). В зависимости от того, подчинялись ли они Провинциальному правлению или Правлению по проверке, они делились на две категории: охраняющие (шоудао) и инспектирующие (сюньдао). В период Цин за ними были закреплены 10 (первоначально 11) видов деятельности, ставших как бы категориями различных дао (например, были дао, ведавшие военными приготовлениями, орошением, заготовками зерна, почтой, военными поселениями, порядком добычи соли, образованием). Обобщенно они назывались даотай. В то же время их деятельность была сопряжена с определенной территорией, пределы которой не имели точных критериев. Всего в стране насчитывался 91 район, подконтрольный различным дао, число которых в одной провинции

колебалось от 4 до 9. Дао не ограничивались в своей деятельности лишь отмеченной «узкой специализацией», а выступали опять-таки как универсальные помощники высших провинциальных чинов. Однако подконтрольные им районы не имели самостоятельного, отдельного статуса, и поэтому их нельзя считать административно-территориальным звеном, следующим за провинцией, а самих дао — промежуточным звеном власти между провинцией и областями. Несмотря на действительную промежуточность своего положения, дао все же выступали как специфическое ответвление в провинциальных институтах.

Провинции, как и при Мин, делились на области— фу (их было 184) и округа— чжоу (239). Среди последних, как и прежде, были приравняемые по статусу к областям и к уездам, на которые делились области и многие округа. Чиновный аппарат и его функции в этих трех подразделениях практически почти не отличались от ранее существовавших. Новым, специфическим для Цин моментом было лишь появление еще одной административной единицы — супрефектуры (тин). Она учреждалась в местах с некитайским населением (часто близ границ) или же в районах с какой-либо иной специфической обстановкой. Начальниками здесь ставились помощники начальника области — тунджи или же тунпань. По своему статусу они приравнивались к начальнику округа. Иногда они подчинялись непосредственно провинциальным властям, иногда — областным. Подконтрольных уездов здесь, как правило, не было.

На подуездном уровне население городов и деревень организовывалось в десятки (пай), сотни (цзя) и тысячи (бао), во главе которых ставился старший (чжан). Обитатели каждого двора скрупулезным образом учитывались и регистрировались.

Выдвижение на службу происходило по прежним образцам: по прямому приказу императора, по протекции крупных сановников, по праву «тени» (заслуг или родовитости предков) и через экзаменационные испытания. Последний путь оставался основным для подавляющего большинства чиновников. Система экзаменов, введенных в 1645 г., повторяла минскую: путь наверх пролегал через три предварительных и три основных экзамена. Предварительные несколько усложнились: первый из них теперь состоял из пяти различных испытаний, второй — из двух, третий — опять из пяти. Прошедшие их назывались «сюцай». Следует только отметить, что в 1651 г. были введены отдельные экзамены для маньчжуров. Их порядок был таким же, как и для китайцев, но содержание — облегчено. Соответственно существовали вакансии чиновных должностей, на которые могли назначаться исключительно маньчжуры. При Цин, как и раньше, позволялось приобретать чиновные звания посредством покупки их, за взносы зерном и деньгами. Широкое распространение получила вербовка чиновниками всех местных уровней помощников на чиновные звания.

Почти такой же, как и при Мин, осталась сеть столичных

и провинциальных школ и училищ, тесно связанных с системой экзаменов на ученую степень, открывавшую путь к получению должностей. Лишь математическое училище было слито со столичным Гоцзыцзянь, и в каждом из армейско-сословных подразделений («знамен») было учреждено по своей школе.

Таким образом, политическая система периода Цин унаследовала предшествующие порядки лишь частично, пройдя свой путь развития и внося соответствующие коррективы в традиционный порядок китайских государственных институтов. С середины XIX в., после столкновения и начала регулярных отношений с европейскими державами, а также после потрясшего страну грандиозного Тайпинского восстания, административная система империи начинает меняться уже под воздействием не только чисто внутренних, но и внешних факторов. Начало этому положило заключение договоров с иностранными державами и образование в 1861 г. Главного управления государственных дел (сокращенно Цзунлиямэнь). Но эта эволюция представляет собой предмет для особого исследования и не будет здесь рассматриваться.

Подводя итог всему сказанному выше, можно прийти к заключению, что за длительный период своего существования имперская административная система находилась в процессе постоянного изменения, причем изменения шли не только с политическими катаклизмами и сменой правящих династий, но перманентно и спонтанно. Иначе говоря, наблюдается естественный процесс саморазвития. При этом можно отметить следующие характерные черты. Новации в корпусе государственных институтов возникали чаще всего в виде неординарных, т. е. не признаваемых официально, органов и структур. Дальнейшая эволюция вела к утверждению их в качестве ординарных, признанных законными. После чего возникали новые, неординарные образования, которые можно назвать квазинеординарными. Но они, в свою очередь, со временем конституировались. Процесс повторялся, порождая все новые формы, служившие наглядным проявлением развития.

Но изменения шли не только посредством приобретения новых форм. От эпохи к эпохе можно наглядно проследить эволюцию функций тех или иных структур, не менявших своего названия и строения и по внешним признакам остававшихся символом незыблемости традиций. Иными словами, при сохранении в течение довольно длительного времени определенного набора государственных институтов их реальные властные полномочия могли перемещаться от одного к другому, существенно меняя весь характер управленческого процесса. Это постоянное, а отнюдь не случайное перемещение центра тяжести власти, равно как и отмеченные выше новации в виде неординарных структур, было связано с расстановкой сил на внутривнутриполитической арене, чреватой противоречиями и борьбой в среде правящей верхушки, а также опосредованно отражало измене-

ние общих условий существования страны и ее народа в ходе исторического развития.

Таким образом, возникшая с образованием в Китае империи система управления не была неким единообразным инертным организмом. В то же время ее развитие происходило в рамках определенной традиции, которую в целом можно считать характерной для политической практики старого Китая вообще. При всех видоизменениях она не вела в сторону развития форм, которые могли бы способствовать появлению гражданского общества и примата правовых норм. В этом плане характерно, что, несмотря на известную самостоятельность опиравшегося на традицию и прецеденты управленческого аппарата и фактическую коллегиальность принимаемых решений, в поздний период существования империи, а конкретнее с конца X в. и особенно с конца XIV в., наблюдается постепенное укрепление единовластия правителей. Отмеченная генеральная традиция ставит китайскую имперскую административную систему в один ряд с политическими порядками, существовавшими в других странах Востока в древности и средневековье, что, однако, отнюдь не противоречит ее яркому своеобразию и во многих проявлениях несомненному (для своего времени) совершенству.

¹ В рамках одной статьи возможно осветить лишь проблемы развития собственно политической административной системы, не затрагивая сколько нибудь подробно военную администрацию, организацию судебной власти (как таковой) и налогового аппарата.

² Подробнее об идеологических основах сакрализованности власти китайских монархов см.: *Мартынов А. С.* Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции.— *Народы Азии и Африки.* 1972, № 5; *он же.* Сила дэ монарха.— *Письменные памятники Востока.* М., 1974; *он же.* Доктрина императорской власти и ее место в официальной идеологии императорского Китая.— *Всемирная история и Восток.* М., 1989; *Granet M.* La civilisation chinoise. P., 1948, с. 441—473.

³ *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М., 1975, с. 69—70.

⁴ *Малявин В. В.* Гибель древней империи. М., 1983, с. 19.

⁵ *Сыма Цянь.* Исторические записки, с. 68—69.

⁶ Ярким примером такого подхода служит указ ханьского императора Вэнь-ди (179—157 гг. до н. э.) от 17 января 178 г. до н. э. (там же, с. 231).

⁷ *Sh'ien Mi.* Traditional Government in Imperial China. N. Y., 1982, с. 3—5.

⁸ *Ян Хуннянь, Оуян Синь.* Чжунго чжэнчжи ши (Политическая история Китая). Аньхуэй (Хэфэй), 1988, с. 40—41.

⁹ Подробно о том, по каким позициям осуществлялся контроль в каждом из 13 округов, см.: *Малявин В. В.* Гибель древней империи, с. 16.

¹⁰ Есть данные, что в это время было 103 и даже 110 областей. Но в это число включались и области, розданные в уделы. Так, из названных 103 областей собственно областное деление охватывало 83, а остальные 20 приходились на уделы (см.: *Ян Хуннянь, Оуян Синь.* Чжунго чжэнчжи ши, с. 280, 285).

¹¹ *Чэнь Цзянь, Цзо Яньдун.* Гудай гуань чжи цзунхэн тань (Различные беседы о древнем административном строе). Пекин, 1989, с. 203.

¹² Прослойка ланов играла важную роль в политической жизни ранней империи. Она родилась на базе личной охраны императора в эпоху Цинь (шиланов). Собственно же свитские придворные стали называться ланчжунами. Положение первых было выше. Затем появились ланы-советники (иланы).

В ланы помимо выпускников Училища попадали отпрыски знати и высших чиновников. Этот статус можно было приобрести и за деньги (между 156—141 гг. до н. э. он стоил 400 тыс. монет). Позже ланы уже как должностные единицы появляются и в административных учреждениях.

¹³ *Малявин В. В.* Гибель древней империи, с. 186.

¹⁴ Там же, с. 14.

¹⁵ Дун Хань хуэйяо (Краткие сведения о династии Восточная Хань). Сост. Сюй Таньлинь. Пекин, 1955, с. 245.

¹⁶ Эта особенность была обусловлена специфическим обстоятельством: упомнутую должность «по совместительству» занимал до своего вступления на престол император Тай-цзун (627—649), и поэтому после его воцарения было сочтено неэтичным для кого-либо из подданных замещать ее. Она долгое время оставалась вакантной. Функции начальника Палаты шаншу исполняли его помощники.

¹⁷ *Цзо Яньдун.* Чжунго чжэнчжи чжиду ши (История политического строя Китая). Чжэцзян (Ханчжоу), 1989, с. 251—253.

¹⁸ *Ян Хуннянь, Оуян Синь.* Чжунго чжэнчжи ши, с. 307.

¹⁹ *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос в средние века (VII—XIII вв.). М., 1984, с. 31.

²⁰ *Цзо Яньдун.* Чжунго чжэнчжи чжиду ши, с. 265.

²¹ *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос в средние века, с. 36.

²² Это мнение и термин (цзюэдуй чжуаньчжи) широко распространены во многих работах современных авторов. См., например: *Ян Хуннянь, Оуян Синь.* Чжунго чжэнчжи ши, с. 76. Но это понятие не уподобляется западноевропейскому абсолютизму по своему содержанию и исторической роли.

²³ *Чэнь Цзянь, Цзо Яньдун.* Гудай гуань чжи цзунхэн тань, с. 227—228; *Ли Чаоган, Сун Сяохай, Ли Цзян.* Чжунго гудай гуаньли чжиду цяньлунь (Очерки древнего чиновного строя в Китае). Пекин, 1989, с. 28.

²⁴ Подробнее см.: *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (исторический очерк). М., 1975, с. 150—178.

²⁵ Монгольский двор делал несколько попыток учреждения Палаты шаншу и один раз — Палаты мэнься. Но каждый раз через короткое время эти палаты вновь ликвидировались. После 1311 г. таких попыток больше не было.

²⁶ *Боровкова Л. А.* Восстание «Красных войск» в Китае. М., 1971, с. 8.

²⁷ Надо сказать, что местных Военных командований было больше, чем провинций, а именно 16, ибо помимо провинциальных центров они учреждались и в отдельных стратегических важных пунктах. Существовали также и отдельные филиалы этих командований (синсы).

²⁸ В число девяти чинов входили начальники всех шести ведомств, начальник Цензората, глава Судебной управы (Далисы) и уполномоченный по передаче документов. В число девяти малых чинов (шаоцин) входили главы остальных четырех управ, начальники двух служб (ду), Надзора государственных училищ и Столичной области, управляющий двором наследника престола (чуньфаншущзы).

О. Е. Непомнин

ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ДЕСПОТИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В добуржуазных обществах Европы государство, как известно, являлось инструментом единого господствующего класса феодалов, организованного в дворянское сословие. Государство выступало своего рода «комитетом по управлению делами» помещиков как социально-политической доминанты общества. В Китае же, в отличие от Запада, сложилась иная региональная модель феодализма, с устойчивым разделением как всего средневекового уклада, так и образующихся в нем классовых общностей на два сектора — государственный и частный. В итоге полукOLONиальная эволюция межформационного общества Китая второй половины XIX — первой половины XX в. была связана не с одной, а с двумя социальными общностями феодалов — средой «государственных феодалов» и средой частных крупных землевладельцев¹.

Первая из обычной бюрократии с веками превратилась в «бюрократический класс», или «класс-государство»², — верховную силу, стоявшую над всеми социальными образованиями. Это было правящее классовое образование, включавшее «знаменных» (до 1912 г.), чиновничество всех уровней и шэньшискую суббюрократию местного значения. При этом классовая общность крупных землевладельцев-помещиков была отстранена от власти и находилась в подчинении «класса-государства». Последний, являясь социально-политической доминантой традиционной конфуцианской системы, четко и жестко противостоял остальным «частным» социальным общностям — простым помещикам (*неишэньши*), частнозависимым и податным крестьянам, ремесленникам, торговцам и др.

Будучи продуктом слияния институционального и социального начал, «класс-государство» выступал не только отправителем функций и персонификатором восточной деспотии, но и в известном смысле «собственным классом деспотии» (в ее китайском варианте). В качестве «верховного класса» и олицетворения самой деспотии он управлял остальным социумом как своими подданными³.

В основу данной статьи положена методика Н. А. Симонии⁴, позволяющая при помощи сравнительного исторического ана-

лиза подойти к оценке состояния государственности стран Востока колониального и постколониального периода⁵. Указанная методика предоставляет возможность оценить природу государства в переходном обществе Китая первой половины XX в. по четырем горизонтам единой и взаимообусловленной общемировой системы показателей «род — тип — вид — форма государственности». Узкие рамки статьи не позволяют подробно анализировать конкретные стороны институциональной сферы — конституции, парламенты, иные представительные учреждения, в том числе провинциальные, партии, электорат, законы и т. д. В связи с этим в данной статье даются самые общие оценки этих слагаемых эволюции политической природы китайской деспотии.

Трансформация институционального горизонта надстройки в китайском обществе по ряду причин (в том числе из-за неудачи первой попытки реформ в 1898 г.) фактически началась со второй полосы реформ, т. е. с проведением «новой политики» 1902—1911 гг. В итоге обновление государственности примерно на полвека отстало от эволюции базиса, начавшейся после «опиумных» войн (1840—1860). Если процесс синтеза традиционного и современного начал уже укоренился в экономике и социуме, то институциональный горизонт надстройки Цинской империи вышел из ихэтуаньской катастрофы 1900—1901 гг. практически в неизменном состоянии.

По роду (формационная категория) государственность Китая до 1901 г. оставалась чисто формальной, а по типу (стадиальный показатель) являлась средневековой восточной деспотией. Последняя была продуктом не третьей, т. е. заключительной, фазы феодальной формации (стадия умирания или поздний феодализм), а все еще второй фазы (стадия зрелости или развитой феодализм). Вид китайской государственности (показатель структуры и внутренней организации) сохранился неизбежно авторитарным, а четвертый — и при этом наиболее поверхностный ее показатель — форма — являл абсолютную (но не абсолютистскую) монархию. Системное единство этого четырехчлена «род — тип — вид — форма» создавало в Китае накануне эпохи «пробуждения Азии» феодальную деспотию с самовластием богдохана.

Антагонистическая дихотомия «трансформированный переходный базис — неизменная средневековая надстройка» была чревата политической революцией. В основе будущей трансформации типа и формы государственности в течение первой половины XX в. лежал не только и не столько базисный, сколько политический фактор. Речь идет об острейшем кризисе власти, вызванном резким падением внутри- и внешнеполитического престижа маньчжурской династии Цин в ходе полуколониального закабаления Китая капиталистическими державами. Явный упадок внутренней и особенно внешней дееспособности деспотии объяснялся серией потерь.

Во-первых, утрата международного статуса гегемона в системе «Поднебесная — варвары», т. е. распад «мирового порядка» типа «Китай — данники» при потере стран-«данников» — Кореи, Вьетнама, Бирмы, Сиама (Таи), Непала, Сиккима и Люцю (Рюкю)⁶. Во-вторых, девальвация и резкое ослабление военной силы деспотии в сравнении с «варварами Запада», серия проигранных войн, цепь унижений и контрибуций как результат военных поражений. В-третьих, превращение некогда победоносной империи, надменного правительства независимой державы, «гегемона» и «Центра Вселенной» в подчиненный «заморским варварам» аппарат полуколонии. В-четвертых, утрата части государственной самостоятельности в условиях системы капитуляций — неравноправные договоры, экстерриториальность иностранцев и т. д. В-пятых, явное сокращение суверенной территории при увеличении территориальных потерь — Тайвань, Квантунская область, анклав на морском побережье, селтльменты и концессии в «открытых портах», полосы отчуждения вдоль железнодорожных концессий, право нахождения и ввода иностранных войск на эти территории, в том числе в Пекин⁷. В-шестых, не только раздел страны на «сферы влияния» и «зоны особых интересов», но и установление особых отношений между иностранными державами и местными властями в этих «сферах» и «зонах» за спиной у центральной власти⁸. В-седьмых, утрата династией Цин части внутриэкономических прерогатив — потеря таможенной и валютной автономии, иностранный контроль над налоговыми поступлениями казны, финансовая задолженность и зависимость от внешних кредиторов.

Весь комплекс утраченных позиций резко снизил общую, и в первую очередь правовую и политическую дееспособность деспотии, вплоть до частичной атрофии защитных функций государства. На глазах у своих подданных «небесная» монархия в лице наследников Нурхаци передала в руки «варваров» суверенные политические и экономические функции, куски территории, «смирилась» с созданием особых зон вне контроля китайских властей, вне досягаемости китайского фиска и закона. Цинская династия против своего желания допустила захват чуждыми силами командных высот в современном секторе экономики и попала в долговую кабалу к врагам Китая. «Заморские дьяволы» все более распоряжались его национальными ресурсами, контролировали экономическую политику и все чаще самостоятельно принимали важнейшие экономические решения. Теряя прерогативы экономического суверенитета (утрата защитных функций), цинский режим лишался части экономической власти в собственном доме, что делало его политический суверенитет все более призрачным⁹.

Утрата Цинской империей суверенного международно-политического статуса означала для китайского социума «временную потерю им своего макросоциального лица»¹⁰. Маньчжурская монархия в своих традиционных формах все меньше обеспечи-

вала китайскому народу его священное право на суверенное историческое бытие, все меньше могла отразить покушение извне на эту высшую ценность. Империалистические хищники настолько обкорнали средневекового императорского дракона, что резко подорвали авторитет и «здоровье» феодальной деспотии как основы китайской государственности первой половины XX в. Это ослабление произошло не только за счет внешнего подчинения, но и в результате внутренних факторов. Первым из них стало развитие многоукладного базиса и формирование переходного социума с возрастающими социальными и политическими противоречиями как внутри его самого, так и с силами империализма. Вторым послужило механическое измельчение единой деспотии, дробление ее на сегменты — «малые» и «средние деспотии» субнационального масштаба — региональные и провинциальные¹¹.

Как социально-политическая неустойчивость, так и децентрализация государства ослабляли цинскую монархию, вынуждая ее к трансформации, обновлению и внутривнутриполитическому маневрированию на грани классового компромисса. Ослабленная, усеченная, деформированная и уже неполноценная, восточная деспотия в Китае отчасти перестала соответствовать своим первоначальным формам, изначальным статусу и предназначению. Такого рода болезненное состояние вынуждало деспотию искать способы оздоровления на почве синтеза традиционного и современного начал¹². Это становилось тем более необходимым, так как именно падение престижа и «качества» государственности, обстановка «национального позора» и «утрата политического суверенитета» были важнейшими факторами, поднимавшими все новые слои населения на путь политической активности в целях обновления институционального горизонта надстройки.

В этой резко изменившейся по сравнению с «доопиумным» периодом ситуации необходимость обновления типа и формы государственности в конце XIX в. стала императивом. На первых порах он вылился в идею превращения китайской деспотии в сословно-представительную абсолютистскую монархию. До революции 1911—1913 гг. это был единственно реальный вариант, поскольку в Цинской империи бонапартистская (свойственная первой фазе капиталистической формации) и тем более буржуазно-демократическая государственность (принадлежность к ее второй фазе) как таковые были просто невозможны. Поэтому речь шла о замене типа государственности второй фазы феодальной формации (зрелый феодализм) на тип третьей, еще не наступившей фазы (поздний феодализм). Это было относительно реальный и наиболее безопасный для старых устоев вариант трансформации, хотя отчасти и «забегание вперед».

Такого рода абсолютистские планы в своеобразном преломлении родились в 90-х годах XIX в. — проекты Тан Чжэня (Тан Шоуцянь) (1890), Чэнь Цю (1893), «Коллективный меморандум» Кан Ювэя, Лян Цичао и Май Мэнхуа (1895). По мысли

Тан Чжэня, высшие чиновники (до 4-го ранга) составляли сенат, т. е. верхнюю палату парламента, а нижняя палата создавалась из бюрократии более низкого ранга. При этом в провинциях и уездах должны были действовать аналогичные местные «парламенты». Проект Чэнь Цю предполагал раздел Китая на удельные княжества, а при их правителях должны были созываться совещательные органы, или «парламенты», из чиновников¹³. Авторы «Коллективного меморандума» призывали создать при императоре палату советников — избираемых снизу шэньши, и этот представительный орган должен был влиять на политику династии¹⁴. Эти планы, как, впрочем, и правительственный проект 1908 г.¹⁵, свидетельствовали, что Китай вследствие не только формационной (феодализм), но и стадальной отсталости (его вторая фаза) был лишь на подходе к сословно-представительной (шэньшиской) абсолютистской монархии. Последнюю намеревались обрядить в одежды буржуазного парламентаризма¹⁶.

Других моделей у китайских политиков не было, поскольку за всю свою предшествующую, почти четырехтысячелетнюю историю «Срединное государство» не знало ни идей, ни практики сословного, не говоря уже о всеобщем, представительства. В результате китайская реальность деформировала идею буржуазного парламентаризма в своеобразный сплав шэньшиского или чиновничьего совещательного органа с потесненной им монархией. Практически реформаторы 90-х годов упрашивали «Сына неба» спуститься с «надклассовых» высот на почву скромного, но реального классового, а точнее, сословного компромисса. Того же уже не кланчили, а требовали либералы-конституционалисты в ходе трех петиционных кампаний 1907—1911 гг.¹⁷.

Ожидаемый компромисс должен был поднять верхушку «частных» сословий и классовые общности (крупные землевладельцы, буржуазия) из их положения вне политики и власти до уровня, позволявшего через выборов шэньши влиять на выработку важнейших государственных решений¹⁸. Деспотии же соответственно предлагалось спуститься на этот промежуточный уровень обоюдного соглашения. В итоге «класс-государство» (маньчжурская верхушка, чиновничество и шэньшиская суббюрократия) должен был отныне править в содружестве с остальными экономическими господствующими силами общества. Тем самым реформаторы, а затем и конституционалисты планировали сдвиг обеих «договаривающихся сторон» по вертикали — навстречу друг другу.

До 1905 г. Цинская династия не желала такого варианта. С 1862 по 1905 г. маньчжурские правители ограничивались формальной модернизацией только госаппарата, т. е. не меняли характер государственности. Иначе говоря, Цины в одностороннем порядке осуществляли лишь сдвиг по горизонтали, считая его допустимым максимумом. Нараставшее политическое бро-

жение в стране вынудило династию в принципе согласиться на сословно-классовый компромисс с шэньшиско-помещичье-буржуазной оппозицией. При этом режим пошел на явное затягивание сроков реализации компромисса (до 1916 г.), ускорил формальную модернизацию госаппарата и укрепление позиций маньчжурской феодальной реакции в качестве противовеса предстоящим нововведениям (дихотомия «синтез — антисинтез»). С 1905 г. Цины планировали украсить здание китайской деспотии сословно-представительной декорацией, выполненной в парламентском стиле, т. е. создать формальный синтез традиционной монархии и абсолютизма с внешне современным фасадом¹⁹.

Между тем оппозиция боролась за реальный абсолютизм на базе сословного, преимущественно шэньшиского, представительства. Обе стороны, торгуясь о сроках введения конституции и парламента, вовсе не имели в виду государственность буржуазно-демократического типа (вторая фаза капиталистической формации) как неприемлемо радикальную. Даже бонапартистская государственность (первая фаза капиталистической формации) оставалась недостижимой для уровня мышления и целей архиреакционных маньчжурских князей. Однако, борясь за введение не формальной, а действительной сословно-представительной абсолютистской монархии, оппозиция из-за упорства и двуличия династии Цин вынуждена была всем ходом и логикой борьбы постепенно леветь²⁰. Она уже вкладывала в понятия «конституция» и «парламент» элементы бонапартистского варианта парламентской монархии, т. е. придавала сословно-представительному органу не совещательные, а контрольные, законодательные и исполнительные функции²¹. Об этом свидетельствовала и попытка оппозиции в 1909—1910 гг. превратить провинциальные совещательные комитеты в органы своей власти²².

Если до 1907 г. оппозиция робко вымаливала у династии консервативный минимум (абсолютизм), то накануне революции 1911—1913 гг. требования либеральных конституционалистов поднялись выше ранее предполагаемого уровня, став сочетанием абсолютизма и бонапартизма. Такому сдвигу содействовал и пропагандистский инструментарий конституционно-монархического движения 1905—1911 гг., являвшего собой наглядный пример политической контаминации. Так, превращение средневековой деспотии (институциональный аналог второй фазы феодализма) в абсолютистскую монархию (атрибут третьей его фазы) уже мыслилось оппозиционерами через введение институтов бонапартистской, а формально буржуазно-демократической государственности²³. Для умеренной и верно-подданнической оппозиции частичный выход на уровень бонапартизма был сугубо вынужденным, диктуемым как косностью и неповоротливостью все еще средневековой по сути династии, так и быстрым нарастанием предреволюционного кризиса²⁴.

Тем не менее даже накануне Синьхайской революции 1911—1913 гг. собственно бонапартистская монархия еще не стала осознанной целью оппозиции, не говоря уже о монархии как форме буржуазно-демократической государственности. И та и другая оставались слишком радикальными и чуждыми для господствующих феодальных и переходных сил Китая²⁵.

Однако темпы нарастания политического кризиса и общая радикализация ситуации привели к тому, что в 1911 г. события вырвались из рамок предполагаемой сделки и вышли из-под контроля как династии, так и оппозиции. В результате Синьхайской революции с марта 1912 г. (опубликование Временной конституции) и фактически до сентября—октября 1913 г. (поражение «второй революции» и избрание Юань Шикая постоянным президентом), а формально до января 1914 г. (ропуск парламента) существовала парламентская республика, по форме близкая к буржуазно-демократическому типу государственности. Эта «короткая буржуазно-парламентская „весна“»²⁶ была резким «забеганием вперед» при пропуске двух фаз — абсолютистской и бонапартистской государственности.

Столь же резким оказалось «забегание вперед» не только по типу, но и по форме, ибо, минуя всевозможные виды переходной монархии, Китай установил республиканский строй²⁷. С одной стороны, вчерашняя оппозиция оказалась перед необходимостью поиска более «умеренных» форм государственности и иных носителей реальной власти, готовых к желанному сословно-классовому компромиссу. С другой стороны, обстановка резко изменилась: Синьхайская революция положила конец периоду мирных поисков соглашения и рыночного торга вокруг него. Политический «штиль» сменился перманентным «штормом», т. е. полосой революций, переворотов, гражданских войн и междоусобиц²⁸.

Путь к желанному компромиссу в новой обстановке лежал через острейшую не только политическую, но и вооруженную борьбу. Именно в ходе военных столкновений складывался механизм классового сдвига, точнее, его китайский формальный и малоэффективный вариант. В этой связи уместно поставить вопрос о реальности классового компромисса в 1913—1949 гг. Переходное состояние общества, осложненное затяжным кризисом, исключало органическую целостность социума и, следовательно, более или менее естественный социальный консенсус. Такая ситуация не исключала при благоприятных условиях возникновение компромисса между «классом-государством», с одной стороны, и «частными» сословиями и классовыми общностями — с другой, как основы для создания государственности переходного типа на пути от феодализма к новой формации.

Между тем скромные результаты сговора, точнее, так и не состоявшегося соглашения «Цины—оппозиция» были уничтожены революцией 1911—1913 гг., которая смела не только ди-

настию, но и монархию. Соглашение было возможно и даже стало налаживаться на базе новой, на этот раз не легитимной, а плебисцитарной монархии 1915—1916 гг.²⁹. Однако «третья революция» в 1916 г. смела и этот вариант³⁰. И Синьхайская революция и революция 1916 г. носили весьма поверхностный характер. Свергая абсолютную монархию (форма), они оставяли главную базу — деспотию (тип государственности). Более того, смена формы (от монархии — к республике) отчасти обновляла эту основу, отсекая ее больные, разлагающиеся члены (маньчжурскую династию, плебисцитарную монархию), т. е. архаичное и обреченное.

Цикл китайских революций (1911—1913, 1916, 1925—1927 гг.) заменял недееспособные, отжившие верхние звенья деспотии новыми, более приспособленными к характеру переходного базиса и социума (бэйянская власть, местные милитаристские режимы, гоминьдановские правительства). Ампутация отживших звеньев и замена более реакционного менее консервативным продлевали жизнь деспотии как типа государственности. Трехкратное «омоложение» верхнего звена — после Синьхая, революции 1916 г. и Национальной революции 1925—1927 гг. — явилось и трехэтапной поступательной трансформацией деспотии в сторону переходной государственности. После Синьхая и революции 1916 г. такое обновление осуществилось за счет милитаризации власти³¹. Произошла замена архиреакционных маньчжурских правителей и старых императорских сановников ханьским генералитетом³². Свежая армейская кровь хлынула в тело старой деспотии и взбудрила ее. Второе оздоровление надстройки осуществлялось внедрением нового организационного начала («предпартия» Гомиьдан) и националистической идеологии (суньятсенизм)³³.

«Инъекции» милитаризма и суньятсенизма продлевали жизнь деспотии, по-своему модернизируя и модифицируя ее, давая ей «второе дыхание». Кроме того, смена традиционной монархии переходной бэйянской республикой была заменой антииностранного, во многом еще «ксенофобного» режима проколонналистским, т. е. соответствующим полукOLONIALному положению Китая. В этом плане наступила временная «гармония» в дихотомии «Китай—державы» и до 1931 г. прекратились удары извне по деспотии. Если капиталистический Запад за 60 лет (1840—1901) нанес враждебной ему монархии Цинь шесть военных поражений, то с приходом к власти проколонналистских бэйянских режимов эти удары прекратились вплоть до захвата Маньчжурии Японией. Такое состояние внешнего покоя шло на пользу деспотии, ибо отсутствие новых поражений от «варваров» снижало необходимость политических уступок в пользу нечиновных шэньши, помещиков и буржуазии.

Все перечисленные факторы отодвигали или даже отчасти снимали необходимость и возможность сословно-классового компромисса. Если предельно «большая» традиционная монар-

хия накануне своего падения была вынуждена согласиться с идеей оздоровления на почве компромисса, уступок «частным» сословиям и классам, то отчасти уже оздоровленная, т. е. милитаризованная и «суньятсенизированная», республиканская власть в этом менее нуждалась³⁴. Политическое соглашение, достижимое в условиях сравнительно мирного внутреннего состояния страны до 1911 г., стало предельно затрудненным в условиях мятущегося социума и политической нестабильности³⁵.

В обстановке непрекращавшихся с 1911 по 1949 г. революций, гражданских войн, милитаристских междоусобиц и распада единого государства на самостоятельные части — притом зачастую с разнородной по природе (старая бэйянская, новая гоминьдановская) властью над этими «сегментами»³⁶ — межклассовое соглашение стало практически трудноосуществимым³⁷. Раздробленными и воюющими оказались и предполагаемые участники компромисса³⁸. Как «класс-государство», так и сословие шэньши вместе с классовыми общностями помещиков и буржуазии были экономической и политической децентрализацией не только разобщены, но и низведены с высоты общенациональных действий и интересов до уровня регионального, провинциального и уездного самосохранения при различном блокировании друг с другом уже на местных горизонтах. Кроме того, после революции 1916 г. стало быстро слабеть и сходить с политической арены сословие шэньши — авторитетный посредник в диалоге деспотии с оппозицией³⁹. Такого рода резкое ослабление и дробление каждого из участников соглашения делали его «технически» невыполнимым, тем более в условиях непрекращавшихся военных действий. Вооруженное противостояние, в свою очередь, еще более усугубляло напряженность отношений между местными деспотическими режимами и «частными» общностями⁴⁰.

В итоге наступил паралич соглашательской тенденции общекитайского масштаба, что отнюдь не исключало поисков компромисса на региональном, провинциальном и уездном горизонтах. Там, где некоторое время военных действий не наблюдалось, проблема классового соглашения неизбежно возникала вновь. Речь идет о таких зонах временного покоя, как «королевство» бандитской «династии» Чжанов в Маньчжурии (1916—1931), провинция Шаньси, т. е. «удел» Янь Сишаня (1911—1930, 1932—1937), восточные провинции под властью Первого Нанкинского Гоминьдана (1927—1932, 1934—1937), Гуандун в годы правления Юго-Западного политического совета (1927—1936)⁴¹. Вместе с тем наполнение верхнего и среднего звена государственной системы новым сословно-классовым контингентом (военные, верхушка суньятсенистской «предпартии», бюрократия из новой интеллигенции) отчасти компенсировало отсутствие реального межклассового компромисса⁴².

Кроме того, трансформирующаяся деспотия включала эле-

менты «компромиссных» типов государственности (абсолютизм, бонапартизм, буржуазная демократия), т. е. фаз, которых Китай еще не прошел и уже никогда не переживал. Такой вариант развития препятствовал возникновению перечисленных выше целостных типов государственности, но открывал дорогу вкраплению их элементов в ткань трансформирующейся и модернизирующейся традиционной государственности. В итоге смена одного типа другим заменялась синтезом их отдельных извращенных и стертых фрагментов на базе старого типа. Такой синтез на почве деспотии был не столько реальным классовым компромиссом, сколько его суррогатом, видимостью учета интересов «частных» сословий и классовых общностей.

Столь ущербный вариант, точнее, паллиатив оставался тем не менее наиболее приемлемым для сохранявшегося типа государственности. Дело в том, что в результате полноценного соглашения, т. е. реального дележа власти между «классом государством» и «рядовыми» эксплуататорскими классовыми общностями, деспотия практически перестала бы быть таковой и превратилась в тип государственности, близкий к европейским стандартам. Между тем благодаря специфике классового сдвига в переходном Китае деспотия в ходе трансформации получила возможность отделяться чисто формальным компромиссом, симуляцией уступок и соглашательской риторикой⁴³.

Неполноценность такого «компромисса» отражала слабость и поверхностность классового сдвига, наметившегося в первой половине XX в. Событийная сторона механизма такого сдвига выглядела следующим образом: деятельность совещательных комитетов (1909—1911) — Синьхайская революция (1911—1913) — диктатура Юань Шикая (1914—1915) — провозглашение монархии (1915—1916) — «третья революция» (1916—1917) — власть бэйянских милитаристов (1917—1925) — Национальная революция (1925—1927) — господство Гоминьдана (1927—1949). Работа этого механизма с точки зрения форм политической борьбы соответственно представляла собой следующий вариант: реформы сверху (1909—1911) — первая незавершенная политическая революция снизу (свергающая монархию, но не уничтожающая деспотию, 1911—1913) — сдвиг вправо (1914—1915) — государственный переворот сверху (1915—1916) — вторая незавершенная революция «синьхайского» типа и кризис общественных структур (1916—1917) — установление «компромиссной» государственности (1917—1925) — третья незавершенная политическая революция (не уничтожающая деспотию, 1925—1927) — новая ступень «компромиссной» государственности (1927—1949).

С точки зрения смены форм политической власти механизм классового сдвига работал таким образом: традиционная монархия (1909—1912) — парламентская демократия (1912—1913) — военная диктатура (1914—1915) — новая монархия (1915—1916) — парламентская демократия (1916—1917) — во-

енные диктатуры двух видов (бэйянская и гоминьдановская, 1917—1949). Таким образом, смена форм китайской государственности за 40 лет (1909—1949) прошла в два этапа, а внутри каждого из них протекал типовой цикл «монархия—демократия—диктатура». Первый этап занял семь лет (1909—1915), а второй — 33 года (1916—1949).

Появление в обоих этапах, хотя и на максимально коротких сроки (год-полтора) парламентской демократии при всей ее слабости и противоречивости в условиях сохранения фундаментальных основ азиатской деспотии являлось вопиющим «забеганием вперед», т. е. рывком на позицию обреченности, после чего механизм осуществлял коррекцию — торможение и движение вспять. Кратковременное введение буржуазно-демократической формы государственности в 1912—1913 и в 1916—1917 гг. при чуждых ей роде, типе и виде доминирующей государственности служило важным фактором раскачки консервативных структур и своего рода гарантией их продвижения если не на максимальную дистанцию вперед, то на промежуточную.

Такого рода «обреченный максимализм» служил движущей силой как внутри каждого из двух этапов, так и во всем механизме классового сдвига. С этих позиций классовый сдвиг выглядел таким образом: эволюция (1909—1911) — забегание вперед (1911—1913) — выход на промежуточный уровень (между эволюцией и забеганием, 1914—1915) — контрреволюционный откат (на горизонт эволюции, 1915—1916) — вторичное забегание вперед (1916—1917) — вторичный выход на промежуточный уровень между забеганием и откатом (1917—1949) при срыве вторичного контрреволюционного отката. Под последним подразумевается монархический переворот Чжан Сюня в 1917 г.⁴⁴.

В результате такого рода двукратной раскачки верхних эшелонов власти срабатывал механизм сдвига по форме государственности: абсолютная монархия (1909—1911) — парламентская республика (1912—1913) — президентское правление (1914—1915) — плебисцитарная монархия (1916) — парламентская республика (1916—1917) — военно-бюрократическая республика на главе с проколониалистским режимом (1917—1927) — военно-бюрократическая республика, возглавляемая националистическим режимом (1927—1949). Здесь также прослеживаются два этапа и работа типовых циклов, каждый из которых привносил чередование «монархия—республика».

Этот же механизм был и сменой видов синтеза на уровне типа государственности. Политическое развитие Китая 1909—1949 гг. дало на институциональном горизонте надстройки следующую последовательность видов синтеза: деспотия и абсолютизм (1909—1911) — деспотия и буржуазная демократия (1912—1913) — деспотия и бонапартизм (1914—1915) — деспотия, абсолютизм и бонапартизм (1915—1916) — деспотия и буржуазная демократия (1916—1917) — деспотия и бонапар-

тизм (бэйянский вариант, 1917—1927) — деспотия и бонапартизм (гоминьдановская разновидность, 1927—1949). В этой пестрой смене видов устойчивый конечный результат (т. е. синтез деспотии и бонапартизма) стал возможен после изживания более консервативных (т. е. сочетание деспотии и абсолютизма), а также явно антагонистических и поэтому обреченных вариантов (т. е. соединение деспотии и институтов буржуазной демократии).

Таким образом, китайский путь развития вместо смены полноценных, т. е. соответствующих реальным стадиям формационного развития (последней фазе феодализма и двум первым фазам капитализма), типов государственности (соответственно абсолютизм, бонапартизм и буржуазная демократия) представлял собой смену различных видов политического синтеза. Основу последнего составлял традиционный тип государственности, причем весьма отсталый (соответствующий не третьей, а второй фазе феодализма), в том числе из-за длительного сохранения в нем элементов не только китайской архаики, но и компонентов примитивного маньчжурского военно-феодалного наследия (первая фаза феодализма)⁴⁵. К этой основе (феодалная деспотия) в процессе синтезирования присоединялись стертые и ущербные, т. е. не имевшие под собой реальной формационной фазы, элементы трех указанных выше типов государственности. Это вело к постепенной и умеренной трансформации старой основы синтеза, к ее частичной модернизации.

В итоге механизм классового сдвига в Китае 1909—1949 гг. являл собой не первичную и не вторичную, а некую третичную модель⁴⁶. В ней произошло не просто смещение отдельных черт двух первых, а возник специфический, т. е. не свойственный им, потенциал. Механизм классового сдвига в Китае XX в. привел к формальным, половинчатым и поверхностным изменениям. Как в экономической сфере межформационный переход не сопровождался крушением феодалного хозяйства и заменой его капитализмом, так и в сфере надстройки переходность не стала сменой азиатской деспотии новым типом государственности⁴⁷. Китайские революции 1911—1913, 1916, 1925—1927 гг. приводили не к слову деспотии, а к ее эволюции и приспособлению к новым условиям — внутренним и внешним⁴⁸.

Такая поэтапная оздоровительная и достаточно поверхностная модернизация эволюционного типа отодвигала на будущее принципиальные изменения сущностной природы власти. Многочисленные и быстрые изменения формы компенсировали слабую подвижность вида, типа и рода китайской государственности. При всей пестроте политических пертурбаций механизм классового сдвига в Китае работал на минимальных оборотах. В результате за эти четыре бурные десятилетия (1909—1949) феодалная в своей основе сила — «класс-государство» — власть не теряла, а «частные» сословия и классовые общности ни в отдельности, ни в блоке друг с другом к власти не приходили⁴⁹.

Реальный компромисс между «классом-государством» и экономически господствующими классовыми общностями так и не состоялся. Его заменил формальный синтез на уровне типа государственности, т. е. суррогат или видимость компромисса.

С формальной точки зрения оппозиция, казалось бы, получила все, чего добивалась от династии Цин до Синьхайской революции, т. е. парламент, конституцию, да сверх того еще и республиканский строй, коего до 1912 г. либералы-конституционалисты, будучи в массе своей монархистами, просто боялись как чрезмерного сползания к «смуте» и «хаосу». Тем не менее оппозиция не добилась главного, а именно соучастия в реальной власти. Обладание ею так и осталось монополией «класса-государства», обновлявшегося сначала по-бэйянски, а затем по-гоминьдановски. Именно «верховный класс» максимально использовал в своих целях и республиканскую форму правления, и конституцию, и парламент. Оппозиция же не смогла воспользоваться этими новшествами для дележа власти с «классом-государством». Ей удалось лишь «прорваться» в парламент, да и то на время, тогда как выше ее просто не пустили сначала бэйянские генералы, а позднее функционеры Гоминьдана вкупе с бывшими милитаристами бэйянского толка, принявшими «три народных принципа» Сунь Ятсена.

Решение вопроса о характере власти оказалось настолько стертым и ущербным, что самовластие восточной деспотии по сути не было сколько-нибудь ограниченным⁵⁰. Она так и не спустилась на промежуточный (компромиссный) уровень и не дала подняться на него «частным» сословиям и классовым общностям⁵¹. При всем том деспотия явно меняла окраску и форму. По этой причине у историка подчас возникает искушение оценить позднецинскую власть как абсолютистскую, падение монархии принять за гибель деспотии, а бэйянские и гоминьдановские режимы рассматривать в качестве бонапартистских. Между тем для установления абсолютизма в Китае не хватало многого — прежде всего другого типа феодализма, прохождения третьей фазы этой формации, а также равновесия сил феодалов и буржуазии. Для утверждения бонапартизма недоставало основного — победы капитализма. О буржуазной же демократии и говорить не приходится. В итоге для традиционной государственности еще не было ни явной альтернативы, ни реальной замены.

Устранив династию Цин и монархию, Синьхайская революция обновила лишь верхний ярус деспотической власти, тогда как ее основа сохранилась. Как отмечал Сунь Ятсен, «разрушение было произведено лишь на поверхности, а грунт, лежавший под старым зданием, не был извлечен и отброшен. Что же представляет собой этот старый грунт? Не что иное, как бюрократию — зло, доставшееся нам в наследство от Цинской династии»⁵². Под «бюрократией» Сунь Ятсен подразумевал старое чиновничество, военщину и политиканов.

Если на верхнем горизонте институты буржуазной демократии (Временная конституция 1912 г., Национальное или Нанкинское собрание, Временный, а затем Постоянный, т. е. «старый», парламент) на крайне короткое время потеснили институты традиционной государственности, то на нижних и средних ярусах власти (уезд, провинция) деспотия жестко держала в руках местные «парламенты» — провинциальные собрания и местные собрания самоуправления⁵³. Так, в Шаньдуне военный губернатор⁵⁴, открывая провинциальное собрание, заявил его депутатам: «Вы напоминаете птиц, запертых вместе в большой клетке. Если вы будете вести себя хорошо и петь приятные песни, мы будем кормить вас. В противном случае вам придется обходиться без пищи»⁵⁵. Генерал предельно точно выразил характер ситуации на местах: здесь, как и прежде, вся власть оставалась в руках губернаторов⁵⁶.

Иными словами, произошло сохранение деспотии при разрушении монархии. Более того, внутри указанных выше парламентских институтов, в том числе и в стенах Постоянного («старого») парламента, был сосредоточен сильный людской потенциал восточного деспотизма, в 1913 г. объединившийся в рядах «Гражданской партии» (Гунминьдан)⁵⁷.

Монархия и деспотия в условиях Китая уже не являлись синонимами. Первая выступала лишь как одна из ипостасей второй, обслуживая ее тип и род. Монархия свергалась трижды — в 1912, 1916 и в 1917 г., а деспотия принимала форму республики с различными оттенками (парламентская, военно-бюрократическая), но преимущественно авторитарного вида. Смена формы была одним из слагаемых трансформации переходной государственности, а новая форма служила временному оздоровлению деспотического типа власти. Ее носители представляли то во фраке политика, то в генеральском мундире, то в гоминьдановском френче⁵⁸. Ее авторитарному виду весьма соответствовали такие новые формы, как президентское правление (1914—1915), плебисцитарная монархия (1916), военно-бюрократическая диктатура (1917—1949).

Изменяя форму государственности и периодически обновляя верхний ярус власти, китайские революции поэтапно приводили институциональное звено надстройки в относительное соответствие с менявшимся переходным базисом. Такая поэтапная эволюция делала ненужной коренную ломку традиционной государственности, но постепенно вводила ее в рамки переходности. В ходе цикла революций переходный социум каждый раз переносил принцип синтеза традиционного и современного начал из сферы базиса в сферу надстройки, к началу XX в. застрявшей в эволюции на весьма отсталом уровне — стадии зрелого феодализма, или второй фазе этой формации. Вместо разрывания третьей — позднефеодальной стадии в Китае началось становление переходного общества полуколониального типа.

Такой специфический вариант эволюции если не снял вовсе, то затенил и скомкал дальнейшее стадияльное развитие китайского феодализма. В итоге с выпадением стадии позднего феодализма практически не состоялась соответствующая ему фаза абсолютистской государственности. Ни Синьхайская революция, ни революция 1916 г., ни Национальная революция — как каждая в отдельности, так и все вместе — не привели к победе буржуазии и возникновению капиталистического общества в Китае⁵⁹.

Вместо развертывания первой стадии новой формации произошли лишь модификация и усложнение переходного — комбинированного и синтезированного общества. С выпадением раннекапиталистической стадии исчезала возможность становления в Китае первой половины XX в. фазы бонапартистской государственности как целостного явления. До победы Народной революции 1949 г. и начала социалистического строительства Китай также не вступил в стадию зрелого капитализма с соответствующей ей буржуазной демократией. Минование, или «проскакивание», этих трех формационных фаз без установления порождаемых ими типов государственности резко отличало вариант общественной эволюции Китая от стран первичной и вторичной модели.

Феномен переходного общества Китая первой половины XX в. состоял в непосредственном и кризисном смещении на коротком этапе (полстолетия) не только господствующих зрелофеодальных структур, но и элементов, тенденций и форм пропущенных стадий — позднего феодализма, раннего и развитого капитализма — в бессистемном, приглушенном и ущербном варианте. Причудливое переплетение элементов трех выпавших фаз в сфере базиса и социума находило частичное отражение на уровне государственности, хотя и не стало основой развившегося там синтеза различных институциональных типов и форм.

Таким образом, вместо прохождения «положенных» в странах первичной модели целостных фаз или их смещения и видоизменения в странах вторичной модели в переходном Китае обнаруживаются лишь стертые формы этих фаз. Причем в XX в. они все присутствуют одновременно и попеременно, в синтезе не столько друг с другом, сколько главным образом со староформационным (зрелофеодальным) потенциалом и его типом государственности (деспотия).

Итак, китайский вариант классового сдвига представлял собой «подвижку», или передачу власти, не по вертикали, а по горизонтали — от одной фракции традиционного, политически господствующего класса к другой. Власть перешла исключительно внутри самого «класса-государства», не выходя за его пределы. В 1912 г. от верхушки сословия «знаменных» и сановитой китайской элиты власть перешла к армейской верхушке, от придворной и штатской бюрократии — к генералитету⁶⁰.

В 1927—1928 гг. произошла «подвижка» от бэйянской военной элиты к Гоминьдану, т. е. амальгаме «политизированная армия — суньятсенистская предпартия» или сплаву генералитета и «предпартийных» функционеров⁶¹. Если в 1912 г. традиционная верховная фракция «класса-государства» сменилась полу-современной военщиной, то в 1927—1928 гг. последняя была оттеснена и поглощена более модернизированной военно-бюрократической фракцией при сохранении базовых структур деспотии, особенно на нижнем, местном уровне.

В русле такого взаимодействия и слияния отдельные черты, формы, тенденции, фрагменты и методы абсолютизма, бонапартизма и буржуазной демократии с 1909 по 1949 г. в разное время по-разному становятся второстепенными и третьестепенными компонентами переходной государственности, точнее, служебными, вспомогательными компонентами, слагаемыми модернизирующейся деспотии.

От абсолютизма, обновляемая деспотия позаимствовала формальную склонность к межсословному и межклассовому компромиссу, изображая равное отношение как к старым «частным» классовым общностям (землевладельцы), так и к новым (буржуазия) и при этом максимально сохраняя традиционную феодальную сущность в новых формах. Вместе с тем это были элементы не классического, а иного, специфического абсолютизма. Если в странах первичной и вторичной модели абсолютизм выступал как классовый компромисс дворянства и буржуазии, то в Китае речь шла о соглашении «класса-государства» с нечиновными шэньши, помещиками и буржуазией. Поскольку средневековый Китай был страной другого типа феодализма и политической культуры, он не знал сословно-представительных учреждений (парламент, кортесы, Генеральные штаты). В связи с этим шэньшиско-помещичье-буржуазная оппозиция боролась за введение сословно-представительной (шэньшиской) монархии посредством пересадки в Китай институтов буржуазной демократии (парламент, конституция)⁶².

Таким образом, в отличие от европейского абсолютизма (средневековая форма и феодальное содержание), китайский вариант создавался как сочетание буржуазной формы и традиционного содержания (господство феодальных сил). С трехкратным падением монархии — в 1912, 1916 и 1917 г. — абсолютистские тенденции хотя и были подорваны и затенены другими — более радикальными, но окончательно не были изжиты, ибо китайская реакция продолжала видеть в них наиболее умеренную новацию и минимально допустимую уступку изменившейся обстановке. В связи с этим какой-то подспудный абсолютистский потенциал отчасти сохранялся в системе весьма консервативной авторитарной республики 1917—1949 гг.

От буржуазной демократии переходная государственность позаимствовала республиканский строй, парламентскую систему, конституцию, политические «партии» и т. д.⁶³ Между тем

до конца XIX в. в истории Китая ни в практике, ни в копилке политической мысли никогда не было не то что традиций или примеров, но даже идей республиканизма, общественного представительства и гражданских прав. Многовековые традиции восточной деспотии не оставляли места для столь явных антиподов. С 1909 г. институты и принципы буржуазной демократии пересаживались не в гражданское общество, а в социум азиатского деспотизма и зрелого феодализма, т. е. в среду, не подготовленную к этому и формационно и стадияльно и поэтому предельно антагонистическую к такой трансплантации.

Во взаимодействии с совершенно чуждой «средой обитания» досрочно импортированные буржуазно-демократические институты ждало неизбежное перерождение, тем более при их предельной слабости и незащищенности во враждебной им среде «поголовного рабства». Если временная конституция 1912 г., Национальное собрание 1912 г., Временный, а затем Постоянный («старый») парламент (1912—1913, 1915—1917) еще несли в себе потенциал буржуазной демократии, то с 1918 г. началось быстрое вырождение этого «преждевременного» парламентаризма в инструмент деспотизма и бонапартизма правящих генералов. Синтез двух последних начал полностью обесценил и ликвидировал демократизм синьхайского периода.

В итоге республика, парламент, конституция, борьба «партий» — всё под мертвящим дыханием деспотии как главенствующего компонента синтеза государственности оказалось формальным и предельно искаженным. Это дает основание применительно к Китаю 1912—1949 гг. говорить о формальной республике, квазипарламенте, фиктивных конституциях, псевдопартиях (предпартиях). Западная «инъекция» буржуазного демократизма была выхолощена, извращена и использована в качестве декорации для более стойкого компонента синтеза, т. е. бонапартизма⁶⁴. Наиболее ярко это проявилось в период деятельности «болотного» (дуцзюньского, аньфуистского или «нового») парламента 1918—1920 гг., ставшего инструментом диктатуры Дуань Цижуня (Аньхуэйская милитаристская клика)⁶⁵. Аналогичным явлением стал также фарс с созывом «старого» парламента и восстановлением Временной конституции 1912 г. диктатурой Чжилийской генеральской группировки (У Пэйфу, Цао Кунь) в 1922—1923 гг., а также выработкой и принятием «постоянной» конституции 1923 г.⁶⁶ С одной стороны, бэйянские правительства всемерно обессиливали и выхолощивали буржуазно-демократический компонент политического синтеза, а с другой — стремились по возможности облачиться в синьхайские «одежды», прикрыться знаменем прогресса⁶⁷.

Деспотия старалась использовать этот популярный фасад, превратив его в служебный компонент обновляемой государственности. При отсутствии социального консенсуса и организационной целостности переходного социума для трансформируемой деспотии был необходим безопасный минимум формального

сдвига в сторону сословно-классового компромисса. Такого рода политический суррогат уступчивости в отношении эксплуататорских классовых общностей и социальных прослоек деспотия старалась по возможности сохранять и использовать в своих целях, особенно после свержения монархии и явного ослабления традиционной основы государственности. По этой причине авторитарной республике в Китае был необходим и определенный потенциал «абсолютизма без монарха», и безопасный для генеральской власти минимум буржуазного демократизма без власти буржуазии.

С одной стороны, произошло досрочное механическое переоснащение парламента, конституции, борьбы «партий» (точнее, «предпартий»), т. е. продуктов органически целостного гражданского общества (вторая фаза буржуазной формации), в среду «поголовного рабства» — достаточно еще средневековое общество китайской деспотии (вторая фаза феодализма), лишь начавшее движение в современность. Всё это явилось явным «забеганием вперед» или броском в чужеродную среду с неизбежной реакцией обесценения и отвержения (например, «Конституция Храма Неба» 1913 г.). С другой стороны, произошел революционный рывок, как результат победившей Синьхайской революции. В этой связи борьба за республику, парламента, конституцию и демократию в тогдашнем Китае была не только большой школой политического созревания передовых сил общества, но и серией ощутимых ударов по деспотизму, героической атакой на «азиатчину» и средневековье⁶⁸.

От бонапартизма синтезированная китайская государственность приняла военную диктатуру (бэйянские генералы и гоминьдановские лидеры), фиктивный парламентаризм («болотный» парламента в 1918—1920 гг.), борьбу против реставрации феодальной монархии («защита республики»), арбитраж в классовых столкновениях (особенно политика Гоминьдана в рабочем и крестьянском вопросах), политическую демагогию, позицию «над классами»⁶⁹. Бонапартизм классического толка являл собой синтез феодальной формы (монархия) и буржуазного содержания (господство капитала), где бесспорна доминирующая роль современного предпринимательского начала над средневековьем⁷⁰. В Китае же XX в. местный бонапартизм выступал в качестве одного из второстепенных компонентов синтеза буржуазной формы (республика, конституция, парламента) и феодального содержания (господство традиционных сил) при политическом и экономическом бессилии буржуазии⁷¹.

Иначе говоря, в Китае имели место не осколки классического, а элементы качественно иного, частично выродившегося явления, своего рода квазибонапартизм, т. е. низкосортный и достаточно отсталый компонент синтеза⁷². Если европейский бонапартизм являл собой синтез современного и традиционного при явном доминировании первого компонента, то в Китае

элементы бонапартизма возникли при господстве старых сил над новыми.

Таким образом, в переходном китайском обществе XX в. не только абсолютизм и буржуазный демократизм, но и бонапартизм были специфически иными. Поскольку элементы абсолютизма оказались запоздалыми и малоэффективными, а фрагменты буржуазно-демократического строя слишком «радикальными» и преждевременными, то как первые, так и вторые вытеснялись промежуточной материей, т. е. бонапартистскими компонентами, ибо они были «золотой серединой» между «отставанием» (абсолютизм) и «забеганием вперед» (буржуазная демократия).

В течение бурных 40 лет (1909—1949) компоненты синтеза китайской государственности менялись. Одни из них девальвировались и сходили со сцены, оставляя лишь скрытую тенденцию или третьестепенный потенциал внутри сложного симбиоза, а их место занимали другие. Так, после падения плебисцитарной монархии во главе с Юань Шикаем (девиз правления Хунсянь) в 1916 г. оказался нежизнеспособным китайский вариант абсолютизма. С разгоном «старого» парламента на Севере, с созданием «болотного» в 1918 г., с сосуществованием двух парламентах (в Пекине и Гуанчжоу), с превращением их в продажное орудие правящих милитаристов и в «законное» прикрытие их диктатуры (например, второе восстановление «старого» парламента в Пекине 1922—1923 гг.) девальвировался парламентаризм. К началу Национальной революции 1925—1927 гг. произошло вырождение, а затем и отмирание буржуазно-демократического компонента синтеза. Наиболее жизнеспособными оказались элементы специфического бонапартизма. Фрагменты этих трех типов государственности выступали не как сущностные, доминирующие и целостные явления — продукты реальных, осуществившихся фаз развития, а как второстепенные, формальные и ущербные добавки из непройденных фаз. Отсюда поверхностный, служебный характер такого рода вкраплений, ставших подсобным материалом частичного обновления деспотии в целях выживания и приспособления к изменившимся внутренним и внешним условиям⁷³.

Столь низкий статус нового в его синтезе со старым способствовал перерождению классических начал в стертые и извращенные явления, оказавшиеся пленниками «азиатчины» и отсталости в ходе создания квазиабсолютистской и псевдобонапартистской деспотии. В итоге сложился не просто сложный синтез, а болезненный симбиоз с участием четырех отмеченных выше компонентов при прочном господстве в этом уродливом образовании именно традиционного потенциала⁷⁴. Причем этот специфический и нежизнеспособный сплав история спрессовала в сжатые временные рамки, отведя ему немногим более трех десятилетий (1912—1949). Вместо трех последовательных фаз (абсолютизм, бонапартизм, буржуазная демократия) возникло

их смешение в одной комбинированной фазе сложного синтеза.

В условиях столь деформированного развития первичная и вторичная революции (соответственно Синьхайская, 1916 г. и Национальная) не становились гранью, с которой начинался отсчет нового формационного времени. В этой переходной стадии отставание от передовых стран Запада (на две-три фазы) сменилось скачком через две-три фазы, т. е. минованием целостных этапов развития, при напластовании их поверхностных или извращенных элементов как друг на друга, так и на основу еще не изжитой староформационной фазы. Эти досрочно вызревшие, а чаще всего просто привнесенные извне элементы «будущих» (но никогда не наступавших), фактически уже «прошлых» (но никогда не бывших в Китае) фаз смешались и перемешивались на базе незавершенной традиционности, создавая неразрывное единство отставания и наверстывания. В таком «отстающе-догоняющем» варианте развития происходило постоянное усложнение и обновление не столько самой государственности, сколько синтеза, ее выражающего. При этом революционно обновлялась лишь форма государственности, т. е. наиболее поверхностный и наименее значимый компонент системы «род—тип—вид—форма», тогда как ее базовые пласты (род, тип и вид) изменялись крайне мало и медленно, демонстрируя повышенную живучесть зрелофеодальных основ и постепенно нараставших позднефеодальных пластов всего четырехчлена⁷⁵.

В этих условиях парламентаризм из компонента буржуазной демократии, т. е. типа государственности второй фазы классической и первичной модели⁷⁶ развития, стал в Китае атрибутом различных стадий и типов синтеза. Возникнув накануне падения Цинской империи как компонент синтеза деспотии и абсолютизма, он затем дважды — в 1912—1914 и в 1916—1917 гг. — служил синтезу деспотии и буржуазной демократии. И наконец, в 1917—1924 гг. и эпизодически в 1931 г.⁷⁷ он использовался в русле слияния деспотии и бонапартизма.

В том единстве противоположностей, каким являлся синтез «класса-государства» и парламентаризма, всей реальной силой владела трансформированная «азиатчина», т. е. бэйянские милитаристы. В их руках были армия, полиция, чиновничий аппарат, суды и финансы. К этим рычагам власти Национальное собрание имело лишь предельно косвенное отношение. Дихотомия «деспотия—парламент» соответственно была противостоянием «сила—бессилие». Вынужденный временно терпеть представительные органы в собственной структуре, допуская их «болтовню» и используя их в качестве современной декорации, полутрадиционный «класс-государство» постоянно ослаблял «западные» институты, навязанные ему оппозицией и Синьхайской революцией.

Для этого использовался целый арсенал действенных средств. На первом этапе парламентаризма (1909—1911) при-

менялось создание всевластных органов, стоявших как над «предпарламентом», так и над будущим Национальным собранием, т. е. осуществлялось превентивное обессиливание представительных органов. Такая практика возродилась после падения плебисцитарной монархии Юань Шикая, когда был создан откровенный противовес Национальному собранию в виде Ассоциации провинциальных военных губернаторов⁷⁸. Этот «антипарламент» первоначально возник в Нанкине как Конференция военных губернаторов Северных и Центральных провинций (18 мая 1916 г.)⁷⁹.

Чуть раньше (8 мая 1916 г.) армейские лидеры Южных провинций создали в Гуанчжоу Военный совет Временного правительства⁸⁰. На этой основе в августе 1916 г. в противовес парламенту была создана Ассоциация провинциальных военных губернаторов, проводившая свои съезды (конференции, сессии) для решения важнейших политических вопросов. В сентябре 1916 г. в Сюйчжоу она создала «великий союз» 13 провинций во главе с Чжан Сюнем, причем провал его монархического переворота (июль 1917 г.) не повлиял на Ассоциацию и ее силу⁸¹. В последующем конференции военных губернаторов на фоне бессильного парламента и его суррогатов стали важнейшим политическим институтом Китая вплоть до победы Национальной революции 1925—1927 гг.⁸². Ассоциация держала «на поводке» парламент и в случае надобности брала за горло все бэйянские кабинеты министров, ибо в ее руках была армия и реальная власть⁸³.

Другим средством обессиливания Национального собрания и превращения его в послушное орудие деспотии являлось сужение электората. Так, по сравнению с законами 1912 г. законы 1918 г. не только сократили общую численность депутатов сената и палаты представителей почти на одну треть, но и резко повысили и без того высокий избирательный ценз. К избирательным урнам допускались уже не просто образованные богачи и шэньши, а только те из них, кто являлся чиновником или был им в прошлом⁸⁴. Тем самым электорат сужался до предельно узкого круга функционеров «класса-государства». Между тем по закону 1912 г. административные, военные, судебские и полицейские чины вообще не допускались к урнам⁸⁵.

Если на волне Синьхайской революции «демократия» не допустила «деспотию» в ее чистом виде в свое Национальное собрание, то в 1918 г. произошел коренной перелом. Теперь сама «азиатчина» формировала парламент исключительно из собственного людского материала, а «демократия» оказалась на улице. В итоге «бюрократический» (аньфуистский) парламент (1918—1920) стал простым инструментом военизированной деспотии. Он во многом походил на Законодательный совет 1914 г., избранный по принципам, установленным Юань Шикаем. Аньхуэйская генеральская клика вытравила из евро-

пеизированных буржуазно-демократических институтов Китая сущностное начало, сведя их к фикции.

Направленное сужение электората привело к стадильному перерождению парламента. Национальное собрание 1918—1920 гг., в отличие от «старого» парламента 1913—1914 гг., стало по форме уже не буржуазно-демократическим институтом и даже не сословно-представительным органом эпохи абсолютизма. В этом «болотном», или «аньфуистском», парламенте было представлено даже не просто одно господствующее сословие (шэньши), а лишь его высшая фракция, задействованная в системе самого «класса-государства», т. е. бюрократия. Парламент стал органом, созданным из «людей деспотии» и отражавшим ее интересы. В процессе синтеза с современным началом трансформированная «азиатчина» настолько овладела республиканскими институтами, что уже могла создать свой «карманный», «деспотизированный» парламент. При этом последний по формационным и стадильным критериям откатился резко назад — не просто к уровню провинциальных совещательных комитетов 1909—1912 гг., а еще ниже, т. е. к собранию чиновников при автократических правителях.

Аньхуэйская генеральская клика идею парламента как буржуазно-демократического института второй фазы капиталистической формации фактически низвела к реализации проекта Тан Чжэня (1890) и частично варианта Чэнь Цю (1893), т. е. к абсолютистской модели, хотя и половинчатой, ибо аньхуэйский режим был «псевдоабсолютизмом без монарха». На базе генеральской, военизированной республики это создавало не абсолютистский, а бонапартистский компонент синтеза.

Для обессиливания западных институтов «азиатчина» пользовалась рядом объективных факторов или искусственно их создавала. Среди же «технических» приемов были замена слишком «левого» («старый») резко консервативным («новый») парламентом, дробление его на две части (пекинская и гуанчжоуская), переезды больших групп депутатов из Пекина в Гуанчжоу и обратно, их изгнание и скитание по стране. Так, часть разогнанного в 1917 г. Национального собрания из Пекина переехала в Шанхай, затем в Гуанчжоу, влившись в новое собрание Юга. В 1920 г. часть этого «нового» парламента была вынуждена переехать в Шанхай, затем в Юньнань, отсюда была изгнана в Сычуань и вернулась в Гуанчжоу⁸⁶. Эта «одиссея» 1917—1921 гг. ярко продемонстрировала как бессилие парламента, ставшего мячиком в руках различных генеральских клик, так и необходимость для последних до определенного момента прикрывать свою диктатуру хотя и весьма дырявыми, но конституционными одеждами.

Помимо всего прочего, бэйянские милитаристы применяли по отношению к парламенту открытое насилие. Практиковались запугивание, травля и избивание строптивых депутатов, чистки (1913, 1920), роспуск (1920), разгоны (1914, 1917).

К этому добавлялась дискредитация парламента — игнорирование его могущественной Ассоциацией провинциальных военных губернаторов, кабинетом министров, президентом, очередным генералом или маршалом, вылезшим в диктаторы, принятие важнейших решений через голову Национального собрания плюс сознательная и явная компрометация путем насаждения коррупции среди депутатов.

Генералы скупали парламентариев тайно и явно, оптом и в розницу, постоянно и на время, переходя от разовой покупки голосов к длительному содержанию депутатов на средства той или иной группировки — на так называемые пособия за дружеские отношения. Парламент как буржуазно-демократический институт был перенесен в Китай извне в среду деспотизма и, естественно, наполнялся людским контингентом последнего. Вышедший из недр «азиатчины» депутатский корпус был зачастую далек от идеалов демократии, свободы, законности и прогресса, но зато крайне подготовлен к продажности, повинности и беспринципности.

Продажность депутатов была имманентно присуща китайскому парламенту как синтезу противоположностей: «буржуазно-демократическая форма — людской материал азиатского деспотизма». Так, существовала цена на явку на заседание, цена на проезд депутата в Пекин, такса за проведение удобного решения по принципу «кто больше заплатит» при явной тенденции к постоянному повышению открытых цен на депутатов.

Такого рода «товарно-денежные отношения» в Национальном собрании резко облегчали перебежки депутатов из одного лагеря в другой, раскол сената и палаты представителей, использование «проблемы кворума» для парализации деятельности парламента. Последней во многом способствовали массовые неявки на заседаниях (абсентеизм), оскорбления и брань, переходившие в потасовки между депутатами, причем зачастую такие драки кончались госпитализацией изувеченных⁸⁷. Все это вело к полной дискредитации «западных» институтов и идеи народного демократического представительства. В итоге обесиливание Национального собрания деспотией и внутреннее саморазложение парламента были одновременными и встречными процессами.

В периоды роспуска и разгона, а с 1924 г. полной ликвидации парламента деспотия осуществляла его подмену другими «представительными» учреждениями или «эрзац-парламентами» с целью сохранить видимость конституционной, т. е. законной, власти. В 1913 г. таким муляжем был Политический совет, в 1914 г. — Законодательный совет, затем Палата политических советников, а в 1916 г. — Законодательная палата⁸⁸. Позднее появились Временный сенат (1917), Государственный совет (1924) и Временный политический совет (1925). Тем самым Китайская республика от формально буржуазно-демократического парламентарного строя фактически переходила к так на-

зывается представительным учреждениям абсолютистского и бонапартистского толка. От «забегания вперед» 1912—1913 гг. она приближалась к скромному политическому соглашению власти и оппозиции, предлагавшемуся накануне Синьхайской революции. Одни из таких «заменителей» являлись выборными органами — Законодательный совет 1914 г., Законодательная палата 1916 г. и Временный сенат 1917 г. Тем самым они отчасти были откатом к уровню палаты советников по проекту «Коллективного меморандума» реформаторов конца XIX в., т. е. откатом на уровень «абсолютизма без монарха». Другие эрзацы создавались подбором и назначением нужных или доверенных лиц той или иной генеральской кликой⁸⁹. Таковыми были Политический совет 1913 г., Палата политических советников 1914 г. и Государственный совет 1924 г. По сути они были откатом еще ниже и дальше, чем то, что предлагали Кан Ювэй, Лян Цичао и Май Мэнхуа в 1895 г., т. е. к авторитарной власти, близкой к традиционной деспотии. Такой квазипарламент, как Временный политический совет 1925 г., создавался как из «выборных», так и из назначаемых властями лиц⁹⁰.

В итоге от падения династии Цин до Национальной революции 1925—1927 гг. синтез деспотии и парламентаризма прошел через сложную эволюцию. Она была обусловлена могуществом первого и слабостью второго компонента. Причем авторитет и воздействие Синьхайской революции, а также напор оппозиционных сил, боровшихся за обновление и «возрождение великого Китая», оказались столь существенными, что на первых порах (1912—1914) «азиатчина» не могла отказаться от парламентаризма и конституционности. В последующем — в течение почти целого десятилетия (1914—1924) — деспотия была вынуждена периодически брать на вооружение парламентскую форму, конституционное прикрытие, принцип законности и преемственности, исходившие от Синьхайской революции.

Тем не менее с каждым возвратом от монархии к республике, с каждым новым переворотом парламент восстанавливался в более размытых формах, в более консервативном варианте, фактически неуклонно обесцениваясь и обесцеливаясь⁹¹. Механизм институционального синтеза с 1914 по 1924 г. являлся одновременно и механизмом изживания парламентаризма. Избавляясь от него как компонента синтеза, деспотия нашла ему замену. Вытесняя его как обреченный и отживший материал, она с середины 20-х годов уже срачивалась с новым, более жизнеспособным и эффективным в условиях «азиатчины» началом — суньятсенистской «предпартией» Гоминьдан⁹².

¹ Подробнее см.: Социальная структура Китая. XIX — первая половина XX в. М., 1990, ч. 1, гл. 2—6; *Непомнин О. Е.* Социально-экономическая история Китая. 1894—1914. М., 1980, разд. 1, гл. 1.

² Чешков М. А. Очерки истории феодального Вьетнама. М., 1967.

³ См.: Социальная структура Китая, ч. 1, гл. 2.

⁴ См.: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984, гл. 6, 7.

⁵ Рейснер Л. И., Симония Н. А. Тезисы к общенститутской дискуссии по проблемам формационного развития стран Востока (апрель—май 1983 г.), М., 1983.

⁶ The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations. Ed. J. K. Fairbank. Cambridge, 1968, с. 257—269, 278—281; Fairbank J. K., Teng Ssu-yu. On the Ch'ing tributary system.—Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 5, 1941, № 2.

⁷ The Modernization of China. Ed. G. Rosman. N. Y.—L., 1981, с. 32—40.

⁸ Ихэтуань (Движение ихэтуаней). Т. 3. Шанхай, 1955, с. 338—344; Калюжная Н. М. Восстание ихэтуаней. (1898—1901). М., 1978, с. 283—289.

⁹ Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1985, с. 63—64.

¹⁰ Эволюция восточных обществ, с. 117.

¹¹ Крымов А. Г. Китайская республика в период владычества Юань Шикая и милитаристов бэйянской клики (1913—1919 гг.).—Новая история Китая. М., 1972, с. 553—556; Меликсетов А. В. Социальная сущность китайского милитаризма.—Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. Вып. 2. М., 1971, с. 253—255.

¹² Синьхай гэмин (Синьхайская революция). Т. 4. Шанхай, 1957, с. 12—14, 23—33.

¹³ Тихвинский С. Л. Политика «самоусиления» правящих кругов Цинской империи в 1860—1895 гг.—Новая история Китая, с. 261—262.

¹⁴ Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX в. М., 1980, с. 98—99.

¹⁵ Чжунго гоцзя юй фады лиши данькао цзыляо (Материалы по изучению истории государства и права Китая). Т. 2. Пекин, 1956, с. 109—110.

¹⁶ Таковым был проект Чжэн Гуаньина [см. Усуй бяньфа (Реформы 1898 г.). Т. 1. Шанхай, 1953, с. 55—58].

¹⁷ Чудодеев Ю. В. Накануне революции 1911 г. в Китае. Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции. М., 1966, с. 125—137, 158—180.

¹⁸ Так, Чжан Цзянем в 1901 г. был выдвинут проект создания в Пекине Совещательной палаты с законодательными функциями. Последний момент привносил в предполагаемую государственность элементы бонапартизма (см.: Чудодеев Ю. В. Накануне революции 1911 года в Китае, с. 90—91).

¹⁹ Дунхуа сюйлу. Гуанской чао (Продолжение хроник павильона Дунхуа. Эра правления Гуансюй). Т. 64, Шанхай, 1908, цюань 219, с. 3а—6б.

²⁰ Лян Цицао, например, от лозунга создания палаты советников при императоре с 1907 г. перешел к требованию создания деспотического парламента, ответственного перед ним правительства и местного самоуправления.

²¹ В том числе требование создать ответственное перед парламентом правительство и местное самоуправление (см.: Синьхай гэмин. Т. 4, с. 105—112).

²² Дунфан цзачжи (Журнал «Восток»). 1909, № 13, с. 478—496.

²³ Синьхай гэмин. Т. 4, с. 111—112.

²⁴ О взглядах революционеров на будущий государственный строй см.: Крымов А. Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае. 1900—1917 гг. М., 1972, с. 157—172.

²⁵ Как Ювэй в тот период призывал не спешить с созывом парламента, а до его созыва создать в Пекине Комитет правительственных советников (см.: Чудодеев Ю. В. Накануне революции 1911 года в Китае, с. 129).

²⁶ Никифоров В. Н. Китай в начале эпохи империализма.—Новейшая история Китая (1917—1970). М., 1972, с. 35—38.

²⁷ Чжунго гоцзя юй фады лиши данькао цзыляо. Т. 2, с. 137—141.

²⁸ Ch'i Hsi-sheng. Warlord Politics in China. 1916—1928. Stanford, 1976, с. 78, 137.

²⁹ Синь циннянь (Новая молодежь). Т. 1, [б. г.], № 3 [Гонэй дашици (Хроника крупных событий внутренней жизни), с. 1]; там же, № 5 [Гонэй

шицзи (Хроника событий внутренней жизни), с. 1—2]; *Тао Цзюйинь*. Бэйян цзюньфа тунчжи шици шихуа (История господства бэйянских милитаристов). Т. 2. Пекин, 1957, с. 107—125.

³⁰ Цзиньдайши цзыляо (Материалы по новой истории). 1957, № 5, с. 67—68, 79—83; *Лай Синься*. Бэйян цзюньфа шилюэ (Очерки истории бэйянских милитаристов). Ухань, 1957, с. 79—80.

³¹ *Gawlikowski K.* The Chinese War-lord System in the 1920s, Its Origin and Transformations. *Acta Polonica Historica*. 1974, № 29, с. 81—110.

³² *Fass J.* The Role of New-style Army in the 1911 Revolution in China.—*Archiv Orientalni*. Vol. 30/2, 1962, с. 183—191.

³³ *Жуков В. В.* Китайский милитаризм. 10—20-е годы XX в. М., 1988, с. 106—120.

³⁴ *Кузнецов В. С.* Гоминьдановский режим в Китае (1928—1931 гг.). Ч. 1. М., 1984, с. 33—56, 92—95 (Информационный бюллетень ИДВ АН СССР, № 37).

³⁵ *Ch'i Hsi-sheng.* Warlord Politics in China, с. 137—138.

³⁶ *Кузнецов В. С.* Гоминьдановский режим в Китае, с. 24, 60—98.

³⁷ *Pye L. W.* Warlord Politics. Conflict and Coalition in Modernization of Republican China. N. Y., 1971, с. 77—81, 92—95.

³⁸ Даже две гоминьдановские генеральские клики — Нанкинская (Чжэ-цзянская) и Новая Гуансийская — неоднократно воевали между собой (см.: *Lary D.* Region and Nation. The Kwangsi Clique in Chinese Politics, 1925—1937. Cambridge, 1974, с. 129—147, 194—210).

³⁹ *Eastmen L. E.* The Abortive Revolution: China under Nationalist Rule, 1927—1937. Cambridge, 1974, с. 240—243.

⁴⁰ *Жуков В. В.* Китайский милитаризм, с. 62—64.

⁴¹ См.: *Каретина Г. С.* Чжан Цзолин и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. М., 1984; *Меликсетов А. В.* Бюрократический капитал в Китае (Экономическая политика гоминьдана и развитие государственного капитализма в 1927—1937 гг.). М., 1972, с. 158—168; *McCormack G.* Chang Tso-lin in Northeast China, 1911—1928. Stanford, 1977; *Gillin D. G.* Warlord Yen Hsi-shan in Shansi Province, 1911—1949. Princeton, 1967.

⁴² *Odoric Y. K. W.* The District Magistrate Profession in the Early Republican Period.—*Modern Asian Studies*, 1974, vol. 8, с. 219—225, 239, 240; *Pye L. W.* Warlord Politics, с. 138.

⁴³ *Pye L. W.* Warlord Politics, с. 116. Обострение социальной напряженности вынуждало «частные» классовые общности искать защиты у «военизированной» деспотии, свертывая при этом многие из своих требований. Так, оппозиция Юань Шикаю не в последнюю очередь ослабла из-за восстания под предводительством Бай Лана 1912—1914 гг. в Центральном и Северо-Западном Китае (см.: *Тао Цзюйинь*. Бэйян цзюньфа тунчжи шици шихуа. Т. 2, с. 38—46; *Белов Е. А.* Крестьянское восстание под руководством Бай Лана.—*Вопросы истории*. 1960, № 2, с. 167—180). Этот фактор побуждал вчерашних республиканцев поддерживать идею конституционной монархии (см.: *Лай Синься*. Бэйян цзюньфа шилюэ, с. 64).

⁴⁴ *Тао Цзюйинь*. Бэйян цзюньфа тунчжи шици шихуа. Т. 3. Пекин, 1957, с. 186—198.

⁴⁵ *Ch'en J.* Defining Chinese Warlords and Their Factions.—*Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 31. L., 1968, с. 569—577; *Pye L. W.* Warlord Politics, с. 55—58.

⁴⁶ См.: Эволюция восточных обществ, с. 250.

⁴⁷ Социальная структура Китая, ч. 2, гл. 2.

⁴⁸ *Sheridan J. E.* Chinese Warlord. The Carrier of Feng Yü-hsiang. Stanford, 1966, с. 4—14; *Gillin D. G.* Warlord Yen Hsi-shan in Shansi Province, с. 181—188.

⁴⁹ К середине 30-х годов Гоминьдан превратился в «партию чиновников» (см.: *Занегица Н. Б.* К характеристике теории и практики государственного строительства в гоминьдановском Китае.—*Китай: общество и государство*. М., 1973, с. 277).

⁵⁰ *Eastmen L. E.* The Abortive Revolution: China under Nationalist Rule, с. XII—XIII.

⁵¹ Кузнецов В. С. Гоминьдановский режим в Китае, с. 43—46, 92—95, 120—166.

⁵² Сунь Ятсен. Избранные произведения, с. 332.

⁵³ Синь циннянь. (Новая молодежь). Т. 3, [б. г.], № 5 [Гонэй дашици (Хроника крупных событий внутренней жизни), с. 1—7].

⁵⁴ Генерал Цзинь Юньпэн из Сяочжаньской группировки.

⁵⁵ Цит. по: Губер А. А., Ким Г. Ф., Хейфец А. Н. Новая история стран Азии и Африки. М., 1975, с. 492.

⁵⁶ Если при династии Цин наместники и губернаторы провинций боялись захватывать крестьянскую землю по месту своей службы, то в период республики генералы начали открытый и массовый грабеж такой собственности в зонах своего правления (см.: Лай Синься. Бэйян цзюньфа шилуэ, с. 90). Тем самым азиатская деспотия от рутинного произвола над своими подданными перешла к чрезвычайному насилию над ними (см.: Крымов А. Г. Китайская республика, с. 556).

⁵⁷ Ван Боянь. Чжунго цзиньдай ши цзянхуа (Лекции по новой истории Китая). Цзиньань, 1957, с. 227; Тао Цзюйинь. Бэйян цзюньфа тунчжи шици шихуа. Т. 2, с. 5—6.

⁵⁸ Powell R. L. The Rise of Chinese Military Power. 1895—1912. Princeton, 1955, с. 79—80. Непомнин О. Е. Деспотия и армия в переходном обществе Китая: проблема синтеза.—Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М., 1983, с. 43—49.

⁵⁹ Cable P. M. The Shanghai Capitalists and the Nationalist Government, 1927—1937. Cambridge, 1980, с. 262—269.

⁶⁰ Ch'en J. Defining Chinese Warlords and Their Factions, с. 599, 600.

⁶¹ Хотя с 1924 г. Гоминьдан провозгласил курс «Государством правит партия!», реальная власть в зонах гоминьдановского господства принадлежала верхушке армии во главе с генералиссимусом Чан Кайши (см.: Жуков В. В. Китайский милитаризм, с. 120, 145—148).

⁶² См.: Ван Хуанхуэй. Чжунго сяньфа ши (История китайской конституции). Шанхай, 1931; Гу Дуньжоу. Чжунго ндуэй ши (История представительных учреждений Китая). Сучжоу, 1931; Пань Шуфань. Чжунхуа миньго сяньфа ши (История конституции Китайской республики). Шанхай, 1935; Пин Синь. Чжунго миньчжу сяньчжэнь юньдун ши (История движения за конституционно-демократическую форму правления в Китае). Шанхай, 1940.

⁶³ См.: Чэнь Жусюань. Чжунго сяньфа ши (История китайской конституции). Шанхай, 1933; Се Бинь. Миньго чжэдан ши (История политических партий периода республики). Шанхай, 1928; У Цзинсюн, Хуан Гунцзюэ. Чжунго чжисянь ши (История введения конституции в Китае). Т. 1. Шанхай, 1931.

⁶⁴ Ван Боянь. Чжунго цзиньдай ши цзянхуа, с. 229.

⁶⁵ Егоров К. А. Государственно-правовое развитие Китая (1917—1927).—Китай в 20-е годы: экономика и политика. М., 1983, с. 99—101 (Информационный бюллетень ИДВ АН СССР, № 36).

⁶⁶ Зубков Н. Б. Первая постоянная конституция Китайской республики.—Китай: общество и государство. М., 1973, с. 243, 244.

⁶⁷ Жуков В. В. Китайский милитаризм, с. 79—83, 86—87.

⁶⁸ Достаточно подчеркнуть тот факт, что Китай первым в Азии установил относительно устойчивый республиканский строй.

⁶⁹ Pye L. W. Warlord Politics, с. 113—116, 119—131.

⁷⁰ Например, правящий Гоминьдан все более отдалялся от интересов буржуазии (см.: Cable P. M. The Shanghai Capitalists and the Nationalist Government, с. 8—12, 262—265, 269).

⁷¹ Cable P. M. The Shanghai Capitalists and the Nationalist Government, с. 3, 264—269.

⁷² В итоге обострялись противоречия между режимом Чан Кайши и помещиками (см.: Eastmen L. E. The Abortive Revolution: China under Nationalist Rule, с. 240—243).

⁷³ Занегина Н. Б. Милитаризм и Гоминьдан в 30-х годах (К проблеме формирования военной бюрократии в Китае).—Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. 2. М., 1975, с. 337—341.

- ⁷⁴ *Ch'en J.* Defining Chinese Warlords and Their Factions, с. 569—572; *Pye L. W.* Warlord Politics, с. 49—51.
- ⁷⁵ *Ch'i Hsi-sheng.* Warlord Politics in China, с. 62—67, 69—71.
- ⁷⁶ Эволюция восточных обществ, с. 195—234.
- ⁷⁷ *Кузнецов В. С.* Гоминьдановский режим в Китае, с. 91—95.
- ⁷⁸ *Vinacke H. M.* Modern Constitutional Development in China. Princeton, 1920, с. 235.
- ⁷⁹ *Тао Цзюйинь.* Бэйян цзюньфа тунчжи шици шихуа. Т. 2, с. 218, 219.
- ⁸⁰ Там же, с. 197, 198.
- ⁸¹ Там же. Т. 3, с. 56, 57.
- ⁸² Ослаблению власти «центра» содействовал традиционный сепаратизм местной бюрократии и шэньши. Он был активно использован периферийными милитаристами в ходе движения за автономизацию провинций (см.: *Chesneau J.* The Federalist Movement in China, 1920—1923.—Modern China's Search for Political Form. L., 1969).
- ⁸³ *Ch'i Hsi-sheng.* Warlord Politics in China, с. 27.
- ⁸⁴ Чэнь Жусюань. Чжунго сяньфа ши, с. 103.
- ⁸⁵ *Егоров К. А.* Государственно-правовое развитие Китая, с. 94, 95, 99, 100.
- ⁸⁶ Там же, с. 113.
- ⁸⁷ *Энгельфельд В. В.* Очерки государственного права Китая. Харбин, 1926, с. 78; *Сперанский Б. Д.* Китайская Республика. Очерк государственного устройства и управления. Иркутск, 1925, с. 41; *Егоров К. А.* Государственно-правовое развитие Китая, с. 101—104.
- ⁸⁸ Чэнь Жусюань. Чжунго сяньфа ши, с. 221—232.
- ⁸⁹ *Лай Синься.* Бэйян цзюньфа шилюэ, с. 44, 47.
- ⁹⁰ *Крымов А. Г.* Китайская республика в период владычества Юань Шикая и милитаристов бэйянской клики, с. 530, 531, 552; *Егоров К. А.* Государственно-правовое развитие Китая, с. 96—99, 107, 108.
- ⁹¹ *Сунь Ятсен.* Избранные произведения, с. 287—296.
- ⁹² *Ch'en J.* Defining Chinese Warlords and Their Factions, с. 585.

А. Л. Федорин

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ И СИСТЕМА ВЛАСТИ
В СЕВЕРНОМ ВЬЕТНАМЕ в XV—XVIII вв.

История Вьетнама XV—XVIII вв. в отличие от более ранних периодов относительно подробно отражена в ряде письменных источников, многие из которых были созданы либо очевидцами событий, либо «по горячим следам». Помимо подробных официальных династийных летописей, посвященных описанию этого времени, существует ряд «частных» летописей — семейных хроник, жизнеописаний, сборников государственных законодательных актов и общинных кодексов, отражающих обычное право, трактатов по географии, а также обобщающих энциклопедических работ, множество литературных произведений, содержащих важные исторические сведения. Письменные источники дополняются эпиграфическими памятниками, по количеству и разнообразию которых Вьетнам превосходит любую страну Юго-Восточной Азии.

Несмотря на подробность и относительную надежность, абсолютное большинство этих документов имеет один недостаток — односторонность в освещении событий. Они были написаны наиболее образованной и склонной к литературному творчеству частью вьетнамского общества того периода — гражданскими чиновниками или выходцами из близких к ним неоконфуцианских кругов, которые придерживались единых идеологических принципов и смотрели на историю с одних и тех же позиций. В результате в их произведениях отражены те стороны жизни общества, которые представлялись им наиболее важными и интересными, в то время как другие факты и события, в том числе оказавшие на ход истории решающее влияние, изложены весьма скупо или вовсе опущены.

В первую очередь это касается информации о положении находящихся в относительной оппозиции к гражданским чиновникам военных кругов, деятельность которых показана в имеющихся источниках непропорционально мало по сравнению с их реальным весом в обществе и ролью в исторических событиях. Указанное обстоятельство отразилось и на историографии (как зарубежной, так и советской). Во многих работах, посвященных этому периоду, преувеличивается роль гражданской администрации страны, значение принимаемых ею действий и мер

и, следовательно, не всегда точно прослеживаются причинно-следственные связи ряда исторических процессов и событий, в том числе имеющих ключевое значение. Изучение некоторых новых, не привлекавшихся ранее источников, в частности, семейной хроники одного из могущественных военных родов XVI в.¹ и жизнеописания знаменитого военачальника XVII в. Динь Ван Та², а также данные, полученные в ходе статистического анализа вьетнамской эпиграфики XV—XVIII вв.³, побудили автора несколько по-иному взглянуть на некоторые факты истории Вьетнама.

В начале XV в. Дайвьет⁴, который уже в течение длительного времени представлял собой суверенное государство, развивающееся по собственному пути, вновь был завоеван Китаем (династией Мин). В результате страна на два десятилетия (1407—1427) вновь превратилась в китайскую провинцию. Несмотря на непродолжительность в историческом плане господства Минов в Дайвьете, оно нанесло серьезный ущерб существовавшему административному и военному аппарату. Большинство представителей военной элиты подверглось физическому уничтожению. Те же, кто согласился сотрудничать с Минами, в том числе и многие гражданские чиновники, были отправлены во внутренние территории Китая «для продолжения службы», и далеко не все из них впоследствии смогли вернуться на родину. Заменявшие их китайцы проводили бескомпромиссную политику, направленную на подавление национальной самобытности, на ассимиляцию местного населения, что не могло не вызвать ненависти и активного сопротивления. Его центром стали достаточно отдаленные от столицы, но относительно богатые земли провинции Тханьхоа. Борьбу с Минами возглавили представители местной знати, которые на неформальной (не признаваемой государством), но реальной основе осуществляли контроль не только над своими общинами, но и над целыми районами, находящимися в экономической и иной зависимости от них. Они набирали собственные дружины, численность которых зависела от их авторитета и материальных возможностей.

Признанным лидером восставших стал наиболее последовательный и непримиримый представитель тханьхоасской знати — будущий основатель династии Поздних Ле (1428—1788) Ле Лой (Ле Тхай-то, 1428—1433)⁵. По мере того как восстание ширилось и набирало силу, а власть оккупантов слабела, к сторонникам Ле Лоя присоединялись некоторые уцелевшие чиновники (прежде всего гражданские) предыдущих вьетнамских династий (Чан и Хо). Однако вплоть до изгнания Минов в 1427 г. и позднее повстанческая армия представляла собой достаточно аморфный союз отдельных отрядов, не имевший четкой внутренней структуры, дисциплинированность и боеспособность которого поддерживались лишь благодаря общей объединяющей идеи и высокому авторитету лидера. После по-

беды Ле Лой щедро награждал своих сторонников землей, привилегиями, должностями, титулами. Несколько десятков из них были официально причислены к членам императорской семьи, что раскрывало перед ними широкие перспективы не только в получении новых пожалований, но и в официальной передаче их по наследству.

Ле Лой понимал слабость своих позиций, базирующихся на переменной верности относительно самостоятельных военно-феодалных родов, для сохранения лояльности которых требовались регулярные раздачи крупных вознаграждений. Единственным возможным способом существования династии в этих условиях, особенно после смерти в 1433 г. Ле Лоя и перехода власти к менее авторитетным императорам, стало лавирование между отдельными высокопоставленными военными, сталкивание их интересов, подавление одних за счет опоры на других, что во многом и составляло внутривластную историю второй четверти XV в. Выход из сложившейся ситуации властители Дайвьета видели в изменении структуры власти, замене «Союза равных» на строгую вертикальную иерархию. С этой целью они переняли уже готовую схему неоконфуцианской системы недавнего противника — Китая, позволявшую создать устойчивую централизованную военно-бюрократическую феодальную деспотию и удовлетворить интересы господствующего класса страны.

Шаги в этом направлении были предприняты еще до окончательного изгнания Минов. Неоднократно объявлялись наборы бывших гражданских чиновников и просто людей, умевших читать, писать и считать с тем, чтобы немедленно приступить к формированию аппарата⁶. В дальнейшем эти наборы были дополнены конкурсной системой, причем сначала в наиболее простых, примитивных формах⁷, затем были восстановлены учреждения по подготовке кадров гражданских чиновников в столице («Школа сынов отечества»)⁸ и на местах.

Однако неоконфуцианство возобладало далеко не сразу. Судя по хроникам, непосредственно после прихода к власти Поздних Ле по инерции, оставшейся от династии Чан, государство продолжало придерживаться буддийских традиций. Проводились испытания буддийских священнослужителей с целью отбора достойных, способных руководить приходами⁹, монахам даровали деньги и подарки¹⁰, на государственные средства строились буддийские пагоды¹¹, в которых проводились официальные ритуалы от имени монарха или династии, например молитвы о ниспослании дождя во время засух¹². Однако уже к середине XV в. сообщения о подобных фактах исчезают из хроник. Буддизм отделяется от государства и низводится до уровня народного верования, «суеверия», приверженность к которому среди представителей господствующего класса была простительна разве что женщинам. Более того, государство уже препятствовало распространению буддизма. Так, в 1461 г.

был наложен строгий запрет на строительство новых пагод¹³.

Между тем позиции неоконфуцианства с каждым днем крепились¹⁴. Уже в 1435 г. в стране возрождаются ежегодные ритуалы поклонения Конфуцию и, несмотря на экономические трудности, за государственный счет печатаются тексты всех конфуцианских канонических книг¹⁵. В 1442 г. неоконфуцианские конкурсы на соискание высших чиновничьих должностей становятся упорядоченными и многоступенчатыми и проводятся по правилам, заимствованным из Китая¹⁶. С 1463 г. устанавливаются единые сроки их проведения — один раз в три года¹⁷. Введение новой системы конкурсов явилось мощным толчком для развития в стране неоконфуцианского образования, литературы и книгопечатания. В ряде провинций Дайвьета, прежде всего в Киньбаке и Хайзыонге, появились династии потомственных чиновников — лауреатов конкурсов, ежегодно поставлявших государству хорошо подготовленные в знании канонов кадры¹⁸. Создавались специальные частные школы, где бывшие или несостоявшиеся чиновники готовили кандидатов к экзаменационным испытаниям. Многие такие школы имели несколько сот учеников и пользовались известностью по всей стране.

Популярности образования способствовало и то, что государство проявляло заботу о людях, готовившихся стать чиновниками, освобождая соискателей от трудовой повинности и некоторых налогов. Каждая община была заинтересована в подготовке большего количества лауреатов конкурсов из числа своих общинников. Поскольку они впоследствии могли принести ей конкретные экономические выгоды, нередко она полностью освобождала образованную молодежь от любых физических работ и налогов (кандидату запрещалось даже участвовать в обработке надела своей семьи). Такая политика династии способствовала тому, что к концу XV в. Вьетнам был обеспечен квалифицированным штатом государственных чиновников. По количеству лауреатов конкурсов этот век истории Вьетнама не знает себе равных. Только победителей испытаний высшего уровня в период с 1442 по 1502 г. насчитывалось 706 (в среднем 39 человек на каждом конкурсе, или 12 человек в год)¹⁹.

Параллельно с процессом организации системы подготовки и выдвижения кадров гражданских чиновников совершенствовалась структура государственного аппарата. В начале правления династии Поздних Ле была восстановлена система, существовавшая при династии Чан, которая отличалась, с одной стороны, относительной немногочисленностью чиновников, особенно на среднем и провинциальном уровне, а с другой — параллелизмом и нечеткостью распределения их обязанностей и полномочий. По сути, эта система противоречила неоконфуцианским взглядам, требовавшим во всем абсолютной четкости, строгости и упорядоченности, поэтому, по мере формирования нового корпуса гражданских чиновников, она была отвергнута. В качестве основы для новой организации аппарата

были взяты существовавшие в Китае в период расцвета неоконфуцианской идеологии — во времена правления династии Сун (960—1279), — нормы: строгое распределение власти, педантично расписанные функции каждого чиновника, четкая иерархия как в столице, так и в провинциях, как среди гражданских, так и среди военных, значительное увеличение численности чиновников на всех уровнях.

Попытка внедрения новой системы была предпринята в период восьмимесячного правления императора Ле Нги Зана (1459). Были сформированы шесть министерств и проведена административно-территориальная реформа²⁰. Сторонники следующего императора, Ле Ты Тханя (Ле Тхань-тонг, 1460—1497), продолжили эту линию, и уже к середине его правления новая структура власти в основном сформировалась²¹. Формально это должно было привести к интеграции прежних военно-феодальных родов и их отдельных представителей в рамках единой для всех иерархии, однако на деле этого не произошло. Согласившись занять новые для себя должности, военные сохранили во взаимоотношениях друг с другом и с государством прежние приоритеты и шкалу ценностей, для них важна была реальная сила рода, контролируемая им территория, экономическое благосостояние, от чего зависела численность набираемых постоянных дружин, частично принявших в новой системе форму столичных гвардейских частей.

В XV в. администрации Поздних Ле не удалось реализовать одну из главных идей неоконфуцианства — главенство гражданских чиновников по отношению к военным. Даже формально военные имели преимущества при прохождении государственной службы, так как они уже на ранних этапах занимали должности выше, чем лауреаты дворцовых (высших) конкурсов²². Кроме того, как показывают исследования биографий отдельных военачальников и их потомков²³, несмотря на отсутствие соответствующей официальной регламентации, должности, титулы, а главное, статус военных легко передавались по наследству, что не удивительно, поскольку за этим стояла реальная сила соответствующих родов. У гражданских чиновников дела обстояли значительно сложнее: дети высокопоставленных родителей, имевшие все возможности для получения соответствующего неоконфуцианского образования и пользовавшиеся явной, хотя и негласной поддержкой на конкурсных испытаниях, начинали карьеру с относительно невысоких должностей, и случаи, когда они достигали того же положения при дворе, что и их родители, были достаточно редки.

Таким образом, создатели централизованного неоконфуцианского государства в Дайвьете в XV в. смогли добиться своих целей только частично. Несмотря на внешнюю незыблемость центральной власти, реальная основа этого могущества была узка и опиралась непосредственно на несколько наиболее мощных военных родов, сохраняя лояльные отношения с большин-

ством других, а также на личный авторитет императора. Центральная власть, по-видимому, сознавала свою слабость и предпринимала меры по изменению ситуации. В частности, уже в третьей четверти XV в. большинству потомков заслуженных военачальников времен борьбы против Минов было предписано отказаться от императорской фамилии Ле²⁴. Периодически проводились репрессии против наиболее могущественных и богатых феодалов, влияние которых ставило или могло поставить под угрозу реальную власть династии, особенно при смене императора. Однако принципиальных изменений в сложившееся положение это не внесло. Более того, низвергнув или даже уничтожив отдельных представителей военных, династия впоследствии была вынуждена возвращать большинство отобранных прав и полномочий потомкам репрессированных с тем, чтобы не подорвать основу своего существования — поддержку большинства военно-феодалов родов.

Правление Ле Ты Тханя считается «золотым веком» во вьетнамской средневековой истории. В этот период стране удалось не только подавить все очаги сепаратизма, но и значительно расширить свои территории в результате многочисленных победоносных войн против Чампы на южной границе и горских племен на северной и западной границах. К этому времени, как указывалось выше, был сформирован многочисленный аппарат гражданских чиновников, велось невиданное ранее храмовое и дворцовое строительство, была введена новая стройная система налогообложения²⁵. С одной стороны, это способствовало укреплению позиций центральной власти, а с другой — легло тяжким бременем на основу вьетнамского общества — сельскохозяйственную общину, повлекло за собой обострение социально-экономических противоречий в стране. В этих условиях некоторые военно-феодаловые роды, считавшие себя обойденными при распределении государственных должностей, титулов и других благ, смогли найти опору не только в своих вотчинных землях, но и среди достаточно широких масс населения. Борьба военных за власть в XV в. приобрела уже иной характер. Если раньше они прибегали к заговорам или дворцовым переворотам, то в конце первой четверти XVI в. — к гражданским войнам. Это было обусловлено и тем, что в ходе победоносных войн против Чампы и горцев количество военно-феодаловых родов увеличилось и они стали базироваться не только в отдаленных провинциях Тханьхоа и Нгеан (позднее — Тханьнге), но и в провинциях дельты Красной реки, причем последние находились в дискриминируемом положении и могли представлять наибольшую опасность для центральной власти.

Периоды правления Ле Ты Тханя, его сына Ле Танга (Ле Хиен-тонг, 1497—1504) и его внука Ле Тхуана (Ле Тук-тонг, 1504) прошли без значительных внутренних потрясений. Однако уже в период пребывания у власти следующего императора Ле Туана (Уи-мук-де, 1505—1509), при дворе взяла

верх группировка, представлявшая интересы военных родов дельты Красной реки. Начались расправы над многочисленными родственниками императорской семьи, недовольными новыми порядками. Целые кланы, являвшиеся главной опорой династии Ле Ты Тханя, были изгнаны из столицы в свои родовые имения в Тханьнге. Последовавший за этим в 1509 г. поход «обиженных» из Тханьнге на столицу и свержение Ле Туана ознаменовали начало серии гражданских войн, в ходе которых отдельные военные роды и группировки вели ожесточенную борьбу за власть. Она проходила с переменным успехом. Именно в рамках этих войн следует рассматривать и движение Чан Као из провинции Хайзыонг под лозунгом восстановления династии Чан, которое некоторые историки склонны считать чисто крестьянским восстанием, обусловленным сложной экономической обстановкой в стране.

В результате этих многочисленных войн Дайвьет в XVI в. оказался раздробленным на отдельные княжества, которые вели между собой ожесточенную борьбу. Столицу и дельту Красной реки стал контролировать род Мак из уезда Нгизыон (провинция Хайзыонг), объявивший себя новой династией. Южнее, в провинциях Тханьхоа и Нгеан, закрепился род Чинь из уезда Виньфук (провинция Тханьхоа), выступавший от имени «законной династии Поздних Ле» и сохранявший на престоле потомков этой династии, которые, впрочем, в дальнейшем, вплоть до XVIII в., не играли какой-либо значительной роли в политической жизни страны. Еще южнее, в провинции Тхуанхоа, а затем и Куангнам, господствовал род Нгуен из уезда Тонгшон (Тханьхоа). Большой вес в то время также имели фактически самостоятельные род Ву, закрепившийся в провинции Туенкуанг, и род Данг, обосновавшийся в Хынгхоа.

Созданный при Ле Ты Тхане громоздкий гражданский аппарат в период тяжелых социальных потрясений и внутренних войн начала XVI в. продемонстрировал неспособность активно влиять на политические события в стране. Отдельные чиновники, пытавшиеся отстаивать свои позиции, в ходе переворотов и войн, как правило, подвергались репрессиям, другие покорно подчинялись тем силам, которые брали под свой контроль столицу, ту или иную провинцию. Нашумевший отказ группы савонников в 1527 г. признать власть династии Мак был исключительным явлением и лишь подтверждал общее правило, тем более что неподчинившиеся составили мизерный процент от общего числа чиновников того времени, которые спокойно отнеслись к приходу новых правителей.

Маки, основным лозунгом которых было воссоздание порядков «золотого века» периода правления Ле Ты Тханя, полностью вернулись к нормам второй половины XV в., продолжили регулярное проведение конфуцианских конкурсных испытаний, пополнили поредевшие во время войн ряды гражданских чиновников. Так же были восстановлены армейские структуры,

правда на этот раз гвардейские части набирались не в Тханьнге, а по всей дельте (фактически в основном на родные Маков в провинции Хайзыонг).

Во владениях других группировок военные и административные структуры были более простыми. Несмотря на попытки придать аппаратам хотя бы внешнее сходство с системой управления, существовавшей при Ле Ты Тхане (особенно это касалось владений Чиней), реально эти княжества представляли собой вновь союзы военных дружин, объединенных общностью целей. Дальнейшее развитие событий свидетельствовало о том, что такие структуры в военном отношении оказались более действенными. К концу XVI в. Чини в союзе с другими княжествами нанесли «классическому неоконфуцианскому государству Маков» жестокое поражение, и только активное вмешательство цинского Китая позволило последним еще на несколько десятков лет закрепиться в отдаленной горной провинции Каобанг. Выполнив основную задачу и взяв под контроль наиболее населенную и экономически мощную часть страны, Чини не остановились на этом. Они намеревались объединить все государство. Главным препятствием на пути к достижению этой цели было существовавшее на крайнем юге княжество Нгуенов, и первые две трети XVII в. прошли в ожесточенной борьбе между этими вьетскими государственными образованиями. Несмотря на значительный перевес, чиньские войска так и не сумели добиться военной победы над южанами, чья хорошо организованная армия смогла не только наладить прочную оборону, но и нанести ряд чувствительных ударов превосходящим силам противника. После неудачи наиболее подготовленного и мощного наступления 1672 г. Чини надолго отказались от попыток присоединить к себе владения Нгуенов, сконцентрировавшись на решении проблем северной части страны. К концу XVII в. им удалось окончательно разгромить Маков в Каобанге и покончить с относительным суверенитетом рода Ву в Туенкуанге (самостоятельность рода Данг в Хынгхоа была упразднена еще ранее). Тем самым была ликвидирована существовавшая в этом регионе раздробленность.

Весьма своеобразной была ситуация с гражданским аппаратом во владениях Чиней в XVI—XVIII вв. В период контроля Чиней лишь над Тханьнге этот аппарат был немногочислен и в основном обслуживал императорский двор, выполняя сакральные и некоторые другие функции, весьма далекие от реальных политических дел. По структуре он ничем не отличался от аппарата, существовавшего при Ле Ты Тхане, однако на деле был совершенно иным. Новое назначение чиновника лишь изменяло его место в иерархии аппарата. Многие важные посты в нем, в частности посты министров и руководителей важнейших ведомств, десятилетиями оставались вакантными, и, наоборот, отмечены случаи, когда одна должность предоставлялась сразу двум лицам. Испытывая острый дефицит конфуциански

образованных людей и стремясь привлечь на свою сторону гражданских чиновников с севера, Чини признавали лауреатские звания, полученные при дворе Маков, и, как правило, сохраняли за перебежчиками их прежние посты, даже если в их аппарате они уже были заняты, что лишний раз свидетельствует о чисто иерархическом характере многих назначений²⁶.

В конце XVI в., после завоевания столицы и дельты Красной реки, Чини столкнулись с проблемами создания гражданской системы власти на качественно новом уровне в условиях, когда на их сторону перешел практически весь громоздкий и малоэффективный чиновничий аппарат, оставшийся от Маков. Провозглашенный Чинями лозунг восстановления порядков времен Ле Ты Тханя совпадал с позицией по этому вопросу изгнанных Маков, что требовало от новых властителей сохранения существующих структур. Однако они понимали их неприспособленность к оперативному решению сложных внутри- и внешнеполитических вопросов, а также недостаточную надежность, поскольку абсолютное большинство вьетнамских чиновников были уроженцами Северного Вьетнама, прежде всего провинций Киньбак и Хайзыонг, к которым военные феодалы из Тханьнге относились с недоверием. Выход был найден в традиционном для дома Чинь стиле. Прежний гражданский аппарат был сохранен в неизменном виде, регулярно пополняясь за счет победителей конфуцианских конкурсов, однако новые правители лишили его возможностей принимать решения по важным вопросам, оставив за ним лишь исполнительские функции.

Общие направления политики стал определять созданный в 1600—1619 гг. (точная дата неизвестна) новый орган — пять фу (по количеству рангов входивших в него вельмож), фу-лиеу или фу-тюа (далее — «правительство») ²⁷. Возглавлял его лично тюа — правитель из дома Чинь. Первые три ступени в этом органе (*тыюнг-фу-ши*, *куен-фу-шы* и *тхы-фу-шы*) всегда занимали высокопоставленные военачальники (нередко из семьи тюа), которые не принимали непосредственного участия в выработке политических решений, но следили, чтобы проводимая политика отвечала интересам военных кланов. Две последние ступени (*тхамтунг* и *бой-тунг*) отводились гражданским чиновникам, отбираемым тюа и военными с особой тщательностью, так как именно они были призваны предлагать конкретные политические мероприятия. Во все периоды своей деятельности правительство было немногочисленным по составу (по 1—3 человека на первых четырех ступенях и 4—7 — на последней), но весьма гибким, легко контролируемым и управляемым органом. При этом работа чиновника в нем лишь косвенно влияла на его место в иерархии, поскольку каждый из тхам-тунгов и бой-тунгов в обязательном порядке имел пост в старом аппарате при дворе Поздних Ле, и, поощряя его за заслуги, тюа Чинь продвигал его именно по тем «старым»

должностям, от которых в первую очередь зависели его материальное благосостояние и предоставляемые почести. Зафиксированы многочисленные случаи, когда среди бой-тунгов появлялись лица, занимавшие относительно невысокие посты в официальном табеле о рангах, причем далеко не всем из них в дальнейшем удалось сделать карьеру. И наоборот, многие известные по хроникам чиновники, достигшие вершин на службе династии Ле, к работе правительства никогда не привлекались.

В связи с тем что впоследствии Чиней перестала удовлетворять деятельность традиционного гражданского аппарата, были созданы сначала три, а в 1718 г. шесть специализированных учреждений — фиенов, дублировавших соответствующие императорские министерства (Церемоний, Назначений, Военного, Судебного, Финансов и Общественных работ)²⁸. Эти фиены, в отличие от «правительства», вошли в официальную структуру госаппарата Поздних Ле. По численности они были меньше министерств, возглавляли их чиновники рангом значительно ниже министров, и тем не менее они стали играть главную роль в соответствующих областях государственной деятельности, окончательно оставив не у дел чиновников императорских министерств. В дальнейшем, вплоть до падения дома Чинь в 1788 г., структура гражданского аппарата в их владениях существенно не изменялась.

Перемены коснулись и военных структур во владениях Чиней. Активная борьба против других группировок, существовавших в Дайвьете, требовала от правителей Тханглонга (столицы Дайвьета) набора крупных армий, поэтому рекрутов только из провинции Тханьнге уже не хватало. В то же время наученные горьким опытом династии Поздних Ле Чини опасались появления самостоятельных военных структур в дельте Красной реки, которые неизбежно составляли бы оппозицию тханьнгесской знати, как это уже было в начале XVI в. С учетом этого, восстановив регулярную гвардию, набираемую в Тханьнге, они дополнили ее нерегулярными войсками равнинных районов севера, в которых несли службу обычные крестьяне призывных возрастов, поочередно сменяя друг друга. Подобные войска были боеспособны лишь непродолжительное время между сезонами интенсивных сельскохозяйственных работ (сев, жатва), что во многом определяло время начала военных компаний, а также тактику и стратегию, причем не только самих Чиней, но и их противников, в частности Нгуенов.

Подобная организация армий провинций дельты Красной реки, которые, как правило, находились под командованием выходцев из Тханьнге, препятствовала созданию здесь других военных родов, которые могли бы составить конкуренцию властвующей группировке. Впрочем, в отдельных случаях Чини были вынуждены идти на уступки. Так, с тем чтобы замирить провинцию Хайзыонг, феодалы которой постоянно восставали

против власти Тханглонга в борьбе за утраченные с падением Маков привилегии, Чини во второй половине XVII в. пошли на возвышение здесь противостоящего Макам военного рода Динь из уезда Камзянг в лице их лидера Динь Ван Та и предоставление ему и его роду широких военных полномочий в обмен на безусловную преданность²⁹.

Соотношение между реальной ролью военных и гражданских чиновников в управлении чиньскими владениями на протяжении XVII—XVIII вв. существенно менялось. В течение первых двух третей XVII в. военные, безусловно, доминировали. Именно под их давлением организовывались все новые и новые походы на юг, хотя возможность присоединения княжества Нгуенов военным путем уже тогда была весьма сомнительной. Под влиянием военных ведущие роли в правительстве Чиней играли те гражданские чиновники, которые выступали за продолжение боевых действий на юге и зачастую активно участвовали в них в качестве «стратегов» (тхам-мыу). Некоторые из них, например тхам-тунг Ву Зуи Ты, даже не имели серьезного конфуцианского образования и формально никак не могли претендовать на столь высокие посты, но все же назначались на них в угоду военным.

В этих условиях тюа Чинь Так (1657—1682), сознавая отсутствие у него права решающего голоса по многим кардинальным вопросам, попытался ограничить власть своего армейского окружения испытанным еще при Ле Ты Тхане методом — путем усиления позиций гражданского правительства. Сразу после последнего неудачного похода на юг в 1672 г. он решительно пошел на удаление из гражданского руководства проармейски настроенных элементов и на некоторое ограничение прав и полномочий самих военных.

Указанные мероприятия немедленно привели к открытому бунту столичной гвардии (1674 г.). Главный вдохновитель нововведений Нгуен Куок Кхой был убит, его сподвижник — Фам Конг Чы — лишился всего имущества и едва уцелел сам. Чтобы сохранить власть своего рода, Чинь Так был вынужден уже при жизни передать большинство своих полномочий своему сыну Чинь Кану (официально правил с 1682 по 1709 г.), возглавлявшему последний поход на юг и пользовавшемуся большим авторитетом у военных, а также возвратить на руководящие посты в гражданском аппарате уволенных «стратегов»³⁰.

Чинь Кан продолжил политику отца, направленную на усиление гражданского фактора в государстве, но проводил ее более осторожно и гибко. Реорганизацию аппарата он предварил раздачей новых должностей, титулов и привилегий армейской верхушке³¹, строго следил за удовлетворением всех потребностей столичной гвардии, а также стремился не затрагивать непосредственных интересов военных родов из Тханьнге. После таких мероприятий военные круги достаточно спокойно

восприняли повторное, на этот раз окончательное удаление от власти «стратегов»³², прекращение войн с Нгуенами, а также переход большинства полномочий, не связанных с деятельностью армии, в руки гражданских чиновников. В это же самое время на политическую арену в качестве самостоятельной силы вышли дворянские внухи, которые все чаще стали вмешиваться в политическую жизнь страны, причем именно в военную сферу. Лишь отдельные представители военных (чаще всего непосредственно из рода Чинь) пытались воспрепятствовать постепенному расширению полномочий гражданских чиновников и внухов. Но такие попытки носили характер заговоров узкого круга лиц и достаточно легко пресекались.

В целом деятельность Чинь Кана в историографии принято оценивать не слишком высоко, поскольку его немногочисленные и нередко противоречивые мероприятия, кажущиеся весьма далекими от реальных проблем, стоявших перед страной, не производят особого впечатления, особенно в сравнении с активными и целенаправленными реформами его преемника Чинь Кыонга (1709—1729). Между тем внимательное изучение политики Чинь Кана позволяет сделать вывод о том, что за ней скрываются четкая и однозначная линия на невмешательство в естественные процессы в обществе, отсутствие догматизма и приверженности к силовым методам, спокойное восприятие новых форм и явлений, возникающих в процессе социально-экономического развития страны. Принятое в 1669 г. накануне его фактического прихода к власти постоянное налогообложение вьетнамских общин, подтвержденное затем в 90-е годы, существенно облегчило жизнь зажиточным общинникам и богатым общинам в целом. Чинь Кан не принимал мер (особенно на начальном этапе своего правления) по ограничению негласного частного землевладения в рамках общин и созданию помещичьих усадеб вне их рамок. Он гибко реагировал на обострение обстановки в стране в связи со стихийными бедствиями, воздерживался от ведения масштабных войн и крупного строительства. В годы его пребывания у власти был принят ряд мер, направленных на ограничение злоупотреблений со стороны чиновников и облегчение жизни крестьян, в частности была проведена серия усовершенствований судебных процедур. Все это способствовало явному экономическому расцвету во владениях Чиней на рубеже XVII и XVIII вв., сопоставимому с «золотым веком» Ле Ты Тханя. Хотя данный факт отмечается некоторыми вьетнамскими хрониками³³, в современной исторической литературе он остался практически незамеченным. Между тем исследование вьетнамской эпиграфики³⁴ показывает, что период с 1694 по 1707 г. являлся одним из наиболее благополучных в истории страны.

Правнук и преемник Чинь Кана — Чинь Кыонг, фактически пришедший к власти еще при жизни прадеда в 1707 г. восемнадцати лет от роду, был активным реформатором и сторонни-

ком максимального влияния централизованного государства на ситуацию в стране. Будучи энергичным целеустремленным человеком, новый тьюа не только предлагал конкретные мероприятия в самых различных областях, но и добивался их безусловного выполнения³⁵. В первой серии реформ (1711 г.) он вознамерился «скорректировать искажения и ошибки», накопившиеся в обществе после «золотого века» Ле Ты Тханя и воссоздать его основу — сельскохозяйственную общину в том виде, в котором она существовала (вернее, какой она ему виделась) двести лет назад. Была сделана попытка вновь ввести контролируемые государством регулярные переделы земель и резко ограничить частное землевладение. Указанные мероприятия не учитывали реальной ситуации, сложившейся во вьетнамской деревне в начале XVIII в., и, несмотря на все усилия центральной власти, провалились, вызвав лишь повышение социальной напряженности и став наряду со стихийными бедствиями одной из косвенных причин катастрофического голода 1712—1713 гг. Но это не остановило Чинь Кьонга. В 1721—1725 гг. он проводит вторую серию реформ, причем меняет свой курс на противоположный: отменяет постоянное налогообложение, признает, но облагает налогами частные земли помещиков, существовавшие в рамках общин, и ведет решительную борьбу с поместным землевладением вне рамок общин. Эти меры вызывают отрицательную реакцию зажиточных слоев населения вьетнамского общества, что не способствовало его внутренней стабильности.

Чинь Кьонг проводил активные реформы и в административной сфере. Помимо уже упомянутого выше введения шести новых государственных органов — фиенов он в рамках продолжения политики своих предшественников Чинь Така и Чинь Кана предпринял ряд мер с целью еще большего укрепления позиций гражданских чиновников. При этом Чинь Кьонг мало учитывал интересы главной опоры дома Чинь — военных родов из Тханьнге. Так, в 1721 г. регулярные части стали набираться не только в Тханьнге, но и в провинциях дельты Красной реки. В том же году были введены экзамены, аналогичные гражданским конкурсам, на право занимать высокие военные должности. Их победителями (гао-ши) могли стать только те лица, которые помимо сдачи норм по специфическим армейским дисциплинам были в состоянии написать сочинение на военную тему³⁶. Это поставило под сомнение негласное право на передачу по наследству должностей в армии для большей части военных чиновников, большинство из которых по конфуцианским понятиям были малограмотны. Наконец, в 1726 г. Чинь Кьонг попыткался на самую главную привилегию военных из Тханьнге — на право иметь свои собственные дружины, призывав к немедленному их роспуску.

Оценивая в целом результаты активной реформаторской деятельности Чинь Кьонга, следует признать, что она вольно

или невольно способствовала существенному повышению напряженности в северодайвьетском обществе — недовольству широких слоев населения, сужению социальной базы центральной власти. Тем не менее реальный потенциал власти, заложенный в течение предыдущих десятилетий, был достаточно велик, и вплоть до конца своего правления Чинь Кьонг вполне контролировал ситуацию в стране.

Его преемник Чинь Зянг (1729—1740) не почувствовал надвигающегося кризиса, более того, значительно приблизил его. Резкое повышение государственных расходов при этом правителе, широкое дворцовое и храмовое строительство, фактический разрыв не только с военными родами, но и с лидерами гражданских чиновников, евнухами — все это резко обострило положение и в конце концов привело к социальному взрыву 40-х годов XVIII в. Замена Чинь Зянга его младшим братом Чинь Зоанем (1740—1767), за которым стояли военные не только из Тханьнге, но и из провинций дельты, и избиение евнухов в 1740 г. создали предпосылки для восстаний, продолжавшихся более десятилетия.

В исторической литературе начавшиеся в 40-х годах гражданские войны принято считать восстаниями крестьян, доведенных до отчаяния нищетой и голодом. Но, как представляется автору данной статьи, это не совсем так, и вот почему. Во-первых, Вьетнам в конце 30-х годов в экономическом отношении, как показывает исследование эпиграфики³⁷, находился в относительно благополучном положении по сравнению, например, с неурожайными 1712—1713 годами, когда от голода и болезней умерло несколько сот тысяч человек. Поэтому экономический спад 40—50-х годов является скорее следствием, чем причиной, гражданских войн. Во-вторых, крестьянские голодные бунты во Вьетнаме, как правило, были непродолжительными и плохо организованными. Во всяком случае, они не могли длиться более десяти лет. В-третьих, социальный состав восставших существенно отличался от социального состава, например, участников крестьянского восстания тайшонов (1771—1802) в Южном Вьетнаме, особенно на его начальной стадии. В отрядах восставших в 40-е годы были широко представлены, причем на ведущих позициях, обеспеченные слои населения провинций дельты Красной реки.

Уже на первых этапах в выступления против центральной власти включались целые группы общин в полном составе, а это в условиях Дайвьета характерно в первую очередь для феодальных мятежей. В ходе боевых действий стали проследживаться местнические тенденции — стремление создать собственные государственные образования на вполне конкретных территориях, совпадающих с территорией одной из четырех равнинных провинций дельты. Примечательно, что крупные региональные отряды восставших редко вступали в союзы между собой, что могло бы сыграть решающую роль в противостоянии

центральной власти, сфера действий этих отрядов в географическом отношении была достаточно узкой, и лишь поражения могли заставить их уйти со своих «исконных» территорий.

Обращает на себя внимание и тот факт, что ни одно из многочисленных движений на Севере страны в середине XVIII в., за исключением восстания в Тханьхоа под руководством предводителя императорской семьи Ле — Зуи Мата, не проходило под вполне очевидным, политически популярным и понятным для всех лозунгом восстановления реальной власти династии Поздних Ле, который мог бы стать важной консолидирующей идеей, способной сплотить значительную часть крестьян из самых различных уголков страны (позднее он был принят тайшонами). Руководители антиправительственных отрядов предпочитали действовать от своего собственного имени и при удобном случае немедленно объявляли себя либо князьями (куок-вьонгами), либо даже императорами.

Все сказанное выше позволяет предположить, что, несмотря на ведущую роль, которую, безусловно, играли крестьяне в этих войнах, по своей сути эти движения скорее всего носили не столько классовый характер, сколько отражали противоречия внутри господствующего класса (в основном его средних слоев). С одной стороны, выступали отстраненные от реальной власти феодалы дельты, с другой — длительное время занимавшие ключевые позиции в государстве феодалы более южных районов (Тханьнге). Об этом свидетельствует и тот факт, что местные гарнизоны в центрах выступлений, состоявшие из местных же солдат, фактически не оказали на начальном этапе серьезного сопротивления восставшим.

Регулярная гвардия Тханглонга в военном отношении несомненно превосходила мятежников, однако последние были многочисленнее, кроме того, выступления начались почти одновременно в целом ряде районов. В течение первых лет войн середины XVIII в. Чини терпели поражения, и только неумение восставших вести согласованные военные действия спасло тюа от быстрого краха. Стало очевидным, что только силами гвардии, состоявшей из южан, ситуацию изменить не удастся. Более того, ее активное участие в подавлении выступлений рассматривалось местным населением чуть ли не как иностранное вторжение и лишь подливало масло в огонь разгорающихся войн. В этих условиях Чини нашли единственно возможное решение — сделали ставку на немногочисленные верные им роды в провинциях дельты, сложившиеся после реформы Чинь Кьонга 1721 г., и переложили на их плечи основную тяжесть борьбы против мятежников. Но одновременно власти были вынуждены предоставить им невиданные ранее полномочия, фактически закрыть глаза на формирование в дельте Красной реки самостоятельных военных группировок, которые по силе ничуть не уступали группировкам из Тханьнге. Процесс этот проходил неоднозначно и болезненно и занял не один год. Тем не менее

он дал нужные Чиням результаты: к первой половине 50-х годов XVIII в. основные очаги восстаний в равнинных районах были ликвидированы.

Северодайвьетское княжество вышло из этих войн значительно более мощным в военном отношении. Отряды регулярных гвардейских войск из Тханьнге отныне дополнились не менее опытными и обученными регулярными войсками военных родов дельты, окончательно заменившими прежние «сезонные армии». Указанное обстоятельство во многом способствовало тому, что в 1774 г. северянам удалось реализовать мечту многих поколений правителей из дома Чинь — отобрать у Нгуенов, которые, впрочем, были серьезно ослаблены крестьянским восстанием тайшонов, основную часть занимаемой ими территории в Центральном Вьетнаме, включая столицу их владений город Фусуан.

В то же время новая расстановка сил внутри самого княжества Чиней делала его могущество достаточно сомнительным. Появление на исторической арене новых родов дельты, их претензии на достойное место у кормила власти, которые базировались на реальной экономической и военной мощи, не могли не породить сепаратистские тенденции, стремление добиться максимальной автономии. Напряженность возрастала также и в связи с тем, что представители старых военных родов из Тханьнге и их сторонники, составлявшие столичную гвардию, все больше выражали недовольство фактической ликвидацией их исключительных позиций и привилегий в обществе. Пока у власти находились многоопытные Чинь Зоань и Чинь Шама (1767—1782), обладавшие исключительным авторитетом в связи с подавлением восстаний и победой над Нгуенами и умевшие ловко лавировать в сложившейся ситуации, указанные противоречия носили в основном скрытый характер. Однако сразу после смерти Чинь Шама гвардейские столичные формирования подняли мятеж, свергли малолетнего наследника Чинь Шама — Чинь Кана (1782) и сторонников покойного правителя, собиравшихся проводить ту же политику лавирования, и выдвинули своего собственного ставленника Чинь Кхая (1782—1786), который, по их планам, должен был вернуть привилегии военной аристократии из Тханьнге.

Однако ситуация в стране была уже совершенно иной. Военные роды провинций дельты категорически воспротивились подобному обороту дел, и страна фактически распалась на отдельные владения, большинство из которых лишь формально подчинялись центральной власти. Хотя до крупных столкновений между ними дело так и не дошло, княжество Чиней существенно ослабло и оказалось неспособным к сопротивлению угрозе с юга со стороны созданного здесь на волне крестьянского восстания тайшонов нового государственного образования. Это послужило причиной того, что поход на север в 1786 г. относительно небольшой армии во главе с будущим императором

ром Нгуен Хуэ (1788—1792) в общем-то с локальными задачами привел к неожиданно быстрому падению Чиней. Серьезное сопротивление было оказано тайшонам лишь на южных границах владений Чиней, где на недавно отвоеванных у Нгуенов землях был расквартирован экспедиционный корпус из провинций дельты Красной реки. Отдельные военные группировки более северных районов при отсутствии сильной центральной власти так и не смогли договориться между собой и были без особого труда последовательно одна за другой разгромлены в течение менее чем одного года. Тайшоны, сами оказавшиеся неготовыми к подобному успеху, вскоре оставили большую часть захваченных территорий, формально предоставив их императору династии Поздних Ле, однако уже через два года они, вновь не встретив серьезного сопротивления, ликвидировали власть тьюа Чинь и императоров Ле, которым не смогла помочь даже спешно направленная сюда в 1789 г. армия цинского Китая.

Потрясения и войны XVIII в. еще раз продемонстрировали беспомощность гражданского аппарата в условиях активных военных действий. Как и в XVI в., он фактически не смог сыграть сколько-нибудь заметной самостоятельной роли в политических событиях в стране. По-прежнему главной задачей его представителей было вовремя определить сильного и встать на его сторону. Те из них, кто ошибался, дорого платили за свои ошибки. Так, во время войн 40—50-х годов некоторые гражданские чиновники встали на сторону восставших и подверглись репрессиям после подавления выступлений. Другие присоединились к последнему императору Поздних Ле — Ле Зуи Ки (1787—1788), эмигрировавшему в Китай. Однако большая часть представителей гражданского аппарата, как правило, не проявляла активности в политической жизни, безропотно подчиняясь власти тех сил, которые контролировали ситуацию в столице, будь то Чини, тайшоны или даже цинские завоеватели, временно оккупировавшие Тханглонг в 1789 г.

Во всяком случае, во вновь созданном государстве тайшонов (его исследование выходит за рамки данной статьи) административный гражданский аппарат практически полностью состоял из чиновников бывшего чиньского княжества, причем основная их масса, как это бывало и раньше, сохранила свои прежние посты. Лидеры военных группировок, кого бы они ни представляли, четко сознавали отсутствие серьезной опасности своим интересам со стороны гражданского аппарата, поэтому во все времена относились к нему достаточно снисходительно. Так, если представители побежденных военных кланов подлежали, как правило, безусловному и немедленному уничтожению (за исключением некоторых добровольно капитулировавших), то гражданские чиновники, за редким исключением, когда они открыто выступали против новых властей, не подвергались преследованиям. Более того, тех из них, кто

не хотел продолжать службу при новом режиме и находил для этого благовидные предлоги, отпускали из столицы и позволяли им жить, как они того захотят. Находившиеся у власти военные роды всегда знали, что угроза их положению может исходить только от таких же военных родов. История Вьетнама XV—XVIII вв. не знала случаев, когда серьезная и опасная оппозиция формировалась бы гражданскими чиновниками.

¹ *Nguyễn Canh Thi. Hoan Châu ký. Hã-nội, 1988.*

² *Hãm-giang Dinh tộc sinh vớđng hãnh trang th c lu* Библиотека Института общественных наук СРВ. А-2982.

³ Некоторые итоги изучения эпиграфики изложены в работах: *Федорин А. Л.* Особенности вьетнамской эпиграфики и некоторые проблемы ее изучения как исторического источника.— *История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии.* 1984, Ч. 2. М., с. 353—361; *он же.* Методика и некоторые результаты статистического анализа данных эпиграфики Вьетнама при изучении социально-политической истории.— *Количественные методы в изучении истории стран Востока.* М., 1986, с. 52—79.

⁴ *Д а й в е т* — самоназвание Вьетнама с 1010 по 1802 г. (с перерывом с 1407 по 1427 г.).

⁵ Здесь и далее все императоры Дайвьета названы своими собственными («табуированными») именами. В скобках приводятся их храмовые имена и период правления.

⁶ *Đại Việt sử ký toàn thư* (далее — *DVSKTT*). Т. 3. *Hã-nội, 1972, с. 34, 35, 38, 72.*

⁷ *DVSKTT. Т. 3, с. 81, 82, 91.*

⁸ *DVSKTT. Т. 3, с. 76.*

⁹ *DVSKTT. Т. 3, с. 74.*

¹⁰ *DVSKTT. Т. 3, с. 90, 106.*

¹¹ *DVSKTT. Т. 3, с. 88.*

¹² *DVSKTT. Т. 3, с. 85.*

¹³ *DVSKTT. Т. 3, с. 180.*

¹⁴ Подробно о соотношении буддийской и конфуцианской идеологии при Поздних Ле см.: *Nguyễn Duy Hinh. Hệ tú tử đởng Lê. — Nghiên cứu lịch sử.* 1986, № 6 (231), с. 42—52.

¹⁵ *DVSKTT. Т. 3, с. 100, 111.*

¹⁶ *DVSKTT. Т. 3, с. 130.*

¹⁷ *DVSKTT. Т. 3, с. 185.*

¹⁸ *Никитин А. В., Федорин А. Л.* О роли феодальных родов в истории Вьетнама (к постановке проблемы).— *Социальные группы традиционных обществ Востока.* Ч. 1. М., 1985, с. 115—124.

¹⁹ Подсчеты сделаны по данным *Dinh khiet Đại Việt lịch triều đởng khỏa lục.* Т. 1, *Saigon, 1961.*

²⁰ *DVSKTT. Т. 3, с. 174.*

²¹ Подробное изложение структуры власти в XV в. и позднее см.: *Le Kim Ngan. Đồ chức chửnh quẻđh trung đởng đởđi triều Lê Thánh-tỏng (1460—1497).* Saigon, 1963; *Антощенко В. И.* Система должностей и титулов во Вьетнаме в XV—XVIII вв. и отражение в ней структуры господствующего класса.— *Вестник Московского университета. Серия «Востоковедение».* 1990, № 1, с. 32—43; *Федорин А. Л.* Особенности развития гражданской и военной должностной системы во Вьетнаме в XVI в.— *Социальные группы традиционных обществ Востока.* Ч. 1. М., 1985, с. 146—164.

²² *Антощенко В. И.* Система должностей и титулов..., с. 42.

²³ См. примеч., п. 1.

²⁴ *DVSKTT. Т. 3, с. 190.*

²⁵ *Деопик Д. В.* Феодальный Вьетнам в середине XVII — середине XVIII в.— *Новая история Вьетнама.* М., 1980, с. 19—20.

²⁶ О превращении большинства Высших гражданских и военных долж-

ностей в чисто иерархические во владениях Чиней в XVI в. см.: *Федорин А. Л.* Особенности развития гражданской и военной должностной системы..., с. 150 и последующие.

²⁷ В. И. Антошенко в упоминаемой выше статье переводит этот термин как «чиновничье подворье» (с. 36). По нашему мнению, термин «правительство» (по аналогии с современным «тънь-фу») в большей степени отражает сущность этого органа власти в Дайвьете.

²⁸ **Lịch triều pháp** (далее — ЛТТК). Т. I. **Hà-nội**, 1978, с. 308.

²⁹ См. примеч., п. 2.

³⁰ DVSKTT. Т. 4, с. 331.

³¹ DVSKTT. Т. 4, с. 333.

³² DVSKTT. Т. 4, с. 334.

³³ ЛТТК. Т. I, с. 62.

³⁴ *Федорин А. Л.* Методика и некоторые результаты..., с. 60.

³⁵ Подробное изложение реформ Чинь Кыонга см.: *Деоник Д. В.* Феодальный Вьетнам..., с. 44 и последующие.

³⁶ **Lê triệũ tao si dang khóa** ၂၄. Библиотека Института общественных наук СРВ. VhV-1311, с. 20а—20b.

³⁷ *Федорин А. Л.* Методика и некоторые результаты..., с. 61.

С. В. Кулланда

ДРЕВНЕЯВАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО
И ПРОБЛЕМА «ДЕСПОТИЗМА» В РАННИХ ОБЩЕСТВАХ

В Азии были и есть монархии, где власть государя умеряют некоторые основополагающие установления. Хотя законодательного органа, следящего за их соблюдением, и не существует, залогом уважения к ним служит мнение общества, в котором каждый — воин.

Томас Маколей

Мысль о том, что деспотизм возможен лишь на определенном, достаточно высоком этапе развития общества и специализации общественных функций, была, как явствует из предпосланной статье эпитафия, очевидна для многих исследователей как минимум полтора столетия назад. Ниже на материалах раннесредневековой Явы предпринимается попытка определить условия, необходимые для создания предпосылок формирования деспотической власти, и, напротив, особенности общественного строя, препятствующие этому процессу. Одним из таких условий следует считать наличие в государстве многочисленного и постоянного профессионального войска и соответственно меньшую роль народного ополчения. История, в частности история Древнего Востока, показывает, что во всех тех обществах, где основной военной силой оставался вооруженный народ, например у хеттов, власть была вынуждена считаться с мнением народа. В противном случае она подвергалась опасности, от которой не всегда могло выручить регулярное войско.

Каким же было соотношение народа-войска и постоянной дружины на раннесредневековой Яве? Хотя от этого периода осталось слишком мало письменных источников (литературные произведения на индийские сюжеты либо эпитафические памятники — в основном тарханские грамоты), все же можно составить достаточно точное представление об особенностях социальной структуры и социально-политическом устройстве древнеяванского общества и государства. Древнеяванское государство было очень небольшим, если не сказать маленьким, по размерам, что в данном случае немаловажно. Основой социальной структуры раннего яванского общества была земле-

дельческая община — вануа (waua), являвшаяся не только структурообразующим элементом общества, но и основной административно-территориальной и фискальной единицей.

Община-вануа была для ее членов тем миром, в котором они жили (любопытно провести аналогию с общеславянским *пгѣ*, обозначающим не только общину, но и космос). Это, в общем-то, универсальное для различных культур представление явно восходит к праавстронезийской эпохе. Праавстронезийское *waua, к которому восходит древнеяванское слово, явно возникло для обозначения как социума, так и места его обитания и всего, что доставляет ему средства к жизни и постоянно его окружает. Об этом можно судить по таким рефлексам, как сангирское waua, имеющее значение «земля», «округ», «люди», «море», «погода», ниасское waua — «небо», «гром», «деревня», «родина». Особенно показательны в этом отношении ибанское *тепоа/тепуа* — «земля определенной общины, включая дома, поля, сады и огороды, кладбище, источники воды, а также окружающий лес на расстоянии, которое можно пройти за полдня пути»¹. Семантику ибанского слова уместно сопоставить с определением древнеяванского документа: [ala]snya tgalnya luhnya ring lbak ring hunur sapinasuk ni lmaḥ nika-pang waua — «[ле]са, луга, реки, [все, находящееся] в долинах, на холмах — все это земли этой общины» (надпись *Varāhāśgata*, дата утрачена, время правления Дакши, между 910 и 919 гг., стк. 4).

О том, что община была внушительной единицей, свидетельствует хотя бы то, что несколько общин, тяготеющих к одному центру, составляли следующую административную единицу, восходящую к традиционному княжеству. Количество общин, составлявших княжество, было явно невелико: в период расцвета раннесредневекового центральнояванского государства, в 863 г. н. э., правителю княжества Валаинг (явно не самого захудалого, поскольку за несколько поколений до описываемого времени тогдашний властитель этого княжества был и царем объединенного центральнояванского государства) было подвластно всего восемь (а при ином прочтении — даже семь) общин (надпись *Wikiran (Pegeng)*, 863 г.)². Впрочем, и на этом примере видно, что основной единицей оставалась община, границы которой были практически неизменны, в то время как границы довольно аморфной области-княжества постоянно менялись. Как правило, вхождение в состав более крупного объединения определяется в эпиграфике как подчинение (*watak*) нескольких общин одной, наиболее влиятельной.

Сравним под этим углом зрения упоминание об одном и том же лице в трех разных надписях. В первой некто Пу Дапит упоминается как правитель (*samgat*) местности Вадихати, член общины Пандамуан, подчиняющейся (*watak*) общине Вадихати (надп. *Kayu Aga Hiwang*, 901 г., стк. 9). Во втором случае тот же Пу Дапит — правитель местности Айям Теас

(надпись Kasugihan, 907 г., Verso, стк. 3). Еще через три года в документе называется тот же Пу Дапит, житель общины Пандамуан, уже не занимающий должность правителя Айям Теас (правителем Айям Теас назван другой), и его община вновь подчиняется общине Вадихати (надпись Taji Gupung, 920 г.). Отсюда следует, что термин watak означал отнесенность нескольких общин к одной, центральной, где находилась резиденция правителя (сравним средневековые русские деревни, тяготеющие к селу, где находилась помещичья усадьба). При назначении его на другую должность (или просто смене местопребывания) менялось и название управлявшейся им административной единицы (а возможно, изменялись и ее границы).

Интересную параллель представляет ситуация в России XV—XVI вв., где основной территориальной единицей был уезд, делившийся на станы и волости. Границы уездов, восходившие к рубежам княжеств, были, в отличие от границ волостей и станов, изменчивы: «Границы уездов зачастую менялись, и тогда отдельные станы и волости целиком передавались из одного уезда в другой. Некоторые станы временно превращались в особые уезды, но затем снова оказывались лишь станами. Так, Микулинский стан Тверского уезда назывался стан Микулинский уезд... Оболенский уезд иной раз выступал как стан то Серпуховского, то Малоярославецкого, то Тарусского уездов»³.

Роль сельских общин подкреплялась высоким статусом общинников. Древнеяванские общинники звались апак wapa — «человек (или дитя) общины». Судя по устойчивым словосочетаниям других австронезийских языков, например tau fapa в самоанском, au fapa в са'а (Соломоновы острова) (во всех случаях второй компонент сочетания восходит к рассмотренному выше праавстронезийскому *wapa, первый означает «человек», в древнеяванском также «дитя»), подобные конструкции применялись для обозначения всех соплеменников (именно это значение сохранили океанийские языки). Впоследствии, когда социальная стратификация усложнилась, показатель принадлежности к общине стал доступен уже не для всех членов социума, а лишь для тех, кто считался полноправным.

Слово wapa приобрело более специализированное значение «крестьянская община»; при этом древнеяванский детерминатив обозначал не только крестьян-общинников, но и чиновников, священнослужителей, князей, став общим социальным знаком всех полноправных членов общества, от крестьян до высшей аристократии (в то время как к неполноправным — ремесленникам, торговцам и др.— это понятие не применялось). Таким образом, любой полноправный член древнеяванского общества должен был считаться (и, очевидно, считался, хотя в письменных документах об этом упоминается не всегда), независимо от титула и должности, членом вполне конкретной

крестьянской общины, включаясь тем самым в систему социальных отношений, а детерминатив *apak wapa* имел и престижное значение⁴.

Нельзя не вспомнить и еще об одном пути воздействия общины на внеобщинные структуры. Для этого нам придется обратиться и к более поздним событиям яванской истории, а именно к эпохе империи Маджапахит, существовавшей в конце XIII — начале XVI в. Оформившийся в эпоху Маджапахита привилегированный слой профессиональных воинов — панджи (*pañji*), которых условно можно сравнить с европейскими дворянами — недаром герои популярных малайских и яванских сказаний о панджи во многом напоминают европейских странствующих рыцарей, — был, очевидно, генетически связан с общинной верхушкой. Дело в том, что и старейшины яванских общин конца I — начала II тысячелетия н. э., и, спустя несколько столетий, панджи имели помимо личных имен прозвища (*kasir-kasir*) — название животного с каким-либо эпитетом: Лучший Бык (*Lembwagra* — из *Lembu Agra*), Крепкий Олень (*Mañjangan Puguñ*) и др., которые, видимо, вызовут у читателя ассоциации с именами североамериканских индейцев. Такого рода система почетных прозвищ проникла в эпоху Маджапахита на самый верх социальной иерархии: имена известнейших исторических деятелей XIV в., при которых Маджапахит достиг наивысшего могущества, монарха и его канцлера — соответственно Хайям Вурук (Молодой Петух) и Гаджах Мада (Распаленный Слон) — суть *kasir-kasir*⁵.

Гипотеза о связи *kasir-kasir* и *pañji* подтверждается тем обстоятельством, что первое значение и *kasir-kasir* и *pañji* — некая инсигния (в том числе в виде животного), воинский знак отличия. Относительно слова *pañji* об этом свидетельствуют слова родственных языков: тоба-батакское *pañjirañji* — «украшение из перьев, плюмаж», малайское *pañji* (*pañji*) — «знамя, флажок», тагальское *pañdirañdi* — «флажок» и др. Относительно *kasir-kasir*, как будто не имеющего прямых аналогий в родственных языках, это предположение доказывается примерами из древнеяванских памятников: *watèk agalah salakṣa ng akasir-kasir ajagan arès* — «десятитысячный отряд копыеносцев со значком [в виде] устрашающего коня» (Смарадахана, 30. 4)⁶.

В военной деятельности участвовали не только определенные слои общинников, но и целые общины. Все боеспособные общинники были одновременно воинами, и община представляла собой достаточно внушительную военную силу. Это проявлялось, в частности, в том, что иногда на общины возлагались военные функции, например охрана границ: в надписи *Сапе* (1021 г.) упоминается о службе пленов общины Чане «в качестве западных пограничников» (*pañaka pañi kulwan*). В данном случае статус общинников Чане был, очевидно, подобен статусу чешских ходов (субэтническая группа, обитающая на западных границах Чехии, в районе г. Домажлице), традицион-

но занимавшихся помимо крестьянского труда охраной границ и имевших за это право на определенные льготы.

Более того, отдельные общины участвовали самостоятельно в политической борьбе во время междоусобиц: община Вуатан Тиджа не побоялась дать приют бежавшему после дворцовой интриги сыну махараджи Локапалы (надпись Wwatan Tija (Manggang), 880 г., Museum Fragment), община Бару оказала такую же услугу махарадже Аирлангге во время его борьбы за власть над Явой, когда исход этой борьбы был еще далеко не ясен (надпись Baru (Simpang), 1030 г.).

Особенно показателен в этом отношении случай, происшедший в 1292 г., когда принц Раден Виджайя, будущий махараджа Кертараджаса Джайвардхана, разбитый войсками узурпатора Джайякатванга, преследуемый (biniru от biru — «охотиться») врагами, с оставшимися при нем 12 людьми был укрыт в общине Кудаду. Старейшины снабдили его и его спутников продовольствием и помогли переправиться на о-в Мадуру (надпись Kudadu (Gunung Butak), 1294 г.). Как явствует из изложенного, Раден Виджайя был не в силах заставить общинников оказать ему помощь, следовательно, эта помощь, не сулившая каких-либо выгод (вряд ли кто-то мог предполагать, что на Яве высадится монгольский экспедиционный корпус, с помощью которого Раден Виджайя отвоеует престол) и, напротив, чреватая столкновением с правительственными войсками, оказывалась добровольно. Следовательно, община могла позволить себе вступить в конфликт с центральной властью.

Активная роль рядового свободного населения в политической жизни и, как следствие, ограниченность произвола власти отнюдь не были специфически яванским явлением. О тех же особенностях социально-политического устройства свидетельствуют и примеры других ранних обществ, в частности Киевской Руси. «В социально-политической жизни Киевской Руси народ играл весьма активную роль. В отношениях древнерусских князей с народными массами („людьми“) мы не находим ничего похожего на абсолютное господство, с одной стороны, и полное подчинение — с другой. „Люди“ — довольно самостоятельная политическая сила, способная заставить князей и знать считаться с собой. В своих политических планах и комбинациях князя Древней Руси не могли игнорировать народ, а тем более — идти ему наперекор»⁷.

Такое положение определялось прежде всего тем обстоятельством, что все свободные были в древнерусском государстве воинами. Даже «робичичу», незаконному сыну, прижитому от рабыни, полагалось в виде доли наследства выделить коня и доспехи, т. е. обладание оружием было правом и обязанностью любого свободного⁸. Земское ополчение во главе с собственными воеводами самостоятельно, без помощи княжеских дружин, отражало набеги чужеземцев. Показательно в этом отношении сообщение Ипатьевской летописи о том, как «Ляхо-

ве воеваша у Берестья по Кросне и взяша сел десять, и поидоша назад. Берестьяни же, собрашася и гнаша по ним, бяшетъ бо Ляхов двесте, а Берестьян 70, бяшетъ бо у них воевода Тит, везде словыи мужьством на ратех и на ловех, а тако угонивъше е и бишася с ними... победиша Берестьяне Ляхы»⁹. О том, что земское ополчение являлось основной силой древнерусского войска, свидетельствует и тот факт, что в древнерусском языке слово «область» означало и административно-территориальную единицу, и войско: например, в списке XIV в. древнерусского перевода Библии обычное словосочетание «воевода вои его» («военачальник») (Бытие XXI, 22) приведено в форме «воевода области его», т. е. греческому $\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$ «войско» (в выражении $\tau\eta\varsigma \delta\upsilon\nu\alpha\mu\epsilon\omega\varsigma \alpha\iota\tau\omicron\upsilon\theta$ — «его войска») соответствует древнерусское «область»¹⁰.

Хотя древнерусским войском, как правило, предводительствовал князь, вои-простолюдины могли действовать в битвах и самостоятельно, против княжеской воли. Например, в 1093 г. киевское ополчение, вопреки увещаниям Владимира Мономаха, настояло на переправе через р. Стугну и вступило в битву с половцами.

Сила народного ополчения предопределяла и высокую социальную активность рядовых свободных, и их значительное влияние на государственные дела. Вооруженный народ всегда мог одолеть сравнительно немногочисленную княжескую дружину. Так, в 1159 г. полочане восстали против своего князя Ростислава, истребили его дружину, и сам князь едва спасся, предупрежденный своим детским. В 1157 г. Юрий Долгорукий, умирая, завещал Ростово-Суздальское княжение своим сыновьям Михаилу и Всеволоду, но «Ростовци и Суздальци, здумавшие вси, пояша Андрея, сына его старейшаго, и посадиша и в Ростове на отни столе и Суздали, занеже бе любим всеми за премногую добродетель»¹¹. О периодическом изгнании из Новгорода неугодных строптивых князей и говорить нечего.

Выше уже приводились некоторые примеры типологического сходства древнеяванского и древнерусского обществ. Эти материалы показывают, что отсутствие условий для деспотического правления можно считать одной из таких параллелей.

В поисках аналогий можно обратиться к истории средневековых обществ Северо-Западной Европы (Скандинавские страны, Англия) конца I — начала II тысячелетия н. э., где также все рядовые свободные были одновременно и воинами. В англосаксонской Англии крестьяне-керлы имели право участвовать в судебных сходках и в ополчении, в борьбе с датчанами участвовали все «люди страны» (*landleode*)¹². В Скандинавии свободные земледельцы—бонды были обязаны иметь вооружение (*folkvarn* — «народное оружие»), включавшее даже для наименее состоятельных меч, копье и щит (а для более зажиточных также панцирь и шлем), и являться «с копьем и мечом» (*med odde oc eggin*) на сходы¹³. Да и дружины викингов назывались

просто lid — «люди»¹⁴. Как ни стремилось государство заменить крестьянское ополчение профессиональным войском, в некоторых странах, в частности в Норвегии, сделать это так и не удалось. Показательно, что именно в Норвегии противодействие усилению королевской власти проявилось особенно сильно: в результате восстаний биркебейнеров в конце XII в. была свергнута правящая династия.

С регулярным функционированием народного ополчения связана важная закономерность. В войско одновременно призывались далеко не все боеспособные мужчины. Подсчеты, сделанные на скандинавском материале, показывают, что в военных действиях должен был участвовать максимум каждый четвертый, способный носить оружие¹⁵. Участие в военных походах было тяжелым бременем для крестьянства, именно поэтому в большинстве обществ крестьяне предпочитали поступиться и этим, и многими другими гражданскими правами ради сохранения благосостояния. Существование традиционной социальной организации, где основную роль играл народ-войско, было возможно «до тех пор, пока сохранялось единство большесемейного коллектива» и «глава семьи и его взрослые сыновья имели возможность сочетать производственную деятельность с исполнением общественных обязанностей. Без ущерба для домохозяйства бонд мог уходить на войну... посещать судебные сходы — дома оставалось достаточное количество рабочих рук»¹⁶.

Эта закономерность действовала и на древней Яве. Все древние и современные яванские обозначения понятия «семья» указывают на существование в конце I тысячелетия н. э. большой патриархальной и не нуклеарной (малой) семьи: так, древнеяванское *raḥulupaṅ* — «семья» образовано, как и латинское *familia*, от слова со значением «раб», т. е. в число домоладцев включалась, как и в Риме, челядь; заимствованное же из санскрита слово *kula*, и в санскрите обозначающее отнюдь не нуклеарную семью, в яванском всегда употребляется в составе сложного слова, где уточняется за счет понятия, имеющего более широкое значение: *warga* — «множество, группа» (*kulawarga*), *gotra* — «агнатическая группа» (*kulagotra*) и т. п.

Вряд ли вызывает сомнения тот факт, что существование народа-войска было присуще большинству обществ на определенном этапе развития. Для того чтобы подтвердить это документально, обратимся к материалам сравнительно-исторического языкознания. В реконструируемом индоевропейском языке, как и во многих его древних языках-потомках, не существовало различий между понятиями «народ» и «войско»: к индоевропейскому **laH(ṛ)* восходят и хеттское *laḥḥa* — «поход», и греческое гомеровское *ἰαβ*; — «народ», во мн. ч. «рать, войско». Точно так же к одному архетипу **teut-* восходят и слова со значением «войско» (хеттское *tuzzi*—*id*); и слова со значением «народ» (готское *piuda*, литовское *tautà*)¹⁷. Весьма по-

казательно в этом отношении древнеперсидское *kāra*, родственное немецкому *Heer* — «войско», литовскому *kāras, kārė* — «война»; древнеперсидское слово означало одновременно и «войско», и «народ», причем в ситуации, когда речь никоим образом не могла идти о вооруженном народе. Достаточно сравнить употребление этого слова в двух надписях царя Дария — Бехистунской и строительной надписи из Суз: *adam: kāram: Parsam: utā: Mādam: frāišayam: avaθāšām: aθaham: paraitā: kāgam: hamiçiyam:... jatā* — «я послал персидское и мидийское войско (*kāra*)... так им сказал: идите, мятежное войско (*kāra*)... истребите» (DB II, стк. 81—84); *utā: taya: BU: akaniya: fravata: utā: taya: θikā: avaniya: utā: taya ištiš: ajaniya: kāra: hya: Bābiruviya: hauv: akunauš* — «и то, что земля была выкопана, и то, что бут был заложен, и то, что кирпич сформован,— все это сделал вавилонский народ (*kāra*)» (DSf, стк. 28—30) ¹⁸.

Вместе с тем поголовная вооруженность народа и связанная с этим роль народного ополчения сохранились и в более развитых обществах даже на исходе средневековья. В Англии и после нормандского завоевания ополчение свободных земледельцев—*йоменов* оставалось ударной силой английского войска. Не говоря уже о том, что это — общее место в художественной литературе (вспомним хотя бы Киплинга: «*A hard-bitten, South-country poacher makes the best man-at-arms you can find*» — *Norman and Saxon*), всем памятны успехи английского ополчения в борьбе с французскими рыцарями во время Столетней войны, когда пехотинцы и лучники-*йомены* принесли англичанам победу в битвах при Креси, Пуатье и Азенкуре.

Выдающийся британский историк Томас Маколей писал, что нет ничего ошибочнее, чем считать европейских королей XIV—XV вв. неограниченными, абсолютными монархами. Они не обладали ни значительными средствами (а новые налоги могли вводиться только с согласия парламента), ни многочисленной постоянной армией. Зато рядовые свободные граждане были одновременно солдатами, возвращавшимися к своим мирным занятиям после непродолжительных кампаний. «Дома солдат учился ценить свои права, в походе — защищать их... Армия, ныне самое мощное орудие исполнительной власти, была в то время самым мощным ограничением этой власти» ¹⁹.

Это положение изменилось, когда военное дело стало профессиональным искусством и большинство населения в силу чисто экономических причин устранилось от несения военной службы. Но даже в XVI в., как отмечал тот же Маколей, английских королей из династии Тюдоров вряд ли можно было считать, вслед за Юмом, абсолютными государями. Находясь в их распоряжении войско было неспособно с численностью воинов, которое мог выставить почти любой шир. Когда возникла угроза нападения Непобедимой Армады, жители Лондона выставили за свой счет 30 полностью снаряженных кораб-

лей и 10 тыс. человек²⁰. Естественно, что в своей политике Тюдоры должны были считаться с народом. Они часто были жестоки к своим подданным, могли, как Генрих VIII, казнить собственных жен, разгонять парламент, но эти действия им легко прощались. «Казни и всевозможные злодеяния, совершаемые верховной властью над отдельными личностями или даже фамилиями, очень редко возбуждают негодование народной громады и еще реже могут довести ее до каких-либо действий, имеющих смысл угрозы и опасности для верховной власти. Совсем иною заявляет себя та же видимо-безгласная громада, если ее постигнет такая беда, которая в равной степени будет поражать каждого, принадлежащего к ней. Тогда негодование народа при первом удобном случае может разразиться бунтом»²¹. Эти наблюдения над русской историей XVI в. находят подтверждение в истории Англии примерно того же времени. Англичане, вполне возможно, даже гордились необузданным нравом своих владык, но и такие сильные и своенравные правители, как Генрих VIII и Елизавета I, под давлением народа вынуждены были отказываться от введения новых налогов и монополий. Ни Генрих, ни Елизавета не смогли бы ввести непопулярный налог, задевающий интересы всего населения подобно печально известной французской *gabelle* XVIII в., принудительному косвенному налогу на соль.

Итак, имеющиеся материалы, по мнению автора, позволяют утверждать, что необходимым условием установления деспотического режима является сравнительно высокий уровень общественного развития, который влечет за собой специализацию общественных функций, появление регулярной профессиональной армии и лишение большинства народа права и обязанности выступать с оружием в руках на защиту страны. В каких обществах возможна такая специализация? Народ как совокупность людей, носящих оружие, что явствует из приведенных выше этимологических данных, явление древнее, тесно связанное с первичной формацией. Следовательно, лишение большинства народа воинских прав и обязанностей было осуществимо лишь в тех обществах, где разрыв с традицией был наиболее ощутим. Таковыми явно не были общества, перешедшие ко вторичной формации под влиянием соседних, более развитых социумов: в них традиционная структура подверглась меньшим изменениям, поскольку заимствовались новые институты, изначально чуждые традиционным. Новая культура передавалась через новые институты, в то время как старые могли без особых изменений функционировать и в новых условиях²². В то же время в обществах, которые прошли тот же путь относительно самостоятельно, трансформация традиционной структуры обязательно должна была оказаться более ощутимой, поскольку новые отношения и институты возникали путем эволюции традиционных. В порядке спекуляции можно предположить, что недаром о деспотии с той или иной степенью вероятности мож-

но говорить лишь применительно к обществам, где, как в месопотамском, внешние воздействия были выражены слабее, чем, скажем, в хеттском или иранском, не говоря уже о прочих рассматривавшихся выше «варварских» обществах.

¹ *Blust R. Lexical Reconstruction and Semantic Reconstruction: The Case of Austronesian «House» Words.*— *Diachronica*. 1987, vol. IV, P. 1/2, с. 93—101.

² См. также: *Casparis J. G. de. Prasasti Indonesia II. Selected Inscriptions from the 7th to the 9th Century A. D.* Bandung, 1956, с. 340—343; *Damais L. Ch. Bibliographie indonésienne III.*— *Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient*. Т. 58, fasc. 2, P., 1968, с. 496—500.

³ *Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.).* М., 1985, с. 27.

⁴ *Куланда С. В. Принадлежность к общине как социальный знак (на материале древней Явы).*— Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979.

⁵ *Pigeaud T. G. T. Java in the Fourteenth Century. A Study in Cultural History. Vol. 4. The Hague, 1962, с. 403.* В XV в. *kasir-kasir* в описанной форме выходит из употребления. Сам термин сохраняется несколько дольше, но уже в значении «одно из личных имен, прозвание», без жестко заданной формы: так, в позднем памятнике «Параратон» (24.30) упоминается — *...ratu... aran tuhan janaka kasirkasir šgī marmadewa bhiseka sirāji mantrolot* — «царь... по имени тухан Джанака, по прозвищу (*kasir-kasir*) Шри Мармадэва, тронное его имя — аджи Мантролот».

⁶ *Zoetmulder P. J. Old-Javanese-English Dictionary. The Hague, 1982, vol. 1, с. 815—816.*

⁷ *Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории.* Л., 1980, с. 149.

⁸ Там же, с. 196.

⁹ Цит. по: там же, с. 209.

¹⁰ *Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам.* Т. 2. СПб., 1902, стлб. 517; см. также: *Фроянов И. Я. Киевская Русь, с. 207* (с литературой).

¹¹ Цит. по: *Фроянов И. Я. Киевская Русь, с. 177.*

¹² *Гуревич А. Я. Становление английского крестьянства в донормандский период.*— *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма.* Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М., 1985, с. 279—280, 288.

¹³ *Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки.* Л., 1985, с. 53—54 (с литературой).

¹⁴ *Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии.* М., 1967, с. 130.

¹⁵ *Лебедев Г. С. Эпоха викингов, с. 15* (с литературой).

¹⁶ *Гуревич А. Я. Формирование крестьянства в Скандинавских странах (IX—XIII вв.).*— *История крестьянства в Европе, с. 304.*

¹⁷ *Гамкрелдзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы.* Тб., 1984, с. 740—741, 749.

¹⁸ *Kent R. Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. New Haven (Connecticut), 1953, с. 122, 143.*

¹⁹ *Macauley, lord. Hallam's Constitutional History.— Historical Essays. London—Glasgow, [б. г.], с. 103.*

²⁰ *Macauley, lord. Burleigh and His Times.— Historical Essays, с. 242.*

²¹ *Костомаров Н. И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного.*— *Костомаров Н. Исторические монографии и исследования.* Кн. 1. М., 1990, с. 52.

²² Подробнее о механизме заимствования и его роли в переходе к новому типу культуры и общества см.: *Куланда С. В. К восприятию индийской культуры в Индонезии.*— *Древний Восток. Этнокультурные связи.* М., 1988, с. 333—339.

CONTENTS

Introduction	3
Theoretical Aspects	
<i>Yu. V. Pavlenko.</i> Man and Political Power in the East	26
<i>R. M. Nureyev.</i> The Asian Mode of Production as an Economic System	62
<i>E. S. Kulpin.</i> The Traditional East: Stability Factors	88
<i>K. Z. Ashrafyan.</i> On the "Oriental Despotism"	115
<i>L. S. Vasilyev.</i> Traditional East and Marxist Socialism	143
Aspects of Actual History	
<i>S. V. Volkov.</i> The Social Status of the Service Class in the Far Eastern Despotism	177
<i>N. N. Kradin.</i> The Structure of Political Power in the State Formations of Nomadic Population	192
<i>P. B. Golden.</i> The Khazar's State and Statehood: the Rule of Khazar Kagans	211
<i>N. A. Ivanov.</i> The Structure of the Shari'a Power and the Economic Administration in the Ottoman Empire, 16th-17th Centuries	234
<i>S. F. Oreshkova.</i> The Osman State Structure: the Problem of Remuneration in Money and Land Grants	262
<i>A. A. Bokshchanin.</i> An Essay in the History of State Institutions in the Chinese Empire	273
<i>O. Ye. Nepomnin.</i> The Transformation of the Chinese Despotism in the First Half of the 20th Century	334
<i>A. P. Fedorin.</i> The State Machinery and the Political Power System in North Vietnam in the 15th-18th Centuries	362
<i>S. V. Kullanda.</i> The Ancient Javanese State and the Problem of "Despotism" in Early Societies	381

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Теоретические аспекты	
Ю. В. Павленко. Человек и власть на Востоке	26
Р. М. Нуреев. Азиатский способ производства как экономическая система	62
Э. С. Кульпин. Традиционный Восток: факторы стабильности	88
К. З. Ашрафян. К вопросу о «восточном деспотизме»	115
Л. С. Васильев. Традиционный Восток и марксистский социализм	143
Конкретно-исторические аспекты	
С. В. Волков. Социальный статус служилых слоев в дальневосточных деспотиях	177
Н. Н. Крадин. Структура власти в государственных образованиях кочевников	192
П. Б. Голден. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов	211
Н. А. Иванов. Организация шариатской власти и административно-хозяйственного аппарата в Османской империи XVI—XVII вв.	234
С. Ф. Орешкова. Османская государственная структура: проблема жалованья и пожалований	262
А. А. Бокщанин. Очерк истории государственных институтов в китайской империи	273
О. Е. Непомнин. Трансформация китайской деспотии в первой половине XX в.	334
А. Л. Федорин. Государственный аппарат и система власти в Северном Вьетнаме в XV—XVIII вв.	362
С. В. Кулланда. Древнеяванское государство и проблема «деспотизма» в ранних обществах	381

Научное издание

ФЕНОМЕН ВОСТОЧНОГО ДЕСПОТИЗМА: Структура управления и власти

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Зав. редакцией *И. М. Дижур*. Редакторы *И. Д. Егорова, Н. Н. Фоменко, А. А. Кожуховская, Г. О. Ковтунович*. Младший редактор *Н. Н. Комарова*. Художник *И. А. Клейменова*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *Г. А. Никитина*.
Корректоры *М. С. Ефимова, Р. Ш. Чемелис*

ИБ № 17249

Сдано в набор 03.07.92. Подписано к печати 02.02.93. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 24,5. Усл. кр.-отт. 24,75. Уч.-изд. л. 28,44. Тираж 1100 экз. Изд. № 7419. Зак. № 278. «С»—1

ВО «Наука». Издательская фирма «Восточная литература»
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография ВО «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

270 =

ФЕНОМЕН ВОСТОЧНОГО ДЕСПОТИЗМА

структура
управления
и власти

Что такое государство — едва ли не самый важный из политических институтов в истории человечества, каковы его сущность, структура и функции? Эти и связанные с ними вопросы интересовали людей и в древности, и в годы средневековья, и в новое, и в новейшее время. Единодушного ответа на них никогда не было и нет.

Отличия восточной государственности от западной отмечались во все времена — круг проблем, связанных с анализом государства, не мог не включать проблему восточного деспотизма, который со времен Геродота и Аристотеля противопоставлялся свободному государству.